

ВЕТЕР ПЕРЕСТРОЙКИ — 2022

Сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г.

Санкт-Петербург
2023

УДК 94(47)+94(470)
ББК 63.3(2)634+63.3(2)64
В39 вет

Редакционная коллегия: *А. Д. Матлин* (отв. ред. СПб ГУАП); *Р. Ф. Галиев* (СПбГУ); *А. А. Голдовский* (ГМПир); *В. С. Халимочкин* (СПбГУ); *П. А. Шашонков*

Рецензенты: д-р ист. наук, проф. *М. Ф. Полюнов* (СПбГУ); д-р ист. наук, проф. *А. С. Пученков* (СПбГУ); д-р ист. наук, проф. *Е. А. Ростовцев* (СПбГУ); д-р полит. наук, проф. *А. Ю. Сунгуров* (НИУ ВШЭ); д-р ист. наук, проф. *А. И. Миллер* (ЕУСПб); д-р филос. наук, доц. *А. В. Смирнов* (СПбГУ); д-р ист. наук, доц. *Е. Н. Чернолуцкая* (ИИАЭ ДВО РАН); д-р ист. наук *Д. А. Левчик*; канд. филол. наук, доц. *К. Б. Егорова* (СПбГУ); канд. ист. наук, доц. *А. М. Иванов* (Смолен. фил. РАНХиГС); канд. ист. наук, доц. *В. В. Калиновский* (СПбГУ); канд. искусствоведения, доц. *Е. С. Кащенко* (СПбГУ); канд. ист. наук, доц. *В. Б. Лобанов* (СЗФ РГУП); канд. ист. наук, доц. *Ю. Л. Михайлова* (ИВИ РАН, ГАУГН); канд. ист. наук, доц. *Ю. С. Никифоров* (ЯГПУ); канд. ист. наук, доц. *Д. В. Овсянников* (СПбГУ); канд. ист. наук, доц. *Л. К. Рябова* (СПбГУ); канд. ист. наук, доц. *Л. В. Сидоренко* (СПбГУ); канд. ист. наук, доц. *А. С. Сухорукова* (РГПУ им. А. И. Герцена); канд. ист. наук, доц. *Р. А. Ялышев* (ЛЭТИ); канд. ист. наук, ст. научн. сотр. *И. В. Петров* (СПбГУ); канд. ист. наук, ст. научн. сотр. *В. С. Кан* (ИИ АН РТ); канд. ист. наук, ст. преп. *П. А. Васильев* (НИУ ВШЭ); канд. филос. наук, ст. преп. *Д. А. Поликарпова* (НИУ ВШЭ); канд. ист. наук, ст. преп. *Д. А. Сосницкий* (СПбГУ); канд. культурологии, преп. *А. В. Дёмкина* (РГГУ); канд. ист. наук, *Д. А. Коцюбинский* (ЕУСПб); канд. ист. наук, учён. секр. *Ю. С. Усачёва* (ГМПир); канд. ист. наук *А. Н. Чудецкий* (СПб ИИ РАН).

Компьютерная вёрстка: Издательство Скифия-принт.

Дизайн обложки: *А. И. Блохина*.

Корректоры: *О. Е. Борисюк, Р. Ф. Галиев, Д. К. Дьяченко, С. Е. Пиперкова, С. А. Соковнина, С. М. Хлопов*.

В39 Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов Второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 года / А. Д. Матлин (отв. ред.); Р. Ф. Галиев; А. А. Голдовский; В. С. Халимочкин; П. А. Шашонков. — СПб.: Скифия-принт, 2023. — 520 с.

Вы держите в руках сборник статей по итогам Второй Всероссийской научной конференции «Ветер Перестройки», которая проходила с 9 по 11 ноября 2022 года на трёх площадках — в Санкт-Петербургском государственном университете, Научно-исследовательском университете «Высшая школа экономики» и в Государственном музее политической истории России. Конференция была посвящена вопросам изучения современной истории России. Издание предназначено для всех интересующихся историей.

Издание выходит при финансовой поддержке Федерального агентства по делам молодёжи («Росмолодёжь») и мецената Дмитрия Кирилловича Матлина.

© Авторы статей, 2023

© Матлин А. Д., 2023

ISBN 978-5-98620-683-7

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к читателям Editorial	9
К 100-летию создания Союза Советских Социалистических Республик To the 100th anniversary of the creation of the Union of Soviet Socialist Republics СССР в зеркале истории: 100 лет создания – 30 лет распада The USSR in the mirror of history: 100 years of the creation – 30 years of the collapse	
<i>Матафонова Ю.А.</i> Иллюзия советского федерализма: критическое осмысление основ советской федеративной государственности <i>Matafonova Y.A.</i> The Illusion of Soviet Federalism: a Critical Understanding of the Foundations of Soviet Federative Statehood	15
<i>Быкова Е.А., Сизова А.А.</i> Вопрос признания Советского государства в политической дискуссии британского парламента <i>Sigova A. A., Bykova E. A.</i> The recognition of the Soviet state in the political debate of the British Parliament	22
<i>Жамалутдинов А.Р.</i> Кризис марксистско-ленинской идеологии как фактор разрушения СССР <i>Zhamalutdinov A.R.</i> The crisis of the Marxist-Leninist ideology as a factor in the destruction of the USSR.....	28
<i>Пахомова Е.А., Фоменков А.А.</i> Борьба коммунистов и русских национал-патриотов за сохранение СССР в начале 1990-х гг.: организации и акторы <i>Pakhomova E.A. Fomenkov A.A.</i> The struggle of communists and Russian national patriots for the preservation of the USSR in the early 1990s: organizations and actors	34
<i>Ялышев Р.А.</i> Крушение СССР: новый союзный договор как инструмент распада <i>Yalyshv R.A.</i> The collapse of the USSR: the New Union Treaty as a tool of such collapse	40
Войны и социальные конфликты Wars & Social conflicts	
<i>Габриелян М.О., Кондрин М.Д.</i> Роль национальной политики РСФСР в процессе распада СССР <i>Gabrielian M.O., Kondrin M.D.</i> The role of ethnic politics of RSFSR in the process of the dissolution of the USSR.....	49
<i>Ищенко А.Е.</i> Генезис чеченского конфликта: основные причины и действующие лица <i>Ishchenko A.Y.</i> The genesis of the Chechen conflict: the main causes and actors	55
<i>Солдатенко И.С.</i> Тридцатилетие конфликта на Днестре: взгляд из Приднестровья <i>Soldatenko I.S.</i> The thirtieth anniversary of the Dniester conflict: a look from Transnistria	64
Горбачёвведение Gorbachevovedeniye	
<i>Усачёв Д.И.</i> Репрезентация отношения к историческому значению М. С.Горбачёва в посвящённых ему некрологах и траурных телеграммах действующих глав государств (на 30 августа 2022 г.) <i>Usachev D.I.</i> The representation of the attitude to the historical significance of M. S. Gorbachev in his obituaries and the mourning telegrams of the current heads of state	73
<i>Акулич Г.А.</i> «От сырьевой базы до самодостаточного комплекса»: дискурсивная презентация Дальнего Востока в выступлениях М. С. Горбачёва <i>Akulich G.A.</i> “From the source of feedstock to a self-sufficient complex”: the discursive approach of M. S. Gorbachev to presenting Far East	79

Дмитриев Д.А. Отражение политики М. С. Горбачёва в известном немецком еженедельнике «Der Spiegel» в 1985–1991 гг.
Dmitriev D.A. The reflection of Gorbachev’s policy in the well-known German weekly news magazine “Der Spiegel” in 1985–1991..... 85

Попов Д.И. Историческая память о М. С. Горбачёве в современной Польше
Popov D.I. The historical memory of M. S. Gorbachev in contemporary Poland 93

Культура и искусство | Culture & Art

Суворова А.А. Образ Перестройки в наивном и аутсайдерском искусстве России
Suvorova A.A. The Perestroika in Russian Naïve and Outsider Art..... 101

Галиев Р.Ф., Трофимов Н.М. Поэты ленинградского андеграунда в эпоху Перестройки: от Бронзового века до рок-музыки и авторской песни
Galiev R.F., Trofimov Nikita Mikhailovich The poets of Leningrad underground in the era of Perestroika: from the Bronze age to rock and bard music 107

Степанченко Д.А. Дискурс свободы в отечественной рок-музыке эпохи Перестройки
Stepanchenko D.A. The discourse of freedom in Russian rock music of the Perestroika era 114

Камынин Е.В. Общественное восприятие романа Ивана Антоновича Ефремова «Туманность Андромеды» в СССР в годы Перестройки (1985–1991 гг.)
Kamynin E.V. The public perception of Ivan Antonovich Efremov’s novel Andromeda: A Space-Age Tale in the USSR during Perestroika (1985–1991)..... 122

Трофимова О.С. Сквоттинг и смена символического значения городских пространств в исторических районах как элемент развития культурной среды Ленинграда–Петербурга в середине 1980-х — конце 1990-х гг.: обзор и попытка предварительного анализа явления
Trofimova O.S. Squatting and the overall changes in the symbolism of urban spaces as part of development of the cultural environment of Leningrad–Saint-Petersburg from the middle of 1980s to the end of 1990s: a review and an attempt at preliminary analysis of that phenomenon 129

Взгляд с экрана | The view from the screen

Бахтов С.А. Творчество Евгения Юфита: от социально-политического отклика к постгуманистической критике
Bakhtov S.A. Yevgeny Yufit’s work: from sociopolitical reaction to posthumanist criticism..... 143

Сидорова А.А. Проблема преступлений индивидуализированной воли в отечественном художественном кино периода 1990-х гг. на примере фильмов «Дюба-дюба» и «Умирать легко» режиссёра А. Ф. Хвана
Sidorova A.A. The problem of crime committed voluntarily reflected in Russian fiction films of 1990-s such as Dyuba-Dyuba and It Is Easy to Die by A. F. Khvan 148

Мязина А.В. Феномен «полочного кино»: выпуск в советский прокат ранее запрещённых художественных фильмов в период 1986–1989 гг.
Myazina A.V. The phenomenon of shelved cinema: the release of some previously banned fiction films in the Soviet Union between 1986 and 1989 153

Жданов А.А., Тихонов Н.Д. Характерные тенденции в грузинском кинематографе в первые годы Перестройки
Zhdanov A.A., Tikhonov Nikita Dmitrievich The characteristic trends in Georgian cinematography in the early years of Perestroika 161

<i>Багддян Е.А.</i> Женский образ в кинематографе России эпохи Перестройки <i>Bagdiyana E.A.</i> The female characters in the Russian cinema of Perestroika era	168
<i>Базунов Е.П., Карпусь В.А.</i> Анимация как способ осмысления эпохи Перестройки и 90-х гг. XX в. (на примере творчества армянского мультипликатора Роберта Саакянца) <i>Bazunov E.P., Karpus V.A.</i> Animation as a way to comprehend the Perestroika era and the 1990s, using the work of Armenian cartoonist Robert Sahakyants as an example	174
СССР как историко-культурный феномен: опыт музейной интерпретации USSR as a historical and cultural phenomenon: experience of museums interpretation	
<i>Лопата А.С.</i> Принципы устройства экспозиции Музея Бориса Ельцина и представленный в ней образ Перестройки <i>Lopata A.S.</i> The principles of the arrangement of the exposition of the Museum of Boris Yeltsin and the image of Perestroika presented in it	183
<i>Китаева Т.С.</i> Отображение советской реальности в современном музейном пространстве: СССР в постмузее <i>Kitaeva T.S.</i> The representation of Soviet reality in the modern museum space: The USSR in the post museum.....	191
<i>Жидченко А.В.</i> Реконструкция образа Перестройки в провинциальных музейных экспозициях <i>Zhidchenko A.V.</i> Reconstruction of the image of Perestroika in provincial museum exhibitions... 197	
<i>Голдовский А.А.</i> Выставка «Флаг России над Санкт-Петербургом» как пример репрезентации общественно-политического контекста региональной истории <i>Goldovskii A.A.</i> The exhibition “The Flag of Russia over St. Petersburg” as an example of the representation of the socio-political context of regional history	205
Публицистика Topical Articles	
<i>Конников Г.С.</i> Эволюция взглядов и идейных установок Александра Исаевича Солженицына в позднесоветский период (1970-е — 1991 гг.) <i>Konnikov G.S.</i> The evolution of Alexander I. Solzhenitsyn's Views and Ideological attitudes in the Late Soviet Period (1970s — 1991)	215
<i>Цветкова А.Ф.</i> Освещение образов артистов-невозвращенцев в советской печати в эпоху Перестройки <i>Tsvetkova A.F.</i> Images of Defector Artists in the Soviet Press during the Perestroika.....	221
<i>Жулякова Н.В.</i> Перестройка в зеркале СМИ (на материалах молодежной газеты Томска «Молодой ленинец») <i>Zhilyakova N.V.</i> Perestroika in the mirror of the media (on the materials of the youth newspaper of Tomsk “Young Leninist”	227
<i>Данилов В.В.</i> Трансформации советской архитектурной периодики в эпоху Перестройки 1985–1991 гг. <i>Danilov V.V.</i> Transformations of Soviet architectural periodicals in the Era of Perestroika 1985–1991	235
<i>Панин Л.К.</i> Перестройка и распад СССР в публичной сфере США: дискурс-анализ прессы и президентской риторики <i>Panin L.K.</i> Perestroika and the Collapse of the USSR in the US Public Sphere: a discourse analysis of the Press and Presidential Rhetoric	241

Воспоминания, восприятия, документы | Memories, Perceptions, Documents

<i>Лагунов А.К.</i> Распад СССР в воспоминаниях современников <i>Lagunov A.K.</i> The collapse of the USSR in the memoirs of contemporaries	251
<i>Прокин Д.А.</i> Августовский путч как правый военный переворот: особенности восприятия современниками <i>Prokin D.A.</i> The August Coup as a right-wing military coup: features of perception by contemporaries	259
<i>Зенкевич Э.А., Комарова А.А.</i> Отражение переходного периода от СССР к РФ в заводской социологии на примере материалов социологической службы АМО ЗИЛ <i>Zenkevich E.A., Komarova A.A.</i> Reflection of the transition period from the USSR to the Russian Federation in industrial sociology on the example of materials of the sociological service of AMO ZIL	265
<i>Янина П.Н.</i> Автоматическая классификация депутатов Первого Съезда народных Депутатов СССР по фракциям на основе стенограмм выступлений <i>Ianina P.Ni.</i> Using Speech Transcripts of the First Congress of People's Deputies of the USSR to Automatically Classify Deputies according to Fractions	272
<i>Кудрявцев Г.И.</i> Отражение событий и явлений Перестройки 1985–1991 гг. на примере отдельных советских мультфильмов <i>Kudriavtsev G.I.</i> Reflection of the events and phenomena of the Perestroika 1985–1991 on the example of selected soviet cartoons	285

Регионы | Regions

<i>Воронцов Н.С.</i> Планы строительства малых и плавучих АЭС на Дальнем Востоке в региональном общественно-политическом дискурсе (конец 1980-х — начало 1990-х гг.) <i>Vorontsov N.S.</i> Plans for the construction of small and floating NPP's in the Far East in the regional socio-political discourse (late 1980s — early 1990s).....	293
<i>Михалишин А.В.</i> Кризис мобилизации труда в эпоху Перестройки: практики народного контроля на материалах ПО «Сургутнефтегаз» за 1985–1990 гг. <i>Mikhailishin A.V.</i> The crisis of labor Mobilization in the Era of Perestroika: Practices of People's Control based on materials on Surgutneftegaz for 1985–1990.....	301
<i>Потапов А.К.</i> Трансформация Советской федерации в годы Перестройки (на примере Эстонской ССР) <i>Potapov A.K.</i> Transformation of the Soviet Federation in the years of Perestroika (on the example of the Estonian SSR)	308
<i>Шамгунов Р.Г.</i> Влияние выбора внутриполитического развития на внутреннюю безопасность в странах Центральной Азии в 90-е гг. XX в. (на примере Кыргызстана и Туркменистана) <i>Shamgunov R.G.</i> The influence of the choice of internal political development on internal political security in the countries of Central Asia in the 90s of the 20th century (on the example of Kyrgyzstan and Turkmenistan)	314
<i>Мурзич С.Д., Олисов В.В.</i> Внешние и внутренние вызовы для Калининградской области времён поздней Перестройки и в первые постсоветские годы <i>Murzich S.D., Olisov Vladimir Vitalievich</i> External and internal challenges for the Kaliningrad oblast during the Perestroika and the first years of Post-soviet transit.....	324

<i>Халимочкин В.С.</i> Роль А.А. Собчака в урегулировании продовольственного кризиса в Ленинграде — Санкт-Петербурге (июнь 1990 — май 1992 г.) <i>Khalimochkin V.S.</i> The role of A. Sobchak in the settlement of the food crisis in Leningrad — St. Petersburg (June 1990 — May 1992).....	331
--	-----

Международные отношения | International relations

<i>Заикина И.А., Кушков Б.Х.</i> Процесс демократизации 1980–1990-х гг. в социалистических странах: сравнительный анализ политического транзита в ЧССР и МНР <i>Zaikina I.A., Kushkhov B.K.</i> The process of democratization of the 1980s–1990s in Socialist countries: a comparative analysis of political transit in the Czechoslovak Republic and the Mongolian People’s Republic.....	341
--	-----

<i>Курбанов Н.И.</i> Экономическая помощь Японии странам Центральной Азии в 1991–1997 гг. <i>Kurbanov N.I.</i> Japan’s economic assistance to the Central Asian States in 1991–1997.....	348
---	-----

<i>Мищенко Н.С.</i> Санкции США в отношении СССР: эволюция целей и результаты, 1985–1991 гг. <i>Mishchenko N.S.</i> US sanctions against the USSR: the evolution of goals and results, 1985–1991.....	356
--	-----

<i>Зиновьев Е.С.</i> Двусторонние отношения России и Греции в 1990-е годы: опыт взаимодействия со страной НАТО <i>Zinovyev E.S.</i> Bilateral relations between Russia and Greece in the 1990s: experience of interaction with a NATO country.....	363
---	-----

Экономика | Economics

<i>Вайнгорт В. Л.</i> Деятельность латентных институтов по обеспечению строительной отрасли СССР в годы Перестройки <i>Vaingort V. L.</i> Activities of patent institutes to ensure the construction industry of the USSR during the years of Perestroika.....	373
---	-----

<i>Сафронов А. В.</i> ВАЗ – предтеча Перестройки. Экономический эксперимент 1980-х гг. на АвтоВАЗе <i>Safronov A. V.</i> VAZ is the forerunner of Perestroika. The economic experiment of the 1980s at AvtoVAZ.....	380
--	-----

<i>Байдаков И.М.</i> Реализация радикальной экономической реформы Ельцина-Гайдара в программах Правительства Российской Федерации <i>Baydakov I.M.</i> Yeltsin’s radical economic reform’s execution in the programs of the Government of the Russian Federation.....	387
--	-----

<i>Абрашкин С.Н.</i> «Мягкое вхождение в рынок»: к вопросу о проведении либеральных экономических реформ в Ульяновской области в 1991–1993 гг. <i>Abrashkin S.N.</i> «Soft entry into the market»: on the issue of liberal economic reforms in the Ulyanovsk region in 1991–1993.....	393
--	-----

<i>Давыдов А. Ю.</i> Новый этап мешочнического движения в России: 1990-е годы <i>Davydov A. Y.</i> New phase of bagmen’s movement in Russia: 1990s.....	398
--	-----

<i>Задорожная Е. А.</i> Альтернативные проекты радикальной экономической реформы 1992 г. по материалам Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) <i>Zadorozhnaya E. A.</i> Alternative projects of radical economic reform in 1992 based on the materials of the State Archives of the Russian Federation (GA RF).....	403
--	-----

Общество | Society

Бушувев А. С. Система органов ВЛКСМ и молодёжь СССР в годы Перестройки
Bushuev A. S. The system of the Komsomol institutions and the youth of the USSR in the years of Perestroika..... 413

Иванов А. М. Создание, деятельность и реорганизация Ленинского коммунистического союза молодёжи РСФСР (ЛКСМ РСФСР) по материалам Смоленского региона
Ivanov A. M. The creation, activity and reorganization of the Leninist Communist Youth Union of the RSFSR (LKSM RSFSR) based on the materials of the Smolensk region..... 421

Лобанов Д. И. Переименование районных газет Кировской области как отражение процесса декоммунизации
Lobanov D. I. The renaming of regional newspapers of the Kirov region as a reflection of the process of decommunization..... 435

Очерки политической истории 1990-х | Essays on the political history of the 1990s

Шашонков П. А. Подписание Федеративного договора 31 марта 1992 г.: формирование асимметричного федеративного устройства России
Shashonkov P. A. Signing of the Treaty of Federation on March 31, 1992: formation of the asymmetric federal structure of Russia 443

Кондрюков И. И. Становление Администрации Президента РФ как одного из ключевых регуляторов внутренней политики в постсоветской России (на основе материалов личного архивного фонда С. А. Филатова)
Kondryukov I. I. The Formation of the Presidential Executive Office as a Key Regulator of Internal Politics in Post-Soviet Russia (based on the documents of the S. A. Fulatov's personal archive fond) 453

Бардин А. Б. Особенности освещения кризиса принадлежности Черноморского флота в российской многотиражной прессе 1992 г.
Bardin A. B. Features of coverage of the crisis of ownership of the Black Sea Fleet in the Russian large-circulation press in 1992 461

Матлин А. Д. Избирательная кампания Александра Дугина — Сергея Курёхина на выборах 1995 г. в Государственную Думу: гезамткунстверк внутри русской политики на фоне нарастающего недоверия к выборным процедурам в Санкт-Петербурге..... 471

Приложения | Supplementary materials 491

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ | EDITORIAL

Вы держите в руках сборник статей по итогам Второй Всероссийской научной конференции «Ветер Перестройки», которая проходила с 9 по 11 ноября 2022 года на трёх площадках — в Санкт-Петербургском государственном университете (СПбГУ), Национально-исследовательском университете «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (НИУ ВШЭ СПб) и в Государственном музее политической истории России (ГМПИР). Партнёрами конференции выступили также Межрегиональный гуманитарно-политологический центр «Стратегия», Музей нонконформистского искусства на базе арт-центра «Пушкинская-10» и Гимназия № 155 Санкт-Петербурга.

Участвовать во второй конференции — приём на неё начался ещё летом — выразили желание более 150 человек. Свои заявки прислали 9 докторов и 28 кандидатов наук, среди которых тринадцать доцентов, один заместитель директора по научной работе и несколько кураторов довольно крупных проектов. Кроме того, ряд профессоров и исследователей, являющихся востребованными специалистами по теме конференции, любезно согласились выступить для участников нашей конференции со специальными лекциями. При этом мы сохранили ориентацию на студентов: подавляющее большинство присланных и отобранных заявок принадлежало тем, кто обучается по программам бакалавриата и магистратуры.

Мероприятие, задуманное год назад, как форум молодых учёных, в этом году расширило не только количество своих участников, но и повысило свой статус. Всего в программу было отобрано 137 докладов. Непосредственно в работе конференции, если не считать организаторов и лекторов, приняли участие более 140 человек, представлявших крупные образовательные, научные и общественные учреждения Санкт-Петербурга, Москвы, Екатеринбурга и других городов. География конференции стала по-настоящему Всероссийской: с докладами выступили специалисты от Владивостока до Калининграда. Нельзя не отметить и международный характер второй конференции: в ней принимали участие исследователи из Великобритании, Казахстана и Эстонии. Это стало возможным благодаря использованию дистанционных технологий. Последнее, на наш взгляд, лишний раз подчёркивает важность смешанного формата конференций, рассчитанного на то, чтобы каждый желающий мог выступить и поделиться результатами своих исследований.

Большинство выступивших исследователей направили свои статьи для публикации в настоящем сборнике. Из этого числа разносторонних и перспективных исследований нашими рецензентами было отобрано 60 статей. Они представлены в разделах, которые в целом соответствуют секциям и подсекциям конференции: «СССР в зеркале истории», «Войны и социальные конфликты», «Горбачёвведение», «Культура и искусство», «Взгляд с экрана», «СССР как историко-культурный фено-

мен: опыт музейной интерпретации», «Публицистика», «Воспоминания, восприятия, документы», «Регионы», «Международные отношения», «Экономика», «Общество» и «Очерки политической истории 1990-х».

Особо стоит выделить работу новых тематических секций. В связи с кончиной первого и последнего президента СССР Михаила Сергеевича Горбачёва (1931–2022) было принято решение организовать специальную секцию, посвящённую его жизни, политической карьере, культурному наследию и исторической памяти о нём. Как показала вторая конференция, «Горбачёвведение» является актуальным междисциплинарным направлением в гуманитарной науке.

Вторая конференция проходила в год 100 летия образования Советского Союза и 30 летия первой реакции на его распад, включавшей в себя начало вооружённых столкновений в Приднестровье и иных постсоветских республиках, проведение «шоковых» экономических преобразований в пространстве бывшего СССР, а также подписания российскими регионами Федеративного договора. В связи с этим в рамках секции «СССР в зеркале истории» мы предложили выступить специалистам по истории создания советского государства, которые, рассуждая о гибели советской державы в 1991 г., обращались к вопросу её создания, пытаясь выявить взаимосвязи данных процессов.

Важным нововведением было и обращение к вопросам интерпретации советского наследия в музейной среде. Секция, посвящённая отражению советской истории, в том числе истории Перестройки и 90-х гг. XX в., в экспозициях отечественных и зарубежных музеев с успехом состоялась на площадке Государственного музея политической истории России.

Значимость прошедшего в ноябре 2022 г. события сложно переоценить. Данная конференция — редкая возможность для исследователей позднесоветской и постсоветской истории выступить не в рамках узкой секции какой-либо более крупной конференции, а на площадке, где всё внимание приковано именно к этой великой и драматичной эпохе перемен. И то, что конференция с успехом прошла второй раз подряд, не может не радовать.

Кроме того, следует особо отметить культурно-просветительский характер конференции: при поддержке Государственного музея политической истории России и Музея нонконформистского искусства для участников мероприятия были организованы посещения экспозиций музеев, а Гимназия № 155 направила слушателями на все три дня конференции учащихся старших классов, которые уже выбрали сдавать ЕГЭ по истории.

Обширность тем, рассматриваемых на конференции, предполагает необходимость их рассмотрения со всех возможных углов. Так, наша конференция продолжает иметь ярко выраженный междисциплинарный и образовательный характер. В ходе работы «Ветра Перестройки» на одной площадке встретились историки, философы, культурологи,

политологи, социологи, искусствоведы, сотрудники культурных и образовательных учреждений разных поколений и поделились опытом друг с другом.

Работа с заявками и статьями, их отбор и дальнейший процесс рецензирования, формирование настоящего сборника и, наконец, выпуск его в печать — результат долгой и кропотливой работы редакционной коллегии, сформированной из членов Организационного и Программного комитетов «Ветра Перестройки». На момент публикации представленного сборника статей уже анонсирована третья конференция, чем мы вновь подтверждаем, что у исследователей 1980–1990-х годов есть «родная гавань».

В ходе подготовки сборника проект проведения новой, третьей, конференции и издания настоящего сборника стал победителем в конкурсе молодёжных грантов от Федерального агентства по работе с молодёжью «Росмолодёжь». Это свидетельствует о востребованности изучения позднесоветской и постсоветской истории в гражданском обществе, необходимости осмыслить события тридцатилетней давности и сохранить память о них.

Говоря о сборнике, нельзя не отметить тех, кто старался не просто собрать статьи, но сделать достойное издание: нашу команду корректоров и дизайнеров. Их терпеливая работа позволила выдержать сборник в едином стиле и избежать досадных ошибок в статьях. Ответственным редактором сборника выступил Александр Дмитриевич Матлин — глава Оргкомитета мероприятия, человек, которому принадлежала идея проведения конференции.

Хочется высказать особую благодарность людям, которые выступили рецензентами представленных статей: Матвею Фёдоровичу Полынову, Александру Сергеевичу Пученкову, Евгению Анатольевичу Ростовцеву, Александру Юрьевичу Сунгурову, Дмитрию Александровичу Сосницкому, Павлу Андреевичу Васильеву, Владимиру Витальевичу Калиновскому, Алексею Ильичу Миллеру, Елене Николаевне Чернолуцкой, Дмитрию Александровичу Левчику, Алексею Викторовичу Смирнову, Ксении Борисовне Егоровой, Анне Сергеевне Сухоруковой, Людмиле Константиновне Рябовой, Владимиру Борисовичу Лобанову, Ренату Амирулловичу Ялышеву, Дмитрию Владиславовичу Овсянникову, Даниилу Александровичу Коцюбинскому, Леониду Владимировичу Сидоренко, Валерии Сергеевне Кан, Юлии Леонидовне Михайловой, Анне Владимировне Дёмкиной, Юрию Сергеевичу Никифорову, Александру Михайловичу Иванову, Елене Сергеевне Кащенко, Юлии Сергеевне Усачёвой, Дарине Александровне Поликарповой, Ивану Васильевичу Петрову, Александру Николаевичу Чудецкому. Стоит отметить, что многие наши уважаемые рецензенты приняли участие в работе конференции в качестве экспертов секций или же приглашённых лекторов, за что мы им вдвойне благодарны.

Также благодарим директора Института истории СПбГУ Абдуллу Хамидовича Даудова, заместителя директора по научной деятельно-

сти НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге Ларису Александровну Цветкову, генерального директора ГМПИР Елену Анатольевну Лысенко, директора Музея нонконформистского искусства Анастасию Владимировну Пацей за поддержку наших начинаний.

Словами благодарности не можем обойти и представителей Студенческого совета Института истории СПбГУ. Мы благодарим председателя Студенческого совета Глеба Воротынцева и руководителя Научного комитета Дарью Харину за оказание содействия в организации секций в дни конференции и руководства волонтерским штабом. Также хочется поблагодарить саму команду волонтеров и техников, без которых конференция едва ли состоялась.

Наконец, спасибо участникам конференции за проявленное терпение в деле ожидания выхода данного сборника.

Надеемся, что данный сборник — это только начало пути, а представленные в нём работы помогут начинающим и состоявшимся исследователям истории позднесоветской и постсоветской России в научных изысканиях!

Редколлегия

**К 100-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
РЕСПУБЛИК**

**TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE
CREATION OF THE UNION OF SOVIET
SOCIALIST REPUBLICS**

**СССР В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИИ: 100 ЛЕТ
СОЗДАНИЯ — 30 ЛЕТ РАСПАДА**

**THE USSR IN THE MIRROR OF HISTORY: 100
YEARS OF THE CREATION — 30 YEARS OF
THE COLLAPSE**

Матафонова Юлия Анатольевна | Matafonova Yulia Anatolievna¹

Иллюзия советского федерализма: критическое осмысление основ советской федеративной государственности

The Illusion of Soviet Federalism: a Critical Understanding of the Foundations of Soviet Federative Statehood

***Аннотация.** В данной статье представлен критический анализ основ советской федеративной государственности, которые сложились в результате искажённой трактовки федерализма, обусловленной идеологической предопределённостью и необходимостью легитимации и сохранения власти. Сформулированные В. И. Лениным принципы организации советской федерации, по мнению автора, не соответствуют истинному пониманию федерализма. Означенное обстоятельство позволило лидерам советского государства сформировать иллюзию юридической конструкции советской федерации и де-факто быстро и относительно безболезненно подменить федерализм сверхцентрализованным унитаризмом, что в исторической перспективе также способствовало распаду СССР.*

***Ключевые слова:** советский федерализм; гибридное государство; распад СССР.*

***Abstract.** This article presents a critical analysis of the foundations of Soviet federative statehood, based on a distorted interpretation of federalism, that took place due to ideological predestination and the need to legitimize and preserve power. The principles of the organization of the Soviet federation formulated by V. Lenin do not correspond to the true understanding of federalism. This circumstance made it possible to form the illusion of the legal structure of the Soviet federation and de facto quickly and rather painlessly replace federalism with over-centralized unitarism, which in the historical perspective also contributed to the collapse of the USSR.*

***Keywords:** Soviet federalism; hybrid state; collapse of the USSR.*

В политологической традиции исследование распада Советского Союза неразрывно связано с анализом основ советского государственного строительства. Сегодня вполне очевидно, что СССР распался вследствие непрерывного нарастания центробежных сил внутри государства. Однако объяснить это можно не столько влиянием центробежных тенденций, сколько слабостью и фактической номинальностью противостоявших им центростремительных сил, и такая уязвимость системы вскрылась при ослаблении авторитарности советского режима.

---

¹ Канд. полит. наук, доц. каф. государственного, муниципального управления и политики Забайкальского государственного ун-та.
Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of State, Municipal Administration and Politics of Trans-Baikal State University.

Конструктивным представляется мнение исследователей, устанавливающих причинно-следственные связи между слабостью советского федерализма и советской моделью политико-территориального устройства, моделью, которая опиралась на искажённую трактовку федеративной организации политико-территориального пространства государства, в основу которой в первую очередь были положены забота о легитимации и сохранении власти на завоёванной территории [2, с. 33].

Проблема анализа противоречивых черт процесса советской федерализации всё чаще поднимается отечественными исследователями. Особо отметим работу доктора юридических наук Глеба Владимировича Синцова «“Унитарный” федерализм при образовании РСФСР» [8], акцент в которой сделан на том, что федерализм в политических воззрениях большевиков утратил изначальный смысл и был необходим только как способ разрешения национального вопроса, декларированного в программных документах партии. Провозглашение Российской советской республики федерацией автор считает фикцией. Проанализировав все правовые «пробелы» в принципах функционирования противоречивой конструкции советского государства, Синцов Г. В. приходит к выводу, что создание советской державы не только положило начало процессу построения нового государственного образования на развалинах Российской империи, но и обусловило его историческую недолговечность и территориальную непрочность [8, с. 115].

В данной статье мы постараемся развить эти тезисы и представить критический анализ основ всей советской федеративной государственности. Данные основы, на наш взгляд, опирались на искажённую трактовку федерализма, обусловленную идеологической предопределённостью и необходимостью легитимации, а также сохранения власти.

В самых общих чертах федеративным принято называть государство, отдельные части которого являются участниками в осуществлении верховной государственной власти. При этом в советской историографии в качестве единственной достойной внимания «федерации» рассматривалась только советская национальная система, в то время как в западной историографии сложилась концепция «советского панславизма», определявшая любую попытку решения территориального вопроса посредством объединения славянских народов в союз или федерацию как проявление захватнических, имперских традиций.

Вопросы федеративного устройства в советское время рассматривались исключительно с официальной позиции марксизма-ленинизма, классики которого отрицательно относились к федеративной организации политико-территориального пространства государства. Они признавали возможность реализации федеративного устройства только при наличии особых национальных условий. Многочисленные труды Владимира Ильича Ленина позволяют констатировать его двойственное отношение к институту как государства, так и федерализма. Если существование государства он рассматривает как временную необходимость, то его изначальное отношение к федерации из-за опасности

сепаратизма исключительно негативное. Незадолго до первой мировой войны В. И. Ленин писал: «Мы в принципе против федерации — она ослабляет экономическую связь, она негодный тип для одного государства» [7, с. 235]. Однако условия борьбы за власть повлияли на изменение риторики, при этом В. И. Ленин сформулировал собственное понимание принципов федеративного устройства, главным из которых стал окончательно разработанный к 1917 г. принцип демократического централизма. Этот принцип закреплял возможность лавирования между федерализмом и унитаризмом в условиях формирования новой советской государственности. Данное лавирование заключалось в парадоксальном сочетании декларируемого полновластия трудящихся (через участие в выборах руководящих органов) с реально существующим руководством системой из единого Центра, надзирающего за дисциплиной и карающего за её несоблюдение.

Диалектика и динамика трактовки каждого из обозначенных В. И. Лениным принципов советской федеративной государственности в результате позволили быстро и относительно безболезненно подменить федерализм сверхцентрализованным унитаризмом. Русский правовед и исследователь философии права Николай Николаевич Алексеев ещё в 1927 г. указал на унитарный характер советской государственности: «Россия ныне самое унитарное и ещё вдобавок самое централистическое государство. А всё то, что советское правительство вещает о федерализме <...> чистый обман, придуманный хитрыми людьми, для людей глупых» [1]. На взгляд правоведа, главное противоречие советского федерализма состояло в несовместимости и даже противодействии двух тенденций — законодательной (юридической, официальной) и фактической (партийного управления). Алексеев писал, что в условиях однопартийной системы, которая неминуемо ведёт к сращиванию государства и партии, излишне централизованная партия власти не способна создать такую государственную структуру, в которой в теории присутствует децентрализация. К тому же партия не может сформировать политико-территориальное пространство, не соответствующее их представлениям о государственном устройстве. Он называл большевиков обманщиками, отмечая, что какая-то необходимость заставляла коммунистов «играть в федерализм» [1].

Эта необходимость заключалась в том, что для В. И. Ленина создание союзного государства являлось переходным шагом к высшей ступени развития, а сам СССР, как объединение республик, завоёванных советской властью, представлял, по мнению идеолога, нечто переходное к всемирной республике Советов, которая должна была появиться по окончании мировой революции [6, с. 176, 299–300; 8, с. 112]. Данный переходный статус формирующегося союза допускал некоторые теоретические противоречия, т.к. В. И. Ленину тогда не столь важна была форма территориального устройства: более значимыми и важными для революционера оставались политические и идеологические задачи. Как следствие, официальное закрепление за СССР статуса федерации

не имело реального подкрепления и, соответственно, дальнейших реальных шагов по развитию федеративных отношений. Официальная риторика преследовала иные задачи, которые не подразумевали формирования федерации в классическом понимании данного термина, по этой причине и принципы построения советской федерации В. И. Ленин формулирует собственные.

В итоге В. И. Ленин предложил вариант создания гибридного государства, имеющего название конфедерации, официальный статус федерации, а сущность унитарную. При этом официально заявлять об унитаризме было нельзя: таковой являлась царская Россия, а идеология новой власти заключалась в прогрессе и отказе от «оков самодержавия» (право наций на самоопределение). Поэтому на партийных съездах неоднократно официально утверждалось, что создание Союза Республик должно расцениваться как создание союза равноправных государственных единиц, а не как «шаг к ликвидации этих республик и начало образования так называемого “единого и неделимого”» [12, с. 695]. Принципы же, на которых предполагалось строить союз, оставались противоречивыми и далёкими от основ федеративной теории. По этим причинам, по мнению автора, «советский федерализм» был обречён на сползание к унитаризму и сверхцентрализации, а Советский Союз — на распад.

Достаточно узкая и идеологически обусловленная трактовка федерализма как в момент формирования Советского Союза, так и в период его существования не позволила сформировать подлинно федеративное государство, в котором субъекты федерации — республики имели бы не номинальные, а реальные полномочия.

Сторонники признания СССР полноценным федеративным государством часто метафорично называют Советский Союз «империей наоборот» — империей, которая развивала свои окраины, а не эксплуатировала их. В пример часто приводится, что метрополия данной «империи» жила хуже, чем периферия, у которой было меньше прав, чем у «колоний» [9; 10]. Но, на наш взгляд, это лишь ещё раз говорит о гибридности советского государственного проекта, граничащей с химеричностью провозглашаемых принципов по отношению к реально существовавшим практикам. С данной точки зрения и в Российской империи парадоксальным образом можно найти элементы федерации, основываясь лишь на тех фактах, что в Великом княжестве Финляндском существовали собственное денежное обращение, правовая система и действовал Сейм.

Законодательный базис советской федерации также являлся весьма противоречивым. С одной стороны, существовало конституционное закрепление существенных аспектов советского федерализма. В общесоюзных Конституциях закреплялось разделение полномочий между Центром и республиками. Так, в Конституции 1924 г. предметам ведения союзного уровня и предметам ведения республик посвящены соответственно глава первая и глава вторая второго раздела документа. Глава первая выстроена достаточно логично, и все жизненно важные

для существования государства и обеспечения его функционирования вопросы отнесены к ведению федерального Центра. Фактически такое законодательное закрепление полномочий центральной власти соответствует современным представлениям о том, что федерация имеет единое политико-территориальное пространство, реализует разграничение полномочий между Центром и субъектами, наделяет субъекты ограниченными правами и правами внутренней самоорганизации (ст. 3 той же Конституции закрепляет ограниченность компетенции союзных республик компетенцией Центра и возможность осуществлять государственную власть самостоятельно в пределах республики [5]).

Глава вторая, в которой рассмотрены полномочия субъектов советской федерации, содержит противоречивые положения, и они как раз и заставляют сомневаться как в адекватности представлений основателей СССР о федерации, так и в истинности намерений сформировать федеративное государство. Во-первых, в главе содержится положение пусть и об ограниченном, но всё же суверенитете союзных республик. Во-вторых, ст. 4 закрепляет право союзных республик на свободный выход из Союза [5]. Конституционное закрепление права выхода субъектов из состава федерации не соответствует общепризнанным положениям федеративной теории. Федерация, в соответствии с этой теорией, позиционируется в качестве единого союзного государства, где суверенитетом обладает государство в целом, а составляющие его единицы — ограниченным суверенитетом. Односторонний выход субъекта из федерации таким образом невозможен. Закрепление права сецессии союзных республик, с одной стороны, демонстрирует неглубокое познание создателей Советского государства в сфере федеративного строительства, а с другой — представляет собой особый политический приём, позволивший привлечь республики иллюзией свободы в создаваемой федерации.

Однако такой противоречивый конституционный дизайн советского федерализма не имел возможности быть реализованным на практике. По наблюдению Анатолия Григорьевича Вишневого, достаточно скоро проявилась призрачность, иллюзорность «советского федерализма». Подобное наблюдение было сделано на основе материалов XII съезда РКП(б): с этого съезда начинаются борьба с проявлениями местного национализма и неприкрытая демонстрация имперских позиций, что позволило подменить истинную сущность федерализма «декоративным фасадом централистского унитарного государства» [2, с. 40].

Протекавшие в 20–30-е гг. XX в. политические процессы были подчёркнуто направлены на централизацию, формирование административно-командной системы и сращивание государственного аппарата с партийным, а это исключало любые поползновения в сторону децентрализации. Фактически субъекты советской федерации ни закрепленный за ними конституционно суверенитет, ни право сецессии реализовать не могли. Правовые основы советского федерализма расходились с политической практикой. Именно поэтому многие

современные исследователи характеризуют советское государство как квазифедеративное. «Поскребите федерацию и найдёте империю», — образно пишет Андрей Александрович Захаров, отмечая, что в СССР существовал значительный перекоп в сторону централизации, а субъекты федерации не являлись политическими акторами, не обладали политической субъектностью в принципе [3, с. 36].

Этот тезис косвенно подтверждается самим процессом создания Советского Союза. Когда в обстановке глубокого внутривнутриполитического кризиса де-факто уже приняты сталинский «план автономизации», по которому все территории формирующегося советского государства (включая Грузию и Украину) должны были войти в состав Российской Федерации на правах автономий, В. И. Ленин (как наиболее авторитетная фигура страны Советов, олицетворявшая собой Центр) отвергает согласованный проект и поддерживает создание «федерации в федерации». Делает он это в первую очередь в пику Иосифу Виссарионовичу Сталину, его политическим амбициям и мнению о перспективах успеха мировой революции, а не в качестве вознаграждения реальной борьбы большевистских национальных республик за право быть самостоятельными в будущем государственном объединении. Весь дальнейший процесс национально-государственного строительства также инспирировался и управлялся Центром, зависел от взаимоотношений центральных партийных элит с элитами в регионах, а не с самими субъектами федерации, как полноценными государственными институтами. В итоге, как отмечает историк Илья Сергеевич Ратьковский, победа «ленинского плана» если и не предопределила распад СССР, то «сделала саму государственную систему более проблемной, а взаимоотношения Москвы и национальных республик — более сложными» [11].

Также показателен для современных научных исследований российской федеративной государственности следующий факт: исследователи отсчитывают процесс федерализации России с 1990-х гг., отмечая, что период с 1990 г. по 1993 г. стал ключевым и переломным для развития федеративных отношений в нашей стране [4, с. 225]. Именно в этот период были приняты ключевые для формирования Российской Федерации документы, закрепившие современные федеративные отношения: Федеративный договор 1992 г.² и Конституция 1993 г. Период же 1985–1991 гг. можно расценивать как новый этап национально-государственного строительства, который был необходим для дальнейшей реальной федерализации России.

В заключении ещё раз отметим, что Советский Союз, как государственное образование, объединяющее различные по национальному составу территории, лишь де-юре представлял собой федерацию, на деле являясь унитарным государством. Придя к власти в условиях борьбы за её сохранение, большевики сформировали иллюзию федерализма, которая держалась на силе репрессий, но не выдержала проверки временем. В настоящее время признание СССР федеративным государством

² Подробнее о Федеративном договоре 1992 г. читайте в статье П. А. Шашонкова в настоящем издании: с. 443.

со стороны академического сообщества основано на достаточно узком взгляде на проблематику федерализма и свидетельствует о том, что отечественные политическая и историческая науки окончательно всё ещё не освободились от этатистских и государствоцентричных воззрений.

Список источников

1. Алексеев Н. Н. Советский федерализм // *Евразийский временник. Книга 5. Париж, 1927. С. 240–261.*
2. Вишневский А. Г. Советский федерализм между унитаризмом и национализмом // *Куда идёт Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства: сб. работ по материалам симпозиума. Вып. 3. М., 1996. С. 33–43.*
3. Захаров А. А. Унитарная федерация. Пять этюдов о российском федерализме. М., 2008. 144 с.
4. Ильченко М. С. Трансформация федеративной системы России: институциональный аспект // *Демократия и федерализм в России. М., 2007. С. 217–233.*
5. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: утверждена 31 января 1924 г. (перв. ред.). Раздел второй. Договор // Конституция РФ. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1924/red_1924/5508660/chapter/f7ee959fd36b5699076b35abf4f52c5c (дата обращения: 08.06.2023).
6. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 38. Март 1919—июнь 1919. М., 1969. 580 с.
7. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 48. Письма. Ноябрь 1910—июль 1914. М., 1970. 545 с.
8. Синцов Г. В. «Унитарный» федерализм при образовании Российской Советской Федеративной Социалистической Республики // *Федерализм: эволюция и современное состояние. Пенза, 2016. С. 110–115.*
9. «Советский Союз часто называют “империей наоборот”»: интервью с Александром Филипповым (руководителем центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ) и Юрием Солозобовым (директором по международным проектам Института национальной стратегии) // *Эксперт. URL: https://expert.ru/expert/2021/43/sovetskiy-soyuz-chasto-nazyvayut-imperiyey-naoborot* (дата обращения: 01.12.2022).
10. Тимофеева А. А. Федерализм в истории советской России: этапы и итоги // *Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 3. С. 358–360.*
11. Троицкая В. Почему был выбран план Ленина, а не Сталина: интервью с кандидатом исторических наук, доцентом института истории СПбГУ Ильёй Ратьковским // *Петербургский дневник. URL: https://spbndevnik.ru/news/2022-11-28/pochemu-byl-vybran-plan-lenina-a-ne-stalina* (дата обращения: 01.12.2022).
12. XII съезд РКП(б): стенографический отчёт. М., 1968. 921 с.

Для цитирования:

Матафонова Ю. А. Иллюзия советского федерализма: критическое осмысление основ советской федеративной государственности // *Ветер Перестройки—2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. С. 15–21.*

Быкова Елизавета Александровна | Bykova Elizaveta Aleksandrovna¹
Сигова Анастасия Арсентьевна | Sigova Anastasia Arsentievna

Вопрос признания Советского государства в политической дискуссии британского парламента

The recognition of the Soviet state in the political debate of the British Parliament

***Аннотация.** В статье рассматриваются аргументы сторонников и противников признания Советского государства в британском политическом истеблишменте. Часть из них выступала за признание, отмечая важность развития экономических отношений, стабильность правительства, установившегося в Советской России, а также опасность чрезмерного сближения СССР и Германии. Противники признания аргументировали свою точку зрения активной коммунистической пропагандой большевиков, недемократичностью их правительства и неприемлемой для британцев экономической политикой (включая национализацию и отказ признать долги царского и временного правительств). Дискуссии велись также об уровне представительства и о возможном введении «испытательного срока» до установления полноценных дипломатических отношений. Работа построена преимущественно на анализе стенограмм заседаний палат британского парламента (т. н. Хэнсард). Позиции парламентариев рассматриваются, в том числе, в контексте их партийной принадлежности.*

***Ключевые слова:** советско-британские отношения; признание СССР; парламент Великобритании; «полоса признания»; Генуэзская конференция; международные отношения.*

***Abstract.** The article examines the arguments for and against the recognition of the Soviet state put forward by the British political establishment. Some supporters noted the importance of developing economic relations with the Soviet Union, the stability of the Soviet government, and the danger of excessive rapprochement between the USSR and Germany. Opponents of the recognition substantiated their point of view by criticizing active communist propaganda, undemocratic nature of the Bolshevik government and their unacceptable economic policy (including nationalization and the refusal to recognize the debts of the tsarist and provisional governments). There were also discussions about the level of representation and the possible introduction of a “trial period” before the establishment of full-fledged diplomatic relations. The article is based mainly on the analysis of Hansard (the transcripts of British parliamentary debates). The MPs’ party affiliation is also taken into account while examining their positions.*

***Keywords:** Soviet-British relations; the recognition of the Soviet Union; the UK Parliament; the “streak of recognition”; the Genoa Conference; international relations.*

¹ МГИМО МИД России, ф-т международных отношений, IV курс бакалавриата.
Moscow State Institute of International Relations, School of International Relations, 4th year of Bachelor's degree.

В 2022 г. исполнилось ровно 100 лет с момента образования Советского Союза. Как и любое молодое государство, СССР столкнулся с проблемой признания со стороны других стран и выстраивания с ними отношений. Одной из таких стран была Великобритания, которая после длительных дискуссий внутри политической элиты открыла «полосу признания» нового советского государства.

Данная тема является актуальной, поскольку в современном мире существует значительное число непризнанных и частично признанных государств, в т.ч. на постсоветском пространстве. В связи с этим авторам представляется важным рассмотреть, как происходило признание Советского Союза со стороны Великобритании, и изучить логику аргументации сторонников и противников этого процесса в британском парламенте. Кроме того, несмотря на многочисленные исследования отношения британского политического истеблишмента к большевикам, вопрос признания советской власти правительством Великобритании остаётся малоизученным.

Цель работы — изучить вопрос признания Советского государства через призму дискуссий внутри Великобритании. В ходе исследования применялись следующие методы: сбор данных, анализ, синтез, количественный метод. Изначальная гипотеза заключалась в предположении, что наиболее активно вопрос признания советского правительства обсуждался в парламенте в конце 1922 — начале 1923 гг., вскоре после образования СССР. Однако наибольшее количество результатов по запросу «*Russia; recognition*» на сайте архива стенограмм заседаний британского парламента приходится на апрель-май 1922 г. [10], когда проходила международная конференция в Генуе. Поэтому хронологические рамки исследования охватывают период с Генуэзской конференции 1922 г., когда появилась необходимость выстраивания отношений не с позиции силы, а с позиции сотрудничества в связи с заключением Рапальского договора между РСФСР и Германией, до угасания внутриполитической дискуссии после признания СССР в феврале 1924 г.

Октябрьская революция 1917 г. оказалась потрясением для всего мира, однако со временем пришло понимание важности взаимодействия с Советским государством. В марте 1921 г. Великобритания и РСФСР заключили торговое соглашение [6], которое хоть и стало признанием государства де-факто, но не разрешило таких ключевых противоречий между двумя странами, как, например, вопрос долгов царского и временного правительств. Для обсуждения этой и других проблем в отношении Советской России и западных стран в 1922 г. была созвана Генуэзская конференция [5, с. 391–392].

До начала конференции в Генуе в парламенте Великобритании доминировала точка зрения противников дипломатического признания РСФСР. Для обоснования своей позиции они указывали на активную коммунистическую пропаганду со стороны большевиков, которую должно было прекратить по условиям торгового соглашения 1921 г. [6], недемократичный характер советского правительства, национа-

лизацию частной собственности британских подданных и отсутствие гарантий защиты прав последних. Как отмечал член парламента от консервативной партии Эндрю Бонар Лоу, «Французская революция, какой бы скверной она ни была, никогда не доходила до таких крайностей, как запрет частной собственности» [16]. В свою очередь, основные аргументы сторонников признания сводились к экономическим преимуществам от взаимодействия с РСФСР: в частности, лейборист Джон Роберт Клайнс указывал на то, что для Великобритании «до войны Россия являлась главным поставщиком зерновых» [16]. В парламенте также обсуждались уровень представительства (посол, временный поверенный в делах) и возможность введения «испытательного срока» до полного признания, чтобы убедиться в готовности России добросовестно выполнять свои международные обязательства [16].

Генуэзская конференция не смогла решить поставленные перед ней задачи, но советской делегации удалось добиться значительного успеха в переговорах с германской стороной и заключить Рапальское соглашение. По условиям договора РСФСР и Веймарская республика признавали друг друга, отказывались от взаимных экономических претензий и выражали стремление к дальнейшему развитию торговых отношений [1].

Такой поворот событий активизировал обсуждение вопроса признания советского правительства. Значительно расширилась аргументация сторонников, которые были обеспокоены возможностью сближения России и Германии: «...если Германия и Россия объединятся — да поможет Британии Бог!» [13]. Кроме того, развитие экономических отношений РСФСР и Великобритании создало бы новые рабочие места, решив тем самым проблему безработицы в Соединённом Королевстве. В качестве шага на пути к рынку, а следовательно, и к выстраиванию отношений с западными странами сторонники признания расценивали введение в РСФСР новой экономической политики. Отдельные парламентарии настаивали на праве жителей России самим выбирать свою форму правления и организацию политической жизни. «Интересы всего мира, я думаю, требуют признания этого российского правительства, повторяю, не из симпатии к его идеям — вовсе нет, — а в соответствии с правом каждого народа иметь такое правительство, которое они считают наилучшим для себя», — отмечал в своей речи лейборист М. Джонс [12]. Противники признания по-прежнему делали акцент на запрете частной собственности в РСФСР и отсутствии экономических и политических условий для ведения бизнеса в стране, при этом они напоминали о непризнании большевистского правительства со стороны США и Франции.

Резонансным событием 1923 г. в двусторонних отношениях стал ультиматум Керзона. 8 мая Великобритания обвинила СССР в ведении антианглийской пропаганды в Азии и потребовала отзыва советских полпредов из Ирана и Афганистана, компенсации за действия советских властей в отношении британских граждан и освобо-

ждения английских кораблей, бывших под арестом за рыбную ловлю в территориальных водах Советского Союза [7, с. 117]. Примечательно, что британское правительство не проконсульттировалось с парламентом, прежде чем предпринимать подобные шаги, и это вызвало незамедлительную реакцию последнего: на следующий же день Палата общин заявила о своём недовольстве [15].

В 1923 г. британские парламентарии продолжают обсуждать развитие отношений Германии и СССР; более того, они начинают опасаться изоляции Лондона вследствие возможного сближения России и Франции. Странники признания указывали на сложности с ведением бизнеса уже из-за отсутствия дипломатических отношений и подчёркивали важность России как огромного рынка сбыта для британских товаров. Также стало понятно, что правительство большевиков стабилизировалось и что «Ленин может умереть, Троцкий может умереть, все другие известные лидеры могут умереть, но правительство останется» [14]. Противники же признания настаивали на том, что Советский Союз ведёт пропаганду во вред Великобритании, не признаёт долги и при этом смеет требовать новых кредитов, а также не предоставляет правовой защиты британским бизнесменам.

Важным фактором для признания СССР Великобританией стали парламентские выборы 1923 г., поскольку в результате было образовано коалиционное правительство под руководством Джеймса Рамсея Макдональда [2, с. 326]. В состав правительства вошли представители либеральной и лейбористской партий, которые довольно последовательно выступали сторонниками признания большевиков на протяжении предыдущих лет. Следует отметить, что в консервативной партии единого мнения по данному вопросу не наблюдалось. Так, например, если Джордж Натаниэл Керзон и Мартин Арчер-Ши выступали против признания, а Роберт Сесил поддерживал его, то Э. Бонар-Лоу заявлял, что он бы «ничего не сделал, чтобы попытаться свергнуть русское правительство; но с такой же вероятностью, или даже с меньшей, предпринял бы какой-либо шаг, который означал бы признание» [16]. Некоторые представители лагеря либералов тоже не высказывали однозначного мнения. В частности, Дэвид Ллойд Джордж вёл переговоры с большевиками в ходе Генуэзской конференции и после неё, но при этом отмечал невозможность признания России без добросовестного выполнения ею взятых на себя международных обязательств [9, р. 70], призывал ввести испытательный срок до установления полных дипломатических отношений и ограничиться представительством на уровне временного поверенного в делах [16].

С приходом к власти первого лейбористского правительства в парламенте ставится вопрос уже не столько о возможности и желательности признания, сколько об его условиях. В итоге в начале февраля 1924 г. британское правительство направляет через своего представителя в Москве Роберта Маклеода Ходжсона ноту народному комиссару иностранных дел СССР Георгию Васильевичу Чичерину

о признании Советского Союза. Условия признания в ноте указаны не были, поскольку предполагалось, что все спорные вопросы будут урегулированы в ходе дальнейших англо-советских переговоров [3; 4]. Переговоры прошли весной-летом 1924 г. в формате конференции [2, с. 333], однако подписанные по её итогам договоры в силу не вступили.

Несмотря на состоявшийся факт признания СССР, который сторонники считали шагом на пути к развитию полноценных экономических отношений, противники утверждали, что признание было ошибкой и что оно не могло способствовать англо-советской торговле, ведь такая торговля в принципе никогда не была очень активной. Так, лидер оппозиции Стэнли Болдуин заявлял: «Вы можете признать их, вы можете называть Ходжсона поверенным в делах, или послом, или архимандритом, или хоть Папой Римским, но вы не продвинете торговлю» [11]. Отмечались и негативные политические последствия признания, такие, как «прирост престижа самого деспотичного, самого жестокого, самого варварского правительства» [8], восприятие советским руководством факта признания в качестве признака слабости британского правительства, продолжение пропагандистской деятельности большевиков. Также в британских правящих кругах существовали опасения относительно радикализации советского руководства после смерти Владимира Ильича Ленина.

Таким образом, среди основных аргументов в пользу признания Советского государства со стороны Великобритании можно отметить важность развития экономических отношений, стабильность власти, опасность чрезмерного сближения СССР и Германии, в то время как противники этого политического шага указывали на коммунистическую пропаганду, недемократичность режима, неприемлемую для Великобритании экономическую политику (национализация, отказ выплачивать долги предыдущих правительств), непризнание СССР Францией и США. Настроение в британском парламенте и аргументация его членов менялись в связи с внутри- и внешнеполитическими событиями: введением в СССР нэпа, заключением Рапалльского договора, ультиматумом Керзона, проведением парламентских выборов 1923 г. Отношение того или иного парламентария к вопросу признания во многом зависело от его партийной принадлежности. Так, лейбористы и либералы чаще выступали за признание, консерваторы — против, но внутри самих партий сохранились разногласия.

Список источников

1. Договор между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Германией (Рапалльский договор). 16 апреля 1922 г. // *Документы внешней политики СССР*. Т. 5: 1 января 1922 г.—19 ноября 1922 г. М., 1961. С. 223–226.
2. Капитонова Н. К., Романова Е. В. *История внешней политики Великобритании: учебник для студентов вузов*. М., 2016. 840 с.
3. Нота британского официального агента в СССР народному комиссару иностранных дел СССР Г. В. Черчиллю. 1 февраля 1924 г. // *Известия*. 1924. 3 февраля. № 28.
4. Нота официального представителя СССР в Великобритании премьер-министру и министру

иностранных дел Великобритании Макдональду: 8 февраля 1924 г. // *Известия*. 1924. 21 февраля. № 43.

5. Сергеев Е. Ю. *Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию*. СПб., 2019. 831 с.

6. *Торговое соглашение между правительством его Британского величества и правительством Российской Социалистической Федеративной Советской Республики с приложением Декларации о признании претензий* // *Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г.* № 74. Ст. 600–601.

7. Трухановский В. Г. *Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма. 1918–1939 гг.* М., 1962. 411 с.

8. *Anglo-Russian Relations. Volume 56: debated on Wednesday, 26 March 1924* // *Hansard: the Parliamentary Digital Service with official reports of all debates since 1802*. URL: <https://hansard.parliament.uk/lords/1924-03-26/debates/650b1229-27c6-409d-b66d-d85c660f6b9c/Anglo-RussianRelations> (date of application: 20/09/2022).

9. Coates W. P., Coates Z. K. *A history of Anglo-Soviet relations*. London, 1945. 817 p.

10. Find in Hansard: keywords “Russia recognition”, from 1917 to 1924 // *Hansard*. URL: <https://hansard.parliament.uk/search?startDate=1917-11-07&endDate=1924-02-29&searchTerm=Russia%20recognition&partial=False> (date of application: 20/09/2022).

11. *Government Policy*. Vol. 169: on Wednesday, 13 February 1924 // *Hansard*. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/1924-02-13/debates/908acc41-b6a9-4828-88d0-9fb3f6de3488/GovernmentPolicy> (date of application: 20/09/2022).

12. *Great Results Already From Genoa*. Vol. 154: on Thu, 25 May 1922 // *Hansard*. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/1922-05-25/debates/5d64b2e5-7b73-4faa-bc27-5a914a07e873/GreatResultsAlreadyFromGenoa> (date of application: 20/09/2022).

13. *Hague Conference*. Vol. 157: on Wednesday, 26 July 1922 // *Hansard*. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/1922-07-26/debates/c64c1922-a122-4d7d-94bd-d155fe5de3c8/HagueConference> (date of application: 20/09/2022).

14. *Russia*. Volume 162: debated on Thursday (Thu), 29 March 1923 // *Hansard*. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/1923-03-29/debates/b078f2f2-4661-4bf9-9fea-946c042de712/Russia> (date of application: 20/09/2022).

15. *Soviet Trade Delegation*. Vol. 163: debated on Wednesday, 9 May 1923 // *Hansard*. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/1923-05-09/debates/f06cb57e-82f7-4f96-8474-f6f346a5ef85/SovietTradeDelegation> (date of application: 20/09/2022).

16. *Vote of Confidence*. Volume 152: debated on Monday, 3 April 1922 // *Hansard*. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/1922-04-03/debates/82fa7a5b-d072-48dc-8fcc-f077c1878694/VoteOfConfidence> (date of application: 20/09/2022).

Для цитирования:

Быкова Е.А., Сигова А.А. *Вопрос признания Советского государства в политической дискуссии британского парламента* // *Ветер Перестройки* — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. С. 22–27.

Жамалутдинов Айнур Ринатович | Zhamalutdinov Ainur Rinatovich¹

Кризис марксистско-ленинской идеологии как фактор разрушения СССР

The crisis of the Marxist-Leninist ideology as a factor in the destruction of the USSR

Аннотация. В статье рассматриваются долгосрочные и краткосрочные причины кризиса марксистско-ленинской идеологии и влияние этого кризиса на характер дезинтеграционных процессов в СССР. Разработка данной проблематики позволяет ответить на следующие принципиальные вопросы, связанные с распадом СССР. Как сформировалось неприятие идейного наследия марксизма-ленинизма? Почему население СССР не вышло защищать своё государство в декабре 1991 г.? По данным автора, в исследуемый период наблюдалось существенное разочарование населения в марксистско-ленинском идеологическом дискурсе, что и повлияло во многом на делегитимизацию и десаκραлизацию советского общественного устройства в глазах населения. Также прослеживается диалектическая взаимосвязь кризиса официальной идеологии с её ревизионизмом и отторжением в высших эшелонах власти (на примере взглядов М. С. Горбачёва и А. Н. Яковлева). Кроме того, в статье отмечены тенденции возможного развития данной проблематики в исторических исследованиях.

Ключевые слова: марксизм-ленинизм; идеология; Перестройка; кризис советского общества; распад СССР.

Abstract. The article examines the long-term and short-term causes of the crisis of the Marxist-Leninist ideology, its influence on the nature of the processes of disintegration in the USSR. The study of those issues allows us to answer the following fundamental questions related to the collapse of the USSR. How did the rejection of the ideological heritage of Marxism-Leninism form? Why did the population of the USSR not come out to defend their state in December 1991? The article provides information about the significant disappointment of the population in Marxist-Leninist ideological discourse, which largely influenced the delegitimization and desacralization of the Soviet social order in the eyes of the population. It also traces the dialectical relationship between the crisis of official ideology and its revisionism and rejection by the highest echelons of power (on the example of M. Gorbachev and A. Yakovlev). The tendencies of the possible development of this issue in historical research are noted.

Keywords: Marxism-Leninism; ideology; Perestroika; crisis of Soviet society; collapse of the USSR.

В череде объяснения причин распада Советского Союза идеологический фактор рассматривается не в качестве определяюще-

¹ Московский педагогический государственный ун-т, ин-т истории и политики, IV курс бакалавриата. Moscow State Pedagogical University, Institute of History and Politics, 4th year of Bachelor's degree.

го. По-прежнему огромное внимание уделяется рассмотрению экономических и политических изменений в 1985–1991 г., тогда как идеология остаётся на периферии внимания. Между тем в условиях перехода к информационному обществу, появления средств, способных охватить массовую аудиторию в целях манипуляции её сознанием, а также изменения в медийном пространстве кризис старых догм и замена их новыми постулатами приобретают важнейшее значение.

Советская идеология на момент начала Перестройки переживала существенный кризис. Обозначим ряд проблем, которые накопились в советском идеологическом пространстве до прихода к власти Михаила Сергеевича Горбачёва. Во-первых, ортодоксальный характер марксизма-ленинизма превратил идеологию в закостеневшую и неразвивающуюся мысль, которая оказалась неспособной дать объективный анализ состояния советского общества. Во-вторых, советская идеологическая система в ходе своего исторического развития получила несколько ударов настолько серьёзных, что за ними следовала делегитимизация существования СССР.

Первый такой удар по системе был нанесён на XX съезде КПСС. Развенчание «культы личности» И. В. Сталина Никитой Сергеевичем Хрущёвым способствовало идейному расколу в обществе относительно роли Иосифа Виссарионовича в отечественной истории. В дальнейшем, на XXII съезде КПСС в 1961 г., тот же глава государства продолжил критику И. В. Сталина, в результате было принято решение о выносе тела «вождя народов» из Мавзолея и провозглашено построение коммунизма к 1980 г. Однако последняя установка Н. С. Хрущёва не учитывала возможности производительных сил СССР и уровень развития капиталистических обществ. Советский Союз теперь должен был за ограниченный период превратиться в ведущую мировую экономическую державу, обогнав в своём развитии все капиталистические страны. Несмотря на значительные экономические успехи, советскому государству невозможно было реализовать данную идеологическую установку в столь короткий отрезок времени. Утопический лозунг нанёс СССР непоправимый урон.

Вместе с тем, нельзя принять точку зрения авторов, которые считают, что виновником провалов Советского Союза в области идеологической политики являлся исключительно Н. С. Хрущёв [7, с. 574]. Стоит учесть, что историками не предложена разумная альтернатива процессу десталинизации. Тем более, сами участники борьбы за власть в 1953 г.: и Георгий Максимилианович Маленков, и Лаврентий Павлович Берия, и Н. С. Хрущёв — стояли на позициях развенчания «культы личности», а доклад, сделанный последним из них, во многом лакировал действительность и объявлял основными жертвами сталинских репрессий партийные и военные кадры, тогда как пострадали в основном колхозники, рабочие и служащие.

Уже во времена Леонида Ильича Брежнева пытались избавиться от хрущёвского эксперимента в области идеологии. Было про-

возглашено строительство «развитого социализма» — компромиссное звено между сталинским концептом «победившего социализма» (1936 г.) и умозрительной установкой Н. С. Хрущёва на «построение коммунизма» (1961 г.). Однако всё явственнее становилась проблема соотношения идеалов и реальности. Построение «развитого социализма» не сочеталось с комплексом неразрешённых трудностей, присутствовавших в советской действительности.

При новом генеральном секретаре ЦК КПСС Юрии Владимировиче Андропове (1982–1984 гг.), по замечанию историка Игоря Яковлевича Фроянова, произошли деструктивные изменения в советской идеологии. На взгляд учёного, в этот период были посеяны сомнения относительно успехов строительства социализма в СССР и подготовлена почва для идеологических новаций М. С. Горбачёва [8, с. 64]. Историк отрицательно относится к деятельности Ю. В. Андропова на посту руководителя страны, считает его виновником ревизии советской идеологии. Однако данный подход не учитывает объективное её кризисное состояние в тот период. Нельзя было избежать модернизации идеологической системы, что как раз и предлагал Ю. В. Андропов. В статье «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР» глава государства так заявлял о построении социализма в СССР: «Идеологи буржуазии и реформизма <...> толкуют, что реальность [в Советском Союзе — прим. ред.], мол, разошлась с идеалом [социализма — прим. ред.]», но сложившееся в СССР общество, как фактически утверждал генеральный секретарь, вовсе не обязательно подгонять под идеологические схемы. Форсировать социалистическую трансформацию общества, согласно Ю. В. Андропову, тоже не надо: концепция «развитого социализма» в понимании руководителя означает, что проблемы вчерашнего дня ещё остались и что «понадобится определённое время, чтобы подтянуть отставшие тылы и двинуться дальше. Нам надо трезво представлять, где мы находимся...» [1; 12]. Другой историк, Андрей Юрьевич Шадрин, полагает, что продолжение андроповского курса могло способствовать выходу советской системы и её идеологии из тупика, но «для этого надо было преодолеть клановость, восстановить контроль над бюрократией, исключить из методов управления государством неформальные связи, коррупцию. Кроме того, необходимо было восстановить действенность идеологии, актуализировать её, или, хотя бы, просто объяснить людям, что происходит» [10]. Однако по такому пути в период Перестройки не пошли: руководители партии сосредоточились на ревизии марксистско-ленинской идеологии, включении в неё концептов гражданского общества, парламентаризма, правового государства, принципа разделения властей и рыночных отношений, «которые характеризовались К. Марксом и В. И. Лениным именно как буржуазные» [2, с. 110].

Также стоит выделить ещё проблему, связанную с замалчиванием ряда негативных фактов в советской истории, которые использова-

лись против Советского Союза в информационной войне. Во многом процесс потери моральной легитимности СССР проистекал из «публицистического бума», который развернулся в период Перестройки. По утверждению Александра Владленовича Шубина, подрыв марксистско-ленинского идеологического пространства в период Перестройки был объективным процессом, ведь «свобода слова — угроза любому авторитарному режиму, тем более с таким кровавым прошлым, как у коммунизма» [11, с. 92]. Потеря нравственной, сакральной легитимности существующей идеологии нанесла значительный удар по системе социалистического государства. Население благодаря «историческому буму» в период Перестройки (раскрытию «белых пятен» истории) стало осознавать советское государство в качестве построенного на лжи и крови. Конечно, подобная оценка представляла собой другой миф, но у значительного числа советских граждан назрело психологическое неприятие лакировочной «доперестроечной» пропаганды; Перестройка же, напротив, осуществлялась, по словам одного из её идеологов, «как политика гласности, как политика правды до конца, правды, какой бы она ни была», которая «выросла из загнанного в подполье инстинкта совести, из необузданного желания сказать всё и сразу, всё, о чём раньше вслух говорить было нельзя. За Перестройкой стояла прежде всего психология человека, выросшего под гнётом тотальных запретов. Перестройка, как ядерный, разрушительный взрыв правды, была расплатой за почти семьдесят лет жизни с закрытым ртом, когда приходилось запираться на замок и совесть и здравый смысл» [9, с. 278–279]. Разумеется, об исторической достоверности «перестроечного» исторического нарратива в большинстве случаев говорить трудно: выходило большое количество публикаций, в которых преобладали конъюнктурные соображения, тогда как историческая наука оказалась в существенном методологическом и эмпирическом кризисе (и это подчеркнули авторы сборника «История и конъюнктура» [3]).

Другой существенной проблемой является вопрос изменения представлений о советской идеологии у высших партийных элит. Как заметил философ Александр Сергеевич Ципко, ключевые идеологи партийного аппарата воспринимали марксизм-ленинизм не в классической его трактовке. «Вадим Медведев смотрел на марксизм глазами Бернштейна, глазами немецкого социал-демократа, Александр Яковлев — глазами Николая Бердяева и Семёна Франка, как на “хи-меру”, аморальную утопию» [9, с. 125]. Что до М.С.Горбачёва, то он хотя и являлся сторонником идейного наследия Карла Маркса и Владимира Ильича Ленина, но «...всегда, ещё со времён своей комсомольской юности, о чём рассказывал мне лично, воспринимал “ужасы коллективизации”, как нечто изначально аморальное, античеловеческое, всегда был последовательным антисталинистом прежде всего по моральным соображениям» [9, с. 63].

Таким образом, у руководителей государства отмечается ревизионизм официальной идеологии, что является довольно запутан-

ной и сложной темой для историков по причине различных интерпретаций своих взглядов самими акторами исторического процесса, их искренности в тот или иной момент времени. К примеру, один из идеологов Перестройки, Александр Николаевич Яковлев, уже в 1990-е гг. утверждал, что команда реформаторов пришла во власть с социал-демократическими идеями: таким образом, на первый взгляд, есть основания говорить о целенаправленном разрушении идеологии реформаторами. Однако, с другой стороны, никто не будет отрицать, что взгляды любого человека могут претерпевать изменения. Исследователь Анатолий Никитович Сивов пришёл к выводу, что изменение оценок А. Н. Яковлева по отношению к советскому государству не было «идеологической диверсией», а любые «утверждения о “вербовке ЦРУ”, “агенте влияния” нуждаются, прежде всего, в тщательной, взвешенной, документированной юридической, а не в идеологической оценке» [6, с. 479]. Оценки, данные самим А. Н. Яковлевым позднее, могли быть сформированы в результате знакомства с документами о сталинских репрессиях. Таким образом, исследователь отмечает, что идеологические установки деятеля не были сформированы изначально, а видоизменялись в ходе этих реформистских процессов, где А. Н. Яковлев столкнулся с работой в комиссиях по реабилитации жертв сталинских репрессий, по пакту Молотова-Риббентропа, по Катынскому делу, как следствие, «...существенной причиной “перемены взглядов” оказался — пишет А. Н. Сивов — субъективный фактор, заключающийся в однозначно негативном отношении Александра Николаевича к непримиримости, жестокости, силовому решению проблем, политическому экстремизму» [6, с. 479].

Если опираться на положение, приведённое нами в связи со словами А. Н. Яковлева, может формулироваться тезис о сознательном предательстве элитами СССР своего государства. Отметим, что данная концепция популярна в нынешней публицистической литературе. Однако, наподобие любой теории заговора, она носит ненаучный характер, культивирует образ врага и предателя, в её рамках не могут формулироваться существенные вопросы. Почему, исходя из логики данного концепта, «предателями» стали многие руководители партии и государства? Что заставило их изменить своё отношение к социализму? Думается, эти вопросы характеризуют не качество людей, а системные ошибки в механизме формирования элит. Исходя же из второго положения, которое показано в связи с выводами А. Н. Сивова, возможно конкретно-исторически реконструировать взгляды того или иного деятеля Перестройки. Проблема изучения эволюции взглядов советской элиты состоит в том, что оба подхода равнодоказуемы. Ведь, как отметил историк Александр Владимирович Островский, «даже за кулисами политические деятели обычно руководствуются принципом: думать одно, говорить другое, делать третье» [5, с. 7].

Таким образом, стоит признать, что советская идеология находилась в существенном идеологическом кризисе, который уста-

новился задолго до Перестройки, охватил и общество, и власть. По замечанию философа Александра Александровича Зиновьева, «идеологическая картина советского общества стала восприниматься людьми как вопиющая ложь, как жульническая маскировка неприглядной реальности» [4, с. 183]. В период же самих реформ данные проблемы в идеологии привели к существенной делегитимизации и десакрализации общественного строя СССР в глазах значительной части населения страны. Во время Перестройки наблюдалось массовое потребление того, что мы бы назвали сейчас «негативным контентом», отрицательной информации о строительстве социалистического общества и неприятие официальной пропаганды. При этом нужно воспринимать такое общество, подверженное идеологическому манипулированию, не как объект манипуляции, а как сознательный социальный субъект, который, исходя из своего жизненного опыта, субъективного восприятия объективной действительности, выбрал те идейные представления, которые отвечали его потребностям в данный момент времени.

Список источников

1. Андропов Ю. В. Учение К. Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР. Избранные речи и статьи. 2 изд. М., 1983. С. 231–245.
2. Бараилов Г. М. Эволюция коммунистической идеологии: от государственной к партийной в СССР—Российской Федерации: дисс. ... канд. полит. наук. Саратов, 2005. 196 с.
3. Бордюгов Г. А., Козлов В. А. История и конъюнктура: субъективные заметки об истории советского общества. М., 1991. 352 с.
4. Зиновьев А. А. Русская трагедия. М., 2020. 528 с.
5. Островский А. В. Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М., 2011. 864 с.
6. Сивов А. Н. Трансформация советских идеологических установок в работах А. Н. Яковлева в 1985–1991 гг. // Вестник РУДН. История России. 2020. Т. 19. № 2. С. 468–482.
7. Спицын Е. Ю. Хрущёвская слякоть. Советская держава в 1953–1964 гг. М., 2019. 592 с.
8. Фроянов И. Я. Россия. Погружение в бездну. М., 2009. 448 с.
9. Ципко А. С. Перестройка как русский проект: отечественные мыслители в изгнании о судьбе советского строя. М., 2014. 544 с.
10. Шаурин А. Ю. Мобилизационная модель развития в СССР (1945–1991 гг.). Кризис и попытки его преодоления // Genesis: исторические исследования. 2013. № 2. С. 29–50.
11. Шубин А. В. Парадоксы перестройки. Упущенный шанс СССР. М.: Вече, 2007. 320 с.
12. Шубин А. В. Золотая осень, или Период застоя СССР в 1975–1985 гг. М., 2008. 368 с.

Для цитирования:

Жамалутдинов А.Р. Кризис марксистско-ленинской идеологии как фактор разрушения СССР // Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. С. 28–33.

Пахомова Елизавета Александровна | Pakhomova Elizaveta Aleksandrovna¹

Фоменков Артём Александрович | Fomenkov Artjom Aleksandrovich²

Борьба коммунистов и русских национал-патриотов за сохранение СССР в начале 1990-х гг.: организации и акторы

The struggle of communists and Russian national patriots for the preservation of the USSR in the early 1990s: organizations and actors

***Аннотация.** Настоящая статья посвящена борьбе за сохранение СССР в последние годы Перестройки, а также продолжению этой борьбы в Российской Федерации в 1992–1993 гг. Рассматривается хронология создания организаций, выступавших за сохранение СССР, определяются основные акторы функционирования данных структур. Сделаны выводы о причинах сближения коммунистов и русских национал-патриотов в этот период. Указаны обстоятельства, повлиявшие на то, что идея возрождения СССР стала восприниматься большей частью россиян не как реальная, но как эфемерная.*

***Ключевые слова:** Перестройка; политическая история; национал-патриоты; коалиция; коммунисты; сохранение СССР; неудачи.*

***Abstract.** This article is devoted to the struggle for the preservation of the USSR in the last years of Perestroika, as well as the continuation of this struggle in the Russian Federation in 1992–1993. The chronology of the creation of organizations that advocated the preservation of the USSR is considered, the main actors in the functioning of these structures are determined. Conclusions are drawn about the reasons for the rapprochement of communists and Russian national patriots during this period. The circumstances that influenced the fact that the idea of the revival of the USSR began to be perceived by most Russians not as real, but as ephemeral are also noted.*

***Keywords:** Perestroika; political history; national patriots; coalition; communists; preservation of the USSR; failures.*

В конце 1980-х гг. начались центробежные тенденции в Советском Союзе [2, с. 167; 4, с. 561; 22, с. 426]. На политическом поле СССР однозначно против данных процессов выступали в первую очередь коммунисты и русские национал-патриоты. Укажем также, что одной из отличительных черт последнего этапа Перестройки, а именно политической реформы, которая стартовала с 1989 г., ста-

¹ Канд. ист. наук, доц. каф. философии и социально-правовых наук Волжского государственного ун-та водного транспорта.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social and Legal Sciences of Volga State University of Water Transport.

² Д-р ист. наук, проф. каф. истории и теории государства и права Нижегородского ин-та управления — филиала РАНХиГС.

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History and Theory of State and Law of Nizhny Novgorod Institute of Management — the branch of the RANEPА.

ло начало объединения ряда организаций данных политических сил. Стремление сохранить мощное государство любой ценой превалировало над всеми прочими разногласиями некоторых коммунистов и русских патриотов. Обозначить идейную основу для сближения можно как державничество [17].

История русского национально-патриотического движения многие годы приковывает внимание большого количества исследователей как в России так и за её пределами [21]. Тем не менее, феномен альянса русских национал-патриотов с коммунистическими организациями на рубеже 1980-х — 1990-х гг. до сих пор в полной мере ещё не раскрыт. Кроме ряда исследований одного из авторов статьи [17; 18; 19; 20; 21], отметим лишь работы кандидата исторических наук Екатерины Александровны Тарасовой [16] и кандидата политических наук Николая Владимировича Работяжева [12], в которых подробно рассматривается проблема формирования объединённой оппозиции в Российской Федерации в 1992–1993 гг.

Целью представленного исследования является краткий обзор хронологии создания общих для коммунистов и национал-патриотов организаций, выступавших за сохранение СССР, и определение основных акторов функционирования данных структур. Рассматривается борьба за сохранение СССР в последние годы Перестройки, а также продолжение этой борьбы в Российской Федерации в 1992–1993 гг.

Первая попытка объединить коммунистов и патриотов-державников состоялась 9 сентября 1989 г. в Москве на учредительном съезде ассоциации «Объединённый совет России» (АОСР). Интересна она была тем, что среди её организаторов значились лица, позднее принимавшие участие во многих политических организациях, — прежде всего известный литератор Александр Андреевич Проханов.

В том же 1989 г. энтузиастами был создан Блок общественно-патриотических организаций России (БОПОР). Предполагалось, что такое объединение сил поможет успешно выступить на выборах народных депутатов РСФСР. Однако означенная цель достигнута не была, поскольку в Москве и Ленинграде избиратели отказали в доверии всем кандидатам от этого блока и лишь отдельные его представители выиграли выборы и стали депутатами российского парламента [3, с. 81–82].

В конце декабря 1989 г. более 10 организаций подписали документ под названием «К народному согласию» [6]. В этом тексте получили выражение основные принципы державничества, объединявшие как левых, так и правых в борьбе за сохранение СССР [8, с. 170–171]. Следует признать, что некоторые положения «К народному согласию» присутствовали в ряде документов российских народно-патриотических сил в 1990-х и последующих годах.

Первая же по-настоящему серьёзная попытка синтеза правых и левых в рамках одной структуры состоялась 27 февраля 1991 г. на

конференции «За великую, единую Россию», созванной по инициативе лидеров Коммунистической партии РСФСР Ивана Кузьмича Полозкова и Геннадия Андреевича Зюганова. В ходе неё был образован Координационный совет народно-патриотических сил России (КС НПСиР). Участвовали в создании Координационного совета около 40 организаций, причём в диапазоне от коммунистов до монархистов [10; 11, с. 7]. Впрочем, левых присутствовало больше, нежели участников с иными убеждениями.

Союз коммунистов с националистическими организациями особенно усилился в преддверии Всесоюзного референдума 17 марта 1991 г. о «сохранении» Советского Союза. Как отмечает историк Александр Дмитриевич Матлин: «Это обуславливалось тем, что наследие и электорат данных политических сил (*националистов — прим. авторов*), после провальных для них выборов 1990 г., как бы “поделили” между собой демократы и коммунисты: демократический блок впитывал в себя сторонников идеи независимости русской государственности, а коммунистам “досталась” идея великодержавной имперскости» [9, с. 263]. Итоги референдума, как известно, формально положительные для сторонников сохранения СССР, в принципе можно записать в актив описываемых структур, но с большим «авансом». Всё же сама идея проведения референдума принадлежала Михаилу Сергеевичу Горбачёву и в первую очередь была направлена на реализацию его видения возможностей для сохранения Союза, которое не во всём сходилось с мнением «правых» коммунистов и национал-патриотов. Да и сам факт проведения референдума, формулировки, которая выносилась на голосование³, список территорий СССР, на которых (не)проводился референдум, скорее подчёркивали, что о сохранении Советского Союза в его прежнем виде и границах речи уже не шло. Таким образом, формальная победа борцов за сохранение СССР на этом референдуме в некотором смысле была поражением для магистральных установок описываемых организаций.

Позже, в июне 1991 г., народные депутаты РСФСР создали на базе депутатской группы «Отчизна» одноимённое движение, причём декларировалось его всероссийское значение [6; 15]. Основными целями движения провозглашались способствование экономическому, политическому и духовному возрождению российских народов на базе традиционных ценностей российской и советской государственности, сплочение патриотических сил России и координация их деятельности. Декларировалась также необходимость защиты русского населения на территории Советского Союза и уравнивания в правах русских краёв и областей в РСФСР с автономными республиками, созданными по национальному принципу [13, с. 77].

³ Вопрос был сформулирован следующим образом: «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновлённой федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантированы права и свободы человека любой национальности?»

Были попытки добиться объединения КС НПСР и «Отчизны», однако они сорвались. Главной причиной тому стали события 19–21 августа 1991 г. Последовавший затем процесс распада страны был лавинообразным, а потому многие предусмотренные ранее мероприятия «устаревали» не начавшись.

Резюмируя деятельность всех упомянутых выше структур, согласимся с тезисом, согласно которому довольно экзотический синтез коммунистических и русских национально-патриотических идей получил возможность для развития именно в последние годы существования СССР. При этом отдельные представители советского истеблишмента стали видеть в державниках своих союзников. Обозначенные нами державнические организации возникали в результате сближения государственников (прежде всего коммунистической ориентации) и русских национал-патриотов [17, с. 281], нашедших общий язык на основе стремления сохранить СССР и неприязни к радикал-демократам. Впрочем, никаких особых электральных успехов тогда за державниками не наблюдалось. В целом же усилий русских национал-патриотов, пусть и в союзе с КПСС, для спасения Советского Союза оказалось недостаточно.

Ещё в 1991 г. (но уже после распада СССР, а точнее, подписания Беловежских соглашений) был создан Российский общенародный союз (РОС). На I съезде данной структуры присутствовали представители сорока российских областей, краёв, автономных республик, а также выходцы из Прибалтики и Казахстана [1, с. 94]. Программное заявление именовалось как «К возрождению России», а экономическая платформа получила название «За экономику прагматизма и справедливости» [7, с. 194]. Предполагалось объединить усилия по возрождению России вокруг трёх основных принципов: народовластие, патриотизм, законность. Во главу угла ставились национальное примирение, сохранение территориальной целостности и государственного единства страны [1, с. 67].

Среди отцов-основателей движения были как члены КПСС (в т.ч. глава запрещённой на тот момент Российской компартии и будущий лидер КПрФ Г.А. Зюганов [5, с. 186]), так и антикоммунисты. Объединял их, по свидетельству Сергея Николаевича Бабурина, патриотизм, т.к., по признанию организаторов, политические дискуссии в стране шли не об общественно-экономических формациях или формах правления, а о столкновении западной и славянской цивилизаций, которое в тот момент вылилось в попытку Запада уничтожить Россию как таковую. Предполагалось на новых основаниях сохранить СССР, благо в числе шести депутатов, проголосовавших в конце концов против ратификации Беловежских соглашений в парламенте России, был и лидер РОСа С.Н. Бабурин.

В 1992 г. не только функционировал Съезд народных депутатов СССР (разумеется, в весьма усечённом, по сравнению с 1991 г.,

варианте), но и появились три структуры, которые выступали за срочное воссоздание СССР, а в свои ряды включили как коммунистов, так и национал-патриотов (плюс отдельных демократов, отошедших от поддержки Бориса Николаевича Ельцина). Речь здесь идёт о Российском народном собрании, Русском национальном соборе и Фронте национального спасения (ФНС) [12, с. 85; 14, с. 175; 16, с. 332]. Итоговое поражение этих структур (прежде всего ФНС) осенью 1993 г. привело к тому, что идея возрождения СССР стала восприниматься большей частью россиян не как реальная, но как эфемерная.

Признаем, что державнические организации рубежа 1980-х — 1990-х гг. по большей части не были эффективны с организационной точки зрения: попросту не нашлось организаторов, способных создать работающие структуры под довольно известных медийных персон. Не оказались они эффективны и с точки зрения коммуникаций с населением, поскольку ответов на ряд крайне значимых вопросов — прежде всего экономических по своей природе — у них не имелось. Не оказались они эффективны и с идеологической точки зрения, поскольку их идеи уже не соответствовали тогдашнему взгляду широких масс населения. Впрочем, последнее не отменяет того факта, что ряд положений программ обозначенных нами структур стали востребованы серьёзными политическими организациями в России в более поздний период её истории.

Список источников

1. Бабурин С. Н. *Российский путь: утраты и обретения*. М., 1997. 459 с.
2. Безбородов А. Б., Елисеева Н. В., Шестаков В. А. *Перестройка и крах СССР. 1985–1993*. СПб., 2010. 215 с.
3. Березкин О. Ю. *Национально-патриотические организации современной России. История и идеология (1985–1996 гг.): дисс. ... канд. ист. наук*. М., 2000. 452 с.
4. Вдовин А. И. *СССР. История великой державы (1922–1991)*. М., 2019. 768 с.
5. Зюганов Г. А. *Верность*. М., 2003. 446 с.
6. *К народному согласию // Советская Россия: газета ЦК КПСС, Верховного совета РСФСР и Совета министров РСФСР. 1989. 30 декабря*. С. 3.
7. Корзунков Ю. Г. *Современная российская многопартийность*. М., 1999. 384 с.
8. Лапин А. А. *Идейно-политическое размежевание и формирование оппозиционных течений в КПСС в 1988–1991 гг.: дисс. ... канд. ист. наук*. М., 2001. 219 с.
9. Матлин А. Д. «Внеплановая» избирательная кампания в Ленинграде в марте 1991 г. как отражение кризиса советской государственности // *Ветер Перестройки. 2021: сборник материалов первой Всероссийской научной конференции*. СПб., 2022. С. 258–267.
10. «Мы русские, какой восторг!» // *Московские ведомости*. 1992. Июнь. №№ 18–19. С. 6.
11. Прибыловский В. В. *Русские национал-патриотические (этнокрайские) и право-радикальные организации: краткий словарь-справочник*. М., 1994. 25 с.
12. Работяжев Н. В. *Феномен «право-левой» коалиции в России: Фронт национального спасения // Полис. Политические исследования*. 2004. № 4. С. 80–92.
13. *Россия: партии, ассоциации, союзы, клубы: сб. документов и материалов в десяти книгах. Кн. 5: Общероссийский национально-патриотический блок — Партия Возрождения*. М., 1992. 165 с.
14. Севастьянов А. Н. *К истории современного русского движения // Вопросы национализма*. 2014. № 4. С. 172–208.

15. Тарасов Б. «Отчизна» зовёт // Советская Россия. 1991. 10 июля. С. 1.
16. Тарасова Е. А. Фронт национального спасения как массовое общественно-политическое движение в России в 1992–1993 гг. // Труды ист. ф-та Санкт-Петербургского ун-та. 2013. № 14. С. 327–347.
17. Фоменков А. А. Становление державнических организаций в СССР // Вестник Тамбовского ун-та. Гуманитарные науки. 2010. № 1. С. 279–285.
18. Фоменков А. А. К вопросу об истории краха Фронта национального спасения в России в 1993 г. // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2011. № 1. С. 73–77.
19. Фоменков А. А. К истории одного абсурдного политического синтеза // Научное мнение. 2012. № 1. С. 61–65.
20. Фоменков А. А. К вопросу о политической истории постсоветской России: II Конгресс Фронта национального спасения и крах объединённой оппозиции в 1993 г. // Научный диалог. 2012. № 9. С. 91–99.
21. Фоменков А. А. Зарубежная историография деятельности русских национально-патриотических сил в 1950-е — первой половине 1990-х гг. // Гуманитарный вектор. 2014. № 3. С. 58–66.
22. Шубин А. В. Парадоксы перестройки. Упущенный шанс СССР. М.: Вече. 2005. 478 с.

Для цитирования:

Пахомова Е. А., Фоменков А. А. Борьба коммунистов и русских национал-патриотов за сохранение СССР в начале 1990-х гг.: организации и акторы // Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. С. 34–39.

Ялышев Ренат Амируллович | Yalyshev Renat Amirullovich¹

Крушение СССР: новый союзный договор как инструмент распада²

The collapse of the USSR: the New Union Treaty as a tool of such collapse

***Аннотация.** В статье рассматривается вопрос того, какими путями пытались реформировать национально-государственное устройство СССР в ходе Перестройки (1985–1991 гг.). На волне гласности стали быстро обостряться межнациональные отношения; союзные власти считали, что реформировать союз нужно посредством усовершенствования Конституции СССР, но республика заставила их согласиться на разработку и подписание нового союзного договора. Такой путь в условиях нарастания экономических проблем в итоге привёл к демонтажу Советского Союза.*

***Ключевые слова:** СССР; Перестройка; Михаил Горбачёв; национальные отношения; новый союзный договор; распад СССР.*

***Abstract.** The article examines how the reformation of the national state system of the USSR during Perestroika was addressed. In the wake of Glasnost international relations began to escalate rapidly; the authorities believed that it was necessary to reform the union by improving the Constitution of the USSR, but the republics forced them to agree to the development and signing of a new union treaty. This path, in the face of increasing economic problems, eventually led to the dismantling of the Soviet Union.*

***Keywords:** the USSR; Perestroika; Mikhail Gorbachev; national relations; the New Union Treaty; the collapse of the USSR.*

Фактор межнациональных отношений в период Перестройки стал определяющим для судьбы Советского Союза. Единственным он не был, т.к. на судьбе страны негативно сказались и ухудшение экономической ситуации, и другие обстоятельства, но именно обострение национальных проблем на волне гласности и демократизации уже с 1988 г. оказывало первостепенное влияние на развитие всех основных событий в стране, на принятие руководством СССР основных решений.

Причин обострения межнациональных отношений в СССР было много. Они носили как объективный, так и субъективный характер. Большинство проблем породила не Перестройка: они накапливались

¹ Канд. ист. наук, доц. каф. истории культуры, государства и права СПбГЭТУ «ЛЭТИ». Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of Culture, State and Law of St. Petersburg Electrotechnical University "LETI".

² В представленной статье обобщён ряд исследований автора по заявленной теме [31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38]. В расширенном формате (в виде лекции) материал был презентован 29 октября 2021 г. в рамках проведения первой Всероссийской научной конференции «Ветер Перестройки» [17].

давно. «Перестроечные» процессы лишь оказались благоприятной почвой для выхода этих проблем на поверхность. Корни же проблем уходили в историю.

Среди таких причин можно выделить проблему границ и территорий в Союзе: процесс формирования административных границ в СССР с момента его создания не всегда соответствовал границам проживания тех или иных национальностей. Учесть все сложности зачастую было просто невозможно, а в ряде случаев интересы народов не учитывались осознанно [3, с. 209–210].

Другой причиной можно назвать систему выстраивания народов по статусу в процессе национально-государственного строительства СССР: от союзных республик до автономных образований различного уровня. В целом, она отвечала интересам народов, но в ряде случаев провоцировала обиды и конфликтные ситуации между ними. Отметим, что проблема автономий в ходе переговорного процесса по новому Союзному договору так и не получила разрешения.

Среди причин обострения национальных отношений можно также вспомнить сталинскую национальную политику. Депортации некоторых народов, ущемление прав наций и тому подобные политические меры породили глубокие обиды, которые и выплеснулись на поверхность в годы Перестройки.

Своё влияние оказал и демографический фактор: в некоторых республиках росла численность русскоязычного населения, а это беспокоило представителей коренных национальностей [29, с. 203]. В ряде случаев основной причиной обострения межнациональных отношений было экономическое соперничество представителей разных этносов: такие конфликты часто начинались на почве конкуренции, а затем переходили в разряд межнациональных [29, с. 194].

Часть межнациональных противоречий и конфликтов была вызвана ошибками руководства СССР в послевоенные годы и непосредственно в годы Перестройки. Особо можно отметить, что руководство СССР в годы Перестройки, сделав ставку в реформах на развитие гласности и демократизации, не учло степень влияния этих процессов на национальные отношения [20, с. 644]. К тому же оно не сразу заметило глубину проблемы. Никто поначалу не верил, что межнациональные противоречия и конфликты могут разрушить Советский Союз [6, с. 509].

Широкое обсуждение межнациональных конфликтов и национальной политики в целом привело в итоге к тому, что власти признали необходимость реформы в сфере национально-государственного строительства. Они предлагали постепенно менять законодательство в национальной сфере [13, с. 134–140].

Оппозиция же в Прибалтике предложила более радикальный вариант — идею выработки и подписания нового Союзного договора взамен договора 1922 г. Это предложение обусловили неоднозначные обстоятельства вхождения Латвии, Литвы и Эстонии в СССР в годы второй мировой войны. Новые лидеры прибалтийских республик стреми-

лись добиться ослабления Центра, чтобы превратить Советский Союз в конфедеративное государство, из которого впоследствии легче будет выйти [24, с. 46, 348–350].

Глубину национальных проблем Михаил Сергеевич Горбачёв осознавал, прежде чем браться за их решение, а предпочёл он тактику консервативной модернизации. Если проанализировать попытки властей решить национальные проблемы путём внесения поправок в Конституцию СССР и изменения законодательства, мы придём к выводу, что в 1988–1989 гг. власти ограничились в основном только обсуждением проблемы. Они вели широкую дискуссию о необходимости перераспределения полномочий между Центром и республиками, чтобы превратить СССР в полноценную федерацию.

Основной причиной того, что консервативная модернизация не удалась, можно признать запаздывание союзного руководства в принятии конкретных мер. Главные законы по обновлению федерации, которые могли разрядить ситуацию в 1988 г. и даже в 1989 г., были приняты только весной 1990 г., когда этих мер уже явно не хватало.

Неудача «плавной» модернизации Союза вынудила М. С. Горбачёва согласиться на идею выработки нового Союзного договора [21, л. 2]. Такое рискованное решение было продиктовано следующим:

- стремлением удержать прибалтийские республики в СССР;
- стремлением перехватить инициативу в разработке договора у набиравшего силу в РСФСР оппозиционного движения во главе с Борисом Николаевичем Ельциным, тоже провозгласившего в начале 1990 г. идею нового Союзного договора;
- попыткой с помощью механизма многовариантности связей республик в СССР, предполагавшегося в договоре, распутать клубок межнациональных проблем, которые накопились в Союзе [2, с. 60–61];
- решением сделать уступку республиканским руководителям, чтобы в обмен на это получить их согласие на усиление союзной исполнительной власти посредством введения поста президента СССР.

Генеральный секретарь ЦК КПСС не смог просчитать все последствия принятия решения о новом Союзном договоре, т. к. весной 1990 г. ошибся в оценке позиции по этому вопросу нового руководства России в лице Б. Н. Ельцина [14, с. 568].

Анализ процесса разработки нового Союзного договора в 1990 г. показывает, что вся работа Центра была направлена на подготовку проекта договора, который бы содержал федеративные принципы государства, но давал широкие полномочия республикам. К осени 1990 г. такой проект был готов, но подписан не был [15].

Невозможность быстрого подписания договора в 1990 г. обусловила, прежде всего, позиция российского руководства. Сопrotивление Б. Н. Ельцина, настаивавшего на конфедеративных принципах Союза, застопорило подписание нового Союзного договора в конце 1990 г. [19, л. 2].

Поведение российских властей потребовало от М. С. Горбачёва поиска новых решений. В начале 1991 г. он попытался решить проблему сепаратизма «силовым способом», введя войска в Литву и Латвию. Однако попытка оказалась неудачной и скомпрометировала «силовой способ» в принципе. В результате у главы государства остался последний аргумент: просить поддержки у населения СССР по вопросу о сохранении единого федеративного государства. Он отказался от силовых методов и сделал основную ставку на общесоюзный референдум.

Результаты референдума стали победой М. С. Горбачёва [16]. Анализ ситуации показывает, что у президента Советского Союза появился реальный шанс добиться от республиканских лидеров согласия на подписание нового Союзного договора, и тот попытался им воспользоваться. М. С. Горбачёв был готов идти на широкие уступки оппонентам. Результаты референдума в пользу сохранения государства подталкивали идти на договорённости и лидеров республик, в первую очередь Б. Н. Ельцина [26, с. 134–136; 9, с. 37].

Такой расклад сил породил т. н. новоогарёвский процесс: разработку нового Союзного договора. Анализ переговоров М. С. Горбачёва и лидеров республик в Ново-Огарёво летом 1991 г. демонстрирует, что вся борьба разворачивалась вокруг проблемы, каким должен стать Союз — федеративным, с сильным Центром, или же конфедеративным, с сильными республиками и слабым Центром [4, с. 692–700]. Глубина дискуссии по вопросам договора показывает, что работа не была формальной: вырабатывались конкретные решения. Это означает, что была реальная возможность подписать договор.

В ходе переговоров участники выработали довольно противоречивый проект нового Союзного договора [23]: они пытались совместить очень разные интересы республик и Центра [10, л. 131, 173; 12, с. 116–117]. В целом, на основе этого варианта договора в последующем могло строиться союзное государство в качестве как федерации, так и конфедерации [28, с. 159]. Дальнейший ход событий в первую очередь зависел от того, кто и как будет осуществлять реализацию проекта.

Однако до подписания и реализации дело так и не дошло. Подписание нового Союзного договора 20 августа 1991 г. было сорвано выступлением ГКЧП. Создание Государственного комитета по чрезвычайному положению некоторыми высшими руководителями СССР было вызвано стремлением предотвратить подписание нового Союзного договора [1, с. 196; 5, с. 32; 7, с. 165; 12, с. 119; 18, с. 279–280; 22, с. 35–36; 30, с. 189]. Большинство участников ГКЧП пошло на столь радикальные меры для того, чтобы сохранить единое федеративное государство. При этом они считали, что подготовленный проект договора не соответствует федеративным принципам и результатам общесоюзного референдума. Такой взгляд, в частности, отразился в обращении Анатолия Ивановича Лукьянова, оглашённом с первыми документами ГКЧП, хотя в состав комитета сам председатель Верховного совета СССР не входил³.

³ Тем не менее, впоследствии в отношении А. И. Лукьянова будет открыто уголовное разбирательство по делу ГКЧП.

ГКЧП вскоре потерпел поражение и окончательно дискредитировал руководство СССР и КПСС. Но президенту СССР и генеральному секретарю ЦК КПСС ценой невероятных усилий удалось возобновить переговорный процесс осенью 1991 г.

Большинство глав республик, участвовавших в переговорах, согласно было подписать новый Союзный договор конфедеративного характера [25, л. 3–9]. Всё зависело от позиции российского лидера Б. Н. Ельцина [27, с. 5–6]. Его неконструктивная позиция способствовала усилению сепаратистских сил на Украине.

В конечном счёте, роковую роль в судьбе нового Союзного договора и судьбе Советского Союза осенью 1991 г. сыграли Российская Федерация и Украина [8]. Их скоординированная позиция привела к тому, что переговоры по договору были загнаны в тупик. Именно по их инициативе появились Беловежские соглашения, подменившие новый Союзный договор и содержавшие отказ от СССР [11, с. 238]. Беловежские соглашения давали республикам возможность устранить Центр из политического процесса и действовать самостоятельно. Как следствие, Советский Союз распался.

В итоге мы должны признать, что процесс разработки и подписания нового Союзного договора, который изначально был направлен на сохранение единства страны и вывод её из кризиса, в сложившихся обстоятельствах стал основным механизмом распада СССР.

Список источников

1. Вареников В. И. Неповторимое. В 7 тт. Т. 6: Часть VIII. Главнокомандующий. Часть IX. Трагедия отечества 1985–2000 гг. М., 2001. 640 с.
2. Внеочередной Третий Съезд народных депутатов СССР, 12–15 марта 1990 г.: стенографический отчёт. В 3 тт. Т. 3. М., 1990. 336 с.
3. Воротников В. И. А было это так... Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995. 475 с.
4. В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черныяева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991). Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2008. 800 с.
5. Горбачёв М. С. Августовский путч: причины и следствия. М., 1991. 94 с.
6. Горбачёв М. С. Жизнь и реформы. В 2 кн. Кн. 1. М., 1995. 600 с.
7. Горбачёв М. С. Размышления о прошлом и будущем. М., 1998. 302 с.
8. Договор о Союзе суверенных государств: проект, согласованный на заседании глав государств и правительств в Ново-Озарёво 14 ноября 1991 г. // Горбачёв-фонд. Ф. 5. Оп. 1. Д. 10841.
9. Ельцин Б. Н. Записки президента. М., 1994. 415 с.
10. Заключение Комитета конституционного надзора СССР по проекту Договора о Союзе суверенных государств от 5 июля 1991 г.; Письмо председателя Высшего арбитражного суда СССР В. Ф. Яковлева в Верховный совет СССР от 2 июля 1991 г. // ГАРФ. Ф. 9654. Оп. 6. Д. 288.
11. Исаков В. Б. Расчленка = Dismemberment: кто и как развалил Советский Союз. Хроника. Документы. М., 1998. 430 с.
12. Лукьянов А. И. В водовороте российской смуты (размышления, диалоги, документы). М., 1999. 432 с.
13. Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня — 1 июля 1988 г. М., 1988. 160 с.
14. Первый Съезд народных депутатов РСФСР. 16 мая — 22 июня 1990 г.: стенографический отчёт. В 6 тт. Т. 1. М., 1992. 639 с.
15. Правда. 1990. 24 ноября.
16. Правда. 1991. 27 марта.

17. Программа конференции, 28–30 октября 2021 г. // *Ветер Перестройки. 2021: сборник материалов первой Всероссийской научной конференции*. СПб., 2022. С. 429.
18. Прокофьев Ю. А. До и после запрета КПСС. Первый секретарь МГК КПСС вспоминает... М., 2005. 287 с.
19. Протокол консультативной встречи полномочных представителей Верховного совета РСФСР и рабочей группы Верховного совета СССР по проблемам подготовки проекта Союзного договора 3 августа 1990 г. // ГАРФ. Ф. 9654. Оп. 7. Д. 1071.
20. Рыжков Н. И. Трагедия великой страны. М., 2007. 656 с.
21. Служебная записка Г. Х. Шахназарова М. С. Горбачёву с предложениями по назревшим вопросам перестройки // Горбачёв-фонд. Ф. 5. Оп. 1. Д. 15252.
22. Собчак А. А. Жила-была коммунистическая партия. СПб., 1995. 238 с.
23. Советская Россия. 1991. 15 августа.
24. Союз можно было сохранить. Белая книга: документы и факты о политике М. С. Горбачёва по реформированию и сохранению многонационального государства. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2007. 526 с.
25. Стенограмма первого заседания V Съезда народных депутатов СССР 2 сентября 1991 г. // ГАРФ. Ф. 9654. Оп. 1. Д. 186.
26. Третий (внеочередной) Съезд народных депутатов РСФСР. 28 марта — 5 апреля 1991 г.: стенографический отчёт. В 5 тт. Т. 1. М., 1992. 430 с.
27. Хабдулатов Р. И. Великая российская трагедия: В 2-х тт. Т. 1. М., 1994. 416 с.
28. Черняев А. С. 1991 год: дневник помощника Президента СССР. М., 1997. 335 с.
29. Чешко С. В. Распад Советского Союза. Этнополитический анализ. М., 1996. 309 с.
30. Язов Д. Т. Маршал Советского Союза. М., 2010. 432 с.
31. Ялышев Р. А. Проблемы заключения нового Союзного договора в СССР: позиция автономий (1989–1991 гг.) // *Известия СПбГЭТУ ЛЭТИ*. 2003. № 6. С. 6–8.
32. Ялышев Р. А. Проблема нового Союзного договора и его роли в распаде СССР: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2011. 270 с.
33. Ялышев Р. А. «Новоогарёвский процесс» выработки нового Союзного договора весной-летом 1991 г.: федерация или конфедерация? // *Проблемы истории и историографии*. 2016. Т. 4. С. 262–279.
34. Ялышев Р. А. Новый Союзный договор на съездах народных депутатов СССР (1989–1991 гг.) // *Таврические чтения* — 2016. Т. 2. СПб., 2017. С. 150–157.
35. Ялышев Р. А. Новый союзный договор в работе Второго Съезда народных депутатов СССР // *Информация-Коммуникация-Общество*. 2019. Т. 1. С. 401–406.
36. Ялышев Р. А. Первый Съезд народных депутатов СССР: дискуссия о судьбе союзного государства // *Таврические чтения* — 2019. Ч. 2. СПб., 2020. С. 172–179.
37. Ялышев Р. А. Второй Съезд народных депутатов СССР: кризис плавной модернизации и дискуссия о судьбе союзного государства // *Таврические чтения* — 2020. Ч. 2. СПб., 2021. С. 145–151.
38. Ялышев Р. А. СССР на пути к распаду: январские события 1991 г. в Прибалтике и новый Союзный договор // *Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии*. Т. 9. СПб., 2021. С. 330–343.

Для цитирования:

Ялышев Р. А. Крушение СССР: новый союзный договор как инструмент распада // *Ветер Перестройки* — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. С. 40–45.

ВОЙНЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ
WARS & SOCIAL CONFLICTS

Габриелян Максим Олегович | *Gabrielian Maksim Olegovich*¹
 Кондрин Максим Дмитриевич | *Kondrin Maksim Dmitrievich*²

Роль национальной политики РСФСР в процессе распада СССР The role of ethnic politics of RSFSR in the process of the dissolution of the USSR

***Аннотация.** Несмотря на то, что проблематика национальной политики СССР была рассмотрена довольно широко, в академическом сообществе по-прежнему отсутствует консенсус по тому, насколько и каким же образом межэтническая напряжённость повлияла на процессы дезинтеграции. Авторы предпринимают попытку определить на примере этнополитических процессов в России роль названной напряжённости как фактора распада Советского Союза. В центре внимания находятся возможные случаи обращения российского лидера Б. Н. Ельцина к идеологии русского национализма и имплементации этих идей в собственные политические действия в период Перестройки. Кроме того, в статье рассматривается вопрос нарастания межэтнической напряжённости на окраинах РСФСР и влияния данного процесса на действия руководства республики. Теоретической основой послужила концепция «групповости» Р. Брубейкера: политические действия рассматриваются как способ «этнизации» с целью успеха политического предпринимательства.*

***Ключевые слова:** РСФСР; русский национализм; групповость; этническое предпринимательство; национальная политика; межэтнические конфликты.*

***Abstract.** Despite the sufficient study of the problems of Soviet ethnic policy, there is still no consensus in the academic community regarding assessments of how and to which extent interethnic tension influenced the processes of disintegration. Within the framework of this article, the authors make an attempt to determine the role of the aforementioned interethnic tension as a factor in the collapse of the USSR on the example of the ethno-political processes of the RSFSR. The key attention is focused on the possible cases of B. Yeltsin's appeals to the ideology of Russian nationalism and the implementation of its ideas in his own political actions during the Perestroika period. The issue of increasing ethnic tensions on the outskirts of the RSFSR as a parallel process and the possibility of its influence on the actions of the authorities of the republic are also considered. As a theoretical basis, the authors refer to the concept of "groupism" by R. Brubaker, in which political actions are viewed as a way of "ethnicization" with the aim of success of political entrepreneurship.*

***Keywords:** RSFSR; Russian nationalism; groupism; ethnic entrepreneurship; ethnic politics; ethnic conflicts.*

¹ СПбГУ, ф-т международных отношений, I курс магистратуры.

St. Petersburg State University, School of International Relations, 1st year of Master's degree.

² СПбГУ, ф-т политологии, I курс магистратуры.

St. Petersburg State University, Faculty of Political Science, 1st year of Master's degree.

Национальный вопрос и проблема нарастания межэтнических конфликтов в период Перестройки нередко рассматриваются в качестве причин распада Советского Союза. Обозначенная проблематика становится обсуждаемой не в последнюю очередь потому, что неоднозначно само наследие советской национальной политики, правовой статус административно-территориальных единиц, и что со временем нарастало этническое насилие на территории СССР.

Необходимо констатировать, что консенсус по данному вопросу в академическом сообществе не сложился. Идеи о специфике национальной политики как детерминанты распада СССР (Юрий Львович Слэзкин, Алексей Ильич Миллер, Рональд Григор Суни) противопоставляется точка зрения о второстепенности самого вопроса (Франсин Хирш, Валерий Александрович Тишков, Мидхат Хабибович Фарукшин).

Но, кроме отсутствия единой точки зрения, в большинстве исследований акцент сделан на этнополитической ситуации в республиках Прибалтики, Закавказья, Средней Азии, в то время как возможное наличие аналогичных процессов и фактора национализма, как идеи суверенизации и точки сборки, внутри РСФСР представляется малоизученным.

Целью данной работы является попытка выявить место национального фактора среди причин распада СССР, обратившись для этого к внутренним процессам РСФСР. Необходимо рассмотреть дискурс, который имел место на рубеже 1980-х — 1990-х гг., для того чтобы определить влияние противоборства идентичностей и различных проектов переформатирования государственности. В связи с этим основное внимание уделяется институциональным основам национальной политики Советского Союза и проблемам формирования русской идентичности, возможному обращению к националистическим настроениям руководством России и характеру применения этих настроений и идей во время Перестройки, а также взгляду на будущее СССР со стороны идеологов русского национализма «перестроечных» лет (Александра Исаевича Солженицына и Игоря Ростиславовича Шафаревича).

Теоретические рамки исследования заданы подходом Роджерса Брубейкера, изложенным в работе «Этничность без групп» [3]. Автор предлагает отказаться от «индивидуализации» групп и предоставления этническим категориям характеристик автономных политических субъектов [3, с. 18–19]. Национализм можно трактовать как «рамку» для донесения политического сообщения, которая может быть использована в конкретные моменты [3, с. 27]. Таким образом, необходимо акцентировать внимание на контекстах, предопределяющих успех или провал обращения к националистическим чувствам.

Кроме того, нами использована концепция империи, сформулированная в рамках теории нации и национализма через т.н. центр-периферийный подход, акцентирующий внимание на сосуществовании различных, взаимоисключающих процессов: развитии и характере национализма этнического «ядра» и национального самосознания

окраинных народов [15, с. 165]. СССР нередко рассматривается, с точки зрения исследователей этнополитических процессов, как империя [13, с. 20]. Анализ же процессов внутри РСФСР, которую можно считать «ядром» Союза, представляется новым способом взглянуть на процесс Перестройки [9, с. 40].

В качестве одного из основных аспектов, которые предопределили, с одной стороны, увеличение популярности идеологии русского национализма в период поздней Перестройки, а с другой — стремительный упадок данных идей в России в первые постсоветские годы, мы можем назвать институциональный дизайн РСФСР. В этой республике на протяжении большей части советского периода отсутствовали республиканские партийные и властные органы, тогда как в других республиках они функционировали: например, Коммунистическая партия и Академия наук [2, с. 22]. Таким образом, в иерархии политической системы Советского Союза оказалось пропущено звено, которое могло бы взять на себя артикуляцию интересов русского народа и осуществить мобилизацию последнего в кризисный период.

Другой важный аспект — это рост межэтнической напряжённости в последние годы существования СССР. Данный процесс был характерен не только для союзных республик, но и для автономий РСФСР. Так, в 1986 г. одновременно с протестами в Казахстане происходили антисоветские выступления в Якутии, которые стали одним из первых протестных эпизодов, имевших этническую составляющую [10, с. 166].

В описанном контексте, для того чтобы охарактеризовать Бориса Николаевича Ельцина как националиста, необходимо провести анализ его риторики. Первоначально политик затронул ряд вопросов этнополитического устройства СССР, претендовавших на значительный пересмотр устоявшейся системы. Так, в 1990 г. Б. Н. Ельцин напрямую обратился к риторике о положении русского народа в РСФСР, определив его как народ, не имеющий собственных институтов [4]. Об этом он высказывался во время интервью, а также на Съезде народных депутатов РСФСР, где была упомянута идея решения проблемы посредством создания отдельных «русских национальных республик» в рамках единого государства РСФСР [4]. Указанные заявления Б. Н. Ельцина позволили зарубежным наблюдателям охарактеризовать его в качестве русского националиста [16]. Таким образом, в противовес политике Михаила Сергеевича Горбачёва применялась риторика о положении русского населения, чтобы мобилизовать своих сторонников.

Однако отметим определённые противоречия в его риторике. Необходимо обратить внимание на текст Декларации о государственном суверенитете РСФСР [5]. В данном документе утверждалось о суверенизации Российской республики в рамках нового объединения, но в то же время отсутствовали какие-либо положения касательно статуса русского народа или обращения к историческим традициям государственности [5]. Из этого следует, что какого-либо пересмотра этнополитической организации республики не предполагалось. Это

подтверждают слова Леонида Борисовича Волкова, ключевого автора декларации. По его замечанию, текст в глазах иностранных наблюдателей носил «националистический» характер, поскольку в нём предполагалось преобразование РСФСР в отдельное государство граждан, но не более того [4]. Таким образом, как заключает Л. Б. Волков, председателя Верховного совета РСФСР и его окружение можно обозначить как «националистов без национализма» — сторонников процесса «национализации» (представления политического процесса в терминах борьбы РСФСР за отделение от «советской империи»), однако без «этнизации» (применения «русской повестки» в конкретных политических решениях и пересмотра системы национальной политики) [4].

Схожую противоречивость можно проследить и в динамике взаимоотношений Б. Н. Ельцина с ключевыми идеологами русского национализма периода Перестройки. Если обратиться к основным текстам А. И. Солженицына («Как нам обустроить Россию?» и письмо главе государства по итогам событий, связанных с ГКЧП) и И. Р. Шафаревича («Русофобия», «Россия наедине с собой»), то можно выделить три стержневые темы, формулируемые русскими националистами: нарратив об «имперском перенапряжении» русского народа (и необходимости отказать от СССР как «имперского» проекта); ирредентизм как основа территориального переустройства; формирование государственной преемственности, которая основана на истории дореволюционной России [8, с. 43; 11; 14, с. 8].

Вследствие антикоммунистической риторики и схожести действий Б. Н. Ельцина с критикой «советского имперства», политик первоначально был поддержан ключевыми националистическими мыслителями. В частности, А. И. Солженицын одобрил действия президента РСФСР во время событий ГКЧП [12]. Аналогичные процессы имели место быть во время подписания Беловежских соглашений, которые публично поддержал И. Р. Шафаревич [14, с. 3].

Тем не менее, обращение Б. Н. Ельцина к идеям национализма носило ограниченный характер. Если по первой ключевой теме (об «имперском перенапряжении») интересы совпадали, то ирредентистская риторика крайне редко встречалась в заявлениях лидера республики и была в основном тактической (во время переговоров в Ново-Огарёво) [6]. Об этом же свидетельствуют события 1992 г., когда Б. Н. Ельцин, в рамках визита в США и телефонного разговора с А. И. Солженицыным, проигнорировал предложенный ему проект урегулирования территориальных споров России [6].

Аналогичная ситуация прослеживалась в третьем националистическом нарративе (о восстановлении исторической преемственности). Несмотря на частичное обращение к дореволюционной символике (прежде всего, восстановление российского триколора как национального флага), в выступлениях президента РСФСР отсутствовало какое-либо упоминание русской истории до 1917 г. [7, с. 184]. По замечанию российского исследователя символической политики Ольги Юрьевны

Малиновой, действия главы государства носили исключительно тактический характер: они были полезны для закрепления отделения РСФСР как свершившегося факта [7, с. 184].

Таким образом, использование Б. Н. Ельциным в различных аспектах политики националистического нарратива позволяет охарактеризовать президента РСФСР как «этнического предпринимателя» [2, с. 19–20]. Однако последовательным курсом подобное политическое поведение не было, что и продемонстрировало отставание президентом в дальнейшем взглядом, соответствующих принципу «гражданской нации». Обращение Б. Н. Ельцина было обусловлено конъюнктурными событиями, и мобилизация русских как этноса использовалась исключительно для достижения победы в противостоянии с всесоюзными институтами власти [1, с. 183].

Итак, на основании обозначенных целей и рассмотренных приемов, авторы пришли к следующим выводам:

— отсутствие институциональной основы представительства русских и размытие их в рамках советской идентичности создавало потенциал к фреймированию и кодированию политического процесса в рамках борьбы русского народа с общесоюзным руководством за сохранение себя как «группы»;

— во многом риторика о «национальном освобождении» народа РСФСР стала одной из основополагающих в повестке Б. Н. Ельцина, председателя Верховного совета РСФСР, и его противостоянии с М. С. Горбачёвым, руководителем Советского Союза. Данные инициативы проявились в идее суверенизации и «отделения советской империи от образа Родины». Одновременное нарастание этнической напряжённости и популярность риторики о достижении суверенитета позволяет говорить о стремлении выдвинуть отдельный национальный проект России как «нации имперского ядра» в противовес происходившим на «периферии» процессам;

— обращение к идее об отделении России от СССР вызвало поддержку со стороны националистически настроенной части диссидентского движения. В частности, ряд представителей данного крыла видел в суверенизации РСФСР приоритетную цель и потенциал к укреплению «групповости» русских. Сильнее всего данные идеи были сформулированы А. И. Солженицыным (концепция «Преображенской революции») и И. Р. Шафаревичем;

— окружение Б. Н. Ельцина не стремилось к фреймированию политического процесса в категориях этничности, и идеи о создании русских автономий внутри РСФСР и обращении к статусу русскоязычного населения в других республиках носили ограниченный характер;

— в период распада Советского Союза лидер Российской республики выступил в роли «прагматического этнического предпринимателя», воспользовавшегося помощью «романтического» крыла в борьбе с М. С. Горбачёвым [2]. Однако распад СССР не привёл к укреплению «групповости» русских и при этом сочетался с подъ-

ёмом национализма на окраинах РСФСР. Как следствие, после возникновения нового государства не произошло этнизации политики и переосмысления национального строительства, что способствовало наследованию советской традиции через концепцию «русской идентичности» и «россиян».

Список источников

1. Ачкасов В. А. Власть и русский национализм в современной России // *Власть и элиты*. 2018. Т. 5. С. 180–210.
2. Ачкасов В. А. Почему распался Советский Союз (роль политизированной этничности) // *Вопросы этнополитики*. 2019. № 4. С. 10–30.
3. Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой. М., 2012. 408 с.
4. Волков Л. Русская весна. Опыт исповеди бывшего народа: главы из книги // *Дружба народов: литературный журнал*. 2008. № 1. URL: [https://magazines.gorky.media/druzha/2008/1/russkaya-vesna-opyt-ispovedi-byvshego-naroda.html](https://magazines.gorky.media/druzha/2008/1/russkaya-vesna-opyt-ispovedi-byvshogo-naroda.html) (дата обращения: 04.06.2023).
5. Декларация Совета народных депутатов РСФСР от 12 июня 1990 г. № 22–1 «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» // *Законы, кодексы и нормативно-правовые акты РФ: юридическая информационная система «Легалакт»*. URL: <https://legalacts.ru/doc/deklaratsiya-snd-rsfsr-ot-12061990-n-22-1> (дата обращения: 04.06.2023).
6. Костилов В. Без Солженицына. Он завещал нам жить не по лжи // *Аргументы и факты: общественно-политический еженедельник*. 2008. 6 августа. URL: <https://aif.ru/society/5248> (дата обращения: 04.06.2023).
7. Малинова О. Ю. Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2012. Т. 8. № 4. С. 179–204.
8. Мантиков Б. А. Консерватизм в постсоветской России: между ностальгией и утопией // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. 2012. № 1. С. 33–54.
9. Миллер А. И. Модерные империи: проблемы классификации, механизмы консолидации и распада // *Политическая наука*. 2013. № 3. С. 30–42.
10. Рычкова Л. К. Межнациональные отношения в СССР во второй половине 1980-х гг.: к постановке проблемы // *Шаг в историческую науку*. 2018. С. 165–167.
11. Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию: Посильные соображения. Л., 1990. 64 с.
12. Солженицын А. Письмо с поддержкой Б. Н. Ельцина и предложения об «обустройстве» России. 1991. 30 августа // *Президентский центр им. Б. Н. Ельцина (Ельцин Центр)*. URL: <https://yeltsin.ru/archive/paperwork/18321> (дата обращения: 04.06.2023).
13. Хири Ф. Империя наций. Этнографическое знание и формирование Советского Союза / пер. с англ. Р. Ибатуллина. М., 2022. 472 с.
14. Шафаревич И. Р. Россия наедине с собой // *Наши современники*. 1992. № 1. С. 3–8.
15. Шишков В. В. Империя в представлении теории нации и национализма // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2019. № 48. С. 163–172.
16. Remnick D. The No. 1 Nationalist. [Boris Yeltsin...] // *The Washington Post*. 1990. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/1990/05/31/the-no-1-nationalist/9f552c8a-5091-4b01-b423-70069515d2f8> (date of application: 04/06/2023).

Для цитирования:

Габриелян М. О., Кондрин М. Д. Роль национальной политики РСФСР в процессе распада СССР // *Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции*. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. С. 49–54.

Генезис чеченского конфликта: основные причины и действующие лица

The genesis of the Chechen conflict: the main causes and actors

Аннотация. В данной статье рассмотрены основные причины чеченского конфликта. При рассмотрении был проведён анализ социально-экономических показателей и политико-культурных явлений, их возникновения и эволюции в промежутке с 1957 по 1991 гг. Опираясь на информацию, полученную из источников, автор приходит к выводу, что почвой для масштабного гражданского конфликта послужило относительно бедное и при этом многочисленное этническое чеченское население, ограниченное в доступе к социально-экономическим и политическим ресурсам.

Ключевые слова: Чечня; Чечено-Ингушская АССР; население; образование; конфликт; неравенство.

Abstract. This article studies the main causes of the Chechen conflict. The analysis of socio-economic indicators, as well as political and cultural phenomena, their occurrence and evolution in the period from 1957 to 1991 is carried out. Based on the information obtained from various sources, the author concludes that the limited access that relatively poor and at the same time numerous ethnic Chechen population had to socio-economic and political resources, served as the ground for a large-scale civil conflict.

Keywords: Chechnya; Chechen-Ingush ASSR; population; education; conflict; inequality.

В годы Перестройки начался целый ряд конфликтов на территориях национальных республик: в частности, в Чечено-Ингушской автономной советской социалистической республике (далее — ЧИАССР). В России особое внимание уделяется непосредственно боевым действиям и событиям вокруг двух чеченских войн, в то время как процессы, приведшие к конфликту, остаются недостаточно исследованными. Среди современных российских исследователей данную проблему рассматривают Валерий Александрович Тишков и Евгений Александрович Норин, а также чеченские историки Явус Зайндиевич Ахмадов и Эдильбек Хамидович Хасмагомадов в совместной монографии, в которой рассмотрена история Чечни XIX–XX вв. [2]. Работа В.А. Тишкова [12] была написана «по горячим следам», в чём и состоит её главная ценность, несмотря на то, что с момента публикации прошло

¹ МГИМО МИД России, ф-т международных отношений, III курс бакалавриата.
Moscow State Institute of International Relations, School of International Relations, 3rd year of Bachelor's degree.

более 20 лет. Произведения Е. А. Норина нельзя назвать подлинно научными, и у него скорее сборник, который вобрал в себя всю доступную информацию о чеченских войнах, интервью и комментарии участников конфликта (некоторые на условиях анонимности) [8; 9]. Однако этот сборник — наиболее полное и актуальное собрание фактов о горячей фазе данного конфликта, о людях, сыгравших в нём ключевые роли. В иностранной литературе внимание преимущественно уделяется горячей фазе конфликта. Работы таких авторов, как Себастьян Смит [18], Анатолий Ливен [17], Марк Галеотти [16], сосредоточены непосредственно на войне. Они мало уделяют внимание ситуации, которая к ней и привела. Только А. Ливен, хотя и во введении к своей книге, поднимает проблему политического устройства ЧИАССР и положения чечено-ингушского населения. В то же время необходимо отметить, что первые два автора — журналисты, которые писали свои работы под впечатлением от событий, пережитых ими во время горячей фазы конфликта. Наблюдали они за войной, находясь в лагере сепаратистских формирований, и это сказалось на содержании книг: они наполнены сочувствием по отношению к чеченцам и негативным восприятием политики советских и российских властей в данном регионе. Работа же М. Галеотти ближе к формату монографии и представляет собой попытку написать научную историю данного конфликта. Автор в Чечне во время конфликта не был, а сама книга вышла спустя более чем 10 лет после событий, но при этом исследователь не подвержен влиянию сторонних впечатлений, а работа его не несёт «отпечатков» личных эмоций. Исходя из вышеизложенного, видно, что и российские, и иностранные авторы пишут преимущественно о военной стадии конфликта и практически не уделяют внимания тому, благодаря чему война вообще стала возможной.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы установить причины возникновения чеченского конфликта. Опорой для исследования служат социально-экономический и политико-культурный факторы. Таким образом, статья состоит из трёх частей. В первой части рассмотрено положение чечено-ингушского народа после воссоздания ЧИАССР, во второй — эволюция социально-экономических условий и характерные их черты, проявившиеся в исследуемый период, а в третьей — политико-культурные условия в республике и роль названных условий в зарождении конфликта.

Социально-экономические условия на момент переселения в 1957 г.

Если говорить о положении чеченского народа в республике на момент воссоздания последней, то основополагающими для нас нормативно-правовыми актами являются указы президиума Верховного совета СССР от 16 июля 1956 г. и 9 января 1957 г.: «О снятии ограничений по спецпоселению с чеченцев, ингушей, карачаевцев...» [13] и «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР»

[14], а также президиума ВС РСФСР от того же числа января «О восставлении Чечено-Ингушской АССР и упразднении Грозненской области» [15]. По первым двум указам была сформирована правовая база для воссоздания субъекта, по документу же Российской республики этот автономный субъект получил административные границы. Хотя на уровне Советского Союза названные народы были освобождены из-под административного надзора, судя по указу 1956 г., они не получили права на компенсацию и возвращение в родные места [13, ст. 2]. С воссозданием ЧИАССР был снят запрет на возвращение [14, ст. 3], однако права на компенсацию конфискованного имущества так и не появилось. Таким образом, потеряв материальные блага в ходе событий 1944 г., возвращавшееся чечено-ингушское население не могло их возместить, и это затрудняло освоение вновь — после более чем десятилетнего перерыва — заселённых земель. 12 апреля 1957 г. вышло постановление Совета министров РСФСР, по которому переселенцы получили целый ряд льгот [11, с. 214–216], однако должного эффекта данные меры не возымели, вследствие плохой их организации; в памяти самих жителей эти меры остались как «некие подячки» взамен утраченному хозяйству [2, с. 891–892]. Всё это усугублялось тем фактом, что вместо постепенного, плавного переселения случился стихийный «потоп» переселенцев, который ещё сильнее ухудшил ситуацию с жилищным фондом и рабочими местами в воссозданной республике [11, с. 218–219].

Обратим также внимание на географию расселения поселенцев. По Всесоюзной переписи 1959 г., 221 656 чеченцев из 243 978 проживали в сельской местности [3], что составляет 91% от общего их числа. В структуре населения ЧИАССР чеченцы составляли 34%, что делало их одним из наиболее многочисленных в республике этносов на конец 1950-х гг. Как следствие, прибывшие расселялись преимущественно в сельской местности, и это ставило их в уязвимое социально-экономическое положение, если сравнивать с уже проживавшими в республике народами. Такое распределение чеченцев на местности, во-первых, затрудняло для них доступ к качественному образованию, без которого проблематично получить высокооплачиваемую работу, а во-вторых, отделяло новоприбывших от ряда секторов экономики, расположенных в городских зонах и требующих специализации. В сельской среде наблюдается огромная доля неграмотных людей без какого-либо образования: суммарно они составляют более трети всего сельского населения, а большая их часть сконцентрирована в возрастных диапазонах «от 20–30» и «от 50 и старше» [3]. Фактически, мы говорим о населении трудоспособного возраста (20–30 лет), которое так и не окончило школу, что отрезало поселенца от высококвалифицированного труда и превращало чёрную работу в его единственный источник заработка. Если учесть, что на рынке низкой квалификации присутствует переизбыток рабочей силы, то ещё больший её рост лишь ухудшает положение рабочего,

негативно влияя на размер заработной платы и возможность устроиться на работу с относительно хорошей ставкой.

Отдельно остановимся на изменениях в расселении непосредственно на земле. Как видно по картам 1937 и 1970 гг. [1; 6], за указанный период исчезли целые районы с деревнями в горах на юго-западе. Селиться на территории старых горных районов поселенцы, как мы отметили выше, разрешения не получили, как следствие, они были вынуждены осваивать соседние горные районы и равнинную местность [12, с. 99]. В то же время необходимо учитывать и характерные черты местного сельского хозяйства, реальные возможности земли по выращиванию урожая. Зона чернозёмов пересекает Чечню и проходит ровно посередине региона, через города Грозный и Гудермес. В указанных местах сосредоточено наибольшее количество пашни и земель, лучше всего пригодных для сельского хозяйства, в то время как южные и юго-восточные районы находятся в зоне каштановых, глинистых почв. Фактически это означает невозможность вести высокоэффективное, интенсивное сельское хозяйство, которое способно было бы дать большое количество рабочих мест. Если сюда прибавить вышеозначенные факторы невысокого уровня образования и неэффективности кампании по обустройству переселенцев, то всё вместе ставит новоприбывших в крайне уязвимое материальное положение, сопряжённое с переизбытком низкоквалифицированной рабочей силы.

Эволюция социально-экономических условий на протяжении 1970-х — 1980-х гг.

После рассмотрения первичных условий необходимо проследить их изменение и выяснить, насколько эффективно были решены обозначенные выше проблемы и как сложилась обстановка в республике на момент Перестройки.

В первую очередь, внимание на себя обращают изменения в демографической ситуации. Судя по переписи 1989 г. [4], чеченское население выросло до 734 тыс., из которых 550 тыс. проживали в сельской местности (75%). Иными словами, в 1989 г. чеченцы по-прежнему располагались в сельской местности, несмотря на то, что доля городских жителей среди них увеличилась с 9% до 25%. Но наиболее интересным представляется тот факт, что суммарное население республики составило 1,27 млн. человек и чеченцы в этой массе стали этническим большинством (58%). В то же время процесс урбанизации не поспевал за ростом населения, а это ещё сильнее перегружало и без того многонаселённую чеченскую деревню, что обостряло недовольство местных жителей и вынуждало их покидать свои дома и искать работу в других областях. Речь здесь идёт, в основном, о молодом поколении, которое появилось на свет в последние годы ссылки и первые годы возвращения на родину. Вот это поколение себе места в республике найти не смогло. Так развилось целое движение т.н. шабашников — людей, которые вынужденно работали вне ЧИАССР, в других субъектах РСФСР и СССР, чтобы заработать себе и своим

семьям на жизнь. Трудно подсчитать объём трудовой миграции, но приблизительно можно говорить о 100–200 тыс. людей (20–30% трудоспособного населения), которые ежегодно выезжали на работы [2, с. 930–931]. Среди «шабашников» были, например, Шамиль Басаев и Руслан Гелаев, которые в дальнейшем станут лидерами ичкерийских боевиков. Первый так и не сумел получить высшее и специальное образование, а второй, возможно, даже не закончил школу [8, с. 56–57, 242–243].

Далее, остановимся на экономических условиях и основных проблемах чеченского общества на данном временном промежутке. Перечисленные в первой части проблемы отразились в письме 26 коммунистов, озаглавленном как «О нарушениях ленинской национальной политики КПСС в Чечено-Ингушской АССР». Письмо было направлено в Политбюро в марте 1972 г., вместе с подписями ключевых деятелей партии ЧИАССР, в основном чеченцев и ингушей. В дополнение к уже описанным нами проблемам авторы письма выделяли случаи саботажа выдачи прописки, nepoтoтизм, недопуск переселенцев к работе на высоких административных должностях и в органах правопорядка, отказ нанимать местные национальные кадры на местные же предприятия («завоз пролетариата из соседних областей»), особенно в «Грознефть» — главное нефтеперерабатывающее объединение республики, локомотив её экономики. Подписанты подчёркивали нарушение ленинских принципов, предупредив советские власти об опасности складывавшейся ситуации [10]. К тому же в экономике ЧИАССР образовалось деление на «русские» и «нерусские» секторы: к первым были отнесены наиболее технологичные и наукоёмкие отрасли, приносящие высокий доход, такие, как нефтепереработка, машиностроение, электроника, ко вторым — сельское хозяйство, торговля, строительство, традиционные ремёсла [12, с. 122–123]. Многочисленное чеченское население оказалось отрезано от высокодоходных отраслей промышленности и было вынуждено искать заработок вне своей родины.

Наконец, взглянем на тенденции внутри чеченской деревни. Тревогу забил Хажбикар Боков, председатель президиума республиканского Верховного совета с 1973 по 1990 гг. и один из подписантов вышеозначенного письма. Он обратился в Политбюро ещё раз — в 1987 г., когда начиналась Перестройка, и его письмо отразило главные опасения за процессы внутри чеченского общества. Помимо прежних проблем, так и не решённых, автор выделил серьёзнейшее имущественное расслоение внутри деревни, зажиточность отдельных лиц, их вседозволенность [12, с. 109–111]. На фоне таких несправедливостей люди теряют веру в честный труд, в их среде распространяется «чёрная» деятельность, как верный способ заработать и «выбиться в люди».

Производство продуктов на душу населения в ЧИАССР значительно уступало таковому в остальных субъектах Северного Кавказа [7, с. 152]. Денежная масса на протяжении второй половины 1980-х

гг. имеет тенденцию к накоплению, но в 1989 г. происходит резкое сокращение официальных расходов. Порядка $\frac{1}{2}$ денег, получаемых в республике, не возвращается обратно [7, с. 130–131]. С одной стороны, это можно объяснить двумя причинами: в нестабильные времена население стремится больше откладывать, а к концу существования СССР существенно обострилась проблема с поставкой товаров на прилавки. С другой же, такой резкий скачок может указывать на то, что немалая часть денег стала использоваться для неофициальных расчётов, в «теневом» секторе.

Политико-культурные условия и их роль в зарождении конфликта

В вопросе развития культуры в ЧИАССР необходимо уделить внимание распространению образования. Число людей с высшим образованием в сельской местности возросло в четыре раза, если сопоставить данные за 1959 и 1989 гг. (с 4 тыс. до 16 тыс. соответственно) [3; 4]. Со средне — средне-специальным образованием число людей также увеличилось (730 тыс. в 1989 г.), при сохранении немалой доли людей без какого-либо образования (77 тыс. человек) [4].

Советская власть всячески способствовала распространению высшего образования среди чеченского населения, ею были образованы специальные «вайнахские отделения» с более низким экзаменационным порогом [12, с. 129]. В республике имелось четыре вуза, доля студентов из числа чеченцев и ингушей достигала более половины от общего числа учащихся [7, с. 268]. Многие лидеры чеченской политики и общественного мнения прошли как раз через эту систему воспитания народных кадров. Среди них назовём Зелимхана Яндарбиева, идеолога независимой Ичкерии, и Доку Завгаева, первого секретаря обкома чеченской национальности [8, с. 26–27, 30–31], а также Салмана Радуева, полевого командира времён чеченских войн, и Доку Умарова, амира Имарата Кавказ [9, с. 348].

В вопросе школьного и среднего образования стоит подчеркнуть, что система была перегружена. В среднем, на одну чеченскую школу приходится 470 учеников, когда по всему СССР это число составляет чуть более 300; доля обучающихся во вторую смену равна 40%, что существенно выше среднего показателя как по СССР — 17%, так и по Северному Кавказу — 21% [7, с. 255–256]. Такая существенная нагрузка не могла не сказаться на качестве образования: больше учеников на школу — меньше времени на каждого и сильнее нагрузка на педагогический состав. Часто вспоминают и о таком явлении, как десятилетка в формате начальной школы, когда из-за недостатка учителей один педагог был вынужден вести все предметы в своём классе вплоть до выпуска последнего [12, с. 128]. Подобная практика была распространена, в первую очередь, в сельской местности. Это напрямую (и негативно) влияет на качество получаемого образования и конкурентоспособность сельских жителей в сравнении с выпускниками городских школ при поступлении в вузы и училища.

Политическая система ЧИАССР была устроена по следующему образцу: первый секретарь — русский, второй — из местных кадров.

При этом национальные кадры в Чечено-Ингушетии занимали посты как председателя Верховного совета ЧИАССР, так и председателя президиума этого совета. В партии, по состоянию на 1990 г., числились 27 586 чеченцев, или 3% от общего количества лиц чеченской национальности [5, с. 113–114]. Отдельно стоит разобрать структуру данной группы. У нас нет точных данных по занятости, и мы можем лишь косвенно понять, люди каких профессий входили в КПСС. Большая часть членов партии принадлежала к тем, кто был занят в сфере промышленности или являлся государственным служащим (сюда относят не только военных и чиновников, но и учителей, работников различных учреждений сферы услуг), и чуть менее $\frac{1}{2}$ от общего числа составляли работники сельской промышленности [5, с. 114–115]. Учитывая данную информацию, а также тот факт, что чеченцы, в основном, проживали в сельской местности, мы можем сказать, что даже члены партии из их среды в большей своей части были выходцами, вероятнее всего, из городов (из более зажиточных и образованных слоёв общества), тогда как сельские жители оставались во многом отрезаны от политической системы страны.

Исключением в описанной системе стал Д. Завгаев: он первый и, как выяснится в дальнейшем, последний чеченский руководитель обкома партии («первый секретарь»). С ним связывают, с одной стороны, массовый приход национальных кадров в оживлённую Перестройкой политику ЧИАССР, а с другой — расцвет nepoтизма со стороны новых кадров. Сама биография лидера достаточно показательна: он родился в деревенской семье незадолго до депортации, после возвращения работал в школе в родном селе, затем в колхозе, где выбился в руководители и откуда был направлен на учёбу в вуз по производственной и партийной линии. Подобный жизненный путь прошли многие чеченские высокопоставленные лица, но именно «история успеха» Д. Завгаева была скорее исключением, чем правилом. Может показаться удивительным, но этот первый секретарь стал своеобразным олицетворением явления nepoтизма в республике и запомнился назначениями собственных родственников на посты, хотя при нём в деле национального возрождения чеченского народа были позитивные подвижки.

Чтобы понять, как культурная среда могла способствовать формированию базы для будущих боевиков, стоит рассмотреть эволюцию данной среды. В 1960-х — 1970-х гг. в Чечено-Ингушетии происходит литературный бум. Особое место в обществе занимают произведения, посвящённые национальным трагедиям: коллективизации и депортации. Однако их содержание скорее описывает весь трагизм ситуации, нежели определяет виновных и призывает к чему-то [2, с. 918–920]. Сдвиг происходит к концу 1980-х гг., с процессом Перестройки внутри республики. В этот период выходят произведения, формирующие облик «народа-мученика», и прямо называются фамилии «виновников» (как правило, русских). Литература на данном этапе уступает место авторской песне. Средствами музыкального творчества в обществе

начинают распространяться идеи о реванше, возрождении, несправедливом положении чеченского народа.

Практически параллельно нарастал процесс радикализации. В 1988 г. появляется местное общество содействия Перестройке, публикуются многие, доселе недоступные рядовому обывателю материалы, в т. ч. «письмо 26». Однако этот процесс совпал с социальным напряжением, которое и начало в таких условиях прорываться наружу, а политико-культурные сдвиги его усиливали. В 1990 г. была создана Вайнахская партия, которую возглавил З. Яндарбиев. Данное объединение представляло собой не просто собрание интеллигентов, а группу людей, непосредственно нацеленных на активные действия. Национал-радикалы в кратчайшее время завоевали распоряжение «толпы» и стали представлять в рамках ЧИАССР полноценную силу. Создание подобной организации оказалось возможным благодаря той социальной базе чеченского народа, которая находилась в стеснённых условиях.

Таким образом, как мы видели выше, основные причины чеченского конфликта вытекают из социально-экономических проблем республики, породивших огромную долю обделённого населения. Местные управленцы, в свою очередь, не смогли эффективно купировать данную угрозу и дали ей усилиться за годы брежневской стабильности. С увеличением уровня образования и появлением национальной элиты началось национальное возрождение Чечни, и в сложившихся к моменту Перестройки условиях это вылилось в национал-реваншизм, который опирался на крупную бедную прослойку местного населения, «топливо» для будущих войн.

Список источников

1. Административная карта Чечено-Ингушской АССР 1970 г.: сост. гл. упр. геодезии и картографии при Совете министров СССР // ЭтоМесто. URL: http://www.etomesto.ru/img_map.php?id=7239 (дата обращения: 27.03.2023).
2. Ахмадов Я. З., Хасмагоматов Э. Х. История Чечни в XIX–XX вв. М., 2005. 996 с.
3. Всесоюзная перепись населения 1959 г.: национальный состав, городское и сельское население // Институт демографии имени А. Г. Вишневского. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?st=6 (дата обращения: 26.03.2023).
4. Всесоюзная перепись населения 1989 г.: национальный состав, городское и сельское население, распределение по национальности и языку // Институт демографии имени А. Г. Вишневского. URL: см. выше.
5. Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. 226 с.
6. Карта Чечено-Ингушской АССР 1937 г.: сост. отделом землеустройства ЧИАССР // ЭтоМесто. URL: http://www.etomesto.ru/img_map.php?id=4286 (дата обращения: 27.03.2023).
7. Народное хозяйство РСФСР в 1989 г.: статистический ежегодник. М., 1990. 692 с.
8. Норин Е. А. Чеченская война. В 2 тт. Т. 1. Н. Новгород, 2021. 352 с.
9. Норин Е. А. Чеченская война. В 2 тт. Т. 2. Н. Новгород, 2022. 480 с.
10. Письмо двадцати шести коммунистов «О нарушениях ленинской национальной политики КПСС в Чечено-Ингушской АССР» (март 1972 г.) // Справедливость: бюллетень Чечено-Ингушского народного фронта содействия Перестройке. 1989. Март. № 3. С. 13–28.
11. Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши: сб. документов, фактов, комментариев / Гос. ком. РФ по делам федерации и национальностей, Департамент по проблемам репрессированных

народов, Фонд репрессированных народов и граждан. М., 1994. 260 с.

12. Тишков В. А. Общество в вооружённом конфликте. Этнография чеченской войны. М., 2001. 534 с.

13. Указ президиума Верховного совета СССР от 16 июля 1956 г. «О снятии ограничений по спецпоселению с чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5106.htm (дата обращения: 26.03.2023).

14. Указ президиума Верховного совета СССР от 9 января 1957 г. «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5159.htm (дата обращения: 26.03.2023).

15. Указ президиума Верховного совета РСФСР от 9 января 1957 г. «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР и упразднении Грозненской области» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5158.htm (дата обращения: 26.03.2023).

16. Galeotti M. Russia's Wars in Chechnya 1994–2009. Bloomsbury Publishing, 2014. 96 p.

17. Lieven A. Chechnya: Tombstone of Russian Power. Yale University Press, 1999. 436 p.

18. Smith S. Allah's Mountains: The Battle for Chechnya. Bloomsbury USA, 2006. 288 p.

Для цитирования:

Ищенко А.Е. Генезис чеченского конфликта: основные причины и действующие лица // Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. С. 55–63.

Солдатенко Игорь Сергеевич | Soldatenko Igor Sergeevich¹

**Тридцатилетие конфликта на Днестре:
взгляд из Приднестровья**
**The thirtieth anniversary of the Dniester conflict:
a look from Transnistria**

***Аннотация.** В статье рассматриваются основные положения нарратива руководства Приднестровской Молдавской республики относительно конфликта 1992 г. Можно констатировать, что политическая элита непризнанного государства целиком вину за разжигание войны возлагает на Кишинёв. Также наблюдается активное использование символического потенциала коллективной памяти для формирования приднестровской идентичности.*

***Ключевые слова:** Молдова; Приднестровье; непризнанные государства; историческая политика; политика идентичности.*

***Abstract.** The article examines the key points of the narrative of the government of the PMR regarding the Transnistrian conflict of 1992. It can be stated that the political elite of the unrecognized republic entirely blames Chisinau for inciting the war. The symbolic potential of collective memory is also seen to be actively used for the formation of Pridnestrovian identity.*

***Keywords:** Moldova; Transnistria; unrecognized states; historical politics; identity politics.*

Принято считать, что Советский Союз распался относительно бескровно. Однако войны, порождённые этой геополитической катастрофой, сотрясают постсоветское пространство до сих пор. Часть конфликтов удалось разрешить, другие же оказались замороженными на неопределённый срок, но противостояние на этом не закончилось. Память о вооружённых конфликтах на территории бывшего СССР по сей день используется политическими элитами противоборствующих сторон для обоснования своей позиции по вопросам текущих событий. Эта память занимает важное место в символической политике государств, становится стержнем памяти коллективной. В 2022 г. исполнилось тридцать лет с начала вооружённого конфликта в Приднестровье. Закономерно, что такая знаковая дата, имеющая огромный символический потенциал, не могла быть проигнорирована мнемоническими актёрами непризнанной республики. В Приднестровской Молдавской республике (далее — ПМР) был утверждён план мероприятий, посвящённых 30-й годовщине отражения широкомасштабной агрессии республи-

¹ Государственный ун-т управления, ин-т государственного управления и права, IV курс бакалавриата.

State University of Management, Institute of State Management and Law, 4th year of Bachelor's degree.

ки Молдова против ПМР, и этот план включал в себя ряд коммеморативных практик: возложение цветов, проведение траурных шествий, организация конференций, тематических лекций, круглых столов, демонстрация документальных фильмов о войне 1992 г. [18]. В статье рассмотрены ключевые положения нарратива приднестровской стороны по вопросам конфликта 1992 г. и затронута проблема значения исторической памяти о конфликте в формировании приднестровской идентичности. Источниками исследования послужили тексты выступлений и обращений высшего руководства республики, приуроченные к 30-летней годовщине конфликта, а вместе с тем было проанализировано обращение членов неправительственных организаций ПМР. Методологическую рамку исследования задавал дискурс-анализ.

Историография приднестровского конфликта достаточно обширна. В разное время конфликт изучался Дмитрием Валерьевичем Малышевым [15], Натальей Ивановной Харитоновой [20], Ольгой Владимировной Цукановой [21]. Аспекты политики памяти в ПМР освещались в исследованиях Александра Александровича Вороновича [10].

Политическая элита ПМР и общественные организации республики не раз указывали на то, что юридическим обоснованием суверенитета Приднестровья является принятие руководством республики Молдова 27 августа 1991 г. декларации о независимости, в которой осуждается закон СССР от 1940 г. «Об образовании союзной Молдавской ССР». С точки зрения молдавской стороны, закон был принят без согласия жителей, проживавших на территории современной Молдовы и без учёта их интересов; нелегитимны также политико-правовые последствия пакта Молотова–Риббентропа [13]. Таким образом, по мнению самопровозглашённого Приднестровья, с принятием этой декларации Молдова добровольно отказалась от притязаний на территорию левого берега Днестра, которая вошла в состав МССР в 1940 г. [4]. Обратим внимание, что такая идея возникла в политическом дискурсе непризнанной республики ещё раньше: 2 сентября 1990 г. прошёл II Чрезвычайный съезд депутатов всех уровней Приднестровья, провозгласивший создание Приднестровской Молдавской Советской Социалистической республики (ПМССР). В декларации об образовании ПМССР заявлялось, что Верховный совет ССР Молдова после отмены закона об образовании Молдавской ССР «освободил проживающее на территории республики население от государственного образования и своей юрисдикции и предоставляет народу право самоопределения» [12].

С точки зрения приднестровской стороны, военная операция, начатая Кишинёвом, является грубым нарушением ими же принятого документа. На это многократно указывал в своих выступлениях действующий президент Приднестровья Вадим Николаевич Красносельский. Повторил он такую мысль и в речи во время участия в траурно-памятном митинге «Память нетленна» по случаю 30-ле-

тия «начала отражения широкомасштабной агрессии Республики Молдова против Приднестровской Молдавской Республики» 2 марта 2022 г., а также в общении с журналистами 19 июня того же года, в день памяти и скорби по погибшим в городе Бендеры, когда президент в очередной раз подчеркнул, что «27 августа 1991 года молдавский парламент принял убийственное решение разрушить Молдавскую ССР. <...> Они, по сути, разрушили единую республику в границах МССР» [9].

Молдавское руководство за тридцать лет, по заявлениям представителей ПМР, так и не дало правовой оценки событиям 1992 г. [17]. Как утверждают в Приднестровье, война на берегах Днестра была актом геноцида приднестровского народа [1], однако стоит заметить, что современные исследователи указывают на отсутствие ярко выраженного этнического фактора в противостоянии между правым и левым берегами Днестра [11, с. 3]. В обращении неправительственных организаций Приднестровской Молдавской республики к президенту Молдовы Майе Григорьевне Санду, которое было опубликовано в апреле 2022 г., сказано, что политика памяти, проводимая нынешним молдавским руководством (в частности, чествование участников боевых действий с молдавской стороны как защитников целостности и независимости республики Молдова²), не способствует конструктивному разрешению конфликта, а наоборот, ещё больше разделяет Молдову и Приднестровье [16].

В 2022 г., 29 июля, исполняется и тридцать лет с начала миротворческой операции России в ПМР. За это время вопрос о присутствии российских миротворцев в Приднестровском регионе Молдовы не раз становился камнем преткновения в молдово-приднестровском диалоге. Приднестровское руководство неизменно продолжает настаивать на необходимости присутствия российского миротворческого контингента. Председатель Верховного совета Приднестровской Молдавской республики Александр Викторович Коршунов в своём поздравлении в честь 30-летия со дня ввода российских миротворческих сил в ПМР особо отметил, что во многом именно благодаря им в молодой республике удалось завершить процесс государственного строительства [2].

Тезис о том, что в ПМР сформировалась особая историческая общность — приднестровский народ, занимает особое место в политическом дискурсе республики. Народ позиционируется как добровольный союз представителей всех национальностей, проживающих в границах приднестровского региона, имеющих право на сохранение и развитие своей этнокультурной самобытности ввиду отсутствия доминирования одного конкретного этноса [16]. Здесь отметим, что политической элитой ПМР проводится активная политика идентичности, направленная на формирование и укрепление общности «приднестровский народ». Такая задача закреплена в «Стратегии

² 2022 г. объявлен в Молдове «годом благодарности ветеранам войны, участникам боевых действий по защите целостности и независимости Республики Молдова».

развития Приднестровской Молдавской Республики на 2019–2026 гг.» [19]. Целью политики идентичности является легитимация существующего политического режима в республике. Об определённой эффективности проводимой политики свидетельствуют следующие данные: как показал социологический опрос 2016 г., более половины жителей республики (53,1%) идентифицирует себя в качестве приднестровцев [6]. В рамках коммеморации военных событий 30-летней давности значимую роль играет работа с молодым поколением. Так, в г. Бендеры, помимо традиционных траурных митингов, были проведены конкурсы социально значимых плакатов «Между прошлым и будущим» и литературный конкурс «Забвению не подлежит», целью которых было привлечение внимания юных приднестровцев к событиям 1992 г. [7; 8]. В проекте памятных мероприятий «Войною опалённый миг» особо отмечалась роль подобных акций в формировании приднестровской идентичности у молодёжи [14]. Для граждан ПМР противостояние с республикой Молдова стало именно той культурной травмой, которая, по мнению социолога Джеффри Александра, отражается на коллективном сознании общности и влияет на формирование её будущей идентичности [3, с. 6]. Память о конфликте можно рассматривать как некий миф — основание современного приднестровского государства, коллективную травму, которая имеет немаловажное значение для создания образа Молдовы как конституирующего Иного.

Анализ нарратива, используемого политическими представителями Приднестровья, позволяет сделать вывод, что память о конфликте 1992 г. — важный символический ресурс, она служит ещё одним средством легитимации текущего политического режима как среди граждан самопровозглашённой республики, так и на международной арене. В настоящий момент всю ответственность за начало войны на берегах Днестра руководство непризнанной республики всецело возлагает на Кишинёв, и в таких условиях довольно сложно рассчитывать на продолжение конструктивного диалога по поиску выхода из кризиса. Одним из вариантов преодоления разногласий может быть способ, описанный немецким историком Алейдой Ассман, суть которого заключается в следующем: «противоборствующие стороны сумели включить своё противоположное видение событий в общий контекст более высокого уровня» [5, с. 73].

Список источников

1. «Сегодня тяжёлый для приднестровцев день...» // Официальный телеграм-канал Вадима Красносельского, президента ПМР. 2022. 19 июня. URL: <https://t.me/VadimKrasnoselsky/385> (дата обращения: 29.07.2022).
2. 30 лет со дня ввода российских миротворцев в ПМР: обращение А. В. Коришунова // Официальный сайт Верховного совета ПМР. 2022. 29 июля. URL: <http://www.vspmr.org/news/supreme-council/30-let-so-dnya-vvoda-rossiyskih-mirotvortsevv-v-pmr.html> (дата обращения: 29.07.2022).
3. Александр Д. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5–40.

4. Антоновская А. А. Конфликт в Приднестровье: предпосылки и катализаторы // *Ветер Перестройки*. 2021: сборник материалов первой Всероссийской научной конференции. СПб., 2022. С. 289–294.
5. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М., 2014. 328 с.
6. Более половины жителей ПМР идентифицируют себя как приднестровцы // *Новости Приднестровья*: официальное информационное агентство. 2016. 13 мая. URL: <https://novostipmr.com/ru/news/16-05-13/bolee-poloviny-zhiteley-pmr-identificiruyut-sebya-kak> (дата обращения: 26.01.2022).
7. В Бендерах 20 марта стартует открытый литературный конкурс «Забвению не подлежит» // *Государственная администрация г. Бендеры*. URL: <https://bendery-ga.org/7205-v-benderah-20-marta-startuet-otkrytuyu-literaturnyy-konkurs-zabveniyu-ne-podlezhit.html> (дата обращения: 29.07.2022).
8. В Бендерах объявлен конкурс социально значимых плакатов «Между прошлым и будущим» // *Государственная администрация г. Бендеры*. URL: <https://bendery-ga.org/7203-v-benderah-obyavlen-konkurs-socialno-znachimyyh-plakatov-mezhdu-proshlym-i-buduschim.html> (дата обращения: 29.07.2022).
9. Вадим Красносельский: «Самое страшное для понимания слова “простить” — отсутствие покаяния» // *Официальный сайт президента Приднестровской Молдавской республики*. 2022. 19 июня. URL: <https://president.gospmr.org/press-sluzhba/novosti/vadim-krasnosejskiy-samoe-strashnoe-dlya-ponimaniya-slova-prostity-otsutsvie-pokayaniya.html> (дата обращения: 29.07.2022).
10. Воронович А. А. Интернационалистский сепаратизм и историческая политика в непризнанных республиках Приднестровья и Донбасса // *Методологические вопросы изучения политики памяти*. М., 2018. С. 127–143.
11. Гуцин А. В., Маркедонов С. М. Приднестровье: дилеммы мирного урегулирования: аналитическая записка. М., 2016. 11 с.
12. Декларация об образовании Приднестровской Молдавской Советской Социалистической Республики: принята 2 сентября 1990 г. // *Электронная библиотека исторических документов*. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/72303-deklaratsiya-ob-obrazovanii-pridnestrovskoy-moldavskoy-sovetskoy-sotsialisticheskoy-respubliki-2-sentyabrya-1990-goda#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 23.01.2023).
13. Закон № 691 от 27 августа 1991 г. «О Декларации о независимости Республики Молдова» // *Государственный реестр правовых актов Минюста Молдовы*. URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=64806&lang=ru# (дата обращения: 29.07.2022).
14. Концепция муниципального проекта, посвященного 30-й годовщине отражения широкомасштабной агрессии республики Молдова против Приднестровской Молдавской республики // *Государственная администрация г. Бендеры*. URL: <https://bendery-ga.org/7204-konceptsiya-municipalnogo-proekta-posvyaschenogo-30-y-godovschine-otrazheniya-shirokomasshtabnoy-agressii-respubliki-moldova-protiv-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki.html> (дата обращения: 29.07.2022).
15. Мальшев Д. В. Приднестровский конфликт: траектория развития // *Вестник Московского университета*. 2013. № 1. С. 106–126.
16. Обращение неправительственных организаций ПМР к президенту Молдовы // *Общеприднестровский народный форум*. 2022. 15 апреля. URL: <http://www.onfpmr.ru/news/novosti-onf/obraschenie-nepravitelstvennih-organizatsiy-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki-k-prezidentu-moldovi-tsandu.html> (дата обращения: 29.07.2022).
17. Президент принял участие в траурно-памятном митинге «Память нетленна» // *Официальный сайт президента ПМР*. 2022. 2 марта. URL: <https://president.gospmr.org/press-sluzhba/novosti/prezident-prinyal-uchastie-v-traurno-pamyatnom-mitinge-pamyat-netlenna.html> (дата обращения: 29.07.2022).
18. Распоряжение президента Приднестровской Молдавской республики № 52рп от 28 февраля 2022 г. «Об утверждении республиканского плана мероприятий, посвященных 30-й годовщине отражения широкомасштабной агрессии Республики Молдова против Приднестровской Молдавской Республики» // *Официальный сайт президента Приднестровской Молдавской республики*. URL: <https://president.gospmr.org/pravovye-akty/rasporuyajeniya/ob-utverzhenii-respublikanskogo-plana-meropriyatij-posvyaschenih-30-y-godovschine-otrazheniya-shirokomasshtabnoy-agressii-respubliki-moldova-protiv-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki.html> (дата обращения: 29.07.2022).
19. Стратегия развития Приднестровской Молдавской республики на 2019–2026 гг.: в 88 страниц // *Официальный сайт президента ПМР*. URL: <https://president.gospmr.org/strategiya-razvitiya> (дата обращения: 26.01.2022).

20. Харитонова Н. И. Приднестровский конфликт: новые подходы к изучению прошлого и настоящего // Вестник РГГУ. 2014. № 19. С. 105–119.

21. Цуканова О. В. Этапы молдово-приднестровского конфликта // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 2. С. 246–249.

Для цитирования:

Солдатенко И. С. Тридцатилетие конфликта на Днестре: взгляд из Приднестровья // Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. С. 64–69.

ГОРБАЧЁВОВЕДЕНИЕ
GORBACHEVOVEDENIYE

**Репрезентация отношения к историческому значению
М. С. Горбачёва в посвящённых ему некрологах и траурных
телеграммах действующих глав государств
(на 30 августа 2022 г.)**

**The representation of the attitude to the historical significance
of M. S. Gorbachev in his obituaries and the mourning telegrams
of the current heads of state**

***Аннотация.** В настоящей статье с помощью методов дискурсивно-исторического подхода анализируются речи, телеграммы, сообщения глав государств по случаю смерти М. С. Горбачёва. Внимание уделено прежде всего практике фреймирования политиками репрезентации исторического значения первого и последнего президента Советского Союза. Нами прослежены речевые стратегии политиков и установлена связь между некрологами и исторической памятью о событиях Перестройки и распада СССР.*

***Ключевые слова:** Михаил Горбачёв; дискурс-анализ; некрологи; историческая память.*

***Abstract.** In this article, using the methods of discursive-historical approach, the analysis of the speeches, telegrams, messages of the heads of state on the occasion of the death of M. S. Gorbachev is performed. Attention is paid, first of all, to how politicians framed the representation of the historical significance of M. S. Gorbachev. The author traces the speech strategies of politicians and establishes a connection between Gorbachev's obituaries and the historical memory of the events of Perestroika and the collapse of the USSR.*

***Keywords:** Mikhail Gorbachev; discourse analysis; obituaries; historical memory.*

30 августа 2022 г. стало известно о смерти первого и последнего президента СССР Михаила Сергеевича Горбачёва. Время его нахождения у власти не оставляет равнодушным практически никого. Одни люди обвиняют его в развале Союза и в уничтожении экономики, «предательской» внешней политике и «заискивании» перед Западом. Другие вспоминают о свободах, гласности и, как им кажется, впервые на советской почве произошедших глубоких демократических преобразованиях. По замечанию биографа советского политика Уильяма Таубмана, «мир раскалывается надвое, когда пытается понять Горбачёва» [11, с. 23].

¹ СПбГУ, ф-т политологии, III курс бакалавриата.
St. Petersburg State University, Faculty of Political Science, 3rd year of Bachelor's degree.

Данное исследование — своеобразная эмпирическая рефлексия на высказывание американского историка. Действительно ли «мир раскалывается надвое», когда речь заходит о М. С. Горбачёве? Или отношение к нему более единообразно, чем мы привыкли думать? Какие риторические стратегии используются при описании исторического значения роли советского лидера? На эти исследовательские вопросы статья и призвана ответить.

Аналитический корпус составили 16 некрологов, которые были опубликованы на официальных сайтах, верифицированных страницах в социальных сетях, а также высказаны в интервью и ре-чах пресс-секретарей. В выборку вошли сообщения глав Австрии [5], Великобритании [13], Германии [14], Израиля [4], Испании [1], Канады [1], Латвии [18], Литвы [7], Нидерландов [12], Норвегии [2], Республики Беларусь [9], России [10], Соединённых Штатов Америки [17], Франции [6], Эстонии [15], Японии [4]. Вне выборки оказались государства, действующие главы которых не высказались о кончине М. С. Горбачёва: например, в Казахстане официальная телеграмма последовала от бывшего президента Нурсултана Абишевича Назарбаева. К тому же не учитывались сообщения, содержавшие только слова соболезнования, без внимания к историческому значению М. С. Горбачёва: такие сообщения получены от президента Киргизской республики Садыра Нургожоевича Жапарова и президента Таджикистана Эмомали Рахмона [3].

Однако справедливо сейчас задаться вопросом, насколько репрезентативны слова некрологов. Ведь, как известно, о покойниках «либо хорошо, либо ничего». Возникают два соображения: во-первых, жанр некролога предполагает подведение некоторой черты под жизнь, рассказ о самых внушительных и ярких, с точки зрения его автора, заслуг, он отбрасывает всё, что видится второстепенным, ненужным или вредным; во-вторых, некрологи публикуются по схожей форме и примерно в одно время, как следствие, сопоставляя их, мы восстанавливаем картину исторической памяти мировой политической элиты. Таким образом, сравнительное исследование позволяет установить те области деятельности президента СССР, к которым мир оказался более всего восприимчив.

Основу методологии составил дискурсивно-исторический подход Мартина Рейзигла и Рут Водак [16]. Благодаря такому подходу можно проанализировать дискурсивные практики без оставления в стороне политического и исторического контекста, в котором тот или иной дискурс и существует. Кроме того, как сказано выше, мы обратились к сравнительному методу, наиболее чувствительному к «особым» случаям.

На первом этапе нами были закодированы те процессы, связанные с деятельностью М. С. Горбачёва, которые чаще других упоминались главами государств в некрологах. Результаты представлены в таблице 1.

Табл. 1

упомянутые много раз	конец холодной войны (9), сокращение ядерных вооружений (5)
упоминаемые реже	человек / дело мира (4), гонка вооружения (3), преодоление раскола Европы (3)
упомянутые несколько раз	прекращение репрессий (2), предоставление свобод (2), гласность (2), открытость (2), распад СССР (2)

Как видно из таблицы, самым выделяемым направлением работы М.С.Горбачёва стала внешняя политика (конец холодной войны, сокращение ядерных вооружений, прекращение гонки вооружений и др.); внутренняя политика и демократизация СССР оказались менее популярными среди упоминаемых заслуг. Это обстоятельство не кажется странным, если учесть, что нашу выборку составляют преимущественно государства, далёкие от постсоветского пространства и, стало быть, более равнодушные к процессам внутри страны.

Рассмотрим постсоветское пространство. Далеко не все руководители стран, некогда входивших в Советский Союз, посчитали нужным высказаться на предмет кончины М.С.Горбачёва. Одним из первых выразил соболезнования российский президент Владимир Владимирович Путин. В телеграмме он отметил значительное влияние лидера советского государства на ход мировой истории и масштаб кризиса середины 1980-х гг., а о самой деятельности написал так: «[Михаил Сергеевич] понимал, что реформы необходимы, стремился предложить свои решения назревших проблем». Кроме того, В.В.Путин сказал про «большую гуманитарную, благотворительную, просветительскую деятельность, которую М.С.Горбачёв вёл все последние годы». Похожая интонация в некрологе взята президентом Республики Беларусь Александром Григорьевичем Лукашенко. По его мнению, М.С.Горбачёв «внёс большой личный вклад в разрядку международной напряжённости и глобальное ядерное разоружение в конце двадцатого столетия». О внутренней же политике сказано более скромно: «[Он] искренне верил в возможность переустройства общества на принципах гласности, народовластия и открытости». Два некролога роднит стремление описать историческое значение М.С.Горбачёва с позиции незавершённости, используются такие слова, как «понимал», «стремился», «искренне верил». Более «законченные» слова произнесены о работе Горбачёв-фонда, намёк на который содержится в некрологе В.В.Путина, и преодолении международной напряжённости, о котором заявляет А.Г.Лукашенко.

Совершенноная интенция лежит в основе некрологов М.С.Горбачёву от руководителей прибалтийских государств. «Попытки Горбачёва реформировать застывшую систему привели к распаду СССР, — заметил латвийский президент Эгилс Левитс. — Ущемлённым народам это

принесло свободу. В результате — против воли Горбачёва — и Латвия восстановила свою независимость». С похожими словами выступил президент Эстонии Алар Карис, который сказал, что «при Горбачёве распалась советская империя, державшая в цепях многие народы, и он сыграл в этом важную роль». Такую мысль подробно развил литовский президент Гитанас Науседа: «Я считаю, что он был надзирателем, который решил, что надо провести некоторые частичные реформы в тюрьме: переокрасить фасад, дать заключённым возможность читать газеты, разрешить больше оставлять включённым свет, но это была лишь такая реформа. А заключённые хотели выбраться на свободу. Они это сделали, но против воли Горбачёва». Бросаются в глаза недоброжелательная оценка М. С. Горбачёва главами Прибалтики и повторение мысли: независимость и свободу Прибалтика обрела, как полагают президенты Латвии и Литвы, «против воли Горбачёва».

Многие официальные представители бывших республик СССР, а ныне независимых государств остались равнодушными к смерти последнего советского лидера. Факт их «молчания» по поводу смерти М. С. Горбачёва примечателен тем, что тоже в некотором смысле является оценкой исторического значения личности в контексте того или иного государства. «Молчание» Украины можно объяснить текущим конфликтом с Россией и в целом «токсичностью» советского президента для украинской повестки: вырубка виноградников в Крыму во второй половине 1980-х гг., молчание об аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 г. и в конце концов не устраившая Украину позиция М. С. Горбачёва по вопросу воссоединения Крыма с Россией в 2014 г. (из-за этого два года спустя служба безопасности Украины запретила ему въезд на территорию страны). Отсутствие публичной реакции официальных лиц кавказских стран (Грузии, Армении, Азербайджана) и республик Средней Азии (Казахстана, Туркменистана, Узбекистана) также можно объяснить неоднозначностью образа М. С. Горбачёва в контексте истории этих территорий в период Перестройки [8].

Интересный для анализа материал представляет некролог, опубликованный на сайте Белого дома от имени президента США Джо Байдена. «Когда он пришёл к власти, холодная война длилась почти 40 лет, а коммунизм ещё дольше, что имело разрушительные последствия, — писал американец. — Как лидер СССР, он работал с президентом Рейганом над сокращением ядерных арсеналов наших стран, для облегчения людей во всём мире, молящихся о прекращении гонки ядерных вооружений. После десятилетий жестоких политических репрессий он принял демократические реформы. Он верил в гласность и перестройку — открытость и перестройку — не просто как в лозунги, а как в путь вперёд для народа Советского Союза после стольких лет изоляции и лишений. Это были действия редкого лидера — человека с воображением, способным увидеть, что другое будущее возможно, и мужеством рискнуть всей своей карьерой, чтобы достичь его [будущего]. Результатом стал более безопасный мир и большая свобода для миллионов людей».

В не менее превосходной степени дал комментарий по случаю смерти советского президента канцлер Германии Олаф Шольц: «Михаил Горбачёв умер. Вместе с ним умер смелый реформатор, дальновидный политик и государственный деятель. Его смелость в отношении перемен, стремление к прозрачности и неукротимый характер выделяли его среди других. Германия склоняется перед ним. Мы, немцы, в огромном долгу перед ним — потому что его политика перестройки заложила основу для преодоления холодной войны, расчистки пограничных деревьев и воссоединения Европы и Германии».

Премьер-министр Великобритании Борис Джонсон признался в том, что «всегда восхищался» М. С. Горбачёвым и что политический опыт последнего — «пример для нас». Главы Испании, Франции, Японии посчитали необходимым особо выделить роль советского лидера в установлении мирной жизни: «...сделал Европу и весь мир более мирными и свободными» (Педро Санчес), «человек мира» (Эммануэль Макрон), «...добился преодоления раскола Европы и конфронтации между Востоком и Западом» (Фуmio Кисида).

Контраст с ранее рассмотренными некрологами очевиден: здесь, во-первых, дана определённо положительная оценка исторического значения М. С. Горбачёва, а во-вторых, недвусмысленно подчёркнуты личные достоинства, благодаря которым к завершению пришли внутри- и внешнеполитические начинания президента СССР. Более скромно высказались главы Канады и Нидерландов, однако и они не смогли не отметить «значительное влияние на ход мировой истории». Президент Израиля Ицхак Герцог заявил, что М. С. Горбачёв — «экстраординарная личность XX века». Тот факт, что советский лидер выбрал «реформы вместо репрессий», показался важным премьер-министру Норвегии Йонасу Гар Стёре.

При оценке исторического значения М. С. Горбачёва, как нам представляется, официальные лица государств учитывали не только роль в делах внутренних и внешних в 1985–1991 гг., но и современный международно-политический контекст. Неслучайно президент Австрии Александр Ван дер Беллен заметил о лидере Перестройки: «...его наследие остаётся, и сегодня оно важнее, чем когда-либо». В условиях эскалации военно-политической напряжённости представители политической элиты находятся в поиске исторических примеров дипломатического успеха в преодолении мировых кризисов, и, вероятно, этим же объясняется наибольшее внимание в некрологах к внешнеполитическим заслугам М. С. Горбачёва.

В статье перед нами раскрылась панорама исторической памяти глав постсоветских государств и остального мира по отношению к периоду правления М. С. Горбачёва. Подобно тому, как разделила мир холодная война, его разделяет и отношение к человеку, который однажды эту войну прекратил. Мы выделили главные направления деятельности советского президента, выделили так, как их видят мировые лидеры, и проследили, как по-разному главы государств стараются формировать отношение к нему своих граждан в публичном поле: от умеренных оценок (Австрия,

Россия, Республика Беларусь, Канада, Нидерланды) до открытой враждебности (Латвия, Литва, Эстония) и восхищения (Великобритания, Германия, Израиль, Испания, Норвегия, США, Франции, Япония).

Список источников

1. «Соболезнования всем, кто извлёк пользу из его веры в лучший мир». Реакция планеты на смерть Михаила Горбачёва // Новая газета. URL: <https://novyagazeta.ru/articles/2022/08/31/soboleznovaniia-vsem-cto-izvlek-polzu-iz-ego-very-v-luchshii-mir> (дата обращения: 15.01.2023).
2. «Ушёл чемпион демократии». Зарубежные политики вспоминают Михаила Горбачёва // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5536799> (дата обращения: 15.01.2023).
3. «Ярчайший политик своего времени». Соболезнования в связи со смертью Михаила Горбачёва // ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/15602225> (дата обращения: 15.01.2023).
4. Как западные политики отреагировали на смерть Горбачёва // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/31/08/2022/630e8bb89a7947149ac86f75> (дата обращения: 15.01.2023).
5. Канцлер Австрии: Горбачёв повлиял на сближение Востока и Запада // ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/15602287> (дата обращения: 15.01.2023).
6. Памяти Михаила Горбачёва: подборка писем и телеграмм // Горбачёв-фонд. URL: https://www.gorby.ru/presscenter/news/show_30349 (дата обращения: 15.01.2023).
7. Президент Литвы оценил Горбачёва: он был тюремным надзирателем // DELFI. URL: <https://www.delfi.lt/ru/news/politics/prezident-lityvy-ocenil-gorbacheva-on-byt-turemnym-nadziratelem.d?id=91113275> (дата обращения: 15.01.2023).
8. Противоречивые воспоминания: реакция постсоветских стран на смерть Горбачёва // Русская служба Би-би-си. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-62741571> (дата обращения: 15.01.2023).
9. Соболезнование родным и близким Михаила Горбачёва // Президент Республики Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/events/soboleznovanie-rodnyim-i-blizkim-mihaila-gorbacheva> (дата обращения: 15.01.2023).
10. Соболезнования в связи с кончиной Михаила Горбачёва // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69234> (дата обращения: 15.01.2023).
11. Таубман У. Горбачёв: его жизнь и время / пер. с англ. Т. Азаркович, О. Тихомировой. М., 2019. 768 с.
12. Шольц: немцы в огромном долгу перед Горбачёвым // Новые известия. URL: <https://newizv.ru/news/2022-08-31/sholts-nemtsy-v-ogromnom-dolgu-pered-gorbachevum-361596> (дата обращения: 15.01.2023).
13. 'He changed the course of history': UN leader hails Mikhail Gorbachev — while Boris Johnson salutes his 'courage and integrity' and Biden praises the former Soviet leader's 'remarkable vision' that 'created a better world' // Mail Online. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-11162395/Boris-Johnson-salutes-Mikhail-Gorbachevs-courage-integrity-helped-end-Cold-War.html> (date of application: 15/01/2023).
14. German Chancellor Olaf Scholz commemorated Mikhail Gorbachev... // Reuters. URL: <https://twitter.com/Reuters/status/1565017823235018752> (date of application: 15/01/2023).
15. Karis: Gorbatsovi ajal lagunes Nõukogude impeerium // Eesti Rahvusringhääling. URL: <https://www.err.ee/1608700765/karis-gorbatsovi-ajal-lagunes-noukogude-impeerium> (vaatamise kuupäev: 15.01.2023).
16. Reisingl M., Wodak R. The Discourse-Historical Approach (DHA) / *Methods of Critical Discourse Analysis*. London, 2009. P. 87–121.
17. Statement of President Biden On the Passing of President Mikhail Gorbachev // The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/08/30/statement-of-president-biden-on-the-passing-of-president-mikhail-gorbachev/> (date of application: 15/01/2023).
18. The Soviet system lost the competition with the West... // Egils Levits. URL: <https://twitter.com/va1stgriba/status/1564868968195784704> (date of application: 15/01/2023).

Для цитирования:

Усачёв Д. И. Репрезентация отношения к историческому значению М. С. Горбачёва в посвящённых ему некрологах и траурных телеграммах действующих глав государств (на 30 августа 2022 г.) // Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. С. 73–78.

Акулич Глеб Александрович | Akulich Gleb Aleksandrovich²

**«От сырьевой базы до самодостаточного комплекса»:
дискурсивная презентация Дальнего Востока в выступлениях
М. С. Горбачёва**

**“From the source of feedstock to a self-sufficient complex”:
the discursive approach of M. S. Gorbachev to presenting Far East**

***Аннотация.** В статье анализируются дискурсивные определения Дальнего Востока в выступлениях М. С. Горбачёва. В первой части исследования раскрыт контекст «перестроечных» изменений в обозначенном регионе, а во второй характеристики, данные Дальнему Востоку, классифицированы нами на основе постколониальной теории: они были поделены на столично-региональный и регионально-сущностный дискурсы. Выводом стало наличие предпосылок к складыванию регионалистского политического мышления.*

***Ключевые слова:** регионализм; Михаил Горбачёв; постколониальный дискурс-анализ; репрезентация Дальнего Востока; Перестройка.*

***Abstract.** This article contains the definition of the Russian Far East in M. S. Gorbachev's speech. The first part explores the context of the changes that took place in the aforementioned region during Perestroika. The second part includes postcolonial discourse analysis of Gorbachev's speech which allowed us to classify the characteristics of the Far East and divide them into two groups: the discourse of capital and region; and the regionalistic discourse. In conclusion, the analysis of the speech gives an opportunity to confirm the development of the new regional vision into a common policy in the reformed USSR.*

***Keywords:** regionalism; Mikhail Gorbachev; postcolonial discourse analysis; representation of Far East; Perestroika.*

Перестройка относится к наиболее активным трансформационным эпохам XX в. На взгляд Эрика Хобсбаума, она закончила мировую «эпоху крайностей» [5]. При этом Перестройка, как и в тексте британского историка, неминуемо встраивается в нарратив о распаде СССР. Нас же интересует межрегиональная система отношений внутри самого процесса. «Новое региональное мышление» видоизменяет природу отношений между центральной и местной властью, поскольку значимым становится фактор населения. Исследовательская задача состоит в том, чтобы провести постколониальный дискурс-анализ выступлений Михаила Сергеевича Горбачёва для выявления отношения представителя центральной власти к Дальнему Востоку. Но, прежде чем перейти к самому анализу, следует высказать два замечания. Первое

---

² Магистр истории, независимый исследователь.
Master of History, independent researcher.

касается контекста изменений, которые происходили на Дальнем Востоке, а второе — выбранного нами теоретического инструмента.

Дальний Восток представляет собой новую зону выхода из экономически сложной ситуации, и российская власть нередко заявляла о «повороте на Восток». Если взять эпоху Перестройки, то основой процесса была интеграция Советского Союза в мировой рынок, и восточное направление с менее занятым, чем на Западе, экономическим пространством на тот момент являлось наиболее перспективным для того, чтобы расширить экономику. Дискурсивно регион был связан с Сибирью. Так, на одном из выступлений перед региональной партийной элитой в Тюмени генеральный секретарь ЦК КПСС заявил об общесоюзном внимании к Сибири и Дальнему Востоку, как к добывающим и обеспечивающим нужды всего Союза регионам [1, с. 388]. В заявлении был озвучен ряд тезисов: 1) требование ускоренного развития в рамках экономической стратегии; 2) особое геополитическое значение ввиду тихоокеанских рубежей, что отвечает реформированной внешней политике дружбы и добрососедства; 3) огромный потенциал в будущем; 4) совершенствование транспортной доступности территорий и ликвидация задержек при строительстве; 5) внимание к экологии; 6) ориентированность на удобство живущего на территориях Сибири и Дальнего Востока человека [1, с. 388–389, 397].

Именно в Перестройку, в связи с изменениями стратегического развития Советского Союза, корректируется образ Дальнего Востока как региона. Знаменательна в этом плане поездка М. С. Горбачёва в крупные города на юге — во Владивосток, Находку, Комсомольск-на-Амуре и Хабаровск. Посещение региона руководителем СССР, по замечанию Анатолия Евгеньевича Савченко, становится «интенсивным обменом символическими ресурсами» [2, с. 86]. Партийные мероприятия, проведённые в связи с визитом генерального секретаря, представляли собой квинтэссенцию взаимодействия центральной и региональной властей. Однако не менее важным фактором выстраивания новой региональности стали публичные встречи М. С. Горбачёва с жителями городов. Запись выступлений на встречах вышла отдельной брошюрой и в настоящее время служит основным источником для дискурс-анализа [3].

Выбранная нами оптика взгляда на сущность дискурса — постколониальная, что является разновидностью критического дискурс-анализа. Он в целом направлен на то, чтобы выделить скрытые и разобрать предвзятые высказывания, которые являются информационным фоном говорящего [4, с. 227], постколониальная же оптика, в свою очередь, позволяет нам сузить проблематику анализируемого текста до отношений неравенства репрезентаций Центра и региона и способствует раскрытию более широкого исторического контекста и генеалогии регионального администрирования [7, р. 35].

Важно отметить сложность применения концептов из постколониальной теории к «политиям» Северной Евразии: структур-

ную невозможность наделения Советского Союза статусом империи с колониями. Такой подход к СССР, на наш взгляд, не является валидным, поскольку он лишь переносит, упрощая, значения с примеров западного колониализма на советский материал. Тем не менее, многие авторы концептуализируют виды колониальности и характеризуют российский кейс «освоения» в качестве «колониальности переселенческой». Основными акторами процесса колонизации являются региональные представители культуры метрополии [6, р. 193–194], которые становятся основными агентами, защищающими интересы далёких от столичного пространства. Советские идеологи отходят на уровне дискурса от практик имперской власти, построенных на доминировании и насаждении своих ценностей, однако у них сохраняются насильственные переселения как политическая мера в период индустриальной мобилизации. Наш исследовательский интерес и сосредоточен на отношениях неравенства между регионом и Центром, которые возникают вследствие наличия указанных практик власти.

Мы утверждаем, что советская система управления регионами прежде Перестройки дискурсивно была направлена на выстраивание иерархических отношений между Центром и периферией. Об этом, как ни странно, утверждает в своём выступлении на Дальнем Востоке сам М.С.Горбачёв [3, с. 8]. Такая направленность властной системы породила ситуацию дискурсивного неравенства — колониальности. С приходом во власть М.С.Горбачёва позиция центральной власти, под влиянием генерального секретаря, меняется на выстраивание дискурсивной самостоятельности региона. Это значит, если пользоваться концептами постколониальной теории, что центральная власть меняет презентацию: она отдаёт региональной власти — как политической, так и интеллектуальной — право конструирования новых образов региона. Сразу множество акторов, идентифицирующих себя с регионом, с этого момента может выстраивать региональный дискурс. Дискурс же центральной власти меняется, и нашей задачей в рамках данного исследования стало выявление в речах М.С.Горбачёва основных тезисов дискурсивного изменения. Тезисы, вместе с характеристиками репрезентации Дальнего Востока, были разделены на две смыслообразующие группы: во-первых, столично-региональный дискурс, который встраивает регион в иерархию и отношения с РСФСР и СССР; во-вторых, регионально-сущностный дискурс, который касается непосредственно Дальнего Востока.

Определяющей характеристикой, завязанной на первый дискурс, является, прежде всего, осмысление региона как восточной части советской территории [3, с. 3, 8]. Такое соотношение с государственным образованием фундаментально для территориальной политики внутри любой страны, не только в Советском Союзе. В речах М.С.Горбачёв использует троп «священные рубежи», тем самым как бы сакрализуя Дальний Восток и его вписанность в советский

контекст, но при этом учитывает ограниченный характер высказывания «форпост на Тихом океане». Последнюю характеристику, на его взгляд, следует заменить, превратив Дальний Восток в самодостаточный и высокоразвитый народнохозяйственный комплекс. Восточное направление декларативно объявляется приоритетным. Но для того, чтобы декларация привела к реальным изменениям, было принято решение о постепенном переносе ответственности на местные органы и повышении их прав в решении экономических вопросов посредством полного хозрасчёта, самофинансирования и социалистического самоуправления.

Далее, столично-региональный дискурс выразился в том, какая внешнеполитическая роль присвоена Дальнему Востоку [3, с. 22–25]. В условиях новой геополитической позиции в СССР поощрялись парадипломатические связи и вовлечение государства в международную политику именно через регионы. В выступлении, посвящённом новым задачам региональной власти, основным тезисом является «оживление прибрежной и приграничной торговли» с зарубежными странами и создание совместных предприятий. В данном контексте Дальний Восток занимает важное место внутри страны: он теперь не столько географическое образование, как в случае с выражением Никиты Сергеевича Хрущёва «форпост социализма», сколько экономический актор.

Наконец, в рамках экономической трансформации страны за Дальним Востоком закрепилось «особое место» в программе Перестройки [3, с. 8–10]. Региону уделяется внимание как наиболее плодотворному для ускорения социально-экономического развития, но из этого можно сделать вывод, что, несмотря на удовлетворительные темпы роста, положение региона не соответствует тому, какое от него ожидается. По тезисам М. С. Горбачёва также можно выявить извечную демографическую проблему, которая не позволяет региону использовать в полную меру внутренние силы. Если всё суммировать, то получается образ перспективного региона с неудачными способами развития в его прошлом, но с перспективой развития на основе собственных усилий в составе Российской республики. Политические требования автономии на тот момент актуальны не были.

Теперь разберём регионально-сущностный дискурс. Элементы своеобразия Дальнего Востока представлены в первую очередь особым характером местных жителей. Были использованы такие характеристики, как «трудолюбие», «стойкость», «мужество», «храбрость», «отвага» [3, с. 3–4]. Данные выражения соответствуют определённым группам, которым перечисленные черты и вправду требовались на работе: торговые и военные моряки, рыбаки, рабочие добывающей промышленности и др. Что до населения, то большая его часть проживала в условиях, близких к тем, что были на северных территориях Центральной части России, и этим, возможно, объясняется редукция значений, перенос местных характеристик на регион в целом.

Однако такая редукция, на наш взгляд, преувеличена, и наименование таких идентичностей может быть вызвано поиском генеральным секретарём доверия у дальневосточников.

В докладе М. С. Горбачёва присутствуют и тезисы, раскрывающие природные качества территории. Географические особенности характеризуются посредством следующих образов: «прекрасное море», «уникальная природа», «богатые минеральные источники», «туманы», «долины», «океан» [3, с. 11]. В данном случае в речи самого советского лидера можно увидеть позицию гостя, который приезжает и видит Другое пространство, привычное для местных и не являющееся в их глазах экзотичным. Ещё один набор характеристик связан со своеобразной коллекцией мифологизированных персоналий в исторической памяти [3, с. 3–4]. Как заявляет М. С. Горбачёв, период освоения придаёт первым землепроходцам ореол героичности. Территории же особые по самому характеру их описания и вписывания в советский и российский контекст. Человеческими образами в данном случае выступают Семён Иванович Дежнёв, Ерофей Павлович Хабаров и Геннадий Иванович Невельской [3, с. 3–4]. Приведённый ряд представлен в основном путешественниками, т.е. первооткрывателями края, которые были посланы из Центра; как особое состояние территории можно выделить вписывание её в советский контекст. Развитие края под властью большевиков, Советов, описывается как «энергичное», в нём проявился «ратный труд». Советскими лидерами дальневосточников являются Сергей Георгиевич Лазо, Павел Петрович Постышев, Константин Александрович Суханов, братья Всеволод и Игорь Сибирцевы, Виталий Борисович Баневур, Дмитрий Часовитин и Иероним Петрович Уборевич. Образы же исторических периодов региона, помимо неправильного развития с послевоенного времени до начала, собственно, самой Перестройки, отсутствуют.

Из сказанного следует, что на уровне презентации Дальнего Востока выстраивается децентрализаторская модель, с учётом особенностей, которые характерны для региона. Центральной властью проговариваются предыдущие особенности геополитической ситуации и вытекавшей из них централизации — «форпоста». Статус Дальнего Востока дискурсивно меняется с закрытой территории на самодостаточный регион/район. Регионам предлагались условия для интенсификации и саморегулирования, что можно охарактеризовать как регионализм. Учитывая важность экономических трансформаций, дискурсивная роль региона в новом экономическом ландшафте советской экономики увеличивается. Тем не менее, список исторических символов региона представлен путешественниками и советскими революционерами, т.е. проводниками центральной власти, и М. С. Горбачёвым не были названы яркие промышленники, эффективные управленцы и экономически успешные персоналии. Дальний Восток в эпоху Перестройки получил возможность выстраивать собственные нарративы о себе и презентовать их в широкой публичной среде.

Список источников

1. Горбачёв М. С. Сибири — ускоренный шаг: выступление на совещании парт.-хоз. актива Тюменской и Томской областей 6 сентября 1985 г. // *Избранные речи и статьи*. В 7 тт. Т. 2. М., 1987. С. 375–396.
2. *Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX — начало XXI в.)*: коллективная монография / под общ. ред. А. С. Вацук. В 2 кн. Кн. 1. Дальневосточная политика: стратегии социально-политической безопасности и механизмы реализации. Владивосток, 2014. 360 с.
3. *Перестройка неотложна, она касается всех и во всём: сборник материалов о поездке М. С. Горбачёва на Дальний Восток, 25–31 июля 1986 г. М., 1986. 95 с.*
4. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. *Методы анализа текста и дискурса* / пер. с англ. А. Киселёвой. Харьков, 2009. 356 с.
5. Хобсбаум Э. *Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век (1914–1991)* / пер. с англ. Е. Нарышкиной, А. Никольской. М., 2004. 632 с.
6. Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. *Post-Colonial Studies: The Key Concepts*. London, 2007. 292 p.
7. Sanz Sabido R. *Postcolonial Critical Discourse Analysis: Theory and Method* // *The Israeli-Palestinian Conflict in the British Press*. London, 2019. P. 19–53.

Для цитирования:

Акулич Г. А. «От сырьевой базы до самодостаточного комплекса»: дискурсивная презентация Дальнего Востока в выступлениях М. С. Горбачёва // *Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции*. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. С. 79–84.

Дмитриев Даниил Александрович | Dmitriev Daniil Aleksandrovich¹

Отражение политики М. С. Горбачёва в известном немецком еженедельнике «Der Spiegel» в 1985–1991 гг.

The reflection of Gorbachev's policy in the well-known German weekly news magazine "Der Spiegel" in 1985–1991

Аннотация. В статье анализируется публичный образ политики М. С. Горбачёва (1985–1991 гг.), сформированный известным немецким информационно-политическим журналом «Der Spiegel». Внимание уделяется как внутренним (Перестройка в СССР), так и внешним («новое политическое мышление») аспектам политического курса. Нами отмечается тот факт, что многие инициативы советского лидера в годы Перестройки, имевшие под собой демократическое основание, получают позитивную оценку редакции журнала. Курс на завершение холодной войны, разоружение, а также позиция советского руководства по германскому вопросу — всё это встречает одобрение редакции. В статье делается вывод о глубине её понимания процессов Перестройки и об очевидной симпатии к личности М. С. Горбачёва.

Ключевые слова: Перестройка; Der Spiegel; Михаил Горбачёв; гласность; «новое политическое мышление»; объединение Германии.

Abstract. This article analyzes the reflection of Gorbachev's policy (1985–1991), formed by the well-known German political and informational magazine "Der Spiegel". Special attention is paid to the internal (Perestroika in the USSR) and external aspects ("new political thinking") of Gorbachev's political course. At the same time, many of the Soviet leader's initiatives during the years of Perestroika, while having a democratic basis, are positively evaluated by the magazine's editors. The course towards the end of the Cold War, disarmament and the position of the USSR on the German issue are met with the approval of the magazine's editors. From all that the author concludes that the editorial team's understanding of the processes of Perestroika is profound and that there is obvious sympathy for Gorbachev's personality.

Keywords: Perestroika; Der Spiegel; Mikhail Gorbachev; glasnost; "new political thinking"; German reunification.

Немецкая глава биографии Михаила Сергеевича Горбачёва удивительно разнообразна и интересна. В Германии его помнят и относятся к нему с особым уважением. Во многом благодаря позиции советского руководства при М. С. Горбачёве стало возможным воссоединение германской нации путём объединения ФРГ и ГДР в 1990 г.

Наряду с Гельмутом Колем и Джорджем Бушем — старшим М. С. Горбачёв считается «отцом единства» Германии, о чём сви-

¹ МГИМО МИД России, ф-т международных отношений, III курс бакалавриата.

Moscow State Institute of International Relations, School of International Relations, 3rd year of Bachelor's degree.

детельствует одноимённый памятник в Берлине, установленный в 2010 г. в том месте, где раньше проходила Берлинская стена. Кроме того, с 9 ноября 1992 г. М. С. Горбачёв — почётный житель столицы ФРГ.

Известно, что программы и инициативы генерального секретаря ЦК КПСС, выдвинутые в годы советской Перестройки, часто вызывают у отечественных историков непримиримую критику. В то же время за рубежом М. С. Горбачёву дают совсем другую оценку. Так, в 36-м выпуске журнала «Der Spiegel» за 2022 г., подготовленном по случаю кончины бывшего президента СССР, последнего называют человеком с «трагичной» судьбой, «анти-Путиным», которому всегда недоставало качеств настоящего политика из России: «жёсткости, решительности, безжалостности и цинизма» [3, s. 11]. В этой связи научным потенциалом обладает изучение позитивного отношения общественного мнения западных стран (в частности, Германии) к курсу и личности М. С. Горбачёва. Цель настоящей работы — осветить публичный образ советской Перестройки и её идеолога, сформированный известным немецким информационно-политическим журналом «Der Spiegel». Следует отметить научную новизну статьи, которая объясняется отсутствием работ по заявленной проблеме. Отечественная историография всерьёз ещё не занималась проблемой образа советской Перестройки на страницах «Шпигеля», в настоящий момент можно найти лишь работы, которые посвящены анализу публикаций еженедельника о событиях в постсоветской России (например, труды Е. В. Черненко¹).

Еженедельник «Der Spiegel» (с нем. «Зеркало») — очень влиятельное немецкое издание с богатой историей и высокой узнаваемостью за рубежом, основанное в январе 1947 г. Оно относится к правоконсервативному лагерю немецких СМИ, его аудитория составляет, по данным 2020 г., порядка 14,3 млн. человек в неделю. В 1962 г. журнал обрёл колоссальную популярность в Германии после публикации скандальной статьи о состоянии бундесвера, дискредитировав руководство министерства обороны ФРГ и вызвав кризис в правительственной коалиции Конрада Аденауэра [1]. Этот случай называют «Spiegel-Affäre»; в истории немецких СМИ скандал с участием журнала «Der Spiegel» считается важной вехой на пути обретения свободы прессы.

Рассмотрим материалы издания, которые касаются М. С. Горбачёва, по четырём направлениям: знакомство с новым генеральным секретарём ЦК КПСС, политический курс на перестройку советской системы, «новое политическое мышление» и распад Советского Союза в 1991 г.

Первое впечатление: назначение на пост генерального секретаря ЦК КПСС

Фамилия М. С. Горбачёва впервые попадает на страницы журнала ещё в 1982 г., когда западную общественность начал беспокоить во-

¹ Елена Владимировна Черненко (МГУ им. М. В. Ломоносова) — автор кандидатской диссертации по истории на тему «Образ постсоветской России в немецком еженедельном иллюстрированном журнале «Шпигель» (источниковедческое исследование)» (Москва, 2009).

прос о преемнике стареющего Леонида Ильича Брежнева. Ситуация повторилась в феврале 1984 г. в связи с кончиной Юрия Владимировича Андропова. В еженедельнике в тот период М. С. Горбачёв упоминается фрагментарно. Так, в редакционной статье № 8 от 19 февраля 1984 г., посвящённой избранию генеральным секретарём ЦК КПСС Константина Устиновича Черненко, коротко приводятся слова М. С. Горбачёва в поддержку новоизбранного, в коих отмечается необходимость «преемственности в руководстве» [16, s. 128].

Значительно больше внимания журнал уделяет молодому политику после назначения последнего на пост генерального секретаря в марте 1985 г. Новый глава государства сразу же попадает на обложку «Шпигеля» (№ 12 от 17 марта 1985 г.). Редакция отмечает резкий контраст между М. С. Горбачёвым и предыдущими представителями «геронтократии». Еженедельник пишет о генсеке как о деятельном, «смекалистом» лидере-управленце нового типа, который не по бумажке читает, а смотрит слушателям прямо в глаза [7, s. 143]. Позднее, в июле 1985 г., в 28-м выпуске редакция в позитивном ключе освещает перестановки в советском руководстве, принятые главой. Отмечаются принудительная отправка Григория Васильевича Романова на «пенсию по состоянию здоровья» и почётная отставка Андрея Андреевича Громыко с повышением на «декоративную» должность председателя президиума Верховного совета СССР [5, s. 89–90], которые существенно укрепили позиции молодого генсека в Политбюро. В заголовке статьи за решительное отстранение от реальной власти функционеров «сталинско-хрущёвской закваски» М. С. Горбачёва называют «улыбающимся царём с железной хваткой».

Перестройка в СССР

В еженедельнике «Der Spiegel» социально-экономические и политические аспекты Перестройки освещают достаточно доходчиво и конкретно, часто со ссылкой на важные детали.

Так, отдельные статьи еженедельника содержат подробное описание явлений политики гласности. В № 9 от 22 февраля 1987 г. отмечаются позитивные изменения в советском медиапространстве. Редакция ссылается на конкретные случаи появления информации, свидетельствующей об ошибках советского руководства на разных уровнях. «Теперь впервые советские граждане узнают из собственных газет, а не из западной, нелегально завезённой литературы, что в Советском Союзе бывают неурожаи, преступность, катастрофы на железных дорогах, столкновение судов, воздушное пиратство, высокая младенческая смертность, самоубийства и наркомания», — заверяет «Шпигель» [17, s. 128]. Положительную оценку редакции вызывает и начавшийся процесс переосмысления сталинской эпохи, а также волна реабилитации. Так, ключевая статья в № 1 за 1987 г. посвящена возвращению лауреата Нобелевской премии мира (1975 г.) Андрея Дмитриевича Сахарова из ссылки. Соответствующее решение

М. С. Горбачёва признаётся редакцией журнала самым «эффектным» актом, совершённым на внутривластной сцене к 1987 г. [11, s. 78].

Примечательно, что еженедельник умело расставляет акценты: по его мнению, гласность «заглушает» любые сомнения в отношении серьёзности намерений генсека. Именно политика гласности, по утверждению редакции, доказывает, что М. С. Горбачёв готов к рискам проводимой им «революции сверху», ведь «транспарентность и диктатура» не уживаются вместе [17, s. 128].

Отдельного внимания заслуживают комментарии «Шпигеля» о столкновении интересов «консерваторов», противников реформ М. С. Горбачёва, и сторонников этих реформ — «демократов». На обложку № 41 за октябрь 1987 г. был помещён написанный большими буквами вопрос: «Насколько силен Горбачёв?» В объёмной статье редакция пишет о том, что начинания идеолога Перестройки с каждым разом находят всё новых противников, уже «сколотивших» «консервативный фронт» [14, s. 160]. Консерваторы опасались «возвращения к капитализму» и рисовали страшные пейзажи в тонах «забастовок, инфляции и массовой безработицы» [14, s. 161]. Журнал отмечал и растущее недовольство в рядах «партийной бюрократии», чьи «привилегии» оказались под угрозой, в особенности с началом проведения борьбы против «диктатуры партии». При этом в одной из статей № 27 за 1988 г., который вышел сразу после отгремевшей XIX Всесоюзной партийной конференции, было представлено возмущение как «аппаратчиков», так и сторонников менее радикальных реформ: одни боялись потери собственной власти, другие критиковали сильное «размытие» роли партии в советской системе [2, s. 121–122].

Угрозу для М. С. Горбачёва редакция «Шпигеля» видела и в изучении проблем в советской армии, публичной критике её неэффективности в Афганской войне и демобилизации свыше 1,2 млн. человек, ведь из всех «слуг старой системы» самую опасную оппозицию составлял советский генералитет [17, s. 129–130].

Незамеченным не остался и национальный вопрос в СССР. С тревогой в одной из статей № 49 за 1988 г. освещены «кровавые» события в советских республиках, во многих из которых царит «обстановка, похожая на гражданскую войну». Раскол в многонациональной империи Советского Союза кажется «непреодолимым» [15, s. 148].

В этой связи уместно вспомнить публикацию большого интервью Георгия Хосроевича Шахназарова «Шпигелю» в № 4 за 1991 г. В беседе с корреспондентом еженедельника советник президента давал комментарий по январским событиям в Вильнюсе (Литва). Г. Х. Шахназаров уверенно отстаивал позицию руководства СССР: не раз сослался на инциденты ущемления прав русскоязычного населения в Литве, а также подчеркнул несговорчивость и неповиновение властей республики. Силовое разрешение кризиса в Вильнюсе Г. Х. Шахназаров не оправдывал. В свою очередь, позиция журналиста «Шпигеля» по событиям в Вильнюсе читается между

строк: осуждение применения военной силы в столице Литвы и критика высшего советского руководства за попытки переложить ответственность за принятие решения по Вильнюсу на локальный уровень. Невозможно упустить примечательную словесную перепалку между Г.Х. Шахназаровым и его собеседником. В который раз упоминая попытки литовского руководства превратить русскоязычное население в «граждан второго сорта», а также говоря о бесплодности переговоров союзного центра и руководства республики, Г.Х. Шахназаров в сердцах просит корреспондента задуматься, что произошло бы в Германии, если бы одна из федеральных земель вдруг отказалась следовать Основному закону. На это сотрудник «Шпигеля» гордо ответил, что конституция Германии пользуется популярностью среди федеральных земель. «Недаром недавно к нам ещё пять новых [земель] из соцблока присоединились», — остро заметил корреспондент [9, s. 132].

Несмотря на существующие изъяны, которые проявляются в некоторых политических оценках, как в случае с Вильнюсом, редакция «Шпигеля» в целом нельзя отказать в глубоком понимании процессов. В одной из статей еженедельник подчёркивал несовместимость конечных результатов запускаемых реформ с основами советской модели. В политике требуют плюрализма, в экономике — рынка, отодвигая на второй план социализм и плановое хозяйство. Вердикт «Шпигеля»: советские граждане слишком «буквально» воспринимают Перестройку [14, s. 160].

«Новое политическое мышление» — неожиданность для Запада

Традиционно немецкого читателя занимала, помимо проблемы внедрения демократических ценностей и свобод в советскую систему, внешняя политика СССР. «Новое политическое мышление», построение «общего европейского дома», ядерное разоружение и нормализация диалога с США не могли не встретить искреннего одобрения всего западного сообщества.

Последовательно редакция освещает все крупные внешне-политические шаги советского генсека: Женева, Рейкьявик, РСМД, Мальта и др. Уже после встречи М. С. Горбачёва и Рональда Рейгана в Женеве в ноябре 1985 г. журнал фиксирует «поворот» в советско-американских отношениях, предвещающий новую волну разрядки [19, s. 139]. Особое внимание уделяется генсеку-переговорщику, который однозначно набрал много политических очков после саммита, как в СССР, так и за его пределами. С позиции «Шпигеля», «живость, непринуждённость и проницательность» М. С. Горбачёва, продемонстрированные в Женеве, — повод для «глубочайшего удовлетворения» советских граждан, «достаточно часто страдающих от глубоких комплексов неполноценности по отношению к Америке» [19, s. 138].

После встречи лидеров в Рейкьявике в октябре 1986 г. журнал «Der Spiegel» признал М. С. Горбачёва абсолютно новым явлением в советской дипломатии, для которой ранее были характерны лишь «напористость» и «твердолобость» [13, s. 154]. Вновь отмечается «жи-

вость» советского лидера, большая человечность по сравнению с его предшественниками. Неслучайно на обложке 43-го выпуска за 1986 г. красуется коллаж из различных фотографий советского лидера с подписью «многоликий Горбачёв».

В другом свете немецкому читателю представлен М. С. Горбачёв в выпусках за 1990 г., когда в активную фазу переходит подготовка к объединению ФРГ и ГДР. Еженедельник сопровождает соответствующими комментариями изменение позиции советского руководства по германскому вопросу: от полного неприятия объединения к признанию этого вопроса «внутренним» делом двух Германий и до открытия пути для единой Германии в НАТО.

Так, в № 20 от 13 мая 1990 г., опубликованном после первого раунда переговоров в формате «2+4» в Бонне, отмечают несговорчивость советского руководства. По мнению редакции «Шпигеля», М. С. Горбачёв на встрече в Бонне ясно дал понять, что процесс объединения не пойдёт «в том темпе» и «в том порядке», какие представляют себе западные партнёры [18, s. 18]. Именно в ходе первого раунда переговоров М. С. Горбачёв увязал объединение Германии с заключением «мирного договора» с ней.

Позднее, в № 30 за июль 1990 г., еженедельник восторженно рассказывает о «самом крупном политическом успехе Коля» — встрече с генсеком в Архызе, в ходе которой канцлер ФРГ был «одарён» «полным суверенитетом будущей Германии» вместе с «членством в НАТО» [6, s. 16]. В статье проводится сравнение с январскими событиями 1871 г. в Версале. Если тогда Германия Отто фон Бисмарка «от рождения» была «милитаристской» и «враждебной Франции», то теперь «единая Германия» появляется «в единстве со старыми демократиями Запада», «сильнее связана с ними институционально и ценит ими как партнёра». При этом народы Восточной Европы, как заверяет редакция, ожидают от единой Германии помощи в «расчистке гигантского поля обломков, оставленного социализмом на пространстве от Магдебурга до Владивостока» [6, s. 16].

1991 год: «конец коммунизма на русской земле»

В 1991 г. журнал «Der Spiegel» говорит о системном кризисе в СССР и о трудной ситуации для М. С. Горбачёва. Еженедельнику кажутся смешными попытки генсека сохранить Советский Союз хоть в каком-либо виде. Станным кажется редакции опыт проведения 17 марта 1991 г. Всесоюзного референдума о сохранении СССР, ведь никогда раньше в мировой истории «царь не спрашивал подданных, нравятся ли им империя» [12, s. 172].

Жалкими представились редакции «Шпигеля» усилия советского лидера на саммите Группы семерых в Лондоне гарантировать финансовую помощь со стороны западных партнёров Советскому Союзу. Обложка № 29 за 1991 г. именуется президентом СССР «дорогим гостем», а сам он изображён в образе просящего милостыню с протянутой рукой.

События августа 1991 г. пользуются особым вниманием еженедельника, в связи с этим журнал готовит о Советском Союзе сразу два выпуска подряд (№ 35 и № 36). Августовский путч и связанный с ним взлёт популярности Бориса Николаевича Ельцина журнал назвал «поражением» М. С. Горбачёва, а запрещение деятельности КПСС и газеты «Правда» на территории РФ — «серьёзным унижением» для генсека [10, s. 132] и «концом коммунизма на русской земле» [10, s. 133].

В 36-м выпуске еженедельника примечательна публикация небольшого интервью, данного Александру Безыменской бывшим помощником идеолога Перестройки по международным делам. В беседе с журналисткой «Шпигеля» Анатолий Сергеевич Черняев рассказывает о трёхдневном аресте генсека в Форосе (Крым) в середине августа 1991 г. Помощник М. С. Горбачёва подробно восстанавливает хронологию событий тех дней, не упускает важные фамилии и детали. В интервью подчёркивается «абсурдность» и несостоятельность действий путчистов как в Крыму, так и в Москве. Запоминается признание А. С. Черняева о том, что в дни «ареста» он не отказал себе в купании в море. «А какой смысл сидеть целый день в рабочем кабинете?» — задавался вопросом помощник президента. Что касается событий в Москве, то, со слов А. С. Черняева, ему и М. С. Горбачёву с самого начала был ясен исход путча: «Я был убеждён, что Москва и Россия не допустят победы путчистов. И, конечно, Горбачёв был уверен, что Борис Николаевич докажет силу своего характера» [8, s. 196–197].

Кроме того, 36-й выпуск еженедельника за 1991 г. запомнил громкими фразами о катастрофе в Советском Союзе. Заявлялось, что Августовский путч и события сразу после него «нанесли последний удар по прогнившим фасадам» советской системы, в результате чего, подобно «карточному домику», Советский Союз рухнул. Но «не с грохотом, а с хныканьем», — с долей злорадства вспоминает слова Каспара Уайнбергера, министра обороны США в рейгановской администрации, редакция журнала [4, s. 189].

С некоторым опасением «Шпигель» пишет о возможном будущем России. Редакция приводит события недавнего «парада суверенитетов» в РСФСР, называет возрастающее стремление многих автономных республик к независимости серьёзной угрозой для России [4, s. 195]. На одной из страниц журнала выделяется звучный заголовок — «Гигант распадается на части» [4, s. 191]. Ниже заголовка изображена крупная карта потенциального раскола СССР с указанием мест проживания многочисленных этнических меньшинств. В общей сложности «Шпигель» перечислил 43 народности, всё сильнее отдалявшихся друг от друга.

Заключительная часть

События советской Перестройки еженедельник «Der Spiegel» освещал на регулярной основе с достаточно высоким уровнем конкретизации исторического момента, с многочисленными ссылками

на заявления ведущих политических и общественных деятелей СССР. Неоднократно «Шпигель» публиковал и большие интервью с представителями советского руководства. При этом примечательна глубина понимания редакцией социально-политических трансформаций, которые протекали в советском обществе.

Высокую оценку редакции получает внешнеполитический курс советского руководства, а также достижения эпохи в сфере реализации прав человека, что вероятно, объясняется традиционной чувствительностью к подобному рода тематике у западного читателя.

Много внимания журнал уделил личности М. С. Горбачёва. За 7 лет (1985–1991 гг.) советский лидер в той или иной форме попал на обложку журнала 17 раз. В многочисленных статьях наблюдаем неприкрытое восхищение образом молодого генсека; не раз работы журнала были посвящены не столько событиям, в которых М. С. Горбачёв принимал участие, сколько самому идеологу Перестройки (например, в статье о саммите в Женеве/Рейкьявике).

Список источников

1. *Der Spiegel: история журнала (фото)* // Deutsche Welle: URL: <https://www.dw.com/ru/75-let-der-spiegel/g-36992185> (дата обращения: 31.12.2022).
2. «Auf die Diktatur der Partei verzichten» // *Der Spiegel*. 1988. № 27. S. 118–123.
3. Christian Neef. Mensch Gorbis // *Der Spiegel*. 2022. № 36. S. 8–13.
4. «Das Imperium ist tot» // *Der Spiegel*. 1991. № 36. S. 188–196.
5. *Der lächelnde Zar, mit eisernen Zähnen* // *Der Spiegel*. 1985. № 28. S. 86–96.
6. *Die Hoffnung heißt Germanija* // *Der Spiegel*. 1990. № 30. S. 16–21.
7. *Ein roter Star steigt auf im Osten* // *Der Spiegel*. 1985. № 12. S. 142–156.
8. «Eine absurde Situation» // *Der Spiegel*. 1991. № 36. S. 196–197.
9. «Gorbatschow würde stürzen» // *Der Spiegel*. 1991. № 4. S. 131–134.
10. «Heute begann Großrußland» // *Der Spiegel*. 1991. № 35. S. 132–143.
11. «Laßt uns Gorbatschow helfen, ja, helfen» // *Der Spiegel*. 1987. № 1. S. 78–87.
12. *Massenunmut nach dem Sieg* // *Der Spiegel*. 1991. № 13. S. 172–173.
13. *Niemand wird uns vom Kurs abbringen* // *Der Spiegel*. 1986. № 43. S. 154–170.
14. *Sowjet-Union: »Zurück können wir nicht«* // *Der Spiegel*. 1987. № 41. S. 160–172.
15. «Tropfen von Blut, die zur Erde fallen» // *Der Spiegel*. 1988. № 49. S. 148–156.
16. *Tschernenko — »die Rache des Apparats«* // *Der Spiegel*. 1984. № 8. S. 118–128.
17. *UdSSR: »Zurück dürfen und können wir nicht«* // *Der Spiegel*. 1987. № 9. S. 126–142.
18. *Wendemarke der Geschichte?* // *Der Spiegel*. 1990. № 20. S. 18–25.
19. «Wir haben einen neuen Anfang gemacht» // *Der Spiegel*. 1985. № 48. S. 138–144.

Для цитирования:

Дмитриев Д. А. Отражение политики М. С. Горбачёва в известном немецком еженедельнике «Der Spiegel» в 1985–1991 гг. // *Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г.* СПб., 2023. С. 85–92.

Попов Дмитрий Игоревич | Popov Dmitrii Igorevich²

Историческая память о М. С. Горбачёве в современной Польше The historical memory of M. S. Gorbachev in contemporary Poland

Аннотация. В статье рассматривается М. С. Горбачёв как «место памяти» для поляков. Для выявления особенностей памяти о нём изучены публикации польских СМИ к его юбилею и кончине. Исследование основано на концепциях М. Хальбвакса и П. Нора о памяти социальных групп и значении этой памяти для их идентичности. Анализ публикаций проведён по методу Н. Фэркло, при этом уделялось внимание фразам и социальному контексту дискурса. Определено, что М. С. Горбачёв лишь подкрепляет образ становления Третьей Речи Посполитой, играет вспомогательную роль как символ демократических перемен в Восточной Европе. Советский лидер относится к российской истории и поэтому тесно поляками связывается с действиями современной России.

Ключевые слова: Михаил Горбачёв; Польша; Россия; историческая память; «место памяти»; Лех Валенса.

Abstract. The article considers M. Gorbachev as a “*lieu de mémoire*” for Poles. To identify the features of his memory, the author studies the publications of the Polish media on his anniversary and death. The research is based on the concepts of M. Halbwachs and P. Nora about the memory of social groups and the significance of such memory for their identity. The author analyzes the articles using the method of N. Fairclough, paying attention to the phrases and the social context of the discourse. As a result of the study, it is defined that M. Gorbachev only reinforces the image of the formation of the Third Polish Republic, and plays an auxiliary role as a symbol of democratic changes in Eastern Europe. The Soviet leader belongs to Russian history and therefore is closely associated with the actions of contemporary Russia.

Keywords: Mikhail Gorbachev; Poland; Russia; Historical Memory; “*lieu de mémoire*”; Lech Wałęsa.

Михаил Сергеевич Горбачёв — политический деятель, широко известный во многих странах мира. С его правлением связаны социально-политическая трансформация в СССР, объединение Германии, завершение холодной войны, идеи построения «европейского дома», поэтому неудивительно, что его 90-летию в 2021 г. и кончине в 2022 г. посвящались выступления различных политиков и общественных деятелей, публикации в СМИ. При этом в Центрально-Восточной Европе (далее — ЦВЕ) образ М. С. Горбачёва мог соединиться с местными национал-демократическими лидерами, борьбой с коммунистическим режимом, которая имеет особое значение в на-

² НИУ ВШЭ, ф-т гуманитарных наук, I курс магистратуры.

The National Research University Higher School of Economics, Faculty of Humanities, 1st year of Master's degree.

циональной постсоциалистической идентичности этих государств [18, р. 536]. Такой тезис может подтвердить, например, приезд Виктора Орбана, венгерского премьер-министра и активного политического деятеля конца 1980-х гг., в Москву на похороны советского лидера [2].

На наш взгляд, не только венгры, но и другие народы ЦВЕ в наши дни могут обращаться к наследию М. С. Горбачёва. Данное исследование посвящается памяти о президенте СССР в Польше, где эпоха Перестройки связана с демократическими преобразованиями в Польской народной республике (далее — ПНР), «Круглым столом», приходом к власти лидеров «Солидарности» и падением социалистического режима [1, с. 563]. Хотя для поляков, которым очень важны подобные сюжеты как моменты основания Третьей Речи Посполитой, существуют собственные герои этой эпохи, такие, как Лех Валенса или Иоанн Павел II, М. С. Горбачёв ими тоже мог рассматриваться как ключевой политический деятель того периода, без которого преобразования в Польше не достигли бы завершения. Так, в 1990 г. именно советский лидер признавался поляками, по опросам, наиболее значимой фигурой мировой политики [20], а в начале XXI в. его посчитали самым выдающимся россиянином [5]. Такая известность М. С. Горбачёва, который, казалось бы, не связывается с трагическими историями российско-польских отношений, могла бы стать основой и для выстраивания общей памяти для России и Польши, что в нынешней ситуации конфликтности между двумя странами становится важной задачей.

Итак, цель исследования — выявление особенностей памяти о М. С. Горбачёве в современной Польше. Для достижения названной цели мы рассмотрим, как писали о советском деятеле в дни его юбилея и кончины в польских СМИ: в частности, «*Rzeczpospolita*» и «*Gazeta Wyborcza*». Если первая является выразителем мнений консервативной части польского общества, то издатель второй, Адам Михник, ещё со времён демократической трансформации рекомендовал себя либеральным деятелем и затем стал критиком правящей национал-консервативной партии «Право и справедливость» [3, с. 100]. Таким образом, в рамках нашего анализа будут учтены взгляды на М. С. Горбачёва поляков с различными политическими ценностями.

Мы опираемся на концепцию французского социолога Мориса Хальбвакса, согласно которой социальные группы обладают общей памятью о прошлом [13], и её интерпретацию Пьером Нора в проекте «места памяти». М. С. Горбачёв может как восприниматься в качестве своеобразного «места памяти» [6], связанного с общими образами основания Третьей Речи Посполитой, так и связываться с памятью о режиме ПНР или российско-польскими отношениями в целом. Так, внутри польского общества могут формироваться различные точки зрения на фигуру М. С. Горбачёва и его роль в истории Польши, что и покажет изучение статей разных авторов и разных периодических изданий.

Анализ публикаций СМИ основан на методе Нормана Фэркло (критический дискурс-анализ), этот метод заключается в рассмотре-

нии непосредственно текста, ключевых фраз, и интертекста, включения статей в контекст других текстов и социальных практик [9]. Так, прочтение образа советского президента невозможно без выделения особенности польского общества в 2021 и 2022 гг.: какие проблемы волновали поляков и как к этим проблемам привязывался последний лидер СССР, какое восприятие его как «места памяти» становилось актуальным.

Прежде всего, образ М.С. Горбачёва включает для поляков память о разных сюжетах. Он может символизировать конкретную эпоху конца 1980-х гг. и связываться, как мы отметили выше, с политической трансформацией в Польше и окончанием холодной войны. Так, М.С. Горбачёв становится символом именно этого исторического периода, дополняет картину формирования Третьей Речи Посполитой, как мифа происхождения современной Польши [4, с. 114] и всего постбиполярного миропорядка. Его политику поляки, согласно опросам, продолжали упоминать в контексте этой эпохи и в XXI в. [19]. Однако президент СССР логично включается в советскую историю и, шире, историю России, как один из её эпизодов, поэтому он вспоминается, когда речь идёт о вопросах, связанных с Россией в разные эпохи.

Чтобы понять, какая из этих версий рассматриваемого «места памяти» доминирует в Польше на данный момент, необходимо, согласно Н. Фэркло, учесть контекст выбранных нами памятных дат — 2 марта 2021 г. и 30 августа 2022 г. В начале 2021 г. произошло обострение борьбы национал-консервативного правительства «Права и справедливости» с либеральной и левой оппозицией, особенно в связи с протестами по вопросу абортов предшествовавшей осенью [22], а также конфликт между Варшавой и Брюсселем. В этих условиях эпоха демократической трансформации и, в частности, М.С. Горбачёв могут служить антитезой нынешнему времени, представляя собой период единства внутреннего и европейского. В августе 2022 г. более актуальными становятся противоречия между Россией и Польшей, включая противоположное видение конфликта на Украине, что вынуждает связывать образ советского лидера с историей и современной политикой РФ.

Отметив политический контекст 2021 и 2022 гг., обратимся к тому, как в Польше отмечали 90-летие М.С. Горбачёва. Официальные поздравления отсутствовали и в обеих выбранных газетах упоминания юбилея не было, за исключением публикации в другой газете — еженедельной *Wprost*. В ней представлены отрывки из поздравления Л. Валенсы, который сравнивает себя с М.С. Горбачёвым («Вы дожили до прекрасного возраста, и я вместе с Вами»), именно через образ первого президента постсоциалистической Польши читателям предлагается вспомнить о советском лидере. Но в статье не говорится о роли М.С. Горбачёва для Польши, он не включается в польский исторический нарратив, он привязывается к советскому периоду российской истории (называется «первым и единственным

президентом СССР», «российским политиком», предлагается оценка его деятельности россиянами, но не поляками [15]), обозначается его глобальная роль, из-за которой он «положительно оценивается на Западе» (вывод войск из Афганистана, объединение Германии, завершение гонки вооружений [15]). Так, М. С. Горбачёв подаётся как известная мировая фигура из России, что соотносится с его оценкой поляками в конце 1980-х гг. [20], а образ эпохи конца холодной войны, которую политик символизирует, противопоставляется нестабильной современности.

В день кончины М. С. Горбачёва реакции властей мы также не обнаружим, но один из партийных лидеров, Януш Корвин-Микке из праворадикального блока «Конфедерация», опубликовал в Twitter об этом событии сразу две записи. Он связал образ советского президента с коммунистическим периодом истории России и Польши, с современными левыми ЕС, сравнил его с Эдвардом Герексом, подчёркнув малую значимость его реформ и стремление сохранить СССР [14]. М. С. Горбачёв включён правым политиком в пантеон его врагов из левого лагеря. Это служит ярким примером использования исторической памяти в популистском дискурсе [17]: «Конфедерация» предлагает чёткое деление польского общества на «мы» в лице патриотов, антикоммунистов, и «они», к которым благодаря упоминанию М. С. Горбачёва относятся различные левые силы.

Польские СМИ более активно реагировали на кончину советского лидера. *Gazeta Wyborcza* и *Rzeczpospolita* опубликовали несколько статей в сам день смерти и последующие дни, причём многие из этих статей представляли собой интервью или современников М. С. Горбачёва из Польши (Адама Михника [7], Л. Валенсы [23], Александра Квасьневского [16], приводились высказывания Иоанна Павла II [10]), или историков и политологов. В первом случае образ советского лидера связывался с периодом основания Третьей Речи Посполитой, а во втором случае обращение к историку стран ЦВЕ Норману Дэвису [21] или к российским экспертам [8] символизовали соответственно прикрепление памяти о М. С. Горбачёве к истории всего региона или к Российской Федерации. Советский лидер представляется противоречивым политиком, причём читателям предлагаются разные мнения: в *Gazeta Wyborcza* подчёркивалась его «выдающаяся роль в мировой истории» [7] и в то же время он назывался «не таким героем, как считают на Западе» [21], что должно было показать меньшую значимость М. С. Горбачёва для Польши. Много в публикациях метафорических описаний («чудак», «трагический персонаж», «романтик и идеалист», «как Колумб» [12]), что должно привлечь внимание читателей к его фигуре, а *Rzeczpospolita* вновь опубликовала интервью самого М. С. Горбачёва этой газете [11], показав, что он интересен польской публике.

Среди достижений советского лидера перечисляются, прежде всего, те, которые связаны с мировой историей: завершение холод-

ной войны, идея «общевропейского дома» [21]. Однако прослеживается и обращение к польской истории: страны ЦВЕ, как и Германия, нередко называются теми, кто «обязан благодарить М.С. Горбачёва» (он «отдал Польшу полякам» [7]). Называются его конкретные заслуги перед Польшей (осуждение «антипольского» пакта Молотова-Риббентропа), проводится связь «Круглого стола» с Перестройкой в СССР, и таким образом президент Советского Союза включается в память о демократической трансформации в стране, хоть и не подаётся главным действующим лицом тех событий.

Особое внимание уделялось значению руководителя СССР для России, осмыслялась его роль в российской истории (М.С. Горбачёв «впустил свободу в Россию», «открыл ворота советского ГУЛАГа» [12], но при этом был «советским человеком» и не желал распада Советского Союза [16]; его постоянно сравнивают с другими историческими личностями — Александром II, Николаем II, Борисом Николаевичем Ельциным [7]). Так, М.С. Горбачёв представляется для поляков «местом памяти» россиян. Но более интересно то, что кончина советского лидера стала поводом обратиться к нынешнему курсу Российской Федерации: советский лидер предстаёт «противоположностью В. Путина» [10], «демоном» для Кремля, «антигероем для сторонников восстановления империи» [8]. Горбачёвская эпоха показана «символом, что Россия была другой» [7], которая более близка полякам, и тем самым конструируется образ благоприятного политического режима для них в целом.

Таким образом, образ М.С. Горбачёва сохраняется в исторической памяти поляков, но ему не удалось стать непосредственно польским «местом памяти». Представители руководства Польши не упоминали его в контексте памятных дат, лишь для правой «Конфедерации» он оказался значим как проявлением «другого» для их сторонников. Тем не менее, М.С. Горбачёв встраивается в образ становления Третьей Речи Посполитой, через его современников, значимых для поляков личностей (Л. Валенсы, Иоанна Павла II, А. Михника), подкрепляет момент основания современной Польши. Он оказывается мировым деятелем, чьи достижения больше важны для других стран и международных отношений в целом. Особая актуальность памяти о советском лидере проявляется для более полной характеристики России: с помощью М.С. Горбачёва в Польше выстраивается представление о правлении Владимира Владимировича Путина как его антитезы, о другой России, более близкой для Польши, что помогает полякам понять самих себя.

Список источников

1. Белые пятна — чёрные пятна: сложные вопросы в российско-польских отношениях / под общ. ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда. М., 2017. 823 с.
2. Виктор Орбан прибыл на прощание с Горбачёвым // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/09/2022/631321e19a794715e947bc3a> (дата обращения: 29.09.2022).
3. Григорьев А. В. Роль прессы в формировании польского общественного мнения относительно российско-польских межгосударственных отношений // Политическая лингвистика. 2013. № 4. С. 99–104.

4. Малинова О. Ю. *Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности*. М., 2015. 207 с.
5. Седов Л. *Россия: взгляд из Польши и обратно // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2002. № 1. С. 20–24.
6. *Франция — память*. СПб., 1999. 333 с.
7. Adam Michnik: *Gorbaczow zostanie w historii jako symbol, że Rosja może być inna // Gazeta Wyborcza*. URL: <https://wyborcza.pl/7,82983,28851418,adam-michnik-gorbaczow-zostanie-w-historii-jako-symbol-ze.html> (data oglądania: 29.09.2022).
8. Aleksiej Makarkin: *Dobrze radzą sobie bez nas // Rzeczpospolita*. URL: <https://www.rp.pl/polityka/art36972451-aleksiej-makarkin-dobrze-radza-sobie-bez-nas> (data oglądania: 29.09.2022).
9. Fairclough N. *Analysing Discourse. Textual analysis for social research*. London, 2003. 270 p.
10. *Gorbaczow to przeciwieństwo Putina // Gazeta Wyborcza*. URL: <https://wyborcza.pl/alehistoria/7,121681,28904622,gorbaczow-to-przeciwienstwo-putina-byl-uczniem-lenina-ktory.html> (data oglądania: 29.09.2022).
11. *Gorbaczow: Nie rozumiecie Rosji // Rzeczpospolita*. URL: <https://www.rp.pl/polityka/art36971521-gorbaczow-nie-rozumiecie-rosji> (data oglądania: 29.09.2022).
12. Grzegorz Kolodko o Gorbaczowie: *Globalny mąż stanu // Rzeczpospolita*. URL: <https://www.rp.pl/publicystyka/art36979711-grzegorz-kolodko-o-gorbaczowie-globalny-maz-stanu> (data oglądania: 29.09.2022).
13. Halbwachs M. *On collective memory*. Chicago, 1992. 254 p.
14. Janusz Korwin-Mikke // *Twitter*. URL: <https://twitter.com/jkmmikke> (data oglądania: 29.09.2022).
15. *Jedyny prezydent ZSRR obchodzi dziś 90. Urodziny // WPROST*. URL: <https://www.wprost.pl/zycie/10426543/michail-gorbaczow-skonzyl-90-lat-zyczenia-zlozyl-mu-lech-walesa.html> (data oglądania: 29.09.2022).
16. Kwaśniewski: *Są kraje, które Gorbaczowowi winne są wdzięczność na zawsze // Gazeta Wyborcza*. URL: <https://wyborcza.pl/7,75399,28854093,kwasniewski-sa-kraje-ktore-gorbaczowowi-sa-winne-wdzieczosc.html> (data oglądania: 29.09.2022).
17. Manucci L. *Populism and Collective Memory // The Palgrave Handbook of Populism*. Cham, 2022. P. 451–468.
18. Müller M. *Goodbye, Postsocialism! // Europe-Asia Studies*. 2019. № 4. P. 533–550.
19. *O upadku komunizmu i głównych aktorach przemian // CBOS*. URL: https://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2009/K_021_09.PDF (data oglądania: 29.09.2022).
20. *Politycy roku // CBOS*. URL: https://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/1990/K_154_90.PDF (data oglądania: 29.09.2022).
21. Prof. Norman Davies o Michaiile Gorbaczowie: *Sowiecka nomenklatura wyprodukowała dziwaka // Gazeta Wyborcza*. URL: <https://wyborcza.pl/7,75399,28851050,prof-norman-davies-o-michaiile-gorbaczowie.html> (data oglądania: 29.09.2022).
22. Siekiera R., Szewc P. *News frames and differences in their application according to the author's beliefs. Polish conservative vs. liberal press on the protests against tightening the abortion law // Atlantic Journal of Communication*. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/15456870.2022.2130315> (date of application: 29/09/2022).
23. *Wałęsa: Podziwiałem Gorbaczowa, choć go nie rozumiałem // Rzeczpospolita*. URL: <https://www.rp.pl/historia/art36963771-walesa-podziwialem-gorbaczowa-choc-go-nie-rozumialem> (data oglądania: 29.09.2022).

Для цитирования:

Попов Д. И. Историческая память о М. С. Горбачёве в современной Польше // *Ветер Перестройки* — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. С. 93–98.

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО
CULTURE & ART

Образ Перестройки в наивном и аутсайдерском искусстве России

The Perestroika in Russian Naïve and Outsider Art

Аннотация. В статье анализируется образ Перестройки в отечественном наивном и аутсайдерском искусстве второй половины 1980-х — начала 2000-х гг. Материалом исследования стали произведения Мансура Закирова (1968–2004 гг.), Рудольфа Тюрина (1939–2008 гг.), Алевтины Пыжовой (1936–2021 гг.) из музейных собраний и частных коллекций. В ходе исследования выявлен круг тем, над которыми рефлексировали данные авторы: крах идеологических нарративов, критика политических лидеров советского периода, политические репрессии, экономический кризис, моральный упадок, эротизм и сексуальность, социальное и экономическое расслоение общества, экзистенциальная потерянности индивида в эпоху перемен. Тематические ориентиры во много сформированы массовой культурой и информационным фоном эпохи, а также индивидуальным опытом переживания современной реальности и воспоминаниями о прошлом, что во многом корреспондирует с творчеством профессиональных художников эпохи. Круг символов и образов обусловлен наиболее тиражируемыми в советской пропаганде и масс-медиа мотивами (флаги, гербы, лозунги, призывы, визуальные и речевые штампы). Визуальный язык данного круга произведений вариативен в связи с различным культурным бэкграундом авторов.

Ключевые слова: наивное искусство; аутсайдерское искусство; самодеятельное искусство; искусство Перестройки; идеология; советское искусство.

Abstract. The article investigates the image of Perestroika in Russian naïve and outsider art of the second half of the 1980s — early 2000s. The study is based on works of Mansur Zakirov (1968–2004), Rudolf Tyurin (1939–2008), Alevtina Pyzhova (1936–2021) from museum and private collections. The study revealed the topics reflected by those artists: the collapse of ideological narratives, criticism of the political leaders of the Soviet period, political repression, economic crisis, moral decline, eroticism and sexuality, social and economic stratification of the society, loss of existential anchors in the era of change. That agenda was largely shaped by the mass culture and information background of the era, as well as an individual's experience of contemporary reality and memories of the past, which corresponds largely to artworks of professional artists. The range of symbols and images was determined by the motifs that circulated in Soviet propaganda and mass media (flags, coats of arms, slogans, appeals, visual and speech clichés). The visual language of those works may vary due to different cultural backgrounds of the authors.

Keywords: naïve art; outsider art; self-taught art; art of Perestroika; ideology; soviet art.

¹ Д-р искусствоведения, доц. каф. теории и истории культуры РГПУ им. А. И. Герцена.
Doctor of Art History, Associate Professor of the Department of Theory and History of Culture of
A. I. Herzen State Pedagogical University.

Эпоха Перестройки кардинальным образом трансформировала отечественное искусство. Изменения коснулись всех аспектов художественного процесса: от экономики советского искусства (практически перестаёт действовать система госзаказа, не выделяются средства на масштабные проекты монументальной скульптуры и проч.) до тем и проблематики, стилистики и реминисценций к различным визуальным кодам [4]. Критическому переосмыслению в образах искусства подверглись и языки советской художественной эстетики (она пародируется, комбинируется в постмодернистской образности) и глобальные идеологические нарративы недавнего прошлого (лица вождей, знаки и символы эпохи подвергаются символической деконструкции). Экономические кризисы, новая политическая реальность, невиданные ранее явления социальной жизни — перестройка, ускорение, гласность, кооперативы, «500 дней», «парад суверенитетов», свободный рынок — становятся новой повесткой также и в сфере изобразительного искусства. Художники, изображающие в своих произведениях мотивы смутного томления духа на лицах героев Фёдора Михайловича Достоевского, обращаются к современной им реальности и как будто вопрошают в своих картинах: «Как нам обустроить Россию?» Важно подчеркнуть, что «перестроечный» дискурс захватывает не только сферу профессионального искусства, но и умы художников-самоучек, наивов и аутсайдеров, которые, при всей кажущейся их изолированности от «большого» мира, создают образность своих произведений также с апелляцией к текущим событиям, по-своему их понимают и интерпретируют [1; 6]. В кризисные моменты, состоянии «промежутка», многие из них начинают рефлексировать над своими идентичностями, задаваться вопросами о своей индивидуальной траектории и судьбах страны. Непрофессиональные авторы реагируют на происходящие изменения, формируя новую тематику и образность своих произведений, опираясь на масс-медиа и впечатления от повседневной реальности.

Данная исследовательская проблема — изучение репрезентации эпохи Перестройки в наивном и аутсайдерском искусстве — не становилась предметом специального искусствоведческого или культурологического исследования. Тем не менее, в поле зрения исследователей (Ксении Георгиевны Богемской, Ольги Дмитриевны Балдиной и др.) оказывались художники-наивы, работавшие в тот период и запечатлевшие приметы эпохи [1; 2; 6]. В качестве важного для формирования выборки материала исследования были использованы каталоги выставок и справочные издания, посвящённые отечественному наивному и аутсайдерскому искусству: «Любительское художественное творчество в России XX века» (2010 г.), «Художники, наивно увидевшие мир» (2020 г.) и др. [3; 5; 10–12]. Выборка анализируемых авторов была сделана с опорой на принцип полярности высказывания, также учитывалась цельность репрезентации темы (работа сериями и проч.). Рассмотрение изучаемых произведений в перспективе наи-

вного искусства и творчества аутсайдеров также базируется на ранних исследованиях и материалах [5; 7–13].

Эпоха Перестройки, как время не только смутного, неясного, полного хаоса, но и озарений и смутных предвосхищений, представляется в произведениях уральского художника Мансура Муллаяновича Закирова (1968–2004 г.) [9]. Масштабные картины, посвящённые духу времени, он, теряющий в то время зрение, пишет в период первой половины 1990-х гг. Стилистика его работ этого периода может напоминать об эстетике картин художника-нонконформиста Олега Николаевича Целкова, а парадоксальность сочетания образов и запутанность смыслов — о поисках сюрреалистов.

«Открывающим», пусть не по хронологии, но по смыслу, произведением М.М. Закирова этого цикла становится масштабная картина «Александр Солженицын» (1994 г.). В годы Перестройки Александр Исаевич Солженицын — один из претендентов на некоторое духовное лидерство (которое иронично было описано в антиутопии Владимира Николаевича Войновича «Москва 2042» в образе Сима Семыча Карнавалова). Фигура А.И. Солженицына, облачённого в некое подобие одежды русского крестьянина (в этом есть отсылка «поиску корней», характерному для «духоискательства» эпохи), находится в центре композиции, его, вернувшегося на Родину, окружают главные символы России: башни Кремля с красными звёздами, свинья и водка. В картине схематичность и лубочность конструирования образа А.И. Солженицына демонстрируют иронию художника-аутсайдера в интерпретации этой персоны и её претензии на духовное мессианство.

Другие работы данного круга не включают изображения узнаваемых персонажей, а являются, скорее, некоторым обобщённым «портретом» эпохи. В картине «Арбуз» (первая половина 1990-х гг.) центральную часть холста занимает изображение женской фигуры, расположенной практически по оси симметрии (см. Приложение, илл. 1, с. 493). Условность изображения женщины, её символизация прочитываются в компоновке и сокращении отдельных частей тела. Мы видим только абрис головы, торса без рук и кокошник. Голова женщины как бы распадается на две половины: одна — с агрессивным макияжем 1980-х — начала 1990-х гг., а другая — деформирована и лишена черт лица; её тонкая шея перетекает в торс, в котором просматривается намёк на условное изображение груди. Центральная и средняя часть юбки-полусферы — арбуз, разделённый на красную с семечками мякоть и зелёно-полосатую корку, и одновременно огромный живот, «застёгнутый» на все пуговицы. Окружающие центральную фигуру красные, розовые, серые, коричневые пятна-лакуны — не то свинообразно-человеческие морды (как здесь не вспомнить «Зверей» Павла Николаевича Филонова, бродящих по улицам Петрограда), не то фрагменты тел, усыпанных смотрящими на нас глазами. Этот мотив взирающего тела отсылает нас к телу стогла-

зого Аргуса или к изображениям престолов — ангельских чинов, усыпанных глазами. Интерпретация картины может быть связана с темами новой морали и образа женщины в современной России.

К этой же теме отсылает и картина «Madonna» (1993 г.). Вся поверхность холста разбита на несколько локализованных цветовых плоскостей (см. Приложение, илл. 2, с. 494). В хаосе серых, коричневых, голубых, розовых, красных, изумрудно-зелёных пятен можно угадать диагонально расположенный женский торс. Торс-корсет, напоминающий о «бельевом» стиле нарядов поп-иконы Мадонны, образован продольными серо-синими линиями на белом фоне. Рядом мужской (судя по конструкции линий) торс с чередой рубашечных и пиджачных пуговиц. Всё окружающее пространство заполнено абстрактными пятнами, выкрыто глазами, смотрящими прямо на нас. Десятки глаз не принадлежат каким-то конкретным людям, они скорее некая неразличимая масса, рассматривающая зрителя. Мансур Закиров в этом произведении также соединяет образы, принадлежащие разным пластам культуры: тему канона чистоты (образ Мадонны — Девы Марии) из сферы религии и мотив современной поп-культуры (эстрадная звезда Мадонна). Эти мотивы современной реальности, как некоторого мира, в котором смешалось всё и вся, перевёрнутого мира, появляются и в других картинах уральского художника этого периода.

Тема новой социальной реальности, свободы нравов развивается и в творчестве другого непрофессионального художника — Рудольфа Евгеньевича Тюрина (1939–2008 гг.). Важно подчеркнуть, что образы, связанные с миром чувственного, эротического, в его картинах появляются и ранее, до начала Перестройки [7], но с середины 1980-х гг. в создаваемых им образах возникают новые коннотации, в духе времени: более призывно-агрессивные, часто отражающие новые «перестроечные» практики репрезентации сексуальности. В картине «Да здравствует трезвость! Долой наркомания!» (1985 г.) местом действия становится ресторан (см. Приложение, илл. 3, с. 495), здесь развиваются две самые любимые Р. Е. Тюриным темы: отношения между мужчиной и женщиной (мотив ресторанный ухаживания) и «мир женщин», презентуемый через сюжеты женских потаённых, «секретных» разговоров между подружками. На ближнем плане картины интеллигентного вида бородач в галстук беседует с блондинкой, заинтересованно смотрящей на него; подружки в модных песцовых шапках шепчутся, поглядывая на других посетителей; три красавицы, как три грации, с томным видом склонились друг к другу. На заднем плане все танцуют, и парочки страстно обнимаются в танце. Все сюжетные линии обращены к миру приватного человека, но лозунг «Да здравствует трезвость! Долой наркомания!» напоминает о развёрнутой государством антиалкогольной кампании и теме наркомании, именно в эпоху Перестройки оказавшейся в орбите общественного внимания и публичной дискуссии.

Другая картина Рудольфа Тюрина, «Пермь. Варьете» (вторая половина 1980-х гг.), отсылает нас к одному из наиболее дискутируемых

и запоминающихся симптомов эпохи Перестройки: декларирование свободы нравов и сексуальности. Местом действия картины становится знаменитый в Перми ресторан «Кама», завсегдатаем которого во время Перестройки предлагаются не только диковинные блюда и напитки, но и модное развлечение, появившееся на закате советской эры — стриптиз. Мотивы разнузданной, весёлой жизни, образы, полные сексуальности и эротизма в период конца 1980-х гг., активно транслируются массмедиа и становятся частью массовой культуры, появляясь на экранах телевизоров и обложках журналов, в видеосалонах и кинотеатрах.

Но не только темы фривольного, «лёгкого» содержания оказываются в орбите внимания наивных художников. Публицистические передачи, документальные фильмы, события политики памяти формируют в массовом сознании эпохи Перестройки представление о трагических моментах советской истории. Темы судеб русской аристократии, царской семьи, политических репрессий также рефлексируются в творчестве художников-аутсайдеров и самоучек. Так, целая серия картин московской наивной художницы Алевтины Дмитриевны Пыжовой (1936–2021 гг.) посвящена политической истории советского периода. Их автор начинает заниматься искусством в 1990-е гг., с выходом на пенсию. Время, когда она формируется как художник, становится периодом трансформации политического дискурса и громких разоблачений коллизий советской истории, о которых говорят с экранов телевизора и пишут в газетах. Общий «медийный текст» становится тем полем, которое питает творчество Алевтины Пыжовой. Сюжетами её работ становятся всё ранее не проговорённое или запретное: эротические мотивы и мифическая телегония, разоблачения ранней советской истории и критика современных ей правителей — Михаила Сергеевича Горбачёва и Бориса Николаевича Ельцина.

Один из больших циклов Алевтины Пыжовой посвящён политической истории: в нём знаковые фигуры власти — от Владимира Ильича Ленина до Владимира Владимировича Путина — выстраиваются в некоторой панораме, «обрастая» узнаваемой символической и хлёсткими текстами [13]. В живописных работах, которые сформированы уже меняющимся дискурсом постсоветской России, присутствует критика существовавших ранее идеологических паттернов, а прежние политические герои и лозунги становятся некоторым убедительным антуражем для визуализации разоблачений советской власти.

Темы современной А.Д. Пыжовой политической повестки раскрываются в работах «Ельцинское ограбление России» и «Первый президент СССР М.С. Горбачёв с женой» (обе — 2001 г.). В этих работах, несмотря на вроде бы наивную, бесконфликтную образность, присутствует критический дискурс по отношению к политическим решениям эпохи Перестройки, а также негативное восприятие личностей президентов. Критика транслирована через надписи на картинах и иронические детали. Так, М.С. Горбачёв одной рукой обнимает супругу,

а другой держит воздушные шарик (ассоциируемые с эфемерностью) с надписями «ПЕРЕСТРОЙКА», «ДЕМОКРАТИЯ», «ГЛАСНОСТЬ» (см. Приложение, илл. 4, с. 495), и всё это как бы увенчано ставшей крылатой фразой Виктора Степановича Черномырдина, произнесённой в 1993 г.: «Хотел сделать как лучше — получилось как всегда».

В ходе исследования образа Перестройки в наивном и аутсайдерском искусстве выявлен круг тем, над которыми рефлексиируют художники: крах идеологических нарративов, критика политических лидеров советского периода, политические репрессии, экономический кризис, моральный упадок и сексуализация, социальное и экономическое расслоение общества, экзистенциальная потерянности индивида. Тематические ориентиры во многом сформированы массовой культурой и информационным фоном эпохи, а также индивидуальным опытом современной реальности и воспоминаниями о прошлом, что во многом корреспондирует с творчеством профессиональных художников эпохи. Круг символов и образов обусловлен наиболее тиражируемыми мотивами (флаги, гербы, лозунги, призывы, визуальные и речевые штампы).

Список источников

1. Богемская К. Г. *Искусство вне норм*. М., 2017. 416 с.
2. Богемская К. Г. *Понять примитив. Самодельное, наивное и аутсайдерское искусство в XX в.* СПб., 2001. 184 с.
3. *Любительское художественное творчество в России XX в: словарь / под ред. Т. Сухановой*. М., 2010. 496 с.
4. *Открытие России. Десятилетие нового интернационала: 1986–1996 / под ред. К. Фаул, Р. Эдисон*. М., 2016. 382 с.
5. *Пограничное состояние: 14 непрофессиональных художников Перми и Пермского края из коллекции Музея советского наива / вступ. ст. И. Козлова, Н. Беляевой, Н. Агишевой*. Пермь, 2018. 206 с.
6. Рылёва А. Н., Балдина О. Д. Два взгляда на наивное искусство. СПб., 2011. 384 с.
7. Суворова А. А. Двойная идентичность Рудольфа Тюрина // *Декоративное искусство*. 2013. № 4. С. 134–137.
8. Суворова А. А. Советское наивное искусство: между конформностью и non-конформизмом // *Новое искусствоведение. История, теория и философия искусства*. 2021. № 3. С. 82–90.
9. Суворова А. А. Проблемы методологии искусства аутсайдеров: кейс Мансура Закирова // *Странный художник*. М., 2015. С. 178–184.
10. *Художники, наивно увидевшие мир / сост. И. Аликина*. В 3-х тт. Коломна, 2020. Т. 1. А–К. 476 с.
11. *Художники, наивно увидевшие мир / сост. И. Аликина*. В 3-х тт. Коломна, 2020. Т. 2. Л–П. 404 с.
12. *Художники, наивно увидевшие мир / сост. И. Аликина*. В 3-х тт. Коломна, 2020. Т. 2. Р–Я. 400 с.
13. *Suvorova A. La révolution de 1917 et la période post-révolutionnaire dans l'art naïf soviétique et post-soviétique // ILCEA est la revue portée par l'Institut des langues et cultures d'Europe, Amérique, Afrique, Asie et Australie*. 2019. № 36. URL: <https://journals.openedition.org/ilcea/6739?fbclid=IwAR1pl1iTapRiOvArk0jzMhPMKKA5iE17CxygdwH96hQPraYmfxINz629Q> (date d'affichage: 11/08/2022).

Для цитирования:

Суворова А. А. Образ Перестройки в наивном и аутсайдерском искусстве России // *Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции*. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. С. 101–106.

Галиев Радмир Фадисович | Galiev Radmir Fadisovich¹
Трофимов Никита Михайлович | Trofimov Nikita Mikhailovich²

**Поэты ленинградского андеграунда в эпоху Перестройки:
от Бронзового века до рок-музыки и авторской песни**
**The poets of Leningrad underground in the era of Perestroika:
from the Bronze age to rock and bard music**

***Аннотация.** В статье рассматривается развитие ленинградского андеграунда в условиях Перестройки, а также влияние общественно-идеологической, политической и культурной ситуации 1980-х гг. на творчество главных его представителей (поэтов Бронзового века, рок-музыкантов и бардов). Авторы приходят к выводу, что изменение общественно-политической и культурной ситуаций привело к актуализации рок-музыки и уменьшению популярности поэтов и бардов, а также активному включению представителей ленинградской интеллигенции в процессы эпохи перемен.*

***Ключевые слова:** андеграунд; культура Перестройки; рок-музыка; поэзия Бронзового века.*

***Abstract.** The article studies the development of Leningrad underground during Perestroika, as well as the influence of the socio-ideological, political and cultural background of the 1980s on the work of its main representatives (Bronze Age poets, rock musicians and bards). The authors conclude that the change of socio-political and cultural conditions mainstreamed rock music and led to a decrease in the popularity of poets and bards, as well as encouraged the active involvement of Leningrad intelligentsia in the processes of the era of change.*

***Keywords:** underground; culture of Perestroika; rock music; poetry of the Bronze Age.*

Интерес исторического сообщества к истории Перестройки и современной России подталкивает к изучению культуры конца XX в., которая тесно связана с происходившими тогда политическими, социально-экономическими, общественными процессами. Одно из направлений истории культуры — изучение «перестроечного» этапа в неофициальной культуре, которому уделено в историографии мало внимания. Некоторые исследования темы ленинградского андеграунда в литературе связаны с именами Станислава Анатольевича Савицкого [15], Юлии Мелисовны Валиевой [1], Томаса Эпстайна [19] и др. При рассмотрении ленинградской рок-сцены и авторской песни выделяются работы Виталия Николаевича Калгина [10; 11], Ильи

¹ СПбГУ, ин-т истории, II курс бакалавриата.

St. Petersburg State University, Institute of History, 2nd year of Bachelor's degree.

² СПбГУ, ин-т истории, IV курс бакалавриата.

St. Petersburg State University, Institute of History, 4th year of Bachelor's degree.

Валерьевича Кормильцева [13], Сергея Николаевича Смирнова [16], Виталия Александровича Гаврикова [3; 4]. Однако в исторической науке практически отсутствуют общие исследования, посвящённые восприятию Перестройки и её влиянию на культурные процессы в России, т.к. специалисты, в основном, касаются общей истории андеграундного движения 1960-х — 1980-х гг. в Ленинграде. Также много работ, где андеграундное движение в эпоху Перестройки рассмотрено с искусствоведческой точки зрения (художественное направление), а не с историко-культурной. Исходя из этого, целью данной работы является анализ на конкретных примерах (литература и музыка) тенденций развития ленинградской неофициальной культуры и связь культуры с общественно-политическим контекстом времени 1980-х — 1990-х гг. Важно отметить, что именно поэзия, рок-музыка и бардовская песня — характерные его черты.

Группы неподцензурных поэтов Ленинграда появились в 1950-е — 1960-е гг. [19, с. 12]. Совпадающий с андеграундом этап развития русской культуры 1960-х — 1980-х гг. нередко назывался современниками Бронзовым веком (по аналогии с Золотым и Серебряным). Концептуально понятие поэзии такого века было сформулировано Славой Лёном³ [18, с. 8] на основе одноимённой поэмы ленинградского поэта Олега Александровича Охупкина [18, с. 11–12]. Поэт «омеднял» ленинградских авторов, находившихся в подполье. Не всех поэтов, перечисленных О. А. Охупкиным, можно отнести к неподцензурным авторам: Виктор Александрович Соснора, Александр Семёнович Кушнер, Глеб Яковлевич Горбовский публиковались ещё в 1960-е — 1970-е гг., но они по праву принадлежат к числу крупнейших представителей Бронзового века, т.к. их творчество повлияло на ленинградское литературное сообщество 1970-х — 1980-х гг. Поколение поэтов тех десятилетий пережило «оттепель» и «застой», но на пороге эпохи перемен ряды поэтов ленинградского сообщества объективно сократились. Например, в 1983 г. Дмитрий Васильевич Бобышев (один из «ахматовских сирот» и поэт ленинградского андеграунда) стал гражданином США, а через пять лет прекратил деятельность «Клуб-81», который создан был с целью объединить поэтов ленинградского андеграунда под официальным началом. Слава Лён писал, что «перестроечное» время негативно сказалось на культуре ленинградского литературного андеграунда, и считал, что Бронзовый век в поэзии закончился именно во второй половине 1980-х гг. [18, с. 8].

Свидетельства поэтов, дающие общую оценку времени и эпохи перемен, немногочисленны и весьма отрывочны. Например, для Виктора Борисовича Кривулина 1980-е гг. стали временем «отчуждённости» и «одиночества» [7, с. 360]. Наверное, подобное рассуждение связано со слиянием малочисленного неофициального поэтического сообщества с официальной культурой. Так, в 1980-е гг. неподцензурные поэты (Евгений Борисович Рейн, О. А. Охупкин) вступили в Союз

³ Псевдоним Владислава Константиновича Богатищева-Епишина.

писателей СССР, тем самым став частью официальной культуры, а не «второй культуры» (один из множества терминов, характеризующий андеграунд), как раньше [19, с. 12]. Созданный «Клуб-81» является примером легализации андеграундной культуры, которая нередко встречала протест со стороны неофициального движения.

Книги многих авторов стали печататься. Например, к 1990 г. вышли книги Елены Андреевны Шварц и В. Б. Кривулина. Но в условиях гласности сохранился и самиздат как способ творческой презентации. Крупными ленинградскими журналами самиздата, в которых публиковались неподцензурные поэты, были «Часы», «Обводный канал», «Северная почта». В них нередко проходили дискуссии о новейшей поэзии, эволюции поэтического языка и проблемах теории и практики литературы в 1980-х гг. [7, с. 304]. В 1985 г. издавался в Ленинграде «Митин журнал», который, по сути, стал главным инструментом самореализации не только ленинградских поэтов, но и представителей художественного и музыкального движения. Именно «Митин журнал» стал доступен для широкого круга читателей андеграундного движения в эпоху перемен, что изначально не планировалось [6, с. 190].

Ленинградские поэты начали включаться в политическую жизнь. Так, В. Б. Кривулин поддерживал Галину Васильевну Старовойтову (движение «Северная столица»), а О. А. Охупкин входил в общественно-политический блок «Апрель», который сформировался в Союзе писателей СССР.

Таким образом, можно представить портрет поэтического сообщества Бронзового века в эпоху перемен: в 1980-е гг. происходит упадничество литературного движения, члены которого больше уходят в политику и общественную деятельность, покидают СССР или вовсе сливаются с официальной культурой, против которой выступали долгие годы.

Другой прослойкой андеграунда были авторы рок-музыки. Их крупное объединение «Ленинградский рок-клуб», основанный в 1981 г., просуществовал до конца Перестройки. Среди знаковых фигур ленинградского андеграунда того времени можно назвать представителей рок-музыки, а именно Геннадия Борисовича Зайцева, Виктора Робертовича Цоя, Александра Николаевича Башлачёва, Бориса Борисовича Гребенщикова и др.

Существовали журналы рок-поэзии, которые выходили самиздатом. Один из них появился в 1986 г. в Ленинграде и назывался «РИО», т.е. «Рок-информационное обозрение». В нём публиковались новости из жизни ленинградского андеграунда. Постепенно стали официально издаваться пластинки рок-групп. Так, в январе 1986 г. была издана пластинка «Ночь» группы «Кино». В 1987 г. студия «Мелодия» выпустила пластинку группы «Аквариум». В 1988 г. вышел первый официальный альбом группы ДДТ — «Я получил эту роль». Определённую роль в легализации записи советских рок-групп сыграл выпуск в США при помощи Джоанны Стингрей сплит-альбома «RedWave» с песнями таких коллективов, как «Аквариум», «Кино», «Алиса», «Странные игры»

[11, с. 86]. Президенту США Рональду Рейгану и советскому лидеру Михаилу Сергеевичу Горбачёву были отправлены экземпляры дисков, после чего советское руководство дало указание на выпуск пластинок групп, звучавших в сборнике [10, с. 163–164].

Тем не менее, отношение власти к рок-сцене оставалось неоднозначным. При общем смягчении контроля имели место отдельные репрессивные акты. Так, в декабре 1986 г. был сорван концерт группы «Кино» в клубе «Метелица». Юрий Дмитриевич Каспарян вспоминал об этом событии: «Мы смеялись, потому что это было уже то время, когда всё стало можно, ну реально всё это уже не преследовалось» [10, с. 172].

Рок-музыканты всё ещё не могли полноценно заниматься своей творческой деятельностью, поскольку до 1991 г. действовал «закон о тунеядстве», обязывающий граждан трудоустраиваться под угрозой уголовного преследования за получение нетрудовых доходов. Именно по данному закону и состоялся в 1960-х гг. суд над Иосифом Александровичем Бродским — поэтом ленинградского андеграунда.

И всё же волна обновления и политика гласности стали факторами, которые увеличили общественную роль рок-сцены. Рок-музыканты приняли Перестройку, в основном, положительно. В. Р. Цой вспоминал: «Когда была объявлена Перестройка, то среди музыкантов и даже немного до этого появился душевный подъём» [2]. Приветствовал Перестройку лидер ленинградской группы «ДДТ» Юрий Юлианович Шевчук: «Перестройка дала свободу слова, постепенно она настала, и нас выпустили из подвалов, где играют андерграунд. Это было очень весёлое время такое, полные стадионы. Жизнь!» [9, с. 3].

И хотя рок-музыканты зачастую признавались, что не вкладывали в тексты своих песен политического посыла, весьма симптоматичной видится общественная трактовка некоторых произведений, обретших популярность в молодёжной среде «перестроечного» периода. В частности, среди подобных можно выделить песню Б. Б. Гребенщикова «Поезд в огне», песню «Перемен!» группы «Кино» и др. По воспоминаниям первого, образность «Поезда в огне» была навеяна непосредственным опытом путешествия автора из Махачкалы в Баку и не имела политического подтекста [8]. Подобным же образом говорил о своей «Перемен!» В. Р. Цой: «Когда началась гласность, все как с цепи сорвались говорить правду. <...> И в результате “Перемены” стали восприниматься как газетная статья о перестройке» [5, с. 92].

Слушатель, таким образом, выступал соавтором рок-поэта, предлагая актуально-политическую, контркультурную трактовку произведений. Подобное общественное восприятие отражало запрос на социальные, культурные и политические перемены. Выразителем этого запроса рассматривался рок, «протестный дух» которого оказался своевременным.

Рок-группы покидали подполье, музыканты обретали популярность и свою широкую аудиторию. Музыка ленинградских рок-групп стала появляться в кинолентах. Так, песни групп «Кино» и «Аквариум»

звучали в фильме Сергея Александровича Соловьёва «Асса». В. Р. Цой снялся в фильме Рашида Мусаевича Нугманова «Игла», где также звучала его музыка. Лидер группы «Поп-механика» Сергей Анатольевич Курёхин занимался музыкальным сопровождением ленты «Господин оформитель» Олега Павловича Тепцова.

Как отмечала исследовательница объединения «Новые художники» Ольга Олеговна Рыжова, бурные социально-экономические перемены были связаны с кризисом самоидентификации, разрушением старых ценностей и идеалов [14, с. 177]. В этом контексте кинематограф, совместно с рок-музыкантами, транслировал альтернативную ценностную модель, актуальную для молодого поколения. Герои фильмов С. А. Соловьёва и Р. М. Нугманова олицетворяли собой дух нонконформизма, свободы, творческой смелости. Таким образом, по мнению отечественного исследователя Дениса Львовича Карпова, советский кинематограф эпохи Перестройки открыл зрителю мир рок-андеграунда, сформировал новый образ героя, сделал рок достоянием массовой культуры [12, с. 16].

Происходило постепенное разрушение среды, где рок был исключительно андеграундным явлением. Взаимодействие с другими видами искусства, массовое открытие в 1987–1988 гг. рок-клубов в городах СССР, общая актуальность — все эти факторы популяризировали рок в массах. В период Перестройки рок стал важнейшим контркультурным явлением, созвучным с протестной атмосферой эпохи [13, с. 32–33]. В отличие от подпольного западного рока, русский (в частности, ленинградский) рок акцентировал внимание на поэтике, а не на ритмике. Именно в период с конца 1970-х по начало 1990-х гг., по мнению отечественного исследователя В. А. Гаврикова, сформировалось такое явление, как рок-поэзия, сочетающее эстетику рока и высококачественные литературные тексты [3, с. 27].

Переломная эпоха не только актуализировала протестный потенциал рок-музыки, но и сказала на поэтической составляющей. В качестве одной из форм реакции на общественную действительность можно рассматривать появление эсхатологических мотивов в творчестве ряда рок-поэтов. Так, по мнению всё того же В. А. Гаврикова, эсхатологические мотивы в творчестве А. Н. Башлачёва напрямую связаны с переломным характером эпохи [4, с. 32–33]. Они находят проявление в построении собственной эсхатологической системы, преобразующей христианскую апокалиптику и соединяющей исторический и мифологический контексты [4, с. 40–41].

Важные изменения переживала бардовская песня. Снятие цензурных рамок и возможность массового исполнения вывели авторскую песню из «полуподпольного» положения [16, с. 32]. В связи с этим, наметилась тенденция радикального пересмотра советского прошлого [16, с. 148] (примерами могут служить произведение Александра Александровича Дольского «Молитва о России» или же в «Вальсе тридцать девятого года» Александра Моисеевича Городницкого). Но акту-

альный политический контекст не стал основной темой ленинградских бардов (Юрия Алексеевича Кукина, Евгения Исааковича Клячкина, А. А. Дольского, Альфреда Михайловича Тальковского и др.). Более распространёнными в их среде были тексты на философскую тематику, лирические песни, песни о войне, а также городская лирика. Нельзя не отметить, что многие произведения бардов написаны на стихи поэтов Бронзового века. Например, Е. И. Клячкин сочинил ряд песен на стихи Г. Я. Горбовского и И. А. Бродского.

В целом, в рассматриваемый период популярность рок-музыки отодвинула на второй план авторскую песню, в связи с чем некоторые исследователи говорят о 1980-х гг. как о времени конца «бардовской эпохи» [3, с. 30]. Трансформация авторской песни из популярного феномена в нишевое культурное явление, которая продолжилась, меняясь, и в 1990-е гг., была обусловлена субкультурным, а не контркультурным характером бардовского творчества. Романтически-реалистическая направленность творчества, обращённость внутрь личности не позволяли массовой молодой аудитории рассматривать музыку бардов как созвучную времени. В то же время имманентно присущее рок-эстетике «бунтарство» и контркультурный статус рока [17, с. 536–537] подразумевали возможность для слушателя трактовать произведения в контексте политических и социальных перемен, приписывать им идеологическую наполненность.

Таким образом, ещё в период Перестройки были заложены основания для выхода рок-культуры из андеграунда, включения его в массовую культуру. В период 1980-х — начала 1990-х гг. этот процесс полностью завершился. Одновременно рок-музыка утрачивала статус контркультурного явления, что связано с разрушением образа «врага» в лице официальной советской культуры, гибелью ряда талантливых музыкантов, среди которых А. Н. Башлачёв, В. Р. Цой и др. [3, с. 26]. В новых культурно-исторических условиях «протестность» как черта рок-эстетики теряла актуальность [17, с. 534]. Таким образом, мы склонны согласиться с мнением В. А. Гаврикова, рассматривающего 1991 г. как «точку бифуркации», связанную с началом дезинтеграционных процессов в среде рок-музыкантов и представителей авторской песни [3, с. 31]. Рок-музыканты и барды с середины 1990-х гг. включались в условия рыночной системы с её нишевым потреблением культурного продукта, дифференциацией, усиленной культурным разнообразием в сфере музыки и поэзии.

Рассматривая с культурологической точки зрения культурную ситуацию в Ленинграде 1980-х гг., можно отметить, что рок-музыка вышла на авансцену, будучи востребованной у широких масс своей философией свободы, а поэтическое сообщество претерпело изменения: литературный андеграунд слился с официальной культурой, многие авторы покинули страну, потому литераторы потеряли популярность и актуальность в эпоху перемен.

Список источников

1. Валиева Ю. М. Лица петербургской поэзии, 1950-е — 1990-е: автобиографии, авторское чтение. СПб., 2011. 710 с.
2. Виктор Цой — Интервью в Мурманске, 1989 // YouTube. URL: <https://youtu.be/1jT3Z6X6s88> (дата обращения: 08.10.2022).
3. Гавриков В. А. Третья песенность // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Екатеринбург; Тверь, 2017. Вып. 17. С. 25–35.
4. Гавриков В. А. Мифологема страшного суда в идеолекте Александра Башлачёва // Вестник Ивановского государственного университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. 31–42.
5. Житинский А. Н. Виктор Цой: стихи, документы, воспоминания. СПб., 1991. 367 с.
6. Иванов Б. И. В бытность Петербурга Ленинградом. О ленинградском самиздате // Новое литературное обозрение. 1995. № 14. С. 188–199.
7. Иванов Б. И. Виктор Кривулин — поэт российского Ренессанса (1944–2001) // Петербургская поэзия в лицах: очерки / сост. Б. Иванов. М., 2011. С. 293–368.
8. «Империю плохо кончают» | Борис Гребенщиков — о себе, рок-музыке и государстве // YouTube. URL: <https://youtu.be/kvvd3hMrWn4> (дата обращения: 08.10.2022).
9. Интервью Михаэля Шидера с Юрием Шевчуком 12.02.1999. Санкт-Петербург // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Тверь, 1998. С. 5–33.
10. Калгин В. Н. Виктор Цой. М., 2015. 361 с.
11. Калгин В. Н. Виктор Цой. Подлинные черновики. Песни, рукописи, рисунки. Памятный альбом. М., 2018. 256 с.
12. Карпов Д. Л. Рок и рок-герои в советском и российском кинематографе второй половины 1980 — первой половины 1990 гг. // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Екатеринбург; Тверь, 2021. № S21. С. 4–17.
13. Кормильцев И., Сурова О. Рок-поэзия в русской культуре: возникновение, бытование, эволюция // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Тверь, 1998. № 1. С. 11–39.
14. Рыжова О. О. «Новые художники» как одно из ярких проявлений духа свободы в эпоху Перестройки // Ветер Перестройки. 2021: сборник материалов первой Всероссийской научной конференции. СПб., 2022. С. 171–178.
15. Савицкий С. А. Андеграунд. История и мифы ленинградской неофициальной литературы. М., 2002. 224 с.
16. Смирнов С. Н. Политические аспекты бардовской песни в современной России // Мир России. Социология. Этнология. 2005. Т. 14. № 3. С. 142–162.
17. Смирникова Е. В. Экзистенциальные основания отечественного рок-андеграунда 1980-х гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 2–2. С. 534–541.
18. Щитков А. В. Бронзовый век России. Взгляд из Тарусы. М., 2015. 192 с.
19. Эпстайн Т. Exiles on Main Street: Введение в ленинградскую неофициальную культуру / пер. с англ. А. Скидана // «Вторая культура». Неофициальная поэзия Ленинграда в 1970–1980-е гг.: материалы м/н конференции (Женева, 1–3 марта 2012 г.). СПб., 2013. С. 9–17.

Для цитирования:

Галиев Р. Ф., Трофимов Н. М. Поэты ленинградского андеграунда в эпоху Перестройки: от Бронзового века до рок-музыки и авторской песни // Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. С. 107–113.

Степанченко Данил Андреевич | Stepanchenko Danil Andreevich¹

**Дискурс свободы в отечественной рок-музыке
эпохи Перестройки**
**The discourse of freedom in Russian rock music
of the Perestroika era**

***Аннотация.** Целью данной работы является изучение содержания концепта свободы в текстах советской рок-музыки эпохи Перестройки. Для написания статьи были использованы общенаучные методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение и др. Также использовались описательный, историко-сравнительный методы, а основным стал метод политико-текстологического анализа идейного содержания песен. Автор приходит к выводу, что образ свободы в текстах песен неразрывно связан с образом власти и носит «негативный» характер («свобода от принуждения, от подавления, от старой общественной системы»). Подобное её понимание обусловлено как историческими условиями, в которых происходило формирование рок-музыки, так и особенностями жанра музыки и спецификой той социальной группы, к которой принадлежали авторы песен.*

***Ключевые слова:** рок-музыка; свобода; дискурс; Перестройка.*

***Abstract.** The work is aimed to study the concept of freedom in the texts of Soviet rock music of the Perestroika era. General scientific methods were used to write the article, such as analysis, synthesis, induction, deduction, generalization, etc. Descriptive, historical and comparative methods were also applied with the method of political and textual analysis of the ideological content of the songs being the predominant one. The author came to the conclusion that the image of freedom in the lyrics is inextricably linked with the image of power and has a so-called negative character (“freedom from coercion, from suppression, from the old social system”). Such an understanding is related to the historical conditions in which rock music originated, the peculiarities of the genre and the specifics of the social group to which the songwriters belonged.*

***Keywords:** rock music; freedom; discourse; Perestroika.*

Эпоха Перестройки в культурном измерении оставила яркий след в истории России. Политика гласности и общая демократизация советского общества стали стимулом к развитию целого ряда культурных явлений в кинематографе, литературе, музыке и т.д. Одним из них можно считать отечественную рок-музыку. Несмотря на то, что её появление относится ещё к 1960-м гг., именно в годы Перестройки рок-музыканты завоевали широкое внимание советской публики. Более того, многие из них стали впоследствии восприниматься как

¹ МГУ им. М.В.Ломоносова, ф-т политологии, III курс бакалавриата.
Lomonosov Moscow State University, Faculty of Political Science, 3rd year of Bachelor's degree.

культовые: творчество Виктора Робертовича Цоя, Бориса Борисовича Гребенщикова, Ильи Валерьевича Кормильцева и др. до сих пор остаётся популярным среди большого числа слушателей.

Подобное влияние они приобрели во многом благодаря ценностному и идейному наполнению текстов песен, которое резонировало с требованиями и настроениями, существовавшими в советском обществе тех лет. Среди всего спектра затрагиваемых в творчестве музыкантов тем ярко выделяется тема свободы. Популярность рок-групп в 1980-х — 1990-х гг. обусловила тот факт, что содержащиеся в песнях послы влияли на формирование политического сознания молодёжи той эпохи. Впоследствии именно политическое сознание определяло их политическое поведение. В силу подобной значимости для исторического процесса 1980-х — 1990-х гг. следует изучить дискурс свободы в отечественной музыке, социально-политическое понимание этого феномена современными ему авторами.

Советская рок-музыка рассматривается в рамках различных отечественных социогуманитарных наук. Прежде всего, её изучают культурологи и социологи. Так, рассмотрению русского рока, как явления определённых социокультурных систем и субкультур, посвящено диссертационное исследование Анастасии Аркадьевны Васильевой [8]. Схожий подход использует Илья Сергеевич Алексеев, анализируя ценностные ориентации ленинградской рок-музыки как элемента культуры эпохи 1990-х гг. [3]. О различных философских пониманиях свободы в отечественной рок-музыке пишут Светлана Васильевна Стеванович и Екатерина Николаевна Чуева [24]; приведённая статья представляет собой обстоятельное исследование, однако в нём практически не затрагивается вопрос о социально-политическом понимании свободы в текстах песен тех лет.

Этот феномен также изучается искусствоведами: в частности, Лев Михайлович Кадцын рассматривает рок-музыку в контексте эволюции и развития массового музыкального искусства в СССР и за рубежом [12]. Отдельно стоит упомянуть исследование рок-музыки с точки зрения исторической и политической наук. Вопрос о месте советского и российского рока в историческом и политическом процессах Перестройки анализируется в статьях Александра Глебовича Левитана и Полины Васильевны Нечаевой [16], Михаила Михайловича Андрианова [3] и др., вошедших в состав сборника материалов по итогам Всероссийской научной конференции «Ветер Перестройки» (2021, Санкт-Петербург).

Прежде чем изучать идейное содержание текстов песен, необходимо рассмотреть исторический контекст становления рок-музыки в СССР. Появление первых коллективов данного жанра относится к началу 1960-х гг., когда в Советском Союзе стали распространяться пластинки западных исполнителей [26, с. 20]. Поначалу отечественные музыканты практически полностью копировали их стиль и звучание, однако в течение 1960-х гг. они постепенно отходили от подражания [12, с. 330]. Уже к 1970-м гг. сформировалась прослойка любительских

рок-групп, а часть из них смогла приобрести определённую популярность [12, с. 330], хотя официального признания им добиться не удалось [12, с. 338].

К 1980-м гг. рок-музыка и рок-культура плотно интегрировались в молодёжную среду. Появилось большое число новых коллективов, которые впоследствии определили лицо советской рок-музыки: «Кино», «Алиса», «Браво», «Телевизор» и др. [12, с. 339]. Из-за растущей популярности в Ленинграде был открыт рок-клуб; музыканты получили возможность легально выступать и записывать музыку, а представители советского руководства — контролировать развитие нового движения [15]. Однако относительная свобода продлилась недолго: в 1983 г. Константин Устинович Черненко выступил на пленуме ЦК КПСС с докладом, в котором подробно описал «негативные явления в молодёжной среде» [27, с. 219], в частности, «музыкальные ансамбли с программами сомнительного свойства» [27, с. 217]. После этого начались «гонения» на рок-группы. Советская пресса писала разгромные статьи про их песни, а многие исполнители попали в «чёрный список» Министерства культуры, из-за чего не смогли выступать [26, с. 106–109].

Ситуация изменилась в эпоху Перестройки. Благодаря послаблениям в цензуре в отношении деятелей искусства вернулась возможность давать концерты. В Москве была открыта «рок-лаборатория» [26, с. 133], в Свердловске — рок-клуб [20]. Именно тогда, в период демократизации и либерализации советской жизни, в творчестве музыкантов всё чаще стали появляться социально-политические идеи.

Подводя промежуточный итог, стоит сказать, что рок-музыка в СССР с момента своего зарождения и вплоть до эпохи Перестройки существовала в рамках замкнутой молодёжной субкультуры [14, с. 19–20]. Её «западные корни», обособленность от официальной эстрадной музыки, а также появление в текстах сатиры и критики советской реальности стали причинами, по которым она поначалу игнорировалась, а потом подавлялась государством как противоречащая идеологической повестке. Подобные условия, в которых происходило становление мировоззрения авторов песен, во многом оказали влияние на смысловое наполнение текстов.

Нельзя забывать и ряд других важных фактов. Во-первых, рок изначально позиционировался на Западе как протестная, оппозиционная музыка [21, с. 78]. Если учесть, что советский рок сформировался на основе западного (а поначалу ему подражал), эта черта не могла не перейти и в отечественную музыку. Во-вторых, рок-музыка как на Западе, так и в СССР была популярна преимущественно в среде молодёжи. Особой характеристикой данной социальной общности является склонность к выражению несогласия с существующими социальными нормами; эта черта психики молодых людей во многом и обусловила популярность рока (т.е. протестной музыки) в их среде [22, с. 111–112]. К тому же подавляющее большинство авторов на момент написания своих песен само относилось к молодёжи. Здесь же важно отметить,

что молодёжь в СССР в 1980-х гг. находилась в процессе смены ценностных ориентаций: коллективизм и ценности советской идеологии уступали место индивидуализму и требованию демократических свобод в западном их понимании [23, с. 263]. Подобный процесс, естественно, нашёл свое отражение в текстах рок-музыкантов.

После изучения исторического контекста следует перейти к непосредственному анализу творчества рок-музыкантов. В качестве примера можно выбрать несколько знаковых композиций, которые так или иначе были известны в среде молодёжи и, как следствие, отражали то, на что в действительности существовал запрос в той социальной среде в данный период. Так, важно обратить внимание на песни группы «Телевизор» «Выйти из-под контроля» и «Дети уходят», исполнявшиеся на фестивалях Ленинградского рок-клуба. «Выйти из-под контроля» стала сенсацией в 1986 г., когда группа сыграла её вопреки прямому запрету, за что в течение полугода не могла выступать [5]. «Дети уходят», в свою очередь, была признана одной из лучших песен V фестиваля, прошедшего в 1987 г. [7]. Помимо них, можно рассмотреть песню Константина Евгеньевича Кинчева «Солнце встаёт», которая вошла в альбом «Блок Ада», выпущенный в 1987 г. тиражом в миллион экземпляров [4]. Сама же группа «Алиса» регулярно появлялась в советских хит-парадах того времени [25]. Также следует изучить работу Б. Б. Гребенщикова «Поезд в огне», вошедшую в десятку лучших песен 1988 г. хит-парада «Звуковая дорожка» [25]. Наконец, нельзя упускать из виду творчество Егора Летова²: хотя он и не был настолько же популярным, как приведённые выше авторы, а его песни на тот момент воспринимались скорее как андеграундные, они, тем не менее, имели определённое число поклонников [18], как, например, песня «Лёд под ногами майора», вошедшая в альбом «Тоталитаризм» (1987 г.) [9].

Важно отметить следующее: несмотря на то, что у слушателей существовал запрос на тексты, посвящённые противопоставлению «старого и нового», призыву к обновлению общественного устройства, само слово «свобода» возникает в песнях сравнительно нечасто. Подобный парадокс объясняется тем, что в годы Перестройки ещё не сформировались ценности «позитивной» свободы, о чём подробно будет сказано далее. Практически всегда свобода была связана с образом власти, который отсылал к советским реалиям тех лет.

Весь основной посыл песни «Выйти из-под контроля» сформулирован в её названии. Повествование начинается со слов о тотальной слежке за людьми, результат которого — абсолютное послушание: *«И мы растём послушным стадом, / Живём как надо, поём что надо»* [5]. Однако далее лирический герой указывает на то, что ситуация меняется и что люди больше не готовы терпеть такое отношение: *«Но мы стоим, нам надоело падать!»* [5], а припев песни выражает призыв освободиться от этого надзора, восстать против указаний «сверху»: *«Выйти из-под контроля / Выйти и петь о том, / Что видишь, а не то, что позволят!»* [5].

² Псевдоним Игоря Фёдоровича Летова.

В песне «Дети уходят» речь идёт про то, как молодые жители одного города тихо покидают дома своих родителей: *«Дети уходят — и никаких революций: / Просто уходят — они не хотят вам мешать»* [6]. Причина этого кроется в конфликте поколений: родители здесь представляют собой прошлое, т.е. время, которое уже уходит; дети же — это настоящее и будущее, и уходят они, чтобы *«сначала, начать всё сначала...»* [6]. Это противопоставление подчёркивается в обращении лирического героя к «старшим»: *«Только прошлое в ваших руках, / Ну а завтрашний день / Вам у них не отнять!»* [6].

Ключевым образом в работе К. Е. Кинчева «Солнце встаёт» является солнце, которое сам автор описывает как «начало жизни, свет, тепло, всё собирательно» [28, с. 96]. И, согласно тексту, оно действительно выступает «спасителем душ», вдохновителем людей, которые до того жили в полной темноте. Лирический герой объясняет причину: *«Красные кони серпами подков топтали рассвет, / Когда всходило солнце, / Солнцу говорили: “Нельзя, нельзя”»* [13]. Однако сейчас пришло время перемен: солнце вновь появляется на небе, нарушая покой тех, кто сторожит старый порядок [13].

О схожем говорит и лидер группы «Аквариум» Б. Б. Гребенщиков в композиции «Поезд в огне». Примечательно, что автор не планировал писать политически окрашенную песню, однако социально-политические обстоятельства вынудили его вложить в текст идеологический посыл [10].

В ней повествуется о жизни полковника Васина, который прибыл на фронт, чтобы открыть солдатам своего полка правду об их жизни и о войне, которую они вели: *«Мы ведём войну уже семьдесят лет, / Нас учили, что жизнь — это бой, / Но по новым данным разведки / Мы воевали сами с собой»* [2]. Оказалось, что всё это время их посылали на бой генералы, желавшие лишь выгоды для самих себя. По мнению Васина, если оставить всё как есть, то война никогда не закончится. Он призывает отказаться от сражений и вернуть Родину себе, отобрать её у генералов. И самое важное — нужно уйти с линии фронта прямо сейчас, пока не стало слишком поздно: *«И, если мы хотим, чтобы было куда вернуться, / Время вернуться домой»* [2].

Песня Егора Летова «Лёд под ногами майора» была написана в период, когда он находился под следствием в КГБ [11]. Он утверждал, что ему угрожали делом по поводу создания антисоветской организации, и он, приняв решение о самоубийстве, написал записку со словами: «Кончаю с собой под давлением майора Мешкова Владимира Васильевича» [11]. О записке, как говорил музыкант, стало известно, и его вместо тюрьмы отправили в психбольницу, а через три месяца выпустили [11].

Подобная предыстория напрямую повлияла на содержание песни. Основное повествование в тексте строится вокруг трёх образов: «их», счастливых и беззаботных, «нас», которых никто не принимает за своих, и майора, желающего уничтожить «их». Однако лирический герой

ясно обозначает, что майор не сможет достичь своей цели благодаря «нам»: *«Он гремит сапогами, но упал — гололёд, / И мы — лёд под ногами майора!»* [17]. Притом, несмотря на то, у «нас» не осталось ничего, «мы» всё равно должны выполнить одну главную цель — остановить майора: *«И всё, что мы можем, — это быть лишь льдом, / Но мы — лёд под ногами майора!»* [17].

Очевидно, что майор в данном случае — символ советской власти, жестокой и безжалостной в отношении «них», за которыми усматриваются простые граждане, не знакомые с репрессиями. «Нас» можно трактовать как «рок-музыкантов» или шире — «бунтарей», которые уже увидели, на что способна власть, лишившая их всего (на что указывает строчка *«А у нас не осталось ничего — мы мрём»* [17]), поэтому они видят своей задачей спасти неосведомлённых людей от того, что их ждёт в руках майора.

Можно отметить наличие нескольких ключевых идей в рассматриваемых песнях. Первая из них — это образ власти в целом и правителей в частности, которые ассоциируются с жадностью, жестокостью и тотальным контролем, нужным зачастую только для реализации своих корыстных интересов. Вторая идея — признание этой власти устаревшей и, как следствие, признание возможности изменить общественный уклад. Наконец, третий посыл связан с призывом приступить к реализации этих изменений в ближайшее время или вообще в настоящий момент.

Эти три компонента и являются наиболее яркими составляющими понятия «свобода» в «перестроечной» рок-музыке. «Свобода» для рок-музыкантов тех лет — это «негативная» свобода, свобода от принуждения со стороны власти и от подавления индивидуальности. В ней практически не присутствует позитивный элемент: музыканты не говорят о том, для чего именно им нужна свобода. На тот момент главной целью, по мнению авторов песен, было добиться самого по себе изменения властных отношений, уйти от старой социальной системы к новой, основанной на признании важности отдельной человеческой личности. Более того, они были глубоко убеждены в том, что этот переход возможен уже сейчас, поэтому обществу следует лишь сообща работать в этом направлении, чтобы добиться успеха.

Подводя итог, нужно подчеркнуть, что рок-музыка в СССР прошла долгий путь от копирования западных коллективов до формирования собственного стиля в музыке и смыслового наполнения текстов. Её положение вплоть до второй половины 1980-х гг. было полулегальным, отношение советского руководства к культурному феномену на протяжении лет его существования несколько раз менялось. Подобный исторический контекст становления этого музыкального течения, политика гласности, изменения в советском обществе в рассматриваемый период, особенности психики молодёжи, чьи представители были как авторами песен, так и слушателями, — всё это обусловило определённое идейное наполнение текстов и особое понимание свободы. В частности, она ре-

гулярно противопоставлялась образу жестокой и тоталитарной власти, содержала в себе призыв противодействовать существующему несправедливому социальному порядку. При этом в неё почти не вкладывался «позитивный» смысл: идеал того общества, которое должно было прийти на смену старому, имел крайне размытый, неопределённый характер. Впрочем, «негативный» смысл свободы, связь с протестом, с желанием изменений не в абстрактном будущем, а «здесь и сейчас» резонировал с существовавшими в советском обществе настроениями. Поэтому песни рок-музыкантов в 1980-х — 1990-х гг. привлекли большую аудиторию и до сих пор остаются на слуху у современного молодого поколения.

Список источников

1. Аквариум — Поезд в огне // *Репродуктор*. URL: <https://reproduktor.net/gruppa-akvarium/poezd-v-ogne> (дата обращения: 26.09.2022).
2. Алексеев И. С. Рок-культура в публичном пространстве Санкт-Петербурга 1990-х гг.: дисс. ... канд. социол. наук. СПб., 2003. 160 с.
3. Андрианов М. М. «Ветер перемен», или Культурная революция эпохи Перестройки: как рок-музыка изменила сознание советских людей // *Ветер Перестройки*. 2021: сборник материалов первой Всероссийской научной конференции. СПб., 2022. С. 147–153.
4. «Блок ада»: студийный альбом (1987) // *Официальный сайт группы «Алиса»*. URL: <http://www.alisa.net/diskografiya.php?action=main&disk=disk87> (дата обращения: 20.04.2023).
5. Борзыкин М. Телевизор — «Выйти из-под контроля» // *Кур.С.Ив.ом: сайт Куря Сергея Ивановича о культуре, науке и искусстве*. URL: <https://www.kursivom.ru/телевизор-выйти-из-под-контроля-м-бор> (дата обращения: 26.09.2022).
6. Борзыкин М. Телевизор — «Дети уходят» // *Кур.С.Ив.ом*. URL: <https://www.kursivom.ru/телевизор-дети-уходят-м-борзыкин> (дата обращения: 26.09.2022).
7. Бюллетень V-го фестиваля Ленинградского рок-клуба в ДК «Невский» (3–7 июня 1987 г.) // *Nolhistory: интернет-ресурс по истории группы «Ноль»*. URL: <https://nolhistory.ru/statyi/1987-10.html> (дата обращения: 26.09.2022).
8. Васильева А. А. Российская рок-музыка 1970-х — 1980-х гг. как социокультурное явление: опыт культурологического анализа: дисс. ... канд. культурол. наук. Челябинск, 1999. 234 с.
9. ГРАЖДАНСКАЯ ОБОРОНА — история альбома «Тоталитаризм» (1987) // *Кур.С.Ив.ом*. URL: <https://www.kursivom.ru/grazhdanskaya-oborona-albom-totalita> (дата обращения: 20.04.2023).
10. Дугиль Т. Борис ГРЕБЕНЩИКОВ: «Большинство наших рокеров по-прежнему перемалывают тему борьбы. Какая борьба, ребята?! Давно уже идёт продажа...» // *Бульвар Гордона*. URL: https://bulvar.com.ua/gazeta/archive/s17_61934/4421.html (дата обращения: 26.09.2022).
11. Интервью с Егором Летовым. «Нападение — лучшая “Оборона”» // *Периферийная нервная система*. 1990. № 2. URL: <https://www.gr-oborona.ru/pub/anarhi/1056981513.html> (дата обращения: 15.07.2023).
12. Кадцын Л. М. Массовое музыкальное искусство XX столетия. Эстрада, джаз, барды и рок в их взаимосвязи: учебное пособие. Екатеринбург, 2006. 422 с.
13. Кинчев К. Алиса — «Солнце встаёт» // *Кур.С.Ив.ом*. URL: <https://www.kursivom.ru/alisa-solnce-vstaet-k-kinchev> (дата обращения: 29.09.2022).
14. Кормилцев И., Сурова О. Рок-поэзия в русской культуре: возникновение, бытование, эволюция // *Русская рок-поэзия: текст и контекст*. Тверь, 1998. № 1. С. 11–39.
15. Куртов И. Сюр, СССР и святая бюрократия. Музыкальные критики рассуждают о Ленинградском рок-клубе // *TASS*: URL: <https://tass.ru/kultura/10836803> (дата обращения: 26.09.2022).
16. Левитан А. Г., Нечаева П. В. Советская рок-культура как фактор роста социального запроса на перемены во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг.: пути распространения и механизмы влияния // *Ветер Перестройки*. 2021: сборник материалов первой Всероссийской научной конференции. СПб., 2022. С. 159–164.

17. Лето́в Е. Гражданская оборона — «Лёд под ногами майора (Мы — лёд)» // Кур.С.Ив.ом. URL: <https://www.kursivom.ru/гражданская-оборона-лед-под-ногами-м> (дата обращения: 29.09.2022).
18. Лето́в Е. Именно так всё и было. Творческо-политическая автобиография // Лимонка. 1993. Ноябрь. №№ 2, 3. Ссылка на электронную копию: <https://www.gr-oborona.ru/pub/anarhi/1056980189.html> (дата обращения: 15.07.2023).
19. Мальшев Б. «Надо разобраться в ситуации!». Интервью с М. Борзыкиным // РОКСИ. 1986. № 11. URL: <https://handbook.severov.net/handbook.nsf/Main?OpenFrameSet&Frame=Body&Src=1/A4073A8D978E6B23C3256B3B005A61EE%3FOpenDocument> (дата обращения: 26.09.2022).
20. Матвеев А. 25 лет Свердловскому рок-клубу: юбилей свободы // ИТАР-ТАСС Урал. URL: https://web.archive.org/web/20120318112440/http://tass-ural.ru/psychology/25_let_sverdlovskomu_rok_klubu_yubiley_svodoby.html (дата обращения: 26.09.2022).
21. Мирская Л. А., Пигулевский В. О. Контркультурный эрос в рок-музыке // Южно-Российский музыкальный альманах. 2017. № 4. С. 78–83.
22. Празднова О. С. Специфика проникновения рок-культуры в СССР // Ценности и смыслы. 2017. № 3. С. 111–119.
23. Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х / под общ. ред. Ю. А. Левады. М., 1993. 300 с.
24. Стеванович С. В., Чуева Е. Н. Особенности репрезентации концепта «Свобода» (на материале текстов русских рок-групп) // Вестник КемГУ. 2008. № 2. С. 193–196.
25. Сычёв С. Хит-парады в СССР. «Звуковая дорожка», «Хит-парад ТАСС» и др.: электронный справочник. Издательские решения, 2019.
26. Троицкий А. К. Рок в Союзе: 60-е, 70-е, 80-е... М., 1991. 207 с.
27. Черненко К. У. Актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы партии: доклад на пленуме ЦК КПСС 14 июня 1983 г. // Народ и партия едины. Избранные речи и статьи. М., 1984. С. 208–224.
28. Чернин А. А. Другая история. СПб., 2007. 572 с.

Для цитирования:

Степанченко Д.А. Дискурс свободы в отечественной рок-музыке эпохи Перестройки // Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. С. 114–121.

Камынин Евгений Вячеславович | Kamynin Evgeniy Vyacheslavovich¹

**Общественное восприятие романа Ивана Антоновича
Ефремова «Туманность Андромеды» в СССР в годы
Перестройки (1985–1991 гг.)**

**The public perception of Ivan Antonovich Efremov's novel
Andromeda: A Space-Age Tale in the USSR during Perestroika
(1985–1991)**

***Аннотация.** В данной статье рассматривается проблема восприятия советским обществом фантастического романа И. А. Ефремова «Туманность Андромеды» в период Перестройки. Анализируются два типа восприятия — «ортодоксальный» советский и нетрадиционный, который стал детищем Перестройки. В качестве источников автором используются сборник материалов конференций, сборник литературной критики, периодические издания, видеоматериал. На основе анализа источников автором делается вывод, что поначалу, с возрождением веры в возможность построения коммунизма, «Туманность Андромеды» воспринимается как футурологический проект, однако ближе к концу Перестройки роман о коммунистической эре будущего теряет своё значение и становится нужным лишь как инструмент критики советской власти.*

***Ключевые слова:** советское общество; Иван Ефремов; Перестройка; научная фантастика; футурология; гласность.*

***Abstract.** This article studies the problem of perception of the fantastic novel by I. A. Efremov *Andromeda: A Space-Age Tale* by the Soviet society during the period of Perestroika. Two types of perception of the novel are analyzed — the “orthodox” Soviet and the non-traditional one, which became the brainchild of Perestroika. The author uses periodicals, conference materials, and video materials as the sources of the study. Based on the analysis of those sources, the author concludes that at first, with the revival of faith in the possibility of building communism, *Andromeda: A Space-Age Tale* is perceived as a futurological project, but towards the end of Perestroika, the novel about the communist era of the future loses its significance and becomes necessary only as an instrument of criticism of the Soviet government.*

***Keywords:** soviet society; Ivan Efremov; Perestroika; science fiction; futurology; glasnost.*

Научно-фантастическая литература играла особую роль в СССР: в период господства материализма и атеизма этот жанр особенно подходил для пропаганды науки, научного образа мышления. Ещё одной причиной популярности фантастики являлась её про-

¹ Южный федеральный ун-т, ин-т истории и международных отношений, III курс бакалавриата. Southern Federal University, Institute of History and International Relations, 3rd year of Bachelor's degree.

гностическая функция, позволявшая жанру прекрасно вписываться в рамки марксистско-ленинской идеологии, согласно которой человечество идёт по пути прогресса как в производственном, так и в нравственном отношении. Одним из образцов такого «прогноза» стал роман Ивана Антоновича Ефремова «Туманность Андромеды» (1957 г.) — в период «оттепели» воспринятый как реальное описание коммунистического будущего, а в «застойные» времена утративший футурологическую сущность. Однако в большинстве работ, освещающих данную тему (например, в монографиях Анатолия Фёдоровича Бритикова [2] и Владимира Вячеславовича Комиссарова [6]) анализируется восприятие данного произведения именно в первые годы после публикации, не затрагивая дальнейшие изменения в восприятии.

Как мы считаем, в эпоху Перестройки восприятие «Туманности Андромеды» имело свои особенности. Важно отметить, что в культурном плане сама Перестройка подразумевала постепенную отмену цензуры, проведение политики гласности, и в обществе, таким образом, появилась возможность обсуждать запретные ранее темы, а со временем даже критиковать социалистической строй и коммунистические идеи. Поэтому нам кажется обоснованным разделить примеры восприятия «Туманности Андромеды» в период Перестройки на две группы: 1) в целом «ортодоксальное», т.е. в рамках советской парадигмы, восприятие в положительном ключе (не исключая при этом и новых элементов, которые, однако, не разрушают, а дополняют картину такого восприятия); 2) и своего рода нетрадиционное, выходящее за рамки советской материалистической точки зрения (например, рассмотрение романа через призму мистики).

В 1988 г. в Николаеве прошла Всесоюзная научная конференция, посвящённая творчеству И. А. Ефремова и проблемам научной фантастики. Среди докладов, прозвучавших на конференции, были и такие, что посвящены роману «Туманность Андромеды». Интересно, что авторы этих докладов, в целом воспринимая роман «ортодоксально», вносят в восприятие свои аспекты. Так, «Туманность Андромеды» исследуется с точки зрения лингвистики [1], педагогики [9] — как нам кажется, данные темы докладов и сам факт проведения подобной конференции свидетельствуют о возросшем интересе общества как к «Туманности Андромеды», так и ко всему творчеству её автора в целом. Роман воспринимается не как объект исследования в узкоспециализированной сфере — литературоведческом изучении научной фантастики, как это было в 1970-е гг., — а как источник для работ междисциплинарного характера. О восприятии романа как некоего прогноза, а не просто фантастического произведения, свидетельствует доклад Я.В. Голобородько. В частности, автор заявляет: «...романы “Что делать?” и “Туманность Андромеды” — произведения политические. Чернышевский обосновал требование изменения строя, Ефремов выразил идеологию коммунистического общества. Ряд прогнозов великого революционера (механизация, машинизация труда

и др.) сбываются. Думается, что роман И. А. Ефремова тоже окажется пророческим. И убедиться в этом смогут те, кому выпадет счастье жить и трудиться в коммунистическом мире» [3]. Иными словами, для Я. В. Голобородько «Туманность Андромеды» — вовсе не фантастика, а политический прогноз, и, сравнивая её с чернышевским «Что делать?», докладчик приходит к мысли, что прогноз вполне верный: в наступлении коммунистической эры нет сомнений. Подобный интерес к роману можно, вероятно, объяснить самой атмосферой общества в начальный период Перестройки: ожидание перемен, «возврат к ленинским истокам» в противовес предшествующему «застою» и, как следствие, возвращение веры в реальное построение коммунизма, возврат интереса к футурологическим проектам, а таковым проектом в какой-то мере являлась и «Туманность Андромеды».

Интересно, что многие докладчики пытаются связать роман с окружающей их политической и общественной действительностью: например, Л. П. Дудюк утверждает, что ефремовские «герои, люди отдалённого будущего, формируются в школе, очень похожей на ту, которую пытаются создать наши современники, учителя-новаторы Ш. Амонашвили, М. Щетинин, В. Шаталов и др.» [4]. Кроме того, одна из мыслей И. А. Ефремова в романе «сегодня звучит также современной, когда Перестройка школы стала важнейшим государственным делом» [4]. То есть, роман и спустя 30 лет после его написания становится актуальным и злободневным.

В годы Перестройки также начали появляться примеры, показывающие восприятие «Туманности Андромеды» в отличии от традиционного ключе. «Нетрадиционность» в них заключалась в том, что произведение могли трактовать с позиций, отличающихся от материалистических и коммунистических, применяя не публикуемую ранее литературу или опираясь на некие религиозно-мистические представления.

Так, например, Юрий Михайлович Медведев, пытаясь ответить на вопрос «Но как объяснить внезапный интерес писателя к будущему, воплощённый в романе-утопии “Туманность Андромеды”, который появился в 1957 г.?» выдвигает следующую версию: «Думается, решающее влияние на “космическую” тему в творчестве Ивана Антоновича оказало знакомство с такими малоизвестными трудами К. Э. Циолковского, как “Воля Вселенной”, “Монизм Вселенной”, “Причина космоса”, “Космическая философия”, “Будущее Земли и человечества” и некоторыми другими философскими работами. <...> Он [И. А. Ефремов] считал себя “восприимчиком” Циолковского, одного из основоположников “русской школы космизма» [7]. Примечательно, что хотя в более ранних отзывах о творчестве писателя и встречалась мысль о влиянии на космическую тематику в «Туманности Андромеды» идей Константина Эдуардовича Циолковского, но о таком философском направлении, как «русский космизм», не упоми-

налось ни разу: это учение в целом достаточно религиозное², и в «до-перестроечном» СССР вряд ли о нём можно было говорить открыто.

Интересна также статья Александра Ивановича Шалимова, написанная к 80-летию со дня рождения И. А. Ефремова, а точнее — этой статьи завершение: «Когда в редкие свободные минуты я даю волю фантазии, я иногда думаю об авторе “Туманности Андромеды” как... о пришельце из нашего будущего. <...> Прибыл он с некоторым опережением, чтобы “акклиматизироваться” до начала самых важных событий, потом прошёл вместе с нами по дорогам революции и строительства; немного позднее — в очень трудное время — чуть-чуть намекнул, откуда он и что знает, подсказал учёным несколько идей, реализация которых, с его точки зрения, запаздывала, и, зная о том, что ближайший отрезок пути будет прямым и сравнительно ровным, что значительная часть землян выходит на столбовую дорогу, ведущую к коммунизму, тихо и незаметно удалился...» [11]. Во-первых, интересна сама гипотеза о пришельце из будущего, отдающая каким-то паранормальным духом. Но её серьёзность преувеличивать не стоит: сам автор говорит, что эта мысль — «воля фантазии». Однако здесь, как нам кажется, используя темы из романа «Туманность Андромеды», автор статьи критикует прошедшую эпоху «застоя» — «очень трудное время», по его словам, а под «важными событиями» А. И. Шалимов, видимо, понимал Перестройку, которую он, вероятно, воспринимал как первый шаг к наступлению эры коммунизма. Таким образом, здесь роман «Туманность Андромеды» выступает как «инструмент» автора для критики им предыдущего периода советской истории.

Подобные слова об И. А. Ефремове — пришельце из будущего, из мира «Туманности Андромеды» — А. И. Шалимов повторяет в фильме 1990 г. «Откровение Ивана Ефремова» [8], который также представляет интерес. Во-первых, само название — а точнее, слово «откровение» в нём — явно несёт религиозный, мистический оттенок, который вряд ли мог появиться прежде. Упоминание романа «Туманность Андромеды» в данном фильме минимальное. Пожалуй, даже первым рассказам И. А. Ефремова здесь уделено больше внимания, чем «Туманности Андромеды». Высказывающие своё мнение об ефремовском творчестве люди используют мир, описанный в «Туманности Андромеды», лишь для того, чтобы покритиковать существующее общество: так, один из них советует неким «академикам» посетить Академию Горя и Радости (термин, появившийся в романе). О том, что «Туманность Андромеды» описывает именно коммунистическое общество, в фильме не упоминается вовсе, как и само слово «коммунизм». Авторы фильма делают акцент на проблемах современного им общества, не стараясь заглянуть в грядущее, предположить, какими путями развития пойдёт их страна. Кроме того, в фильме присутствуют экранизированные эпизоды из различных произведений

² Так, Николай Фёдорович Фёдоров, один из основателей русского космизма, был глубоко верующим человеком и сочетал в своей философии веру в Христа и идею освоения космоса. Кроме того, частично его идеи можно считать националистическими.

писателя: романов «Лезвие бритвы», «Час Быка», «Таис Афинская», — однако фрагментов «Туманности Андромеды» в нём нет!³ Возможно, данный пример свидетельствует о том, что к концу 1980-х гг. первоначальная вера в возможность построить коммунизм — в результате Перестройки — умерла, общество уже не хотело идти к светлому будущему, не интересовалось футуристическими проектами, его больше интересовало не столь светлое настоящее, вызывающее у них неприязнь к советской власти и самой идее коммунизма.

Уже в 1991 г., на закате советского времени, появляется статья за авторством Василия Дмитриевича Захарченко. Несмотря на то, что данный текст в целом посвящён личности И. А. Ефремова и жизни писателя, есть в нём и фрагмент, касающийся «Туманности Андромеды»: «Становится понятным, почему подвергалось критике общество будущего, описанное Ефремовым в “Туманности Андромеды”. Начинаешь разбираться, на каком основании длительное время запрещали печатать “Час быка” — главный акт обвинения, выдвинутый писателем» [5]. Здесь «Туманность Андромеды» воспринимается как некий вызов высшему руководству СССР — тем, кто «вёл нашу страну к пропасти кризиса». В. Д. Захарченко, используя «Туманность Андромеды», жёстко критикует не предшествующий период в истории СССР, от которого пытались отмежеваться деятели Перестройки, а уже само государство, советскую власть вне конкретного исторического периода, включая и современную ему. Таким образом, к 1991 г. «Туманность Андромеды» не воспринималась как футуристический проект, а в целом использовалась для критики существующего общества и власти.

Итак, с одной стороны, на фоне политики Перестройки, демократизации общества, глобальных перемен во всех сферах жизни возрождается интерес к футурологическим проектам: людям кажется, что вся предшествующая эпоха была неправильной, а вот теперь, после крутых перемен в советском обществе, становится возможным построить коммунизм. Вследствие этого пробуждается интерес к тому, как коммунистическое общество будет выглядеть, что и возрождает восприятие «Туманности Андромеды» в футурологическом ключе. При этом роман воспринимается не как фантастика, а как политический прогноз. Роман также связывается с актуальными событиями в стране: например, попытками реформировать образование, — и, возможно, воспринимается как некая «программа» для будущих реформ: не зря довольно много внимания уделяется вопросам

³ В этом плане интересный сюжет связан с экранизацией «Туманности Андромеды». Существуют по крайней мере две версии фильма. Первая, «полная», вышла в 1967 г., имела длительность 75 минут, а начиналась словами «Вам, живущим в двадцатом веке. Вам, живущим в первом веке коммунистической эры — посвящается». В 1980 г. вышла «реставрированная» версия, для которой укоротили и заново смонтировали оригинал, и продолжительность фильма составила 68 минут. В этой версии некоторые эпизоды и все упоминания про «коммунистическую эру» вырезаны, а подлинный голос актёров переозвучены [10]. Отсутствие упоминания о коммунизме в поздней версии фильма связано, по нашему мнению, не только с не произошедшим «построением коммунизма к 1980 г.», но и, возможно, с общим увяданием интереса к данной теме уже в эпоху «развитого социализма».

педагогике в «Туманности Андромеды». Нетрадиционное же восприятие этого произведения в период Перестройки было связано с ослаблением (а далее — и с фактической отменой) цензуры, появлением новых идей в советском обществе, которые уже не были связаны с материализмом и коммунизмом. Так, «Туманность Андромеды» воспринимают то как произведение, основанное на мистико-религиозной философии космизма, то как записки будто бы реального путешественника во времени. Но постепенно, с разочарованием общества в идее коммунизма, с развитием неприятия советской власти и её всевозможной критики, «Туманность Андромеды» теряет свою значимость, большее внимание общества получают другие произведения писателя, и в начале 1990-х гг. роман используется лишь как повод критиковать советскую власть.

Однако, как бы ни различались традиционное и нетрадиционное восприятие романа, есть у них и нечто общее. В то время, пока вера в коммунизм и доверие к советской власти остаются сильны, «Туманность Андромеды» воспринимается именно в качестве прогноза на будущее: с традиционной точки зрения — как прогноз политический, программа для возможного реформирования общества; с нетрадиционной — как откровение человека, предвосхитившего будущее, будто бы побывавшего там, и как мистическое предсказание. Однако с начала 1990-х гг., уже на самом закате советской власти, когда вера в коммунизм по большей части рушится, а руководство СССР нещадно критикуют, отмирает и традиционная точка зрения: коммунизм построить не удалось и не удастся, — а нетрадиционная перетекает в область критики советской власти. Бóльшее внимание уделяется другим произведениям И. А. Ефремова, в которых также ищут мистический смысл. С потерей веры в наступление коммунизма интерес к роману о коммунистической эре значительно снижается.

Список источников

1. Бевз Е., Шуткина Г. Из наблюдений над словообразованием космической терминологической лексики (на материале НФ романа И. Ефремова «Туманность Андромеды») // Тезисы докладов и сообщений на Всесоюзной научной конференции — семинаре, посвящённой творчеству И. А. Ефремова и проблемам научной фантастики. Николаев, 1988. С. 133–136.
2. Бритиков А. Ф. Русский советский научно-фантастический роман. Л., 1970. 448 с.
3. Голобородько Я. В. Сопоставление концепций будущего в романах Н. Г. Чернышевского «Что делать?» и И. А. Ефремова «Туманность Андромеды» // Тезисы докладов и сообщений на Всесоюзной научной конференции — семинаре, посвящённой творчеству И. А. Ефремова и проблемам научной фантастики. Николаев, 1988. С. 49–52.
4. Дудюк Л. П. Школа будущего в романе И. А. Ефремова «Туманность Андромеды» // Тезисы докладов и сообщений на Всесоюзной научной конференции — семинаре, посвящённой творчеству И. А. Ефремова и проблемам научной фантастики. Николаев, 1988. С. 44–48.
5. Захарченко В. Д. Роман из вранья, или Восемь чудес из вымышленной жизни Ивана Ефремова. // Техника — молодёжи. 1991. № 10. С. 13–14.
6. Комиссаров В. В. «Этого ожидали ...»: роман И. А. Ефремова «Туманность Андромеды» и футуристические проекты советской интеллигенции. Иваново, 2017. 116 с.

7. Медведев Ю. М. Свет над озером мрака (к 20-летию романа «Час Быка») // В мире фантастики. М., 1989. С. 101–112.

8. Откровение Ивана Ефремова // YouTube. URL: <https://youtu.be/hqfhErUEXy0> (дата обращения: 21.09.2022).

9. Пахомова Т. «Восприятие старшеклассниками гуманистического пафоса фантастики И. А. Ефремова (на материале романа «Туманность Андромеды») // Тезисы докладов и сообщений на Всесоюзной научной конференции — семинаре, посвящённой творчеству И. А. Ефремова и проблемам научной фантастики. Николаев, 1988. С. 85–87.

10. Туманность Андромеды (1967) // Кинопоиск. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/42367> (дата обращения: 21.09.2022).

11. Шалимов А. И. Дар Ветер среди нас (к восьмидесятилетию со дня рождения И. А. Ефремова) // Фэндом: архив любителей фантастики. URL: https://www.fandom.ru/about_fan/shalimov_3.htm (дата обращения: 21.09.2022).

Для цитирования:

Камынин Е. В. Общественное восприятие романа Ивана Антоновича Ефремова «Туманность Андромеды» в СССР в годы Перестройки (1985–1991 гг.) // Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. С. 122–128.

Сквоттинг и смена символического значения городских пространств в исторических районах как элемент развития культурной среды Ленинграда–Петербурга в середине 1980-х — конце 1990-х гг.: обзор и попытка предварительного анализа явления

Squatting and the overall changes in the symbolism of urban spaces as part of development of the cultural environment of Leningrad–Saint-Petersburg from the middle of 1980s to the end of 1990s: a review and an attempt at preliminary analysis of that phenomenon

***Аннотация.** Возможность получить в своё распоряжение знаковые пространства в центре города — самозахватом или полуполюгальной арендой — сопровождала росту и разнообразию культурных явлений в Санкт-Петербурге в период с середины 1980-х по конец 1990-х гг. Целью статьи является попытка выявить связь между этими процессами и дать обзор феномена, характерного для широкого круга творческих групп и субкультурных формирований означенного периода.*

***Ключевые слова:** сквоттинг; городские пространства; рейв.*

***Abstract.** The opportunity to get at one's disposal the iconic spaces in the city center — by self-capture or semi-legal lease — accompanied the growth and diversity of cultural phenomena in St. Petersburg in the period from the mid-1980s to the late 1990s. The purpose of the article is to attempt at identifying the connection between those processes and to give an overview of the phenomenon which was characteristic of a wide range of creative groups and subcultural formations of the said period.*

***Keywords:** squatting; urban spaces; rave.*

Сквоттинг — акт самовольного заселения покинутого или неза-нятого места лицами, не являющимися его собственниками или арендаторами, а также не имеющими иных разрешений на использование помещений. Является распространённым способом существования для авантюрной молодежи. Сквоттинг утвердился в Европе в 1960-х — 1970-х гг. и, в целом, был элементом протестного движения — как левого (к примеру, известный копенгагенский район-сквот «Христиания»), так и правого (таковым является сквот итальянских фашистов «Casa Pound»). Как акт политического высказывания сквоттинг существует по сей день. Из недавних новостей известны случаи, когда в Европе активисты оккупируют недвижимость российских бизнесменов из санкционных списков,

¹ Независимый исследователь.
Independent researcher.

мотивируя это борьбой против спецоперации на Украине и привлечением внимания к жилищному кризису в их собственных странах [20].

В академической среде наблюдается активизация интереса к феномену сквоттинга в контексте символических акций политического, этического и социального толка [7; 10; 17]. Об актуальности проблематики говорит и то, что в 2020 г. тема исследования переформатирования пространств через самозахват была заявлена мультидисциплинарным проектом философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова «Сквоттинг Research» [16]. Кураторы проекта также сделали акцент на политическом характере сквоттинга (при этом исследуемые субкультуры и художественные явления в опубликованных материалах рассматривались, на наш взгляд, сугубо поверхностно). Мы же хотим обратиться к иной стороне самозахвата пустующих зданий, связанной больше с городской культурой, краеведением и урбанистикой. Данная сторона сквоттинга, прицел которого направлен больше в сторону культуры, нежели политики, особенно ярко проиллюстрирована в истории Санкт-Петербурга последних десятилетий XX в. На наш взгляд, возможность творческой молодёжи получать в своё распоряжение знаковые пространства в центре города — самозахватом или полужурной арендой — сопутствовала росту и разнообразию культурных явлений Санкт-Петербурга в период с середины 1980-х по конец 1990-х гг. Таким образом, цель статьи заключается в попытке выявить связь между этими процессами и дать обзор феномена, характерного для широкого круга творческих групп и субкультурных формирований Санкт-Петербурга в означенный период.

Основным источником статьи послужили интервью, а также воспоминания очевидцев и участников событий. Проблематика, затрагиваемая в исследовании, мало изучена: на данном этапе её научной разработки сложно отделить исследования от свидетельств современников и, собственно, источников. Таким образом, выбор мемуаров, как основного источника, на взгляд автора, является методологически обоснованным.

Значительным подспорьем для исследования послужила книга «Шизореволюция» художника Андрея Леонидовича Хлобыстина, которая представляет собой опыт изучения творчества и образа жизни петербургской художественной среды начиная с 1980-х гг. и до современности [28]. Издание снабжено необходимым иллюстрационным материалом, а также изобилует комментариями и проработанным библиографическим аппаратом, что делает книгу незаменимой для любого исследователя современной культуры Санкт-Петербурга. В вопросе географии сквотов полезным также оказался цикл материалов Анны Матвеевой для журнала «Артгид», объединённый названием «Места силы неофициального искусства Ленинграда–Петербурга» [19].

Стоит отметить, что отдельным элементам истории освоения городских пространств Санкт-Петербурга в заявленный период через сквоттинг посвящён целый ряд обзоров и искусствоведческих статей (к примеру:

[6; 8; 9; 29]), однако информация, представленная в них, как правило, либо дублирует фактуру книги А. Л. Хлобыстина, либо лишь незначительно дополняет её. Главный же недостаток данных исследований можно усмотреть в том, что самозахват городских пространств в них выделен в обособленное явление, присущее конкретным арт-группам, и не рассматривается как глобальный феномен культурной жизни Санкт-Петербурга.

Однако даже поверхностный обзор показывает, что освоение незанятых городских пространств не ограничивалось сквоттингом в сугубо классическом понимании, а было отличительной чертой практик широкого круга молодёжи означенного периода, оно являлось специфически петербургским феноменом.

Один из идеологов петербургского краеведения Николай Павлович Анциферов предлагал рассматривать город как единый организм, чья анатомия описана планами и картами, физиология — бытом населения, а неотрывно связанная с ними психология является совокупностью городского пейзажа, легенд и искусства [2, с. 17–20]. Этот подход особенно важен в Санкт-Петербурге, где культура начинается с архитектурных ансамблей и продолжается в интерьерах доходных и присутственных домов. Центр Санкт-Петербурга — пространство, освоение которого имеет символический смысл. С момента основания города его дома обрастали историями именитых обитателей (некоторые из таких пространств даже носят неофициальные названия в честь жильцов — пример тому «Башня Вячеслава Иванова»). После революции начался идеологически мотивированный процесс разрушения прежнего уклада жизни, который выразался в перепланировке и физическом уничтожении прошлого. Каждое вторжение в «физическую» манифестацию духа города сопровождалось изменением его души. И наоборот — «физическое» формировало «душу». В данной статье с помощью данного подхода совершена попытка обозначить закономерность между расцветом культурного андеграунда «перестроечного» и «постперестроечного» периодов и возможностью без особых усилий получить в своё распоряжение пространство в историческом центре, став причастными к истории прежних поколений творцов.

Исследуемый период — середина 1980-х — конец 1990-х гг. — условен, однако это примерно тот временной отрезок, которому присущи сразу две характеристики. Во-первых, это период ослабления государственной власти. Экономические проблемы привели к обветшанию городской среды и создали множество коррупционных лазеек для желающих получить в своё распоряжение даже исторические памятники. Во-вторых, описываемый период стал для Санкт-Петербурга временем бурного расцвета культурной жизни, и можно отметить, что впервые — по крайней мере, со времён Серебряного века — значительную роль в этом процессе играла именно низовая самоорганизация: художники, музыканты и просто тусовщики. Разнообразные субкультуры использовали городскую среду стихийно, исходя из своих потребностей в жильё и пространствах для творчества и общения. В качестве иллюстрации

данного процесса мы рассмотрим сквоттинг, но не ограничимся обзором использования пустующих нежилых объектов для проведения культурных событий. В фокусе исследования также рассказ о захватах культовых зданий и расширении зоны творческого интереса молодёжи на необычные локации, такие, как реки и мосты. Именно данный подход качественно отличает наше исследование от предшествующих.

В первую очередь необходимо обозначить причины появления петербургского сквоттинга и выявить его отличительные черты. На поздний период СССР приходится активное расселение петербургского «старого фонда». Дореволюционные дома в исторических районах города начинают один за другим требовать капитального ремонта. Однако осуществить такое масштабное обновление жилищного фонда государству оказалось не под силу. В 1990 г. исполком Ленсовета отчитывается: «Существенно ухудшилось техническое состояние жилищного фонда в центральных районах города. В критическом состоянии находится жилищный фонд дореволюционной и довоенной постройки» [24]. В начале 1990-х гг. к этой проблеме добавляется невозможность поддерживать в должном состоянии бюджетные учреждения и даже военные объекты. Они будут вынуждены самостоятельно добывать средства — часто сдавая помещения внаём. С начала 1980-х и до конца 1990-х гг. самозахват таких помещений становится обычной практикой, а для творческой молодёжи ещё и символическим актом, который мог быть как осознанным, так и нет: перед поколением открылся весь мир, и расширение духовных границ было естественным образом связано с расширением оперативного пространства для жизни и творчества в физической реальности. Санкт-Петербург вполне отвечал подобным устремлениям — может быть, лучше, чем любой другой постсоветский город: открывая и осваивая заброшенные пространства дореволюционных зданий, молодые люди также открывали для себя утраченную Россию, освобождая её от наслоений уходящей эпохи, часто в прямом и буквальном смысле.

Как мы уже отметили, петербургский сквоттинг имеет свои особенности. Преле же всего нужно сказать, что петербургские сквоттеры по большей части были аполитичны — или, как минимум, самозахват не был для них формой протеста. Можно предположить, что дело здесь в контексте эпохи: новое капиталистическое общество не только не вызывало у сквоттеров враждебности, но и само не ставило себя в оппозицию к ним, в т.ч. и потому, что не имело для этого ещё достаточной устойчивости².

Кроме этого, основной тактикой политизированных сквоттеров является захват их сразу крупной группой участников, что осложняет для полиции выселение решительно настроенных захватчиков. В Санкт-Петербурге сквоттеры из художественной среды вселялись в покину-

² Ряд исследователей отмечает, что одной из особенностей трансформации постсоциалистических городов является неопределённый «режим собственности» городских пространств, а конфликт по поводу их использования и владения может иметь непредсказуемый исход: возможно даже появление межклассовых альянсов и солидарности между «сквоттерами» и «законными владельцами» [3, с. 18].

тое жильё без особого шума. Поиск и выбор локаций был творческим процессом, и не меньшую изобретательность сквоттеры проявляли для того, чтобы без скандала уладить отношения с лицами, ответственными за выбранные места. В ход шли и взятки, и хитрость, и умение договариваться (подробнее эти сюжеты мы рассмотрим далее).

Другой важной особенностью была сама городская среда, которая определяла содержание. Западные сквоттеры мало уделяли внимания символическому, предпочитая лёгкие для захвата и удержания здания заброшенных промышленных построек или даже военные полигоны (американский «Слэб Сити»). Петербургские же сквоттеры захватывают квартиры в бывших доходных домах, зачастую в самом центре города. У таких самозванных жильцов в этот момент уникально большой выбор, и они выбирают квартиры с лепниной и каминами, в которых запечатлён быт прежних эпох. Например, один из сквотов располагался в доме 22 на набережной Мойки, и окна там выходили на Дворцовую площадь [28, с. 106]. Сейчас в здании пятизвёздочный отель.

В отсутствие досуговых мест, галерей и клубов, захваченные квартиры становятся также общественными и социальными пространствами, мастерскими. А.Л. Хлобыстин, непосредственный участник художественного андеграунда, считает, что ближе всего по духу сквотам того периода стоит феномен богемных кварталов и дореволюционных салонов [28, с. 247]. Наконец, на Западе переезд в сквот — это зачастую дауншифтинг, маргинальный протест против благополучного мещанского быта. Для русского же (особенно иногороднего) молодого человека, не имеющего средств к существованию, сквот тогда стал практически единственной легкодоступной возможностью жить достойно: альтернативой сквотам были неуютные общежития, тесные квартиры на окраинах и коммуналки. В сквоте можно было бесплатно получить в своё распоряжение комнату или целую квартиру и одновременно лёгкий доступ к досугу и общению со сверстниками из той или иной тусовки [28, с. 252].

Для вселения достаточно было снять замок прежних хозяев и заменить его на свой. Электричество и вода нередко продолжали поступать бесперебойно, а телефонную линию заимствовали у соседей [28, с. 253]. Главной сложностью были отношения с милицией и ЖЭК, но примечательно, что их удавалось урегулировать — взятками, уговорами или взаимовыгодными соглашениями. Резиденты самого известного петербургского художественного сквота, «Пушкинской-10», оформили фонд и планомерно добивались (и добились) легальной передачи захваченного здания в своё распоряжение [28, с. 168]. Образованный в 1986 г. панковский сквот «НЧ/ВЧ», оформленный как клуб, легально получил помещение для нужд музыкантов в доме на Захарьевской улице, но в итоге захватил весь двор. Выселить музыкантов и художников оказалось трудно, даже несмотря на то, что через разрисованный граффити шумный двор регулярно возвращались с работы сотрудники спецслужб: обитатели сквота намеренно вели с властями пространную

бюрократическую переписку [28, с. 260]. Поклонники музыки погромче и потяжелее предпочли разместиться в удалённом от центра шестизэтажном доходном доме А. Ефремова на Лиговском пр., 275. Металлисты жили на первом этаже аварийного здания (оно было расселено с 1987 г.), там же они оборудовали репетиционную точку, где набирались опыта ныне известные группы жанра: «Северные врата» и «Bestial Deform». Пожаловаться на шум могли только соседи (половину здания занимали кооперативы), но поскольку сами предприниматели захватили помещения нелегально, в вопросах проживания установился паритет [14]. Ещё больше повезло группе юных художников и музыкантов «Тотальный джаз»: благодаря руководителю одной из художественных студий им удалось вселиться в Чайный домик Юсуповского дворца, который как раз готовили к реставрации. В этом уникальном объекте молодые люди проводили выставки, снимали кино, а также жили и принимали гостей. Когда администрация наконец обратила внимание на жильцов и приняла попытку их выселить, те обратились в прессу и представили ситуацию как конфликт поколений и попытку бюрократов помешать юным талантам [4]. Помещение, правда, им всё равно в итоге пришлось освободить. Сейчас там находится элитный ресторан.

В другом случае промоутеры первых рейвов, художники Денис Одинг и Олег Назаров, которым не повезло столкнуться с принципиальными сотрудниками жилконторы, получили неожиданную помощь от бизнесмена, предложившего им оплачивать аренду 300-метрового сквота-мастерской на Свечном переулке. Подозрительно щедрое предложение оказалось выгодным обеим сторонам: бизнесмен таким образом уходил от уплаты налогов [15].

В контексте этого исследования хотелось бы отдельно упомянуть три сквота, обитатели которых сыграли значительную роль как в культурной жизни Санкт-Петербурга, так и в осмыслении самого процесса освоения городского пространства. Мы имеем в виду галерею «АССА» Тимура Новикова, основателя неоакадемизма и важной фигуры творческого андеграунда, клуб «Танцпол», первый техно-клуб России, и сквот «Речников», идейных сквоттеров, организаторов и активных участников ярких и необычных творческих проектов.

Галерея «АССА» известна прежде всего тем, что дала название популярному фильму Сергея Соловьёва [1, с. 56]. Главные звёзды фильма — Сергей «Африка» Бугаев и Виктор Цой — часто проводили время в коммунальной квартире на улице Шпалерной, где Тимур Новиков открыл полноценный салон. Легально Т. П. Новикову принадлежала одна из комнат, но, когда (в 1980 г.) квартиру начали расселять, он стал использовать соседние комнаты сперва как мастерские, затем как импровизированную галерею и в конце концов взялся за организацию киносеансов, выступлений музыкантов групп «Кино» и «Поп-механика», показов мод. Здесь, в частности, состоялась первая в России выставка Энди Уорхола [22]. Постепенно Т. П. Новиков становится одним из тех, кто придаёт хаосу переходной эпохи стиль. В 1998 г. «Новая академия»

переводит отрывок статьи «Искусство и распад» из журнала Wired, где известный писатель-фантаст Брюс Стерлинг фиксирует витальность творческого петербургского андеграунда, которая контрастировала с удручающей городской средой [31]. Т. П. Новиков вносит в перевод символическую правку: вместо слова «хиппи», которым американец называет неоакадемистов, рейверов и «Речников», он ставит более подходящее, по его мнению, слово «денди» [28, с. 177].

Б. Стерлинг при этом не первый фантаст, который был вдохновлён образом жизни петербургской молодёжи на рубеже эпох. Ещё в 1990 г. отец жанра «киберпанк» Уильям Гибсон написал совместно с режиссёром Рашидом Нугмановым сценарий фильма о футуристическом Ленинграде, имперском городе, который находится в конфронтации с советской страной. Р. М. Нугманов и сам планировал снять фильм, где одна из ленинградских банд обустроила базу в кирпичном газгольдере на Обводном канале и бороздит город на лодках [21, с. 51–55]. Оба сценария так и не реализовались в кино, однако в реальности художественные группировки действительно захватывали роскошные залы дореволюционных особняков, а творческие анклавы вырастали и исчезали не только на суше, но и на воде. Рушились культурные границы, а вслед за ними стирались границы материального мира.

К концу 1980-х гг. появляется мода на электронную музыку. На волне этого интереса Т. П. Новиков и разделявший его мировоззрение барабанщик группы «Кино» Григорий Гурьянов знакомятся с братьями Андреем и Алексеем Хаасами. Молодые люди только что захватили роскошную квартиру с камином в доме по адресу: Фонтанка, 145. Не без помощи Т. П. Новикова и Г. К. Гурьянова удаётся раздобыть пластинки и диджейский пульт. После восстановления оригинальной планировки квартира становится первым русским техно-клубом и, по сути, стартовой площадкой развития русского рейва [27, с. 28–29]. Кроме прочего, этот сквот был местом знакомств. Здесь снимаются выпуски «Пиратского телевидения», сюда приводят иностранных гостей. С 1990 г. и до открытия клуба «Тоннель» «Танцпол» на Фонтанке оставался главным местом притяжения модной молодёжи.

Клуб «Тоннель» — ещё один достойный упоминания проект, андеграундный в самом буквальном смысле: он располагался в бомбоубежище на Петроградской стороне. Открыли его уже упомянутый владелец клуба-сквота «Танцпол» Алексей Хаас вместе с промоутером Денисом Одингом, обитателем сквота на Свечном переулке. «Тоннель» открылся в 1993 г. в бункере, принадлежавшем военному приборостроительному заводу им. А. А. Кулакова. Получить в своё распоряжение стратегически важный объект оказалось не так уж сложно: по словам Дениса Одингга, главной трудностью в процессе оформления аренды была попытка объяснить директору, человеку старой закалки, что вообще значит в понимании новых арендаторов слово «клуб» [13, с. 236].

Наконец, важнейший элемент городского культурного пейзажа описываемой эпохи — это т. н. Клуб Речников, группа мультимедиа-

художников, поэтов и музыкантов. С 1988 г. они практиковали захват исключительных в эстетическом смысле локаций, а остановились наконец на уже обжитом другими сквоттерами-художниками дворе на Гагаринской, 1: здесь располагался сквот, известный как «Фурики» [28, с. 115]. Полностью захваченный двор, расположенный недалеко от здания ФСБ, продержался в статусе сквота до 2008 г. — вероятно, рекорд для самозахвата в центре города [28, с. 270]. «Речники» причастны, пожалуй, ко всем главным рейв-фестивалям с начала 1990-х гг. и ряду театральных постановок. Их специализацией были пиротехнические шоу, декорации из металла, и сквот для них был в первую очередь мастерской. Одновременно они участвовали и в работе «Новой Академии» Т. П. Новикова, сочетая классическое искусство с новыми технологиями.

Стоит пояснить, почему такое значение в рамках нашего исследования придаётся рейверам. Рейв — это, вероятно, первая субкультура, мода на которую пришла в Россию одновременно с Европой. Музыканты и промоутеры имели такие возможности, которых прошлые поколения советского андеграунда были лишены. Благодаря открытым границам постсоветский рейв в реальном времени включился в общеевропейский культурный контекст и существовал как полноценная его часть — и в смысле развития, и в смысле обмена опытом и даже дружеской конкуренции. Как отмечает А. Л. Хлобыстин, именно «через рейв начинается освоение и переформатирование советских пространств-символов» [28, с. 297].

Кажется, к концу 1990-х гг. сложно было найти пространство, где не проводили вечеринки, и придумать способ, которым организаторы ещё не пользовались, для того чтобы договориться с сотрудниками служб, отвечающих за выбранный объект. Громкие рейвы прошли в музее артиллерии, в цирке на Караванной и даже в бассейне ЛИИЖТ (серия вечеринок «Акваделика» прекратилась только после того, как утонул один из посетителей) [13, с. 40–42]. «Новые композиторы», пионеры русской электронной музыки, смогли договориться с руководством Планетария о проведении детских научных спектаклей и благодаря этому получили возможность проводить вечеринки в этой фантастической локации [28, с. 287–288]. В руинах усадьбы «Знаменка» грандиозный рейв проводят под предлогом съёмок фильма. Проверять эту информацию милиция приехала только утром: просто не нашлось свободных нарядов из-за визита в Петербург важной правительственной делегации [25]. Погоня за психогеографической оригинальностью порой доходила до абсурда. Так, по словам промоутера Павла Стогара, в поселке Лебяжье существовал импровизированный клуб «Вентиль», который располагался в цистерне под котельной, причём цистерна была наполовину закопана в землю [13, с. 212].

Не ограничиваясь домами, молодые люди осваивают водное пространство, набережные и мосты. В 1990 г. на разведённом Дворцовом мосту проходит первая выставка петербургских художников из группы Тимура Новикова. Впоследствии их найдёт ещё несколько — благо-

даря доброй воле мэра Анатолия Александровича Собчака. По словам организатора выставки Ивана Мовсисяна, бумага с подписью мэра открывала тогда любые двери, и препятствий для проведения выставки не чинили ни Мостотрест, ни милиция [19].

Особое событие — прибытие в 1994 г. немецкого рыболовецкого траулера «Штубниц». Его ждали с нетерпением и представители современного искусства, и энтузиасты киберпанка, и просто панки, которые должны были играть на нём вместе с рейверами. Траулер — проект немецких левых активистов, выкупивших списанный корабль и превративших его в передвижную концертно-лекционную площадку. За организацию встречи корабля в Санкт-Петербурге взялась «киберфеминистка» Алла Митрофанова, а участники «Клуба Речников» занимались рекламой события и помогали организовать шоу (ещё они вылавливали на катерах выпавших за борт посетителей «Штубница»). Траулер швартуется в историческом центре города, у набережной Лейтенанта Шмидта [12]. Почти неделю на нём, а также в «Галерее 21» (сквоте на Пушкинской, 10) встречаются представители разнообразных культурных течений. Диджеи из «Тоннеля» сменяли на палубе корабля группы из культового андеграундного клуба «TaMtaM», такие, как «Химера» и «Нож для фрау Мюллер». Вне «Штубница» эти коллективы почти не пересекались — и иногда даже презирали друг друга. Помимо концертов, проходят мастер-классы, лекции по визуальному искусству и передовым компьютерным технологиям, выступают признанные интеллектуалы, в числе которых философ Александр Секацкий и писатель Дмитрий Пригов. О событии написал модный тогда глянцевоый журнал «Птюч», де-факто рупор поколения [5]. Такое столкновение на одном пиратском по духу судне разных субкультур и знакомство с опытом зарубежных коллег способствовало повышению интереса петербуржцев к новым технологиям и медиа.

«Речники», получившие опыт в организации и продвижении фестиваля на «Штубнице», в 1996 г. поставили ещё один эксперимент: они организовали вечеринку под названием «Нелегальный пикник». Мероприятие прошло на территории форта, прилегающего к Кронштадской дамбе³. За некоторыми оговорками это был первый в Санкт-Петербурге полноценный опен-эйр (музыкальный фестиваль на открытом воздухе) [23]. Он имел огромный успех благодаря оригинальности — как локации на военном объекте с видом на воду, так и деталям оформления, созданным «Речниками» (например, диджейский пульт из кабин грузовиков). Эта вечеринка, задуманная «для своих», положила начало известной серии коммерческих фестивалей, которые легально проходили в Чумном форте Кронштадта в 2000-е гг.

Наконец, необходимо упомянуть ещё один интересный петербургский феномен рассматриваемого периода: в числе объектов, освоенных в качестве нового культурного пространства, были также культовые здания. Утратив статус храмов в советскую эпоху, не все из

³ Судя по сохранившимся материалам с мероприятия, речь идёт о 1-м южном форте. Видео доступно по ссылке: <https://youtu.be/s8EVGiA bepU>.

них и не сразу его себе вернули, и многие из таких объектов на время достались представителям субкультур. Так, лютеранская церковь святой Анны на улице Кировской была кинотеатром «Спартак», где показывали иностранные фильмы, но уже тогда здесь встречались представители интеллектуального андеграунда. В 1990 г. кинотеатр стал рок-клубом «Спартак», на сцене которого (прямо на том месте, где сейчас находится алтарь) выступали знаковые рок-группы, такие, как «Король и шут» и «Аукцион» [28, с. 83]. «Анненкирхе» до сих пор сохраняет статус культурного пространства и является одной из самых неформальных религиозных организаций города.

В Евангелическо-лютеранском приходе церкви Святой Марии на Большой Конюшенной в советское время располагалось «Общество защиты природы», и со сменой власти там начали квартировать природоохранные дружины. Эти дружины, частично состоявшие из угасавшей субкультуры хиппи (например, «Гринхипп»), стали основой для кружков «ролевиков» — толкиенистов и им подобных. Они собирались в «Доме природы» для кабинетных ролевых игр и проводили там свои мастер-классы. Как утверждал один из непосредственных участников, известный в ролевом движении как Эрик, это стало возможным благодаря одному из «ролевиков», который работал здесь ночным вахтёром и тайком пускал своих товарищей в помещение [30].

Особая история есть и у буддийского дацана, расположенного в районе «Старая Деревня». Увлечение восточными практиками и, в частности, буддизмом началось в СССР ещё в 1970-е гг., но к 1990-м гг. (когда советские граждане оказались в идеологическом вакууме, сопровождаемом потерей нравственных ориентиров в условиях внезапно открывшегося огромного мира⁴) оно стало массовым и легко сочеталось и переплеталось с другими практиками и субкультурными фетишами. Так, в упомянутом дацане Гунзэчойнэй некоторое время функционировал исключительный по своей экзотичности союз: с 1998 по 2003 гг. там мирно сосуществовали буддисты и скинхеды. В начале 1990 г. храм передали представителям бурятской школы буддизма, однако к 1997 г. произошёл локальный религиозный силовой переворот и дацан отошёл в руки другой школы, тяготеющей к тибетскому буддизму и учению Бон [25, с. 287]. Представители бурятской школы не раз пытались силовыми методами вернуть контроль над храмом [11]. Ввиду этого новые собственники пригласили на роль защитников участников националистического движения «Солнцеворот», оформленного также как охранная структура. «Солнцеворот» объединял скинхедов, исповедовавших славянское язычество, однако они смогли найти общий язык с буддистами, продемонстрировав достойный пример межкультурного единения. По словам их лидера Артёма Талакина, за время, проведённое в храме («Солнцеворот» даже успел оборудовать в его подвале тренировочный зал), некоторые из неоязычников ближе познакомились с буддийской традицией, изучив общие индоевро-

⁴ Подробнее об этом см. в статье А. С. Лесивой: [18].

пейские корни дохристианских верований, и перешли в Бон⁵. В 2003 г. в конфликт наконец вмешались власти, и дацан вернули представителям бурятской школы. В дальнейшем А. О. Талакин занялся педагогической работой и примирился с настоятелем дацана [14].

Приведённые примеры захвата и освоения городских пространств творческим андеграундом и субкультурами представляются достаточным основанием для дальнейшего исследования и анализа роли этого процесса в развитии петербургской культуры. Обилие во время Перестройки и в «постперестроечный» период уникальных пространств, потенциально «готовых» к захвату, позволило создать плодотворную и неразрывную культурную среду, наладить связь между творцами и аудиторией в галереях и на массовых мероприятиях, обеспечить места для жизни и встреч. В итоге можно констатировать существование специфического петербургского феномена, затрагивающего множество сфер городской культурной жизни, не ограниченного лишь захватом пустующих квартир для проведения художественных акций.

Дальнейшее изучение процесса, заявленного в данной обзорной статье, может помочь, в том числе, скорректировать урбанистические решения для сохранения самобытного духа Санкт-Петербурга и развития творческих инициатив.

Список источников

1. Андреева Е. Ю. Тимур. «Врать только правду!» 2-е изд. М., 2018. 559 с.
2. Анциферов Н. П. Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода. Л., 1926. 150 с.
3. Борелли К., Маттиоли Ф. Социальные миры постсоциализма // *Laboratorium*. 2013. № 1. С. 14–24.
4. Борисова А. С. Картинами — на выход! // Личный архив Кирилла Паузера. URL: https://vk.com/photo-165995485_457241293 (дата обращения: 17.10.2022).
5. В поисках виртуальных приключений до и после Штубница // *Птюч: глянецовый журнал о молодёжной культуре*. 1995. № 2. С. 66.
6. Высоцкий В. Б. Институализация художественной жизни Санкт-Петербурга в постсоветскую эпоху: контексты и перспективы // *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*. 2008. № 54. С. 29–35.
7. Вятчина М. В. «Сквоттерская сцена» в оптике этического поворота // *Сибирские исторические исследования*. 2020. № 3. С. 276–279.
8. Гаврилов Д. М. Феномен сквоттинга и художественных самоорганизаций в Ленинграде и Санкт-Петербурге // *Современное состояние и перспективы развития современной культуры*. Петрозаводск, 2022. С. 62–71.
9. Демичина А. Ю. Партизанские способы институализации искусства в XXI в. // *Труды СПбГИК*. 2012. Т. 192. С. 53–60.
10. Диденко Ф. С. Современные субкультурные сообщества и их влияние на мировую политику // *Вестник РУДН. Политология*. 2008. № 4. С. 61–69.
11. Донсков Н. Скинбодисты под пологом храма // *Новая газета в Санкт-Петербурге*. URL: <https://novayagazeta.spb.ru/articles/444> (дата обращения: 17.10.2022).
12. И корабль плывёт... // *RAAN*. URL: <https://russianartarchive.net/ru/catalogue/document/L33537> (дата обращения: 16.10.2022).
13. Иванов К., Азелицкий О. Рейволюция: Как это было на самом деле. М., 2007. 333 с.
14. Интервью А. О. Талакина, лидера движения «Солнцеворот» в 1990-е гг., 8 марта 2023 г. // Личный архив автора.

⁵ Своеобразие ситуации добавляет тот факт, что «бонами» зачастую называют представителей субкультуры скинхедов.

15. Как бросить искусство ради масштабных рейвов и снова вернуться в искусство // *Афиша Daily*. URL: <https://daily.afisha.ru/cities/4146-kak-brosit-iskusstvo-radi-masshtabnyh-reyvov-i-snova-vernutsya-v-iskusstvo> (дата обращения: 23.10.2022).
16. Концепция проекта «Сквоттинг Research — 2020» // *Сквоттинг Research*. URL: <https://www.squatting.info> (дата обращения: 23.10.2022).
17. Курмукова А. Сквоттеры против капитализма // *Коммерсантъ*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5651013> (дата обращения: 03.11.2022).
18. Лесива А. С. Предпосылки и природа феномена позднесоветского “spirituality” // *Ветер Перестройки*. 2021: сборник материалов первой Всероссийской научной конференции. СПб., 2022. С. 89–94.
19. Матвеева А. Места силы неофициального искусства Ленинграда–Петербурга. Часть 8. Выставки на Дворцовом мосту, 1990–1992 гг. // *Артгид*: интернет-ресурс о художественной жизни России. URL: <https://artguide.com/posts/1018> (дата обращения: 22.10.2022).
20. Мельников В. О. Движение альтерглобализма и его преемники: борьба за общечеловеческую идентичность? // *Известия Саратовского университета. Философия. Психология. Педагогика*. 2021. Т. 21. № 3. С. 268–272.
21. Мишенин Д. О. Реаниматор культового кино. М., 2020. 384 с.
22. Новиков Т. История ленинградского искусства 1980-х гг. // Сайт памяти Тимура Петровича Новикова. URL: https://timurnovikov.ru/storage/docs/lecture/89_Leningradskoe_iskusstvo.pdf (дата обращения: 18.12.2022).
23. Отчёт о «Незаконном пикнике» // *Птюч*. 1996. № 10. С. 23.
24. Решение исполкома Ленсовета и президиума Леноблсовпрофа от 14 мая 1990 г. «Об итогах выполнения плана распределения жилой площади на 1989 год и о плане распределения жилой площади на 1990 год» // *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов*. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9104510> (дата обращения: 20.02.2023).
25. Удовыдченко М. Искусство в городе: петербургские перформативные практики 1990-х гг. // *RAAN*. URL: <https://russianartarchive.net/ru/research/art-in-the-city-st-petersburg-performative-practices-of-the-1990s> (дата обращения: 22.02.2023).
26. Фолькерт И. Сказки тёмного леса: сборник историй из среды питерских ролевиков за период с 1991 по 2000 г. СПб., 2007. 452 с.
27. Хаас А. Корпорация счастья. История российского рейва. СПб., 2018. 765 с.
28. Хлобыстин А. Шизореволюция. Очерки петербургской культуры второй половины XX века. СПб., 2017. 504 с.
29. Цодиков О. *Made in Dance, 1991–1999*. Хроники электронной клубной сцены России. М., 2019. 479 с.
30. Эрик об Эриковнике. Часть 1 // Интернет-блог Зои Барзах. URL: <https://daskalidi.livejournal.com/157303.html> (дата обращения: 16.10.2022).
31. Sterling B. *Art and corruption* // *Wired*. URL: <https://www.wired.com/1998/01/sterling> (date of application: 23/10/2022).

Для цитирования:

Трофимова О. С. Сквоттинг и смена символического значения городских пространств в исторических районах как элемент развития культурной среды Ленинграда–Петербурга в середине 1980-х—конце 1990-х гг.: обзор и попытка предварительного анализа явления // *Ветер Перестройки*—2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. С.129–140.

**ВЗГЛЯД С ЭКРАНА
THE VIEW FROM THE SCREEN**

Творчество Евгения Юфита: от социально-политического отклика к постгуманистической критике

Yevgeny Yufit's work: from sociopolitical reaction to posthumanist criticism

***Аннотация.** В данной статье разбирается творчество Евгения Юфита, которое условно можно разделить на два этапа. Первый этап анализируется с точки зрения социально-политического отклика режиссёра на советскую действительность, а второй характеризуется тем, что работы Е. Г. Юфита рассматриваются в более широком контексте постгуманистической критики.*

***Ключевые слова:** Евгений Юфит; некрореализм; постгуманизм; социально-политическая реакция.*

***Abstract.** This article presents an analysis of Yevgeny Yufit's work, which can be broadly divided into two stages. The first was analyzed in terms of the director's sociopolitical response to Soviet reality. The second stage examined Yufit's work in the broader context of posthumanist criticism.*

***Keywords:** Evgeny Yufit; necrorealism; posthumanism; sociopolitical reaction.*

Некрореализм, как явление, зародился в конце 1970-х — начале 1980-х гг. в Ленинграде. Сам же термин появился лишь в 1984 г. Он связан с именем кинорежиссёра Евгения Георгиевича Юфита — основателя художественного движения [3, с. 7]. То, что начиналось как эксперимент небольшой группы людей, со временем стало целым художественным направлением, достигшим своего пика в середине 1990-х гг. В основе эстетического принципа лежало стремление изобразить предсмертное, пограничное и смещённое состояние человека. Уже в самом понятии «некрореализм» заключена как двойственная суть направления, так и ключ к его осмыслению. Термин является сознательным оксюмороном, который соединяет в себе понятия жизни и смерти [7], тем самым разрушая существующий между ними дуализм. Появившись в историческом контексте «начала распада Советского Союза», термин его авторами также отсылался к испытывающему кризис, но официально всё ещё «главствующему художественному направлению искусства в СССР» — соцреализму [3, с. 7].

В первом короткометражном фильме «Санитары-оборотни», снятом в 1984 г., находят своё отражение советская повседневность последней четверти XX в. и идеологические образы советской власти, которые подвергаются деконструкции. Главный герой картины — советский моряк. Он сходит с электрочки, держа в руке руч-

¹ СПбГУ, ин-т истории, III курс бакалавриата.

St. Petersburg State University, Institute of History, 3rd year of Bachelor's degree.

ную пилу, и отправляется в лес, прилегающий к железной дороге. Вслед за ним крадутся четыре санитара. Моряк заходит вглубь леса, где люди с неистовым энтузиазмом разбрасывают снег лопатами из стороны в сторону². По какой-то внутренней логике моряк взбирается на дерево, но падает на заранее растянутое санитарами покрывало. Схватив главного героя, санитары начинают избивать его ногами. К ним присоединяются люди с лопатами, а добивают проходящие мимо лесники с бревном, которое сбрасывают на завёрнутое в одеяло тело. В концовке нам показывают лицо моряка и его мысли об уходящем в море корабле [13].

Несмотря на отсутствие осмыслённого сюжета, назвать фильм бессодержательным нельзя. Евгений Юфит вплетает в свою работу элементы советской идеологии, переворачивает их значение, тем самым подрывая их. Так, моряк — символ Октябрьской революции — погибает не героической смертью (которая для советской власти с самого её начала являлась важной частью идеологического нарратива [2, с. 30–32])³, а банально, безыдейно. Корабль, который ререщится моряку в предсмертной агонии, может являться реминисценцией культовых образов советского кинематографа — «Броненосца Потёмкина» С. М. Эйзенштейна (1925) или комедии «Волга-Волга» Г. В. Александрова (1938) [7]. Кроме того, по словам самого режиссёра, «Белый пароход, удаляющийся в даль, — это символ советского счастья, радости» [6]. Лесники же, чьё бревно нанесло последний удар по моряку, являются в данном короткометражном фильме отсылкой на ещё один распространённый советский сюжет — В. И. Ленина с бревном. Все эти приёмы сближают фильм с произведениями художников и писателей соц-арта. Деятели этого направления, возникшего в 1970-е гг., аналогичным образом использовали советские образы, символы и знаки в своём творчестве. Они подвергали их деконструкции, за счёт чего возникало радикальное сомнение в самих основах советской идеологии. Знаки «советского», помещённые в новый контекст, вызывали недоумение или даже смех. Точно так же ранние «эксперименты» Е. Г. Юфита и его товарищей, затем неоднократно входившие в фильмы, «доводили до крайности, до художественного абсурда особенности бытового поведения эпохи застоя — пьянство, потасовки, непроизводительность, бурную расточительность жизненной энергии в массовом эйфорическом “влечении смерти”» [3, с. 8].

Такая же тенденция на деконструкцию советских образов и нарративов сохраняется на протяжении всего советского периода творчества Е. Г. Юфита. Так, в работе «Лесоруб» (1985) во вступлении

² Как уже говорилось, некрореализм вырос из экспериментов, которые проводил Е. Г. Юфит вместе со своими единомышленниками. Позднее часть этих экспериментов воплотилась в кинофильмах. Люди, разбрасывающие снег, появились в данной короткометражной работе не просто так. Они отсылают к одному из первых экспериментов группы Е. Г. Юфита у здания кинотеатра «Планета». Подробнее см. в источнике: [1, с. 40].

³ О месте смерти в советской идеологии см.: Соколова А. Новому человеку — новая смерть? Похоронная культура раннего СССР. М., 2022. С. 93–146.

обыгрывается жанр журналистского репортажа. Роль типичного советского журналиста исполняет сам Евгений Юфит. В основе сюжета лежит история трансформации туриста, которого сбросили с многоэтажного здания, однако спасли. Затем он прятался в лесах и стал лесорубом, чьё дело «три года спустя не забыто». Всё это перемежается хаотичным видеорядом объявившегося вдруг «лжетуриста-неудачника», которого нещадно избивают и вешают, а также кадрами с запертыми в клетках животными и разлагающейся змеей. Заканчивают работу кадры из советской хроники: дети-пионеры выпускают в небо голубей [11]. По аналогичной схеме (помещение советских образов и символов в некро-контекст) сделаны и последующие фильмы Евгения Юфита 1980-х гг.

Однако с 1990-х гг. положение некрореализма начинает меняться. В 1990 г. в Русском музее проходит международная выставка «Территория искусства», где, помимо прочих представителей «параллельного искусства», были показаны работы некрореалистов. Как отмечают исследователи, именно начиная с этого времени некрореализм перестаёт черпать своё вдохновение из соцреализма [9] и во многом отказывается от пародии и абсурда в пользу философского осмысления. Так говорил о вышедшей в 1991 г. кинокартине Евгения Юфита «Папа, умер Дед Мороз» киновед Сергей Добротворский: «“Папа, умер Дед Мороз” — конец некрореализма хотя бы потому, что <...> Юфит спрыгнул со своего надёжного постаментов — продуманной установки на скандальное ниспровержение устоев (допускаю, впрочем, что акция носила недобровольный характер — просто устоёв больше не осталось)» [8]. Действительно, советских образов и знаков, которые доводятся до абсурда и высмеиваются, больше нет [12]. Вместе с распадом СССР распадается и объект иронической игры. Если в советский период в работах Е.Г. Юфита на первый план выходили, по выражению самого автора, «гротеск, пародия, чёрный юмор» [7], то в постсоветский — новое положение человека. Этот этап в фильмографии Е.Г. Юфита не только совпал с появлением и распространением постгуманистической философии, но и во многом отражал её идеи.

Согласно Франческе Феррандо, такая философия возникает в конце 1980-х гг. [4, с. 59] и включает в себе три аспекта: 1) постгуманизм, 2) постантропоцентризм и 3) постдуализм [4, с. 109]. Постгуманизм предполагает множественность человеческого опыта в противоположность гуманистической традиции, которая основывалась на «универсализированном» подходе к человеку [4, с. 109]. Постантропоцентризм «указывает на децентрацию человека по отношению к нечеловеческому», т.е. отказывается от иерархии, где человек занимал привилегированное положение [4, с. 109]. В свою очередь, постдуализм отказывается от прежних «символических дихотомий» [4, с. 110], таких, как «человек Vs. животное», «культура Vs. природа», «цивилизация Vs. варварство», «живое Vs. мёртвое».

Разрушение дихотомии «живое Vs. мёртвое» с самого начала лежало в основе творчества Евгения Юфита и других некрореалистов. Нетруп был главной фигурой короткометражек и картин. Этот образ был вдохновлён изображением вертикально расположенного трупа из «Атласа судебной медицины» Эдуарда фон Гофмана. Именно эта книга сделала появление нетрупа в творчестве некрореалистов возможным. По словам Владимира Кустова, художника-некрореалиста и главного теоретика движения, благодаря вертикальному положению труп «становился как бы ни живым, ни мёртвым, попадая в некое иное состояние» [5, с. 479]. Чтобы создать нетрупа, Е. Г. Юфит придумал «зомби-грим», который состоял из бинтов, томатной пасты и ваты, заложённой за щёки [10].

Антропоцентризм преодолевается Е. Г. Юфитом через эксперимент. Это понятие появляется в короткометражном фильме «Рыцари поднебесья» (1989), но если в данной работе оно отсылает скорее к образу советских экспериментов, то в последующих фильмах эксперименты проводятся над людьми с целью преодоления в них человеческого. Так, в фильме «Серебряные головы» (1998) группа учёных проводит секретные эксперименты. Их целью становится слияние человека и дерева. Полученное человекодерево было бы лишено недостатков человека и обладало бы всеми преимуществами дерева [14]. Как отмечает философ Виктор Мазин, новый человек у Е. Г. Юфита — «голый отброс технаучномедийных экспериментов» [3, с. 69]. Человек заведомо лишён главенствующего положения в биологической иерархии. Исправить это можно с помощью эксперимента, однако в фильмах эти попытки так и не приводят к успеху.

Постгуманизм тесно связан с постмодернизмом [4, с. 53–55], который, в свою очередь, активно подвергал критике идеи эпохи Просвещения. В творчестве режиссёра они тоже подвергаются критике. Одно из центральных понятий для некрореализма — «мужчина». Он должен был обладать следующими чрезвычайно важными качествами: тупость, бодрость, наглость и матерость [10]. Именно к названным качествам, в противоположность разуму и здравому смыслу, согласно некропрактике, следовало стремиться последователям некрореализма. Это, с одной стороны, сближает идеи некрореалистов с критикой идей эпохи Просвещения, с другой же — сохраняет «универсализированный» подход к человеку, против которого выступают постгуманисты: несмотря на то, что «мужчиной» могли стать не только «биомужчины, но и горилла, и женщина, и бобёр» [10], их множественный опыт всё равно заключается в «универсальном» субъекте.

Безусловно, творчество Евгения Юфита и других некрореалистов не ограничивается лишь двумя рассмотренными в настоящей статье сторонами и не сводится исключительно к ним. Однако взгляд на некрореализм, представленный во второй части статьи, позволяет вписать его в более широкий контекст, тем самым наполнив творчество некрореалистов новыми смыслами.

Список источников

Монографии и мемуары:

1. Мазин В. Кабинет некрореализма: Юфит и... СПб., 1998. 205 с.
2. Мальшева С. Красный Танатос: некросимволизм советской культуры // *Археология русской смерти*. 2016. № 2. С. 22–46.
3. Некрореализм. Каталог выставки. М., 2011. 256 с.
4. Феррандо Ф. Философский постгуманизм / пер. с англ. Дм. Краlechкина. М., 2022. 360 с.
5. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014. 664 с.

Электронные ресурсы:

6. Волчек Д. 23 режиссера. Евгений Юфит // Радио Свобода. URL: <https://archive.svoboda.org/programs/cicles/cinema/23/05.asp> (дата обращения: 25.08.2022).
7. Голубев Э. За вашу и нашу смерть: кино Ленинградского некрореализма // *Искусство кино*. URL: <https://kinoart.ru/texts/za-vashu-i-nashu-smert-kino-leningradskogo-nekrorealizma> (дата обращения: 25.08.2022).
8. Добротворский С. Папа, умер некрореализм // *Сеанс*. 1993. № 7. URL: <https://web.archive.org/web/20080310235114/http://seance.ru/n/7/papa-umer-nekrorealizm> (дата обращения: 29.08.2022).
9. «Некрореализм в кино: спонтанность наваждения Евгения Юфита». Лекция Антона Мазурова // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=EZcni8giwAk&ab_ (дата обращения: 31.08.2022).
10. Туркина О., Мазин В. Зомби-грим, дутик и бодроость: словарь некрореализма к юбилею Евгения Юфита // Собака.ru. URL: <https://www.sobaka.ru/entertainment/art/103643> (дата обращения: 31.08.2022).

Видеоматериалы:

11. Лесоруб / режиссёр Е. Юфит. Л., 1985. 8 мин.
12. Папа, умер дед мороз / реж. Е. Юфит; в гл. ролях И. Ганжа, М. Грибов, Л. Козловская и др. Л., 1991. 81 мин.
13. Санитары-оборотни / реж. Е. Юфит. Л., 1984. 3 мин.
14. Серебряные головы / реж. Е. Юфит; в гл. ролях С. Чернов, В. Дерягин, В. Криштапенко и др. СПб., 1998. 82 мин.

Для цитирования:

Бахтин С. А. Творчество Евгения Юфита: от социально-политического отклика к постгуманистической рефлексии // *Ветер Перестройки* — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. С.143–147.

Сидорова Александра Александровна | Sidorova Aleksandra Aleksandrovna¹

**Проблема преступлений индивидуализированной воли
в отечественном художественном кино периода 1990-х гг.
на примере фильмов «Дюба-дюба» и «Умирать легко»
режиссёра А. Ф. Хвана**

**The problem of crime committed voluntarily reflected in Russian
fiction films of 1990-s such as Dyuba-Dyuba and It Is Easy
to Die by A. F. Khvan**

***Аннотация.** В статье рассматривается понятие преступлений индивидуализированной воли — преступлений, совершаемых с целью разрешения внутреннего конфликта. На примере фильмов А. Ф. Хвана показаны некоторые возможные оптики проблемы: рецепции конфликта «Преступления и наказания» и нарушение закона как результат поиска границ собственной воли («Дюба-дюба»), а также преступление как следствие одержимости любовью и подавленной сексуальности («Умирать легко»).*

***Ключевые слова:** преступления в кино; кино 1990-х; Александр Хван; «Дюба-дюба»; «Умирать легко».*

***Abstract.** The article explores the concept of crime committed voluntarily — that being the crime committed with the intent to resolve an inner conflict. Studying the films by Aleksandr Hvan we describe some possible approaches to the problem: references to the Crime and Punishment conflict and breaking a law being the result of seeking one's volition's limits (Dyuba-Dyuba), as well as the crime following one's obsession with love and suppressed sexuality (It Is Easy to Die).*

***Keywords:** crimes in cinema; cinema of 1990-s; Aleksandr Khvan; Dyuba-Dyuba; It Is Easy to Die.*

В отечественном кинематографе 1990-х гг. развивается и актуализируется проблема преступлений индивидуализированной воли. Это определение включает в себя преступления, совершаемые с целью выхода за рамки социальных условностей, решение внутренних морально-нравственных проблем через нарушение закона.

Указанная проблема имеет, в первую очередь, литературную первооснову в виде классического романа Фёдора Михайловича Достоевского «Преступление и наказание». Многие из зарубежных режиссёров, которые обращались к этой теме, прямо (В. Аллен: «Матч-пойнт» 2005 г. и «Иррациональный человек» 2015 г.) или косвенно (М. Хэррон: «Американский психопат» 2000 г.) проводили параллели между своими героями и Родионом Раскольниковым. Герои «Матч-пойнта» и «Иррационального человека» читают роман

¹ СПбГУ, ин-т истории, IV курс бакалавриата.

St. Petersburg State University, Institute of History, 4th year of Bachelor's degree.

Ф. М. Достоевского и делают заметки на полях, а диалог с детективом в «Американском психопате» повторяет диалог Раскольникова с Порфирием Петровичем. Однако преступления как способ выхода за рамки социальных условностей в кино могут развиваться и без связи с литературным первоисточником, как, например, в фильме «На последнем дыхании» (1960 г., реж. Ж.-Л. Годар).

Среди прочих вариантов литературных первоисточников стоит отметить новеллу Проспера Мериме «Кармен» (вариацией на тему которой является одноимённый фильм А. Ф. Хвана, 2003 г.), а также «Американскую трагедию» Теодора Драйзера.

Параллельно в художественном кино 1990-х гг. развивается образ «народного защитника»: герои берут в руки оружие, чтобы восстановить нарушенный баланс добра и зла. Однако важно отделять этот образ от заявленной выше проблемы: персонажи «Брата» (1997 и 2000 гг., реж. А. О. Балабанов) и «Ворошиловского стрелка» (1999 г., реж. С. С. Говорухин) уверены в своей правоте, их мотивацией не становится попытка разрешения внутреннего конфликта через нарушение закона.

Преступления индивидуализированной воли — центральная тема раннего периода (1990–2003 гг.) богатой фильмографии Александра Фёдоровича Хвана. В первой полнометражной работе «Дюба-дюба» (1992) герой ищет границы собственной воли через внешне немотивированные ограбления и нападения. Главный герой фильма «Дрянь хорошая, дрянь плохая» (1998) берёт в заложники семью из соображений «благородной мести». В «Умирать легко» (1999) движущей силой преступлений становится одержимость любовью и подавленная сексуальная энергия. В картине «Кармен» нарушения закона представлены как едва ли не единственный вариант проявления истинной свободы человека.

Разумеется, к указанной проблеме в отечественном художественном кино Перестройки и 1990-х гг. обращался не только А. Ф. Хван. Стоит обозначить как минимум фильмы «Посвящённый» (1989 г., реж. О. П. Тепцов), «Лимита» и «Мама» (1994 и 1999 гг., реж. Д. Е. Евстигнеев), «Подмосковные вечера» (1994 г., реж. В. П. Тодоровский). Однако в этих примерах нам приходится говорить об отдельных работах, в то время как для А. Ф. Хвана интерес к исследованию мотивов преступлений последователен, чем и обусловлен выбор именно его фильмов. Наибольшую известность из всех фильмов режиссёра обрёл «Дюба-дюба», который представлял Россию на Каннском фестивале в 1993 г. и может считаться центральным в творческой биографии А. Ф. Хвана. При этом в более поздней картине «Умирать легко» представлены полярные по отношению к «Дюбе-дюбе» мотивы нарушения закона, поэтому более ярко рассмотреть заявленную проблему можно именно на этих примерах.

Основой сюжета картины «Дюба-дюба» стал значительно изменённый сценарий Петра Николаевича Луцика и Алексея Алексеевича Саморядова: при соблюдении внешней канвы режиссёр внёс коррек-

тивы в мотивацию главного героя. У сценаристов Андрей Плетнёв позволяет девушку из тюрьмы ради большой любви, он стремится к счастью, но в итоге теряет его, когда героиня возвращается к криминалу. Изначально это была история о победе, переходящей в поражение, в интерпретации же режиссёра — сюжет о написании сценария собственной жизни через преступления. Разумеется, такую интерпретацию сценаристы невысоко оценили, и П. Н. Луцик в беседе с режиссёром говорил: «Это не в сценарии, а в фильме он делает непонятно что, непонятно для чего и непонятно куда» [2]. Также фильм, в отличие от линейного сценария, изобилует характерными для режиссёра ретроспекциями и «интермедиями», отражающими состояние героя. Как замечает критик Л. Маслова, герои и конфликты, описанные в сценарии, вероятнее относятся к ситуации «безвременья» 1990-х гг., чем экранная версия, где на первый план выведено пограничное состояние героя [5, с. 77].

Главный герой Андрей Плетнёв в исполнении Олега Евгеньевича Меньшикова ищет ответ на извечный вопрос, поставленный ещё Ф. М. Достоевским: «Можно ли идти на преступление, руководствуясь благородной целью?» Это история и о поиске своего места в жизни: герой открыто заявляет, что не нужен стране, ощущает себя лишним.

Близость Андрея Плетнёва с Родионом Раскольниковым подчёркивается и на уровне изобразительных решений: герой появляется в кадре с топором на первом плане. При этом кадр выпадает из общей атмосферы сцены, что говорит об его метафорическом значении. Связь усиливается и через обращение к ассоциативному ряду зрителя. «Консультантом» Плетнёва по возможным последствиям планируемых им ограблений становится адвокат в исполнении Георгия Георгиевича Тараторкина, известного своей главной ролью в «Преступлении и наказании» (1970 г., реж. Л. А. Кулиджанов, учитель А. Ф. Хвана). Нина Александровна Цыркун предполагает, что имя адвоката — Егор — намеренно выбрано созвучным с именем актёра, чтобы подчеркнуть эту невольно возникающую ассоциацию [6, с. 56], однако имя адвоката соответствует сценарию, написанному ещё до намерения Александра Хвана снимать «Дюбу-дюбу» и тем более до того, как Георгий Тараторкин был приглашён на эту роль.

Сцены преступлений решены подчёркнуто художественно и даже мистически. Одно из ограблений, которое произошло в туалетной комнате, является реминисценцией из фильма «На последнем дыхании» (1960 г., реж. Ж.-Л. Годар). Обращение к этой картине неслучайно: её герой Мишель Пуакар очарован киноклассикой и нарушает закон, потому что не видит себе места в простой серой жизни.

Рассмотрим и полярную тему «Преступления и наказания» мотивацию. «Умирать легко» — третья полнометражная работа А. Ф. Хвана. Фильм снят для «НТВ-плюс» в жанре триллера. Главный герой Илья Дьяков в детском возрасте был соблазнен взрослой женщиной, и эта травма впоследствии привела к полному подавлению

сексуальности героя, сделала его внешне робким и нерешительным. Влюбившись, он принимает решение расправиться со своим прошлым, находит и убивает виновницу своих проблем. За этим следует череда жестоких и изощрённых убийств всех, кто мог как-то навредить его возлюбленной. Таким образом, мотивацию героя можно условно разделить на два уровня: поверхностный сюжетный — преступление как следствие одержимости любовью, а также скрытый — убийство как следствие вытесненного сексуального влечения. Очевидно, что значительное влияние на сценарий оказали работы Зигмунда Фрейда.

Преступления, как и в «Дюбе-дюбе», решены необычно: в сцене убийства женщины, растлившей героя, камера повторяет движение стрелы. Зритель «сливается» с орудием убийства.

Роль врача-психиатра, консультирующего Дьякова, снова исполняет Г.Г.Тараторкин, на этот раз он выступает не только конфидентом для главного героя, но и участником центрального для фильма любовного треугольника. Изменение конфиденнта с адвоката на психиатра подчёркивает и отличия между Андреем Плетнёвым и Ильёй Дьяковым.

Отдельно стоит отметить, что любовный треугольник, характерный для А.Ф.Хвана, это сценарный троп, который появляется как в полнометражных фильмах «Дюба-дюба», «Дрянь хорошая, дрянь плохая», «Кармен», так и в новеллах «Свадебный марш» (1995) из киноальманаха «Прибытие поезда», «Ведьма» (2000) из киноальманаха «Чёрная комната».

В «Умирать легко» заимствованы приёмы кинематографа немецкого экспрессионизма 1920-х гг., как, например, голландский угол. Цветокоррекция в насыщенно-синих цветах также отсылает к обозначенному направлению: для достижения подобного эффекта экспрессионисты прибегали к вирированию или печатанию чёрно-белого негатива на цветную позитивную пленку. Также в решении сцены поиска возлюбленной героем можно предположить реминисценцию из фильма «Носферату, симфония ужаса» (1922 г., реж. Ф.Мурнау) (см. Приложение, илл. 5, с. 496). Обращение к этому направлению неслучайно: Фридриха Мурнау, как и А.Ф.Хвана, интересовала природа зла.

Прослеживая эволюцию проблемы индивидуализированной воли в фильмах режиссёра, легко заметить присущую им амбивалентность оценки преступлений. По воспоминаниям Григория Константинопольского, исполнившего в «Дюбе-дюбе» роль друга главного героя, режиссёр в процессе работы с актёрами заявил, что ради высшей цели действительно можно «идти через людей» [1].

Таким образом, проблема преступлений индивидуализированной воли в 1990-е гг. находит отражение, в том числе, в фильмах А.Ф.Хвана. Андрей Плетнёв из «Дюбы-дюбы» вслед за Родионом Раскольниковым совершает преступление, чтобы проверить границы

собственной воли. Для Ильи Дьякова в фильме «Умирать легко» убийство становится следствием вытесненного сексуального влечения. На примере различных героев с совершенно противоположной мотивацией режиссёр исследует тему преступления как способа решения внутреннего конфликта персонажа.

Список источников

1. «Дюба-дюба» Александра Хвана // Афиша. 2013. № 261. С. 38.
2. Критика испортила кино: хулиганская беседа с Луциком и Саморядовым, похожая на пьесу о России // Искусство кино. URL: <https://kinoart.ru/texts/kritika-isportila-kino-huliganskaya-beseda-s-lutsikom-i-samorjadovym-rohozhaia-na-piesu-o-rossii> (дата обращения: 20.09.2022).
3. Кутловская Е. По ту сторону жизни // Искусство кино. 1999. № 10. С. 35–37.
4. Луцык П., Саморядов А. Собрание сочинений. Оренбург, 2019. С. 45–160.
5. Маслова Л. Дюба-дюба после премьерных показов объявлена интеллектуальным событием и одним из главных достижений нового кино // Новейшая история отечественного кино: 1986–2000. Часть 2. Кино и контекст. Т. VI. СПб., 2002. С. 77.
6. Цыркун Н. Жизнь как сюжет // Искусство кино. 1993. № 4. С. 56–58.

Для цитирования:

Сидорова А. А. Проблема преступлений индивидуализированной воли в отечественном художественном кино периода 1990-х гг. на примере фильмов «Дюба-дюба» и «Умирать легко» режиссёра А. Ф. Хвана // Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. С.148–152.

Феномен «полочного кино»: выпуск в советский прокат ранее запрещённых художественных фильмов в период 1986–1989 гг. The phenomenon of shelved cinema: the release of some previously banned fiction films in the Soviet Union between 1986 and 1989

Аннотация. В данной статье исследуется феномен «полочных» фильмов в процессе их реализации в прокате в период Перестройки. Поскольку данному периоду уделяется повышенный исследовательский интерес, представляется важным рассматривать интерпретации данных событий и процессов в истории СССР и выявлять обособленные явления, которые до сих пор малоизучены. Таким образом, через некоторые из этих явлений можно понять причины и ход исторических событий. На примере «полочного кино» можно определить не только как работала цензура в Советском Союзе, но и куда двигалось советское общество. В современной России дискуссия о «полочном кино» также приобретает актуальность и новое измерение. Исследование проводится на основе анализа истории и выхода в прокат трёх «полочных» фильмов: «Проверка на дорогах» (1970), «История Аси Клячиной, которая любила, да не вышла замуж» (1967) и «Интервенция» (1968).

Ключевые слова: Перестройка; кинематограф; «полочное кино»; запрещённые фильмы; цензура.

Abstract. This article examines the phenomenon of shelved films as they were released during the period of Perestroika. Since that historical period has already been extensively studied, today it seems important to discuss the interpretations of the events and processes of that period in the history of the USSR and identify the phenomena, which are still little studied. Thus, through some of them it is possible to understand the causes and the course of historical events. On the example of shelved cinema we can understand not only how the censorship worked in the Soviet Union, but also the overall direction in which Soviet society moved. In modern Russia, the discussion of shelved cinema is once again gaining relevance due to the current trends. The study is based on the analysis of three shelved films: Trial on the Road (1970), The Story of Asya Klyachina (1967) and Intervention (1968).

Keywords: Perestroika; cinema; shelved cinema; banned films; censorship.

В последние годы всё сильнее растёт актуальность следующего вопроса: «Возможен ли феномен “полочного кино” в современной России?» С одной стороны, в условиях цифровизации общества и доступности сети Интернет любой режиссёр может беспрепятственно распространять своё искусство, не опасаясь, что оно никогда не дойдёт до зрителя, даже зарубежного. При этом развивающиеся в послед-

¹ СПбГУ, ф-т международных отношений, I курс магистратуры.
St. Petersburg State University, Faculty of International Relations, 1st year of Master's degree.

нее время стриминговые сервисы стали площадкой для творческой свободы, и в рамках таких сервисов режиссёры могут снимать контент на табуированные или остросоциальные темы. С другой стороны, в условиях рыночной экономики и новых идеологических запретов сложно предполагать, что тот или иной фильм получит должный отклик на родине. В начале 2000-х гг. в России появился ряд таких авторов, как Василий Владимирович Сигарев, Борис Игоревич Хлебников, Андрей Петрович Звягинцев и др., которые, имея государственную поддержку, снимали остросоциальное кино с акцентом на критику государственных институтов и пессимистичный взгляд на российскую действительность. До середины 2010-х гг. это было возможным, но по политическим и экономическим причинам прекратилось. С учётом современных тенденций развития российской кинематографии, государство не станет финансировать кино, которое критикует общественный порядок. По этой причине на экранах более не появляются остросоциальные картины, близкие по жанру к «Дураку» Юрия Анатольевича Быкова или «Левиафану» А. П. Звягинцева. В условиях актуальных геополитических событий уже снятые и анонсированные фильмы по разным причинам «ложатся на полку»: так, например, в прокат не вышли фильмы «Капитан Волконогов бежал» и «Ампир V» [13].

Сейчас государственную поддержку получают фильмы на те темы, которые скорее объединяют общество и воспитывают патриотизм: военные успехи России, спортивные достижения прошлого, биографические фильмы об известных соотечественниках. Эти фильмы не только финансируются, но и получают широкое распространение в кинотеатрах, рекламу на государственных телеканалах, ради них сдвигают в прокате иностранные фильмы. Режиссёрам, которые снимают кино, ставящее под сомнение общепринятые понятия о государственности, как и в эпоху застоя, становится труднее работать. Таким образом, мы можем отследить определённые исторические параллели в судьбах отечественных кинематографистов и их картинах. Анализ феномена «полочного кино», имевший место в советское время, помогает понять, какими принципами руководствовались цензоры при запрете фильмов, а также каким образом цензура влияла на самих авторов. Необходимо отметить, насколько важным явлением для пострадавших от цензуры кинематографистов оказалась Перестройка. Впервые за долгий период «опальные» авторы кино смогли заявить о себе постфактум. Возврат фильмов на экраны отвечал не только интересам режиссёров: обнарудование ранее запрещённых картин способствовало новому витку развития киноведения и дискуссий в данной области, а массовый зритель получил возможность критически осмыслить прошлое, которое считалось преданным забвению.

Одним из важнейших исследователей в области запрещённого в советские годы кино является историк кино и искусствовед Евгений

Яковлевич Марголит. Помимо множества статей по теме, выпущенных в таких изданиях, как «Искусство кино» и «Сеанс», он в соавторстве с киноведам Вячеславом Юрьевичем Шмыровым создал «Изъятые кино» — первый всеобъемлющий каталог советских фильмов, не выпущенных в прокат в период сталинской цензуры [16]. Также стоит отметить работы по исследованию «полочного кино» и киноцензуры киноведа Валерия Ивановича Фомина, такие, как «Кино и власть: советское кино: 1965–1985 гг.: документы, свидетельства, размышления» [17] и серия сборников «Полка: документы, свидетельства, комментарии» [18; 19]. Помимо этого, множество монографий и статей на данную тему публиковали такие важные кино- и искусствоведы, как Лев Александрович Аннинский [14] и Нея Марковна Зоркая [15]. Все эти работы направлены на раскрытие судеб фильмов, ставших жертвами советской цензуры. Мы же в данной статье сконцентрируемся на вопросе о самом выпуске в прокат запрещённых ранее кинолент, рецепции их выхода на советские экраны в годы Перестройки.

Отправная точка начала «перестройки» в советском кинематографе — V съезд Союза кинематографистов, состоявшийся 13 мая 1986 г. Одним из главных событий стало переизбрание правления Союза кинематографистов, вызвавшее дискуссии, поскольку в рамках съезда впервые за долгое время состоялись открытые дебаты о состоянии советской киноотрасли. Итогом стал раскол союза на консервативную («застойную») и либеральную («энтузиасты Перестройки») части. Это яркое и знаковое событие начала эпохи Перестройки привело ко всеобщему осознанию необходимости реформирования отрасли. Одной из важнейших мер, принятых на съезде, было решение о возврате на экраны «полочного» кино — явления, ставшего результатом политики цензуры в отношении кинематографа в предыдущие годы [8].

Прежде чем говорить о запрещённых фильмах, необходимо вернуться к тем, что были выпущены в советский прокат, хотя их послыл не соответствовал официальной идеологии, а иногда граничил с «антисоветчиной». Одним из наиболее известных примеров такого кино является «Бриллиантовая рука». Фильм был пародией на западные шпионские фильмы и боевики 1950-х — 1960-х гг., а также сатирой на советскую действительность и изначально содержал шокировавшие чиновников и зрителей сцены, включая обвинения главного героя в тайном посещении синагоги, а также ядерный взрыв в конце первой части. Режиссёр Леонид Иовович Гайдай отказался вырезать или как-то менять подобные эпизоды по требованию чиновников Госкино, но позднее согласился при условии, если остальные сцены, вызвавшие вопросы цензоров, останутся нетронутыми. В конечном итоге, фильм был выпущен в прокат с минимальными изменениями. Удачное стечение обстоятельств спасло и военную драму «Восхождение» Ларисы Ефимовны Шепитько. В ней цензоры усмотрели попытку вывести на первый план мистические и религи-

озные мотивы истории вместо повествования о партизанском движении в Беларуси. Картину спас муж Л. Е. Шепитько, режиссёр Элем Германович Климов, который пригласил на частный показ первого секретаря ЦК Компартии Беларуси, бывшего партизана. Тот очень высоко оценил картину, защитил её от цензоров, после чего фильм выпустили в прокат без поправок. Таким образом, выходу «неформатных» для советского экрана фильмов в прокат способствовали находчивость режиссёров или связи с партийными деятелями [12].

Понятие «полочного кино» характеризует ряд фильмов, которые были сняты, но в силу различных причин в прокат в период застоя не вышли. Советская цензура вынуждала режиссёров перемонтировать и вырезать сцены, поэтому практически все те фильмы, которые сейчас хорошо известны, выходили с многочисленными купюрами. В целом их можно разделить на четыре категории: 1) негативное отображение советской действительности и общественно-политического строя, 2) попытки критического переосмысления прошлого, не соответствующие официальной государственной идеологии, 3) общий социальный пессимизм и 4) условный «формализм». Тем не менее, многие фильмы не проходили идеологическое сито даже после перемонтажа. При этом некоторые режиссёры с требованиями цензоров не соглашались, ссылаясь на нежелание «калечить», что приводило к запрету на прокат фильмов. Всего в период застоя не были выпущены в прокат около 250 картин [2, с. 50]. Рассмотрим несколько наиболее известных примеров запрещённых фильмов.

«Проверка на дорогах» Алексея Юревича Германа, снятая в 1970 г., была запрещена к прокату в связи с поднятием проблемы коллаборационизма в период Великой Отечественной войны. Режиссёр не только выбрал провокационную для властей тему для исследования её в фильме, но и стремился избежать любой стилистической романтизации войны, выискивая в ней «серую мораль». Ни один персонаж фильма, как главный герой-коллаборант или командование партизанского отряда, не является однозначно плохим или однозначно хорошим. Эта авторская версия истории не соответствовала официальной трактовке истории войны. Чиновники Госкино сочли, что фильм, позволяющий сочувствовать и сопереживать «предателю» Красной Армии, дегероизирует сопротивление населения СССР во время войны, и это привело к запрету фильма [5].

«История Аси Клячиной, которая любила, да не вышла замуж» Андрея Сергеевича Кончаловского, снятая в 1966 г., в период оттепели, стала одной из первых работ, подвергнутых цензуре [4]. Стиль повествования близок к документальному: автор добивался максимальной достоверности на экране, поэтому в фильме сыграли только три профессиональных актёра, а съёмки происходили не в павильонах — в настоящем селе. Помимо этого, в фильме присутствуют неигровые сцены, в которых актёры вне экранного образа рассказывают о войне и периоде сталинских репрессий. В итоге образ деревни

показался цензорам слишком далёким от канонического экранного [10]. Режиссёр отразил быт жителей села, и вид этих жителей оказался неприглядным. Вместо образцово-показательных работников колхоза и семейных ценностей на экране предстают искалеченные физически и морально люди, которые несчастливы в межличностных отношениях.

Снятая по одноимённой пьесе «Интервенция» Геннадия Ивановича Полоки (1968 г.) повествует об истории Гражданской войны в России. Фильм, как и многие другие в тот период, был приурочен к 50-летию юбилею Октябрьской революции. При создании картины режиссёр вдохновлялся эстетикой театральных представлений 1920-х гг., спектаклями Всеволода Мейерхольда и т.д. По этой причине эксцентричная стилистика фильма резко контрастирует с другими фильмами о Гражданской войне. Цензоры посчитали подобное авторское решение идейно неверным, поскольку кабаре и буффонада на экране никак не соответствовали парадному образу данных событий в официальной интерпретации. Фильм сочли «творческой неудачей» режиссёра и запретили к показу [1, с. 52].

Благодаря началу Перестройки фильмы дошли до киноэкранов, а режиссёры получили признание. «Проверка на дорогах», «Интервенция» и «История Аси Клячиной...» вышли в прокат в 1986, 1987 и 1988 гг. соответственно. Важно отметить, что, после того как «полочное кино» добралось до экранов, советская пресса не указывала на факт его запрета в недавнем прошлом и использовала обходительные формулировки вроде такого: «Долгим был путь этой картины к зрителю». Фильмы выпускались в прокат без ремарок о том, что сняты они были многими годами ранее их релиза. Так или иначе, прокат фильмов не снискал повального зрительского ажиотажа [6, с. 8], хотя фестивальны́й показ отдельных картин проходил с большим успехом [8].

Киновед Александр Викторович Фёдоров в своей монографии «Рекордсмены запрещённого советского кино (1951–1991) в зеркале кинокритики и зрительских мнений» заметил, что зрители смотрели кино, не подходившее под определение развлекательного или зрелищного, в гораздо меньшем объёме в принципе, чем общеизвестные кассовые кинохиты. «Полка» ещё больше отняла у запрещённых ранее фильмов зрительский потенциал. Действительно, к примеру, «Интервенция», хоть и не является примером артхаусного кино, могла собрать большое количество зрителей. Это предположение подтверждается тем, что фильм снимался и должен был выйти к 50-летию юбилею Октябрьской революции, поэтому за счёт своей доступности и увлекательности материала «Интервенция» по посещаемости могла встать в один ряд с такими популярными фильмами о революции и Гражданской войне, хитами тогдашнего кинопроката, как боевик «Новые приключения неуловимых» (66,2 млн. зрителей) или музыкальная комедия «Свадьба в Малиновке» (74,6 млн.

зрителей). Реальная же обстановка оказалась такова, что не вышедший в прокат своевременно фильм был стилистически и тематически устаревшим и не заинтересовал зрителей, собрал не очень большое количество положительных отзывов. Нельзя утверждать, что фильмы безоговорочно провалились в прокате, но и сказать, что зрители интересовались ими, невозможно: «Проверку на дорогах» и «Историю Аси Клячиной...» за первый год полноценного проката посмотрели 9 и 1,9 млн. зрителей соответственно. Тем не менее, та же «Проверка на дорогах» не только получила Госпремию СССР в 1988 г., но и показала достойный результат на различных фестивалях: актёру Владимиру Петровичу Заманскому вручили приз «За лучшую роль» на МКФ в Сопоте, в 1986 г., режиссёру — премию критики на МКФ в Роттердаме, в 1988 г., а фильму в целом — приз на МКФ в Сиднее, в 1989 г. [7].

Нельзя не признать того факта, что многие «полочные» фильмы спустя 20 и более лет для зрителей выглядели странно и неуместно. Так, например, выглядит отзыв о фильме зрительницы В. Хромовой: «Зачем выпустили фильм “Интервенция” на экраны двадцать лет спустя после того, как сняли? Как много в нём намешано разного: и цирк, и подпольщики, и грабители, и музыка, и танцы. Конечно, радостно встретиться с любимыми актёрами: Высоцким, Копеляном, Толубеевым, Золотухиным, но какой смысл в смешении “всего и вся”? Фильм смешит, но, по-моему, он слишком легкомыслен для такой серьёзной темы, как революция...» [6]. Несвоевременность можно объяснить и тем, что вкусы массовой аудитории в отечественном кино сильно изменились. Так, в 1988 г. картиной, собравшей в прокате 54,9 млн. зрителей, стала «Маленькая Вера», которая завлекала людей в кинотеатры, прежде всего, первыми в советском кино эротическими сценами. В последние годы Перестройки в стране стали появляться многочисленные низкожанровые западные экшн-фильмы, которые увлекали советских зрителей тем, что ранее на экране им было не увидеть, — демонстрацией насилия, секса, нарушения моральных норм. В условиях общесоветского культурного упадка интеллектуальное и артхаусное кино, лежавшее десятилетиями на «полке», больше не могло заинтересовать массового зрителя [3].

Важно, что авторы, снимавшие нонконформистское кино до Перестройки, не ставили перед собой задачи исключительно негативно интерпретировать окружающую действительность. «Формализм» на самом деле являлся стремлением использовать новаторские методы в создании кино, «раздвинуть границы» жанров, необычно трактовать материал. Вдохновлённые кинематографической «оттепелью», режиссёры предприняли попытку продолжить её тенденции и в эпоху застоя. Конечно же, это касалось и проблематики снимавшихся картин. Несмотря на то, что кинематографисты оттепели впервые за долгие годы могли открыто «говорить» со зрителем на такие темы, которые прежде были табуированы, уже к середине 1960-х гг.

советское руководство чётко обозначило возможные границы в искусстве и, в частности, в кинематографе [11]. Таким образом, многие «неудобные» темы остались в принципе не затронутыми на экране, что негативно повлияло на развитие массового киноискусства и его восприятия уже в «перестроечные» и «постперестроечные» годы.

Приходится признать, что значимый успех в виде возврата на экраны «полочного кино» в годы Перестройки был омрачён утратой актуальности большинства данных картин. Обозначим основные причины. Во-первых, в последние годы существования СССР сложился новый феномен — импорт значительного числа западных кинолент низкопробных жанров. Во-вторых, возникшая свобода творчества дала новым авторам возможность критически осмыслить прошлое и настоящее, но не вывела кинематограф к новым художественным высотам. Новые сюжеты почти всегда резко критиковали окружающую действительность, делали акцент на погружение зрителя в реальность. Кино Перестройки обращало внимание на актуальные эпохе проблемы и выражало дух времени лучше, чем многие «полочные» картины. В-третьих, не для всех зрителей оказалось востребованной повестка рефлексии над прошлым. Для подавляющего большинства кинематограф носил развлекательный характер [3, с. 30]. Как результат, к распаду Советского Союза отечественное кино перестало быть массовым развлечением, а советская культура интереса к кинематографу начала идти на спад. Таким образом, «полочные» фильмы не получили значительного общественного резонанса.

Список источников

Статьи из журналов и сборников:

1. Бродская Е. В. Запрещённое кино: «Интервенция» Г.И. Полоки в советской критике и партийном документе // *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*. 2015. № 4. С. 48–57.
2. Ерёмко Е. Д. Одесская киностудия и «Ленфильм»: редакторские практики (1960–1980-е гг.) // *Вестник СПбГИК*. 2022. № 1. С. 46–53.
3. Танис К. А. Кино и зритель в эпоху перестройки: изменение горизонта зрительских ожиданий в 1980–1990-е гг. // *Вестник Пермского университета. Серия: История*. 2019. № 3. С. 26–33.
4. Целых М., Фёдоров А. Запрещённое советское кино (1951–1991): взгляд из XXI века // *International Journal of Media and Information Literacy*. 2021. № 6. С. 239–245.

Статьи из журналов:

5. Рязанцева Н., Лидский В., Стишова Е., Павлючик Л., Шмыров В., Набатникова А., Кичин В. *Запрет на реальность. «Полочное» кино: вчера и сегодня* // *Знамя*. 2019. № 7.
6. Смена. 1987. 9 августа.

Монографии и мемуары:

7. Фёдоров А. В. *Рекордсмены запрещённого советского кино (1951–1991) в зеркале кинокритики и зрительских мнений*. М., 2021. 120 с.

Электронные ресурсы:

8. *Запрещённое кино. Климов и Герман* // *Намедни. Наша эра*. URL: <https://namednibook.ru/zapreshhennoe-kino-klimov-i-german.html> (дата обращения: 15.10.2022).

9. *Запрещённое кино: советские фильмы, которые положили на полку* // DTF. URL: <https://dtf.ru/cinema/916955-zapreshchennoe-kino-sovetskie-filmy-kotorye-polozhili-na-polku> (дата обращения: 13.03.2022).
10. Кузнецова М. *История Аси Клячиной, которая любила, да не вышла замуж* // Arzamas. URL: <https://arzamas.academy/materials/290> (дата обращения: 13.03.2022).
11. *Оттепельное кино: Как родилась и умерла советская новая волна* // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=YPTVZaCbCVc&t=1068s> (дата обращения: 15.10.2022).
12. *О чём на самом деле любимые советские фильмы?* // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1aDB1TksfUU&t=6s> (дата обращения: 15.10.2022).
13. *Перестройка и 90-е. Как умерло советское кино и чем удивляли фильмы новой России* // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=5wNK3П0pRw&t=187s> (дата обращения: 15.10.2022).

Киноведческие исследования и каталоги:

14. Аннинский Л. А. *Шестидесятники и мы. Кинематограф, ставший и не ставший историей. М., 1991. 255 с.*
15. Зоркая Н. М. *История отечественного кино. XX век. М., 2014. 512 с.*
16. Марголит Е. Я., Шмыров В. Ю. *Изъятое кино. 1924–1953: аннотированный каталог. М., 1995. 132 с.*
17. Фомин В. И. *Кино и власть. Советское кино: 1965–1985 гг. Документы, свидетельства, размышления. М., 1996. 371 с.*
18. Фомин В. И. *«Полка». Документы. Свидетельства. Комментарии. М., 1992. 175 с.*
19. Фомин В. И. *«Полка»: документы, свидетельства, комментарии. Вып. 3. М., 2006. 188 с.*

Для цитирования:

Мязина А. В. Феномен «полочного кино»: выпуск в советский прокат ранее запрещённых художественных фильмов в период 1986–1989 гг. // *Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. С.153–160.*

Жданов Арсений Александрович | Zhdanov Arseniy Aleksandrovich
Тихонов Никита Дмитриевич | Tikhonov Nikita Dmitrievich

Характерные тенденции в грузинском кинематографе в первые годы Перестройки

The characteristic trends in Georgian cinematography in the early years of Perestroika

***Аннотация.** В данной работе проводится анализ развития кинематографа позднесоветского периода в Грузинской ССР и используются такие методы, как анализ визуальных источников и художественных произведений, компаративистика. Основной объект исследования — грузинский кинематограф в последней четверти XX в., а также кинематограф СССР того же периода. В начале статьи анализируются тематика позднесоветского кино, новые кинематографические приёмы и визуальный стиль. Далее описываются тенденции в грузинском кинематографе в «застойный» и «перестроечный» периоды, выявляются особенности национального грузинского кинематографа посредством анализа знаковых грузинских фильмов выбранного периода, которые, на взгляд авторов статьи, репрезентируют национальный кинематограф Грузинской ССР. Особенности сюжетной проблематики, визуальные и стилистические приёмы, режиссура, актёрская игра — всё это объекты анализа для авторов статьи.*

***Ключевые слова:** кинематограф; Грузия; СССР; Перестройка; «Грузия-фильм».*

***Abstract.** This paper analyzes the development of cinematography of the late Soviet period in the Georgian SSR. The main methods of work are the analysis of visual sources, works of art, and comparativism. The main object of the research is Georgian cinematography in the last quarter of the XX century, as well as the cinematography of the USSR of the same period. At the beginning of the article themes of late Soviet cinema, new cinematic techniques and visual style are analyzed. The main part of the paper describes the trends in Georgian cinematography during stagnation and perestroika periods, and identifies the features of national Georgian cinematography. For this purpose a number of iconic Georgian films of this period are analyzed, which, in the opinion of the authors of the article, represent the national cinematography of Georgian SSR. The specifics of the issues raised in the plot, visual and stylistic techniques, directing and acting are all objects of analysis for the authors of the article.*

***Keywords:** cinematography; Georgia; USSR; Perestroika; Georgian Film Studio.*

---

¹ МГИМО МИД России, ф-т международных отношений, II курс бакалавриата.
Moscow State Institute of International Relations, School of International Relations, 2nd year of Bachelor's degree.

Грузинский кинематограф — яркий пример «национального» советского кино, демонстрирующего свою самобытность и национальный колорит. Практически все фильмы Грузинской ССР снимались на киностудии «Грузия-фильм». В то же время кино, создаваемое грузинами, было близко советскому зрителю благодаря лёгкости произведений, приятному мягкому юмору и эстетичности. В особенности советский зритель любил произведения Георгия Николаевича Данелии — такие, как «Я шагаю по Москве», «Мимино». Другим видным грузинским кинематографистам, в т.ч. Резо Давидовичу Чхеидзе, Тенгизу Евгеньевичу Абуладзе, Отару Давидовичу Иоселиани и Сергею Иосифовичу Параджанову, удавалось снимать самобытные картины, которые уходили от тенденций соцреализма. Грузинский кинематограф достиг пика своего развития в эпоху оттепели, в 1960-е — 1970-е гг. В это время вышли самые известные картины авторов студии «Грузия-фильм»: «Мольба» Т. Е. Абуладзе (1967), «Листопад» О. Д. Иоселиани (1966), «Отец солдата» Р. Д. Чхеидзе (1964) и т.д. Названные картины стали уникальным явлением для советского человека, ввиду синтеза национального грузинского кинематографа и манеры съёмки западных кинорежиссёров (в частности, О. Д. Иоселиани ориентировался на опыт авторов французской «новой волны»). В данной статье исследуется связь национального кинематографа и формирования социально-политических запросов общества, состояния советского общества на сломе эпох. Актуальность исследования обусловлена, во-первых, небольшим количеством работ по этой теме, а те, что были опубликованы, по большей части рассматривают художественные особенности отдельных фильмов (например, статья «Методы грузинской критики» Михаила Трофименкова написана по фильму «Ступень» [13]); во-вторых, наша работа носит систематизирующий характер и подчёркивает общие идейные тенденции в грузинском «раннеперестроечном» кино.

Таким образом, до Перестройки грузинское кино пользовалось популярностью как у массового советского зрителя, так и у искушённых киноведов. Кино данной советской республики умело подчёркивало достоинства и особенности культуры Грузии, в то же время вводя экспериментальные кинематографические приёмы [6, с. 106]. Перестройка стала следующим этапом развития грузинского кинематографа, сняв те ограничения, которым была подвержена «Грузия-фильм» в период застоя. В целом, «перестроечный» этап в советском кинематографе начался с провозглашения курса на «ускорение и перестройку» на пленуме ЦК КПСС в 1985 г. Был взят курс на гласность, на снятие цензуры, разрешились к обсуждению табуированные прежде темы, т.е. творческим деятелям предоставлялась свобода творчества и возможность высказываться на остросоциальную тематику [5, с. 478]. В сфере международных отношений стало формироваться «новое мышление»: власти отказались от биполярного восприятия политической действительности. Советское правительство отошло

на фоне нужды в социальных и экономических реформах от цензуры «застойных» времён. Так началась Перестройка в СССР и, в частности, в советском кинематографе.

Первые годы Перестройки, т.е. 1985–1987 гг., были выбраны авторами в качестве рассматриваемого периода по той причине, что они представляются самым необычным периодом для истории грузинского кино. На советские экраны выходили картины, поднимавшие ранее табуированные для граждан СССР темы — вопросы социальных отношений, рассуждения о сущности политического советского режима, такие социальные проблемы, как проституция и алкоголизм, и в целом сатира над советской бюрократической повседневностью. Советская экономическая система тем временем функционировала достаточно успешно: экономические проблемы Советского Союза ещё не стали так явны, как впоследствии, а гласность уже была объявлена, и советские авторы получили право высказываться на любую, даже иногда неудобную для власти и общества, тему. Это объясняет и большой бюджет новых, откровенных для советского кинозрителя, фильмов.

В эти же годы происходит реабилитация «полочного» кино. Так, многие «полочные» картины во второй половине 1980-х гг. были реабилитированы и выпущены на экраны — такие, как «Агония» Элема Германовича Климова, «Проверка на дорогах» Алексея Юрьевича Германа, «Начало» Глеба Анатольевича Панфилова, «Долгие проводы» Киры Георгиевны Муратовой и «Комиссар» Александра Яковлевича Аскольдова. Самым знаковым именно для грузинского кинематографа реабилитированным «полочным» фильмом стало «Покаяние» Т.Е.Абуладзе, которое выиграло Гран-при жюри Каннского кинофестиваля в 1987 г.² Кино для советского общества изменилось в эпоху Перестройки: авторы поднимали важные социально значимые вопросы, рассуждали о сущности советского человека, дистанцировались от идеологического дискурса.

Переходя к анализу особенностей грузинского «перестроечно-го» кино, мы можем выделить три характерные и наиболее часто наблюдаемые в фильмах того периода тенденции:

- возникновение националистического оттенка;
- абстракция и виртуализация реальности, противопоставление с помощью языка кино «виртуального» и «актуального»;
- проявление христианской тематики.

Национализм в киноискусстве того периода можно в первую очередь проследить в картинах, которые демонстрируют дореволюционную Грузию. К таковым относятся «Робинзонада, или Мой английский дедушка» (1986 г., реж. Н.Г.Джорджадзе), «Арабески на тему Пиросмани» (1986 г., реж. С.И.Параджанов), «Путешествие молодого композитора» (1985 г., реж. Г.Н.Шенгелая). Важно подчеркнуть, что позднесоветское грузинское кино в этом вопросе уходит от канонов,

² Если продолжать тему «полочных» фильмов, то «Покаянию» в этом смысле повезло намного больше, чем другим подобным работам. Картина не выходила в прокат всего три года.

характерных для фильмов республики периода застоя. Так, названные фильмы в вопросе изображения Грузии до 1917 г. качественно отличаются от знакового для грузинского кино прежних лет «Древа желания» (1976 г., реж. Т. Е. Абуладзе): если в последнем грузинская патриархальная старина представлена максимально натуралистично, со всеми её архаичными недостатками, которые в итоге и привели главных героев к гибели, то в «перестроечном» кино практически отсутствует критика традиционной досоветской Грузии, которая представлена весьма идеализированно. В фильме «Робинзонада, или Мой английский дедушка» дореволюционная Грузия представлена почти утопично, тогда как революции 1917 г., напротив, приводят к возникновению социальных и политических конфликтов. Уже не консерватизм грузинской старины, как в фильме «Древо желания», но стремительность и хаотичность революционных потрясений становятся виновниками гибели главного героя картины. Данная тенденция прослеживается и в «Легенде о Сурамской крепости» (1985 г., реж. С. И. Параджанов), где действие происходит уже не в дореволюционной Грузии, но в древности. Фильм, безусловно, показывает все недостатки феодального строя, но в то же время восхваляет героизм добровольно похоронившего себя в стене юноши. Картина начинается со слов: «Посвящается памяти грузинских воинов, отдавших свои жизни за свободу родины во все времена». Измена родине или безразличие к её судьбе осуждаются в картине, при этом между изменой Грузии и изменой православной вере ставится практически знак равенства: грузинский купец Дурмишхан, принявший ислам, игнорирует нависшую над отечеством опасность персидского вторжения, тогда как его сын, сохраняющий православную веру, соглашается на жертву: дать замуровать себя в стене, чтобы Сурамская крепость выстояла. Картина достаточно афористична, вероятно, автором ставилась цель не точно реконструировать события легенды, но передать зрителю ощущение сопричастности грузинской истории. Сопоставляя «Легенду о Сурамской крепости» с «Древом желания», можно заметить ещё одно принципиальное отличие картин друг от друга. В фильме Т. Е. Абуладзе почти комично изображён один из жителей деревни, который стремится учить детей истории своей страны, для чего он показывает им развалины древней Грузии, иначе говоря, живёт в своём повествовании в прошлом. В картине же С. И. Параджанова отношение к руинам принципиально иное: вместо создания полноценных декораций режиссёр использует едва сохранившиеся развалины древнегрузинских дворцов, крепостей и домов. Грузинское кино в 1980-е гг., по сути, заново создаёт на экране историю страны. Если использовать терминологию «Кино» — произведения французского философа-постмодерниста Жюль Делёза, — разработанную для анализа, в том числе, и современных философов европейских и азиатских картин, то в рассмотренных выше фильмах создаются «виртуальные полотна прошлого» [3, с. 413] и делается «актуальная попытка воскрешения прошлого» [3, с. 414]. Таким обра-

зом, грузинский кинематограф в период Перестройки в области решаемых им задач не отставал от ведущих школ Европы и Азии. В то же время в «Арабесках на тему Пиросмани» С. И. Параджанов подчёркивает ментальную связь великого художника с судьбой дореволюционной Грузии: по мнению режиссёра, Нико Пиросмани отражает утопический быт грузинского дореволюционного общества, вне зависимости от того, какая социальная категория изображается (будь то мещане, купцы или простые сельские обыватели). Животные, горные пейзажи и даже пустыни приобретают некий сакральный и абстрактный характер — это всё общее, собирательное той Грузии, которую не тронула социалистическая революция. Так в Перестройку грузинский быт до событий 1917 г. идеализируется и воспринимается авторами как некий прекрасный и светлый период в истории грузинской нации.

Упомянув определённую «виртуальность» грузинского кинематографа рассматриваемого периода, мы можем перейти к рассмотрению второй тенденции — противопоставления «виртуального» на экране и «актуальной» реальности. В ряде картин Грузия советская противопоставляется Грузии дореволюционной, в результате чего актуальное настоящее оказывается зажато между виртуальным и утопичным прошлым и не менее виртуальным и утопичным будущим, на которое в кино всё ещё есть надежда. Наиболее ярким проявлением этой тенденции на экране можно считать последнюю сцену короткометражного фильма «Арабески на тему Пиросмани». В ней на переднем плане демонстрируются работы художника, на заднем — переменный, «перестроечный» Тбилиси, большую же часть кадра занимает выжженная степь, которая, вероятно, олицетворяет собой весь советский период. В «Арабесках...» можно проследить реализацию идей Андрея Арсеньевича Тарковского [12]: принцип этой короткометражки — запечатление не сюжета, не определённой последовательности событий, но самого времени. Характерно и постоянное обращение к музыке в каждой новой сцене в этой картине, ведь именно музыку А. А. Тарковский считал ближайшим к кино по своей сути искусством, т.к. она более остальных связана с фиксацией времени. Вероятно, именно такое сочетание грузинского колорита Нико Пиросмани с передовой теорией киноискусства А. А. Тарковского позволило С. И. Параджанову в своём фильме наиболее ярко выразить противостояние прошлого и будущего, с одной стороны, и настоящего, с другой. В «Арабесках...» можно также заметить, что грузинский «перестроечный» кинематограф решает проблему выбора не только задач, но и средств их решения на экране, не отставая от ведущих деятелей кино 1970-х — 1980-х гг. Наряду с противопоставлением действительного настоящего виртуальным прошлому и будущему, кино демонстрирует и возможность побега из советской действительности, представленной на экране достаточно гротескно, что наблюдается в фильмах «Ступень» (1985 г., реж. А. П. Рехвиашвили) и «Голубые горы, или Неправдоподобная история» (1983 г., реж. Э. Н. Шенгелая):

в обеих картинах главный герой сталкивается с бюрократией, которую ему не удаётся преодолеть, в силу чего он просто отказывается от попыток справиться с актуальной ему и зрителю действительностью — и уходит в горы. В «Голубых горах...» герой и вовсе оказывается в некоем кафкианском тупике, стремясь решить комически глупую ситуацию, но осознавая при этом тщетность своих усилий. Манерность, вежливость и чёткая система социальных обрядов в позднесоветском обществе маскируют абсолютно повсеместное равнодушие и разрушение моральных ориентиров советского социума, и вот об этом говорит Э. Н. Шенгелая. Стоит отметить, что в этом вопросе грузинский национальный кинематограф качественно отличается от абхазского кино, снимаемого также на студии «Грузия-фильм». Так, в фильме «Чегемский детектив» (1986 г., реж. А. М. Светлов) советская повседневность изображается весьма позитивно, отсутствуют указания на какой-либо конфликт героя и окружающей его действительности. Тенденция к уходу в «виртуальность», к эскапизму вкуче с националистическим оттенком приводит к появлению и третьей особенности грузинского «перестроечного» кино — обращению к христианской тематике как способу спасения и обретения грузинской самобытности. Стоит отметить, что тесная связь современного кино с религией также описывается Ж. Делёзом: «Возврат веры в мир — в этом сила современного кино» [3, с. 486].

Анализируя христианскую тематику грузинских картин, стоит в первую очередь заметить, что хрестоматийной цитатой не только для грузинского, но и для всего «перестроечного» кино стала завершающая фраза знакового фильма «Покаяние» (1984 г., реж. Т. Е. Абуладзе): «Зачем нужна дорога, если она не ведёт к храму?» В этот период грузинские режиссёры демонстрируют тесную связь грузинского народа и христианства, или, по крайней мере, наличие этой связи в прошлом, из которого проецируется надежда на духовное (в фильме «Покаяние») или национальное (песня о возрождении Грузии в первой и последней сценах фильма «Робинзолада, или Мой английский дедушка») обновление в будущем. Для обновления, в свою очередь, необходимо искупление, которое в рамках христианской тематики раскрывается, например, в «Покаянии» и «Легенде о Сурамской крепости». Важно заметить, что в обеих картинах искупление носит «межпоколенческий» характер: в фильме Т. Е. Абуладзе сын Варлама Аравидзе раскаивается за грехи отца после самоубийства внука, в фильме же С. И. Параджанова сын искупляет отцово предательство родины и веры, замуровывая себя в стене крепости. Через христианскую оптику грузинский кинематограф передаёт идею определённой ответственности современного поколения за прошлое для счастья поколений будущих. На семиотическом уровне грузинское кино активно использует христианский символизм, в первую очередь здесь стоит упомянуть фильмы «Покаяние» и «Арабески на тему Пиросмани». В обеих картинах часто используется образ рыбы — од-

ного из древнейших христианских символов, а также уже упомянутое выше обращение к образу храма. В «Покаянии» этот символический ряд дополняется истязанием, отсылающим к мукам Христа на кресте, главного протагониста фильма, скульптора Сандро Барателли. В диалоге с антагонистом, тоталитарным диктатором Варламом Аравидзе, Сандро формулирует истинный путь спасения Грузии — «духовное обновление народа». Грузинское кино 1980-х гг. в какой-то степени ставит перед собой именно эту сверхзадачу.

Список источников

1. «Арабески на тему Пиромани» / реж. С. Параджанов. Тбилиси, 1986. 25 мин.
2. «Голубые горы, или Неправдоподобная история» / реж. Э. Шенгелая; в ролях Р. Гиоргобани, В. Кахшишвили, Т. Чиргадзе и др. Тбилиси, 1984. 97 мин.
3. Делёз Ж. Кино. М., 2019. 560 с.
4. «Древо желания» / реж. Т. Абуладзе; в ролях Л. Кавжарадзе, И. Джачвлиани, З. Колелишвили, К. Даушвили и др. Тбилиси, 1976. 107 мин.
5. Зоркая Н. История советского кино. СПб., 2005. 544 с.
6. Кинематография Грузинской ССР. Кино: энциклопедический словарь / гл. ред. С. И. Юткевич. М., 1987. 640 с.
7. «Легенда о Сурамской крепости» / реж. С. Параджанов; в ролях С. Чиаурели, Л. Алибегашвили, Д. Абашидзе и др. Тбилиси, 1984. 88 мин.
8. «Покаяние» / реж. Т. Абуладзе; в ролях А. Махарадзе, И. Нинидзе, М. Нинидзе и др. Тбилиси, 1984. 153 мин.
9. «Путешествие молодого композитора» / реж. Г. Шенгелая; в ролях Л. Абашидзе, Г. Перадзе, З. Кипшидзе и др. Тбилиси, 1985. 105 мин.
10. «Робинзонада, или Мой английский дедушка» / реж. Н. Джорджадзе; в ролях Ж. Лолашвили, Н. Чанкветадзе, Г. Пирцхлава и др. Тбилиси, 1987. 76 мин.
11. «Ступень» / реж. А. Рехвиашвили; в ролях М. Нинидзе, И. Чичинадзе, Л. Абашидзе и др. Тбилиси, 1986. 89 мин.
12. Тарковский А. А. Запечатлённое время // Искусство кино. 1967. № 4. URL: <https://kinoart.ru/texts/andrey-tarkovskiy-zarechatlennoe-vremya> (дата обращения: 27.07.2023).
13. Трофименков М. С. Методы грузинской критики // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2233837> (дата обращения: 09.03.2023).
14. «Чегемский детектив» / реж. А. Светлов; в ролях Н. Камкия, Р. Микаберидзе, Ф. Искандер и др. Тбилиси, 1986. 84 мин.

Для цитирования:

Жданов А.А., Тихонов Н.Д. Характерные тенденции в грузинском кинематографе в первые годы Перестройки // Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. С.161–167.

Женский образ в кинематографе России эпохи Перестройки The female characters in the Russian cinema of Perestroika era

Аннотация. Проведён анализ фильмов «Соблазн» (1987 г., реж. В. А. Сорокин), «Маленькая Вера» (1988 г., реж. В. В. Пичул), «Куколка» (1988 г., реж. И. Ш. Фридберг) и «Авария — дочь мента» (1989 г., реж. М. И. Туманишвили), для того чтобы выявить особенности женских образов в «перестроечном» кино. После 1986 г., когда состоялся съезд кинематографистов, в прокат начали выходить фильмы, которые отражали противоречивое настроение общества. Изменения коснулись, в том числе, и женского образа в кино. Многие типажы советского времени, которые ранее популяризировали, теперь стали утрачивать свою актуальность, и сфера женских образов усложнилась, дополнилась новыми типажамми. Анализируется новый тип поведения девушек на экранах. На основании проведённого исследования автор приходит к выводу, что отличительной чертой как кино, так и женского образа в этот период становится реализм, практически натурализм.

Ключевые слова: женский образ; кинематограф Перестройки; социальная реальность.

Abstract. The analysis of the films *Temptation* (dir. V. Sorokin, 1987), *Little Vera* (dir. V. Pichul, 1988), *A Little Doll* (dir. I. Fridberg, 1988) and *Crash — Cop's Daughter* (dir. M. Tumanishvili, 1989) was performed to identify the features of female characters in Perestroika cinema. After the Filmmakers' Convention in 1986, films began to be released that reflected the conflicting mood of the society. The changes also affected the representation of women in cinema. Many types of the Soviet era, which were previously popularized, began to lose their relevance, and female characters began to become more complex, some new ones also emerged, taking into account the realities in which the culture found itself. A new type of a girl's behavior on the screen is analyzed. Based on the study, the author concludes that realism, almost naturalism, becomes a hallmark of both cinema in general and the female characters in particular in that period.

Keywords: female characters; cinema of Perestroika; social reality.

С началом Перестройки стал меняться вектор советского кино. Многие режиссёры вспоминают эпоху Перестройки как очень плодотворное время для работы. Так, Кира Георгиевна Муратова говорит следующее: «...самый лучший для меня был период — это Перестройка и некоторое время после неё, пока ещё не было власти денег, безоговорочно провозглашённой и практикуемой, а идеология была отменена» [3]. Тем не менее, в условиях практически полной творческой свободы появилась новая и достаточно мрачная страница в истории

¹ СПбГИК, ф-т мировой культуры, I курс магистратуры.
St. Petersburg State Institute of Culture, Faculty of World Culture, 1st year of Master's degree.

отечественного кинематографа. Большинство картин того времени заканчиваются трагически; герои страдают, погибают, теряют близких, окончательно расстаются с надеждой.

По наблюдению Каринэ Альбертовны Фолиянц, кандидата искусствоведения, «переход от 80-х к 90-м годам — это своего рода рубеж, позволяющий увидеть ряд новых тенденций, особые подходы к материалу действительности, новые способы экранного претворения, особые формы контактов, складывающихся между производением искусства и кинозрителем» [13].

Изменения в советской действительности того времени нашли своё отражение в кино и послужили началом изменений женского образа. В Советском Союзе многие женские образы соответствовали ценностно-смысловым аспектам культуры и использовались для популяризации последних, а кинематограф был средством дальнейшего распространения культуры в обществе. В позднесоветском кино мы встречаем разных героинь, которые так или иначе придерживаются традиционных ценностей.

Целью статьи является анализ женского образа в кинематографе Перестройки и выявление его особенностей. Для достижения цели был проведён анализ картин в целом, который строился на разборе отдельных кадров и сцен, рассмотрении мотиваций персонажей с учётом временного контекста, сравнении. В рамках данной статьи будут рассмотрены такие фильмы, как «Соблазн» (1987 г., реж. В. А. Сорокин) [11], «Маленькая Вера» (1988 г., реж. В. В. Пичул) [7], «Куколка» (1988 г., реж. И. Ш. Фридберг) [6] и «Авария — дочь мента» (1989 г., реж. М. И. Туманишвили) [1]. (Конечно, и в других фильмах той эпохи есть женские образы, которые интересно было бы проанализировать с научной точки зрения, но это тема другого исследования.) В подборке фильмов оказалась «хрестоматийная» кинолента Перестройки — «Маленькая Вера», которая будет рассмотрена не только как фильм, где впервые в СССР показали эротическую сцену, но и как картина, помогающая при выстраивании женского образа того времени. Второй самый известный фильм Перестройки, причём состоящий из двух серий, это «Интердевочка», которая уже много раз рассмотрена и проанализирована, поэтому в нашу подборку включена не была. Выбранные фильмы важны в контексте данного исследования, т.к. главные героини, проживая совершенно разные жизненные сценарии, но существуя в одном историческом промежутке, имеют общие черты характера и поведения.

В последние годы исследователи всё чаще обращаются к теме образа женщины в советском кино, в т.ч. в «перестроечную» эпоху. Существует как множество сетевых публикаций по данной тематике, так и ряд научных статей. Приведём некоторые из них. Так, например, в интернет-статье «Образ женщины в советском кино» автор, говоря про фильмы Перестройки, выделяет «Маленькую Веру» и «Интердевочку», при этом сводит женский образ того време-

ни к наличию эротических сцен или проституции [8]. В видеоэссе «Перестройка и 90-е» женскому образу отведено очень мало времени, в основном здесь подчёркивается маскулинность кинематографа той эпохи и ставится акцент на фильме «Маленькая Вера» как эмблематичной картине [9]. Далее, Наталья Петровна Кнэхт в своей научной статье «Эволюция образа советской женщины в российском кинематографе: история и современность», говоря о «перестроечном» кино, обращает внимание на уже несколько раз упомянутые нами «Маленькую Веру» и «Интердевочку» и анализирует только два этих женских образа [4]. Отходя же от популярных женских героинь того времени, в работе «Репрезентация образа балерины в отечественном искусстве периода перестройки» Светлана Александровна Смагина исследует свою тему на примере фильмов «Фуэте» и «Миф» [10]. Тем не менее, в исследовательских работах по преимуществу раскрываются лишь два самых известных женских образа кинематографа Перестройки, и вектор нашего исследования направлен на фильмы, анализ которых в научном поле почти не встречается.

В «перестроечном» кино, в силу изменений политико-идеологического климата и ситуации в стране, показывают обычного человека с его проблемами. Для одних героинь в конце века ещё оставались важны традиционные ценности: семья, дети, работа, — а вторые пытались найти свою опору в новых, ещё до конца не изведанных моделях поведения.

Женщины в фильмах той эпохи живут в кризисе ценностей. Они обрели большую свободу, чем раньше, но как использовать её себе во благо, того не знали, тому пока ещё не научились. Режиссёры демонстрируют зрителю совершенно новых героинь: дерзких, импульсивных, свободолюбивых. Поведение девушек и вся эмоциональная палитра, которая отражается на их лицах, — это реакция на безразличие. Если взглянуть на персонажей вокруг них, то можно увидеть учительницу, которая на просьбу высказать своё личное мнение о политике партии отвечает: «Нравится — не нравится, но это эрот партии. Я не отделяю себя от партии» [1]. Учить, что дано, — так положено. Можно увидеть также родителей, живущих в полном безразличии и «нелюбви».

В самых первых фильмах нового периода появляются женщины, которые считают, что любовью к одному мужчине и счастливой семьёй определение жизни не исчерпывается. Одной из ярких картин такого рода стала «Маленькая Вера» режиссёра Василия Владимировича Пичула [7], выпускника ВГИК (мастерская М.М. Хуциева); сценарий фильма написала Мария Александровна Хмелик, окончившая тот же вуз, и сценарий был её дипломной работой. Так выходило на экран новое поколение [2].

Фильм рассказывает о независимой и импульсивной девушке Вере, которая не боится хранить в сумочке иностранную валюту и не стесняется ввязываться в драки. «Маленькая Вера» — символ новой эры в репрезентации образа советской женщины. Героиня не стес-

няется ночью карабкаться по пожарной лестнице в общежитие, где живёт её возлюбленный Сергей, и кричать на всю улицу: «Серёжа! Я тебя люблю!» Представить такой поступок от девушки в кинематографе всего 5–10 годами ранее сложно, потому что он не вписывается в рамки социально приемлемого тогда женского поведения.

Вера, как и всё её поколение, бросает вызов миру взрослых, которому больше не доверяет и который не воспринимает всерьёз. Однако у неё нет ничего, что можно было бы этому миру противопоставить. Семья Марининых, в которой она растёт, абсолютно типична для того времени: работающая мать, тоже работающий, но пьющий отец и пожилой дедушка, у которого «рана» от войны ещё свежа. Вера — одна из многих рано повзрослевших детей, которая внутри так и осталась ребёнком. В этом героиня очень похожа на Валерию из фильма «Авария — дочь мента» [1].

В то же время приходит понимание, что такие институты социализации молодёжи, как школа и «улица», уже далеко не консервативны, они сильно приближены к меняющимся реалиям. Как в фильме В.В.Пичула, так и в названном фильме Михаила Иосифовича Туманишвили можно увидеть характерные изменения женского образа. Сюжет выстроен на реальной истории, а главная героиня — составной образ, прототипом которого являются две женщины из реальной жизни. Помимо очевидного конфликта «отцов и детей», Валерия выходит за рамки привычного для советской девушки поведения. Она ставит под сомнение советские порядки и нравы, не уважает учителей и собственную семью. Её фраза «Мне нравится всё, что не нравится вам, а что вас злит, так это я вообще тащусь!» отражает настроение молодёжи того времени.

Показателен момент, когда после неоплаченного проезда девушка идёт домой к мужчине-профессору, который за неё заплатил. Уже в квартире через какое-то время Валерия начинает раздеваться и недоумевает, когда мужчина выключает свет и просто отправляет её спать. Это настолько не вписывается в её систему ценностей, эту систему потребления, что она кричит от злости. Приведённая сцена у М.И.Туманишвили отражает молодёжное несогласие с комплексом моральных и этических норм советского общества. Валерия — девушка смелая. Или же хочет такой казаться. На контрасте она сильно отличается от своих одноклассниц даже визуально. Крепко держась за фундамент своего сопротивления, она не была готова от него отойти, даже несмотря на неприятности и пощёчины матери, пока не произошла трагедия настолько сильная, что девушка уже не смогла игнорировать.

Говоря о трагедиях, необходимо упомянуть фильм «Куколка», срежиссированный Исааком Шаевичем Фридбергом [6]. Конечно, в большей степени он отражает проблемы, которые связаны с большим спортом в СССР, но не отметить образ и поведение главной героини нельзя. Картина повествует о бывшей олимпийской чемпионке Татьяне, которая из-за травмы возвращается в обычную советскую

школу, где своим бунтарским характером сразу меняет настроение в классе. Она очень быстро становится лидером, заслуживая уважение у главных «разбойников» в классе. Внутренний конфликт героини, связанный с завершением карьеры, перетекает во внешний, и девушка отыгрывается на классном руководителе. Во время очередной воспитательной беседы Татьяна грубо отвечает педагогу: «...думаете, не понимаю, из-за чего беситесь? Мешаю стадом управлять. Потому что я не средненькая. Не из стада. Со стадом-то, конечно, легче. Все в милой форме. Все равны. Все как все, а я как все никогда не была и не буду!» Такая дерзкая речь ошеломляет учительницу. Переходный возраст, травма и завершение карьеры, а также первая любовь — всё это разрушительное сочетание, и финал картины тому подтверждение.

В кинематографе эпохи Перестройки мы не увидим такую героиню, как, например, смелая девушка Зося из киноленты «Школьный вальс» (1978 г., реж. П. Г. Любимов) [14]. Несмотря на то, что главная героиня только окончила школу, после предательства возлюбленного она решает оставить у себя его ребенка, делая этот самостоятельный выбор в одиночку, не имея практически никакой поддержки. Здесь перед нами девушка предстаёт цельной, взрослой личностью, психологически и морально более развитой, чем ровесники. Режиссёры новых фильмов обнажили перемены, происходившие тогда в молодёжном социуме, — перемены, о которых ранее если и говорилось публично, то лишь в контексте порицания моральной распушенности и недостойного поведения.

В фильме «Соблазн» режиссёра Вячеслава Алексеевича Сорокина главная героиня — подросток Женя, которая после развода родителей остаётся жить с мамой [11]. Она переходит в новую школу, где большая часть её класса оказывается из достаточно обеспеченных семей, в то время как сама Евгения своим происхождением похвастаться не может. Чтобы влиться в коллектив, она врёт о положении своих родителей. Приоритеты главной героини ясны. «Я не хочу быть умной, я хочу быть счастливой», — говорит она матери во время спора. Влюбляясь в одноклассника, она анонимно звонит ему раз в несколько дней, а позже признаётся в любви. Парень приглашает её на свой день рождения, после которого они начинают встречаться. Но конец отношениям приходит сразу после того, как молодой человек узнаёт правду. В квартире, которую Женя представила как «тёткину», на самом деле живут она и мать, и об этом парень узнаёт от соседа девушки и по совместительству их одноклассника. В финале фильма происходит жестокая драка Жени с одноклассницами, в т. ч. с бывшей девушкой её возлюблённого, и трудно сказать, кто в этой драке оказался победителем. Удивляет также в киноленте намёк на проституцию. Когда компания друзей уезжает после занятий по плаванию, оставляя свою одноклассницу Иру одну, к ней на лавку подсаживается мужчина. Девушка ругается и плачет, а на вопрос от незнакомца: «Что случилось?» — отвечает, что потеряла 50 рублей. Он успокаивает её, протягивая несколько купюр, и уводит. На этом сце-

на заканчивается, вопрос о том, что случилось далее, остаётся открытым, однако намёк понятен. Проституция полноценно, как социальное явление, будет раскрыта в кинематографе позже, в 1989 г., когда выйдет фильм Петра Ефимовича Тодоровского «Интердевочка» [5].

Героини безусловно противоречивы, неоднозначны, они просто не могут быть другими. Послушная советская девушка-комсомолка уже не может существовать в изменяющейся реальности. А образы девушек — это тот самый образ, который воплотил в себе не одну эпоху, он символизировал собой расставание с идеологией и возвращение к реалиям. Кино Перестройки отражает настроения, происходящие в советском обществе. На смену идеализации пришёл реализм, почти что натурализм, что, собственно, и стало отличительной чертой как кино, так и образа женщины в этот период.

Список источников

1. Авария — дочь мента / реж. М. Туманишвили; в ролях В. Ильин, О. Арбузова. М., 1989. 99 мин.
2. Зоркая Н. М. История отечественного кино. XX век. М., 2014. 512 с.
3. Кира Муратова, Евгений Голубенко, Сакен Аймурзаев. Интервью // Эхо Москвы. URL: <https://web.archive.org/web/20200807213045/https://echo.msk.ru/programs/beseda/1586838-echo> (дата обращения: 29.09.2022).
4. Кнэйт Н. П. Эволюция образа советской женщины в российском кинематографе: история и современность // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2020. № 2. С. 153–159.
5. Кудасов А. Е., Кузнецова Т. Ю. «Интердевочка»: образная концепция национально-культурной проституции в эпоху мировозренческих трансформаций советского общества // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2019. № 5–1. С. 121–124.
6. Куколка / реж. И. Фридберг; в ролях С. Засыпкина, В. Меньшов, И. Метлицкая. М., 1988. 135 мин.
7. Маленькая Вера / реж. В. Пичул; в ролях Н. Негода, А. Соколов. М., 1988. 128 мин.
8. Образ женщины в советском кино // XYZ Media. URL: <https://media-xyz.com/ru/articles/2115-obraz-zhenshchiny-v-sovetskom-kino> (дата обращения: 21.09.2022).
9. Перестройка и 90-е. Как умерло советское кино и чем удивляли фильмы новой России // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=5wNK3II0pRw&t=819s> (дата обращения: 20.09.2022).
10. Смагина С. А. Репрезентация образа балерины в отечественном искусстве периода перестройки (на примере фильмов «Фуэте» и «Миф») // Вестник Академии русского балета им. А. Я. Вагановой. 2019. № 2. С. 128–140.
11. Соблазн / реж. В. Сорокин; в ролях А. Зыкина, Ю. Давыдов, Н. Сорокина, С. Лучников. М., 1987. 106 мин.
12. Танис К. А. Кино и зритель в эпоху перестройки: изменение горизонта зрительских ожиданий в 1980–1990-е гг. // Вестник Пермского университета. История. 2019. № 3. С. 26–33.
13. Фоляниц К. А. Проблематика отечественной кинодраматургии в период формирования новой реальности, 1986–1998 гг.: дисс. ... канд. искусствоведения. М., 1999. 172 с.
14. Школьный вальс / реж. П. Любимов; в ролях Е. Цыплакова, С. Насибов. М., 1978. 96 мин.

Для цитирования:

Багдиян Е. А. Женский образ в кинематографе России эпохи Перестройки // Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. С.168–173.

Базунов Евгений Петрович | Bazunov Evgenii Petrovich I
Карпусь Владимир Александрович | Karpus Vladimir Aleksandrovich

Анимация как способ осмысления эпохи Перестройки и 90-х гг. XX в. (на примере творчества армянского мультипликатора Роберта Саакянца)

Animation as a way to comprehend the Perestroika era and the 1990s, using the work of Armenian cartoonist Robert Sahakyants as an example

Аннотация. В статье проанализировано творчество армянского мультипликатора Роберта Саакянца. В качестве рассматриваемых работ взяты мультфильмы эпохи Перестройки и более позднего периода. На основе творчества видной фигуры советской анимации того времени исследовано восприятие происходивших в политической, экономической и культурной жизни изменений в СССР и родной художнику Армении. Кратко охарактеризован творческий путь мультипликатора. В качестве работ для анализа были использованы мультфильмы «Ветер», «Всё хорошо!», «Выборы», «Я тоже армянин».

Ключевые слова: анимация; мультипликация; Советский Союз; Роберт Саакянц; Армения; Перестройка.

Abstract. The authors analyze the works of the Armenian animation artist Robert Sahakyants. The works under consideration are cartoons from the Perestroika era and later. On the basis of the works of a prominent figure of Soviet animation at that time, the perception of the political, economic and cultural changes taking place in the USSR and in the artist's native Armenia is investigated. A brief description of the cartoonist's creative path is given. The cartoons *Wind, Everything is Fine!, Elections, I'm Also Armenian* were used for analysis in this research.

Keywords: animation; Soviet Union; Robert Sahakyants; Armenia; Perestroika.

Роберт Аршавирович Саакянц стал работать режиссёром-мультипликатором на студии «Арменфильм» с 1972 г. Молодой художник был хиппи, новатором, его авторский стиль рисовки значительно отличался от всей прочей советской мультипликации того времени. Сами темы, которые автор затрагивал в своих работах, были весьма провокационными, как, к примеру, мультфильм «Лилит» на библейские мотивы. Наиболее яркий и противоречивый мультфильм раннего Р. А. Саакянца — «Лисья книга» 1975 г. — сюрреалистичная рок-опера на армянском (первая в СССР), объединившая несколько армянских народных сказок из сборника Ованеса Туманяна [14]. Посмотрев этот мультфильм, Геворг Арменакович Айрян, председатель Госкино

¹ МГИМО МИД России, ф-т международных отношений, II курс бакалавриата.

Moscow State Institute of International Relations, School of International Relations, 2nd year of Bachelor's degree.

Армении, выразился так: «Я ничего не понял, но в своё время я не понял “Цвет граната”, а оказалось — это Параджанов. Не приму сейчас — окажется, это тоже Параджанов» [15]. Р.А. Саакянца не уволили после публикации работы за заигрывание с современной западной модой, как он ожидал, однако сильно ограничили в творческих начинаниях: у всех последующих его работ в качестве сюжета взяты отдельные сказки из того же сборника О.Т. Туманяна [15]. Вместе с тем, от сказок бралась только основа сюжета, большая же часть работы — фантазия самого Р.А. Саакянца, активное использование ярких, необычных форм, сюрреализма и взаимодействие самых нестандартных образов. Армянский национальный фольклор останется источником всех мультфильмов вплоть до Перестройки, и это в целом соответствует тенденции развития армянского кинематографа того времени [3, с. 41]. Композитором в большинстве мультфильмов, песни из которых также хорошо узнаваемы, выступал Роберт Бабкенович Амирханян. К середине 1980-х гг. Р.А. Саакянц уже считался лицом армянской анимации, снискал всеобщую любовь, он был титулованный и известный во всём Союзе её представитель, бессменный руководитель творческой группы [9]. Как высказывался сам автор, в своих сказочных мультфильмах он был вынужден говорить эзоповым языком, но после Перестройки появилась возможность говорить языком интернациональным (всеми понятными кинообразами) [8]. С началом Перестройки Роберт Саакянц получил возможность свободно высказываться на политическую тематику, выбирать сюжет своих работ, творить без каких-либо ограничений. По его признанию, он не создаёт произведений искусства, претендующих на «Оскар» или другие награды, он «болтает», ему важно выразить своё мнение на разные темы [13]. Такие работы, как «Ветер», «Выборы», «Всё хорошо!», «Урок», «Я армянин» и им подобные, служат самым ярким подтверждением таких слов. В них автор обличает человеческие пороки, нашедшие яркое воплощение в «перестроечный» период, выражает антимилитаристскую позицию, сопереживает положению родной Армении в 1990-е гг. О мультфильмах этого периода и будет идти речь.

Такой активный деятель советской анимации, как Р.А. Саакянц, не мог упустить из своего поля зрения проблему возможной ядерной войны и её последствий. Особое место в его фильмографии занимает мультфильм «Ветер» 1988 г., созданный через два года после аварии на Чернобыльской АЭС [4].

Сюжет картины довольно прост: дежурный военной базы оказывается очевидцем происходящих изменений после применения ядерного оружия. Он пытается сбежать от катастрофы, но мир вокруг него постепенно исчезает.

Бункер в мультфильме Р.А. Саакянца становится подобием некоего государства, а состояние героев внутри бункера отражает постепенную деградацию общества. Какое это государство — догадаться нетрудно, ещё и потому, что автор даёт большое число таких маркеров,

как портреты советских вождей, обращение к русскому фольклору, позволяющих распознать Советский Союз. Абсурд, как художественное средство, проходит через всё творчество Р. А. Саакянца. В мультфильме «Ветер» этот приём выражен ещё более ярко. Пространство внутри бункера с каждым новым кадром погружается в хаос, запуск ракет становится компьютерной игрой, а каждый сотрудник — зависимым наркоманом, на что указывают многочисленные сцены со шприцами и глаза персонажей, как будто загипнотизированных. Ветер по ходу сюжета становится самостоятельным героем, который не только живёт своей жизнью, но и постепенно начинает диктовать свои правила.

Сатира на тоталитарную систему жизни общества и её неэффективность, чёрный юмор, погружённый в жанр фантастики, — так можно охарактеризовать мультфильм «Ветер», демонстрирующий, что после применения ядерного оружия наступает гибель цивилизации [17].

Отношение Р. А. Саакянца к негативным явлениям Перестройки развёрнуто показал мультфильм «Всё хорошо!» 1991 г. [15]. Он был создан на излёте существования СССР и отразил затяжной политической и экономической кризис, наиболее яркие события той эпохи. В качестве аудиодорожки используется «Всё хорошо, прекрасная маркиза!», знаменитая французская юмористическая песня 1935 г., и мультфильм в целом является её иллюстрацией.

Как говорил сам художник, картина даёт хорошую карикатуру на Перестройку, помогает автору открыто высказаться на данную тематику. Поэтому при изучении мультфильма мы смотрим на события Перестройки через призму их личного восприятия Р. А. Саакянцем [17]. Цель его работы — высмеять реальные события и процессы Перестройки, используя чёрный юмор и сатиру.

В мультфильме художник, как представитель этнического меньшинства в СССР, открыто говорит о своём отношении к расцвету ультраправых русских движений. Используя образ трёх богатырей с картины Виктора Михайловича Васнецова, автор придаёт им нацистскую символику, тем самым открыто называя неонацистскими движение «Память» и тому подобные общества. Как армянину, ему важна тема Сумгаитского погрома 1988 г., в результате которого произошли массовые убийства армян в Азербайджане. Кровавой пляской смерти показываются жестокие сцены массовой резни, происходящие как бы на сцене и под наблюдением целого зрительного зала. Здесь, очевидно, отсылка к нежеланию центральных властей придавать гласности погром, детально расследовать те события и зарождающийся азербайджанский национализм. Нежелание Москвы помочь Армении в конфликте с Азербайджаном (в частности, в вопросе принадлежности Карабаха) во многом и привело к желанию армянской элиты выйти из состава СССР [7, с. 161; 11].

Сквозной темой в работах Р. А. Саакянца того времени является острая критика бюрократического аппарата, волокиты. В этом мультфильме чиновники изображаются слепыми людьми, которые идут

друг за другом в хороводе; голосование на заседаниях доведено до абсурда — все единогласно воздерживаются от него. Также разным высокопоставленным чиновникам отводится роль тех, кто успокаивает маркизу, говоря ей откровенную ложь. Самым ярким примером здесь выступает первый секретарь КП Узбекской ССР Рафик Нишанович Нишанов со своей «нишановской клубникой»: во время Ферганских погромов 1989 г. он отправлял в Москву ложные сведения о межэтнических столкновениях, заверяя, что конфликт произошёл на бытовой почве из-за обвеса клубникой на рынке [18]. При этом присвоенные ему слова из песни напрямую соотносятся с его докладами в Москву.

В конце мультфильма Дмитрий Тимофеевич Язов с безумными глазами, стоя за трибуной, из пулемёта расстреливает заседающих депутатов, союзные республики, саму маркизу. Августовский путч 1991 г. как бы ставит точку в истории Советского Союза, окончательно уничтожает надежду на его сохранение.

Присутствуют в мультфильме и яркие юмористические образы: Борис Николаевич Ельцина бросает в Волгу Степан Тимофеевич Разин. Знаменитый скандал с падением Б.Н. Ельцина с моста и последующая его драматизация и политизация обыгрываются с использованием отсылок к фильму «Понизовая вольница» 1908 г., что высмеивает весь фарс вокруг инцидента. Также высмеивается образ «добротного и человеческого Ленина», который буквально стал предметом домашнего обихода, превратившись в кукушку из настенных часов.

Другой яркой работой Р.А. Саакянца стал мультфильм «Выборы» 1993 г., созданный на основе песни армянского барда Рубена Леоновича Ахвердяна «Президентские выборы» 1991 г., эта песня используется в качестве звуковой дорожки, и она же иллюстрируется в интерпретации Р.А. Саакянца [6]. Это самое громкое политическое высказывание певца, которое стало ещё более известным благодаря мультфильму [16]. «Выборы» созданы в наиболее тяжёлый период истории современной Армении, в т.н. тёмные годы. После распада Советского Союза были нарушены старые экономические, транспортные и торговые связи, из-за начала Карабахской войны Армения оказалась в блокаде и была отрезана от поставок большинства ресурсов. Как результат, в течение нескольких лет регулярно отключалось электричество и отопление, распространились голод, безработица, были введены хлебные карточки. Сами «Выборы» рисовались Р.А. Саакянцем при свечном освещении в холодной квартире в Ереване [8]. Тяжёлые условия жизни вызвали массовую эмиграцию из Армении, около трети населения сбежало в то время из страны [2; 12].

На первый план Роберт Саакянц выдвинул библейский сюжет, всё повествование закольцовано на истории человека: сотворение его в огне, грехопадение, изгнание. Ранее мультипликатор уже поднимал религиозный вопрос, но здесь тот получил наибольшее развитие. Иллюстрируются разные смертные грехи современного человека, его отречение от бога: люди буквально спиливают крест с Иисусом

Христом на дрова. Особое внимание уделено разврату и греху прелюбодеяния — через сюрреалистические и нецензурные образы монашек, свадьбы, священников, одновременно показывается полная бездуховность, связанная с упадком авторитета церкви, сексуальная революция, похоть, которая заняла место возвышенных чувств. Один из ярчайших метафорических образов — песня Сатаны, держащего в руке весь мир. Бог покинул мир, и всей безумной жизнью управляет дьявол. Это практически иллюстрация фаустовских куплетов Мефистофеля: «Люди гибнут за металл, Сатана там правит бал». В конце мультфильма дана отсылка к легенде о Ное: не выдерживая настоящий ад на земле, на ковчеге спасается сама гора Арарат.

Особенно же трагически и печально изображается население Армении. Народ представлен как голодная, тёмная, бедная масса в лохмотьях. Отсутствуют какие-либо духовные идеалы, человеческая жизнь лишена цены. Единственная ценность — деньги, символами чего являются танцующий мешок, туго набитый, со ртом и в костюме, а также дети, изучающие в школах долларové купюры и цены на сникерсы. Это также показывает приход новых, западных ценностей, смену старой культуры и мышления [10, с. 173–174]. Судьба Армении изображается через памятник «Каскад» в Ереване, который буквально сгорает как свеча.

Развёрнуто представлена жёсткая политическая сатира на армянских чиновников. Собственно президентские выборы показаны как чехарда голов с одинаковыми губами (люди меняются, а суть власти остаётся та же). Высмеиваются бюрократия, коррупция, политики с манией величия, как генерал, который встал на пьедестал от только что снесённого памятника Владимира Ильича Ленина, что подчёркивает революционный характер эпохи [1, с. 54]. В качестве изобразительных средств используются тёмные цвета, показывающие общую беспросветность происходящего и отсутствие надежды, сюрреализм и безумие, чёрный юмор.

В начале 2000-х гг. Р. А. Саакянц всё реже прибегает к анимации как к возможности продемонстрировать общественные проблемы и выразить по ним свою точку зрения. Большая часть мультфильмов этого времени вновь вернулась к детской тематике, без какого-то политического или социального контекста, поэтому особого внимания заслуживает мультфильм «Я тоже армянин» [19], снятый в 2000 г. и ставший для самого автора «криком души» [8].

«Я тоже армянин» представляет собой изображение Армении 1990-х гг. и серьёзного кризиса, возникшего в результате событий Перестройки [11, с. 26–27; 14]. В работе Р. А. Саакянца соблюдена определённая достоверность в отношении мест событий: мультфильм начинается с того, что на экране представлен железнодорожный вокзал Еревана. Демонстрант на фоне памятника Давиду Сасунскому выражает недовольство вследствие несправедливого положения рядового армянина. Зритель наблюдает, как столицу страны покидает огромное

число людей, и это напрямую отсылает к историческим событиям 1990-х гг., когда наблюдался массовый отток населения [2]. Причём всем отъезжающим абсолютно неважно, куда они направляются, на что указывает маршрут поезда «Ереван — Край Земли». Процесс эмиграции, в свою очередь, сказывался на сокращении числа рабочих мест, как следствие, усиливались такие проблемы внутри Армении, как неравенство и бедность [10, с. 186].

Если вспомнить мультфильм «Ветер», можно предположить, что Р.А. Саакянц и здесь демонстрирует состояние государства через различные образы, только здесь он сравнивает государство не с бункером, а с поездом, движущимся в неизвестном направлении. Поезд мчится, а за окном проносятся авторские воспоминания о том, что происходило с Арменией в последние годы: военное противостояние, экономические проблемы и утратившая свой смысл дружба бывших советских республик. Всё это зритель наблюдает вместе с «настоящим натуральным простым человеком» [8], который оказался в вагоне поезда. Там же происходят различного рода метаморфозы: свет то пропадает, то появляется, символизируя закат одной эпохи истории страны и начало новой.

Пространство внутри вагона, которое окружает главного героя, к концу мультфильма сужается до малых размеров. Обычный человек оказывается притеснённым со всех сторон, в то время как политики и чиновники, едущие в роскошных вагонах в начале поезда, продолжают умножать своё благосостояние, забирая у государства природные ресурсы и богатства.

Однако мультфильм «Я тоже армянин» имеет одно важное отличие от других подобных работ Роберта Саакянца. Он предлагает свой сценарий возможного решения: мультипликатор видит надежду в том, что страну ещё можно вывести из катастрофы. Подтверждением тому служит последняя сцена мультфильма, когда главный герой берёт дело в свои руки, выходит из движущегося поезда и останавливает его на краю обрыва.

Итак, развивавшаяся прежде по пути иллюстрации национального фольклора армянская мультипликация стала с началом Перестройки постепенно затрагивать острые политические темы. Перестройка позволила художникам-мультипликаторам свободно высказываться на волнующие их политические темы, которые ранее нельзя было предавать огласке. Как результат, это привело к развитию и высвобождению творческого потенциала, что лучше всего заметно по фильмографии Р.А. Саакянца: посвятивший большую часть своих работ 1970-х — 1980-х гг. национальному фольклору, он к концу тех лет выходит за его пределы.

Роберт Саакянц выражал через мультфильмы свою личную позицию по кризисным событиям в Армении и СССР 1990-х гг., обсуждал проблемы, которые затронули его лично и всю армянскую мультипликацию в целом. Через карикатуру, абсурд, чёрный юмор и многочис-

ленные отсылки к Библии и истории Р.А. Саакянц обличал события Перестройки и внутренние проблемы молодой армянской республики. Мультфильмы автора этого периода отражают общий упадок культуры, морали, отсутствие надежды, но вместе с тем апеллируют к общечеловеческим ценностям, философии, религии. Художественным стилем иллюстрации обозреваемой эпохи стал сюрреализм, наилучшим образом отразивший творящееся в обществе безумие.

Список источников

1. Акопян А. О «советском» в контексте политики исторической памяти в Армении // *Postсоветское: дискурсы и практики*. Ереван, 2019. С. 50–66.
2. Аянц Э. Тёмные годы — Армения в начале 90-х // *Big Picture*. URL: <https://bigpicture.ru/temnyye-gody-armeniya-v-nachale-90-x> (дата обращения: 12.12.2022).
3. Баядян Г. О трансформациях понятия «национальный» в Советской Армении // *Postсоветское: дискурсы и практики*. Ереван, 2019. С. 38–48.
4. *Ветер* / реж. Р. Саакянц; комп. Ю. Харутюнян. Ереван, 1988. 20 мин.
5. *Всё хорошо!* / реж. Р. Саакянц; комп. Р. Амирханян. Ереван, 1991. 4 мин.
6. *Выборы* / реж. Р. Саакянц; комп. Р. Ахвердян. Ереван, 1994. 5 мин.
7. Двоян С. О политике преодоления последствий государственного насилия (советское наследие в независимой Армении) // *Postсоветское: дискурсы и практики*. Ереван, 2019. С. 154–169.
8. Интервью с Робертом Саакянцом // *ВКонтакте*. URL: https://vk.com/video-105195177_456239254 (дата обращения: 23.02.2023).
9. «Король» армянской мультипликации Роберт Саакянц: герой на все времена // *Sputnik*. Армения. URL: <https://clck.ru/33AgrA> (дата обращения: 22.12.2022).
10. Микаелян Г. Трудности постсоветского транзита Армении: разрыв ожиданий с реальностью, экономической спад и теневая экономика // *Postсоветское: дискурсы и практики*. Ереван, 2019. С. 170–195.
11. Муханов В. М. Армения без Союза: путь длиной в двадцатлетие // *Эволюция постсоветского пространства: прошлое, настоящее, будущее*. М., 2017. С. 24–28.
12. Пашияни Р. *Блокада.am*: сборник рассказов и воспоминаний о блокаде Армении в 1990-е гг. // *Блокада.am*. URL: http://www.blokada.am/p/blog-page_67.html (дата обращения: 16.02.2022).
13. Роберт Саакянц // *YouTube*. URL: <https://youtu.be/26fGCBg9FRQ> (дата обращения: 20.12.2022).
14. Роберт Саакянц. Хиппи, который вырос в великого мультипликатора // *LiveJournal*. URL: <https://clck.ru/33Agrp> (дата обращения: 24.12.2022).
15. Роберт Саакянц без синего моря и белой пены // *Filmpro*. URL: <https://www.filmpro.ru/materials/31745> (дата обращения: 16.02.2022).
16. Рубен Ахвердян // *Barev Today*. Всё об Армении. URL: <http://barev.today/news/rubenerevantsi> (дата обращения: 17.12.2022).
17. *Сапоги с зубами и люди-мухи на броневике: антиядерный манифест Роберта Саакянца* // *НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург*. URL: <https://spb.hse.ru/humart/svoimislovami/news/472855042.html> (дата обращения: 19.12.2022).
18. Штейнерт И. Ферганская резня // *Дилетант*. URL: <https://diletant.media/articles/45339143/> (дата обращения: 23.12.2022).
19. *Я тоже армянин* / реж. Р. Саакянц; комп. Р. Амирханян. Ереван, 2004. 12 мин.

Для цитирования:

Базунов Е. П., Карпусь В. А. Анимация как способ осмысления эпохи Перестройки и 90-х гг. XX в. (на примере творчества армянского мультипликатора Роберта Саакянца) // *Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции*. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. С.174–180.

**СССР КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН:
ОПЫТ МУЗЕЙНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

**USSR AS A HISTORICAL AND CULTURAL
PHENOMENON: EXPERIENCE OF MUSEUMS
INTERPRETATION**

Принципы устройства экспозиции Музея Бориса Ельцина и представленный в ней образ Перестройки

The principles of the arrangement of the exposition of the Museum of Boris Yeltsin and the image of Perestroika presented in it

Аннотация. В статье рассматриваются принципы устройства экспозиции Музея Бориса Ельцина. Коротко рассказывается о создании музея; подробно — о расположении экспонатов, этикетках, медиапрограммах. Иммерсивность музейного пространства выделена как одна из ключевых характеристик экспозиции. Отдельное внимание уделено образу Перестройки в музейном пространстве.

Ключевые слова: экспозиция; Перестройка; девяностые годы; Борис Ельцин; Михаил Горбачёв; иммерсивность.

Abstract. The article discusses the principles of organizing the exposition of the Boris Yeltsin Museum. Briefly about the creation of the Museum. In detail — about the location of exhibits, labels, media programs. The immersiveness of the museum space is singled out as one of the key characteristics of the exposition. Special attention is paid to the image of Perestroika in the museum space. About Perestroika in the museum is mentioned 4 times.

Keywords: exposition; Perestroika; nineties; Boris Yeltsin; Mikhail Gorbachev; freedom; immersiveness.

В 2008 г. президент Дмитрий Анатольевич Медведев подписал федеральный закон № 68 «О центрах исторического наследия президентов Российской Федерации, прекративших исполнение своих полномочий». 25 ноября 2015 г. открылся Президентский центр Б. Н. Ельцина в Екатеринбурге, названный в честь первого президента России Бориса Николаевича Ельцина. Составной частью президентского центра является Музей Бориса Ельцина. Цель Ельцин Центра — «изучение и публичное представление исторического наследия первого президента России как неотъемлемой части новейшей истории страны и освещение позитивного опыта государственного строительства» [9]. На создание музея был объявлен конкурс, в котором выиграло бюро музейного проектирования Ralph Appelbaum Associates (Нью-Йорк). Над проектом Музея Б. Н. Ельцина работала большая международная команда.

¹ Магистр аудиовизуальных коммуникаций, старший научный сотрудник Музея первого президента России Б. Н. Ельцина.

Master in Audiovisual Communications, Senior Researcher of the Museum of the first President of Russia B. N. Yeltsin.

Первая задача статьи — описать принципы устройства экспозиции музея; вторая задача — проанализировать, как и в каком объёме в музейном пространстве представлен образ Перестройки.

В музее представлены видеохроника, фотографии, артефакты, личные вещи и документы. Сильной стороной экспозиции на сегодня является большое количество оригиналов — около 80% от общего количества представленных источников. И только 20% — копии. Экспозиция музея метафорична. Над «драматургией» музейного пространства и его «сценарием» работал кинорежиссёр Павел Семёнович Лунгин. «Наше музейное повествование, — говорит П. С. Лунгин, — имеет пролог, завязку, развитие, кульминацию, разрешение и заключение. Лейтмотивом всей истории является идея свободы — свобода принятия решений, свобода действия, слова, свобода отказа от власти. Эта свобода идёт через полные драматизма события: путч, продовольственный кризис, тяжёлые экономические реформы, конституционный кризис, дефолт... Музей должен увлекать человека, манить, рассказывать что-то новое и в итоге приводить к катарсису. Поэтому при создании экспозиции использованы принципы драматургии и законы восприятия. Музей создавался нами, как фильм» [7].

Просчитывались возможные взаимодействия посетителя с музеем, его настроение и эмоции: где он, посетитель, может прочитать документ, выдвинуть витрину, посмотреть медиапрограмму, повернуть экспонат, послушать речь, открыть дверь, взять телефонную трубку и т.д. [8]. Отличительной особенностью музейного пространства является его иммерсивность — иначе говоря, оно построено таким образом, чтобы посетитель чувствовал себя участником событий. Пространство не назидает, не поучает — оно предлагает погрузиться в историю, увидеть её глазами очевидца. Экспозиция сверхсодержательна, но посетитель сам выбирает, с каким из её блоков взаимодействовать [2]. «Компания Ralph Appelbaum Associates занимается созданием не просто музеев, где собраны экспонаты, она создает атмосферу, настроение. Оно задаётся всеми известными нам способами: текстом, экспонатом, медиапрограммами, самой концепцией музея и его пространством» [8].

Музей создавался в уже существующем здании, его центральная часть изначально имела круглую форму — в ходе работы её концептуально осмыслили. На первом этаже музея находится экспозиция «Лабиринт истории». Через спиралевидное пространство пролегла «лента времени» — белая полоса на полу, на которую нанизаны все значимые события XX в. от Первой мировой войны до Перестройки. Вещи, документальные и художественные свидетельства (фильмы, плакаты, хроника, печатные издания) отражают исторический контекст столетия. В историю страны вписана история семьи Ельциных. Последний экспонат датирован 1987 г. — это своеобразный пролог к экспозиции второго этажа. Значительная доля экспозиции посвящена истории XX в., чтобы не изучать 1990-е гг. в отрыве от исторического контекста.

Круглое пространство экспозиции второго этажа поделено на семь сегментов, объединенных президентской площадью и дополненных залом Свободы. В плане этот этаж похож на шестерёнку. Семь сегментов символизируют семь судьбоносных дней из жизни президента и его эпохи в новейшей истории страны [3]. В экспозиции применён принцип противопоставления. Например, в зале, посвящённом Октябрьскому пленуму 21 октября 1987 г., есть стена «осуждения» членами партийной элиты крамольной речи Б.Н. Ельцина, но напротив находится стена народной поддержки. Еще один пример: гладкая стена с хроникой Чеченской войны, и напротив — изломанная поверхность, где в пулевых отверстиях — человеческое измерение войны. Уютная московская квартира и — колкие баррикады.

При включении экспоната в экспозицию оценивалось его соответствие общей концепции [7]: например, газеты «Союзпечати», из которых мы узнаем о референдуме 1993 г.; персонажи программы «Куклы» в витрине «Свобода слова» и др. Экспонат нужен не только для того, чтобы мы увидели, как, например, выглядел советский приёмник, но и для того, чтобы он стал частью общего повествования: через радиоприёмник мы слышим новостные сводки радио «Свобода», — и др. примеры. В музее предусмотрен сквозной элемент экспозиции — зеркальные витрины свобод, где процитированы указы или законы, касающиеся свободы слова, предпринимательства, объединений, передвижения, вероисповедания. Вся экспозиция построена таким образом, что ее можно мобильно обновлять, оставаясь в рамках заданной концепции. В каждую витрину, с одной стороны, помещены узнаваемые сюжеты, с другой — частные микро-истории, истории повседневности [5].

Музейные тексты имеют свою иерархию, символику цвета, формы и размера [4]. На входе в каждый зал есть название экспозиции и большой вводный текст. В каждом зале есть хроника событий. Верхняя часть — цитата Б.Н. Ельцина. Ниже — небольшие фактологические тексты. Есть цитаты современников — они нанесены на поверхность, похожую на книгу. Этикетка — отдельный жанр и важная составляющая музейного пространства. В этикетках даются расширенные пояснения и социокультурный контекст событий.

Особую роль в Музее Б.Н. Ельцина играют медиапрограммы: они усиливают эффект погружения посетителя в атмосферу представленного времени [1]. Медиапрограммы работают только в общем контексте экспозиции и взаимосвязаны с экспонатами. «Короткометражные документальные фильмы, большие медиаинсталляции, видео- и аудиointервью очевидцев заставляют посетителя испытывать те эмоции, которые переживали современники происходящих событий» [6]. Посетитель — активный субъект. Он может взаимодействовать с экспозицией: выдвигать витрины, открывать двери, занять кресло в Зале Пленумов 14-го корпуса Кремля, поворо-

чивать фотографии, снимать телефонные трубки, заглядывать в пулевые отверстия. Может записать радиообращение, видеообращение, которые смогут стать частью экспозиции.

Уделим внимание «сценографии» показа Перестройки. О Перестройке в музее «говорится» четыре раза: в главе «Перестройка», в витрине «Глава Московского горкома» (экспозиция «Лабиринт истории»), в залах «День первый» и «День второй» (экспозиция «Семь дней, которые изменили Россию»).

Эпиграфом к главе «Перестройка» взяты слова из песни В. Р. Цоя «Перемены требуют наши сердца». Глава устроена таким же образом, как и другие главы «Лабиринта»: одна витрина представляет официальный взгляд того времени на происходящие события, другая показывает изменения в повседневности. Ряд крупных изображений вокруг витрин освещены при помощи разной подсветки. Те изображения, что светятся изнутри, говорят нам об официальной версии событий. Изображения, на которые свет падает сверху, показывают нам эпизоды реальности без прикрас. Это и горькие и славные страницы истории. Музейная экспозиция не даёт оценок эпохе. Как художественное произведение, она рождает разные интерпретации. Содержание данного раздела составляют знаковые эпизоды и процессы Перестройки: Чернобыльская авария, выступление Андрея Дмитриевича Сахарова на Съезде народных депутатов, гласность, тбилисские события, «новое мышление», антиалкогольная кампания, десталинизация и появление демократических движений. При этом в главе демонстрируется контраст между сохраняющейся инерцией советской системы и новыми явлениями.

В достаточно ограниченном по площади пространстве авторы экспозиции постарались передать многоаспектность и противоречивость периода (как и в других главах). Можно сделать вывод, что экспозиция сообщает посетителю: Перестройка — это революционное время, когда в СССР была заложена основа для демократии и произошло переосмысление советского прошлого; время новых возможностей и испытаний, когда старые нерешённые экономические и национальные проблемы достигли своего апогея; время небывалой на тот момент свободы слова и совести.

Рядом с главой «Перестройка» в витрине «линии Бориса Ельцина» представлен локальный сюжет «Глава Московского горкома». Витрина рассказывает о назначении Б. Н. Ельцина на должность первого секретаря Московского горкома партии и его работе. На наш взгляд, витрина не раскрывает суть работы «перестроечного» политика при самостоятельном знакомстве с экспозицией, без экскурсии: в витрине нет экспонатов о борьбе с партийными привилегиями, о борьбе с коррупцией, кадровых чистках.

Следующая витрина представляет письмо Б. Н. Ельцина Михаилу Сергеевичу Горбачёву 12 сентября 1987 г. Именно этот доку-

мент как нельзя лучше показывает мировоззрение человека, который старался претворить идеи Перестройки в жизнь. Письмо дано в виде экспоната, переложено в машинописный текст и перенесено в медиа-программу, где реконструирован процесс его написания. Восприятие документа дополнено инструментальной музыкой. Письмо — это откровение, размышление о значении, ходе реализации Перестройки и причинах «застойных» явлений. Является письмо и точкой невозврата — в нём Б. Н. Ельцин просит об отставке. На этом «Лабиринт истории» заканчивается, впереди ждёт экспозиция «Семь дней, которые изменили Россию».

Первая половина зала «День первый. Мы ждём перемен» посвящена Октябрьскому Пленуму 1987 г., где Б. Н. Ельцин выступил с тезисами письма перед своими коллегами в канун 70-летия Октябрьской революции. Посетитель может занять своё место в Мраморном зале — перед ним как будто выступает Б. Н. Ельцин. С одной стороны, экспозиция показывает косность партаппарата и осуждение поступка со стороны коллег, с другой — широкую народную поддержку (письма, митинги, пикеты), что тоже является результатом политики Перестройки.

Во второй половине зала повторяется приём из «Лабиринта»: Перестройка дана широкими яркими мазками и через локальную историю «перестроечного» политика. Неожиданно посетитель попадает на «троллейбусную остановку», где представлены экспонаты, раскрывающие стиль работы публичного политика Б. Н. Ельцина на посту главы Московского горкома: встречи с новосёлами, рабочими, решение проблем продовольственного дефицита, нехватки транспорта, разработка нового генплана Москвы. Яркий артефакт эпохи — настоящий троллейбус. Из окон мы видим Москву конца 1980-х — начала 1990-х гг., а в салоне транслируется программа о Б. Н. Ельцине, в которой даётся краткий обзор биографии и обсуждается выступление политика на Октябрьском Пленуме. Таким образом, посетитель погружается в атмосферу времени и суть конкретных событий, чувствует себя их участником, глубже понимает момент и характер Б. Н. Ельцина: иначе он поступить не мог.

Выходя из троллейбуса, мы видим «стену Цоя». На ней мозаика экспонатов сгруппирована в линии «Литература», «Музыка», «Театр», «Неформалы», «Политические дискуссии». За короткое время Перестройки общественная жизнь заиграла новыми красками. С ослаблением цензуры начинает звучать многоголосье позиций и взглядов. Мы узнаём об отмене однопартийности, о всплеске гражданской активности, о возвращённых и новых именах. На экране собрана видеонарезка узнаваемых образов Перестройки под песню «Перемен требуют наши сердца». На наш взгляд, культура и общественная жизнь — это важный сюжет для понимания революционности Перестройки и её демократического запала. Здесь на физическом уровне чувствуется, как много в экспозиции воздуха.

Напротив этой стены в хронологической последовательности представлен не менее важный сюжет — политические изменения. Здесь линия Б. Н. Ельцина тесно сплетается с общей канвой: XIX партконференция, выборы народных депутатов СССР, выборы народных депутатов РСФСР, выборы в Верховный совет, парад суверенитетов, XXVIII Съезд, выборы президента РСФСР. Время уплотняется. Авторам экспозиции пришлось минималистично структурировать контент, подсвечивать наиболее судьбоносные сюжеты, чтобы сделать разговор о Перестройке максимально полным и в то же время не перегруженным в имеющихся условиях.

Таким образом, это ключевой зал для понимания сути Перестройки. Посетитель воочию наблюдает, как за короткий промежуток времени общественная жизнь меняется до неузнаваемости: невозможное становится возможным, а полученные свободы запускают неконтролируемые процессы.

Первая половина зала «День второй. Августовский путч» — уютная советская квартира, где много узнаваемых атрибутов, — неизменно вызывает у посетителей яркие и позитивные эмоции. Когда люди устраиваются в кресле или на диване и начинают смотреть выпуск новостей, отрывки из балета «Лебединое озеро» или слушать радиопередачи, они погружаются в пространство тревожных известий: в стране государственный переворот. Внезапно звонит телефон. Подняв телефонную трубку, можно поучаствовать в типичном для того дня разговоре: что происходит в стране и что делать. В шкафу можно обнаружить фотографии и личные вещи трёх молодых людей, которые погибли в ночь на 21 августа, защищая ценности свободы и закона: Илья Маратович Кричевский, Владимир Александрович Усов и Дмитрий Алексеевич Комарь. Таков зачин истории об Августовском путче. Каждый оказывается перед выбором: остаться в безопасном доме или пойти протестовать против переворота.

Открывая входную дверь, посетитель оказывается на московской улице. Перед ним расположено достаточно точная реконструкция баррикад и на огромном панорамном экране разворачивается видеохроника событий путча. Масштаб образов, звуки танков и голосов оглушают. За спиной — хроника событий в экспонатах: народное единение, осуждение антиконституционного переворота, сопротивление, погибшие. Возможно, именно эту экспозицию можно считать кульминацией рассказа о Перестройке.

Третья часть зала контрастирует и по масштабу (камерность) и по настроению (освещение, музыкальное сопровождение). В ней мы говорим о последствиях путча, который стал катализатором распада СССР. На полу — водораздел «СССР — Россия». Медиапрограмма показывает, как в дни путча и сразу после него союзные республики объявляют о независимости. В выдвинутой витрине находится подлинный экземпляр договора о создании Союза Суверенных Государств, подписание которого сорвал путч и тем самым погубил попытку со-

хранения СССР в новом формате. Посетителю доступны экспонаты о создании СНГ, уходе в отставку М.С.Горбачёва, решении вопроса о ядерном оружии, планшеты о первых годах постсоветских республик, оригинальный флаг Российской Федерации, который подняли над Кремлём 25 декабря 1991 г. вместо советского флага. Так заканчивается разговор не только о Перестройке, но и о СССР вообще. Далее мы переходим к первым шагам независимой России.

Сильная иммерсивная экспозиция помогает посетителю понять мотивы, риски и последствия решений и поступков разных людей: и тех, кто совершил попытку госпереворота, и защитников демократии, проявивших гражданскую волю, и тех, кто принял на себя ответственность за юридическое оформление распада СССР.

Подытожим особенности Музея Б.Н.Ельцина: многообразие и согласие музейных подходов, учёт особенностей восприятия и удержания внимания посетителя, возможность взаимодействия с экспозицией, иммерсивность и символичность пространства, связность исторического материала. Так, предвзято основной разговор о 1990-х гг., авторы экспозиции дали экскурс в XX век, провели линию, посвящённую Б.Н.Ельцину. Особое внимание авторы уделили Перестройке и политике М.С.Горбачёва как закономерному результату развития советского общества, революционному времени перемен и фундаменту демократических преобразований в Российской Федерации.

Перестройке посвящено четыре музейных экспозиции. Можно сказать, что по сравнению со всеми рассматриваемыми в Музее периодами до 1990-х гг., именно Перестройке уделено наибольшее внимание, сопоставимое с вниманием к 1990-м гг. Таким образом, авторы экспозиции показали важность, революционность и неоднозначность этого периода, с которого стартуют 1990-е гг.

Список источников

1. Интервью Визинберга Я.В. (режиссёр мультимедийных проектов) в рамках круглого стола «Музей и современные технологии: слов стандарты». 1 февраля 2016 г. Расшифровка аудиозаписи // Личный архив автора.
2. Интервью Евдокимовой И.В. (первый директор Музея Б.Н.Ельцина) в рамках круглого стола «Музей и современные технологии: слов стандарты». 1 февраля 2016 г. Расшифровка аудиозаписи // Личный архив автора.
3. Интервью Лунгина П.С. (российский кинорежиссёр) в рамках круглого стола «Музей и современные технологии: слов стандарты». 1 февраля 2016 г. Расшифровка аудиозаписи // Личный архив автора.
4. Интервью Минаева Б.Д. (писатель и биограф, автор музейных этикеток) в рамках круглого стола «Музей и современные технологии: слов стандарты» 1 февраля 2016 г. Расшифровка аудиозаписи // Личный архив автора.
5. Интервью Пушмина Д.А. (руководитель Архива Ельцин Центра) в рамках круглого стола «Музей и современные технологии: слов стандарты». 1 февраля 2016 г. Расшифровка аудиозаписи // Личный архив автора.
6. Интервью Пышкиной М. (контент-менеджер) в рамках круглого стола «Музей и современные технологии: слов стандарты». 1 февраля 2016 г. Расшифровка аудиозаписи // Личный архив автора.

7. Интервью Ханина Л. (проектный директор компании Ralph Appelbaum Associates) в рамках круглого стола «Музей и современные технологии: слом стандартов». 1 февраля 2016 г. Расшифровка аудиозаписи // Личный архив автора.

8. Интервью Шрага Е. (проектный менеджер компании Ralph Appelbaum Associates) в рамках круглого стола «Музей и современные технологии: слом стандартов». 1 февраля 2016 г. Расшифровка аудиозаписи // Личный архив автора.

9. Концепция Центра Ельцина в Екатеринбурге: борьба идей и проектов // Президентский центр Бориса Николаевича Ельцина. URL: <http://www.yeltsincenter.ru/news/article/kontseptsiya-tsentra-eltsina-v-ekaterinburge-borba-idei-i-proektov> (дата обращения: 05.10.2022).

Для цитирования:

Лопата А. С. Принципы устройства экспозиции Музея Бориса Ельцина и представленный в ней образ Перестройки // Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. С.183–190.

Отображение советской реальности в современном музейном пространстве: СССР в постмузее

The representation of Soviet reality in the modern museum space: The USSR in the post museum

***Аннотация.** Коллективное переживание прошлого и история как элемент политики памяти давно стали одними из основополагающих принципов построения современной государственной идеологии. Эта тенденция совпала с общим переустройством музейного пространства как отдельного института сферы культуры. Современный музей приобрёл новые цели и методы репрезентации, а историческая политика — новые поля для переосмысления. Взаимодействию этих двух тенденций современной реальности будет посвящена эта статья.*

***Ключевые слова:** музей; постмузей; политика памяти; историческая политика, коммеморация; СССР; советское прошлое.*

***Abstract.** Collective experience of the past and history as an element of memory politics have long been one of the fundamental principles of building a modern state ideology. This trend coincided with the general restructuring of the museum space as a separate institution of the cultural sphere. The modern museum has acquired new goals and methods of representation, and historical politics — new fields for rethinking. This article will be devoted to the interaction of these two trends in modern reality.*

***Keywords:** Museum; postmuseum; politics of memory; historical politics; commemoration; USSR; Soviet past.*

Современный музей как один из «агентов» коммеморации — политики, направленной на закрепление в коллективной памяти определённых образов и исторических событий, — в современном мире подвержен влиянию новых трендов, таких как цифровизация музейного пространства, активное включение в работу музеев медиакоммуникаций, организация образовательных мероприятий в формате круглых столов, лекций и бесед. Вместе эти и другие новые тенденции в музейной деятельности носят название «постмузей».

Впервые сам концепт постмузея был предложен Ребеккой Дюкло[18, с. 12] в 1994 г. в контексте новой научной дисциплины — постмузеологии. Основной задачей новой науки предполагалось расширение представлений об изменениях в музейном пространстве и тесной связи этих изменений с концепцией постмодерна — одной из главных черт культуры XX в. Главной составляющей в определе-

¹ МГИМО МИД России, факультет международных отношений, II курс бакалавриата.
Moscow State Institute of International Relations, School of International Relations, 2nd year of Bachelor's degree.

нии постмузея для Р.Дюкло было следование основному принципу постмодерна: в противовес привычному восприятию реципиентами внешних источников информации реальность постмодерна предлагала им воспроизвести собственные концепты восприятия существующих источников, то есть формально создать новые источники. Таким образом, по мнению Р.Дюкло, целью постмузея является не простое наблюдение посетителей за сконструированной для них посредством экспонатов реальностью, а воспроизведение своей собственной системы символов и смыслов. В этом вопросе стоит обратиться к работе М.Фуко[15, с. 121], в которой он выделяет т.н. «гетеротопные пространства» — пространства на пересечении смысловых линий культуры, «своего рода фактически реализованные утопии, в которых реальные местоположения..., какие можно найти в рамках культуры, сразу и представляются, и оспариваются, и переворачиваются: места, находимые за пределами всех других мест». Именно таким гетеротопным пространством М.Фуко считает новый тип музея, появившийся во второй половине XX в. В музейном пространстве проводятся эксперименты, попытки репрезентации реальности. Б.Лорд, развивая концепцию М.Фуко, подчёркивает особую роль современного музейного пространства как места формирования новых смыслов. Кроме упомянутых авторов, концепт постмузея в той или иной степени использовался и анализировался Э.Хупер-Гринхилл, Р.Бартом, Ж.Дерридой, Ж.Бодрийяром, В.С.Библером, М.Мерло-Понти, А.М.Балаш и др.[8, с. 134]

Более узкий вопрос репрезентации советского прошлого в современном музейном пространстве также широко освещён в научной литературе. Так, И.А.Морозов и И.С.Слепцова выделяют несколько основных направлений музейной деятельности, уделяя особое внимание изображению советской эпохи в бывших странах соцлагеря [10, с. 196]. Р.Н.Абрамов рассматривает особенности музейной деятельности, связанной с советским прошлым, на примере музея советских игровых автоматов как одной из форм взаимодействия поколений через одинаково близкие и привычные каждому из них формы деятельности [2, с. 245]. Р.Н.Абрамов связывает особенности конструирования музейной реальности с восприятием музея как одного из главных агентов формирования коллективной памяти, неразрывно связанного с «местами памяти» — кладбищами, мемориалами, музеями-квартирами и др. М.Ю.Тимофеев связывает тенденцию к стремительному увеличению количества частных музеев с лакунами в музейной деятельности из-за отсутствия «локальности» музейных экспозиций. Так, в наше время место расположения музея всё чаще определяет не историческая аутентичность — его определяют коммерческие вопросы, связанные с удалённостью от транспортных путей, доступностью, размерами помещения, его функциональностью и т.п. [2, с. 267]

В современном музее выделяется несколько тенденций. Во-первых, особое внимание уделяется музею как таковому. Из простого

«хранилища ценностей» или, если возвращаться к истокам музейного дела, частной коллекции влиятельного человека музей превращается в самостоятельное пространство с собственной политикой и формой общения с посетителями. В современных музеях «идея» стала важнее, чем «предмет», т.е. фактически сам экспонат как центральный смысловой элемент в музее отходит на второй план и из «святыни» на постаменте за семью зеркалами превращается в декорацию, необходимую для заполнения музейного пространства и формирования у посетителя новой реальности [13, с. 45].

Ещё одной важной чертой музейной деятельности сегодня является активное устройство выставок. З.А.Бонами отмечала, что в современном мире именно в выставках, а не в постоянных экспозициях часто выражается основной концепт музея [4, с. 78]. Это можно объяснить как динамичностью современного мира, так и большей включённостью музеев в политическую сферу, частые изменения в которой требуют быстрой смены декораций и расставления новых акцентов, чему и способствует открытие новых тематических выставок. Кроме того, часто музеи, воспринимая новые веяния, однако не находя возможностей для кардинальной трансформации в соответствии с потребностями аудитории, пытаются следовать трендам в организации временных выставок. Выставки, таким образом, выступают в роли показателей приобщения законсервированного по своей сути музейного пространства к изменяющимся тенденциям организации музеев. Так, например, вместе со статичной постоянной экспозицией в Эрмитаже не так давно проводилась выставка коллекции Сергея Ивановича Щукина, полностью воссоздающая планировку квартиры мецената и таким образом превращающая простой набор картин в особое пространство, служащее одновременно источником информации и порталом погружения посетителей в новую реальность [4, с. 134].

Важным фактором в постмузее является и практически тотальная коммерциализация музейного пространства. Всё, начиная от сувенирного магазина и заканчивая уже практически обязательным элементом музея — кафе или рестораном, направлено на извлечение коммерческой выгоды. С этим фактором неразрывно связан ещё один важный элемент в современном музее — ориентация на массового посетителя. Такой подход во многом закрепился ещё в начале XX в., когда под сильным влиянием идеологий как главных составляющих политического дискурса музей стал играть роль «агента политики памяти». Однако именно в начале XXI столетия начинается курс на популяризацию музеев как наиболее доступную и открытую форму расширения кругозора и образования молодого поколения [7, с. 84].

Актуальным вопросом отечественной музеологии была и остаётся проблема отображения советской эпохи в современной постмузейной экспозиции. В этом аспекте стоит упомянуть о том, что одной из задач для работников музейной сферы является адаптация

уже существующих музейных пространств под новые общественные запросы, ведь многие музеи, посвящённые тем или иным событиям советской истории, создавались ещё во времена СССР. К ним относятся, например, Государственный музей политической истории России в Санкт-Петербурге, изначально создававшийся как музей русской революции [5], или ныне упразднённый музей Ленина в здании городской Думы в Москве.

С одной стороны, музей сейчас — это средство сокращения пропасти между современной Россией и СССР, их знакомства и столкновения. Этот аспект музейной деятельности, посвящённой советской эпохе, Н. Р. Абрамов относит к «ностальгическим» — вызывающим добрые воспоминания о «светлом советском прошлом», времени юности и детства старшего поколения [1, с. 67]. Музеи, использующие этот дискурс, чаще всего делятся на два типа: первый — музеи и выставки, посвящённые достижениям советского времени, демонстрирующие мощь советской промышленности и техники, достижения в научной сфере, освоение космоса. К таким музеям можно отнести, например, Музей современной истории России в Москве [9], музей «Страна советов», Музей индустриальной культуры, выставку в Музее Москвы, посвящённая электрификации, и многие другие; другой тип музейных пространств, отсылающих к этому же историческому дискурсу, — музеи советского быта. Зачастую это частные музеи, напоминающие по формату больше лавку старьевщика. Собственно, чаще всего такие музеи и располагаются в мемориальных квартирах. Иногда это бывают квартиры известных деятелей, такие, как, например, мемориальная квартира М. А. Булгакова в Москве или музей-квартира С. М. Кирова в Санкт-Петербурге. М. Ю. Тимофеевна примере музея советского быта в Казани доказывает, что сама идея музеев советского быта, чаще всего расположенных в провинциях, явно выявляет изменение в восприятии экспоната как такого [14]. Керосиновые лампы, импортные жвачки, швейные машинки, примусы и партбилеты не обладают самоценностью. Для людей младшего поколения они вообще не несут в себе смысловой нагрузки, они необходимы только для создания общей атмосферы. Кроме того, как писал С. Ю. Бойм [3, с. 65], главная задача музейщиков в этой сфере — не фактуализация прошлого, а создание ностальгического эффекта, попытка напомнить представителям старшего поколения об их юности и познакомить с ней детей.

Вторым направлением, используемым организаторами музейных пространств сегодня, можно назвать «рефлексивное», связанное с переосмыслением советского опыта и попытками залечить коллективные травмы. Это, прежде всего, касается части советской истории, связанной с Гражданской войной, трудовыми лагерями, репрессиями, «железным занавесом», кризисом 90-х гг. Целью таких музеев, как Музей истории ГУЛАГа (Москва), Память Колымы (Магадан), Музей жертв политических репрессий (Шымкент) и т. д., является отображение закулисной истории яркого занавеса советской повседневности.

Как правило, в таких музеях акцент переносится на эмоциональное восприятие прошлого. Так, например, в Музее истории ГУЛАГа в первом же зале посетителей встречает композиция из нескольких расставленных по углам комнаты дверей из трудовых лагерей, в другом зале — инсталляция из разбросанных по полу гильз от патронов, символизирующих сталинские чистки. Всё это не только даёт посетителям представление об исторических событиях, но и формирует определённое отношение к конкретной эпохе.

Этот же дискурс особенно популярен в музеях, посвящённых советской эпохе за рубежом, в странах бывшего социалистического блока или членах СССР. Так, хоть Музей коммунизма в Праге, судя по описанию на сайте, и предлагает посетителям всю ретроспективу советской эпохи, в интерьере преобладают тёмные тона, вслед за залами с ретроавтомобилями посетителя встречают обнесённые колючей проволокой макеты лагерных камер и допросных, а на рекламном постере музея изображена матрёшка с угрожающим оскалом [16]. Эту же линию, только гораздо радикальнее, продолжают прибалтийские музеи, оформленные в чёрно-красных тонах. На стенах — фотографии радостной встречи жителями Риги немецких солдат, освобождающих их от советской оккупации, баннеры “Russia get out of Estonia, Latvia, Lithuania”. Подобную направленность имеет и Музей оккупации в Будапеште, расположенный в бывшем здании КГБ. Застенки, колючая проволока, красно-чёрная стена, пополам разделяющая период оккупации на «фашистский» и «коммунистический» призваны погрузить посетителя в угнетающую атмосферу коммунистического плена. Однако Н. Р. Абрамов высказывал интересную мысль о том, что, вопреки ожиданиям музейщиков, из-за излишней театральности экспозиции и обилия декораций советская эпоха в таких музеях начинает притягивать, как театральное действо [2, с. 56]. Интересно при этом, что практически диаметрально противоположный по атмосфере и направленности Музей коммунизма существует в Варшаве. Ретроавтомобили, буфет с пирожками, выцветшие фотокарточки, уютная кухня и старенький велосипед — всё это стоит отнестись скорее к первому типу ностальгического направления в репрезентации советского прошлого. Такая кардинальная разница в изображении и восприятии жизни при социализме может быть обусловлена историческим дискурсом Польши, в котором в негативных тонах рисуется скорее период Российской империи, чем СССР [16].

Таким образом, на современном этапе музеи, репрезентующие советскую реальность, отличаются двумя главными особенностями: первая — необходимость совместить в себе тенденции современной музейной деятельности (самостоятельность музея как культурного актора, его независимость) и вовлечение музейной сферы в «политику памяти»; вторая — учёт разности поколений посетителей и, как следствие, особый подход к репрезентации экспонатов и исторических событий, вызывающих у части посетителей личные воспоминания.

Список источников

1. Абрамов Р. Н. Музеефикация советского. Историческая травма или ностальгия? // Человек. 2013. № 5. С. 99–111.
2. Абрамов Р. Н. Музеефикация советского: между барахолкой и винтажным салоном // Музей. 2013. № 6. С. 8–11.
3. Бойм С. Ю. Общие места: мифология повседневной жизни // Москва: Новое лит. обозрение, 2002. 320 с.
4. Бонами З. А. Как читать и понимать музей. Философия музея // Москва: АСТ, 2018. 330 с.
5. Государственный музей политической истории России. URL: <https://polithistory.ru> (дата обращения: 06.10.2022).
6. Каспэ И. М. Съесть прошлое: идеология и повседневность гастрономической ностальгии // Пути России. Культура — общество — человек: материалы XV международного симпозиума. Москва: Логос, 2008. С. 205–218.
7. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930 годы // СПб.: Летний Сад, 1999. 320 с.
8. Музей — памятник — наследие. № 1(3). 2018.
9. Музей современной истории России. URL: <https://sovrhistory.ru/> (дата обращения: 06.10.2022).
10. Морозов И. А., Слепцова И. С. С пристрастием взглядываясь в прошлое: «ад» и «рай» советской эпохи в современных музейных нарративах // Журнал социологии и социальной антропологии, 2020. № 23 (5). С. 195–224.
11. Сорин-Чайков Н., Соснина О. Постсоциализм как хронотоп: постсоветская публика на выставке «Дары вождям» // Неприкосновенный запас. 2009. № 2. С. 207–226.
12. Тимофеев М. Ю. Коммунизм как аттракцион: семантические игры с прошлым // Известия высших учебных заведений. Серия: гуманитарные науки. 2012. Т. 3. № 2. С. 99–104.
13. Тимофеев М. Ю. Музеефикация советского периода (случай музея социалистического быта в Казани) // Бурлынский альманах. 2014. № 1. С. 48–52.
14. Ушакин С. А. Отстраивая историю: советское прошлое сегодня // Неприкосновенный запас. 2011. № 6 (80). С. 10–16.
15. Фуко М. Другие пространства // Он же. Интеллектуалы и власть. М.: Практикс, 2006. Ч. 3. Статьи и интервью. 1970–1984
16. Muzeum Komünizmi. URL: <https://muzeumkomunizmu.cz/cs> (дата обращения: 06.10.2022).
17. Cook R. F. “Good Bye, Lenin!”: Free-Market Nostalgia for Socialist Consumerism // A Journal of Germanic Studies. 2007. Vol. 2. P. 206–219.
18. Duclos R. Postmodern... Postmuseum: new directions in contemporary museological critique // Museological Review. 1994. Vol. 1. P. 1–13.
19. Sherman D. The Construction of Memory in Interwar France // Chicago: The University of Chicago Press, 1999. 448 p.
20. Turai H. Past Unmastered Hot and Cold Memory in Hungary // Third Text. 2009. Vol. 23. P. 97–106.

Для цитирования:

Китаева Т. С. Отображение советской реальности в современном музейном пространстве: СССР в постмузее // Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. С. 191–196.

Жидченко Александр Владимирович | Zhidchenko Alexander Vladimirovich¹

Реконструкция образа Перестройки в провинциальных музейных экспозициях²

Reconstruction of the image of Perestroika in provincial museum expositions

Аннотация. Статья посвящена анализу экспозиций трех крупных региональных российских краеведческих музеев на предмет отражения темы Перестройки как периода в российской истории. Анализ показал, что столь важный и решающий период, во многом определивший политический и социально-экономический портрет современной России, даже спустя более 30 лет после начала Перестройки, в современных музейных экспозициях представлен фрагментарно. Однако яркие образы рубежа 1980–1990-х гг. в музеях вызывают живой отклик посетителей, что становится причиной обращения большего влияния музейного сообщества на его обязательную реконструкцию в исторических музейных экспозициях.

Ключевые слова: Перестройка; гласность; повседневность; музеи; история СССР.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the expositions of three large regional Russian museums of local lore in order to reflect the theme of Perestroika as a period in Russian history. The analysis showed that such an important and decisive period, which largely determined the political and socio-economic portrait of modern Russia, even more than 30 years after the start of Perestroika, is presented in fragments in modern museum expositions. However, vivid images of the turn of the 1980–90s. in museums, they evoke a lively response from visitors, which becomes the reason for the greater influence of the museum community on its obligatory reconstruction in historical museum expositions.

Keywords: Perestroika; glasnost; everyday life; museums; history of the USSR.

Общий тон в формировании образов Перестройки сквозь призм музейных экспозиций задают крупнейшие российские музеи, посвященные политической истории страны XX в. В первую очередь это Государственный центральный музей современной истории России, Государственный музей политической истории России, Музей Бориса Ельцина в Ельцин Центре и др.

¹ Канд. ист. наук, старший научный сотрудник Центра гендерных исследований ин-та этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН.

Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow, Center for Gender Studies, Institute of Ethnology and Anthropology, N. N. Miklukho-Maclay RAS.

² Подготовлено по плану НИР ИЭА РАН и в рамках проекта РФФИ 19–09–00191 «Женская социальная память как консолидирующий потенциал многопоколенной семьи, укрепления государственности и российской нации».

Однако в предлагаемой работе мы обратимся к нескольким региональным краеведческим музеям и постараемся проанализировать экспозиционный ряд, с помощью которого формируется образ Перестройки у посетителей — представителей разных поколений. Провинциальные музейные экспозиции, в отличие от федеральных российских музеев, реже входят в орбиту исследований ученых, хотя именно они, провинциальные экспозиции, формируют исторические образы у представителей молодого поколения (как правило, школьники в процессе обучения посещают экспозиции региональных краеведческих музеев). Это означает, что музеи становятся первичными инструментами формирования социальной исторической памяти вместе со школьным образованием, средствами массовой информации и массовой культуры, памятниками и памятным местами, устной историей и т.д.

Стоит отметить, что наличие в основной экспозиции региональных музеев отдела или стенда, связанного с Перестройкой, является факультативным, и большинство музеев (согласно традиции 1980-х гг.) заканчивают экспозиционный ряд периодом Великой Отечественной войны.

Подобное исследование проводится впервые, и оно проведено на материалах экспозиций трех российских музеев: Мордовский республиканский объединённый краеведческий музей имени И. Д. Воронина (МРКМ им. И. Д. Воронина), ГУК «Саратовский областной музей краеведения» (СОМК), а также Омский государственный историко-краеведческий музей (ОГИК музей). Подобная региональная выборка (два музея в Поволжье и один в Сибири) обусловлена территориальными особенностями (традиции музейного дела в европейской части России и за Уралом) и особенностями политической истории конца XX в. в регионах в зависимости от конституционно-правового статуса (2 области и 1 республика). Существенно сужает выборку названный выше аспект, согласно которому далеко не во всех современных региональных музейных экспозициях представлен период Перестройки (многие экспозиции краеведческих музеев завершаются периодом Великой Отечественной войны или даже началом XX в. с выносом темы войны 1941–1945 гг. в отдельную экспозицию). Важным моментом обоснования выборки также является доступность источников. Без возможности личного обследования краеведческих музеев всех субъектов Российской Федерации для исследования был необходим открытый доступ ко всем разделам экспозиций на официальных сайтах музеев или управляющих структур (например, регионального министерства культуры или иного курирующего ведомства).

Нашей условной целью исследования станет ответ на вопрос, является ли предметный ряд региональных экспозиций реальным отражением образов сложного и противоречивого периода Перестройки как для поколения, пережившего Перестройку, так и для поколения, родившегося в новой России.

Особенностям конструирования пространства повседневности в музейных экспозициях, а также проблемам репрезентации и сохранения исторической памяти посвятили свои работы многие представители европейской и американской гуманитарной науки. В их числе можно отметить работы Margaret Huber [16], Sharon Macdonald [17], Silke Arnold-de-Simine [14], Greg Dickinson [15], Marta Anico [12], Robert Archibald [13], Sheila Watson [18] и др.

В настоящее время в российской историографии музейные экспозиции в качестве инструмента сохранения и трансляции социальной памяти стали объектом изучения многих историков, антропологов и представителей других наук, работающих в рамках междисциплинарного проблемного поля. Стоит выделить работы З.А. Овчинниковой [6], И.Н. Тартаковской и Е.Е. Тарновской [10], Е.А. Ростовцева [8], Л.С. Овчаренко [5] и др. специалистов.

Мордовский республиканский объединённый краеведческий музей имени И.Д. Воронина представляет эпоху Перестройки довольно коротко, но относительно доступно для широкого круга посетителей. Среди экспонатов — напечатанный крупным форматом ваучер (приватизационный чек), джинсовые куртки и олимпийки, ставшие в начале 1990-х гг. модной повседневной одеждой молодежи, серия фотографий с пустыми полками в магазинах в конце 1980-х гг. и полными алкоголя киосками начала 1990-х гг. На одном из фото — продажа в магазине телевизора «Спектр» за 10425 рублей с фигурой диктора на экране — символ гласности и одновременно отображение экономических реформ через товары (бытовую технику). Фотография инаугурации Бориса Николаевича Ельцина на пост президента РСФСР в 1991 г., агитационная афиша общественного деятеля, лидера демократического движения Мордовии 1980–1990-х гг., правозащитника, первого и последнего президента МССР Василия Дмитриевича Гуслянникова, а также ряд других экспонатов открывают посетителю образы политической повестки локального и общесоюзного уровня периода Перестройки.

Экспозиция МРКМ им. И.Д. Воронина, посвященная концу XX в., — целостное и с исторической точки зрения гармонично выстроенное повествование о наиболее важных этапах развития региона в контексте истории страны. Так, период Афганской войны (являющейся неотъемлемой частью экспозиций большинства региональных краеведческих музеев) переходит в пространство политических событий после 1985 г., а затем при помощи предметного ряда о повседневности жителей республики повествует о 1990-х гг., чем и завершается экспозиция.

Анализ данной экспозиции показывает плавный переход от брежневского периода (с характерными атрибутами промышленного развития, социалистических соревнований и крупных комсомольских строек) к периоду Перестройки и последующим 1990-м гг.

Из трех исследованных нами экспозиций пример музея в Республике Мордовия является наиболее современным. Причина — в обновлении всей экспозиции музея в связи с переездом в новое здание в 2017 году [7].

Среди публикаций сотрудников музея обращений к истории конца XX в. и политическим событиям Перестройки в Мордовии, а также их отражения в экспозиционном пространстве не найдено. Другие аспекты современного периода затрагивала в своих публикациях сотрудница музея А. Н. Занкина [2].

ГУК «Саратовский областной музей краеведения» раскрывает историю края в период Перестройки в зале № 29 постоянной экспозиции [3]. Этот раздел включает материалы о промышленных предприятиях, развитии сельского хозяйства Саратовской области в конце 1980-х и 1990-х гг., а также о приватизации, деятельности банков, благотворительности, о таких государственных структурах, как налоговая полиция и таможня, о деятельности учреждений культуры, о различных социальных явлениях. Наиболее аттрактивный экспонат — кабина троллейбуса ЗиУ-9, произведенного на Энгельском заводе электрического транспорта (г. Энгельс, Саратовская область). И хотя эта кабина — символ многих крупных городов СССР 1970–1980-х гг., ярко прослеживается перекликанье и с музейной репрезентацией эпохи Перестройки. Так, именно троллейбус — один из ключевых экспонатов периода общественных трансформаций в Ельцин Центре [11], а во дворе Музея современной истории России долго стоял кузов троллейбуса, сгоревшего в дни ГКЧП 1991 г.

В целом экспозиционный ряд СОМК, посвященный периоду Перестройки, ярко транслирует две линии развития региона в этот период: социально-экономическую (создание кооперативов и первых коммерческих банков, бурное развитие сферы торговли и т.д.), а также общественно-политическую (выборы в органы власти, митинги и акции протеста рубежа 1980–1990-х гг., трансформации в сфере культуры и быта).

Музей регулярно проводит научные конференции [9], выпускает сборники материалов, а сотрудники музеев публикуют статьи по разным тематикам, связанным с историей края по материалам фондов и экспозиций. Однако в центре внимания сотрудников музея оказываются ключевые проблемы, связанные с немцами Поволжья и другими народами Саратовской области, археологией края, фигурой П. А. Столыпина и дореволюционной историей Саратовской губернии. В контексте таких весомых исторических проблем период современной истории, в том числе Перестройки, отходит на второй план и выпадает из сферы научных интересов музейного сообщества. Это же характерно и для других исследуемых нами в этой работе музеев.

Образы Перестройки в постоянной экспозиции Омского историко-краеведческого музея передаются через ставший клас-

сическим во многих региональных музеях предметный ряд: книга М. С. Горбачёва «Перестройка и новое мышление» с портретом автора на обложке, несколько агитационных плакатов, фотография спора Б. Н. Ельцина и М. С. Горбачёва на I Съезде народных депутатов СССР, открывшемся 25 мая 1989 г. Отдельное внимание в экспозиции уделено Алексею Ивановичу Казаннику, общественному деятелю Омской области, СССР и России, который на I Съезде народных депутатов СССР после избрания в Совет Национальностей Верховного Совета выступил с заявлением об отказе от этого места в пользу Б. Н. Ельцина. Портрет эпохи дополняют такие экспонаты, как малиновый пиджак с имитацией золотой цепи с крестом, радиотелефон, фотоаппарат Polaroid, ваучер МММ, приватизационный чек, ставшие атрибутами уже новой, постперестроечной России.

Из трех экспозиций, выбранных нами для изучения, эта является самой небольшой и по экспозиционному пространству, и по числу предметов, и по информативности. Однако и уже ее наличие (в отличие от многих других региональных музеев) показывает значимость периода Перестройки для истории края и внимание музейного сообщества к этому периоду. Кроме того, наличие «виртуального филиала» [1] — онлайн-путеводителя по всей экспозиции музея — делает ее достоянием не только жителей Омского Прииртышья и гостей города, но и широкого круга интернет-пользователей со всей страны. Также это упрощает задачу использования экспозиции в качестве источника.

В связи с ограниченностью экспозиционной площади в рамках одного небольшого стенда слились воедино два разных исторических периода: Перестройка и 1990-е гг. Так, занимающий центральное место на стенде малиновый пиджак (с золотой цепью и православным крестом), являющийся атрибутом «новых русских» уже после 1991 г., соседствует с вышеупомянутой книгой М. С. Горбачёва «Перестройка и новое мышление».

Политические процессы в стране и регионе представлены документальным рядом: предвыборными листовками, агитационными плакатами, фотографиями. Экономические процессы — фотоматериалом, журналом «Кооператор», а также общими для экономики и повседневной жизни жителей региона предметами: джинсами начала 1990-х гг., фотоаппаратом, радиотелефоном. Но большинство из представленных предметов относятся к середине и второй половине 1990-х гг., а не к периоду Перестройки.

Среди представленных на сайте трудов сотрудников музея так же, как и в двух предыдущих музеях, основное внимание уделено этнографии, археологии, а также периоду дореволюционной истории [4].

Экспозиции всех трёх региональных музеев имеют общие особенности репрезентации Перестройки: объединение общесоюзных (общероссийских) событий и локального контекста; соединение политических трансформаций и перемен с повседневной жиз-

ню обычных людей; наконец, гармоничное сочетание визуального (фотографии), документального и предметного рядов, способных выстроить информативный рассказ о событиях Перестройки посетителю, рассматривающему данный раздел без экскурсионного сопровождения.

Образом, который становится доминирующим в разделах о Перестройке в региональных музеях (опираясь на примеры данных трех экспозиций), является фигура М. С. Горбачёва. Именно его портрет (на обложке книги или классическое фото в президиуме Верховного Совета СССР) привлекает наибольшее внимание в экспозиции, поскольку визуально подчеркивается своим расположением. В отдельных экспозициях (например, в экспозиции ОГИК музея и в МРКМ им. И. Д. Воронина) оппозицию ему составляет образ Б. Н. Ельцина — политической фигуры, положившей конец Перестройке и ускорившей распад СССР, ставшей символом новой России.

Наиболее аттрактивными предметами экспозиционного ряда о Перестройке становятся атрибуты повседневной жизни рубежа 1980-х — 1990-х гг. В частности, вышеупомянутые предметы: американский фотоаппарат Polaroid, радиотелефон, цветной отечественный телевизор «Спектр» и т.д. Одежда этого периода как символ перемен в обществе, курс на потребительское отношение к повседневности в СССР, а затем и новой России представлены в экспозиции сразу двух проанализированных музеев: МРКМ им. И. Д. Воронина и ОГИК музея. И там и там представлены джинсы (в первом случае — джинсовая куртка).

Помимо пресловутого тезиса о потребительском обществе, американские джинсы имеют сразу несколько смыслов: во-первых, это влияние Запада, который с помощью ранее недоступных в Советском Союзе вещей оказал влияние на менталитет страны, существовавшей более 70 лет за «железным занавесом»; во-вторых, это некий символ свободы, представлявший ценность для общества советского и первых десятилетий постсоветского времени.

С точки зрения исторического процесса объективным недостатком экспозиций всех трех музеев является смешение в них двух принципиально разных периодов: Перестройки и периода президентства Б. Н. Ельцина 1990-х гг. — они отличаются по своим общественно-политическим и социально-экономическим процессам.

Так, визуально соседствующий с портретом М. С. Горбачева малиновый пиджак, приватизационный ваучер 1992 г., акция МММ с портретом С. П. Мавроди и другие предметы являются уже символами т.н. «лихого десятилетия» и относятся к периоду 1990-х гг.

То же самое можно сказать и о предметах повседневной жизни 1990-х гг. В МРКМ им. И. Д. Воронина экспозиционный ряд периода Перестройки продолжают видеомаягнитофон и видеокассеты, игровая приставка SEGA середины 1990-х гг., фотоаппараты Polaroid 1993 г.

и Kodak 1996 г., двухкассетный магнитофон International AK-25 и др. Завершает этот предметный ряд повседневности 1990-х гг. витрина с пейджером середины 1990-х гг. и телефоном Motorola уже 2002 г.

Общей тенденцией всех трех региональных музеев также является тот факт, что основные политические процессы Перестройки и ее главные движущие силы и лозунги (гласность, ускорение, демократизация) остаются вне поля зрения посетителей. Они читаются лишь в общем контексте с более глубоким анализом и являются предметом рассказа скорее федеральных, специализирующихся более пристально на данном периоде крупных музеев.

В целом предметный ряд периода Перестройки в каждом из музеев имеет важное достоинство: предлагая посетителю для восприятия современные предметы (в первую очередь, предметы быта начала 1990-х гг.), они формируют яркие образы и живой отклик у представителей разных поколений. С другой стороны, эти образы статичны, лишены аудио- или видеоряда (как это сделано, например, в Музее современной истории России, Государственном музее политической истории России или Ельцин Центре), лишены голосов живых свидетелей эпохи перемен (как это сделано, например, в Музее-квартире А. Д. Сахарова в Нижнем Новгороде). Наконец, экспозиции очень избирательны (по понятным причинам) и являются крайне поверхностными для иллюстрации одного из ключевых исторических периодов нашей страны.

Список источников

1. Виртуальные выставки // ОГИК музей. URL: <https://old.sibmuseum.ru/page/virtual.html> (дата обращения: 17.10.2022).
2. Зал 29. Саратовская область в 1965–2000-е гг. // Саратовский областной музей краеведения. URL: <http://www.comk.ru/museum/exposition/hall29.aspx> (дата обращения: 18.10.2022).
3. Занкина А. Н. Организация хаджа татарской уммой Мордовии в 1990-х—первой половине 2010-х гг. // Краеведческие записки 2014: материалы XXI республиканских краеведческих чтений. Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 2015. С. 60–65.
4. Монографии, сборники статей и документов, хроники, учебные пособия // ОГИК музей. URL: <https://sibmuseum.ru/editions/monografii-sborniki-statej-i-dokumentov-hroniki-uchebnye-posobiya/> (дата обращения: 17.10.2022).
5. Овчаренко Л. С. Историческая память в формировании патриотизма: из опыта работы школьных музеев // Эксперимент и инновации в школе. 2015. № 2. С. 39–40.
6. Овчинникова З. А. Роль музеев в формировании, поддержке и трансляции исторической и культурной памяти // Вестник культуры и искусств. 2018. № 1 (53). С. 82–89.
7. О нас // Мордовский республиканский объединенный краеведческий музей имени И. Д. Воронина. URL: <https://mrkm.ru/muzej/o-nas> (дата обращения: 17.10.2022).
8. Ростовцев Е. А., Сидорчук И. В. Музей и историческая память в современной России // Вопросы музедологии. 2014. № 2 (10). С. 16–21.
9. Саратовская область в исторической ретроспективе: материалы Межрегиональных XIV краеведческих чтений. 2018 г.
10. Тартаковская И. Н., Тарновская Е. Е. «Одной правды нет»: визуализация политики памяти в историческом музее // Интеракция. Интервью. Интерпретация, 2014. Т. 6. № 8. С. 59–81.
11. Филиппова Т. Как троллейбус стал экспонатом // Ельцин Центр. URL: <https://yeltsin.ru/news/kak-trolleybus-stal-ekspонатом> (дата обращения: 17.10.2022)

12. Anico M., Peralta E. *Heritage and Identity: Engagement and Demission in the Contemporary World* // London: Routledge, 2008. 208 p.
13. Archibald R. *The New Town Square. Museums and Communities in Transition* // AltaMira Press, 2004. 224 p.
14. Arnold-de-Simine S. *Mediating Memory in the Museum: Trauma, Empathy, Nostalgia* // Springer, 2013. 239 p.
15. Dickinson G., Blair C., Brian L. Ott. *Places of Public Memory: The Rhetoric of Museums and Memorials* // University of Alabama Press, 2010. 282 p.
16. Huber M. *Museums and memory* // Newfound Press, University of Tennessee Libraries, 2011. 239 p.
17. Macdonald S. *Memorylands: heritage and identity in Europe today* // London: Routledge, 2013. 293 p.
18. Watson S. *Museums and their communities*. London: Routledge, 2007. 568 p.

Для цитирования:

Жидченко А. В. Реконструкция образа Перестройки в провинциальных музейных экспозициях // *Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции*. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. С. 197–204.

Голдовский Алексей Александрович | Goldovskii Aleksei Aleksandrovich¹

Выставка «Флаг России над Санкт-Петербургом» как пример репрезентации общественно-политического контекста региональной истории

The exhibition “The Flag of Russia over St. Petersburg” as an example of the representation of the socio-political context of regional history

***Аннотация.** Статья посвящена анализу выставки «Флаг России над Санкт-Петербургом», открывшейся в Государственном музее политической истории России в 2021 г. Выставка рассматривается с точки зрения музейного подхода и экспонатов, представленных ней, а также сквозь призму изучения общественно-политических процессов, происходивших в Ленинграде–Санкт-Петербурге в период Перестройки. Статья затрагивает историю комплектования музейных фондов по данной тематике, хронологию создания выставок, посвящённых событиям недавнего прошлого, в музее политической истории России, а также художественное оформление выставочного пространства. Центральным вопросом статьи является отражение на выставке общественно-политического контекста в Ленинграде–Санкт-Петербурге в годы Перестройки.*

***Ключевые слова:** Перестройка; музейная выставка; музеификация; общество и политика.*

***Abstract.** The article is devoted to the analysis of the exhibition “The Flag of Russia over St. Petersburg”, which opened at the State Museum of Political History of Russia in 2021. The exhibition is considered from the point of view of the museum approach and the exhibits presented by it, as well as through the prism of studying the socio-political processes that took place in Leningrad–St. Petersburg during the period of Perestroika. The article touches on the history of the acquisition of museum funds on this topic, the chronology of the creation of exhibitions dedicated to the events of the recent past in the Museum of Political History of Russia, as well as the decoration of the exhibition space. The central issue of the article is the reflection at the exhibition of the socio-political context in Leningrad–St. Petersburg during the years of Perestroika.*

***Keywords:** Perestroika; museum exhibition; museumification; society and politics.*

С конца 80-х гг. XX в. исторические музеи во всём постсоветском пространстве многое изменили в своей работе. Период Перестройки для музеев нёс как проблемы, связанные с изменением профиля и свёртыванием постоянных экспозиций, так и возможности — в связи с деидеологизацией культурной сферы музеи получили свободу выбора

¹ Заведующий научно-просветительным отделом Государственного музея политической истории России.

Head of Scientific and Education Department of the Museum of political history of Russia.

освещаемых тем и концептуальных шагов по реализации выставочных проектов. Ушёл в прошлое принцип партийности, чёткого идейного соответствия трудам классиков марксизма-ленинизма. В полной мере это коснулось и Государственного музея политической истории России, до 1991 г. называвшегося Государственным музеем Великой Октябрьской социалистической революции. Трансформация подачи информации в музее в наиболее значительной части затронула именно советский период.

В конце 80-х гг. XX в. большой интерес общественности вызвало «выявление белых пятен истории». Как отмечает в своей статье историк Е. К. Костюшева, объективная и взвешенная музейная интерпретация советской истории является сегодня актуальной проблемой для российских музеев [2, с. 138].

Эпоха Перестройки, как конец советского периода, является для музеев ещё более тонкой и проблемной темой. Музей политической истории с самого момента своего зарождения в 1919 г., когда он назывался Государственным музеем революции, ставил перед собой задачу по сбору и экспонированию материалов, относящихся к истории современности. Таким образом, начинали формироваться коллекции по истории Гражданской войны, первых пятилеток, Великой Отечественной войны, послевоенного восстановления страны и др. Те же самые процессы начались в музее и в период Перестройки.

С конца 80-х гг. XX в. Музей стал собирать предметы, связанные с деятельностью новых политических партий и общественных объединений. Многие из собранных материалов были представлены на экспозиции «Демократия или диктатура? Политические партии и власть в России от самодержавия до перестройки», увидевшей свет в 1991 г. Как отмечает Ю. Б. Соколов, один из авторов этого проекта, на экспозиции были представлены уникальные экспонаты, освещавшие историю становления многопартийности, но, вместе с тем, это освещение отличалось неполнотой и фрагментарностью [2, с. 151]. Этот недостаток был учтён в последующих выставочных проектах, в которых Музей политической истории России продолжал освещать историю Перестройки, и 90-х гг. XX в. Среди них можем отметить «1989-й — время выбора» (1999), «В ожидании перемен» (2005), «Август 1991-го: 15 лет спустя» (2006) и др. [2, с. 151–152]. Работа, связанная со сбором и экспонированием перестроечных материалов, продолжается и по сей день.

Выставка «Флаг России над Санкт-Петербургом» в Государственном музее политической истории России (ГМПИР) открылась 8 июня 2021 г. [6]. Выставка стала одним из немногих значимых проектов в Санкт-Петербурге, приуроченных к 30-летию судьбоносных для России событий 1991 г., важное место в которых занимают сюжеты возвращения исторического названия Санкт-Петербургу и статуса государственного флага российскому бело-сине-красному триколору. Цель выставки — восстановить и сохранить историческую правду об обстоятельствах

возвращения Ленинграду первоначального названия и восстановления исторического флага России [3].

Перестроечная коллекция музея начала формироваться с конца 80-х гг. XX в. Музейные сотрудники тщательно отбирали предметы, пытаясь представить их историческую значимость. [2, с. 149]. Многие материалы собирались буквально «по горячим следам» заметных исторических событий. На выставке «Жаркое лето Кузбасса», открывшейся в 1990 г., были представлены фотографии и документы шахтеров, баствовавших в 1989 г., на выставке «Век нынешний и век минувший», посвященной 75-летию ГМПР — материалы, полученные после октябрьских событий 1993 г. в Москве: герб РСФСР из Зала наград Верховного Совета РФ и жалюзи из кабинета Р. И. Хасбулатова, пробитые пулями. Коллекция пополнялась и благодаря дарителям. Листовки, документы, фотографии, а также вещественные реликвии передали в музей Ю. М. Нестеров, один из лидеров Ленинградского народного фронта, М. В. Попов, член Координационного совета Объединённого фронта трудящихся Ленинграда и Ленинградской области, В. В. Жириновский, председатель Либерально-демократической партии России, и другие политики [2, с. 149–150].

Идея создать выставку, рассказывающую о ленинградских событиях 1991 г., появилась давно, но реализовать такую задачу было трудно, в первую очередь ввиду отсутствия достаточного количества экспонатов. Куратор выставки А. П. Смирнов в своём интервью сказал: «Невозможно собрать все материалы по горячим следам. Нередко люди, которые обладают ценными и уникальными предметами, не готовы сразу их отдавать. Должно пройти время, чтобы они захотели сохранить свои реликвии в качестве экспонатов для потомков» [7]. Таким образом, для глубокого и объективного анализа тех событий, а также для того, что собрать и представить экспонаты по данной теме, необходимо было время.

Музею политической истории России удалось найти и отобрать интересные и редкие материалы о движении за возвращение исторического названия Санкт-Петербургу, его взаимосвязи с другим процессом — принятием бело-сине-красного триколора в качестве государственного флага России. Последний факт является удивительным, но не случайным. На выставке эти два процесса идут параллельно, но в определённые моменты они как будто сходятся и переплетаются. Митинги за возвращение городу исторического названия не обходились без поднятых триколов; бело-сине-красные знамя берут на вооружение и либерально-демократические, и государственно-патриотические политические объединения. Наряду со множеством печальных политических и социально-политических итогов Перестройки возрождение духовно-нравственных традиций можно отнести к числу важных достижений этой эпохи. Возвращение исторического названия Санкт-Петербургу и восстановление исторического флага страны иллюстрируют этот процесс как нельзя лучше.

Директор Музея политической истории России Артёмов Евгений Григорьевич на открытии выставки подчеркнул: «Сегодня в зале собрались не только герои и участники тех событий, но и сотрудники музея, которые ходили на оппозиционные митинги, фотографировали, собирали экспонаты. Так начала формироваться коллекция, связанная с событиями конца 1980-х — начала 1990-х». На открытии выставки воспоминаниями поделились очевидцы событий — депутаты Ленсовета Юрий Нестеров, Александр Родин и Павел Цыпленков, а также бывший сопредседатель Историко-патриотического объединения «Русское Знамя» Дмитрий Матлин. Именно он предоставил музею самодельный флаг, с которым участники организации выходили на митинг за возвращение исторического имени города. Этот же флаг был поднят над Мариинском дворцом 22 августа 1991 г. после краха августовского путча [7].

На выставке были представлены материалы, которые мы можем разделить на несколько категорий.

К первой категории мы отнесём печатные издания: листовки, газеты, журналы, которые могли как издаваться легально, так и носить самиздатовский характер. Среди них отметим Литературно-публицистический альманах «Гласность и конъюнктура», на обложке которого были помещены стилизованные изображения двуглавого орла и российских трехцветных флагов [9]. Этикетка к этому одному из первых экспонатов выставки содержала в себе воспоминания автора альманаха А. Г. Богданова: «... я и Подольцева — мы вставили в программу ДС² пункт о российском флаге, уже на первом заседании, по приезду в Москву. А у меня на обложке моего альманаха “Гласность и конъюнктура” он был ещё в 1987, за четыре года до того, как стал государственным символом Российской Федерации. Для меня вопрос о флаге был важнейший вопрос, принципиальный. ДС этот вопрос поставил в 1988. Эту идею мы, питерская делегация, проталкивали, часто преодолевая незнание и непонимание, упорное сопротивление не только в Ленинграде, но и в Москве. Сейчас это кажется невероятным, но люди в СССР к 1987 уже забыли, как выглядел исторический флаг свободной России» [3].

На выставке также представлена газета «Антисоветская правда», изданная А. Г. Богдановым в 1990 г. и содержащая лозунги, направленные против имени Ленина в названии «Ленинград» [1].

В печатных изданиях, представленных на выставке, можно увидеть и позицию власти по вопросу о переименовании города. В журнале «Огонёк» представлено интервью председателя Ленсовета А. А. Собчака, где он призывает не спешить с переименованием города, подходить к вопросу взвешенно и осторожно [3].

На выставке представлено большое количество листовок. Часть из них издавалась сторонниками возвращения городу названия Санкт-Петербург, другая — противниками этого процесса [3]. Примечательно, что в тех листовках, которые принадлежали сторонникам названия

---

² Демократический Союз

«Ленинград», наглядно представлены основные тезисы против возвращения городу исторического названия: затрагивание чувств блокадников и дороговизна воплощения этого проекта в условиях бушующего финансово-экономического кризиса [4].

Вещевые экспонаты на выставке, во-первых, освещали августовские события 1991 г., ставшие судьбоносными для истории советской государственности в целом, и для возвращения городу исторического названия — в конкретном данном случае. Среди таких экспонатов были выставлены: булыжник из баррикады у Горбатого моста вблизи Дома Советов РСФСР, железный прут из баррикады у Горбатого моста вблизи Дома Советов РСФСР, самодельный российский флаг, находившийся на баррикаде у Горбатого моста вблизи Дома Советов РСФСР, противогаз защитника Дома Советов РСФСР, часы наручные механические командирские «Восток 2414А» народного депутата РСФСР, тележурналиста А. В. Политковского с памятной гравировкой «Защитнику Дома Советов РСФСР 19–21 августа 1991 г. от Президента РСФСР», самодельная нарукавная трёхцветная повязка защитника Мариинского дворца, проволока колючая с баррикады, находившейся рядом с Мариинским дворцом, ленты для опечатывания помещений Ленинградского обкома КПСС с автографами активистов демократического движения [3].

Во-вторых, на выставке были представлены личные вещи А. А. Собчака, председателя Ленсовета XXI созыва, избранного 12 июня 1991 г. первым мэром Ленинграда: ручка и ежедневник [3]. И хотя особая роль А. А. Собчака в возвращении городу первоначального названия является уже развенчанным историческим мифом, именно в годы его нахождения у власти произошли рассматриваемые на выставке события [4].

В-третьих, значительное, если не сказать центральное, место на выставке занимали вещи активистов историко-патриотического объединения «Русское Знамя», которое сыграло основополагающую роль в инициировании общественного обсуждения проблемы возвращения исторического названия городу: нагрудные знаки членов ИПО «Русское Знамя», трёхцветный шеврон сопредседателя ИПО «Русское Знамя» Д. К. Матлина, вымпел «Историко-патриотического объединения “Русское Знамя”», фотографии из личных архивов «русскознамёнцев» и архива ГМПИР, иллюстрирующие этапы их деятельности [3]. С ИПО «Русское Знамя» связаны и важнейшие документы, отражающие основные стадии процесса борьбы за возвращение Ленинграду исторического названия: Обращение ИПО «Русское Знамя» к «жителям великого города» [5], Устав общественной организации (комитета) «За Петербург!» [10] и др.

В-четвертых, на выставке были представлены самодельные триколоры, многие из которых стали участниками исторических событий. Среди них триколор, сшитый М. И. Макаревич и поднятый во время митинга на ленинградском стадионе «Локомотив» в 1988 г. [3]; самодельные трёхцветные флажки, раздаваемые членам «Демократического

Союза» на том же митинге 1988 г.; самодельный флаг, состроченный матерью депутата В. В. Скойбеды и вывешенный на балконе зала заседаний во время сессии Ленсовета. Можно констатировать, что с флага М. И. Макаревич началось возрождение триколора в публичном пространстве, а с флага В. В. Скойбеды — в пространстве официальной власти [8].

Центральным экспонатом выставки стал российский триколор, поднятый над Мариинским дворцом 22 августа 1991 г. Этот флаг былшит Рогнедой Николаевной Матлиной для ИПО «Русское Знамя» и был самым большим триколором в Ленинграде. Его поднимали на общегородских митингах 9 сентября 1990 г. и 10 июня 1991 г. «Русское Знамя» под этим флагом вышло на митинг на Дворцовой площади против ГКЧП, а после передало его в Мариинский дворец, где Знамя было торжественно поднято Д. К. Матлиным и В. В. Скойбедой 22 августа. Флаг провисел над Ленсоветом несколько дней. Затем он был заменён на флаг фабричного изготовления. 25 августа Знамя «русскознамёнцев» было поднято уже над Смольным. В музей этот флаг был передан на временное хранение на период работы выставки [3].

Большая часть экспонатов выставлялась впервые, более того, особо важные материалы были получены из частных собраний специально для данной выставки.

Обращение к данным материалам позволило показать исключительную роль Ленинграда в годы Перестройки как главного «демократического» города в стране. Такой активной деятельности неформальных организаций не наблюдалось ни в одном другом городе Советского Союза. Неслучайно именно в Ленинграде в ходе выборов 1990 г. кандидаты от КПСС потерпели сокрушительное поражение [12]. Кроме этого, выставка показывала, насколько широкий политический спектр людей и организаций был задействован в процессе возвращения городу исторического названия: от либерального «Демократического Союза» до национально ориентированного «Русского знамени» и монархических организаций.

Тематическая структура выставки состояла из трёх подтем, каждая из которых была представлена в нескольких комплексах.

Первая подтема «Зарождение движения за изменение коммунистических символов (1987–1990 гг.)» начиналась с рассказа о первых случаях использования триколора в качестве символики общественных движений или в качестве национального символа. Далее рассказывалось о деятельности ИПО «Русское Знамя», о зарождении движения за спасение старого Петербурга. Эти три направления сходятся в последнем комплексе подтемы и одним из главных сюжетов выставки — борьбе за возвращение Ленинграду первоначального названия Санкт-Петербург.

Вторая подтема «Противостояние вокруг возвращения Ленинграду исторического названия» показывала посетителю ход общественно-политических перипетий 1990–1991 гг. На выставке представлены материалы многотысячного митинга «За Петербург» 9 сентя-

бря 1990 г. и исторического референдума 12 июня 1991 г., когда выбор, хоть и с небольшим перевесом, был сделан в пользу названия «Санкт-Петербург». Особо отметим, что и мнение сторонников сохранения названия Ленинград в полной мере было представлено на экспозиции.

Завершающий раздел выставки посвящён политическому кризису августа 1991 г., о значении которого мы уже писали выше.

Таким образом, по тематической структуре выставки мы видим, что именно общественно-политический контекст на выставке выступил в качестве главного объекта исследования музейного историка.

Художественное оформление выставки включало в себя, во-первых, визуально привлекательные экспонаты, расставленные в ключевых точках, например, развешанные самодельные флаги, о которых мы писали выше, и герб Санкт-Петербурга, созданный в 1990 г. художественной группой «Митьки» [3], которые также выражали свою поддержку идее возвращения старых символов и названий. Во-вторых, дизайнерское решение основывалось на активном использовании сочетания цветов триколора как главным визуальном посыле выставки. В-третьих, пространства между витринами на выставке были оформлены в виде ограды на мосту — ввиду того, что Санкт-Петербург — это город рек и каналов, мост можно считать одним из самых узнаваемых символов во внешнем облике города. (см. Приложение, илл. 6-11, с. 497–500)

На выставке была помещена реплика трибуны Первой Государственной Думы, открытой ещё в 1906 г. Дело в том, что в этом пространстве проходит интерактивное занятие для старшеклассников, в ходе которого учащиеся узнают об истории парламентаризма в России с дореволюционных времён и до наших дней, а также могут попробовать себя в качестве кандидатов в депутаты, избирателей, наблюдателей, членов избирательной комиссии. Выставка «Флаг России над Санкт-Петербургом» служила для этого занятия не только дополнением к экскурсионной части, но и своеобразным фоном, который помогал погрузиться в атмосферу эпохи коренных демократических преобразований в стране.

На выставке посетители имели возможность ознакомиться с документально-публицистическим фильмом «Флаг России» (автор идеи: Б. Кипнис; режиссёр, автор сценария: С. Соколинский), в котором рассказывается об истории российского бело-сине-красного флага с момента его создания и до наших дней [11]. В фильме представлена позиция историка Б. Н. Кипниса, а также свидетелей и участников событий 1991 г.

На фоне отсутствия в Санкт-Петербурге по-настоящему масштабных музейных общественных проектов, рассказывающих о событиях Перестройки, выставка «Флаг России над Санкт-Петербургом» показала прекрасный пример того, как об этом историческом времени можно говорить объективно, без излишней политической ангажированности, на доступном и понятном языке. Выставка вобрала в себя большой список уникальных экспонатов, что стало её большим плюсом, ведь

несмотря на все изменения в формах музейной работы с посетителем, люди идут в музеи в первую очередь для знакомства с экспонатами. Наконец, «Флаг России над Санкт-Петербургом» сам по себе стал большим общественным событием для Санкт-Петербурга. Выставка открылась к 30-летию возвращения исторического названия городу и дала возможность вспомнить эту славную страницу истории города на Неве.

Список источников

1. Газета «Антисоветская правда». № 27. Ленинград. 1990 г. Самиздат. Издатель А. Г. Богданов // Научный архив ГМПНП.
2. ГМПНП: 90 лет в пространстве истории и политики, 1919–2009: материалы научной конференции, посвященной юбилею Государственного музея политической истории России / под ред. А. М. Кулегина. СПб.: Норма, 2010. 230 с.
3. Концепция и тематико-экспозиционный план выставки «Возрождение» (к 30-летию возвращения Ленинграду первоначального названия и восстановления исторического флага России // Научный архив ГМПНП.
4. Матлин А. Д., Лелина Е. И. От Ленинграда к Санкт-Петербургу: к вопросу о возвращении названия городу в 1991 г. // Проблемы исторического регионоведения: Сб. научных статей. Вып. 4. / отв. ред. И. В. Меркулов, А. А. Мецендина. СПб.: Скифия-принт, 2017. С. 149–167.
5. Обращение к жителям города, зачитанное председателем ИПО «Русское Знамя» Д. К. Матлиным на митинге. Ленинград. 10 июня 1991 г. // Архив автора.
6. Открылась выставка «Флаг России над Петербургом» // Санкт-Петербургские ведомости. URL: <https://spbvedomosti.ru/news/culture/otkrilas-vystavka-flag-rossii-nad-peterburgom/> (дата обращения: 17.09.2023).
7. Открылась выставка «Флаг России над Санкт-Петербургом» // Музей политической истории России. URL: <https://polithistory.ru/news-2021/otkrilas-vistavka-flag-rossii-nad-sankt-peterburgom> (дата обращения: 17.09.2023).
8. Под флагом демократии? (Рубрика «Возвращаясь к напечатанному»): отклик научного сотрудника Высшей профсоюзной школы культуры А. Н. Алексеева и редакционный комментарий к нему // Вечерний Ленинград. 29 октября 1988 г. // Научный архив ГМПНП.
9. Самиздат. А. Г. Богданов. Литературно-публицистический альманах «Гласность и конъюнктура» № 1. Ленинград. 1987 // Научный архив ГМПНП.
10. Устав общественной организации (комитета) «За Петербург!». Ленинград. Август 1990 г. // Научный архив ГМПНП.
11. Флаг России. Документально-публицистический фильм. Реж. С. Соколинский // URL: <https://rutube.ru/video/693eba21bb9862d3cccd6b892b99d87/> (дата обращения: 17.09.2023).
12. Шевченко Д. В. Последний Ленсовет: выборы и начало деятельности (апрель 1990 — август 1991 года) // Общество. Среда. Развитие. 2014. № 4. с. 50–54

Для цитирования:

Голдовский А. А. Выставка «Флаг России над Санкт-Петербургом» как пример репрезентации общественно-политического контекста региональной истории // Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. С. 205–212.

**ПУБЛИЦИСТИКА
TOPICAL ARTICLES**

Эволюция взглядов и идейных установок Александра Исаевича Солженицына в позднесоветский период (1970-е – 1991 гг.)

The evolution of Alexander I. Solzhenitsyn's Views and Ideological attitudes in the Late Soviet Period (1970s – 1991)

Аннотация. Взгляды и идейные установки А.И. Солженицына рассмотрены на основе его публицистических текстов в рамках двух периодов: в диссидентский (1956–1985 гг.) — «Письмо вождям Советского Союза» (1974 г.), «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни» (1974 г.) и в «перестроечный» (1985–1991 гг.) — «Как нам обустроить Россию. Посильные соображения» (1990 г.). Использование данных текстов позволило увидеть следующие идейно-эволюционные тренды общественно-политических воззрений А.И. Солженицына. По сравнению с диссидентской эпохой в Перестройку А.И. Солженицын ослабил свои национал-имперские идейные установки, увеличив присутствие либеральных идеологов. Тем не менее в обозначенный период он сохранял весомое присутствие государства в общественно-политической жизни. Такое эволюционное развитие объясняется сложностью преодоления советско-социалистической и в целом российско-самодержавной парадигм.

Ключевые слова: диссиденты; Перестройка; история идей; русский национализм; Солженицын.

Annotation. The views and ideological attitudes of A. I. Solzhenitsyn are considered on the basis of his journalistic texts within two periods: in the dissident (1956–1985) — “Letter to the leaders of the Soviet Union” (1974), “Repentance and self — restraint as a category of national life” (1974), and in the Perestroika (1985–1991) — “How do we equip Russia. Feasible considerations” (1990). The use of these texts allowed us to see the following ideological and evolutionary trends of A. I. Solzhenitsyn's socio-political views. Compared to the dissident era, during Perestroika A. I. Solzhenitsyn weakened his national-imperial ideological attitudes, increasing the presence of liberal ideologues. Nevertheless, during the designated period, he maintained a significant presence of the state in public and political life. This evolutionary development is explained by the difficulty of overcoming the Soviet-socialist and, in general, the Russian-autocratic paradigms.

Keywords: dissidents; Perestroika; history of ideas; Russian nationalism; Solzhenitsyn.

Александр Исаевич Солженицын (1918–2008 гг.) — один из самых ярких и резонансных публицистов «русской национальной системы взглядов» как в диссидентскую (1956–1985 гг.), так и в «пе-

¹ СПбИИ РАН, III курс аспирантуры.
SPBI RAS, 3rd year postgraduate student.

ность политической независимости завоеванных народов Северо-Востока России, рассматривая их как неотъемлемую часть русской цивилизации ввиду их малой численности населения: *«Другое нравственное возражение могут выставить — что наш Северо-Восток не вовсе-то русский, что при овладении им был совершён и исторически-й грех: было уничтожено немало местных жителей (ну, да несравненно с нашим недавним самоуничтожением) и потеснены другие. Да, это было, было в XVI веке, но этого исправить уже никаким образом нельзя. С тех пор малолюдными, даже безлюдными лежат эти раскинутые просторы. По переписи всех народностей Севера — 128 тысяч, они редкой цепочкой разбросаны по огромным пространствам, освоением Севера мы нисколько их не тесним. Напротив, сегодня мы естественно поддерживаем их быт и существование, они не ищут себе обособленной судьбы и не могли бы найти её. Изю всех национальных проблем, стоящих перед нашей страной, эта — самая мягкая, её и нет почти»* [2, с. 27]. При этом он уточнял необходимость социально-ориентированной программы для данных народов, которая позволит гармонизировать межнациональные отношения [3, с. 137].

Этой же державно-стабилизирующей цели было подчинено и православие. А. И. Солженицын указывал на него как на силу, способную приостановить национально-государственный распад: *«Нет, истина вынуждает меня сказать, что состояние русской Церкви к началу XX века, вековое униженное положение её священства, пригнетённость от государства и слитие с ним, утеря духовной независимости, а потому утеря авторитета в массе образованного класса, и в массе городских рабочих, и — самое страшное — поколебленность этого авторитета даже в массе крестьянства (сколько пословиц, высмеивающих священство, и как мало — в уваженье к нему!), — это состояние русской Церкви явилось одной из главных причин необратимости революционных событий. Если бы русская православная Церковь была бы в начале XX века духовно самостоятельна, здорова и мощна, то она имела бы авторитет и силу остановить гражданскую войну, властно поднявшись над воюющими сторонами, а не дав себя причислить приложением к одной из них. И здесь нет никакой фантазии: в истинно православном царстве не может разразиться такая истребительная война»* [4, с. 208]. Следовательно, весомая часть рассуждений А. И. Солженицына была ориентирована на сохранение большого государства.

Необходимо отметить, что внутри системы его взглядов заметны и либеральные компоненты. Так, в рамках обсуждения путей духовного возрождения русской нации А. И. Солженицын утверждал необходимость свободы слова как его ключевого инструмента: *«Чтобы не задохнулись страна и народ, чтобы они имели возможность развиваться и обогащать нас же идеями, свободно допустите к честному соревнованию — не за власть! за истину! — все идеологические и все нравственные течения, в частности, все религии — их некому будет преследовать, если их гонитель марксизм лишится госу-*

дарственных привилегий. Но допустите честно, не так, как сейчас, не подавляя в немоте, допустите его с молодёжными духовными организациями (не политическими совсем), допустите их с правом воспитывать и учить детей, с правом свободной приходской деятельности. (Сам я не вижу сегодня никакой живой духовной силы, кроме христианской, которая могла бы взяться за духовное исцеление России. Но я не прошу и не предлагаю ей льгот, а только: честно — не подавлять.)» [2, с. 48]. Также А. И. Солженицын, крайне тезисно при этом, говорил о необходимости отмены принудительного колхозного труда, подразумевая иные формы экономических отношений в государстве, однако не конкретизируя свои предложения: «При угрожающей в мире нехватке зерна один выход у нас быть сытою страной: отказаться от принудительных колхозов, оставить только добровольные» [2, с. 29].

Таким образом, в диссидентский период либерально-демократические элементы не носили ярко-выраженного характера в системе воззрений А. И. Солженицына. В целом рассуждения А. И. Солженицына носили имперско-державный характер, который был окрашен в антикоммунистические тона.

В период Перестройки воззрения А. И. Солженицына были скорректированы. С одной стороны, он стал чётко выступать за антиимпериализм, установление рыночной экономики и представительной демократии. С другой стороны, — продолжал использовать целый ряд национал-имперских установок.

А. И. Солженицын считал, что во имя блага русского народа России следует отказаться от имперских амбиций, отделив 12 республик от РСФСР. Это позволит обратить все силы на внутренние преобразования: «Отделением двенадцати республик, этой кажущейся жертвой, — Россия, напротив, освободит сама себя для драгоценного внутреннего развития, наконец обратит внимание и прилежание на саму себя. Да в нынешнем смешении — какая надежда и на сохранение, развитие русской культуры? всё меньшая, всё идёт — в перемес и в перемол» [1]. Однако вместе с предложением территориального уменьшения будущего государства А. И. Солженицын всё же (как и в диссидентский период) высказывал систему, в которой внутри территории будущего Российского Союза некоторые народы не имели права на сецессию, сохраняя лишь право на национальную самобытность: «Для некоторых, даже и крупных, наций, как татары, башкиры, удмурты, коми, чувашаи, мордва, марийцы, якуты, — почти что и выбора нет: непрактично существовать государству, вкруговую охваченному другим. У иных национальных областей — будет внешняя граница, и если они захотят отделяться — запрета не может быть и здесь. (Да ещё и не во всех автономных республиках коренная народность составляет большинство.) Но при сохранении всей их национальной самобытности в культуре, религии, экономике — есть им смысл и остаться в Союзе» [1]. При этом даже тем территориальным образованиям, которые имеют право на сецессию, согласно правилам А. И. Солженицына

предлагалось подумать о том, смогут ли они существовать без плеча Российского Союза: *«Так и горские кавказские народы, пред революцией столь отличавшиеся в верности российскому трону, вероятно ещё поразмыслят, есть ли расчёт им отделяться. Не крупный Российский Союз нуждается в примыкании малых окраинных народов, но они нуждаются в том больше. И — исполать им...»* [1], — так он размышлял о судьбах кавказских народов.

При сохранении имперских установок, А.И. Солженицын всё больше постулировал либерально-демократических принципы. Так, он выступал за рыночные, то есть капиталистические отношения и полагал необходимым введение частной собственности [1]. Однако, хотя его взгляды по данным вопросам шли дальше «перестроечной» парадигмы Михаила Сергеевича Горбачёва, они оставались в целом умеренными. Предполагались ограничение земельного участка предельными размерами, сохранение государственной монополии на некоторые сферы промышленности и услуг, запрет монополий и ограничение банковско-кредитной деятельности [1]. К примеру, частная собственность — в данном случае земельные участки — должна была быть ограничена ещё и по размеру. Аргументировалось это не только необходимостью предотвратить концентрацию капитала, но и тем, что для русского человека именно малое количество земли, по мнению А.И. Солженицына, вызывало прилив трудовой мотивации: *«Ограничение земельного участка предельными (для данной местности) размерами — само по себе никак не стесняет трудового смысла и трудовой свободы. Напротив: усиливает каждого хозяина будут направлены не на широту владения, а на улучшение обработки, интенсивность методов. Что наши люди могут при этом — и в самых изнудительно-враждебных стеснениях от власти — творить чудеса, уже показано на крохотных приусадебных клочках, кормивших страну при дутой колхозной системе»* [1].

В сфере политических предложений А.И. Солженицын сохранял приверженность сильной президентской власти, поскольку подобная модель отвечала проблемам и территориальному масштабу российского государства [1]. В параллель с этим им утверждалось развитие начал самоуправления в регионах: *«Ключ к жизнеспособности страны и к живости её культуры — в том, чтоб освободить провинцию от давления столиц, и сами столицы, эти болезненные гиганты, освободились бы от искусственного переотягощения своим объёмом и необозримостью своих функций, что лишает и их нормальной жизни. <...> Вся провинция, все просторы Российского Союза вдобавок к сильному (и всё растущему по весу) самоуправлению должны получить полную свободу хозяйственного и культурного дыхания»* [1]. При этом он не рассматривал, что при расширении полномочий регионов они войдут в непримиримый конфликт с центральной властью, а центр, в свою очередь, начнёт злоупотреблять своим полномочиём.

Суммируя всё вышесказанное, можно заключить, что А.И. Солженицын считал полезной дезинтеграцию СССР в период

Перестройки. Для этого А. И. Солженицын использовал национализм как инструмент эмансипации России от «большой империи». Однако, переходя к рассуждениям о внутренней политике, А. И. Солженицын не переставал быть национал-имперцем. Он выстаивал иерархичную модель межнациональных отношений, устанавливая правила, по которым тот или иной этнос имеет/не имеет право на самоопределение. По факту, А. И. Солженицын стремился сократить масштаб «имперскости» будущей России, но не отказаться от него вовсе. При этом, отстаивая либеральные ценности, А. И. Солженицын проектировал государство, в котором политическая сфера будет завязана на личности президента, а экономика — зависеть от государства. Данные идеологемы, как представляется, объясняются сложностью преодоления советско-социалистической и в целом российско-самодержавной парадигм.

Таким образом, А. И. Солженицын фактически предлагал вариант усечённой империи, который стал постепенно реализовываться уже в эпоху правления Бориса Николаевича Ельцина.

Список источников

1. Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию. Посильные соображения // Культурно-просветительский интернет-портал «Александр Исаевич Солженицын». URL: http://www.solzhenitsyn.ru/proizvedeniya/publizistika/stati_i_rechi/v_izgnanii/kak_nam_obustroit_rossiyu.pdf (дата обращения: 19.11.2022).
2. Солженицын А. И. Письмо вождям Советского Союза. Париж: YMCA-PRESS, 1974. 51 с.
3. Солженицын А. И. Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни // Из-под глыб. Париж: YMCA-Press, 1974. С. 115–150.
4. Солженицын А. И. Третьему Собору Зарубежной Русской Церкви // Александр Солженицын. Публицистика в трёх томах. Т. 1: статьи, речи. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1995. С. 199–214.
5. Тишков В. А. НАЦИОНАЛИЗМ // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2017). URL: <https://bigenc.ru/ethnology/text/2252782> (дата обращения: 19.11.2022).

Для цитирования:

Конников Г. С. Эволюция взглядов и идейных установок Александра Исаевича Солженицына в позднесоветский период (1970-е — 1991 гг.) // Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. С. 215–220.

Освещение образов артистов-невозвращенцев в советской печати в эпоху Перестройки

Images of Defector Artists in the Soviet Press during the Perestroika

***Аннотация.** Статья анализирует изменение подходов к освещению образов и деятельности артистов оперы и балета, покинувших Советский Союз, в советской печати. В исследовании проводится сопоставление подходов печатных изданий СССР к этому вопросу в эпоху до и во время Перестройки. Выявлены такие новации, как интерес к частной жизни артистов, освещение подробностей, предшествовавших эмиграции деятелей культуры, рефлексия о творческой жизни страны и переменах в политической и общественной жизни.*

***Ключевые слова:** Перестройка; периодическая печать; советская печать; гласность; невозвращенцы.*

***Abstract.** The article is highlighting changes in the coverage of images and activities of opera and ballet artists, who left the Soviet Union, in the Soviet press. The study compares the approaches of the USSR newspaper publications to this issue before and during Perestroika. Such innovations as interest in the private life of artists, coverage of details that preceded the emigration of cultural figures, reflection on the creative life of the country and changes in political and public life are revealed in the text.*

***Key words:** Perestroika; periodical sources; soviet press; glasnost; defector artists.*

В рамках статьи поставлены вопросы выявления новых аспектов освещения образов так называемых «невозвращенцев» — артистов оперы и балета — в советской печати и связи этих новаций со сменой идеологических векторов в период Перестройки. Вопрос бытования и обсуждения образов «невозвращенцев» в советской печати представляется важным, поскольку с их фигурами в разные периоды советской истории связаны достаточно полярные дискурсы.

Мы можем выявить возрастающий исследовательский интерес к советской печати эпохи Перестройки как к историческому источнику. Существует ряд серьёзных обобщающих научных работ, где исследуется связь между политикой гласности, демократизацией советского общества и свободой печати [20; 22; 29; 33]. Вместе с тем, в последние годы вышел целый ряд работ, посвящённых анализу отражения тех или иных конкретных сюжетов эпохи Перестройки в советской печати (в том числе в сборнике материалов первой конференции «Ветер Перестройки») [2; 6; 18; 27; 30]. В этой связи отметим, что проблема освещения жизни артистов, покинувших СССР, пока не пользуется популярностью в научных трудах, что подчёркивает актуальность её рассмотрения.

¹ МГУ им. М.В.Ломоносова, Исторический факультет, I курс магистратуры.
Lomonosov Moscow State University, Faculty of History, 1st year of Master's degree.

Источниковую базу исследования составили материалы советской прессы — газет «Советская культура», «Известия», журнала «Огонёк». Вышеуказанные издания имели объёмные тиражи, что позволяет судить об их значимости и популярности у советского читателя. Репортажи и заметки, используемые в данном исследовании, характеризуются некоторыми общими признаками: например, сочетанием политической повестки и интереса к культурной жизни и событиям, связанным с искусством. Эта связь, которая служит предметом анализа, существенна для настоящей статьи.

Для выявления новаций в указанном вопросе представляется важным кратко обозначить основные принципы освещения деятельности «невозвращенцев» до указанного периода. Так, имена Рудольфа Нуриева², Михаила Барышника, Натальи Макаровой, которых до отъезда газеты отмечали либо как перспективных и подающих надежды артистов [16, с. 4], либо как опытных, популярных у зрителя, отмеченных высокими наградами [4, с. 3] и пользующихся уважением коллег [9, с. 3] деятелей, начисто пропали со страниц газет сразу же после «побега», то есть сам факт того, что артисты оставили страну, не упоминался в печати даже в осуждающем ключе ни сразу, ни спустя время. Пожалуй, факт молчания об этом тоже можно считать красноречивым публичным высказыванием.

Примечательные исключения из этой тенденции — скандальный инцидент с артистами Людмилой Власовой и Александром Годуновым и лишение гражданства Мстислава Ростроповича и Галины Вишневской. Эти два случая получили освещение в центральных газетах. Ситуация с А. Годуновым, попросившим политическое убежище в США во время гастролей «Большого балета» в 1979 г., сопровождалась активной международной печатной полемикой. К тому же у побега А. Годунова была своего рода «пострадавшая сторона» — его супруга [17, с. 6; 23, с. 6; 28, с. 6], которая приняла решение вернуться в СССР, на контрасте с женой образ Годунова в печати представлял собой достаточно безвольно-го человека, которым манипулируют некие зарубежные провокаторы: «специалисты по разжиганию вражды между народами, которых страшат перспективы мирного сотрудничества, которым не по душе отклик, вызываемый у народа США советским искусством и, в частности, искусством Большого балета» [17, с. 6; 23, с. 6; 28, с. 6].

Лишение гражданства М. Ростроповича и Г. Вишневской также сопровождалось крупной критической статьёй в «Известиях», где артистов обвиняли в предательстве, низкопоклонстве перед Западом и даже сотрудничестве с белогвардейскими организациями (sic!) [8, с. 4], мысли из статьи «Идейные перерожденцы» были дополнены публикацией выдержек из интервью артистов с критикой в их адрес [25, с. 7].

Вновь советские издания вспоминают о покинувших страну уже в разгар Перестройки: в нейтральном ключе говорится о том, что они «были в прошлом солистами» советских театров, наподобие светской

² В работе используется написание фамилии как «Нуриев» вслед за материалами печати указанного периода.

хроники освещается их текущая карьера и деятельность вне сцены (например, то, что М. Барышников продаёт парфюмерию под брендом «Миша» и является успешным исполнителем в киноиндустрии) [14, с. 5; 26, с. 4], их имена возникают в интервью с зарубежными визитёрами в СССР [24, с. 9]. Они также становятся рекламными лицами и на внутреннем рынке: к примеру, имена Р. Нуриева и Н. Макаровой упоминаются в анонсе набора артистов в собственный театр балета Фонда Леонида Якобсона (в проспекте говорится о том, что прослушивания в труппу состоятся в здании Кировского театра³) [32, с. 7]. Далеко не всегда отзывы в жанре светской хроники положительно характеризуют артистов: в частности, образ А. Годунова на страницах газет достаточно непригляден: «Он сменил профессию — изредка снимается в эпизодических ролях в кино, один фильм я видел, эпизод секунд на тридцать, с развевающимися льняными волосами посреди бескрайнего поля» [1, с. 5]. Его жизнь, как не добившегося успеха за рубежом, не столь интересует советских обозревателей. Тех же, кто стал более знаменитым в эмиграции, с почётом возвращают к статусу «соотечественников» [11, с. 16].

«Возвращение имён» происходит и в буквальном смысле. Артисты получают возможность вернуться и выступить на родной сцене. Отзывы прессы подчёркивают, что эмиграция артистов и их вынужденное отсутствие негативно сказывается на развитии отечественной культуры: например, отмечается, что «в течение 28 лет наша страна оставалась, наверно, единственной балетной державой мира, где Нуриев не танцевал» [3, с. 1]. Артист давал интервью советским корреспондентам по поводу этого «очень эмоционального события», в них подчёркивались творческие связи с родным театром (в частности, с педагогами, ответственными за становление артиста), но также уделялось внимание недостаткам современного состояния советского балета: «Кировский театр пропитан традициями. Не знаю, правда, хорошо это или плохо...» [15, с. 7], его оторванности от мировых тенденций [12, с. 3].

Немаловажным «трендом» газетных публикаций можно назвать своеобразную «работу над ошибками», устранение «несправедливостей»: отмечается искусственность разрыва творческих связей и остракизма по отношению к выдающимся соотечественникам. Перемены в идейно-политическом восприятии артистов-невозвращенцев прямо связывают с эпохой Перестройки: «наша поездка, — говорит М. Ростропович, — стала возможной благодаря <...> политике гласности и перестройки (так в тексте — прим. авт.)» [19, с. 9]; «Когда мы уезжали отсюда — это был остров лжи. Сейчас атмосфера постепенно очищается» [7, с. 1].

Относительно М. Ростроповича и Г. Вишневецкой «раскрывает» контекст событий, предшествовавший лишению гражданства: читателям объясняют [13, с. 5], за что конкретно артисты подверга-

³ Театр оперы и балета им. Сергея Мироновича Кирова (Ленинград) — современный Мариинский театр (Санкт-Петербург).

лись давлению со стороны государства: «Он предъявил властям суровый моральный счёт от имени всех тех творцов, кто даже в годы “оттепели” подпадал под устные запреты» [5, с. 11]. Его политический акт также позиционируют в печати как предвестие настоящего времени, «весны обновления» [31, с. 5]: «Выбор фортуны пал на человека настоящего гражданского темперамента и по-особому обнажённой совести. Такие закладывали в компьютер истории программы нашего сегодняшнего пробуждения» [5, с. 11]. Дополнительно данные утверждения подкрепляют публикации «писем во власть» М. Ростроповича и Г. Вишневецкой в «Огоньке», иллюстрирующие ход заочной полемики с представителями госаппарата, которая предшествовала лишению гражданства [10, с. 30–32].

По информации в газетах становится понятным общее отношение к «невозвращенцам» в конце 1980-х гг.: их вновь «восстанавливают» в статусах и в правовом смысле — возвращая гражданство и награды, и в концептуальном — они уже не диссиденты, а «национальные сокровище» [11, с. 16]. Корреспонденты печати весьма критичны относительно ошибок прошлого: «...драматизм свершившегося в том, что он — *сын нашей земли* (курсив мой — А. Ц.), народный артист СССР — приехал в свою страну гастролёром из Америки. Как же мы расточительны...» [7, с. 1].

«Огонёк» поднимает вопрос о том, что уехавшие за рубеж деятели культуры занимаются коммерчески успешной деятельностью, в отличие от тех, кто остаётся в стране и зарабатывает не так много. Дирижёр Дмитрий Китаенко выносит своего рода «приговор» эпохе: «Не вижу ничего позорного и безнравственного в том, что Ростропович, Нуриев, Годунов, Макарова, Барышников — богатые люди. Дурно и стыдно то, что артисты в России живут бедно» [11, с. 16]. Следовательно, контраст между реалиями жизни «невозвращенцев» и советских артистов трансформируется в социальную критику советской действительности указанного периода.

«Искусство кино» постулирует назревшую перемену в оценке: «Ныне мы не склонны отвергать всех, кто *так или иначе* (курсив мой — А. Ц.) покинул свою родину» [21, с. 141], то есть те, кто по разным причинам покинул Советский Союз и мог подвергаться остракизму, вновь возвращаются к статусу соотечественников советских граждан.

Таким образом, в рамках данной статьи удалось проследить некоторые векторы, которыми характеризуется картина жизни и творчества советских артистов, покинувших Родину в 1960–1980-е гг. в материалах печати в период с 1985 по 1991 гг., а также выявить существенные изменения в освещении образов и деятельности бывших «невозвращенцев» с наступлением эпохи Перестройки и связь этого явления с политикой Михаила Сергеевича Горбачёва. Можно сделать вывод о том, что с началом Перестройки в общественное сознание через страницы печати возвращаются забытые и подвергнутые остракизму артисты, покинувшие до этого страну. Советскому чита-

телю сообщают о том, как живут соотечественники из среды оперы и балета, оказавшиеся за рубежом, уделяется внимание их коммерческим успехам, творческим достижениям, их взглядам на прошлое и настоящее страны.

Список источников

1. Авдеенко А. Балет: несколько сюжетов из американского блокнота // Советская культура. 1987. 12 сентября. № 110. С. 5.
2. Атаманенко А. А. Содержательный анализ общественно-политического ежемесячника «Горизонт» за 1990 г. Общественные настроения «за пять минут до полуночи» // Ветер Перестройки. 2021: Сборник материалов первой Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 28–30 октября 2021 г. СПб., 2022. С. 47–51.
3. Горчакова Э. Нуриев в «Сильфиде» // Советская культура. 1989. 16 ноября. № 136. С. 1.
4. Грани мастерства: первое впечатление // Известия. 1974. 25 февраля. № 48. С. 3.
5. Грум-Гржимайло Т. Возвращение. Размышления в канун гастролей на Родине Мстислава Ростроповича // Советская культура. 1990. 10 февраля. № 6. С. 11.
6. Жигалова Г. А. Отражение Августовского путча в журнале «Огонёк» // Ветер Перестройки. 2021: Сборник материалов первой Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 28–30 октября 2021 г. СПб., 2022. С. 52–56.
7. Игнатьева М. Вихрь Ростроповича // Советская культура. 1990. 17 февраля. № 7. С. 1.
8. Идеиные переорождения // Известия. 1978. 16 марта. № 63. С. 4.
9. Интервью Майи Плисецкой // Литературная газета. 1974. 1 мая. № 18. С. 3.
10. Калинина Т. «...Неся в себе вдохновение и огонь своего народа» // Огонёк. 1990. № 7. С. 30–32.
11. Китаенко Д., Боссарт А. Уроки музыки // Огонёк. 1989. № 18. С. 16.
12. Коваленко Ю. Нуриев — на сцене Кировского // Известия. 1989. 12 ноября. № 317. С. 3.
13. Коваленко Ю. М. Ростропович: Для меня многое значит мое достоинство // Известия. 1989. 23 января. № 24. С. 5.
14. Коваленко Ю. Рудольф Нуриев уходит? // Известия. 1989. 14 октября. № 288. С. 5.
15. Краюхин С. Рудольф Нуриев: Триумф через 28 лет // Известия. 1989. 17 ноября. № 322. С. 7.
16. Ленинградский балет выехал в Париж // Советская культура. 1961. 13 мая. № 56. С. 4.
17. Людмила Власова: «Это было как в кошмарном сне» // Советская культура. 1979. 31 августа. № 70. С. 6.
18. Матлин А. Д., Пученков А. С. Сохраним Ленинград? К вопросу о возвращении исторического названия городу (по материалам газеты «Ленинградская Правда») // Russian Colonial Studies. 2019. № 4. С. 32–55.
19. Матия В. Шестнадцать лет спустя // Советская культура. 1990. 20 января. № 3. С. 9.
20. Муравьев Д. Н. Пресса в процессах перестройки (1985–1991 гг.) // Наука и современность. 2010. № 1–1. С. 134–138.
21. Наши за границей [ответ на письма читателей «Досье НК»] // Искусство кино. 1989. 30 июня. № 6. С. 141.
22. Никонова С. И. СМИ в идеологической системе последних десятилетий советской власти // Фундаментальные исследования. 2014. № 6–2. С. 390–393.
23. Осуждение грубого произвола // Известия. 1979. 29 августа. № 202. С. 6.
24. Очарованная страница [Интервью с Татьяной Лесковой, руководителем балетной труппы Бразильского муниципального театра] // Советская культура. 1989. 24 июня. № 75. С. 9.
25. Петров Б. Плоды самовыражения // Советская культура. 1978. 24 марта. № 25. С. 7.
26. Прасе, Ф. Михаил Барышников уходит из балета? // Известия. 1989. 22 июня. № 174. С. 4.
27. Пылаев П. Д. «Правда перестает быть горькой». Трансформация общества в годы Перестройки на примере Нижнего Новгорода // Ветер Перестройки. 2021: Сборник материалов первой Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 28–30 октября 2021 г. СПб., 2022. С. 302–309.
28. Рассказывают члены экипажа самолета // Советская культура. 1979. 31 августа. № 70. С. 6.
29. Рихтер А. Г. «Свобода печати» и «гласность» в СССР // Гласность и журналистика: 1985–2005 / Под ред. Я. Н. Засурского, О. М. Здравомысловой. М., 2006. С. 85–101.

30. Самелик Ю. Л. Характерные черты сюжетов о масонстве в постсоветской России (по материалам СМИ 1990-х гг.) // Ветер Перестройки. 2021: Сборник материалов первой Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 28–30 октября 2021 г. СПб., 2022. С. 63–69.

31. Смирнов М. О записях Ростроповича // Советская культура. 1989. 9 февраля. № 17. С. 5.

32. Фонд Леонида Якобсона. Ленинград — Сан-Франциско [рекламное объявление в газете] // Советская культура. 1990. 21 июля. № 29. С. 7.

33. Streljanuj A. О советской печати // Revue des Études Slaves. 1990. Vol. 3 (62). P. 591–598.

Для цитирования:

Цветкова А. Ф. Освещение образов артистов-невозвращенцев в советской печати в эпоху Перестройки // Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. С. 221–226.

Жулякова Наталия Вениаминовна | Zhilyakova Natalia Veniaminovna¹

Перестройка в зеркале СМИ (на материалах молодёжной газеты Томска «Молодой ленинец»)²

Perestroika in the mirror of the media (on the materials of the youth newspaper of Tomsk “Young leninist”

Аннотация. В статье рассматривается изменение тематики молодёжной газеты Томска «Молодой ленинец» в период Перестройки (1985–1988 гг.). Отмечается постепенное замещение тем, соответствующих советскому строю, на актуальный проблемно-тематический спектр, отражающий изменения в жизни российского общества конца XX в. Журналисты писали о перестройке в области экономики и политики, о таких новых явлениях, как хозрасчёт, кооперативные предприятия, ЭВМ и так далее. На страницах газеты было зафиксировано появление регионального рок-движения. Однако одновременно продолжались освещаться темы комсомольской и партийной жизни, пионерского движения.

Изучение газеты позволяет увидеть вхождение новых реалий в жизнь обычных жителей российского региона, проанализировать осмысление горожанами «перестроечного» времени.

Ключевые слова: журналистика; Перестройка; Томск; «Молодой ленинец».

Abstract. The article discusses the change in the subject of the youth newspaper of Tomsk “Young leninist” during the period of Perestroika (1985–1988). There is a gradual replacement of topics relevant to the Soviet system with an actual problem-thematic spectrum, reflecting changes in the life of Russian society at the end of the 20th century. Journalists wrote about perestroika in the field of economics and politics, about such new phenomena as self-financing, cooperative enterprises, computers and so on. The appearance of a regional rock movement was fixed on the pages of the newspaper. However, at the same time, the topics of Komsomol and party life, the pioneer movement, continued to be covered.

The study of the newspaper allows us to see the entry of new realities into the life of ordinary residents of the Russian region, to analyze the understanding of the “perestroika” time by the townspeople.

Key words: journalism; Perestroika; Tomsk; “Young leninist”.

Исследователи журналистики фиксируют феноменальное явление: «“ближняя история” изучена гораздо слабее, чем предшествовавшая» [4, с. 12]. Действительно, для научного осмысления

¹ Д-р филол. наук, доц., зав. каф. теории и практики журналистики Томского государственного ун-та. Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Theory and Practice of Journalism of Tomsk State University.

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22–18–00511: <https://rscf.ru/project/22-18-00511>.

и рефлексии сложных процессов, протекающих в медиасфере, необходима определённая временная дистанция. Вероятно, именно поэтому только сейчас, в начале 2020-х гг., медиаисследователи обращаются к журналистике 1990-х гг. с целью систематизации накопленных сведений, определения этапов развития журналистики и выявления специфики трансформации системы СМИ в медиасистему [3; 22].

Необходимо отметить, что первые попытки осмысления процессов, протекающих в российской медиасфере, были сделаны уже в конце 1990-х и начале 2000-х гг. — это работы исследователей И. И. Засурского, Е. И. Имамовой, И. В. Корневой, Я. В. Назаровой, Р. П. Овсеяна [13; 14; 15; 18; 21; 22] и др. В статьях, монографиях, диссертационных работах рассматривались история освобождения СМИ от партийной идеологии, коммерциализация изданий, типологические трансформации в медиасфере. Однако большинство исследований сосредоточено на восстановлении общей картины эволюции российских медиа, а основным материалом в них являются, как правило, столичные СМИ. Региональная журналистика рубежа XX–XXI вв. является малоисследованной, что можно увидеть на примере изучения СМИ Томской области. Так, до недавнего времени основными работами, отражающими историю журналистики в период Перестройки и после неё, являлись две коллективные монографии: «Телевидение Сибири» и «Телевидение Сибири: история, теория и практика» [27; 28], несколько научных статей о томских СМИ [6; 7; 19], статьи в энциклопедиях Томска и Томской области [29; 30; 31], книги по истории отдельных органов печати [1; 2]. Однако в последние годы деятельность медиаисследователей активизировалась, что привело к значительному увеличению количества публикаций о томской журналистике нового и новейшего времени [5; 8; 9; 10; 11; 12].

В целом, необходимо подчеркнуть, что изучение региональной журналистики в настоящее время идет «точно» [16; 17; 23; 25; 26], на данный момент нет обобщающих работ, описывающих изменения в системе региональных СМИ периода Перестройки. Также ощущается недостаток исследований проблемно-тематического спектра ведущих СМИ региона, которые позволили бы увидеть процессы «внутренней», содержательной трансформации изданий. В рамках этого направления проведён анализ молодёжной газеты Томска «Молодой ленинец», выходявшей в Томске в период Перестройки, который лёг в основу настоящей статьи.

Цель исследования — выявление основных этапов изменения проблемно-тематического спектра газеты «Молодой ленинец» в 1985–1988 гг., отражающего жизнь «перестроечной» России, Сибири, Томска. Основными методами являются фронтальный анализ годовых комплектов периодического издания, содержательный проблемно-тематический и сравнительный анализ. Материал иссле-

дования — номера «комсомольско-молодёжной» газеты «Молодой ленинец» — органа Томского обкома и горкома ВЛКСМ, издающегося с 1951 г.³ [20].

Новейшая история томской журналистики, как и российской в целом, началась в 1985 г. с объявления курса на ускорение социально-экономического развития СССР. В 1985 г. «Молодой ленинец» выходил три раза в неделю, редакция состояла из традиционных для советской газеты отделов: комсомольской жизни, пропаганды и агитации, учащейся молодёжи, рабочей и сельской молодёжи, спорта и оборонно-массовой работы. В газете освещались комсомольские мероприятия, международная жизнь, рассматривались материалы партийных пленумов. Постоянно встречались такие рубрики, как «Трибуна молодого гвардейца пятилетки», «Делегат областной конференции», «Пятилетку — досрочно», «За рубежом», «Будь другом, досуг», «Час письма», «После того, как вышла газета» и др. Одной из тем, которая постоянно встречалась на страницах газеты, была помощь молодёжи в сфере животноводства («Животноводство — ударный фронт»). Кроме этого, велись «Странички для старшеклассников», публиковались спецвыпуски «Студенческая параллель», «Юная смена». Тематические выпуски посвящались Дню Победы, XII Всемирному фестивалю молодёжи и студентов. Много места занимали новости из томских районов: Парабельского, Асиновского, Тегульдетского, Первомайского, Колпашевского и других.

Слова «ускорение» и «Перестройка» только изредка встречались на страницах газеты — в основном в материалах, посвящённых апрельскому пленуму ЦК КПСС. На протяжении 1985 г. проблемно-тематический спектр газеты постепенно менялся: увеличивалось количество материалов, посвящённых трезвому образу жизни, освоению компьютерной техники (рубрика «Твой друг — ЭВМ» появилась в № 107, 1985), новой музыке, которую олицетворяли такие музыканты, как Валерий Леонтьев [20, 1985. № 145], Алла Пугачёва (выступала в Томске в 1985 г. [20, 1985. № 152, 153]). Молодой сотрудник редакции Юлий Сергеевич Буркин обращал внимание читателей на творчество зарубежных музыкальных групп, и прежде всего — «Битлз» [20, 1985. № 128–131]. В рубрике «Киносалон “МЛ”» давались рецензии на выходящие фильмы. Кроме журналистских материалов, в газете публиковались программа телепередач, афиша томских кинотеатров, шахматные партии, ноты и тексты песен, рецепты блюд.

В 1986 г. газета стала еженедельником⁴, что позволило ей давать разносторонний анализ томской молодёжной жизни. Начались эксперименты в области газетного дизайна: выходили рисованные

³ В заголовочном комплексе указывалось, что газета была основана 25 февраля 1920 г. По-видимому, речь шла об одноименной томской газете, чьи традиции продолжал «Молодой ленинец» 1950-х гг.

⁴ Нумерация «Молодого ленинца» в 1986–1987 гг. представляла собой указание на двоянные, иногда даже строенные номера: № 1–2, № 43–45 и т. д.

обложки, коллажи, использовались цветковые вставки в чёрно-белое оформление первых полос. Появилась реклама — пока только как объёмные текстовые блоки. В 1986–1987 гг. в кинорубрике обсуждались фильмы, которые произвели огромное впечатление на россиян: «Иди и смотри» [20, 1986. № 1–2, 3–6, 55–56], «Плюмбум, или опасная игра» [20, 1987 № 43–45], «Легко ли быть молодым?» [20, 1987 № 49–51, 76–78], «Покаяние» [20, 1987. № 58–60]. Однако вхождение новых тем в газетное пространство шло постепенно, и в 1985–1988 гг. на страницах «Молодого ленинца» были представлены как материалы, написанные «по лекалам» советской журналистики, с привычными для читателя заголовками «Битва за хлеб выиграна», «Передовик — это почётно», «Человек на своем месте», так и публикации, отражающие «приметы времени»: «Нам нелегко даётся гласность», «Рок с обратной стороны», «Пароль: ускорение, творчество, дисциплина!» и так далее. Появились публикации о рок-музыке, как российской, так и томской [20, 1986. № 135–138, 151–152, 153–156]. Рядом с материалами об открытии XXVII съезда КПСС публиковались тексты разворота «Дети и деньги» [20, 1986. № 25–26], рядом с рубрикой «В обкоме КПСС» — материалы о брейк-дансе [20, 1986. № 39–42]. Так газетные полосы фиксировали мировоззренческий, идеологический и экономический «слом», происходящий в этот период в России.

В 1987 г. в Томске открылись первые кооперативные кафе: рассказы об этом опыте занимали целые полосы, как и репортажи об их посещениях. Так, в репортаже «Заглянем в “Чебуреки”?» журналисты заинтриговывали читателей парадоксальностью новых понятий: «Об этом кафе мало кто из томичей знает. Потому что открылось оно совсем недавно, да и находится далеко не в центре — добраться нужно на трамвае № 3 до городка строителей, затем отыскать дом с табличкой “Колхозная, 9”. Хозяева, взявшие в аренду помещение, и сами, прибыв сюда в первый раз, долго ходили вокруг и не могли найти своё будущее кафе среди рабочих общежитий. Стоп! Почему хозяева? Почему аренда? Потому что речь идёт о кооперативном кафе “Чебуреки”» [20, 1987. № 89–90]. Рубрика «Внимание: первый опыт» была призвана дополнительно заинтересовать тех, кто хотел узнать больше об инициативе организаторов первого в Томске кооперативного кафе.

Публикация «У Белого озера» анализировала потребность томичей в ночном кафе (под названием «У озера»). Журналист подчёркивал: «Без многого жили, но в новых экономических условиях целесообразность того или иного шага в сфере услуг и торговли должен решать спрос» [20, 1987. № 145–147].

Журналисты освещали первый книжный аукцион в Томске [20, 1987. № 121–123], обращали внимание на открытие первого кооперативного фотосалона [20, 1988. № 2], писали о работе кооператива «Салам» [20, 1988. № 7]. Темы хозрасчёта, МЖК (молодежных жилищ-

ных кооперативов), рок-фестивалей стали постоянными и привычными для журналистов и читателей «Молодого ленинца», и трудно было поверить, что ещё три года назад ни этих тем, ни слов, ни явлений не было в жизни россиян.

С газетой активно сотрудничали студенты и выпускники отделения журналистики филологического факультета Томского государственного университета. С их помощью был выпущен номер, который можно назвать «переломным» в судьбе «Молодого ленинца» — № 18, 1988 г. Главным лозунгом номера стали слова: «Хотим быть услышанными». Редакция намеренно ослабила контроль над содержательной частью газеты, поэтому молодым журналистам удалось осветить многие «жареные» темы, в том числе о сексуальном просвещении томичей. Публикация, посвящённая ранее запретной для публичного освещения теме, носила длинное название: «“Ниже уровня городской канализации уровень сексуальных знаний томичей”: таково мнение врача-сексопатолога» [20, 1988. № 18]. Это было интервью студента отделения журналистики Андрея Острова с несколькими томскими врачами — зав. кафедрой акушерства и гинекологии Томского медицинского института Анной Алексеевной Радионченко, врачом-сексопатологом Павлом Сергеевичем Гынгазовым и др., рассказывающими о проблеме просвещения советского человека в сфере «интима». С точки зрения современного читателя, в нём не содержалось ничего особенно шокирующего, однако, как выяснилось при опросе томских журналистов, работавших в 1980–1990-х гг. в местных СМИ, этот материал «задержался» в памяти современников — именно благодаря броскому заголовку.

Отзывы читателей, которые публиковались в газете после выхода «студенческого» номера «Молодого ленинца», позволяют сделать вывод о том, что этот опыт был оценён как позитивный:

«Уважаемая редакция! Поздравьте отделение журналистики ТГУ с удачей. № 18 “Молодого ленинца” я прочитала “от корки до корки” очень внимательно, и просто в восторге от него. Мне кажется, игра стоит свеч, и нужно почаще ставить такие эксперименты. Вы хотите быть услышанными, и, честное слово, вас услышат. Молодёжь лучше поймет друг друга» [20, 1988. № 21];

«Признаюсь, был немало удивлен, когда прочёл, что номер полностью сделан руками студентов ТГУ. Хотя давно на такое надеялся...» [20, 1988. № 21];

«Эксперимент с участием студентов журналистики ТГУ мне очень понравился. Газету прочёл “от корки до корки”, все материалы своевременны и интересны. Но самые-самые, по-моему, “Возвращение?”, “Снимите шляпы, господа!”, интервью с Ж. Агузаровой и материал “Ниже уровня...”» [20, 1988. № 21].

По воспоминаниям журналистов, редактора пытались привлечь к ответственности за этот эксперимент, но ему удалось избежать серьёзного наказания. После «студенческого» номера тематиче-

ская палитра «Молодого ленинца» стала быстро меняться в сторону большего присутствия «перестроечных» тем, что позволяет выделить период 1985–1988 гг. как «переходный» в истории газеты.

Авторами текстов «Молодого ленинца» в рассматриваемый период были журналисты, многие из которых до сих пор являются ведущими сотрудниками медиасферы в Томске и за его пределами: это Вера Константиновна Петунина (ныне Долженкова, редактор газеты «Томские новости+» и председатель Томского отделения СЖР), Андрей Остров (ведущий телеграм-канала «Обитаемый Остров»), Татьяна Леонидовна Веснина (кандидат филологических наук, искусствовед, театральный критик и собственный корреспондент по Сибирскому региону газеты «Культура»), Светлана Николаевна Шерстобоева (публицист и писатель, в настоящее время проживает за рубежом), Сергей Иванович Никифоров (публицист, писатель, краевед), Юлий Сергеевич Буркин (музыкант, переводчик, писатель) и многие другие.

Сведения о тиражах «Молодого ленинца» начали публиковать только в период Перестройки, и эти данные показывают, что тираж газеты рос от 35.473 экз. [20, 1986. № 105–108] до 47.000 экз. [20, 1987. № 73–75].

Анализ материалов «Молодого ленинца» позволяет сделать вывод о том, что на страницах газеты была запечатлена история города, начиная с периода Перестройки и вплоть до 1990 г. В публикациях отразилось вхождение новых реалий в жизнь обычных жителей российского региона, осмысление журналистами и читателями периоды происходящих в стране событий и их оценка. Судя по публикациям томской газеты, первый этап Перестройки был поддержан обществом, которое испытывало чувства свободы и интереса к новым явлениям, ощущало потребность в переменах. В последующие годы СМИ зафиксировали появление совсем других общественных настроений, что также возможно выявить при помощи анализа периодических изданий.

Список источников:

1. «Век с любимой газетой»: к столетию Томской областной газеты «Красное знамя» / ред.-сост. Н. И. Маскина. Томск, 2018. 219 с.
2. «Правда Севера» с читателем 90 лет: сб. заметок, зарисовок, очерков. Архангельск: ОАО «ИПП «Правда Севера», 2007. 270 с.
3. Алексеев К. А. Новейшая история российской журналистики (1990–2010 гг.): уч. пособие. М.; Берлин, 2021. 400 с.
4. Ахмадулин Е. В. Методологические подходы к созданию энциклопедии российской печати // Кросс-культурное пространство литературной и массовой коммуникации — 6. Материалы Международн. научн. конф. Ростов-на-Дону, 2018. С. 10–14.
5. Войткова В. А. Периодическая печать Томска в 1990-е гг.: анализ динамики развития // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 77. С. 12–19.
6. Горбунова Т. Ю., Жилякова Н. В. Типологические трансформации в прессе «закрытого» города («Новое время», ЗАТО Северск) // Вопросы журналистики. 2018. № 4. С. 5–24.

7. Еришов Ю. М. О бабе Маше и медийной интерпретации конфликтов // *Век информации*. 2015. № 3. С. 38–40.
8. Жилиякова Н. В. Краеведческая журналистика Томска в 1990-х годах: основные типы изданий // *Медиаисследования 2022 / под ред. Т. А. Семилет, И. В. Фотиевой; Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет: Изд-во Алт. ун-та*, 2022. С. 73–80.
9. Жилиякова Н. В. Новейшая история томской журналистики: газеты, журналы и электронные СМИ в периоды «перестройки» и «лихих девяностых» // *Век информации*. 2020. Т. 8. № 3. С. 58–67.
10. Жилиякова Н. В. Периодизация развития журналистики Томской губернии/Томской области // *Вестник Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика*. 2022. № 5. С. 63–81.
11. Жилиякова Н. В., Гетманская В. В., Короткова А. А. Особенности освещения томского рок-движения 1990-х годов в местной прессе (на примере публикаций газеты «Молодой ленинец») // *Региональная журналистика в фокусе времени: сб. науч. ст. / отв. ред. Д. А. Ефремов. Ижевск: Удмуртский университет*, 2022. С. 93–105.
12. Жилиякова Н. В., Мишанкина Н. А., Еришова В. Е. Трансформации региональной медиасистемы с 1990-х до 2020-х годов (на примере Томска и Томской области) // *Коммуникация в современном мире: материалы Международной научно-практической конференции исследователей и преподавателей журналистики, рекламы и связей с общественностью, 20–21 мая 2022 г. Ч. 1. Воронеж, 2022*. С. 117–119.
13. Засурский И. И. Масс-медиа второй республики. М.: Изд-во МГУ, 1999. 272 с.
14. Засурский И. И. Реконструкция России. Масс-медиа и политика в 90-е годы. М.: Изд-во МГУ, 2001. 288 с.
15. Имамова Е. И. Эволюция отечественного информационного и информационно-аналитического телевидения: конец 80-х — 90-е годы: дисс... канд. филол. н. М., 2000. 286 с.
16. Климова К. В. Региональные средства массовой информации как источник изучения // *Вестник Томского государственного университета*. 2013. № 371. С. 99–102.
17. Коломийцева Е. Ю., Крылова Н. В. Публицистика Юрия Полякова в информационном пространстве России 1990-х годов // *Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева*. 2019. Т. 1. № 4. С. 130–137.
18. Корнева И. В. Телевизионное пространство и его виртуальные образы: из опыта отечественного телевидения 1990-х годов: дисс... канд. филол. н. СПб., 2002. 221 с.
19. Кручевская Г. В. «Медленное медиа о Томске» (интернет-журнал «Томский обзор») // *Медиа в современном мире. 58-е Петербургские чтения: сб. мат-лов Междунар. научн. форума. В 2-х томах. СПб., 2019*. Т. 1. С. 221–222.
20. Молодой ленинец. Газета. Томск. 1985–1988.
21. Назарова Я. В. Информационное телевидение государственных и частных телеканалов: эволюция, сравнительный анализ: 90-е годы: дисс... канд. филол. н. М., 2001. 225 с.
22. Ненашев М. Ф. Иллюзии свободы. Российские СМИ в эпоху перемен (1985–2009). М., 2010. 315 с.
23. Новикова М. Н. Региональная пресса как участник процесса переосмысления отечественной истории в эпоху перестройки (на материалах газеты «Горьковский рабочий») // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. История*. 2016. № 4. С. 65–73.
24. Овсепян Р. П. История новейшей отечественной журналистики (февраль 1917 — начало 90-х годов): Учебное пособие / Под ред. Я. Н. Засурского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. 208 с.
25. Сарычева А. В. Оренбургская областная официальная периодическая печать и особенности ее трансформации в период перестройки (1985–1991 гг.) // *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. 2010. № 3. С. 126–131.
26. Соколова Т. Л. Понятия «Перестройка», «Демократизация», «Гласность» в материалах региональной печати 1985–1991 годов // *Вопросы территориального развития*. 2015. Вып. 5 (25). С. 1–14.
27. Телевидение Сибири: история, теория и практика / В. С. Байдина, Э. В. Блинова, Е. А. Войтик, Ю. М. Еришов, С. А. Мансков, Е. А. Манскова, А. Е. Ярославцева / под ред. Ю. М. Еришова. Томск: Издательский Дом Том. ун-та, 2015. 184 с.
28. Телевидение Сибири: монография / А. Е. Ярославцева, В. С. Байдина, Э. В. Блинова, О. А. Ерёмко, Ю. М. Еришов, О. Е. Макеева, Е. В. Халина / под ред. А. Е. Ярославцевой. Изд. 2-е, доп. и испр. Томск: Изд-во НТЛ, 2011. 208 с.
29. Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города / Под ред. д-ра ист. наук Н. М. Дмитриенко. Томск: Изд-во НТЛ, 2004. 440 с.

30. Томск. История города от основания до наших дней / Отв. ред. Н. М. Дмитриенко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 430 с.

31. Энциклопедия Томской области. Т. 2: Н—Я. Томск: Изд-во Том. ун-та. 2009. 465 с.

Для цитирования:

Жилякова Н. В. Перестройка в зеркале СМИ (на материалах молодёжной газеты Томска «Молодой ленинец») // Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. С. 227–234.

Трансформации советской архитектурной периодики в эпоху Перестройки 1985–1991 гг.

Transformations of Soviet architectural periodicals in the Era of Perestroika 1985–1991

***Аннотация.** В данной статье предпринята попытка охарактеризовать специфику трансформаций советской архитектурной периодики в эпоху Перестройки на примере журналов «Архитектура СССР», «Архитектура и строительство Москвы», «Архитектура и строительство России», «Архитектура и строительство Подмосковья». Масштабные социальные и культурные изменения эпохи находят своё отражение в изменениях как политических, так и профессиональных архитектурных дискурсов. На материале архитектурной периодики 1985–1991 гг. анализируются основные особенности «перестроечного» дискурса об архитектуре, связанные с распадом «формального языка» критики, усилившейся профессиональной рефлексией, широкими общественными обсуждениями, а также распространением «антимодернистских» ценностей и идей.*

***Ключевые слова:** архитектурная периодика; Перестройка; СМИ.*

***Abstract.** This article is an attempt to characterize the specifics of the transformations of Soviet architectural periodicals in the era of Perestroika using the material of the journals “Arhitektura SSSR”, “Arhitektura i stroitelstvo Moskvu”, “Arhitektura i stroitelstvo Rossii”, “Arhitektura i stroitelstvo Podmoskovya”. The large-scale social and cultural changes of this period are reflected both political in and professional architectural discourses. On the material of 1985–1991 architectural periodicals, analysis of the the main features of the perestroika-era architectural discourse is provided. This includes such topics as the disintegration of «formal» critical language, increased professional self-reflection, broad public discussions, as well as the dissemination of “anti-modernist” values and ideas.*

***Keywords:** architectural periodicals, Perestroika; Mass media.*

Советская архитектурная периодика в культурологическом разрезе — тема слабо изученная. Одной из немногих попыток проанализировать дискурсивные изменения в её рамках стала статья Д. Е. Фесенко [25], написанная как бы «изнутри»: Фесенко работал редактором одного из отделов журнала в 1990–1992 гг., данная статья также была опубликована на его страницах. Одним из ценных наблюдений автора является выделение «мощной бюрократической линии», начало которой он относит к середине 1970-х гг. Действительно, архитектурная периодика, как, вероятно, и иные профессиональные

¹ РГУ, факультет культурологии, II курс аспирантуры.

Russian State University for the Humanities, Faculty of Cultural Studies, 2nd year postgraduate student.

сферы во время эпохи «застоя», отличается тяжеловесным сочетанием официального языка советской идеологии с «формальным» архитектурным языком, как обозначает его В. Басс [2], подразумевая эклектический набор клише и умозрительных категорий, которые сформировались в т.ч. благодаря широкой популярности книги «Элементы объёмно-пространственной композиции». Здесь стоит вспомнить концепцию А. Юрчака [28], согласно которой с 1950-х гг. в советском официальном дискурсе начала расти «перформативная» составляющая, т.е. использование специфического языка для демонстрации своей советской идентичности, при этом смысловая часть деградировала и опустошалась, не будучи в состоянии реагировать на исторические изменения. Отсюда — засилье стандартизованных лозунгов, специфический язык идеологических клише, ограниченный сравнительно небольшим набором комбинаций. При этом А. Юрчак отмечает, что возникающий в Перестройку новый дискурс не только вскрыл множество явлений советского прошлого, которые ранее не могли быть подвергнуты обсуждению и анализу, но и одновременно породил ряд новых устойчивых мифов, появившихся в контексте доминирующей политической риторики 1980–1990-х гг [28, с. 71–76]. Эти процессы проявляются и в архитектурном дискурсе, выражаясь в том числе в линии отрицания какой-либо ценности позднесоветской архитектуры, или же всего советского архитектурного наследия, с чем можно столкнуться, исследуя «перестроечную» риторику ВООПИиК или выступления известного художника Ильи Глазунова данного периода [3, с. 62–66].

Для изучения «перестроечных» трансформаций советской архитектурной периодики были проанализированы следующие издания 1985–1991 гг.: «Архитектура СССР» (печатный орган Союза архитекторов СССР, а также Государственного комитета по гражданскому строительству и архитектуре), «Архитектура и строительство Москвы» (журнал Исполкома Московского городского Совета народных депутатов), «Архитектура и строительство России» (орган Госстроя РСФСР и Союза Архитекторов РСФСР), «Архитектура и строительство Подмосковья» (орган ГлавАПУ Мособлисполкома), что репрезентирует как крупные всесоюзные журналы, так и более локальные, связанные, как правило, с территориальными проектными управлениями². В контексте данной работы мы условно разделяем их на два этапа: «начальный» 1985–1987 гг. и 1987–1991 гг., связанный с периодом широкого распространения идеологии гласности.

На начальном этапе реакция архитектурной периодики на Перестройку скорее наследует «бюрократической» линии, демонстрируя вполне единодушную поддержку решений партийных съездов в статьях с типовыми заголовками: «Перестройка в пути» [19] и «Впереди большая работа» [9]. Заметной тенденцией в этот период становится интенсификация критики строительного комплекса.

² В скобках указана ведомственная принадлежность изданий, вероятно, представляющая интерес с точки зрения дальнейшего более детального изучения источников, например, с точки зрения политической окрашенности текстов.

Хотя критику строительства можно назвать одной из неотъемлемых частей советских профессиональных архитектурных изданий на протяжении практически всей истории их существования, в данный период она приобретает вполне конкретный характер. Впервые появляются открытые заявления о глубоких системных проблемах отрасли, сложностях в реализации намеченных государством планов, а порой и невозможности в текущих условиях. В области архитектурного дискурса становятся более отчётливыми симпатии к постмодернистской архитектуре и взгляды, близкие к концепции «нового урбанизма», вероятно, под влиянием ранее изданных «Стройиздатом» работ «Образ города» Кевина Линча [15] в 1982 г. и «Язык архитектуры постмодернизма» Чарльза Дженкса [7] в 1985 г.

Для второго этапа «перестроечного» периода характерна радикальная трансформация дискурса архитектурной критики: в 1988 г. в «Архитектуре СССР» в ответ на пожелания читателей традиционная рубрика «Панорама», в которой публиковались фотографии новых архитектурных сооружений, начинает сопровождаться короткими аналитическими текстами известного публициста Вячеслава Глазычева, разительно отличающихся от тех образцов архитектурной критики, которую можно было встретить на страницах журнала в «доперестроечный» период. Так, к примеру, комментарий о новом здании Государственной республиканской детской библиотеки в Москве достаточно жёстко подводит итоги предшествующих лет: *«бездушие и расточительность при отсутствии фантазии — точное отражение в архитектуре периода “застоя” и равнодушия»* [4], а заметка о суперграфике в центре Риги демонстрирует неожиданно экспрессивные сравнения: *«...появление на площади “гигантского радиоприёмника”, подражающего классическому поп-артистскому памятнику в духе Раушенберга»* [5]. Для сравнения обратимся к «образцовому» примеру «доперестроечной» архитектурной критики: в 1981 г. на страницах журнала про новый комплекс института в Киеве были написаны следующие слова: *«планировочное решение тщательно проработано с точки зрения функциональной и объёмно-пространственной, и при всей живописности различных по назначению и объёмам сооружений весь корпус воспринимается цельно и выразительно»* [22], что, на наш взгляд, является своеобразной квинтэссенцией формального языка советской архитектуры. Схожие процессы наблюдаются на страницах «Строительства и архитектуры Москвы»: рецензия на новую застройку многоэтажными панельными домами превращается в лирическое эссе о «тоске по утраченной гармонии» [10], а в отношении монумента русско-грузинской дружбы на Тишинской площади Народного художника СССР Зураба Церетели критик Вильям Мейланд уже не скупится в выражениях, характеризуя памятник как (прописные буквы — авторские) *«огромный ВЕРТИКАЛЬНЫЙ ШАШЛЫК, который по недоразумению наречён “монументом”»* и обвиняя автора в *«антихудожественности и претенциозности»* [18]. Стоит обратить внимание на то, что объёмы публикаций

об отечественных архитектурных новинках начинают стремительно сокращаться к 1989–1991 гг., что можно связать как с замедлением темпов строительства — об этом свидетельствует как рубрика «Московский долгострой» в «Строительстве и архитектуре Москвы», появившаяся в 1990 г., так и то, что многие критические рецензии пишутся о свежесданных объектах, давно вышедших из архитектурной «моды» из-за того, что строились десятилетиями. В этом контексте характерно переключение фокуса на частную и даже непрофессиональную архитектуру, в рамках которого печатный орган Госстроя РФ (!) «На стройках России» размещает рецензию на дачный «вернакуляр» [29]. Вместе с этим растёт представленность на страницах журналов западной архитектуры: в 1991 г. «Архитектура СССР» опубликует целый номер переводных статей ведущих западных архитекторов и критиков, — а также исторический уклон: постепенно в моду снова входит архитектура дореволюционной эпохи, усиливается поддержка движений по защите культурного наследия. Даже в наибольшей степени исследуемых изданий сосредоточенная на технической сфере архитектуры «Архитектура и строительство Подмосковья» постепенно смещается в сторону «сохранения традиций русского зодчества» и публикаций про старинные русские усадьбы [16].

Е. М. Есикова обращает внимание на чрезмерную экспрессивность языка «перестроечной» прессы — даже в небольших заметках [8]. Это оказывается одной из черт, характерной для всей исследуемой архитектурной периодики в 1987–1991 гг. Когда-то дежурные заметки о бесхозяйственности и строительных проблемах теперь публикуются под громкими заголовками: «В защиту обыкновенной урны...» [13], «Нет повести печальнее...» [12], написанные в острой критической манере: «на московских улицах неопрятно, грязно, порой омерзительно», «бороться с этим варварством». Такие эмоциональные заголовки, как «Кто ответит на вопрос?» и «Специалист бьёт тревогу», становятся вполне стандартными для «перестроечных» архитектурных журналов — ещё на раннем этапе 1985–1987 гг. в них предпринимаются попытки разнообразить содержимое в сторону «научно-популярного» жанра и привлечь более широкий круг читателей. Так, с 1986 г. на страницах «Архитектуры СССР» появляются анкеты молодых архитекторов, подборки архитектурных цитат из прошлого, предлагающих различные точки зрения на проблемы, архитектурные биографии признанных мастеров теперь сопровождаются живыми и яркими воспоминаниями коллег. В «Строительстве и архитектуре Москвы» с 1986–1987 гг. можно встретить стенограммы круглых столов с острыми обсуждениями, такими, как дискуссия «по следам» т. н. Тбилисских событий апреля 1989 г., демонстрирующую разброс достаточно радикальных политических позиций архитекторов [1], или напряжённое обсуждение (в основном с позиций борьбы за сохранение исторической среды) проекта Бориса Тхора для Цветного бульвара в Москве [11; 20; 23].

Особый интерес в контексте изучения «перестроечной» прессы, как правило, представляют письма в редакцию. Во всех анализируемых источниках, за исключением «Строительства и архитектуры Москвы», письма, как и прежде, публикуются ситуативно и достаточно редко. В «Строительстве и архитектуре Москвы», напротив, в 1986 г. появляется раздел «Читатели предлагают, спрашивают, спорят», где публикуются статьи и письма в редакцию, написанные с достаточно профессиональных позиций, а затем и рубрика «Почта», где уже осознанно демонстрируется многообразие читательских мнений на самые разные темы. Критика действий властей, современного архитектурного облика города, борьба за сохранение культурного наследия, подборка коротких возмущённых высказываний москвичей о проблемах реконструкции центра города [21] или же письмо «ветерана» сталинской архитектуры, размышляющего о необходимости строительства Дворца Советов в разгар широкой общественной кампании за воссоздание Храма Христа Спасителя [27].

Ещё в 1985 г. «бумажной архитектуре» отказывалось в каком-либо серьезном статусе на страницах «Архитектуры СССР», однако спустя всего несколько лет «бумажники» становятся полноправными героями советской архитектурной прессы: в 1988 г. уже получившие международную известность конкурсные работы появляются на её страницах [14]. Происходит обращение и к архитекторам-нонконформистам прошлого, которые становятся наиболее заметными героями исторических очерков «перестроечных» лет вместо традиционно признанных корифеев Ивана Жолтовского или Михаила Посохина: героями становятся Константин Мельников [24] и Иван Леонидов [17] — архитекторы со сложной судьбой и непростыми отношениями с советской властью. Интересно, что архитектурную периодику не обходит «перестроечный» литературоцентризм: в рассуждениях о кризисе современной архитектуры авторы обращаются к модному в 1980-е гг. «деревенщику» Валентину Распутину [1, с. 4], а вслед за публикацией в 1987 г. в «Новом мире» долгие годы запрещённого «Котлована» в «Строительстве и архитектуре Москвы» появляется статья, посвящённая связанным с писателем историческим зданиям [26].

По итогам изучения ряда источников архитектурных журналов «перестроечного» периода 1985–1991 гг. можно выделить ряд ключевых особенностей, которые характеризуют их трансформацию. Среди них — завершение доминирования формального языка архитектурной критики, целенаправленная демонстрация разнообразных точек зрения на актуальные проблемы, отход от освещения архитектурных новинок в сторону материалов историко-краеведческого характера, появление в связи с этим специфического дискурса охраны культурного наследия, широкое обсуждение «запретных» тем государственного вмешательства в архитектуру, репрессий и внутрицеховой борьбы.

Список источников

1. Одиннадцать мнений об архитектуре. // *Архитектура и строительство Москвы*. 1987. № 9. С. 4–5.
2. Басс В. Формальный дискурс как последнее прибежище советского архитектора // *Новое литературное обозрение*. 2016. № 1. С. 16–38.
3. Глазунов И. *Наша культура — это традиция*. М.: Современник, 1990. 205 с.
4. Глазычев В. Государственная республиканская детская библиотека // *Архитектура СССР*. 1988. № 1. С. 6.
5. Глазычев В. Суперграфика в историческом центре и на привокзальной площади в Риге // *Архитектура СССР*. 1988. № 1. С. 10.
6. Грушина А. «Круглый стол». Архитектурная драма глазами её участников // *Архитектура и строительство Москвы*. 1990. № 7. С. 6–10.
7. Дженкс Ч. А. *Язык архитектуры постмодернизма* / пер. с англ. А. В. Рябушина, М. В. Уваровой. М.: Стройиздат, 1985. 137 с.
8. Есикова Е. М. Стиль публикаций журнала «Огонёк» в эпоху перестройки: между советским и демократическим дискурсами // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Литературоведение, журналистика. 2011. № 2. С. 84–89.
9. Изуменцев В. Впереди большая работа // *Архитектура и строительство Подмосковья*. 1986. № 2. С. 2.
10. Кавтарадзе Е. Люсиновская: непрошенный мираж на берегу Ином. Et in Arcadia ego... // *Архитектура и строительство Москвы*. 1988. № 8. С. 25–27.
11. Каменева Т., Троскина Н., Смирнов Г. Заключение экспертной группы экспертно-консультативного общественного совета при главном архитекторе г. Москвы по вопросам проектирования административного здания (МГК КПСС) на Цветном бульваре и реконструкции Цветного бульвара // *Архитектура и строительство Москвы*. 1990. № 7. С. 29.
12. Клоц И. «Нет новости печальнее...» // *Архитектура и строительство Москвы*. 1988. № 12. С. 10.
13. Коробова И. В защиту обыкновенной урны // *Архитектура и строительство Москвы*. 1989. № 12. С. 22.
14. Лежва И., Галимов И. Визуальный язык архитектуры // *Архитектура СССР*. 1988. № 4. С. 15–20.
15. Линч К. *Образ города* / пер. с англ. В. Л. Глазычева. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.
16. Макеева М. Марфино // *Архитектура и строительство Подмосковья*. 1991. № 2. С. 36–37.
17. Макошинский М. Иван Леонидов // *Архитектура СССР*. 1986. № 6. С. 86–93.
18. Мейланд В. *Площадь, которую нельзя полюбить* // *Архитектура и строительство Москвы*. 1988. № 8. С. 8.
19. Миличкин Ю. *Перестройка в пути* // *Архитектура и строительство Москвы*. 1986. № 10. С. 5.
20. Новиков Ф. *Дорожить прошлым, открыться будущему*. Заметки о своеобразии застройки Москвы // *Архитектура и строительство Москвы*. 1990. № 7. С. 2–5.
21. Почта // *Архитектура и строительство Москвы*. 1989. № 9. С. 34–35.
22. Седак И. *Учебное заведение нового типа* // *Архитектура СССР*. 1981. № 8. С. 38–40.
23. Тхор Б. *Новь цветного бульвара* // *Архитектура и строительство Москвы*. 1990. № 7. С. 26–28.
24. Устинов Б. *Слово о мастере* // *Архитектура СССР*. 1990. № 3. С. 67–69.
25. Фесенко Д. *Архитектура СССР в контексте архитектурного процесса* // *Архитектура СССР*. 1991. № 3. С. 46–53.
26. Шеханова Т. *Андрей Платонов в Москве* // *Архитектура и строительство Москвы*. 1987. № 9. С. 30–32.
27. Эйгель И. *Письмо в редакцию* // *Архитектура и строительство Москвы*. 1989. № 1. С. 27.
28. Юрчак А. *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М., 2014. 664 с.
29. Юрвева М. *Дом с кошкой на крыше* // *На стройках России*. 1991. № 3. С. 36.

Для цитирования:

Данилов В. В. Трансформации советской архитектурной периодики в эпоху Перестройки 1985–1991 гг. // *Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции*. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. С. 235–240.

**Перестройка и распад СССР в публичной сфере США:
дискурс-анализ прессы и президентской риторики**
**Perestroika and the Collapse of the USSR in the US Public Sphere:
a discourse analysis of the Press and Presidential Rhetoric**

***Аннотация.** Исследование касается прежде всего того, как реформы Михаила Сергеевича Горбачёва и распад СССР были восприняты в американской публичной сфере. Всего за несколько лет Перестройки восприятие СССР и его народа кардинально изменилось в американском обществе: от восприятия СССР как абсолютного антипода американского образа жизни к восприятию Советского Союза и его лидера как бесценных партнёров во имя мира во всём мире. Используются три основных группы источников: периодические статьи, освещающие различные события в Советском Союзе, официальные выступления президента Рональда Рейгана и Джорджа Буша-старшего о Советском Союзе и недавно рассекреченные документы Государственного департамента, содержащие информацию о политике в отношении СССР (служебные записки, отчёты Совета национальной безопасности и т. д.). Автор пришёл к выводу о том, что, когда Перестройка начала встречать всё больше и больше трудностей а СССР столкнулся с сепаратистскими движениями, пресса начала относиться к СССР с гораздо большим пессимизмом. Цель данной работы — проанализировать, как менялось представление о СССР в США с 1987 по 1991 гг.*

Ключевые слова: СССР; Рейган; Горбачёв; дискурс; Перестройка; реформы.

***Annotation.** The study deals primarily with how Mikhail Sergeyevich Gorbachev's reforms and the collapse of the USSR were perceived in the American public sphere. In just a few years of perestroika, the perception of the USSR and its people have changed dramatically in American society: from the perception of the USSR as the absolute antipode of the American way of life to the perception of the Soviet Union and its leader as invaluable partners in the name of world peace. Three main types of sources are used: periodic articles covering various events in the Soviet Union, official speeches by President Ronald Reagan and George H. W. Bush about the Soviet Union, and recently declassified State Department documents containing information on policy towards the USSR (memos, reports of the National Security Council etc.). The author came to the conclusion that when perestroika began to meet more and more difficulties, and the USSR faced separatist movements, the press began to treat the USSR with much more pessimism. The purpose of this work is to analyze how the perception of the USSR in the United States changed from 1987 to 1991.*

Keywords: USSR; Reagan; Gorbachev; discourse; Perestroika; reforms.

---

¹ Программный ассистент Российского совета по международным делам.
Program Assistant of the Russian Council for International Affairs.

В 1985 г. опасность ядерной войны между США и СССР была реальной, а семь лет спустя отношения между лидерами СССР и США и положительное восприятие народами друг друга были на небывало высоком уровне. За эти шесть лет произошёл значительный сдвиг в американском общественном мнении и риторике: от восприятия СССР как абсолютного антипода американского образа жизни к восприятию Советского Союза и его лидера как бесценных партнеров во имя мира во всём мире. Этот переход не прошёл гладко или одномоментно, поскольку американская официальная риторика долгие годы стояла на твёрдых антисоветских позициях. Таким образом, изучение механизмов трансформации может обеспечить лучшее понимание американской политической культуры и советско-американских отношений.

Актуальность этой работы обоснована тем, что именно в тот период сформировались многие аспекты образа СССР, которые до сих пор влияют на восприятие России многими американцами и на российско-американские связи. События тех лет во многом определили современную внешнюю политику США, повлияв на внешнеполитическую доктрину обеих партий США. Такие термины, как «Перестройка» и «гласность», также вошли в американский политический лексикон, оказывая влияние на повествование о России ещё долгое время после распада Советского Союза.

Стоит отметить, что вопрос об образе СССР в период Перестройки в зарубежной прессе и массовой культуре, безусловно, поднимался в исторической литературе. Работа Е. А. Котеленец [2, с. 76–90] посвящена динамике образа Советского союза на внешнеполитической арене от Октябрьской революции 1917 г. до распада Союза: анализируется конструирование этого «образа» как советским правительством, так и руководством западных стран. Отмечаются ключевые «поворотные точки», формировавшие дискурс о Советах (поездки европейских писателей, издание просоветских и антисоветских работ на Западе). Существуют и исследования, посвящённые рассмотрению этого вопроса только в период Перестройки: например, работа Н. Е. Орловой, посвящённая риторике руководства западных стран в отношении СССР в конце 1980-х гг. — на материале высказываний Рональда Рэйгана, Джорджа Буша старшего и Маргарет Тэтчер [3, с. 27–34]. Статья Р. В. Шапошника акцентирует внимание на образе Советского союза в американской прессе — с использованием материалов журнала “Foreign Affairs”, газет “The New York Times” и “Los Angeles Times” — и на действиях партийного руководства по его конструированию — на основе архивных материалов ЦК КПСС [7, с. 230–239]. Другие работы посвящены прессе [4, с. 45–49; 6, с. 33–42] или президентской риторике [1, с. 171–188; 22, р. 427–464], а сравнительный анализ проводится достаточно редко: исключением является работа Д. С. Секринского, источниковая база которого включает прессу, президентские обращения, публицистические работы и социологические опросы [5, с. 23].

Научная новизна работы заключается в расширении источниковой базы: впервые применяются рассекреченные документы из коллекции «Внешние отношения США» (Foreign relations of the United States), позволяющие лучше определить намерения президентской администрации по отношению к СССР. Помимо этого, в работе проводится детальный сравнительный анализ позиций прессы и президентской риторики. За счёт этого создается более полная картина не только образа СССР в публичной сфере, но и логики функционирования американской публичной сферы.

Цель работы — выявить ключевые элементы образа СССР и проследить их эволюцию в общественных дискуссиях в США с 1987 по 1991 гг.

Предметом исследования выступает эволюция образа СССР в американской публичной сфере, а объектом исследования являются выступления президентов США и публикации в газетах «Нью-Йорк Таймс» и «Тайм», касающиеся событий в СССР, а также коллекция документов Государственного департамента США.

Методология исследования определяется источниками и их взаимосвязью друг с другом. Одним из основных методов является дискурс-анализ в широком определении. Он подразумевает поиск между различными источниками об одном явлении. Эта методология также используется для определения и отслеживания заметных упущений в освещении того или иного события различными участниками. Например, случаи, когда пресса постоянно упоминает определённую тему, в то время как Белый дом хранит молчание по этому поводу, могут дать ценное представление о функционировании американской публичной сферы. Авторский подход отличается от количественно-ориентированного дискурс-анализа, поскольку такой подход не может адаптироваться к разнообразию используемых источников. В рамках этого метода особое внимание уделяется выявлению и наблюдению за развитием повторяющихся тем и символов, таких, как «империя зла», «Звёздные войны» и т.д. Эти яркие символы использовались и адаптировались различными актёрами для достижения своих собственных целей. Их изучение может помочь лучше понять взаимодействие между различными субъектами. Важно отметить, что политическая сфера понимается широко и включает в себя не только риторику политиков, но и различные газетные статьи, реагирующие на политические взгляды и пытающиеся повлиять на них.

Работа посвящена восприятию Перестройки и распада СССР в США. В начале 1987 г. администрация Р. Рейгана оказалась в сложном положении. С одной стороны, переговоры с СССР были многообещающими, и была надежда на то, что удастся заключить соглашение о сокращении вооружений с СССР. С другой стороны, президент потерял большую часть своей поддержки в Конгрессе в 1986 г. и из-за этого возможности для внутренних реформ были серьёзно ограничены, а демократический Конгресс смог бросить вызов самым дорогим

оборонным проектам, таким, как СОИ [28, р. 223–226]. В последние два года президентства Р. Рейгана всё более важным становилось его желание достичь какого-то исторического соглашения, оставить наследие, что делало всё более актуальной необходимость компромисса с СССР. В то же время реформы в СССР ускорялись, обнажая многие негативные и позитивные аспекты советского общества, которые раньше не были видны [28, р. 165–170]. Между 1987 и 1988 гг. реформы действительно затронули большинство советских людей, что, конечно же, воспринималось и в США. Однако в те годы сепаратизм, рост экстремизма и экономические проблемы, которые в итоге привели к краху СССР, становились всё более и более заметными.

В первые месяцы 1987 г. казалось, что президент Р. Рейган пытался сбалансировать антикоммунистическую риторику, призванную умиротворить его республиканскую базу, и примирительную риторику по отношению к СССР, направленную на достижение компромисса с СССР. Хорошим примером такого двойного мышления является обращение 1987 г. «О положении союза», в котором СССР было уделено много внимания. В обращении образ СССР гораздо более характерен для более раннего периода отношений. Например, президент повторяет мысль о том, что «не может быть никаких сомнений в том, что у СССР есть только одна цель — расширение своего влияния» [18].

Автор отмечает, что в выступлениях президента реформам в СССР уделялось крайне мало внимания, а первые упоминания об одной из ключевых её составляющих — гласности — появились только в конце лета 1987 г. [19] Пресса, как и прежде, рисовала совершенно иную картину, в которой Перестройка играла гораздо большую роль [8, р. 50]. Этому особенно способствовало то, что большему количеству иностранных журналистов разрешили приезжать в СССР.

Позиция Р. Рейгана также несколько изменилась: от полного отрицания советских предложений к гораздо более сложному восприятию СССР, например, в ходе пресс-конференции летом 1987 г., когда его спросили, можно ли назвать Михаила Сергеевича Горбачёва «человеком мира», он ответил, что такая оценка может быть частично обоснована, поскольку М. С. Горбачёв — это первый советский лидер, призывавший к ликвидации ядерного оружия. Тем не менее, он сразу же приуменьшил важность этого предложения, заявив, что М. С. Горбачёв просто копирует американское предложение 1981 г. [20]

При этом освещение событий в СССР в прессе начало становиться существенно более негативным. В начале 1988 г. американская пресса начала широко освещать этнические беспорядки в СССР, которые начали освещаться в 1986 г., но начали доминировать в заголовках в 1988 г. [25, Sec. A. P. 50]. Однако Р. Рейган ни разу не упомянул об этих протестах и сепаратистских движениях, при этом во время беспорядков в Польше в начале 1980-х гг. он, не колеблясь, обличал советский «империализм» и укреплял образ СССР как «тюрьмы народов».

Автор объясняет это молчание тем, что, во-первых, уходящая администрация Р. Рейгана хотела сохранить хорошие отношения с М. С. Горбачёвым, чтобы подписать ещё один договор о сокращении вооружений и тем самым укрепить политическое наследие Р. Рейгана. Во-вторых, администрация могла посчитать, что, оказав давление на М. С. Горбачёва, она может вызвать «дворцовый переворот», подобный тому, который свергнул Никиту Сергеевича Хрущёва [12, р. 681–682]. Таким образом, в последний год президентства Р. Рейгана президент стал нехарактерно оптимистичен в отношении СССР и его лидера, а пресса подробно освещала сепаратистские движения в стране, проблемы Перестройки и гласности.

В 1989 г. президентом был избран Дж. Буш, что совпало с завершающим этапом Перестройки и началом активной фазы распада СССР. Внешнеполитическая повестка и команда Дж. Буша существенно отличались от тех, что были у Р. Рейгана. Для Дж. Буша был характерен гораздо больший скептицизм по отношению к СССР. Его риторика в отношении СССР была очень последовательной в течение первых двух лет его президентства и практически не менялась. Он осторожно поддерживал движения за независимость Прибалтики, настолько осторожно, что отрицал их суверенитет даже в апреле 1991 г., когда они уже добились фактической независимости. Так же осторожно он говорил и о Перестройке. Дж. Буш ясно давал понять, что, по его мнению, «было бы очень неуместно, чтобы президент Соединенных Штатов начал выносить суждения [о Перестройке]» и что «это их дело» [10]. Его риторика несравнима с риторикой Р. Рейгана, для которой были характерны постоянные пертурбации.

Пресса продолжала ставить под сомнение будущее Перестройки и М. С. Горбачёва. Если раньше основной темой споров был вопрос о том, так ли широки и реальны советские реформы, как говорит советское руководство, то теперь главным вопросом стал вопрос будущего СССР [23, Sec. A. P. 19].

Освещение изменилось из-за трансформации политического ландшафта в СССР, который отражался в американской прессе. Если до этого сепаратистские движения выступали как периферия (Средняя Азия, Кавказ, Прибалтика), противостоящая центру (России), то после избрания Бориса Николаевича Ельцина президентом России ситуация значительно поменялась. Ранее Россия и СССР иногда использовались в прессе как синонимы, а сам Советский Союз рассматривался как реинкарнация российского империализма, но Б. Н. Ельцин не хотел занимать позицию М. С. Горбачёва, добиваясь вместо этого большей автономии для РСФСР. Если до того, как Б. Н. Ельцин стал президентом России, существовало мнение, что он ничем не отличается от М. С. Горбачёва и что их соперничество — всего лишь хитрый политический ход, то после избрания Б. Н. Ельцина таких сомнений не осталось [9].

Будущее СССР в прессе представлялось, в лучшем случае, очень сложным, Перестройка была по большей части похоронена

на, Б. Н. Ельцин представлялся, в основном, в благоприятном свете, а М. С. Горбачёв воспринимался с растущим скептицизмом. Риторика Дж. Буша при этом была более мягкой по сравнению с риторикой Р. Рейгана. Американский лидер без энтузиазма поддерживал Перестройку, воздерживался от критики М. С. Горбачёва и игнорировал в своих речах возможность распада СССР.

Автор заключает, что за рассматриваемый период образ СССР существенно изменился как в прессе, так и в президентской риторике. Несмотря на широко распространённое мнение о том, что американское руководство и пресса быстро приняли М. С. Горбачёва и поддержали его реформы, освещение событий в СССР было гораздо более сложным, и их позиции часто существенно различались.

В момент пика Перестройки пресса и, в меньшей степени, президент США упоминали и уделяли всё больше и больше внимания советским людям, их культуре, их образу жизни [24, р. 29]. Пресса в начале Перестройки благоприятно изображала СССР и освещала широкий спектр тем: от местной кухни и возможностей для путешествий по СССР до первых успехов Перестройки, таких, как открытие первых кооперативов.

Когда Перестройка начала встречать всё больше и больше трудностей, а СССР столкнулся с сепаратистскими движениями, пресса начала относиться к СССР с гораздо большим пессимизмом [13, Sec. 1. P. 23]. Постепенно фокус переключился на освещение сепаратистских движений по всей стране — от Кавказа до Прибалтики, представляя СССР не как страну, проводящую модернизацию, а как глубоко расколотую страну, полную политических, этнических и экономических проблем. Тем временем Р. Рейган игнорировал эти проблемы, углубляя свои связи с М. С. Горбачёвым в надежде заключить историческое соглашение о сокращении вооружений и тем самым закрепить своё наследие как «великого переговорщика». Эта смена акцентов стала ещё более очевидной во время президентства Дж. Буша. В то время, как СССР сталкивался с экзистенциальными угрозами, Дж. Буш поддерживал М. С. Горбачёва и Перестройку на словах, отвергая возможность распада СССР или смены руководства, в основном игнорируя Б. Н. Ельцина даже после того, как его влияние начало соперничать с влиянием М. С. Горбачёва.

Автор объясняет эти аномалии амбициями Р. Рейгана и Дж. Буша и той ролью, которую СССР должен был сыграть в реализации этих амбиций. В 1985 и 1986 гг., когда намерения СССР всё ещё были не ясны, Р. Рейган был заинтересован в преуменьшении значимости советских предложений и ястребиной риторике. В последние годы его президентства он потерял контроль над Конгрессом, поэтому сохранение крупных военных расходов стало невозможным, а его бескомпромиссная позиция по широкому кругу вопросов утомляла американскую общественность. Эта тенденция стала ещё более очевидной во время президентства Дж. Буша. После того, как СССР не помешал ро-

спуску ОВД и не заблокировал воссоединение Германии, он практически потерял интерес к СССР, сместив приоритет политики на Ближний Восток. Сделав это, Дж. Буш отказался использовать распад СССР: он не поддерживал сепаратистские движения в СССР в соответствии с американским представлением о том, что СССР является «тюрьмой народов», при этом не поддерживал в полной мере и М. С. Горбачёва.

Поскольку президент не формулировал позицию о событиях в СССР, это бремя легло на прессу. Как упоминалось ранее, первоначальный энтузиазм по поводу СССР вскоре угас и пресса наполнилась статьями, в которых обсуждалась угроза ядерной гражданской войны в СССР и ставилась под сомнение компетентность лидеров советских республик [16, Sec. A. P. 17]. Кроме того, советская система представлялась неререформируемой. Эти настроения, возможно, определили восприятие новых независимых стран на долгие годы вперед.

Несмотря на то, что эта работа даёт представление о том, как последние годы существования СССР воспринимались в США, предстоит провести дальнейшие исследования, чтобы понять образ СССР и России в те решающие годы. Очевидно, что для полного понимания вопроса важно изучить дальнейшую риторику 1990-х гг., поскольку она также сыграла большую роль в формировании восприятия как России, так и США.

Список источников

1. Безруков В. А. Риторические приемы создания негативного имиджа СССР в политическом дискурсе (на примере речей Р. Рейгана) // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. № 8. 2014. С. 171–188.
2. Котеленец Е. А. Образ советского Союза в мире: факторы и динамика восприятия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. № 3. 2013. С. 76–90.
3. Орлова Н. Е. Перестройка в СССР в оценках западных политиков // Вестник БДУ. Серия 3: История, экономика, права. № 2. 2013. С. 27–34.
4. Пашковская Т. Г., Шестипалтынова Е. В., Токарев Е. В. «Горби — человек, изменивший мир»: эволюция образа М. С. Горбачёва в англоязычной прессе (1985–1991 гг.) // Манускрипт. 2019. № 9. С. 45–49.
5. Секиринский Д. С. Американское общество и меняющийся Советский Союз: восприятие в США социально-политических трансформаций периода Перестройки: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.03 / Секиринский Денис Сергеевич. М., 2009. 23 с.
6. Синерцов Л. Л. Приёмы речевого манипулирования в текстах статей американской газеты *The New York Times* // Исторический журнал: научные исследования. 2022. № 3. С. 33–42.
7. Шапошник Р. В. Улучшение имиджа СССР в США в период начала «перестройки» (1985–1989 гг.) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2010. № 4. С. 230–239.
8. Belkin L. Cable Channel Offers TV Shows From Moscow // *The New York Times*. 1987. Feb. 14. P. 50.
9. Bush G. Statement on the Attempted Coup in the Soviet Union // *The American Presidency Project*. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/statement-the-attempted-coup-the-soviet-union> (accessed 25.04.2022).
10. Bush G. The President's News Conference. Feb. 21, 1989. [electronic source] // *The American Presidency Project*. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/the-presidents-news-conference-99> (accessed 25.04.2022).
11. Coleman B. L. *Reagan, and the World: Leadership and National Security, 1981–1989*. Lexington, KY: University Press of Kentucky, 2017. 336 p.
12. *Foreign Relations of the United States, 1981–1988. Volume VI: Soviet Union, October 1986—January 1989*. / ed. by J. G. Wilson. W., 2016. 1268 p.

13. Jencks H. W. *As Empires Rot, Nuclear Civil War?* // *The New York Times*. 1990. Apr. 14. Sec. 1. P. 23.
14. Leffler M. P. *The Cambridge History of the Cold War*. In 3 vol. Vol. 3. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 712 p.
15. Moen M. C. *The Political Agenda of Ronald Reagan: A Content Analysis of the State of the Union Messages* // *Presidential Studies Quarterly*. 1988. Vol. 18. No. 4. P. 775–785.
16. Pipes R. *The Russians Are Still Coming* // *The New York Times*. 1989. Oct. 9. Sec. A. P. 17.
17. Plokhly S. *The Last Empire: The Final days of the Soviet Union*. New York: Basic Books, 2015. 544 p.
18. Reagan R. A. *Address Before a Joint Session of Congress on the State of the Union* // *The American Presidency Project*. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-before-joint-session-congress-the-state-the-union-1> (accessed 25.04.2022).
19. Reagan R. *Radio Address to the Nation on the 26th Anniversary of the Berlin Wall* [electronic source] // *The American Presidency Project*. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/radio-address-the-nation-the-26th-anniversary-the-berlin-wall> (accessed 25.04.2022).
20. Reagan R. *The President's News Conference, June 11, 1987* // *The American Presidency Project*. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/the-presidents-news-conference-966> (accessed 25.04.2022).
21. Rossinow D. *The Reagan Era: A History of the 1980s*. New York: Columbia University Press, 2015. 392 p.
22. Rowland R. C., Jones J. M. *Reagan's Strategy for the Cold War and the Evil Empire Address* // *Rhetoric and Public Affairs*. Vol. 19. № 3. P. 427–464.
23. Szporluk R. *The Soviet Union Has Ceased to Exist* // *The New York Times*. 1991. Jan. 23. Sec. A. P. 19.
24. Talbot S. *The Gorbachev Era* // *The Time*. 1987. Jul. 27. P. 28–29.
25. Taubmann P. *In Moscow, a New Era?; Protest and Rock Fete Are Tests of Glasnost* // *The New York Times*. 1987. Jul. 19. Sec. A. P. 50
26. Teten R. L. *Evolution of the Modern Rhetorical Presidency: Presidential Presentation and Development of the State of the Union Address* // *Presidential Studies Quarterly*. 2003. Vol. 33. No. 2. P. 337–338.
27. Tulis J. K. *The Rhetorical Presidency: New Edition*. Princeton: Princeton University Press, 2017. 264 p
28. Wilentz S. *The Age of Reagan: A History, 1974–2008*. N. Y.: Harper Perennial, 2009. 608 p.

Для цитирования:

Панин Л. К. *Перестройка и распад СССР в публичной сфере США: дискурс-анализ прессы и президентской риторики* // *Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г.* СПб., 2023. С. 241–248.

ВОСПОМИНАНИЯ, ВОСПРИЯТИЯ, ДОКУМЕНТЫ
MEMORIES, PERCEPTIONS, DOCUMENTS

Распад СССР в воспоминаниях современников The collapse of the USSR in the memoirs of contemporaries

Аннотация. В данной статье рассматривается отражение распада Советского Союза в воспоминаниях современников. В рамках исследования используются воспоминания ключевых политических деятелей того времени. Предметом анализа являются трактовки событий последних лет Советского Союза. Анализируются взгляды мемуаристов на предпосылки и причины развала СССР, события конца 1980-х — начала 1990-х гг., а также на подписание Беловежских соглашений, ознаменовавших собой распад Советского Союза. Разнообразие взглядов подчёркивается широким диапазоном трактовок событий. Обращается внимание на сходства мнений современников о некоторых событиях и на различия. В заключении подчёркивается перспективность изучения настоящей проблематики и анализа воспоминаний в принципе.

Ключевые слова: распад СССР; ГКЧП; воспоминания; современники; взгляды.

Abstract. This article examines the reflection of the collapse of the Soviet Union in the memoirs of contemporaries. The research uses the memories of key political figures of that time. The subject of the analysis is the interpretation of the events of the last years of the Soviet Union. The author analyzes the views of memoirists on the prerequisites and causes of the collapse of the USSR, the events of the late 1980s — early 1990s, as well as the signing of the Belovezhskaya Agreements, which marked the collapse of the Soviet Union. The diversity of views is emphasized by a wide range of interpretations of events. Attention is drawn to the similarities of contemporaries' opinions about some events and to the differences. In conclusion, the prospects of studying the present problems and analyzing memories in principle are emphasized.

Key words: the collapse of the USSR; the State Emergency Committee; memoirs; contemporaries; views.

Тема распада Советского Союза актуальна до сих пор. К ней регулярно обращаются как средства массовой информации, так и в принципе общественная мысль. Это событие в социуме считается травматичным, что подчёркивают соответствующие исследования по теме [2, с. 34]. Причём в том числе и среди молодёжи [11, с. 44]. Живы ещё многие очевидцы событий 31-летней давности, так же, как и многие политические деятели того времени. Политические акторы тех лет, по большей части, прожили достаточно долгий период жизни после распада СССР и успели оставить после себя множество мемуаров.

¹ РГГУ, Исторический факультет, II курс магистратуры.

Russian State University for the Humanities, Faculty of History, 2nd year of Master's degree.

В историографии при рассмотрении темы наибольшей популярностью пользуется анализ причин распада Советского Союза через реконструкцию хронологии событий [3, с. 6]. Менее популярным методом, через который рассматривается данная тема, является рассмотрение с позиции микроистории [11, с. 41]. Однако появляются и исследования, в которых затрагиваются и источниковедческие аспекты распада СССР [1, с. 17], что обозначает актуальность и перспективность изучения данной темы с использованием широкой методологической базы исторической науки.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что, анализируя события «живой истории», когда свидетели прошедших событий ещё могут сказать своё слово, ценность воспоминаний особенно актуальна из-за сравнительно небольшого количества доступного архивного материала по изучаемым событиям.

В рамках исследования используются работы Леонида Николаевича Авдеева, Михаила Илларионовича Воейкова, Александра Михайловича Калашникова, Натальи Александровны Мухиновой, Анны Евгеньевны Соболенской, Александра Владленовича Шубина, Лорины Петровны Репиной, Виктории Анатольевны Барановой, Александра Ивановича Донцова, Александра Владимировича Лукашина, Сергея Михайловича Шахрая, Станислава Николаевича Станских и других.

Задачей настоящего исследования является анализ интерпретаций распада СССР в воспоминаниях современников. Похожая проблематика уже рассматривается в научном сообществе [6, с. 88]. Однако в настоящем исследовании анализируются воспоминания именно тех людей, которые находились в момент событий на ключевых должностях в политической системе Советского Союза, от выбора которых зависели судьбы миллионов людей. Используемые воспоминания в настоящем исследовании не означают полный охват воспоминаний о событиях 1991 г., что подчёркивает перспективность изучения тематики в настоящем направлении. При этом стоит обратить внимание на то, что рассматриваемые воспоминания уже введены в научный оборот и активно используются в историографии, однако их используют в контексте попыток реконструкции событий и анализа причин развала СССР [16, с. 46]. Объектом исследования являются мемуары участников событий, спецификой которых является ретроспективный характер субъективного изложения событий мемуаристом. Это отличает мемуары от других источников личного происхождения, которые иногда могут быть созданы в момент происходящего события, в то же время мемуары носят всегда ретроспективный характер. Субъективность же изложения события является отличительной чертой в принципе источников личного происхождения как группы источникового материала [13, с. 294]. В контексте рассматриваемой темы, важность мемуаров как источников и их особенности подчёркивал в своём исследовании специалист РГАСПИ, исследователь событий последних лет СССР А. В. Лукашин [9, с. 131].

Первым делом необходимо проанализировать трактовки мемуаристов предпосылок к распаду СССР. Так, Председатель Совета Министров СССР с 1985 по январь 1991 г. Николай Иванович Рыжков выделяет множество проблем, в том числе указывая и на «политизацию экономики», т.е. чрезмерное влияние политической сферы на экономическую, приводившую зачастую к непродуманным решениям со стороны Генерального секретаря Михаила Сергеевича Горбачёва [14, с. 123]. Однако в качестве главной проблемы можно выделить параллелизм работы ЦК КПСС и Совета Министров СССР, что явилось предтечей активной борьбы, пик которой Н.И. Рыжков датирует 1989–1990 гг., когда обсуждался вопрос об отмене 6-й статьи Конституции СССР «О руководящей роли Коммунистической партии Советского Союза» [14, с. 109]. Вместе с тем мемуарист признаёт, что до 1985 г. в СССР был «дефицит гласности», из-за чего при отсутствии «нормальных источников информации» в обществе появилось множество домыслов и откровенных мифов [14, с. 112].

Председатель Верховного Совета СССР Анатолий Иванович Лукьянов предпосылки к развалу СССР рассматривает, главным образом, через призму двух факторов. Первый — это децентрализация власти, в результате чего правительство Советского Союза не смогло адекватно ответить на вызовы сепаратистов националистического толка как, например, в Прибалтике [10, с. 31]. На националистический фактор обращал внимание в воспоминаниях министр обороны СССР, член ГКЧП Дмитрий Тимофеевич Язов. Критикуя Эдуарда Амвросиевича Шеварнадзе, министра иностранных дел СССР, а затем президента уже независимой Грузии, Д.Т. Язов указывал, во-первых, на непоследовательность Э.А. Шеварнадзе, который сначала «слишком долго изливал чувство любви и преданности к московским колонизаторам», а затем стал «освободителем Грузии от “ига” русских» [17, с. 267]. Во-вторых, Д. Т. Язов утверждал, что после обретения независимости ни одна из республик «жить лучше не стала», а разжигатели национальных конфликтов, по мнению маршала, являются интеллигенция и руководство союзных республик [17, с. 271]. Фактор «местничества», т.е. обособленности советских республик от центрального руководства, отмечал и А. В. Шубин, указывая на то, что этот процесс значительно ослаблял политическую систему СССР в целом [15, с. 29]. Михаил Илларионович Воейков полагает, что «местничество» стало возможно именно вследствие ослабления тоталитарного режима, которое привело к укреплению местных элит в союзных республиках [3, с. 7].

Помимо этого, одним из факторов разрушения СССР А.И. Лукьянов рассматривает личный конфликт между президентом СССР М.С. Горбачёвым и президентом РСФСР Борисом Николаевичем Ельциным [10, с. 32]. Про это так же упоминал в своих воспоминаниях вице-президент СССР и член ГКЧП Геннадий Иванович Янаев [18, с. 50].

Председатель КГБ и член ГКЧП Владимир Александрович Крючков видит предпосылку к развалу Советского Союза в принципе в политическом курсе М. С. Горбачёва [7, с. 216]. По мнению мемуариста, М. С. Горбачёв только и делал, что раздавал пустые обещания, но на деле положение в стране отнюдь не улучшалось, а наоборот — ухудшалось [7, с. 216]. По версии В. А. Крюčkова, создавалось впечатление, что М. С. Горбачёв, находясь во власти, действовал на «авось», при осознании чего становилось жутко [7, с. 218].

Недавно ушедший из жизни президент СССР М. С. Горбачёв² в своих воспоминаниях делил свою деятельность на несколько этапов. Первый, с 1985 по 1988 г., бывший генсек обозначает как «период проб и ошибок», когда «не смели перешагнуть заповеди коммунистической веры»; второй, с весны 1988 до начала 1990 г., который определяется как «период демократизации» [4, с. 493]. В рамках этого периода, как характеризует М. С. Горбачёв, «вернули обществу политическую свободу» [4, с. 493]. Третий же период, 1990–1991 г., определяется как «борьба выпущенных на волю сил: политических, национальных, социальных», — от исхода борьбы которой зависит новое устройство общества и вопрос о существовании Советского Союза в принципе [4, с. 494].

Следует обратить внимание на вопрос референдума о будущем СССР 17 марта 1991 г., тема которого и поныне очень часто всплывает в публичном поле каждый раз при обсуждении краха Советского Союза. При рассмотрении упоминаний этого важного эпизода можно увидеть в воспоминаниях удивительный компромисс. Различие заключается в деталях.

Так, А. И. Лукьянов говорит о том, что по результатам референдума население Советского Союза выступило за сохранение и обновление СССР, но в это же время незадолго до референдума в Харькове собрался Демократический конгресс, делегаты которого приняли решение об упразднении СССР и замене его на Содружество государств. А. И. Лукьянов этот эпизод приводит в доказательство того, что проект объединения, который все потом узнают как СНГ, разрабатывался ещё до событий августа 1991 г., и главными инициаторами этого проекта мемуаристом называются недавно ушедший из жизни председатель Верховного Совета РСФСР Руслан Имранович Хасбулатов³, так же недавно скончавшийся Государственный секретарь РСФСР Геннадий Эдуардович Бурбулис⁴ и Б. Н. Ельцин [10, с. 35]. Интересно, что в воспоминаниях самого президента РСФСР, а потом и РФ, Б. Н. Ельцина, мартовский референдум упоминается просто сухим текстом [5, с. 59].

Председатель КГБ В. А. Крючков референдум 17 марта считал «провокацией», назначенной «разрушителями Союза» в декабре 1990-го г., на «удочку» которых «попался» Съезд народных депутатов СССР, а Верховному Совету просто ничего не оставалось, как назна-

² М. С. Горбачёв скончался 30 августа 2022 г.

³ Р. И. Хасбулатов скончался 3 января 2023 г.

⁴ Г. Э. Бурбулис скончался 19 июня 2022 г.

читать дату этого референдума [7, с. 368]. Тем не менее, итоговых результатов не ожидали не только оппозиция, но и сами власти, так как процент граждан, выступавших за сохранение Союза, превысил самые оптимистичные прогнозы [7, с. 368].

Г.И. Янаев полагал, что этот референдум был бессмысленным, так как для этой меры не было никаких оснований [18, с. 53].

Удивительно, но «действовавший пассивно» [7, с. 368], по мнению В.А. Крючкова, М.С. Горбачёв придерживался схожей трактовки референдума. Президент СССР, как и Председатель Верховного Совета А.И. Лукьянов, также упомянул «радикал-демократов», а результаты референдума считал «убедительной и бесспорной победой сил объединения» над «силами раскола и развала страны» [4, с. 493].

Исследователь А.В. Лукашин характеризовал референдум 17 марта 1991 г. как «единственный пример проявления прямой демократии в истории СССР», который показал желание советских людей жить в привычном им советском обществе, даже не предполагая о вероятности развала СССР, однако именно референдум обнажил великое множество проблем во взаимоотношениях Всесоюзного центра с местными элитами союзных республик [8, с. 27].

На этом сходство заканчивается, и уже дальнейшие события В.А. Крючковым трактуются как «сознательное разрушение федеративного государства» [7, с. 368], а М.С. Горбачёвым — как «бунт партийной верхушки» [4, с. 531].

Трактовки нового Союзного договора тоже разнятся. Б.Н. Ельцин писал, что он отстаивал «интересы России» [5, с. 54]. М.С. Горбачёв упоминал о том, что при составлении нового Союзного договора необходимо было достигнуть «баланса», который в конце концов был найден [4, с. 550]. А.И. Лукьянов итоговый проект Союзного договора называл «инструментом разрушения», который мог привести только к ликвидации Советского Союза [10, с. 35]. В.А. Крючков также трактует новый Союзный договор как фактическое уничтожение Советского Союза, так как страна шла не к федерации, а в лучшем случае — к конфедерации, а конфедерация, по мнению В.А. Крючкова, не может быть долговечным союзом [7, с. 368].

Что касается событий августа 1991 г., то данная тема достойна отдельных докладов и исследований, которые уже проводятся и, несомненно, будут проводиться ещё. В контексте рассматриваемой проблемы необходимо обратить внимание на мотивацию членов ГКЧП и трактовку оппонентов их деятельности. Так, один из главных участников путча, вице-президент СССР Г.И. Янаев, обосновывал цель ГКЧП как попытку «остановить распад СССР и деструктивную деятельность М.С. Горбачёва» [18, с. 13]. По мнению Г.И. Янаева, ГКЧП также пыталось препятствовать подписанию Союзного договора, который фактически упразднял прямое действие Конституции СССР на местах и отдавал первостепенное значение республиканским конституциям [18, с. 54]. В.А. Крючков указывал, что деятельность

ГКЧП была направлена на предотвращение крушения СССР [7, с. 368]. Маршал Д. Т. Язов считал своё участие в ГКЧП «долгом гражданина, давшего присягу в годы Великой Отечественной войны» [17, с. 30].

Выступивший против ГКЧП Б.Н.Ельцин считал спасением Родины, наоборот, деятельность против Комитета «во имя демократии и свободы» [5, с. 132].

Президент СССР М.С.Горбачёв деятельность ГКЧП характеризовал как «преступную авантюру», а Г.И.Янаева откровенно называет «предателем» [4, с. 555]. В сторону же Б.Н.Ельцина М.С.Горбачёв предьявляет претензию, что тот, хотя и отказал Г.И.Янаеву, который обращался к нему с предложением о сговоре против президента СССР, не сообщил об этом М.С.Горбачёву [4, с. 555]. Патриотические чувства гэкачепистов, которые можно видеть и в их воспоминаниях, М.С.Горбачёв твёрдо и чётко называет «демагогией», так как действовали они скорее не из светлых чувств к прежней системе, а из своих шкурных интересов [4, с. 557].

Провал путча ГКЧП явился катализатором распада СССР, который обозначается Беловежскими соглашениями в конце 1991 г. Анализируя воспоминания современников, можно констатировать разную трактовку этого события.

В.А.Крючков обозначает распад Советского Союза как «общенациональную трагедию» с «потрясениями глобальной значимости», которых не было даже после окончания Второй Мировой войны [7, с. 553]. Мемуарист обозначает, что это событие является следствием Перестройки М.С.Горбачёва и «политики разрушения» Б.Н.Ельцина [7, с. 553].

Г.И.Янаев утверждал, что М.С.Горбачёв после «бесчисленных провалов» в экономике принимал ещё более «неадекватные» меры, приведшие в конце концов страну к краху [17, с. 42].

Б.Н.Ельцин же объяснял необходимость Беловежского соглашения «стимулированием договорного процесса» для усиления «центростремительной тенденции» [5, с. 152]. России, по мнению мемуариста, необходимо было «отказаться от своей имперской миссии», но при этом нужна была жёсткая политика для проведения реформ [5, с. 153].

М.С.Горбачёв по этому поводу писал, что, несмотря на «конец эпохи Горбачёва», главное всё только начинается [4, с. 622]. Мемуарист был убеждён, что народы бывшего СССР, «обретя свободу», найдут новые пути к объединению. Сами события декабря 1991 г. бывший президент СССР обозначил как «чёрные страницы истории России и СССР» [4, с. 623], а позже — как второй из ударов, оказавшихся «роковыми для Перестройки» (первым, по мнению М.С.Горбачева, был путч ГКЧП) [12].

В историографии также наблюдается подобный плюрализм мнений о причинах распада СССР. Например, В.И.Воейков считает одной из ключевых причин гибели СССР стал провал экономических рыночных реформ советского времени, которое было несовместимо с социалистическим советским обществом [3, с. 8]. А.В.Шубин в своём

исследовании больше акцентирует внимание на факторе децентрализации власти, хотя и в таком случае, по его мнению, единое государство было возможно сохранить, а Советский Союз в прежнем виде был обречён на крах [16, с. 42]. С. М. Шахрай и С. Н. Станских выделяют четыре причины распада СССР: первая — экономико-политическая, так как СССР не выдержал гонку вооружений, ввиду того, что значительная часть бюджета уходила на закупку и производство вооружения; вторая — статья Конституции СССР о праве выхода союзных республик из состава СССР; третья — «информационный вирус зависти», который, по словам авторов, дал о себе знать в конце 1980-х гг., следствием чего явились лозунги вроде «Хватит кормить Москву!»; а четвертая заключалась в автономизации союзных республик [15, с. 127]. А. В. Лукашин полагает, что главной причиной развала СССР является ликвидация КПСС, так как именно партия была системообразующим звеном Союза и развал его есть логичное следствие прекращения деятельности КПСС [9, с. 152]. Широта интерпретаций как современников, так и исследователей свидетельствует о влиянии множества факторов в процессе распада СССР.

Анализируя воспоминания современников, необходимо констатировать наличие различных трактовок предпосылок распада Советского Союза, событий конца 1980-х — начала 1990-х гг., хода этих событий и восприятия формы гибели СССР. Также в рамках исследования были обозначены личные мотивы и претензии мемуаристов друг к другу, что необходимо учитывать при исследовании настоящей тематики. Всё перечисленное подчёркивает перспективность изучения последних лет Советского Союза в дальнейшем, в том числе и воспоминаний очевидцев событий.

Список источников

1. Авдеев Л. Н. Источниковедение проблемы распада СССР: систематизация документов. // *Ветер Перестройки*. 2021. Сборник материалов первой Всероссийской научной конференции Санкт-Петербург, 28–30 октября 2021 г. / А. Д. Матлин (отв. ред.). СПб.: Скифия-принт, 2022. С. 17–21.
2. Баранова В. А., Донцов А. И. Коллективные воспоминания и культурная травма разных поколенческих групп // *Социальная психология и общество*. 2019. Т. 10. № 2. С. 29–46.
3. Воейков М. И. Распад СССР: уроки истории // *Альтернативы*. 2021. № 3. С. 6–11.
4. Горбачёв М. С. Жизнь и реформы в двух книгах. Кн. 2. М.: Новости, 1995. 656 с.
5. Ельцин Б. Н. Записки президента. М.: Огонёк, 1994. 415 с.
6. Калашиников А. М. Распад СССР глазами советского общества (на примере материалов подотдела писем общего отдела ЦК КПСС) // *Новые государства в XX веке. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени: Сборник материалов Двенадцатой Международной конференции молодых ученых и специалистов, Москва, 14–15 апреля 2022 г.* / А. К. Сорокин (отв. ред.). М.: Политическая энциклопедия, 2022. С. 88–90.
7. Крючков В. А. Личное дело. Три дня и вся жизнь. М.: Центрполиграф, 2019. 575 с.
8. Лукашин А. В. Проблемы организации и проведения Всесоюзного референдума 17 марта 1991 года и пути развития союзной федерации. *Государственное управление. Электронный вестник*. 2011. № 28. С. 1–29.
9. Лукашин А. В. Проблемы разработки и заключения нового Союзного договора в контексте антикризисного управления в СССР (март 1990 — август 1991) // *Вестник МГУ*. 2011. № 3. С. 126–152.

10. Лукьянов А. И. *Переворот мнимый и настоящий*. М.: Паляя, 1993. 125 с.
11. Мухинова. Н. А., Соболенская А. Е. 1990-е годы в нарративах семейной памяти молодёжи (на примере семьи А. Соболенской) // *Гуманитарные науки в XXI веке: научный Интернет-журнал*. 2023. № 21. С. 41–56.
12. Письмо М. С. Горбачева. [Приветствие участникам первой Всероссийской конференции «Ветер Перестройки»] // *Ветер Перестройки*. 2021: Сборник материалов первой Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 28–30 октября 2021 г. СПб., 2022. С. 12–13.
13. Ретина Л. П. *Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика*. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
14. Рыжков Н. И. *ПРЕМЬЕР. Проект 2017 — мир или реальность?* М.: Эксмо, 2011. 328 с.
15. Шахрай С. М., Станских С. Н. *Мифология распада СССР*. // *Журнал российского права*. 2010. № 1 (157). С. 127–137.
16. Шубин А. В. *Распад СССР: объективные причины и субъективные факторы*. // *Россия и АТР*. 2016. № 3 (93). С. 23–48.
17. Язов Д. Т. *Удары судьбы. Воспоминания солдата и маршала*. М.: Центрполиграф, 2016. 447 с.
18. Янаев Г. И. *ГКЧП против Горбачева. Последний бой за СССР*. М.: Эксмо, 2010. 240 с.

Для цитирования:

Лазунов А. К. *Распад СССР в воспоминаниях современников // Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. С. 251–258.*

**Августовский путч как правый военный переворот:
особенности восприятия современниками**
**The August Coup as a right-wing military coup: features of
perception by contemporaries**

***Аннотация.** В данной статье рассматриваются примеры, свидетельствующие о восприятии Августовского путча 1991 г. современниками как «правого военного переворота», особенности и вариации подобного восприятия, а также факторы, обуславливающие это восприятие именно таким образом. Ряд исторических источников (официальные документы, публикации в прессе, телевизионные передачи) содержат оценку событий 19–21 августа 1991 г. как «правый переворот», «военная хунта», «путч» и соответствующие исторические аналогии. Особое внимание уделяется тому, как современники Августовского путча проводили параллели с военным переворотом в Чили, инициированным военными во главе с Аугусто Пиночетом в 1973 г., как в положительном, так и в отрицательном контексте.*

***Ключевые слова:** Августовский путч; ГКЧП; Аугусто Пиночет; правый военный переворот; хунта.*

***Abstract.** This article studies examples showing the perception of the 1991 August Coup by contemporaries as a “right-wing military coup”, the features and variations of such a perception, as well as the circumstances that determine the perception in this way. Historical sources (official documents, publications in the press, TV programs) contain an assessment of the events of 19–21 August 1991 as a “right-wing coup”, “military junta”, “putsch” and the corresponding historical analogies. Particular attention is paid to how contemporaries of the August coup drew parallels with the military coup in Chile initiated by the military led by Augusto Pinochet in 1973, both in a positive and negative context.*

***Key words:** August Coup; State Committee on the State of Emergency; Augusto Pinochet; right-wing military coup; junta.*

Давними особенностями отечественной политической культуры, которые также оказывают большое влияние на историографию и публицистику, являются частая смена отношения к различным личностям и событиям на крайне противоположное, отличное от общепринятого значение политологических терминов, а также частое использование исторических аналогий. Особенно ярко вышеупомянутые черты проявляются в ситуации политического кризиса,

¹ Северный (Арктический) федеральный ун-т, Высшая школа социально-гуманитарных наук и международной коммуникации, IV курс бакалавриата.
Northern (Arctic) Federal University, Higher School of Social Sciences, Humanities and International Communication, 4th year of Bachelor's degree.

примером которого является попытка государственного переворота в СССР 19–21 августа 1991 г., также известная как Августовский путч или путч ГКЧП. Например, корреспондент «Независимой газеты» Татьяна Аркадьевна Малкина на пресс-конференции ГКЧП задала путчистам резкий вопрос, предложив им сравнить устроенный ими государственный переворот с революцией 1917 г. или смещением Никиты Сергеевича Хрущёва в 1964 г. [16].

Но многие в дни Августовского путча вспомнили о военном перевороте в Чили под руководством генерала Аугусто Пиночета, о военных переворотах в Аргентине и Греции. Именно чилийские, аргентинские и греческие события мы вспоминаем при слове «правый военный переворот» — антиконституционный силовой захват власти консервативно настроенными военными, за которым следует политический террор и перестройка политической и экономической системы страны по правоконсервативному образцу, а именно — авторитарные политические практики и построение корпоративной экономики, которая в ходе дальнейшего реформирования может быть преобразована в рыночную. Государственный переворот, имеющий полностью военный характер, также называют путчем [3, с. 4]. Американский историк Э. Люттвак также отмечал, что если понятие «государственный переворот» идеологически нейтрально, то революции зачастую левые, а путчи — правые [24, р. 12].

Однако исторические источники об Августовском путче свидетельствуют об иной трактовке как словосочетания «правый военный переворот», так и слова «правый» как политологического термина в советском политическом лексиконе. Например, исходя из персонального состава ГКЧП, нет оснований полагать, что его члены собирались проводить в СССР изменения, аналогичные тем, что провёл А. Пиночет в Чили или «чёрные полковники» в Греции, однако руководство РСФСР в обращении «К гражданам России» от 19 августа 1991 г. отмечало, что «мы имеем дело с правым, реакционным, антиконституционным переворотом» [17, с. 2]. Таким образом, настоящее исследование ставит своей целью привести примеры подобного восприятия путча ГКЧП, относящиеся к августу — сентябрю 1991 г., а также определить факторы, обусловившие восприятие Августовского путча как «правого военного переворота».

В официальных нормативно-правовых актах августа — сентября 1991 г. союзное (Президент [6], Верховный Совет [7] и Съезд народных депутатов СССР [8]) и российское (Президент [5], Совет министров [17, с. 3] и Верховный Совет РСФСР [4]) руководство обозначили действия ГКЧП как государственный переворот. Российская власть, будучи лидером сопротивления ГКЧП, была более резка и эмоциональна в оценках.

О «правых» и устроенном ими «военном перевороте» Сергей Леонидович Доренко говорит в выпуске программы Российского Телевидения «Вести» от 23 августа 1991 г.: «Правые потеряли лишь

некоторых из своих лидеров. <...> Мы доказали им, что на этом этапе военный переворот в России невозможен» [11].

Частичное внешнее сходство событий в Москве с военным переворотом ввело в обиход слово «хунта» для обозначения группы заговорщиков. Странники российской власти, не проводя прямых параллелей с конкретными событиями в прошлом, активно использовали в отношении ГКЧП слово «хунта» на плакатах и настенных надписях [12, с. 110]. Также стоит отметить, что Егор Тимурович Гайдар, будущий соавтор радикальных рыночных реформ в Российской Федерации, в приказе о присоединении Института экономической политики к всеобщей забастовке называет ГКЧП не только «хунтой», но и «военной хунтой» [14, с. 23–24].

Имя чилийского диктатора А.Пиночета всплывет позже — в разоблачительных публикациях, вышедших после провала путча. В упомянутом выпуске программы «Вести» Владислав Пьерович Флярковский, характеризуя первоначально бескровный характер событий (до инцидента в тоннеле на Садовом кольце), говорит: «Кажется, эти мерзавцы решили поиграть в Пиночета, а правил игры до конца не доучили» [11].

Спустя 1–2 недели после поражения путчистов в общероссийской и местной прессе появляются написанные в разоблачительном тоне публикации, в которых сообщается о том, что отдельные лица высказывались положительно о ГКЧП, основываясь именно на том, что они видели в путче ГКЧП сходство с переворотами в Чили или Греции. 30 августа 1991 г. в газете «Архангельск» выходит написанная в разоблачительном тоне статья «Пойдёт направо — песнь заводит, налево — сказку говорит» о народном депутате СССР от Архангельской области Юрии Александровиче Барашкове, которому было задано несколько вопросов о путче, в том числе резкий заключительный вопрос: «— Итак, вы, народный депутат СССР Юрий Анатольевич Барашков, за военный переворот... — А что! При Пиночете в Чили достигли экономического расцвета. Была хунта в Греции, и какой поворот в экономике!» [15].

Также данное высказывание кажется неожиданным с учётом того, что советская печать и в годы Перестройки продолжала продвигать в новостных и сатирических изданиях негативный образ А.Пиночета как жестокого диктатора [22; 23]. Филологами отмечается, что в позднесоветской политической демонологии А.Пиночет олицетворял собою антикоммунизм, беспримерную жестокость и предательство, нарушение военной присяги [13, с. 73]. А в данной цитате А.Пиночет стал синонимом авторитарного реформатора, ведущего страну к экономическому благополучию. Такой дискурс скорее подходит концу 1990-х гг., когда имя А.Пиночета часто упоминалось именно в таком значении, однако даже тогда имя А.Пиночета ассоциировалось не только с реформами, но и с диктатурой [18]. Особенно парадоксально это высказывание Ю.А.Барашкова звучит

в отношении именно членов ГКЧП, которых затруднительно назвать сторонниками рыночных преобразований, так как входивший в состав ГКЧП премьер-министр СССР Валентин Сергеевич Павлов в январе 1991 г. инициировал денежную реформу, проводившуюся под предлогом борьбы со спекуляцией и теневой экономикой, но в итоге приведшую к потере сбережений обычными гражданами [9].

Однако это отождествление ГКЧП с А. Пиночетом как потенциальных реформаторов было тогда не единственным. 17 сентября 1991 г. «Российская газета» пишет о том, что во французской газете «Фигаро» опубликована статья посла Франции в СССР Анри Фроман-Мёриса «Странная хвала Пиночету» [20]. По словам дипломата, председатель Верховного Совета СССР Анатолий Иванович Лукьянов сказал ему: «Но следует проанализировать и опыт Пиночета. Необходимо стабилизировать экономику, но без сильных институтов невозможно ввести рыночную экономику». «Было довольно пикантно услышать, как второй человек в СССР, сидя в кабинете по соседству с тем, который раньше занимал Ленин, серьезно заявляет о необходимости задуматься над опытом Пиночета», — удивляется посол, объясняя то, почему он характеризует данную похвалу как «странную».

21 сентября 1991 г. Нина Александровна Андреева, ранее получившая известность как автор статьи «Не могу поступаться принципами», выступая на конференции Ленинградской организации Всесоюзного общества «Единство», созданного после приостановления деятельности КПСС, отвергает использование термина «путч» с достаточно интересными позициями. Она считала действия ГКЧП не такими слаженными, как путч Франсиско Франко или А. Пиночета: «В августовских событиях в СССР начисто отсутствовали главные моменты, всегда сопровождавшие путч, где бы он ни осуществлялся», — настаивает она [2, с. 197].

Таким образом, особенности восприятия Августовского путча современниками как правого военного переворота обусловлены следующими обстоятельствами.

Во-первых, сыграло свою роль резкое изменение отношения к чилийской хунте А. Пиночета и другим хунтам в сочетании с непониманием причинно-следственных связей теми, кого можно условно обозначить как сторонников ГКЧП: для них сам по себе военный переворот — драйвер экономического роста, при этом причины уверенности в этом они объяснить не могут. Например, депутат Ю. А. Барашков уже после провала путча был вынужден объяснять журналистам, что «в этих, из комитета чрезвычайного положения, разочаровался», а А. Пиночет и греческая хунта — это то, что «просто первым пришло на ум» [15].

Во-вторых, в советском политическом лексиконе дихотомия «левый — правый» отличается от общемировой, так как это левые и правые не вообще, а внутри системы КПСС и относительно господствующей в ней точки зрения. Разумеется, члены ГКЧП не яв-

ляются правыми в классическом смысле. Некоторые авторы настаивают на том, что их даже нельзя назвать консерваторами, а следует — коммунистическими ортодоксами [1, с. 177]. Зачастую левые являются сторонниками реформ и разрыва с прежними политическими традициями, а правые — консерваторами, поэтому, как отмечает Е. С. Филиппова, до 1991 г. демократы считались левыми, а коммунисты — правыми [21]. В. В. Согрин замечает, что эти термины приобрели в России общепринятое значение (социалисты — левые, националисты — правые) только к концу 1992 г. [19, с. 133].

То же самое мы обнаружим с дихотомией «радикал — консерватор», посмотрев интервью Николая Ивановича Рыжкова в программе «Итоги» от 2 февраля 1992 г., в котором он, вспоминая о своей работе в Совете министров СССР, говорит: «Я никогда не был консерватором. Я всегда больше к радикальному крылу относился...» [10].

В-третьих, прямые аналогии с военными переворотами возникли если не из-за содержания, то из-за формы происходивших 19–21 августа 1991 г. событий: чрезвычайное положение и танки на улицах Москвы. Появление бронетехники в мирном городе и участие министра обороны СССР Дмитрия Тимофеевича Язова в перевороте стало для населения явным свидетельством того, что в перевороте велика военная составляющая, что это именно военный переворот — путч.

В результате, вышеуказанные обстоятельства поспособствовали формированию не вполне корректных сравнений событий 19–21 августа 1991 г. с военными путчами в Чили и других странах, а также некорректному обозначению Августовского путча как «правого» переворота и членов ГКЧП как «правых» в современном общепринятом смысле этого слова. Однако данное восприятие было обусловлено рядом господствовавших в советском обществе политических стереотипов.

Список источников

1. Алексеев В. В. Противостояние группировок внутри Политбюро и ЦК КПСС при М. С. Горбачёве (1985–1991) // Дискуссионные вопросы современной исторической науки: Памяти академика РАН Юрия Степановича Кукушкина. СПб: Алетейя, 2020. С. 171–182.
2. Андреева Н. А. Неподаренные принципы, или Краткий курс истории перестройки (Избранные статьи, выступления). Саранск, 1993. 367 с.
3. Банкович М. Государственный переворот, пронунациamento, путч: теоретический анализ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2008. № 2. С. 3–12.
4. Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. 22 авг. № 34. Ст. 1126.
5. Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. 22 авг. № 34. Ст. 1132.
6. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. 28 авг. № 35. Ст. 1009.
7. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. 4 сент. № 36. Ст. 1038.
8. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. 11 сент. № 37. Ст. 1081.

9. Вот тебе, бабушка, и Павлов день // *Коммерсантъ Деньги*. 2016. 29 февр. С. 33.
10. Итоги. Эфир 02.02.1992 // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jQQoHAY1uk> (дата обращения: 30.09.2022).
11. Конец августовского путча ГКЧП (23.08.1991) // YouTube. URL: https://youtu.be/EEz-EE_Q90o (дата обращения: 30.09.2022).
12. Коричневый путч красных. Август 91. Хроника, свидетельства прессы, фотодокументы М.: Текст, 1991. 136 с.
13. Нахимова Е. А. Прецедентное имя Пиночет в современных российских СМИ // *Политическая лингвистика*. 2013. № 2. С. 72–75.
14. Нечаев А. А. Россия на переломе. Откровенные записки первого министра экономики: без купюр и цензуры. М.: Русь-Олимп, 2010. 575 с.
15. Пойдёт направо — песнь заводит, налево — сказку говорит // *Архангельск*. 1991. 30 авг. С. 3.
16. Пресс-конференция членов ГКЧП (1991) // YouTube. URL: <https://youtu.be/7qTFUE5FFQE> (дата обращения: 30.09.2022).
17. *Российская газета*. 1991. № 174–175 (220–221). 8 с.
18. Степашин С. В. Давление на правительство подмафиозных структур недопустимо // *Коммерсантъ*. 1999. 20 мая. С. 4.
19. Согрин В. В. *Политическая история современной России. 1985–1994: От Горбачёва до Ельцина*. М., 1994. 192 с.
20. Странная хвала Пиночету // *Российская газета*. 1991. № 193 (239). С. 1.
21. Филиппова Е. С. Правые и левые. Близнецы, но не братья // *Коммерсантъ Власть*. 1997. 11 нояб. С. 45–46.
22. Червяков Р. Ю. «Подлинное лицо реакции». Образ Аугусто Пиночета на страницах журнала «Крокодил» (1973–1990 гг.) // *Латинская Америка*. 2022. № 3. С. 32–45.
23. Чили говорит «Нет!» // *Правда*. 1988. 7 окт. С. 7.
24. Luttwak E. *Coup d'état: A practical handbook*. New York: Alfred A. Knopf, 1969. 234 p.

Для цитирования:

Прокин Д. А. Августовский путч как правый военный переворот: особенности восприятия современниками // *Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции*. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. С. 259–264.

Зенкевич Эдуард Альфонсович | *Zenkevich Eduard Alfonsovich*¹
Комарова Анна Александровна | *Komarova Anna Alexandrovna*²

Отражение переходного периода от СССР к РФ в заводской социологии на примере материалов социологической службы АМО ЗИЛ

Reflection of the transition period from the USSR to the Russian Federation in industrial sociology on the example of materials of the sociological service of AMO ZIL

Аннотация. В статье приводится обзор сохранившихся аналитических материалов и отчётов социологической службы АМО ЗИЛ за годы Перестройки. Обнаружено, что тематика исследований заводских социологов отчётливо коррелирует с внешним событийным контекстом и является ценным источником достоверных данных о мнениях и положении трудящихся в переходный период.

Ключевые слова: социологическая служба; архив; ЗИЛ.

Abstract. The article provides an overview of the surviving analytical materials and reports of the sociological service of AMO ZIL for the years of Perestroika. It was found that the research topics of factory sociologists clearly correlate with the external event context and are a valuable source of reliable data on the opinions and position of workers in the transition period.

Key words: sociological service; archive; ZIL.

В поле зрения исследователей «перестроечного» этапа в истории нашей страны до сих пор не находился один интересный источник задокументированной информации. Это материалы лаборатории социальных исследований ЗИЛа. Полезность и ценность этих документов для получения точной картины времени мы хотим обосновать.

Главная часть истории ЗИЛа, основанного в 1916 г. как завод АМО («Автомобильное Московское общество»), приходится на советский период. В декабре 2012 г. был навсегда остановлен главный конвейер завода, на котором осуществлялась окончательная сборка грузовых автомобилей. Этот фрагмент общей картины деиндустриализации страны, обвальное сокращение производства и попытки сохранить завод достаточно известны, но авторы описывают исключительно технико-экономические аспекты, оставляя вне рассмотрения социальные процессы в заводском коллективе, которые можно было наблюдать только изнутри [4; 5; 9]. Наблюдения внутриводской

¹ Независимый исследователь.
Independent researcher.

² Независимый исследователь.
Independent researcher.

жизни сохранились только в виде личных воспоминаний, бытовых зарисовок, не претендующих на обобщённую научную картину [7].

Социологическая служба завода была создана в 1968 г. Это время расцвета прикладной социологии и психологии труда в СССР. По данным ИСИ АН СССР, в середине 1980-х гг. в стране существовало порядка 500 служб социального развития предприятий [11]. Отметим, что речь идёт именно о заводской социологии. В академической к этому времени идёт на убыль её наиболее творческий и продуктивный «оттепельный» период [10]. У заводских социологов свои постоянные задачи: стабилизация коллектива предприятия, борьба с текучестью кадров. Дело в том, что производительность и качество в индустриальном производстве прямо зависят от личного опыта работника. Даже если он выполняет несложные и рутинные, на первый взгляд, операции, его квалификация растёт годами и включает в себя не только возрастание скорости и точности движений, но и универсальность работника, освоение смежных операций и специальностей, понимание им всех стадий технологического процесса, способность к принятию самостоятельных решений и быстрой реакции во внештатных ситуациях.

Первоначально социологическая служба на заводе (из трёх сотрудников) находилась в структуре отдела научной организации труда (НОТ), а в 1971 г. была переподчинена отделу инженерно-технических кадров и стала именоваться «лаборатория социальных исследований». В 1978 г. лаборатория была передана в ведение управления рабочих кадров, где её работники занимались анализом социально-демографической структуры, укомплектованностью и движением кадров, проводили массовые опросы, разбирались с конфликтными ситуациями в подразделениях завода. В том же году в управлении инженерно-технических кадров была организована группа психологии труда, работники которой занимались профессиональным отбором при назначении ИТР на те или иные должности, готовили резерв кадров на выдвижение, проводили тестирование работников.

В 1990-е гг., после неоднократной реструктуризации кадровой службы завода, социологическая служба стала именоваться «группа социологии и психологии труда», в которой работали 3 человека (максимальная численность социологической службы, включая группу психологов, была отмечена во второй половине 80-х гг. — 10 человек). В разные годы статьи сотрудников социологической службы и руководства завода, освещающие проблемы формирования и воспроизводства рабочих кадров, публиковались в изданиях «Социологические исследования», «Коммунист», «ЭКО», «Рабочий класс и современный мир», публиковались в серии «Социология и жизнь» издательства «Мысль» [1; 2; 3; 8].

Большой массив материалов социологической службы Завода им. Лихачёва в Москве (АМО ЗИЛ) сохранился благодаря её сотруднику Эдуарду Альфонсовичу Зенкевичу. Систематизированная на дан-

ный момент их часть — это 86 отчётов и аналитических материалов на 1109 листах. Эти материалы предполагается передать на хранение в один из архивов, который проявит интерес к тематике, но предварительно оцифровать и выложить в свободный доступ. Работа по оцифровке на данный момент выполнена частично и продолжается.

Сохранившиеся материалы охватывают период с 1976 по 2010 гг. Помимо внутривзаводской тематики, они отражают нарастающие драматизма событий в новейшей истории России, приватизацию и деиндустриализацию, реакцию работников завода на события государственного масштаба. При знакомстве с их темами бросается в глаза, как в мир крупного советского предприятия вторгается большая история, как трансформация отношений собственности прошла по отечественной индустрии и отразилась в восприятии рабочих и инженерно-технического корпуса.

Вот спокойные, «застойные» 1976, 1977, 1978 гг.. Темы традиционные: «Анализ текучести рабочих кадров...» — в инструментальном производстве, в ремонтной службе, интервью с молодыми рабочими, как улучшить работу с молодёжью, чтобы она оставалась на заводе.

Антиалкогольная кампания 1985 г. отразилась в документе «Анализ эффективности проводимой работы на заводе по борьбе с пьянством и алкоголизмом».

Назревающие политические изменения в стране выходят на поверхность в 1987 г. в виде провозглашённой экономической реформы и Закона о госпредприятии (объединении). Реформа подаётся как попытка перейти от административных методов управления к экономическим. Как понимают грядущие изменения трудящиеся, насколько готовы лично в них участвовать, отвечают ли нововведения их интересам? Эксперименты с расширением бригадного хозрасчёта отражаются в 1987 г. в исследовании, посвящённом социальным аспектам бригадной формы организации и стимулирования труда.

В 1988 г. изучается общественное мнение автозаводцев о переводе завода на новые условия хозяйствования и оплаты труда.

В 1990 г. проводится опрос работников завода по проблемам перехода к рыночной экономике. Верховный Совет СССР рассматривает несколько вариантов перехода к рыночным отношениям. Верховный Совет РСФСР предлагает альтернативную программу «500 дней». Заводчан впервые спрашивают об их отношении к таким масштабным социально-политическим изменениям, по сути — о трансформации советского социализма в иной уклад.

Спустя 30 лет следующее поколение склонно упрекать или недоумевать: как советские люди допустили отказ от всех достижений социализма, неужели совсем не понимали последствий реставрации капиталистических отношений?

Если рассматривать коллектив завода как срез советского общества (а данные практически совпадают с синхронным исследованием ВЦИОМ), полностью одобряло «переход к рыночным отноше-

ниям» 20%, ещё 36% высказывалось за осторожный и постепенный переход. В аналитической части отчёта социологи ЗИЛа приходят к выводу, что «идея рыночной экономики, не будучи в достаточной степени наполнена для многих советских граждан конкретным содержанием из-за отсутствия у них необходимого опыта и знаний, поддерживается ими из-за неверия в возможность решить накопившиеся социально-экономические проблемы в нашем обществе старыми методами».

После событий 19–21 августа 1991 г. запущен процесс реформирования органов государственной власти в СССР. На заводе проводится опрос по заказу ИСИАН СССР о доверии различным структурам государства и общества. После знакомства с результатами становится ясно, «как не сохранили ценности социализма и СССР». Единственные структуры, которые ещё вызывают некоторое доверие у рабочих — церковь (40%) и вооружённые силы (49%). Остальные — правоохранительные органы, КПСС, Верховные советы и Съезды депутатов Союза и России, другие общественно-политические организации — получили уровень доверия от 0 до 15% (лишь Верховный Совет РСФСР — 22%). Государство практически утратило легитимность.

В 1992 г. идёт форсированная приватизация крупных предприятий. Производства полного цикла, несырьевых отраслей, говоря современным языком, со стопроцентной локализацией, выпускающие структурно важную продукцию для всей страны, обречены на скорое или медленное уничтожение. Мы этого тогда не знали, но была общая атмосфера встревоженности. Как известно, предлагались три варианта приватизации крупных предприятий, в том числе предполагающий участие работников в управлении через акционирование. Именно этот («второй вариант») остался «на бумаге» и нигде не был реализован.

В отчёте об опросе работников ЗИЛа по проблемам приватизации (1992 г.) отмечено, что «менее всего информированы о сути правительственной программы приватизации рабочие, среди которых лишь каждый третий ознакомился с её содержанием». «При ответах на вопросы о том, следует ли передавать ЗИЛ из собственности государства другому собственнику и если да, то какому именно, опрошенными не было отдано безусловного предпочтения какой-либо одной форме собственности, то есть ни одна из них не набрала больше 50% голосов. В относительном большинстве позиция «в собственности трудового коллектива» (31%), акционерная форма (25%), государственная (20%). За частную собственность всего 7%. Но, парадоксально, «в то же время, отвечая на оценочный вопрос: при какой форме собственности завод работал бы лучше, 23% опрошенных отмечали, что завод работал бы эффективнее, являясь собственностью предпринимателя, 21% — являясь собственностью трудового коллектива и 14% — собственностью государства».

Накануне приватизации завода «неуверенность, страх перед будущим» испытывали 28% работников, четверть опрошенных наде-

ялись на благоприятные изменения в будущем, только 3% однозначно ожидали позитивных перемен.

В данных внутризаводских опросов рокового 1993 г. оживают события тех дней, личная память о которых с годами подверглась искажениям и мифологизации. Таблицы опроса сохраняют достоверные данные, например, о степени политизации и вовлечённости в события обычных людей, работников крупного московского предприятия. За полгода до обстрела Белого Дома, когда уже обозначилось жёсткое противостояние президента России и Верховного Совета, за событиями следило постоянно 42% опрошенных заводчан, время от времени — 37%. Но это в среднем, в старших возрастных когортах внимательно следили за событиями до 89%.

Распределение ответов на вопрос: чья позиция представляется наиболее верной в конфликте между исполнительной и законодательной властью, заставляет предположить, что наблюдаемая сегодня конфигурация власти в РФ исторически являлась, как минимум, наиболее верной: 37%, в среднем, — за президента, 8% — за Верховный Совет.

Значительная часть опрошенных, вне зависимости от их политических предпочтений, возраста, пола, профессионального статуса, не ждёт ничего хорошего от политического кризиса («обстановка ухудшится» — 47%). На улучшение в результате разрешения конфликта надеется, в среднем, 12%, несколько больше — среди ИТР старших возрастов.

Очень показателен и является объективным документом сводный листок результатов экспресс-опросов, проведённых на заводе 24 сентября 1993 г. (публикация Указа № 1400, начало финальной фазы правительственного кризиса) и 4 октября (после обстрела Белого Дома и роспуска парламента). Вначале 40% поддерживают президента, 20% — Верховный Совет, 28% не считают верной ни ту, ни другую позицию, 12% затрудняется ответить. События 3–4 октября не прибавили ясности. После них поддержка позиции президента снизилась до 31%, но и проигравший Верховный Совет считают правым только 6%. Возросло количество не считающих правой ни одну сторону (39%) и затрудняющихся ответить (24%).

Следующие годы вошли в историю как «лихие 90-е». Для трудящихся факторами «лиха» стали ранее незнакомые им явления: задержки заработной платы, падение её покупательной способности. Для предприятий — падение спроса на продукцию, распад логистических связей, «бартер» (то есть натуральный обмен сырьём и продукцией в условиях инфляции). В эти годы площадка ведомственной социологической лаборатории регулярно используется для зондирования массовых настроений трудящихся и их потенциальной протестной активности. В 1994 г. такой опрос проводился для ФНПР. В последующие 1995–96 гг. — по внутризаводской инициативе. Например, об отношении заводчан к возможному введению трёхдневной рабочей недели о том, как они оценивают своё материальное положение.

Оценка работниками своего материального положения и готовность к противодействиям в случае его ухудшения в 1996–1997 гг. отслеживается по несколько раз в год.

Ситуация становилась порой настолько критичной, что в январе 1996 г. 44% опрошенных убеждены в неизбежном крахе завода. Отмечено, что многие опрошенные говорили о необходимости реприватизации АМО ЗИЛ и передаче его в собственность государства. Особое недовольство вызывала реорганизация управления с созданием новых звеньев, что, по мнению работников, недопустимо в условиях резкого сокращения выпуска продукции и нехватки средств на выплату заработной платы.

Регулярно отслеживается отношение работников завода к событиям общегосударственного масштаба: очередным выборам президента России (май — июнь 1996 г.), выборам депутатов Государственной Думы (1999 г.), вновь президента (2000 г.).

Причём готовность к голосованию на выборах в Госдуму 1999 г. даже выше, чем в 1993 и 1995 гг. — в среднем, 84%, ещё выше у руководителей и старших возрастных групп. Список партий и общественных движений, претендующих на места в парламенте в тот год, содержит 23 позиции — апофеоз многопартийности в новейшей российской истории. Но серьёзными игроками были «Отечество — вся Россия» (прообраз «Единой России», партии власти) (почти 40% сторонников) и КПРФ (17%). За все прочие организации намеревались голосовать от 5% опрошенных до нуля.

Внутризаводские опросы и обработка данных проводились сотрудниками лаборатории — социологами — на основе корректной выборки, отражающей возрастной и образовательный состав работников завода. Для этого лаборатория имела доступ к сведениям управления кадров. Поэтому их отчёты и аналитические материалы можно считать качественным источником информации о проблемах и настроениях работников типичного крупного советского предприятия в переходный период.

По свидетельству Э.А. Зенкевича, сотрудники лаборатории были относительно свободны в выборе тематики, выходящей за пределы заданий администрации, а также проводили некоторые исследования по заданиям сторонних организаций (ИСИ АН СССР, Госкомстат СССР, ВПШ, ФНПР). Этим объясняется общегосударственная тематика наиболее драматичных и динамичных лет. Появление тем, выходящих за пределы производственной, внутризаводской тематики, отчётливо коррелирует с внешними событиями.

Сохранившиеся материалы заводских архивов представляют научную ценность для изучения переходного периода от СССР к РФ и являются достоверным источником информации. Их надо разыскивать и сохранять. Особенный интерес для исследователей переходного периода отечественной истории могут представлять следующие тематические направления, отражённые в документах заводской социологической службы:

- управление трудовыми ресурсами в СССР;
- социальная мобильность и воспроизводство классовой структуры в СССР;
- профсоюзы в СССР глазами рядовых членов и аппарата;
- межнациональные отношения;
- экономическое положение трудящихся в годы Перестройки;
- отношение трудящихся к политическим изменениям в годы Перестройки.

Материалы социологической службы ЗИЛа по мере обработки помещаются в облачный сервисе Яндекс.Диск и доступны по ссылке: <https://disk.yandex.ru/d/Jb2vW8rgwM5nrw> [6].

Список источников

1. Бабушкина Т. А., Дунин В. С., Зенкевич Э. А. Социальные проблемы формирования новых поколений рабочего класса (из опыта сотрудничества Московского автомобильного завода им. И. А. Лихачева и ИМРД АН СССР) // *Рабочий класс и современный мир*. 1981. № 3. С. 44.
2. Браков Е. А. (генеральный директор ПО ЗИЛ). ЗИЛ: возможности, заботы, свершения // *ЭКО*. 1986. № 10. С. 13.
3. Дунин В. С., Зенкевич Э. А. Эффект «лимита» (об использовании многогородных рабочих на головном предприятии объединения «АвтоЗИЛ») // *Социологические исследования*. 1987. № 3. С. 80.
4. История российского автопрома: АМО ЗИЛ — именем мэрии // *За рулём*. URL: https://www.zr.ru/content/articles/416056-istorija_rossijskogo_avtoproma_amo_zil_-_imenem_merii/ (дата обращения 04.04.2023).
5. Как снижались объемы производства на ЗИЛе в 90-х // *Дзен*. URL: <https://dzen.ru/a/XbVeKwbMRgCs6myu> (дата обращения 04.04.2023).
6. Материалы Социологической лаборатории Московского автомобильного завода им. И. А. Лихачёва за период с 1976 по 2010 год // *Личный архив автора*.
7. Моё смиренное кладбище или Как я работал на ЗиЛе // *Живой журнал*. URL: <https://rusautomobile.livejournal.com/219257.html> (дата обращения 04.04.2023).
8. Новиков В. В., Фетисов Э. Н. Социальные проблемы подготовки молодежи к труду. М.: Мысль, 1984. 215 с.
9. Современная вежа истории завода ЗИЛ с 90-х гг. до наших дней // *БЭСТТМ*. URL: <http://www.besttm.ru/articles/2703/> (дата обращения 04.04.2023).
10. Социология труда в период стагнации: 70–80-е годы // *Студопедия*. URL: https://studopedia.ru/6_89778_sotsiologiya-truda-v-period-stagnatsii---e-godi.html (дата обращения 28.09.2022).
11. Становление советской социологии труда: годы «хрущевской оттепели» // *Студопедия*. URL: https://studopedia.ru/6_89777_stanovlenie-sovetskoj-sotsiologii-truda-godi-hrushchevskoj-otpepli.html (дата обращения 28.09.2022).

Для цитирования:

Зенкевич Э. А., Комарова А. А. Отражение переходного периода от СССР к РФ в заводской социологии на примере материалов социологической службы АМО ЗИЛ // *Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции*. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. С. 265–271.

Янина Полина Николаевна | Yanina Polina Nikolaevna¹

Автоматическая классификация депутатов Первого Съезда народных Депутатов СССР по фракциям на основе стенограмм выступлений²

Using Speech Transcripts of the First Congress of People's Deputies of the USSR to Automatically Classify Deputies according to Fractions

Аннотация. *Первый Съезд народных депутатов СССР с первых дней своей работы столкнулся с разделением депутатов на две противоборствующие группы: часть депутатов, оформившаяся впоследствии в объединение Межрегиональная депутатская группа, обвинили оставшееся большинство в конформности, послушности мнению авторитетов и голосовании «по указке». Самым знаменитым высказыванием такого рода стала речь ректора историко-архивного института Юрия Николаевича Афанасьева, в которой он использовал выражение «агрессивно-послушное большинство», ставшее впоследствии крылатым. Однако верно ли устоявшееся мнение о том, что депутаты, разделяющие идеи Межрегиональной депутатской группы, принадлежали к меньшинству, а депутаты противоположной фракции — к большинству? Для ответа на этот вопрос в данном исследовании проводится автоматическая классификация выступавших на Первом Съезде народных депутатов по фракциям с помощью модели машинного обучения с учителем на основе стенографических отчётов Первого Съезда. Для создания модели машинного обучения использовалась rython-библиотека scikit-learn.*

Ключевые слова: *Первый Съезд народных депутатов; Межрегиональная депутатская группа; Перестройка; машинное обучение.*

Abstract. *The first Congress of People's Deputies of the USSR faced a division of deputies into two opposing groups from the first days of its work — some deputies, which later formed the Interregional Deputy Group, accused the remaining majority of conformity, obedience to the opinion of authorities and voting “as dictated”. The most famous statement of this kind was made by Yury Nikolayevich Afanasyev, who used the expression “aggressively obedient majority”, which later became a catchphrase. It was widely believed that deputies who shared the ideas of the Interregional Deputy Group belonged to the minority and those from the opposing fraction to the majority. Is this statement correct? To answer this question, this study automatically classifies the speakers of the First Congress of People's Deputies into fractions using a supervised learning model, based on the verbatim records of the First Congress. The Python library scikit-learn was used to create the supervised learning model.*

¹ Стажёр-исследователь Международного центра изучения институтов и развития (МЦИИР) НИУ ВШЭ. ICSD Research Assistant at the HSE University.

² Статья является продолжением авторских исследований стенографических отчётов Первого Съезда народных депутатов СССР методами Digital Humanities. Предыдущее авторское исследование было посвящено количественному анализу тематики и тональности выступлений в стенографических отчётах Первого Съезда [11].

Key words: *First Congress of People's Deputies; Interregional Deputy Group; Perestroika; machine learning.*

Съезд народных депутатов СССР был образован в ходе конституционной реформы 1 декабря 1988 г. и сменил Верховный Совет СССР на месте высшего органа государственной власти в стране [4]. Первый Съезд народных депутатов был проведён в следующем году, 25 мая — 9 июня 1989 г. Как руководство, так и население Советского Союза связывали проведение Первого Съезда с надеждами на демократизацию политики и преодоление «застоя» [10, с. 144–145.]. Большое воодушевление во время прохождения Первого Съезда испытывали также и сами избранные народные депутаты. «Атмосферу, в которой проходил Первый съезд народных депутатов СССР, можно определить одним словом — эйфория», — вспоминал в интервью 2019 г. бывший народный депутат СССР Аркадий Николаевич Мурашёв [8].

Однако во время своей работы Первый Съезд столкнулся с конфликтом среди депутатов: часть спикеров Первого Съезда обвинили оставшихся депутатов в конформности, послушности мнению авторитетов и голосовании «по указке».

Самым знаменитым высказыванием такого рода стала речь ректора Московского государственного историко-архивного института Юрия Николаевича Афанасьева: «Так вот, уважаемое агрессивно-послушное большинство, и Вы, Михаил Сергеевич, то ли внимательно прислушивающийся к этому большинству, то ли умело на него воздействующий. Мы можем и дальше продолжить так работу. Мы можем быть послушными. <...> Но давайте всё-таки ни на минуту не забывать о тех, кто нас послал на этот Съезд. Они послали нас сюда не для того, чтобы мы вели себя благостно, а для того, чтобы мы изменили решительным образом положение дел в стране» [5, с. 223–224].

Ю.Н.Афанасьев обвинил своих оппонентов в том, что они «запустили в ход привычную машину» и в ответ на новые предложения, которых ждали избиратели, только произвели «несколько нравоучительно-клеящих выступлений, <...> за которыми последовало отупляющее голосование большинством» [5, с. 223]. В своей речи Ю.Н.Афанасьев в отношении обвиняемых им депутатов Первого Съезда использовал выражение «агрессивно-послушное большинство» и «брежневско-сталинский Верховный Совет», которые впоследствии стали крылатыми [3, с. 16].

Во время этого же Первого Съезда, 27 мая 1989 г., народный депутат Гавриил Харитонович Попов в ходе своего выступления предложил создать «межрегиональную независимую депутатскую группу», протестуя против запущенной, по его мнению, «машины голосования механическим большинством» и отстранения от работы несогласных с общим мнением депутатов, которые пребывают в меньшинстве [5, с. 226]. Об официальном создании Межрегиональной группы народ-

ных депутатов было объявлено на заседании в заключительный день Первого Съезда, 9 июня 1989 г., заявление подписали «более 150 депутатов» [7, с. 323].

Ядро группы создавали т.н. «московские» депутаты: Андрей Дмитриевич Сахаров, академик, главный научный сотрудник Физического института имени П. Н. Лебедева, г. Москва (от Академии наук СССР), Г.Х. Попов, главный редактор журнала «Вопросы экономики», г. Москва (От Союза научных и инженерных обществ СССР), А.Н. Мурашёв, научный сотрудник Института высоких температур Академии наук СССР, г. Москва (Тимирязевский территориальный избирательный округ, г. Москва), Александр Михайлович Адамович, директор Всесоюзного научно-исследовательского института киноискусства, г. Москва (От Союза кинематографистов СССР) и т.д.

На «московском» происхождении депутатов часто акцентировали внимание как оппоненты Межрегиональной депутатской группы, называя группу «московской фракцией» [5, с. 289–290], так и сами её участники.

Депутаты из фракции «сторонники КПСС» также выступали с критикой оппонентов. Например, народный депутат Евгений Николаевич Мешалкин: «Кто-нибудь приходил от него (прим. автора: Михаила Сергеевича Горбачёва) и говорил, товарищи, надо вот так и так выступать? Нет. А вот “московской фракцией” эта работа делается ежедневно. Вы ведёте такую фракционную работу, направленную на раскол Съезда, а вовсе не Михаил Сергеевич» [5, с. 236]. Также выкрик из зала неизвестного депутата: «Есть предложение москвичам больше не давать слово» [6, с. 364].

Кроме того, депутаты уже в ходе заседаний отмечали прочно установившееся разделение: например, депутат Олжас Омарович Сулейменов: «Как странно, на самом деле, мы расселись: справа от меня сейчас — левые, слева — вроде правые. В центре — Москва, Россия, как ей и положено быть. Там, значит, определилось агрессивно-покорное большинство, тут — демократическое меньшинство» [5, с. 280].

Члены Межрегиональной депутатской группы заявляли о попытках срывов выступлений депутатов, высказывавшихся в поддержку идей группы, выкриками и шумом из зала. Например, речь депутата Александра Николаевича Крайко: «Удивительно, ведь никто не возражает против многочисленных выступлений академика Мешалкина. Москвичи ни разу не возражали, не было шума. Но стоит выйти на трибуну, например, Алесю Адамовичу (прим. автора: народный депутат, член Межрегиональной депутатской группы А.М. Адамович), как начинается шум. Почему такая селективность? Я думаю, что давайте уж шумите и когда академик Мешалкин выступает» [5, с. 296].

Как участники Первого Съезда, так и последующие исследователи причисляют депутатов, сочувствующих взглядам

Межрегиональной депутатской группы, к меньшинству на Съезде. К примеру, бывший народный депутат СССР и член Межрегиональной депутатской группы Николай Ильич Травкин в интервью 2019 г. вспоминал: «расклад внутри Съезда обнаружился буквально в течение двух–трёх дней, когда стало ясно, что люди, желающие очень быстрых и очень серьёзных перемен, находятся не только в меньшинстве, а их пять из ста. Пять процентов! Потом Межрегиональная группа организовалась, — это, по-моему, 126 человек, которые записались в Межрегиональную депутатскую группу из 2500 (прим. автора: на самом деле, общее количество депутатов Первого Съезда было 2250 [4]). Вот тебе эти 5%» [2].

Таким образом, Первый Съезд народных депутатов столкнулся с некоторым разделением депутатов на две противоборствующие фракции: Межрегиональная депутатская группа и условные «сторонники КПСС». Последнее название было выбрано из-за одного из самых известных требований участников МДГ: убрать из Конституции СССР 6-ю статью о «руководящей и направляющей роли» КПСС в советском обществе [1, с. 4]. Однако верно ли устоявшееся мнение о том, что депутаты, разделявшие идеи фракции Межрегиональной депутатской группы, принадлежали к меньшинству, а депутаты условной фракции «сторонники КПСС» — к большинству?

Для ответа на данный вопрос в данном исследовании проводится автоматическая классификация выступавших на Первом Съезде народных депутатов по фракциям Межрегиональная депутатская группа и условные «сторонники КПСС» с помощью модели машинного обучения с учителем на основе стенографических отчётов Первого Съезда.

Стенографические отчёты Первого Съезда народных депутатов СССР были изданы Изданием Верховного Совета СССР в трёх печатных томах вскоре после завершения Съезда в 1989 г. Для данного исследования используются находящиеся в открытом доступе цифровые версии стенографических отчётов, которые были созданы методом постраничного сканирования печатной версии и последующего распознавания символов методом OCR.

Тексты речей из цифровой версии стенографических отчётов Первого Съезда народных депутатов были приведены в необходимый для проведения данного исследования вид. При помощи `rpython`-библиотек `fitz`, `BeautifulSoup` и `string` стенографические данные были размечены, очищены от пунктуации, стоп-слов и слов, состоящих менее, чем из трёх символов, приведены к нижнему регистру. Далее при помощи `rpython`-библиотеки `rumystem3` слова были лемматизированы — приведены к словарной форме (лемме).

Из-за недостаточного качества цифровой копии стенографических отчётов потребовалась вычитка текста для устранения ошибок OCR-распознавания и разметки. Кроме того, из текстовых данных были удалены реплики, содержавшие организационную или тех-

ническую информацию: например, объявление об организованной культурной программе для участников Съезда, определение порядка выступающих, призывы к соблюдению порядка и так далее. Также были удалены речи не представившихся депутатов, выкрики с мест и выступления председателя.

Таким образом, после вышеупомянутых корректировок размеченные и очищенные текстовые данные стенографических отчётов Первого Съезда народных депутатов содержат 433 спикера и 732 речи.

Классификация текстов по темам с помощью машинного обучения с учителем — распространённая методология как в коммерческой, так и в академической областях, набирающая всё большую популярность [13, с. 46–47] у исследователей и аналитиков из-за ставших более доступными методов машинного обучения, а также из-за растущего интереса к потенциалу искусственного интеллекта.

Для машинного обучения с учителем (Supervised learning) необходимо разделить данные на три части:

- Тренировочный набор данных (Train Data) — это вручную размеченные исследователем данные, на основе которых модель обучается автоматически кластеризовать оставшиеся данные;
- Валидационный набор данных (Validation Data) — это часть тренировочных (размеченных исследователем) данных, которая выделяется для проверки качества обучения модели. На основе результатов валидационных данных высчитывается точность предсказаний;
- Тестовый набор данных (Test Data) — оставшиеся данные, которые программа машинного обучения автоматически классифицирует на основе своего обучения на тестовых данных.

В рамках создания тренировочных данных (Train Data) для данного исследования часть депутатов, выступавших с речами на Первом Съезде народных депутатов, были вручную распределены на две фракции: Межрегиональная депутатская группа и условные «сторонники КПСС».

Распределение депутатов в группу Межрегиональной депутатской группы происходило по их членству в составе этой группы. Кроме того, депутаты противоборствующих «фракций» в своих выступлениях часто упоминали личности своих оппонентов: называли имена, цитировали выступления, вступали в полемику. Данная особенность помогла распределить часть депутатов во фракцию «сторонники КПСС». Например, из выступления народного депутата Николая Алексеевича Струкова: «Когда Михаил Сергеевич сослался на своё право назвать заместителем Лукьянова, у моего соседа — первого секретаря обкома партии Селезнёва (прим. автора: народный депутат, первый секретарь Курского обкома КПСС Александр Иванович Селезнёв) радостно прорвалось: “Теперь у нас власть”. У кого у нас? Вы

же против фракций, уважаемые аппаратчики. Селезнёву надо усвоить, хоть пока и кратковременная, но власть ещё всё-таки у Съезда» [5, с. 441]. Таким образом, А. И. Селезнёв был распределён во фракцию «сторонники КПСС».

Также во фракцию «сторонники КПСС» тестового сета был распределён народный депутат Е. Н. Мешалкин, директор Научно-исследовательского института патологии и кровообращения Министерства здравоохранения РСФСР, г. Новосибирск (От Движения за мир, объединённого Советским комитетом защиты мира совместно с Ассоциацией содействия Организации Объединённых Наций в СССР), который стал одной из главных мишеней в обвинении к причастности к «агрессивно-послушному большинству». К примеру, народный депутат Н. А. Струков даже придумал каламбур на основе фамилии депутата — «не Мешалкин» [5, с. 441], обозначающий следование воли большинства, которую, с точки зрения депутата Н. А. Струкова, проявлял депутат Е. Н. Мешалкин.

Кроме того, иногда депутаты сами причисляли себя к оппозиции по отношению к Межрегиональной депутатской группе. Например, из выступления народного депутата Тамары Васильевны Момотовой: «Вы перед собой, по словам товарища Афанасьева, видите представителя брежневско-сталинского аппарата» [5, с. 441]. Выступление депутата Александра Сергеевича Самсонова: «Я просил бы депутатов не присоединять сегодня всех депутатов московской организации к этому фракционному крылу. Не хочу иметь на себе этого клейма. Я не собираюсь, товарищ Афанасьев, поднимать руку за то, с чем я не согласен. Я имею своё определённое мнение и об этом говорил своим избирателям» [5, с. 304].

Таким образом, для тренировочных данных было размечено 112 выступавших депутатов и 176 их речей. Во фракцию Межрегиональной депутатской группы депутаты распределялись по официальному членству в этой группе: всего 85 депутатов и 139 речей. Во фракцию «сторонники КПСС» депутаты были распределены по упоминанию их фамилий в дискуссиях или по оппонированию ими позиции членов МДГ: всего 27 депутатов и 37 речей.

Для классификации депутатов по двум фракциям использовалась библиотека для языка python scikit-learn. Данная библиотека является одной из самых популярных python-библиотек для Data Science и машинного обучения из-за своей широкой функциональности и прописанной документации.

Применение машинного обучения для данных на естественном языке требует предварительной подготовки текстовых данных, в частности, векторизации — семантического векторного представления текста на основе его словарного состава.

Одним из самых распространённых и надёжных алгоритмов векторизации текста является TF-IDF. Так, TF-IDF получил высокую оценку в сравнительном исследовании статистических мер для текстов на

естественных языках, отражённом в статье “Evaluation of measures of distinctiveness: Classification of literary texts on the basis of distinctive words” [10]. Несмотря на то, что согласно этому обзору, TF-IDF показал несколько худшие результаты, чем такие меры, как Zeta и Eta, в данном исследовании используется именно TF-IDF из-за удобства реализации меры в python-библиотеке scikit-learn в TF-IDF Vectorizer.

TF-IDF отбирает ключевые слова текста, оценивая частоту их использования. Данная мера помогает исключить частые слова и редкие понятия, которые могут повлиять на качество машинного обучения.

Для выполнения задачи проверки качества обучения модели и вычисления аккуратности её предсказаний из тренировочных данных (Train Data) были выделены валидационные данные (Validation Data) в размере 25% от общего числа тестовых данных. Таким образом, в тренировочных данных (на которых обучается модель) оказалось 132 речи, а в валидационных данных (на которых модель проверяет качество своего обучения) оказалось 44 речи.

Для того, чтобы иметь возможность сравнить качество обучения, были созданы две модели из библиотеки scikit-learn: линейный классификатор SGDClassifier и классификатор методом ближайших соседей KNeighborsClassifier, — и произведено обучение на тестовых данных. Валидным показателем аккуратности обучения считается 0.80, то есть когда модель правильно предсказывает в 80% случаев и ошибается в 20% случаев.

Метод KNeighborsClassifier со стандартными параметрами показал аккуратность (accuracy) предсказания модели в 0.82, а метрика macro-avg, которая более устойчива к неравномерному распределению классов (депутаты фракции «сторонники КПСС» составляют только около четверти всех тренировочных данных), показала аккуратность 0.69.

	precision	recall	f1-score	support
CSPU_Officials	0.40	0.67	0.50	6
Inter_regional_Deputies_Group	0.94	0.84	0.89	38
accuracy			0.82	44
macro avg	0.67	0.75	0.69	44
weighted avg	0.87	0.82	0.84	44

Рисунок 1. Вывод результата обучения модели KNeighborsClassifier со стандартными параметрами на данных речей депутатов Первого Съезда народных депутатов для задачи кластеризации депутатов по фракциям.

Метод SGDClassifier со стандартными параметрами показал акkuratность (accuracy) предсказания модели в 0.80, а метрика macro-avg показала акkuratность 0.53.

	precision	recall	f1-score	support
CSPU_Officials	0.10	1.00	0.18	1
Inter_regional_Deputies_Group	1.00	0.79	0.88	43
accuracy			0.80	44
macro avg	0.55	0.90	0.53	44
weighted avg	0.98	0.80	0.87	44

Рисунок 2. Вывод результата обучения модели SGDClassifier со стандартными параметрами на данных речей депутатов Первого Съезда народных депутатов для задачи кластеризации депутатов по фракциям.

Для улучшения показателей обучения для всех моделей был применен метод Grid search (поиск по сетке), который подбирает лучшее сочетание настроек параметров машинного обучения (сетку параметров) и определяет лучшую модель с наибольшим показателем акkuratности.

Лучшая модель KNeighborsClassifier показала акkuratность обучения модели 0.84, метрика macro-avg показала акkuratность 0.74.

	precision	recall	f1-score	support
CSPU_Officials	0.56	0.62	0.59	16
Inter_regional_Deputies_Group	0.91	0.89	0.90	72
accuracy			0.84	88
macro avg	0.73	0.76	0.74	88
weighted avg	0.85	0.84	0.84	88

Рисунок 3. Вывод результата обучения модели KNeighborsClassifier с подобранными параметрами на данных речей депутатов Первого Съезда народных депутатов для задачи кластеризации депутатов по фракциям.

Лучшая модель SGDClassifier показала акkuratность обучения модели 0.89, метрика macro-avg показала акkuratность 0.82.

	precision	recall	f1-score	support
CSPU_Officials	0.60	0.86	0.71	7
Inter_regional_Deputies_Group	0.97	0.89	0.93	37
accuracy			0.89	44
macro avg	0.79	0.87	0.82	44
weighted avg	0.91	0.89	0.89	44

Рисунок 4. Вывод результата обучения модели SGDClassifier с подобранными параметрами на данных речей депутатов Первого Съезда народных депутатов для задачи кластеризации депутатов по фракциям.

Таким образом, для проведения дальнейшего исследования была выбрана модель SGDClassifier, как показавшая лучший результат в предсказании распределения депутатов по фракциям. Данная модель правильно предсказывает фракцию депутата в 89% случаев и ошибается в 11% случаев.

Обучившаяся на тренировочных и проверенная на валидационных данных модель машинного обучения была использована для тестового набора данных, который состоит из 398 нераспределённых по фракциям депутатов и 732 речей.

Результат работы модели машинного обучения оказался следующим: фракции «сторонники КПСС» принадлежит 107 депутатов и 142 речи, фракции Межрегиональная депутатская группа принадлежит 325 депутатов и 590 речей³. Однако 34 из 398 депутатов, вошедших в тестовые данные (примерно 9%), были распределены машинным обучением как во фракцию «сторонники КПСС», так и во фракцию Межрегиональная депутатская группа. При этом 13 из этих 34 депутатов произнесли всего 2 речи, одна из которых попала во фракцию «сторонники КПСС», а другая — во фракцию МДГ.

Примечательно, что в этот список попали депутаты, занимавшие высшие государственные и партийные должности в стране. Например, М. С. Горбачёв — Генеральный Секретарь ЦК КПСС и председатель Верховного Совета СССР, а также Александр Яковлевич Сухарев — генеральный прокурор СССР. При этом разрыв между фракциями у этих депутатов оказался недостаточно значительным, чтобы вручную определить его к одной из фракций.

Если депутат имел перевес в три или более раза в сторону одной из фракций, то он был оставлен в данных. Ошибочное вхождение депутата и его речей в меньшую фракцию было удалено из результатов модели машинного обучения: таким образом было удалено 11 речей из фракции «сторонники КПСС» и 1 речь из фракции Межрегиональная депу-

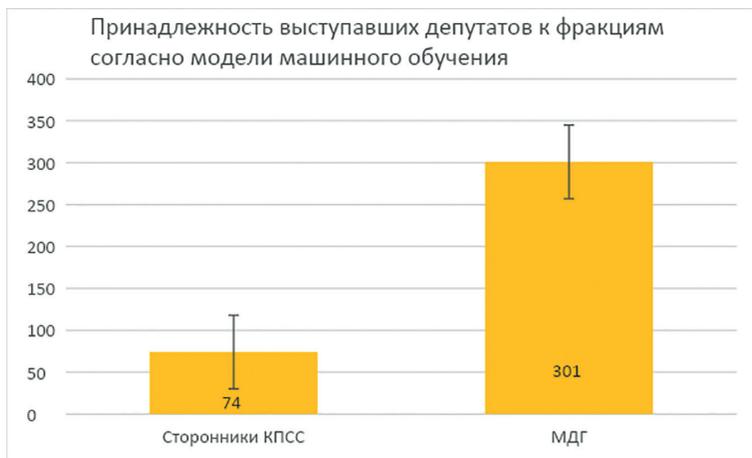
³ С полными результатами машинного обучения в виде таблицы можно ознакомиться по ссылке: https://github.com/YaPolina/masters_thesis_CPD_fractions/blob/main/fractions.csv.

татская группа. В итоге 11 из 34 депутатов, которые не были однозначно распределены моделью машинного обучения, были вручную отнесены к одной из фракций: 10 депутатов во фракцию Межрегиональная депутатская группа и 1 депутат во фракцию «сторонники КПСС».

После распределения 11 депутатов осталось 23 депутата, которые были признаны невозможными к определению вручную ни к одной из фракций и были исключены из результата работы модели машинного обучения. Этим удалённым депутатам принадлежало 50 речей, которые были определены во фракцию «сторонники КПСС» и 51 речь, которая была определена во фракцию Межрегиональная депутатская группа, которые были также удалены из данных. Всего из результата работы модели машинного обучения были удалены 61 речь из фракции «сторонники КПСС» и 52 речи из фракции МДГ.

Таким образом, окончательные данные распределения по фракциям депутатов Первого съезда народных депутатов с помощью машинного обучения следующие: фракции «сторонники КПСС» принадлежит 74 депутата и 81 речь, фракции Межрегиональная депутатская группа принадлежит 301 депутат и 538 речей, всего 375 депутатов и 619 речей.

Если учесть погрешность в 11% (погрешность примерно 44 для 398 изначальных депутатов и примерно 81 для 732 изначальных речей), то фракции «сторонники КПСС» принадлежит примерно 30–118 депутатов и 0–162 речи из тестовых данных, фракции Межрегиональная депутатская группа принадлежит примерно 257–345 депутатов и 457–619 речей из тестовых данных.

Рисунок 5. График принадлежности выступавших депутатов Первого Съезда народных депутатов к фракциям по результатам машинного обучения для задачи кластеризации депутатов по фракциям.

Общая численность Первого Съезда составляла 2250 депутатов [4], из них в данном исследовании было проанализировано 375 выступавших на Первом Съезде депутатов, или примерно 17%. Из этих депутатов примерно 8–31% депутатов принадлежат фракции «сторонники КПСС» и примерно 69–92% — фракции Межрегиональная депутатская группа. Из общей численности депутатов это составляет примерно 1–5% для фракции «сторонники КПСС» и примерно 11–15% для фракции Межрегиональная депутатская группа.

Таким образом, по крайней мере среди выступавших депутатов количество приверженцев фракции Межрегиональная депутатская группа, согласно модели машинного обучения, значительно превышает количество депутатов фракции «сторонники КПСС». Это значит, что в обсуждениях на заседаниях Первого Съезда преобладали сторонники МДГ и именно они формировали «голос» заседаний.

Из 85 депутатов, вручную распределённых во фракцию Межрегиональной депутатской группы в тренировочном наборе данных, машинное обучение распределило в ту же фракцию 81 депутата. Аккуратность предсказания модели в данном случае составила 95%, ошибка — 5%, — меньше, чем средняя ошибка предсказания в 11%.

Рисунок 6. График принадлежности всех депутатов Первого Съезда народных депутатов к фракциям согласно объявленному количеству депутатов, вступивших в Межрегиональную депутатскую группу в последний день Первого Съезда.

Кроме того, количество выступавших депутатов, отнесённых к фракции МДГ моделью машинного обучения, почти в два раза пре-

вышает количество депутатов, подписавшихся под заявлением о создании Межрегиональной группы народных депутатов, о которой было объявлено в последний день Первого Съезда. Тогда объявление подписали более 150 депутатов [7, с. 323], часть из которых не выступала на заседаниях.

Таким образом, большинство выступавших на Первом Съезде депутатов, распределённые машинным обучением во фракцию Межрегиональной депутатской группы, не вступали в неё официально. В процентном соотношении эти 176–264 депутата (без официально вступивших 81 депутата) составляют около 70–77% всей численности Межрегиональной группы депутатов, согласно модели машинного обучения, 47–70% всех выступавших депутатов и 8–12% всех депутатов Первого Съезда.

Если сохранить пропорцию 8–31% и 69–92% на не выступавших депутатов, то из всей численности народных депутатов фракции «сторонники КПСС» принадлежало бы 180–698 депутатов, а фракции МДГ — 1553–2070 депутатов. Однако как самими народными депутатами в ходе заседаний, так и последующими исследователями подчёркивается, что те депутаты, которых причисляли к «агрессивно-послушному большинству», предпочитали не высказываться на заседаниях, «не проявляли видимого интереса к происходящему и только по команде поднимали руку» [8]. Таким образом, подобную пропорцию распространить нельзя.

Тем не менее, даже если учесть, что на заседаниях Первого Съезда выступили все сторонники Межрегиональной депутатской группы, оценка в 11–15% от общего числа депутатов в несколько раз выше оценки, высказываемой, например, бывшим народным депутатом Н. И. Травкиным (5% от общего числа депутатов) [8].

Таким образом, по крайней мере среди выступавших, количество депутатов, которые в своих речах следовали дискурсу фракции Межрегиональная депутатская группа, составляет подавляющее большинство. Именно депутаты этой фракции формировали «голос» заседаний Первого Съезда, за которыми столь внимательно следило население Советского Союза.

Также выяснилось, что большинство выступавших на Первом Съезде депутатов, распределённые машинным обучением во фракцию Межрегиональной депутатской группы, не вступали в неё официально. Процент таких депутатов в составе выступавших на Первом Съезде членов Межрегиональной депутатской группы, согласно модели машинного обучения, составляет примерно 70–77%.

Оценить соотношение депутатов Первого Съезда, поддерживающих какую-либо из фракций, в масштабе всех 2250 депутатов представляется неподходящей задачей для данного исследования, так как считается, что сторонники фракции «сторонники КПСС» редко выступали на заседаниях.

Список источников

1. Аблаев Д. М. Межрегиональная депутатская группа: становление, развитие и итоги: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2008. 232 с.
2. Большие надежды. 30 лет первому съезду народных депутатов СССР // Открытая библиотека. URL: <http://www.open-lib.ru/dialogues/travkinmalkina> (дата обращения: 10.05.2022).
3. Буянов А. В. Съезд народных депутатов СССР в системе государственной власти Советского Союза (1989–1991 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. М., 2009. 197 с.
4. Закон СССР от 1 декабря 1988 г. «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР» // Википедия. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Закон_СССР_от_01.12.1988_№_9853-XI (дата обращения: 10.05.2022).
5. Первый Съезд Народных Депутатов СССР. Стенографический Отчет. Том I. М.: Издание Верховного Совета СССР, 1989. 574 с.
6. Первый Съезд Народных Депутатов СССР. Стенографический Отчет. Том II. М.: Издание Верховного Совета СССР, 1989. 480 с.
7. Первый Съезд Народных Депутатов СССР. Стенографический Отчет. Том III. М.: Издание Верховного Совета СССР, 1989. 448 с.
8. Пиеничный О. Начали в одной стране, а закончили в другой. Первый съезд народных депутатов СССР, воспоминания участников // The Insider. URL: <https://theins.ru/history/158412> (дата обращения: 10.05.2022).
9. Результаты машинного обучения // Личный архив автора // GitHub. URL: https://github.com/YaPolina/masters_thesis_CPD_fractions/blob/main/fractions.csv (дата обращения: 10.10.2022).
10. Ремник Д. Могила Ленина. Последние дни советской империи. М.: Corpus, 2017. 624 с.
11. Янина П. Н. Как менялась тематика и тональность в стенографических отчётах Первого Съезда народных депутатов: количественный анализ // Ветер Перестройки. 2021: Сборник материалов первой Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 28–30 октября 2021 г. СПб., 2022. С. 37–44.
12. Du K., Dudar J., Schöch C. Evaluation of measures of distinctiveness: Classification of literary texts on the basis of distinctive words. // Journal of Computational Literary Studies. 1 (1), 2022. P. 1–21.
13. Mironczuk M. M., Protasiewicz J. A recent overview of the state-of-the-art elements of text classification. // Expert Systems with Applications. 2018. P. 36–54.

Для цитирования:

Янина П. Н. Автоматическая классификация депутатов Первого Съезда народных Депутатов СССР по фракциям на основе стенограмм выступлений // Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. С. 272–284.

Отражение событий и явлений Перестройки 1985–1991 гг. на примере отдельных советских мультфильмов

Reflection of the events and phenomena of the Perestroika 1985–1991 on the example of selected soviet cartoons

***Аннотация.** В статье рассматривается отображение важнейших тем и сюжетов «перестроечного» времени в советской мультипликации с 1985 по 1991 гг. на основе некоторых мультипликационных фильмов. Автор пытается проанализировать, как то или иное событие последних лет существования Советского Союза было отображено в мультипликации. В конце работы удаётся установить, что обилие массив использованных аудио-видеоматериалов позволяет составить комплексный «портрет» той эпохи.*

***Ключевые слова:** Перестройка; мультипликация; Союзмультфильм; культура.*

***Abstract.** The article deals with the display of the most important themes and impacts of the perestroika period in Soviet animation from 1985 to 1991. The author tries to analyze how this or that event of the last years of the existence of the Soviet Union was shown in animation. At the end of the work, it is possible to establish that audio-video materials that we used makes it possible to construct a comprehensive “portrait” of that era.*

***Key words:** Perestroika; animation; Soyuzmultfilm; culture.*

Перестройка, развернувшаяся в СССР в 1985–1991 гг., вызвала коренные изменения в общественно-политической, социальной и экономической сферах, затронув разные аспекты существования социума. Затронул «ветер перемен» и отечественную культуру: данный период характеризуется смягчением идеологического давления, появлением новых тем для дискурса и новых форм выражения своего мнения. Сильным изменениям подвергся кинематограф, а также советская мультипликация, о которой и пойдёт речь в данной статье.

Исследование проблематики кинематографа и анимации позднесоветского времени (как и позднесоветской истории в целом) находится сейчас в фокусе исследователей в силу как актуальности и относительной «современности» (с конца Перестройки прошло чуть более 30 лет), так и непохожести на современные произведения и особой интерпретации и осмысления событий, происходивших в СССР в 1985–1991 гг. Историография по теме в основном представлена работами специалистов по истории кинематографа; особый интерес представляют работы Н. Г. Кривули, Д. В. Горшковой, М. В. Ромашовой и т.п. [1;

¹ МГУ им. М. В. Ломоносова, 1 курс магистратуры.
Lomonosov Moscow State University, 1st year Master's degree.

2; 3; 4; 5; 6; 13; 14]. В своих трудах исследователи отмечают, как в годы Перестройки изменился подход к созданию мультфильмов, как мультипликаторы работали с техникой и образами в картинах. Некоторые исследователи через призму мультипликации анализируют феномен детства в целом [13]. Однако, на наш взгляд, было бы крайне любопытно не просто рассмотреть динамику развития мультипликации в этот период (как, в основном, это делает большинство указанных авторов), а именно посмотреть с исторической точки зрения на примеры рефлексии в мультфильмах, на конкретные исторические события. Этим, во многом, и характеризуется актуальность данной работы.

Одной из крупнейших (если не крупнейшей) студией мультипликации в Советском Союзе был «Союзмультфильм», который снял много любимых детям и взрослым картин. Несомненно, значительный интерес представляют и работы других организаций, например, «Киевнаучфильм». В годы Перестройки студии продолжали свою работу, естественно, развивая своё творчество в духе происходящих перемен. Наша же цель — на основании источников, которыми являются непосредственно сами мультфильмы, попытаться понять, какие сюжеты «перестроечного» времени сильнее всего отобразились в отечественной мультипликации. Отбор источников исходил как из соображений популярности и массовости мультфильма (то есть тех, которые, в прямом смысле слова, смотрела вся страна), так и из тематики сюжета (то есть мультфильм затрагивал одну из актуальных для второй половины 1980-х — начала 1990-х гг. тем). Несомненно, обратиться ко всему спектру источников невозможно, поэтому мы обратили внимание именно на подходящие с сюжетной точки зрения работы, которые, к тому же, увидел достаточно широкий круг зрителей. Именно мультфильмы, на наш взгляд, являются наиболее интересным для исследователя материалом для анализа, так как этот жанр творчества создавался как для детей, так и для взрослых, а значит, зрителям разных возрастов через призму мультипликационного изображения пытались донести те основные мысли и соображения, которые были актуальны в тот период. Соответственно, на основании этого предположения мы можем прийти к выводам о наиболее актуальных проблемах «перестроечного» времени в масштабах всей страны. К тому же в этот период граница между официальным и неофициальным искусством размывалась [3, с. 126], что позволяло мультипликаторам активнее высказываться по насущным вопросам. Более того, любопытным, на наш взгляд, будет сопоставить как те сюжеты, которые в творчестве отображены, так и те, которые имели место быть, но в мультфильмах не были упомянуты, что позволит нам размышлять о «неудобных» и нежелательных для упоминания в мультипликации сюжетах.

Одной из основных проблематик, освещённых и в мультипликации, стал вопрос борьбы с пьянством. В 1985 г. в стране развернулась антиалкогольная кампания, и тема трезвости стала невероятно актуальной. Нет ничего удивительного, что пропаганда здорового образа

жизни и воздержания от употребления алкоголя проникла и в советские мультфильмы. Довольно ярким примером подобной рефлексии может являться мультфильм «Остров Сокровищ», выпущенный в 1986–1988 гг. на студии «Киевнаучфильм». В целом ряде сцен, таких, как смерть пирата Билли Бонса, песнь о пьянстве и так далее, авторы доносят до нас мысль о вреде употребления алкоголя и противопоставляют образу пьяницы, для которого «слово “ром” и слово “смерть” означают одно и то же», образ здорового человека, который занимается спортом и достигает больших успехов в жизни [10]. Более того, положительные и отрицательные герои во многом разделяются как раз по принципу употребления или неупотребления алкоголя: так, пираты, которые являются негативными персонажами, вечно курят и пьют ром, а положительные герои (Джимми Гокинс, доктор Ливси и капитан Смоллетт) воздерживаются от этих вредных привычек. Вообще в годы Перестройки для искусства, как отмечает ряд исследователей, характерно повышение значимости смеховых и сакральных форм [3, с. 127], через высмеивание до зрителя доносится понятная и необходимая для разъяснения мысль. Таким образом, любимые герои доносят мысль, что пьянство приводит к ужасным деструктивным последствиям, а единственной альтернативой является занятие спортом и правильный образ жизни.

Примечательным является и то, что в мультипликации той эпохи поднимается много социальных и этических проблем. Так, в мультфильме «Карманник» раскрыт целый ряд актуальных для конца 1980-х — начала 1990-х гг. сюжетов: главный герой — это вор-карманник, крадущий деньги из кошельков граждан. Очевидно, что выбор данного персонажа был вызван ростом преступности в стране в последние годы существования СССР. Вор попадает при попытке кражи денег из кошелька, и весь последующий сюжет завязан на отношениях этого карманника с семьёй, в которой он оказался в результате неудачного преступления [8]. Посыл же мультфильма сводится к тому, что надо сопереживать и помогать даже таким личностям, ступившим на преступный путь: эта идея выражается в поведении маленькой девочки — дочери мужчины, которого попытался обокрасть главный герой. Мультфильм в целом отображает не только проблематику преступности, но и в принципе социально-экономический и культурный кризис в обществе (так, сами люди, их быт и повседневности изображаются серыми и мрачными), а также, на наш взгляд, и идеи гуманизма, человечности даже по отношению к опустившимся, сбившимся с пути людям. Мультипликация в целом отражает с помощью сложной системы знаков многомерность мира [13, с. 117] и доносит через образы понятные зрителю нарративы: с таким ярким примером мы сталкиваемся и в «Карманнике». В целом, мы можем в данном аспекте усмотреть корреляцию с имевшими место процессами в самом Советском Союзе, в котором набирали вес идеи демократии, защиты прав человека и т.п., что выразилось в смягчении наказания и нацеленности на перевоспитание, а не на наказание индивида.

Что касается изменений в культурном плане, мультфильмы довольно чётко отображают смену ориентиров и ценностей в советском обществе за эти годы. Так, во 2 серии картины «Возвращение блудного попугая» поднимается вопрос о том, что является показателем достатка и, в случае с попугаем Кешей, проявлением «любви» хозяина. Кеша уходит от Вовки в поисках богатой жизни, признаками которой являются, на его взгляд, фирменные заграничные джинсы, жвачка, аудиоплеер и видеомагнитофон. Правда, в самом мультфильме Кеша в итоге в ущерб заграничным ценностям всё-таки предпочитает вновь вернуться к другу [7]. Однако сам факт того, что данные ценности находят отражение в творчестве для детей, весьма показателен. Стремление жить лучше и богаче остальных, иметь доступ к заграничным вещам зачастую перевешивало остальные жизненные ценности: некоторую связь можно усмотреть с событиями последних лет существования СССР — многокилометровые очереди в первый советский «Макдональдс», бешеная популярность заграничных вещей и продуктов, стилизация культуры и быта под западные шаблоны (в музыке, кинематографе, стиле жизни и т.д.).

Наконец, мультфильмы затрагивают и тему международного сотрудничества, для которого в тот момент было характерно прекращение противостояния США и СССР и налаживание двусторонних отношений. Так, в мультфильме «Надводная часть айсберга» советские и американские моряки совместно сопровождают конвои танкеров для защиты их от пиратов, что коррелирует с общей темой сотрудничества и взаимодействия американских и советских служб [9]. А в мультфильме «Стереотипы» высмеиваются мифы и небылицы, которые складывают друг о друге советские и американские граждане (про СССР, в частности, обыгрываются стереотипы о «дикости», обилии матрёшек и медведей, а также о полноте власти коммунистической партии во всех сферах общества) [12]. Для эпохи Перестройки в принципе были характерны идеи диалогичности, взаимодействия и взаимовлияния культур [3, с. 132], и потому подобный мультфильм, на наш взгляд, является выражением стремления преодолеть отчуждённость и враждебность между народами в рамках проводимой политики «нового мышления» и международной разрядки благодаря искусству. Причём, что важно, картина была плодом совместной работы советских и американских мультипликаторов, а значит должна была транслироваться в обеих странах.

Важным, на наш взгляд, является наблюдение, что ряд тем: атомная безопасность, межнациональные отношения в самом Советском Союзе, наиболее сложные внутриполитические проблемы, — в мультипликации или не отображается вовсе, или выражен крайне слабо. Это может быть связано как со спецификой анимации, в которой не всё можно доносить простым языком до детей и их родителей, так и с нежеланием затрагивать проблемные моменты в мультипликации. Очевидно, что в данном вопросе сочетаются объективные при-

чины не упоминать в мультфильмах данные сюжеты, однако наличие подобной лакуны нам кажется крайне примечательным даже для «перестроечного» времени.

Однако нельзя сказать, что метаморфозы, которые произошли с советской мультипликацией, были столь однозначны и стремительны. Есть в истории отечественного искусства за период с 1985 по 1991 гг. и примеры, которые выделяются на фоне упомянутых выше тенденций. Зачастую мультфильмы или не отражают «дух времени», или отчасти ему даже противоречат. Любопытным примером, на наш взгляд, является известнейший мультфильм «Следствие ведут колобки». По сюжету, в Советский Союз под видом туриста приезжает некий злодей-иностранец Карбофос, целью которого является похищение редкого полосатого слона [11]. Вокруг попыток выйти на след Карбофоса и задержать его и завязан сюжет мультфильма. Как нам кажется, данный сюжет нельзя назвать сколько-нибудь пропагандистским и политизированным, однако клишированное изображение иностранца-злодея, скрывающегося под личиной туриста, обыграно довольно точно и, что примечательно, в мультфильме «перестроечного» времени. Конечно, студии «Пилот» нельзя отказать в определённой иронии и «обыгрывании» в юмористическом ключе фигуры иностранца, но сам факт её наличия нам кажется любопытным. Подобного рода примеры мы можем наблюдать и в некоторых других мультфильмах эпохи Перестройки.

Как итог, можно утверждать, что мультфильмы эпохи Перестройки являются крайне интересным и в то же время противоречивым источником по изучению целого ряда моментов, сюжетов и явлений в жизни страны в период с 1985 по 1991 гг. и могут быть использованы как наглядный пример визуализации важнейших топов этого временного отрезка. Наряду с созданием мультфильмов на сюжеты, которые были популярны и отвечали «духу времени», встречались как темы, не визуализированные в отечественной мультипликации, так и произведения, своей тематикой если не противоречащие, то ставящие под сомнение многие теории о развитии советского искусства мультипликации в заданный период.

Список источников:

1. Горшкова Д. В. История российской мультипликации. XX век. М.: Варио, 2016. 527 с.
2. Кривуля Н. Г. Аниматология. Ч. 1. СПб.: Аметист, 2012. 382 с.
3. Кривуля Н. Г. Лабиринты анимации: Исследование художественного образа российских анимационных фильмов второй половины XX века. М.: Грааль, 2002. 295 с.
4. Кривуля Н. Г. Специфика развития и формирования особенностей отечественной анимационной индустрии в контексте концепции детства. Ч. 1. // Наука телевидения. 2018. № 14.2. С. 107–135.
5. Кривуля Н. Г. Специфика развития и формирования особенностей отечественной анимационной индустрии в контексте концепции детства. Ч. 2. // Наука телевидения. 2018. № 14.3. С. 116–149.
6. Малюкова Л. Л. Сверхкино. Современная российская анимация. М.: Ассоциация Анимационного кино, 2016. 368 с.
7. Мультфильм «Возвращение блудного попугая», 2 серия [Видеозапись] / реж. А. Давыдов; роли озвучивали: Г. Хазанов, М. Корабельникова, Н. Ченчик. М.: Киностудия «Союзмультфильм», 1987. 10 мин.

8. Мультфильм «Карманник» [Видеозапись] / реж. А. Яблицова; роли озвучивали: Т. Божок, В. Невинный, Ю. Пузырев. М.: Киностудия «Союзмультфильм», 1990. 18 мин.
9. Мультфильм «Наводная часть айсберга» [Видеозапись] / реж. А. Горленко; роли озвучивали: Т. Догилева, Е. Стеблов. М.: Киностудия «Союзмультфильм», 1989. 11 мин.
10. Мультфильм «Остров Сокровищ» [Видеозапись] / реж. Д. Черкасский; роли озвучивали: В. Бессараб, В. Чигляев, В. Андриенко, А. Джигарханян. Киев: Киностудия «Киевнаучфильм», 1988. 107 мин.
11. Мультфильм «Следствие ведут колобки» [Видеозапись] / реж. И. Ковалев, А. Татарский; роли озвучивали: Л. Броневой, А. Птицын, С. Федосов. М.: Творческое объединение «Экран», 1986. 20 мин.
12. Мультфильм «Стереотипы» [Видеозапись] / реж. Е. Гамбург, Л. Тауэрс. М.: Киностудия «Союзмультфильм», 1989. 30 мин.
13. Ромашова М. В. От истории анимации к истории детства в СССР: постановка проблемы // Вестник Пермского университета. 2011. № 3 (17). С. 114–119.
14. Энциклопедия отечественной мультипликации / сост. С. В. Капков. М.: Алгоритм, 2006. 812 с.

Для цитирования:

Кудрявцев Г. И. Отражение событий и явлений Перестройки 1985–1991 гг. на примере отдельных советских мультфильмов // Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. С. 285–290.

РЕГИОНЫ
REGIONS

Воронцов Николай Степанович | Vorontsov Nikolay Stepanovich¹

Планы строительства малых и плавучих АЭС на Дальнем Востоке в региональном общественно-политическом дискурсе (конец 1980-х — начало 1990-х гг.)

Plans for the construction of small and floating NPP's in the Far East in the regional socio-political discourse (late 1980s — early 1990s)

***Аннотация:** В статье исследованы нереализованные проекты и предложения по внедрению на Дальнем Востоке малых и плавучих атомных станций в годы Перестройки и в постперестроечный период. Проведён анализ планов создания атомной отрасли в регионе в условиях социально-политических и экономических перемен, растущего дефицита тепло- и электроэнергии на фоне кризиса общественного доверия к «большой» атомной энергетике после Чернобыльской аварии. На основе материалов делопроизводства региональных и местных органов власти и управления показаны основные предложения и региональные инициативы по созданию на Дальнем Востоке разветвлённой сети атомных станций малой мощности на базе стационарных либо плавучих атомных энергетических установок. Сделан вывод, что практическая реализация большинства предложенных проектов в условиях первой половины 1990-х гг. оказалась невозможной, однако полученный опыт разработок нашёл своё отражение в более поздних проектах модернизации топливно-энергетического комплекса Дальнего Востока России.*

***Ключевые слова:** АЭС, Дальний Восток России, атомная энергетика, атомная станция малой мощности, плавучая атомная электростанция.*

***Abstract.** The article is devoted to unrealized projects and proposals for the introduction of small and floating nuclear power plants in the Far East during the years of Perestroika and in the Post-perestroika period. Plans for the creation of a nuclear industry in the region are analyzed in the context of socio-political and economic changes, a growing shortage of heat and electricity, and a crisis of public confidence in the “large” nuclear power industry after the Chernobyl accident. On the basis of records management materials of regional and local authorities and administrations, the main proposals and regional initiatives for the creation in the Far East of an extensive network of low-capacity nuclear power plants based on stationary or floating nuclear power plants are shown. It is concluded that the practical implementation of most of the proposed projects in the conditions of the first half of the 1990s was impossible. However, the development experience gained was reflected in later projects for the modernization of the fuel and energy complex in the Russian Far East.*

---

¹ Канд. ист. наук, младший научный сотрудник Отдела социально-политических исследований ин-та истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Candidate of Historical Sciences, Junior Researcher of the Department of Socio-Political Research of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: *NPP, Russian Far East, nuclear power, low-capacity nuclear power plant, floating nuclear power plant.*

Среди нереализованных проектов социально-экономического развития Дальнего Востока в годы Перестройки и в постсоветский период значительный интерес представляют планы модернизации топливно-энергетического комплекса, включавшие строительство объектов атомной энергетики на юге Дальневосточного региона. Помимо «классических» атомных электростанций (Приморской и Дальневосточной АЭС), постройка которых была остановлена на ранних этапах проектно-изыскательных работ [3, с. 98], внимание дальневосточного социума привлекла идея внедрения в регионе атомных станций малой мощности (АСММ), в том числе необслуживаемых саморегулируемых атомных термоэлектрических станций (НС АТЭС), а также плавучих атомных станций (ПАЭС) на базе корабельных ядерных энергетических установок [2, с. 154].

История проектирования атомных электростанций для Дальнего Востока до недавнего времени не получила широкого освещения в исторической литературе, хотя некоторые аспекты работы над данными проектами встречаются в научных изданиях, посвящённых ядерным исследованиям и развитию атомной энергетики [1]. В существующих публикациях речь идёт преимущественно об истории разработки ядерных технологий. При этом зачастую остаются без внимания вопросы участия в подготовке данных проектов органов власти и управления, региональных научных организаций, а также детали общественной дискуссии вокруг атомных проектов для нужд Дальнего Востока.

Восстановить подробности региональных инициатив по внедрению АСММ и ПАЭС на Дальнем Востоке представляется возможным с помощью архивных источников, среди которых присутствуют материалы, до настоящего времени не вводившиеся в широкий научный оборот.

Сама идея малых и плавучих АЭС к началу Перестройки была не нова: подобные разработки в Советском Союзе велись с середины 1950-х гг. По заданию Министерства среднего машиностроения СССР, ленинградский Кировский завод совместно с Ярославским паровозоремонтным заводом работали над проектами передвижных АЭС на железнодорожной платформе (ТЭС-1 и ТЭС-2). В октябре 1961 г. в Физико-энергетическом институте в Обнинске прошла испытания первая малая транспортная электростанция ТЭС-3 с водо-водяным реактором, размещенная на гусеничных платформах [19, с. 26].

В 1963 г. на площадке Научно-технического исследовательского института атомных реакторов в Димитровграде была испытана экспериментальная атомная реакторная блочная установка (АРБУС) для антарктических исследований. Опыт работ над вариантами применения данной установки примечателен тем, что в конце 1970-х гг. на её основе по заказу Министерства цветной металлургии был создан проект атомной станции теплоснабжения АСТ-1 (именуемой также

атомной котельной) для обеспечения теплом золотого прииска и посёлка золотопромышленников Многовершинный в Николаевском районе Хабаровского края [18, с. 7]. Хотя данный проект реализован не был, исследования перспектив внедрения малых атомных станций в отдалённых и труднодоступных районах страны не прекратились.

В 1966 г. началось сооружение Билибинской АЭС, представлявшей собой атомную теплоэлектроцентраль, разработанную для нужд горнодобывающей промышленности Чукотки и отопления города Билибино в условиях вечной мерзлоты. Хотя работы потребовали больше времени, чем ожидалось, станция хорошо себя показала, заменив угольные котельные и сократив затраты на обеспечение региона топливом, а также обеспечив энергией жилой и производственной сектор Билибино в период его интенсивного роста с конца 1970-х гг. по 1992 г. [14, с. 238–239].

Несмотря на положительное влияние, оказанное Билибинской АЭС на хозяйственный комплекс Северо-Востока, опыт её сооружения и эксплуатации не подтвердил целесообразность широкомасштабного внедрения станций подобного типа (по модели стационарной установки, строящейся на месте). В результате Билибинская АЭС долгое время оставалась уникальным объектом на Дальнем Востоке. Для региона требовались крупные АЭС большой электрической мощности, способные снабдить энергией развитую промышленность Приморья и Приамурья, обеспечить электричеством полумиллионные города, а также преодолеть прогнозируемый дефицит электроэнергии и топлива, который мог возникнуть в условиях реализации долгосрочных планов ввода новых промышленных объектов на Дальнем Востоке [15, с. 115]. В результате, в планах модернизации ТЭК региона 1970–1980-х гг. ставка была сделана на классические АЭС большой мощности, по образцу строившихся в европейской части СССР и соцстранах.

В принятую в 1987 г. Долгосрочную государственную программу был заложен план строительства двух атомных электростанций на юге Дальнего Востока — Комсомольской (впоследствии она стала называться Дальневосточной)² АЭС и Приморской АЭС³ [6, л. 41].

Обстоятельства строительства АЭС оказались весьма неблагоприятными для масштабного возведения объектов ядерной энергетики: помимо экономических проблем, Министерство атомной энергетики СССР и научно-исследовательские институты, готовившие проектную документацию и развернувшие изыскания, столкнулись

² В Хабаровском крае по итогам исследования возможных пунктов размещения АЭС, приоритет был отдан площадке «Амгунь-2» в районе озера Эворон в Солнечном районе. По информации эколога Бориса Воронова, предварительно рассматривались 26 пунктов возможного размещения атомной станции. Не исключался и перенос площадки на новое место, например, в резервный пункт «Вяземский-2» на юге края.

³ В качестве основной площадки Приморской АЭС был выбран пункт «Вострцево» у одноимённого села в Красноармейском районе. Также в 1989–1990 гг. изыскательные работы велись на альтернативном пункте в районе посёлка Ольга на побережье Приморья. Дискуссии о выборе пункта размещения АЭС продолжались до решения Приморского краевого Совета народных депутатов о запрете дальнейших проектно-изыскательных работ.

с негативным отношением местных жителей в районах предполагаемого строительства станций. Причиной тревоги и недоверия к атомным технологиям послужила недавняя авария на Чернобыльской АЭС, произошедшая в апреле 1986 г. По сути, подготовка к строительству АЭС на Дальнем Востоке велась в тот момент, когда само будущее атомной энергетики в СССР оказалось под вопросом. Шок от чернобыльской аварии на долгие годы поразил общество, сформировав устойчивое предубеждение против «мирного атома». В условиях развернувшейся демократизации и гласности в СССР эти предубеждения смогли кристаллизоваться и войти в программы общественных, а затем и политических движений [3, с. 85–86].

В Советах народных депутатов Приморского и Хабаровского краев, а также в Советах городов, районов и сельских поселений, находившихся в зоне проектно-изыскательных работ, сформировались устойчивые «антиядерные» группы депутатов [8, л. 53]. В Приморье краевой Совет 1 ноября 1990 г. принял решение «О строительстве АЭС в Приморском крае». В нём депутаты, сославшись на низкую культуру обслуживания электростанций, массовое движение против АЭС в стране и крае, а также ошибки, допущенные при размещении и постройке станций в разных районах страны, постановили строительство Приморской АЭС считать преждевременным, а дальнейшие изыскания запретить [4, л. 196].

Однако несмотря на бескомпромиссное решение, год спустя Совет был вынужден вернуться к обсуждению плана строительства АЭС. Причиной послужило критическое положение в топливно-энергетическом комплексе Приморья и огромный дефицит электроэнергии. В декабре 1991 г. депутаты впервые коснулись возможного строительства плавучей атомной станции как замены «классических» АЭС, а также альтернативы малопродуктивным попыткам спешно внедрить в регионе ветряные и приливные электростанции [5, л. 237–239].

В Хабаровском крае в конце 1991 и в течение 1992 г. постоянные комиссии краевого Совета несколько раз возвращались к вопросу о положении дел на строящейся Дальневосточной АЭС, однако практически в каждом случае им оставалось лишь констатировать неутешительный итог: работы остановились без надежды на оживление [7, л. 89–90].

Фактическая заморозка проектов крупных АЭС заставила региональные власти обратиться к альтернативным решениям в области атомной энергетики. Необходимость скорейшего преодоления энергодефицита заставила местные и региональные власти искать любой приемлемый выход, отодвинув на второй план соображения экологической безопасности.

Нарастающий энергетический кризис, а также удорожание топлива и стоимости его транспортировки в периферийные районы страны способствовали разработкам в первой половине 1990-х

гг. проектов атомных станций малой мощности (АСММ) для нужд Арктики, Сибири и Дальнего Востока. Различные варианты подобных малых АЭС представляли собой либо стационарные установки на заранее подготовленных площадках, либо плавучие станции с небольшой осадкой [18, с. 16].

Проекты отличались малой электрической и тепловой мощностью, но, по мнению разработчиков, имели ряд решающих преимуществ. Ключевыми из них являлись: транспортабельность блоков и возможность их использования в труднодоступных районах, минимизация строительно-монтажных работ в местах размещения, длительная работа станции без замены ядерного топлива, а также относительно малый штат квалифицированного персонала по обслуживанию станции [20, с. 407]. Кроме того, в сравнении с крупными АЭС, перспектива внедрения АСММ не вызвала столь явной неприязни у дальневосточников, хотя среди политиков и общественных деятелей находились и непримиримые противники «мирного атома»⁴.

Вклад в разработку концепции использования малой атомной энергетики внесли и дальневосточные учёные. Так, ещё в конце 1980 гг. Дальневосточное отделение Академии наук СССР работало над программой децентрализованного энергоснабжения региона [13, с. 67]. В 1989–1990 гг. совместно с Курчатовским институтом, ГП «Красная Звезда» и ПО «Ижорский завод» [12, с. 98] им был разработан проект экспериментального энергетического объекта для тепло- и электроснабжения научного посёлка Тихоокеанского океанологического института. Проект, получивший наименование «Елена», представлял собой необслуживаемую саморегулируемую атомную термоэлектрическую станцию (НС АТЭС) массой 150 тонн (примерно половина массы приходилась на конструктивные элементы, а другая половина — на защитный контур), способную работать автономно [13, с. 69].

Уже в 1991 г. возможность внедрения подобной атомной установки обсуждалась в Якутии (село Кюсюр) [13, с. 70], а в последующие годы поступили предложения по размещению атомных станций малой мощности в населённых пунктах иных дальневосточных субъектов Российской Федерации. В Хабаровском крае в 1992–1993 гг. в качестве возможных мест установки малых АЭС рассматривались посёлки и сёла: Охотск, Аян, Нелькан, Чумикан [10, л. 114], Дормидонтовка, Шумный, Медвежий [11, л. 169] (последние три — в Вяземском районе на юге края). В Приморском крае возможными площадками могли стать: в Уссурийском районе — Корфовка, Борисовка, Раковка [11, л. 167]; в Пожарском районе — Красный Яр, Соболиное, Ясенево [13, с. 72]; в Лазовском районе — Переяславка, Георгиевка, Новостройка, Полётное [11, л. 168].

⁴ Наиболее последовательным противником любых правительственных и общественных инициатив по «мирному атому» в регионе в 1980–2010 гг. был Владимир Михайлович Десятов, в исследуемый период — экологический активист из Комсомольска-на-Амуре, народный депутат СССР, а затем — полномочный представитель Президента Российской Федерации в Хабаровском крае.

В целом по количеству предложенных проектов в первой половине 1990-х гг. среди дальневосточных субъектов России лидировал Хабаровский край. В 1991–1993 гг. администрация края под руководством Виктора Ивановича Ишаева вела переписку с Президентом и Правительством России, а также ПО и НИИ по четырём направлениям развития ядерной энергетики в регионе: 1) по возобновлению строительства Дальневосточной АЭС [7, л. 89]; 2) по проектированию и строительству Хабаровской атомной теплоэлектроцентрали [9, л. 19–20]; 3) по внедрению НС АТЭС «Елена» в районах края. Потребность в подобных установках, по оценке В. И. Ишаева, составляла более 60 единиц [10, л. 114]; 4) по реализации проекта плавучих атомных станций на базе ледоколов с ядерной установкой КЛТ-40 для Совгаванско-Ванинского энергоузла [7, л. 110].

Вместе с теоретическими обоснованиями данных проектов были сделаны первые практические шаги. В конце 1991 г. депутаты Хабаровского краевого Совета начали изучать опыт Мурманского пароходства по использованию атомных ледоколов в качестве плавучих электростанций, создав рабочую группу для оценки возможностей применения подобных мер в прибрежных районах Дальнего Востока [7, л. 93].

В дальнейшем были высказаны предложения по конверсии части атомного флота и использованию ядерных энергетических установок боевых кораблей, несущих службу на Тихоокеанском флоте ВМФ России, либо снятых с эксплуатации и поставленных на консервацию. В 1995 г. инженеры Опытного конструкторского бюро машиностроения⁵ Юрий Кириллович Панов и Натин Гиршевич Сандлер изучили возможность подключения атомных установок кораблей к береговой сети, основываясь на практике, имевшей место на военно-морских базах. Вывод оказался неутешительным — большинство ядерных установок, рассчитанных на обеспечение движения и жизнеобеспечения кораблей и подводных лодок, не могли насытить энергией города и посёлки прибрежной полосы. Использование корабельных установок для электроснабжения берега на постоянной основе требовало значительных затрат на их модернизацию и достижение приемлемого уровня ядерной безопасности, что неизбежно повлекло бы за собой высокую стоимость электроэнергии. Таким образом, важнейшую задачу — максимальное удешевление тепло- и электроснабжения — данные установки решить не могли [16, с. 150].

Однако один корабль Тихоокеанского флота представлял исключение — большой атомный разведывательный корабль (БАРЗК ССВ-33) «Урал». Он располагал реакторной установкой, отвечающей всем необходимым требованиям ядерной и радиационной безопасности и способной не только приводить корабль в движение, но и дополнительно снабдить энергией мощный радиоэлектронный комплекс. Корабль был относительно новым (вступил в строй в 1989 г.),

⁵ Ныне — ОКБМ имени И. И. Африкантова.

однако после 1991 г. в море не выходил и находился на консервации в бухте Абрек. Для реализации проекта на подготовительном этапе требовалось около 5 млрд. руб., а также примерно 5–10 млрд. руб. для размещения на корабле электроподстанции. Идея осталась невоплощенной — подтвердились опасения, высказанные Ю.К. Пановым и Н.Г. Сандлером: «Промедление в 3–5 лет приведёт к безвозвратной потере ныне имеющиеся возможности» [16, с. 150]. Так и произошло — корабль после длительного периода консервации был отправлен на утилизацию⁶.

Остаётся добавить, что проекты по использованию корабельных ядерных энергетических установок, в том числе для энергообеспечения периферийных прибрежных районов Севера и Востока России, продолжали поступать и в дальнейшие годы, приобретая среди специалистов-атомщиков своих сторонников и противников. Однако в итоге предпочтение было отдано плавучим атомным электростанциям специальной постройки. В целом, в условиях первой половины 1990-х гг. создание малых и плавучих атомных станций в короткие сроки оказалось непосильной задачей. Проекты создания стационарных АСММ и использованию корабельных ядерных энергетических установок для энергообеспечения Дальнего Востока продолжали появляться и в последующие годы. Практическая реализация данных разработок стала возможна только в 2000-е гг. в условиях новых экономических и политических реалий.

Список источников

1. *Атомные станции малой мощности: новое направление развития энергетики; под ред. акад. РАН А.А. Саркисова / Институт проблем безопасного развития атомной энергетики РАН: сборник в 2 тт. М., 2011, 2015. 375 с.*
2. Воробьев В. М. Разработка проектов плавучих атомных станций // *История атомной энергетики Советского Союза и России / под ред. В. А. Сидоренко. М., 2004. Вып. 5. С. 154–168.*
3. Воронцов Н. С. Подготовка строительства Приморской АЭС и проблемы «атомной стройки» в контексте политических и научных дискуссий (1987–1993 гг.) // *Россия и АТР. 2022. № 4. С. 82–101.*
4. ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1134.
5. ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1151.
6. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 117. Д. 13.
7. ГАХК. Ф. Р-2039. Оп. 1. Д. 29.
8. ГАХК. Ф. Р-2039. Оп. 1. Д. 36.
9. ГАХК. Ф. Р-2039. Оп. 1. Д. 43.
10. ГАХК. Ф. Р-2061. Оп. 1. Д. 114.
11. ГАХК. Ф. Р-2061. Оп. 1. Д. 177.
12. Грязнов Г. М. *Космическая атомная энергетика и новые технологии (Записки директора). М., 2007. 136 с.*
13. Каплар Е. П. *История и основные итоги разработки необслуживаемой саморегулируемой атомной термоэлектрической станции «Елена» // История атомной энергетики Советского Союза и России / под ред. В. А. Сидоренко. М., 2004. Вып. 5. С. 60–89.*

⁶ Впрочем, есть указания на то, что реакторы «Урала» были заглушены ещё в 1992 г. и больше в эксплуатацию не вводились [17, с. 59]. Если это так, то к моменту публикации предложения Ю.К. Панова и Н.Г. Сандлера возможность перепрофилирования ядерной установки корабля была уже упущена.

14. Каширин В. И., Чугунов Н. А., Янчук В. А., Баранав Ю. Д., Кочетков Л. В., Парафило Л. М. Положительный опыт создания и 36-летней эксплуатации АСММ—Билибинской АТЭС // *Атомные станции малой мощности: новое направление развития энергетики* / под ред. акад. РАН А. А. Саркисова; ИПБРАЭ РАН. М., 2011. С. 227–246.
15. Маклюков А. В. Атомная электроэнергетика Дальнего Востока СССР: планы и проблемы создания отрасли // *Экономическая история*. 2022. Т. 18. № 2. С. 159–172.
16. Панов Ю. К., Сандлер Н. Г. Атомный корабль «Урал» — плавучая электростанция // *Атомная энергия*. Том 82, вып. 2. 1997. С. 149–151.
17. Радиоэкологические последствия эксплуатации и утилизации объектов атомного флота в Дальневосточном регионе / под ред. акад. РАН А. А. Саркисова. М., 2010. 388 с.
18. Сергеев Ю. А. О малой атомной энергетике // *История атомной энергетики Советского Союза и России* / под ред. В. А. Сидоренко. М., 2004. Вып. 5. С. 4–22.
19. Сергеев Ю. А. ТЭС-3 — первенец малой атомной энергетики // *История атомной энергетики Советского Союза и России* / под ред. В. А. Сидоренко. М., 2004. Вып. 5. С. 22–47.
20. Уласевич В. К. Малые АЭС на базе корабельных ЯЭУ // *Атомная энергия*. Том 77, вып. 6. 1994. С. 407–413.

Для цитирования:

Воронцов Н. С. Планы строительства малых и плавучих АЭС на Дальнем Востоке в региональном общественно-политическом дискурсе (конец 1980-х—начало 1990-х гг.) // *Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов Второй Всерос. науч. конф. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г.* СПб., 2023. С. 293–300.

Михалишин Артём Валентинович | Mikhailishin Artem Valentinovich¹

**Кризис мобилизации труда в эпоху Перестройки:
практики народного контроля на материалах ПО
«Сургутнефтегаз» за 1985–1990 гг.**

**The crisis of labor Mobilization in the Era of Perestroika:
Practices of People's Control based on materials on Surgutneftegaz
for 1985–1990**

***Аннотация.** В настоящей работе автор рассматривает кризис мобилизации труда в период Перестройки в городе Сургуте. Целью работы является анализ деятельности Комитета народного контроля предприятия производственного объединения (ПО) «Сургутнефтегаз». Период Перестройки выбран как самый показательный, так как наметившийся курс социально-экономических реформ требовал большей мобилизации рабочих сил и их мотивации на покорение новых плановых рубежей. При таких потребностях для реализации курса Перестройки требовались не только работающие мобилизационные практики, многое возлагалось на местные органы контроля, осуществлявшие надзор за выполнением государственных планов, нарушением дисциплины, выявлением хозяйственных резервов, расходом ресурсов. В своей работе автор обращается к материалам Комитета народного контроля предприятия ПО «Сургутнефтегаз» за период с 1985 по 1990 г.*

***Ключевые слова:** Перестройка, народный контроль, кризис, трудящиеся, куст, нарушения.*

***Abstract.** In this paper the author examines the crisis of labor mobilization during the period of Perestroika in the city of Surgut. The purpose of the work is to analyze the activities of the People's Control Committee of the enterprise for "Surgutneftegaz". The period of Perestroika was chosen as the most indicative, since the emerging course of socio-economic reforms required greater mobilization of labor forces and their motivation to conquer new planned frontiers. With such needs, not only working mobilization practices were required to implement the course of Perestroika, much was assigned to local control bodies that supervised the implementation of state plans, violation of discipline, identification of economic reserves, and expenditure of resources. In his work, the author refers to the materials of the People's Control Committee of the enterprise "Surgutneftegaz" for the period from 1985 to 1990.*

***Keywords:** Perestroika, people's control, crisis, workers, bush, violations.*

В современном дискурсе российского, а в целом и всего постсоветского общественного пространства, тема распада СССР является животрепещущей. Общественное сознание, пытающееся преодолеть

---

¹ Сургутский государственный ун-т, ин-т гуманитарного образования и спорта, IV курс бакалавриата. Surgut State University, Institute of Humanitarian Education and Sports, the 4th year of Bachelor's degree.

травматический опыт распада государственной структуры, повлияло на репрезентацию образа как самого государства, а вследствие этого и причин его самоликвидации. Члены российского правительства также обращают своё внимание на проблему распада СССР, именуя представленное событие «трагедией» [3]. В свою очередь период Перестройки, как кульминация внутренних противоречий, привлекает внимание со стороны общественности. Это выражается в популярности культуры того времени: стиля одежды, фильмов, музыки и т.п. Политические персоналии, задействованные в правительстве СССР, подвергаются извращённой деконструкции их деятельности, скатывающейся в гипертрофированные нарративы, не имеющие объективности.

В связи с изложенной актуальностью цель настоящего исследования представляется нам как попытка анализа планового кризиса идентичности советских трудящихся посредством реконструкции трудовой повседневности и её трансформации в темпорально-компаративном явлении Перестройки.

Проблема научного знания, касающаяся эпохи Перестройки, её причин и последствий, нуждается в специальном исследовании. Особенно важно обратить внимание на социальную и общественно-политическую сферу жизни советских трудящихся. В настоящее время современные исследователи по большому счёту обращают внимание на экономическую сторону проблемы, а также на акторов власти, опуская структуру повседневности, тот «воздух» которым дышал советский человек. Но есть и прецеденты обращения к культуре быта советских рабочих времён позднего СССР [6, с. 336–349]. Также стоит отметить исследования региональных историков, анализирующие политику форсированного освоения территорий Сибири, где особенно остро сталкивались конфликты ведомственных и местных структур [4, с. 95] и работу об основных тенденциях социальных изменений в рабочей среде Санкт-Петербурга и Ленинградской области в Перестройку и первую половину 90-х гг. [12]. Упомянем и авторские исследования, направленные на анализ общественного дискурса соцсоревнования в СМИ г. Сургута, изменившегося под влиянием действий правительства, приводящих к ухудшению социально-экономической ситуации [10, с. 201–206]. Всё это подчеркивает активизацию интереса к данной проблеме в российской академической среде.

Источниковой базой нашего исследования являются документы Муниципального архива города Сургута, представляющие собой акты проверок групп народного контроля, проводившихся в структурных подразделениях (ПО) «Сургутнефтегаз», которое в свою очередь являлось фактически градообразующим предприятием. Благодаря своей корпоративности, источники передают более объективную ситуацию состояния трудовой дисциплины и оценку исполнения прямых обязанностей рабочими.

Комитет народного контроля как новая структура в партийной власти появился ещё в 1965 г. и был призван помогать партий-

ным структурам в вопросах должного исполнения производственных и законодательных предписаний. В 1979 г. он получил новые полномочия, а также изменил свою структуру: теперь он формировался по территориальному и профессиональному признаку. Это было обусловлено тем, что при таком составе контроль получал возможность более качественно исполнять свои обязанности.

Во многом актуальность создания такого органа заключалась в учащении случаев хищения социалистической собственности, нарушении трудовой дисциплины, неисполнении планов и неправильной эксплуатации оборудования на советских предприятиях. В годы Перестройки настоящий орган также не потерял актуальности, но приобрёл ещё большее значение, так как теперь многое возлагалось на местные органы, особенно в делах промышленности [11, с. 408]. На XXVII съезде ЦК КПСС в 1986 г. в программе указывалось, что вовлечение широких масс в органы народного контроля сделает его действенным оружием против нарушений, срывов плановых задач и борьбой за трудовую дисциплину [5, с. 2517–2523].

На местах отреагировали соответственно, на отчётно-выборной конференции народного контроля предприятия ПО «Сургутнефтегаз» был заслушан доклад председателя А. И. Дьячкова, в котором он отмечал, что XXVII съезд был «наполнен стратегическими решениями». На нём, как отметил А. И. Дьячков, было заявлено о необходимости активизации общественных организаций, в числе которых указывался и народный контроль. Без этого, по мнению партии, невозможно было добиться демократизма социалистического строя, и эта задача требовала развития «социалистического самоуправления [7, л. 18]».

На предприятии ПО «Сургутнефтегаз» группы народного контроля формировались из начальников и мастеров подразделений трестов, входивших в состав предприятия. Состав групп выбирался на собраниях коллективов подразделений и цехов управления. Сформированные группы должны были информировать главный комитет (бюро) народного контроля ПО «Сургутнефтегаз [7, л. 70]». Комитет народного контроля должен был связываться с администрацией предприятия и совместными усилиями разрешать проблемные ситуации.

Практики народного контроля на предприятии ПО «Сургутнефтегаз» соответствовали общеустановленным образцам. Организация занималась проверками месторождений, трестов, во время которых выявлялись нарушения, касающиеся неправильной эксплуатации оборудования, простоев, аварий, утечек нефти, и пр. Составленные акты отправлялись в главное управление, которое должно было отреагировать, что, однако, на деле происходило не всегда, и итоги проверки нередко оставались без внимания [1, с. 243–245]. Также нарушения чаще всего не заносились в отчётность из-за того, что трудящиеся, повинные в них, лишались права участвовать в соцсоревновании, получать премии.

Интересен факт подведения итогов социалистического соревнования за подготовку объектов в осенне-зимний период 1985–1988 гг. цехами добычи нефти и газа (далее ЦДНГ) 1, 2, 3, 5, в которых было установлено, что работа полностью завершена и к ней не имеется замечаний [9, л. 2]. Но уже весной 1986 г. на 34-м кусте, который принадлежал ЦДНГ-1, произошёл разлив нефти; нефть через обваловку скважины растеклась за территорию куста [8, л. 40]. Итоги соревнования подводились за три года; авария произошла 24 апреля 1986 г., и данный факт по неизвестной причине не был учтён.

Подобного рода аварии были не редкостью, бывали случаи, когда на кустах не было даже предпринято мер по предотвращению разливов нефти. Так, 6 мая 1986 г. было выявлено, что на кусте № 6, находящемся в управлении ЦДНГ-6, группой народного контроля было выявлено отсутствие дренажной системы, а также обваловки. Сами трубы, предназначенные для бурения, «разбросаны по территории» [8, л. 35]. 12 июня того же года группой народного контроля на кусту № 101 был зафиксирован разлив нефти, выходящий и за территорию куста. Причина заключалась в некачественном строительстве амбаров и плохой обваловке [8, л. 51]. Похожая ситуация произошла 6 августа 1986 г. на кусту 337, разлив нефти произошёл из-за протечки амбара № 2 и плохо отсыпанной обваловки [8, л. 50]. Не изменилась ситуация и через год, и 28 октября 1987 г. был составлен акт о разливе раствора с нефтью на территории куста № 501; причина заключалась в некачественно выкопанном амбаре, который не соответствовал положенному объёму и был отсыпан по болоту, вследствие чего часть нефтепродуктов уже могла просочиться в торф [8, л. 81].

Из этого мы можем сделать вывод, что проблеме экологии на нефтедобывающих предприятиях г. Сургута уделяли недостаточное внимание. Хотя суть проблемы чаще всего не была связана с какими-либо серьёзными причинами, как например: неисправность оборудования или природные катаклизмы. Многие разливы нефти можно было предотвратить, улучшив системы дренажа и защитительных сооружений по типу обваловки. Группы народного контроля, которые сами были связаны с предприятиями, разрушавшими окружающую среду, не смогли подействовать на руководство, как в управлении, так и на местах.

Стоит отметить, что в период Перестройки правительство сделало акцент на экологические проблемы освоения Севера, но не смогло мобилизовать трудовые силы на их предотвращение [3, с. 121]. На местах руководство предприятий не уделяло проблеме загрязнения окружающей среды должного внимания. Нефтедобывающие кусты не были оборудованы надёжной системой дренажа и достаточно высокой обваловкой, что является по своей сути базовыми мерами при бурении нефтяной скважины для предотвращения утечки нефтепродуктов.

Ещё одной немаловажной проблемой в деятельности Комитета народного контроля ПО «Сургутнефтегаз» была борьба со свалками производственного мусора на территориях месторождений. Так, 29 апреля 1986 г. группой народного контроля была замечена свалка металлолома около куста № 92. Также была обнаружена подобная свалка у куста № 93. Все они принадлежали СУБР-3 (Сургутскому управлению буровых работ), в конце акта было отмечено, что трудовой коллектив СУБР-3 «уже не раз» просили решить данную проблему, но никаких попыток с их стороны предпринято не было [8, л. 34]. 26 октября того же года группа народного контроля во главе с В. А. Щербаковым выявила две свалки с металлоломом вдоль дороги в районе 152-й разведочной скважины. Было также установлено, что свалка осталась после бурения [8, л. 67].

В 1987 г. данная проблема по-прежнему оставалась не решённой. Например, группой контролёров во главе с С. В. Медведевым была обследована территория куста № 72. На прилегающей местности были выявлены свалки производственных отходов. С. В. Медведевым было отмечено, что эта проблема имела систематический характер, и по ней был составлен уже не один акт, но никаких санкций к нарушителям не применялось [8, л. 78].

26 октября того же года группой народного контроля была замечена машина, принадлежащая УТТ-1 (Управление технологического транспорта), которая сваливала бытовой и производственный мусор на территории, находящейся вблизи скважины 150. Контролёры отмечали, что это не одиночный эпизод и просили наказать нарушителей в соответствии с законом РСФСР об охране природы [8, л. 80].

25 января 1988 г. группа контролёров под руководством Мухтара Бахтиганеевича Назаргалиева задержала самосвал, принадлежавший ПТТиСТ (Предприятие технологического транспорта и специальной техники), водитель которого сваливал мусор и металлолом возле 72-го куста, но ещё до нового года данная машина была задержана по этой же причине [8, л. 89]. Вообще проблема захламления территории и свалок металлолома в неподобающем месте касалась не только Югры. Так, Зульфар Салихович Салихов, являвшийся в 80-е гг. XX в. начальником Ямальского газопромыслового управления, в своих воспоминаниях говорил, что от количества металлолома и хлама, которые оставались после нефтяников и геологов, у него «волосы вставали дыбом [3, с. 120]». Сами тресты, на территории которых группы народного контроля обнаруживали производственный мусор, его не утилизировали, были и прецеденты, когда уличённая организация отрекалась от груд металлолома и перекладывала ответственность на геологоразведчиков или другие организации.

Это говорит нам об обширности данной проблемы, которая затрагивала почти всю Западную Сибирь, и о невозможности решить её даже при помощи управленческого аппарата, так как для её решения требовалось определить резервы, организовать механизирован-

ную группу, но тресты, не желавшие простоя на своём производстве, игнорировали трудовые предписания. Комитет народного контроля, получая отчёты групп, направлял их в управление, но реакции не следовало, а число подобных нарушений росло.

Интересны и следующие факты, связанные со свалками производственных отходов. В 1990 г. на территории Западно-Сургутского месторождения был создан кооператив «Феникс», который специализировался на утилизации мусора и находился в районе 104-й скважины. Несмотря на это, сваливание мусора в неполюженном месте продолжалось. А дорога, ведущая на кооператив, превратилась в «сплошную свалку». Также было отмечено, что со времени создания кооператива случаи разгрузки мусора в неполюженном месте не только не сократились, но и увеличились [8, л. 178].

Из этого следует, что даже при наличии базы по утилизации мусора трудящиеся, отвечающие за вывоз производственных отходов с объектов, пренебрегали кооперативом «Феникс» и сваливали мусор по дороге к нему. Согласно этим фактам, наблюдается кризис мобилизации трудящихся даже на исполнение своих производственных задач, а также халатное отношение советского человека к экологическим проблемам, вызванное, в том числе и общей культурой освоения новых территорий в СССР. Группы народного контроля, которые сигнализировали неоднократно вышестоящим руководителям о подобных нарушениях на местах, также не смогли повлиять на решение проблемы.

Из всего вышесказанного мы делаем вывод, что практики народного контроля на предпринятии ПО «Сургутнефтегаз» не имели реальных рычагов воздействия, хотя они и были расширены ещё в 1979 г. Народный контроль в эпоху нового социально-политического курса, начатого Михаилом Сергеевичем Горбачёвым, должен был стать действенным средством решения назревших вопросов во всех сферах жизни советских граждан, стать основой для вовлечения широких масс в самоуправление [2, с. 323–328]. Кроме того, он должен был стать инструментом для преодоления отставания СССР от западных держав в экономическом плане через улучшение контроля за выполнением планов и производственными задачами, соблюдение трудовой дисциплины на предприятиях.

Но на деле работа комитетов и групп народного контроля сталкивалась с нежеланием управленческого аппарата сотрудничать с ними [1, с. 243–245]. Также препятствовала этому проблема круговой поруки, так как группы народного контроля формировались из трудящихся предприятия. Выявляя нарушения на объектах, которые находились в их юрисдикции, они могли их не упомянуть или не отразить в отчётности, чтобы не получить штрафных санкций. В результате в эпоху Перестройки Комитет народного контроля превратился из органа, улучшающего качество продукции и эффективность производства на предприятиях, в рудимент, который де-юре имел широкий спектр полномочий, но де-факто не мог применить их на практике.

Список источников

1. Баранов М. В. Роль групп народного контроля в улучшении качества продукции и повышении эффективности производства в СССР в 70-е гг. XX в. (на примере Таганрогского металлургического завода) // Вестник Таганрог. гос. пед. ин-та. 2007. № 2. С. 243–245.
2. Бердникова Е. В. Историко-правовые и идейно-политические предпосылки формирования и развития института народного контроля в СССР // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия: Экономика. Управление. Право. 2021. № 3. С. 323–328.
3. Документальный фильм «Россия. Новейшая история» // Интернет-портал «Смотрим». URL: <https://smotrim.ru/brand/67232> (дата обращения: 25.02.2023).
4. Карпов В. П. Анатомия подвига. Человек в советской модели индустриализации Тюменского Севера: монография. Тюмень, 2014. 184 с.
5. Куликова С. А., Бердникова Е. В., Митрохин В. А. Особенности правовой институционализации органов народного контроля в СССР во второй половине XX века // Манускрипт. 2021. № 12. С. 2517–2523.
6. Митрохин Н. А. Очерки советской экономической политики в 1965–1989 годах: в 2 тт. Том 1. М., 2023. 515 с.
7. Муниципальный архив города Сургута. Ф. 103. Оп. 1. Д. 652.
8. Муниципальный архив города Сургута. Ф. 103. Оп. 1. Д. 653.
9. Муниципальный архив города Сургута. Ф. 103. Оп. 1. Д. 683.
10. Михаилишин А. В. Кризис института социалистического соревнования периода Перестройки (на материалах города Сургута) // Ветер Перестройки — 2021: сборник материалов Первой Всерос. науч. конф. Санкт-Петербург, 28–30 октября 2021 года. СПб., 2022. С. 201–206.
11. Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти 1945–1991. Новосибирск, 2000. 684 с.
12. Польшов М. Ф. Рабочие Санкт-Петербурга и Ленинградской области в 1985–1995 годы: основные тенденции социальных изменений // Петербургские чтения 98–99: Материалы энциклопед. библиотеки «Санкт-Петербург-2003». СПб., 1999. С. 381–384.

Для цитирования:

Михаилишин А. В. Кризис мобилизации труда в эпоху Перестройки: практики народного контроля на материалах ПО «Сургутнефтегаз» за 1985–1990 гг. // Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 года. СПб., 2023. С. 301–307.

Потапов Александр Константинович | Potapov Alexander Konstantinovich¹

Трансформация Советской федерации в годы Перестройки (на примере Эстонской ССР) Transformation of the Soviet Federation in the years of Perestroika (on the example of the Estonian SSR)

Аннотация. В статье рассматриваются процессы реформирования Советского Союза на примере Эстонской ССР. Именно в этой прибалтийской республике под влиянием ряда факторов активизировались сепаратистские тенденции и начались попытки превращения её из федерации в конфедерацию. Важную роль в этих событиях сыграли, с одной стороны, республиканское руководство во главе с В. Вялясом, с другой — Народный фронт Эстонии. Республиканское руководство продвигало идеи суверенизации на высшем партийном и государственном уровнях, а Народный фронт активизировал массы. При этом конечной целью и республиканского руководства, и представителей Народного фронта было оформление выхода Эстонии из состава СССР. Итогом стало объявление переходного периода в марте 1990 г. и признание независимости республики в сентябре 1991 г.

Ключевые слова: конфедерация, Эстония, Верховный Совет, суверенизация, тенденции, Народный фронт.

Abstract. The article discusses the processes of reformatting the Soviet Union on the example of the Estonian SSR. It was in this Baltic republic that, under the influence of a number of factors, separatist tendencies intensified and attempts began to turn it from a federation into a confederation. An important role in these events, on the one hand, was played by the republican leadership headed by V. Väläs, on the other hand, by the Estonian Popular Front. The republican leadership promoted the ideas of sovereignty at the highest party and state levels, and the Popular Front activated the masses. At the same time, the ultimate goal of both the republican leadership and representatives of the Popular Front was to formalize the withdrawal of Estonia from the USSR. The result was the announcement of a transitional period in March 1990 and the recognition of the republic's independence in September 1991.

Keywords: confederation, Estonia, Supreme Council, sovereignization, tendencies, Popular Front.

Центрбежные тенденции и распад СССР привели ко многим конфликтам и напряжённым отношениям между странами на всем постсоветском пространстве. В годы Перестройки процесс распада Советского Союза запустился в первую очередь в республиках

¹ Канд. ист. наук, преподаватель ин-та СПО и ДП Омского государственного ун-та им. Ф. М. Достоевского.

Candidate of Historical Sciences, lecturer at the Institute of SPO and DP of Omsk State University named after F. M. Dostoevsky.

Прибалтики. В особенной степени в этом вопросе активной была Эстонская ССР. Именно в республиках Прибалтики в одностороннем порядке была предпринята попытка реформирования Советской федерации в конфедерацию².

Важным этапом в процессе дезинтеграции СССР в годы Перестройки стали возникновение и деятельность Народного фронта Эстонии. Кроме того, серьёзную роль в этом процессе сыграло и партийное руководство республики, в котором также произошла кардинальная смена: вместо Карла Генриховича Вайно первым секретарем ЦК Компартии Эстонии был назначен Вайно Иосифович Вяляс. После этого новый руководитель республики принял участие в XIX партконференции (28.06–01.07.1988) [19, с. 70–71] и внёс на рассмотрение комплекс предложений из 5 пунктов [8], в которых речь шла о разработке закона, регулирующего взаимоотношения союзных республик и центра, закреплении за республикой определённой доли собственности, разработки нового союзного договора. Именно предложение по разработке нового союзного договора, по нашему мнению, могло рассматриваться эстонской стороной как заключение совсем другого по содержанию соглашения, которое могло бы отразить основные черты не федерации, а конфедерации. В результате такие предложения о заключении «нового союзного договора» стали бы поступать и от других республик СССР. Получается, что предложения, поступившие от эстонской делегации, могли готовить почву для дальнейшего обособления и отделения республики. Именно об этом говорит в своей работе и бывший первый заместитель председателя КГБ СССР Филипп Денисович Бобков, который, характеризуя предложения эстонской делегации приходит к выводу, что в них «...были чётко сформулированы пути выхода Эстонии из СССР» [3, с. 342]. Также Ф. Д. Бобков отмечает и о противоречивости того, что говорил с трибуны партийный руководитель Эстонии В. И. Вяляс и что было изложено в 5 предложениях [3, с. 342]. Однако никаких комментариев Ф. Д. Бобков в своей работе не приводит. Следует отметить, что необходимый анализ предложений эстонской делегации со стороны руководства партии на конференции не был проведён. Впоследствии благодаря такой позиции центра стало возможным принятие Декларации о суверенитете Эстонии и соответствующих поправок в Конституцию Республики.

Однако основные решения, принимаемые на партконференции, касались проведения политической реформы в Советском Союзе. В свою очередь, данная концепция реформы, по мнению З. А. Станкевича, способствовала курсу на демонтаж исторически сложившейся в СССР системы власти и управления с последующим изменением основ советского конституционного строя [17, с. 426].

² Вопросы конфедеративного устройства государств и их сравнение с федерацией представлены в трудах Сергея Олеговича Азарова [1; 2]; общественно-политическим процессам в республиках Прибалтики в своих работах уделяли внимание Ренальд Хикарович Симонян [15, 16], Зигмунд Антонович Станкевич [17], Александр Владимирович Островский [9], Рейн Руутсо [13].

На сегодняшний день есть точка зрения, основанная на выступлениях руководителей Народного фронта Эстонии в 1988 г. (например, позиция Эдгара Эльмаровича Сависаара на съезде НФЭ), что первоначально не было чёткого разделения на сторонников и противников независимости. На открытую конфронтацию лидеры НФЭ в тот период, конечно, пойти не могли, так как это могло привести к роспуску организации и привлечению их к ответственности. По мнению Ф. Д. Бобкова, впервые требования отделения Эстонии от СССР прозвучали на Съезде театральных деятелей [3, с. 341]. Подобные решения также соответствовали взглядам лидеров Народного фронта, которые пытались «напустить как можно больше тумана, чтобы скрыть истинную цель — выход республики из СССР» [3, с. 341]. Предложения эстонской делегации лишь дополнили курс по дезинтеграции СССР.

Следующим этапом стала активная подготовка Верховным Советом республики к принятию поправок и дополнений к Конституции Эстонской ССР, который пошёл на поводу сторонников Народного фронта Эстонии. Осенью 1988 г. в Президиуме Верховного Совета Эстонской ССР началась проработка основных положений проекта Декларации о суверенитете Эстонии. В тот же период в ходе обсуждения проекта Декларации была внесена «поправка Лаака-Преймана». В соответствии с ней провозглашался приоритет республиканского законодательства над общесоюзным.

В этот период сильное давление оказывалось на депутатов-коммунистов Верховного Совета Эстонской ССР со стороны как Народного фронта, так и непосредственных партийных руководителей в лице В. Вяляса [14]. По мнению А. В. Островского, такой самостоятельности В. Вяляс позволить себе не мог, всё было заранее согласовано с высшим руководством страны, и поэтому с целью нейтрализации республиканского КГБ, в Эстонию с 11 по 14 ноября 1988 г. был отправлен член Политбюро ЦК КПСС, бывший руководитель КГБ СССР Виктор Михайлович Чебриков [8, с. 260].

Для поддержки декларации со стороны партактива республики Вайно Вяляс перед итоговым голосованием 16 ноября 1988 г. собрал депутатов-коммунистов Верховного Совета Эстонской ССР, предложив им поддержать Декларацию о суверенитете Эстонской ССР и другие документы, принимавшиеся на сессии республиканского парламента. Итоги голосования за принимаемые документы наглядно продемонстрировали партийную дисциплину в этом вопросе: 258 депутатов «за», 1 «против» и 5 воздержались [13, с. 239; 14].

Серьёзный характер имели в Декларации требования дезавуировать поправки в Конституцию СССР, вынесенные на всенародное обсуждение Президиумом Верховного Совета СССР, так как они, по мнению Верховного Совета республики, «...исключают конституционное право Эстонской ССР на самоопределение...» [4, с. 121]. После перечисления всех факторов, существенно ограничивающих сувере-

низационные процессы в республике, была использована уже упомянутая «поправка Лаака-Преймана» [4, с. 121], что также означало определённые шаги на пути к конфедерации и, следовательно, дальнейшему ослаблению СССР, так как одной из особенностей конфедерации является то, что все решения вступают в силу после их ратификации соответствующими органами власти государств содружества [16, с. 13; 15, с. 40].

С целью конкретизации требований, изложенных в Декларации, на этой же сессии республиканского парламента был принят Закон Эстонской ССР «О внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной закон) Эстонской ССР». В соответствии с ним Верховный Совет ЭССР постановил внести в Конституцию Республики ряд принципиальных изменений и дополнений, существенно повышающих статус и закрепляющих гарантии республики [6].

По итогам сессии Верховный Совет Эстонской ССР обратился к Президиуму Верховного Совета СССР с резолюцией «О союзном договоре», в которой приводилось предложение парламента республики начать совместную разработку нового документа [13]. По мнению Р.Х. Симоняна, заключение нового союзного договора в тот период открывало бы возможность для конструктивного диалога с республиками Прибалтики и отказа от требований различных политических сил, направленных на отделение и выход из состава СССР [16, с. 476; 9, с. 104]. Однако мы считаем, что в случае заключения нового союзного договора с республиками Прибалтики это не исключило бы новых претензий по отношению к высшему руководству СССР. С другой стороны, возможно, что новый союзный договор мог быть представлен как межгосударственное соглашение (или конфедеративный договор) с закреплёнными правами, функциями, предметами ведения субъектов конфедерации. Именно это, по мнению С.О. Азарова, составляет правовой статус конфедерации [2, с. 12; 1, с. 38].

Реакция из Москвы последовала через 10 дней после принятия Декларации и других документов; 26 ноября 1988 г. состоялось заседание Президиума Верховного Совета СССР, по результатам работы которого было принято решение о незаконности действий эстонского парламента [18], хотя конкретного наказания руководители республики не понесли. В свою очередь Верховный Совет Эстонии 7 декабря 1988 г. ещё раз подтвердил принятые решения. С этого момента «парад суверенитетов» перешёл в новую фазу — «войну законов», в рамках которой общесоюзные законы игнорировались республиканскими властями. Это стало причиной разрушения единого политико-правового пространства Союза.

Следует отметить, что через два года после описываемых событий союзный Центр вернулся к идее разработки и подписания нового союзного договора. Однако руководители республик Прибалтики отказались принять участие в этом процессе. В Обращении Совета балтийских государств к ВС СССР подчёркивалось, что «Латвия, Литва

и Эстония не намерены присоединяться к союзному Договору, но по-прежнему готовы вести переговоры и заключить межгосударственные договоры с Союзом Советских Социалистических Республик и республиками о политических отношениях, экономическом и другом сотрудничестве» [7]. Хотя представители от Эстонии (как и от Латвии и Литвы) в период 1990–1991 гг. и участвовали в заседаниях Совета Федерации при президенте СССР, на которых поднимался вопрос о разработке и заключении нового союзного договора, но подписывать его они не собирались [10, 11]. Тем более, что в Эстонии с марта 1990 г. начался переходный период к независимости и подобные варианты заключения союзного договора власти республики не рассматривали.

В итоге центробежные тенденции как в Эстонии, так и в других союзных республиках на рубеже 80-х — 90-х гг. XX в. резко ускорились, что привело к распаду СССР.

Таким образом, в Эстонской ССР в период перестройки стали предприниматься шаги по трансформации СССР из федерации в конфедерацию с целью ослабить союзное государство и перспективой дальнейшего выхода из его состава. На протяжении нескольких лет в республике на законодательном уровне осуществлялись подготовительные действия, которые затем вылились в односторонний выход из состава СССР и нарушение действующего тогда общесоюзного законодательства [5].

Список источников

1. Азаров С. О. Конфедерация как особая форма государственного устройства // *Социология и право*. 2011. № 2 (8). С. 36–41.
2. Азаров С. О. Проблемы становления международно-правового статуса конфедеративного государства // *Проблемы в российском законодательстве*. 2013. № 2. С. 12–15.
3. Бобков Ф. Д. КГБ и власть. М., 1995. 384 с.
4. Декларация Верховного Совета Эстонской Советской Социалистической Республики «О суверенитете Эстонской ССР» // *Эстония: Контуры этнополитической эволюции 1988–1993 гг. Очерки. Документы. Материалы*. Т. 1. М., 1994. С. 121.
5. Закон СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» // *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов*. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902002993> (дата обращения: 05.08.2022).
6. Закон Эстонской ССР «О внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной закон) Эстонской ССР» // *Российский правовой портал: Библиотека Паюкова*. URL: <http://constitutions.ru/?p=2903> (дата обращения: 05.08.2022).
7. Обращение Совета Балтийских Государств к Верховному Совету СССР // *Распад СССР: Документы и факты (1986–1992 гг.)*: в 2 тт. Т. II: Архивные документы и материалы / под общ. ред. С. М. Шахрая; сост. С. М. Попова, А. А. Яник. М., 2016. С. 196.
8. Основные предложения делегации эстонской республиканской партийной организации на XIX Всесоюзную партийную конференцию // XIX Всесоюзная партийная конференция. Стенографический отчет (Том 2). М.: Политиздат, 1988. С. 74–77.
9. Островский А. В. Глушь или измена? Расследование гибели СССР. М., 2011. 863 с.
10. Протокол № 2 заседания Совета Федерации при Президенте СССР от 12 июня 1990 г. // *Распад СССР: Документы и факты (1986–1992 гг.)*: в 2 тт. Т. II: Архивные документы и материалы / под общ. ред. С. М. Шахрая; сост. С. М. Попова, А. А. Яник. М., 2016. С. 430–431.

11. *Протокол № 9 заседания Совета Федерации при Президенте СССР от 6 марта 1991 г. // Распад СССР: Документы и факты (1986–1992 гг.): в 2 тт. Т. II: Архивные документы и материалы / под общ. ред. С. М. Шахрая; сост. С. М. Попова, А. А. Яник. М., 2016. С. 454–458.*

12. *Резолюция Верховного Совета Эстонской ССР «О Союзном договоре» // Российский правовой портал: Библиотека Пащикова: [сайт]. URL: <http://constitutions.ru/?p=2903> (дата обращения: 05.08.2022).*

13. Руутсоо Р. Декларация «О суверенитете Эстонской ССР» и фронт республик Балтии против Кремля // *Балтийское соседство. Россия, Швеция, страны Балтии на фоне эпох и событий XIX–XXI вв. М., 2014. С. 220–245.*

14. Сергеев Б. Честь генерала // *Правда*. URL: <http://gazeta-pravda.ru/content/view/1267/60> (дата обращения: 7.08.2022).

15. Симонян Р. Х. Прибалтика в контексте распада СССР // *Общественные науки и современность*. 2014. № 3. С. 98–108.

16. Симонян Р. Х. Страны Балтии во время перестройки // *Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза*. М., 2005. С. 469–481.

17. Станкевич З. А. Соотношение национального и политического факторов в процессе разрушения Союза ССР // *Трагедия великой державы: Национальный вопрос и распад Советского Союза*. М., 2005. С. 423–442.

18. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О несоответствии Конституции СССР некоторых положений Закона Эстонской ССР “О внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Эстонской ССР” и Закона Эстонской ССР “О выборах в местные Советы народных депутатов Эстонской ССР”» // *Известия*. 1989. 18 августа. № 230. С. 1.

19. XIX Всесоюзная партийная конференция. Стенографический отчёт. Том 2. М., 1988. 399 с.

Для цитирования:

Потапов А.К. Трансформация Советской федерации в годы перестройки (на примере Эстонской ССР) // *Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции*. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 года. СПб., 2023. С. 308–313.

Шамгунов Руслан Габдрашитович | Shamgunov Ruslan Gabdrashitovich¹

Влияние выбора внутривполитического развития на внутреннюю безопасность в странах Центральной Азии в 90-е гг. XX в. (на примере Кыргызстана и Туркменистана)

The influence of the choice of internal political development on internal political security in the countries of Central Asia in the 90s of the 20th century (on the example of Kyrgyzstan and Turkmenistan)

***Аннотация.** После распада Советского Союза в Центральной Азии сразу сформировалось два варианта внутривполитического развития — демократический (Казахстан и Кыргызстан) и авторитарный (Туркменистан и Узбекистан). Демократический Кыргызстан пережил при этом свержение трёх президентов и межнациональный конфликт. Туркменистан стал примером авторитаризма, явив при этом политическую стабильность. Выявление причин этих прямо противоположных последствий внутренней политики двух стран является целью данной статьи. Автор доказывает, что в странах, в которых отсутствуют демократические традиции, их насаждение приводит к неизбежному нарушению традиций национальных, результатом чего становится конфликт власти и общества.*

Ключевые слова: Кыргызстан, Туркменистан, Аскар Акаев, Сапармурат Ниязов, демократия, авторитаризм.

***Abstract.** After the collapse of the Soviet Union, two variants of internal political development immediately formed in Central Asia — democratic (Kazakhstan and Kyrgyzstan) and authoritarian (Turkmenistan and Uzbekistan). Democratic Kyrgyzstan survived the overthrow of three presidents and an interethnic conflict. Turkmenistan has become an example of authoritarianism, while demonstrating political stability. Revealing the causes of these directly opposite consequences of the domestic policy of the two countries is the purpose of this article. The author proves that in states where there are no democratic traditions, their imposition leads to the inevitable violation of national traditions, resulting in a conflict between the authorities and society.*

Keywords: Kyrgyzstan, Turkmenistan, Askar Akaev, Saparmurat Niyazov, democracy, authoritarianism.

Интерес к изучению различных путей внутривполитического развития бывших советских республик в среде историков, политологов и экономистов в настоящее время не ослабевает. Особо следует привлечь внимание к «цветным революциям», которые стали следствием политических и экономических кризисов стран постсо-

¹ Канд. ист. наук, доц. каф. международных отношений на постсоветском пространстве СПбГУ. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of International Relations in the Post-Soviet Space of the St. Petersburg State University.

ветского пространства. В этой связи изучение сущности различных режимов государств Центральной Азии и выявление особенностей функционирования «авторитарного» и демократического способов правления представляется весьма актуальным.

Проблемы внутривнутриполитического развития стран Центральной Азии стали предметом изучения отечественных и зарубежных исследователей. Формат статьи не позволяет провести подробный анализ историографии темы, поэтому остановимся на тех работах, которые, на наш взгляд, наиболее полно соответствуют тематике статьи.

В целом работы по теме внутривнутриполитических проблем Кыргызстана и Туркменистана можно разделить на три группы: в первую группу входят работы, посвящённые анализу политической элиты и клановой структуры киргизского и туркменского обществ, особенностей взаимоотношений племён, их влиянию на внутреннюю политику страны и международным отношениям в Туркменистане [12; 13; 14] и Кыргызстане [25, 26, 27]; во вторую группу входят работы, уделяющие внимание внутривнутриполитической борьбе в целом, давая общую характеристику особенностям устройства общества одной из стран [1; 5; 6; 23; 30]; в третью группу входят работы, дающие аналитический обзор внутривнутриполитическим процессам в регионе в целом [21; 22; 20; 33; 34; 35].

Сразу стоит отметить, что, даже анализируя внутривнутриполитическую ситуацию и борьбу за власть в странах региона, сравнительный анализ политических систем внутривнутриполитической борьбы не проводится. В статье мы сравниваем влияние выбранного внутривнутриполитического курса на внутривнутриполитическую безопасность каждой из анализируемых стран страны.

В начале 90-х гг. XX в. в Центральной Азии стали формироваться два варианта внутривнутриполитического развития — демократический (Казахстан и Кыргызстан) и авторитарный (Туркменистан и Узбекистан). Развернувшаяся гражданская война в Таджикистане отодвинула выбор формы внутривнутриполитического развития до её окончания.

Кыргызстан стал «островом демократии» в регионе, но пережил при этом свержение трёх президентов и международный конфликт. Туркменистан стал примером авторитаризма, явив при этом политическую стабильность, при которой даже внезапная смерть первого президента, под которого была заточена вся внутривнутриполитическая система, не привела к межплеменным столкновениям.

Выявление причин этих прямо противоположных последствий внутренней политики двух стран является целью данной статьи. В рамках статьи анализировать все страны региона не представляется возможным. Выбранные страны являются наиболее характерными примерами последствий выбранного внутривнутриполитического курса.

Национальный вопрос традиционно занимает особое место во внутренней политике центральноазиатских государств. В регионе отношение титульных наций к узбекам негативное. Это вызвано

тем, что узбеки покорили своих соседей, создав на территории современной Центральной Азии три государства — Бухарское ханство, Коканский эмират и Хивинское ханство, существовавшие на момент присоединения региона к Российской империи. Кроме того, узбеки как сельские жители занимали «исконные» киргизские и туркменские земли, а большинство конфликтов происходили именно из-за земли и воды, вспомним, например, Ошские события 1990 г. В то же время русские и все русскоязычные народы² были городскими жителями, не претендуя на землю и воду в сельской местности.

Говорить о единстве киргизского или туркменского народа к 1991 г. несколько преждевременно: клановое, порой и племенное деление не только сохранялось, но и оказывало определённое влияние на внутреннюю жизнь новых государств (в целом эта ситуация сохраняется и по сей день). В советское время неуклонно соблюдалась ротация первых секретарей ЦК республиканских компартий по клановому признаку. Этот пост дважды подряд не могли занимать выходы из одного клана.

Такому укладу можно было противопоставить только хорошо продуманную, поступательную демократизацию общества с разрушением традиционных структур, наделением граждан индивидуальной волей и свободами, освобождением их от пут клановой принадлежности. По нашему мнению, для успеха в деле плодотворного строительства наций в странах Центральной Азии необходимы два условия. Во-первых, этот процесс должен быть постоянным в течение очень долгого времени — счёт идёт на многие десятилетия вперёд, т.е. в стране должен был гарант соблюдения принятого курса. Во-вторых, не должно быть никаких оговорок и послаблений. Другими словами, в таких случаях применима политика Кемаля Ататюрка в Турции. Можно было также последовать примеру Ирана, но делиться властью с кем бы то ни было, однако президенты новоявленных государств не желали и выбирали иные пути.

Аскар Акаев вопреки национальным традициям и существующим в стране противоречиям решил строить государство, обладающее внешними признаками демократичности. В ноябре 1991 г. в Кыргызстане было официально зарегистрировано 65 партий и общественных движений [3, с. 47]. В 2000 г. действовали 28 партий [3, с. 48], а в первой половине 2005 г. было зарегистрировано 44 политические партии [21, с. 107]. Допущенный плюрализм мнений привёл к традиционному поиску виноватых в плохих условиях жизни. В поисках «правильных» ответов стали помогать националистические организации типа «Национально-демократический фронт Киргизии» и «Ош аймагы».

Выдавить узбеков из страны было невозможно, поэтому их постарались просто не трогать. Иначе отнеслись к русским. Аскар Акаевич Акаев прямо заявил: «Одно из условий продолжения демо-

² Под термином «русскоязычные» для простоты изложения мы подразумеваем все нетитульные нации и народы, кроме узбеков.

кратических преобразований в республике — отъезд русских» [26]. В результате к началу 1994 г. в республике не осталось ни одного русскоговорящего руководителя предприятий, что привело к обвалу экономики. От пагубной политики пришлось отказаться. В середине 1994 г. А. А. Акаев подписал указы о признании официального статуса русского языка на предприятиях и организациях, где русскоязычные составляли большинство, и о запрещении дискриминации за незнание государственного языка [26].

Практически сразу президент столкнулся и с другим следствием демократизации — критически настроенный к нему парламент было трудно уговорить поддержать политику президента, а оппозиция выискивала и раздувала недостатки его правления. При этом сам А. А. Акаев оказался не без традиционных для любой власти грехов — коррупции и nepотизма. По словам экономиста Андерса Аслунда, «масштаб коррупции при Акаеве был ужасающим» [28].

В 1994 г. А. А. Акаев сделал шаг, который вызвал критику на Западе — распустил парламент³. Ни одни президентские выборы в Киргизии в тот период не обошлись без фальсификаций и давления на оппозицию [24, с. 116]. При этом А. А. Акаев даже не пытался что-то противопоставить и клановому делению общества, прекрасно понимая, что без поддержки своего клана он долго не продержится [27, с. 5].

Традиционно противостояние кланов определяют в качестве противостояния Севера и Юга, поскольку конкурирующие кланы располагаются на севере и юге страны. Акаев представляет северный клан. Поэтому Юг был настроен весьма критически к его правлению, особенно к политике европеизации страны. Это было вызвано тем, что южные киргизы были более исламизированы и при этом менее европеизированы, чем «северяне» [27, с. 5].

Чтобы не допустить окончательного раскола страны Акаеву пришлось пойти на определённые уступки. Правительство и ключевые министерства периодически возглавляли представители Юга. Даже цветом государственного флага в 1992 г. стал цвет южных киргизов — красный (у «северян» — голубой).

Постепенно А. А. Акаев сконцентрировал власть в своих руках. Для этого в 1994 г. (дважды), 1996 и 1998 гг. проводились референдумы, уменьшавшие в пользу президента роль парламента и правительства, вызывая недовольство не только «южан», но и «северян», возмущённых концентрацией власти в руках «семьи» президента [11, л. 18–20].

В марте 2002 г. противостояние вышло на новый уровень. Справедливое негодование в стране вызвало решение президента передать Китаю требуемую им территорию площадью 9000 кв. км. Вместо объяснений был арестован представитель Юга, депутат парламента Азимбек Анаркулович Бекназаров. В его защиту начались многотысячные демонстрации. Ситуация настолько накалилась, что

³ В некотором роде А. А. Акаев стал проводить противоречивую политику схожую с политикой Бориса Николаевича Ельцина в России, где озвучиваемая внешняя «демократизация» общества сшивалась с авторитарными методами решения внутриаполитических проблем лидера государства.

силы правопорядка стали стрелять по демонстрантам. Кризис удалось погасить, отправив в отставку весь кабинет министров. Но очередной шаг к «тюльпановой революции» был сделан [19].

Кроме того, окружение А. А. Акаева активно включилось в торговлю оружием, до предела ослабив собственную армию, численность которой даже через два года после его свержения составляла 8,5 тысяч военнослужащих. Для сравнения, нейтральный Туркменистан, уступавший по численности населения Киргизии, насчитывал в своих вооруженных силах около 50 тысяч военнослужащих [32, с. 710, 726].

В августе 1999 г. в стране произошли события, показавшие всю слабость киргизской армии. Группа из 600 экстремистов, состоящих преимущественно из узбеков, проникла в страну из соседнего Таджикистана и захватила ряд высокогорных сел в Баткентском районе. Армия оказалась не в состоянии справиться с боевиками. Кыргызстан вынужден был обратиться за помощью к своему принципиальному и историческому сопернику — Узбекистану, имеющему к нему территориальные претензии. К середине октября боевики были разгромлены [4].

Положение А. А. Акаева облегчала слабость оппозиции. Созданные в стране партии являлись искусственными образованиями, построенными по европейским моделям. Идеологии у партий практически никакой не было. Фактически целью оппозиционеров было заставить Акаева поделиться властью и доходами [22, с. 233]. Договориться между собой лидеры оппозиции были просто не в состоянии.

А. А. Акаеву пришлось пожинать плоды «демократизации». Приглашённые им в страну зарубежные, в первую очередь американские, неправительственные организации, развернули активную деятельность, критикуя его за отход от демократических принципов. Он сам заявлял, что они «захотели повторить “цветные революции” по примеру грузинской в 2003-м и украинской в 2004-м» [2]. Пресечь их деятельность он не решился, боясь окончательно испортить отношения с западными странами.

События марта 2005 г. оказались неожиданными для всех. Оппозиция не ожидала, что акция протеста выльется в погромы, и что президент предпочтёт бежать из страны, а не подавить силой эти выступления. В свою очередь, А. А. Акаев не ожидал, что оппозиция, не пользующаяся поддержкой кланов, после оглушительного поражения на парламентских выборах сможет вывести на улицы такую массу народа, поэтому был не готов к ответным мерам. Он не решился отдать приказ стрелять по демонстрантам. Поэтому ему пришлось бежать из страны и писать заявление об отставке [25].

Совсем другой политикой отличалось правление президента Туркменистана Сапармурата Атаевича Ниязова. Ещё в январе 1990 г. председатель Верховного Совета Туркменской ССР С. А. Ниязов запретил любые проявления национализма в республике. Антирусская

риторика не допускалась. Деятельность националистической организации «Агзыбирлик» была запрещена [8]. Но при этом усилилась политика коренизации госаппарата, начатая ещё в советские годы — почти все руководящие посты в республике занимались этническими туркменами. В Конституцию независимого Туркменистана была внесена статья 55, согласно которой президентом страны мог стать только туркмен [15]. Никакого особого статуса русскому языку предоставлено не было. Только в 2005 г. в Конституцию были внесены изменения, закрепляющие, что президентом может стать «гражданин Туркменистана, родившийся в Туркменистане» (Статья 53), не уточняя национальность кандидата в президенты [16].

Но терять ценные инженерно-технические кадры, а с ними и стабильность в стране, С.А.Ниязов не собирался. Чтобы успокоить русскоязычных, Туркменистан первым в мире подписал с Россией о двойном гражданстве, которое просуществовало до 2003 г. [7] Не допустил С.А.Ниязов столкновений между туркменами и узбеками, хотя и приложил усилия для сокращения влияния узбеков на жизнь Туркменистана. Например, он отправил в отставку муфтия Туркменистана, этнического узбека Насруллаха ибн Ибадуллах, заменив его туркменом Какагельды Вепаевым [20].

Он первым в СССР стал президентом в результате прямых всеобщих выборов 27 октября 1990 г., хотя и на безальтернативной основе. Но властью С.А.Ниязов решил не делиться ни с кем, хотя и создал два парламента. Кроме собственно парламента (Меджлиса), он создал Народный совет (Халк Маслахаты), своеобразный парламент над парламентом, куда вошли депутаты Меджлиса, члены правительства, руководители вelayитов (областей) и этрапов (районов), городов и поселков, а также сам президент (Статья 48), который, согласно Конституции страны, является и главой правительства (Статья 77) [15].

Используя традиционное для Востока уважение к старшим, С.Ниязов, единственный из руководителей государств в СНГ, создал совет старейшин (состоящий исключительно из людей пожилого возраста) и через него проводил все свои законодательные инициативы [13].

С.А.Ниязов оставил в стране только одну партию, обосновывая это тем, что программа действующей Демократической партии настолько совершенна, что программы других партий от неё ничем отличаться не будут [9, л. 135]. Оппозиция могла существовать только за пределами страны. Внутри страны она жестоко подавлялась. До расстрела демонстраций дело не доходило.

Он первым из президентов Центральной Азии продлил свои полномочия до 2000 г. В 1999 г. Халк Маслахаты принял решение о пожизненном президентстве С.А.Ниязова. Впоследствии сам Ниязов говорил, что будет править до 2009 г., а до того времени подготовит себе преемника, а в будущем в стране должны действовать ещё две партии [19].

Практически сразу после обретения Туркменистаном независимости Ниязов начал проводить политику по созданию культа своей личности. По уверениям бывшего министра иностранных дел Авды Овезкулиевича Кулиева, Ниязов ещё в 1994 г. вынашивал планы объявления себя шахом Туркменистана, но совет старейшин негативно отнёсся к этой идее. С. Ниязов вынужден был от неё отказаться [9].

Для укрепления своего режима С. А. Ниязов предпринял ряд шагов, которыми он в дальнейшем отвечал критикам своей власти:

- в стране газ, вода, электроэнергия и соль предоставлялась населению бесплатно;
- цена за 1 литр бензина в зависимости от его сорта в переводе на доллары составляла от 1,7 до 3 центов (средняя заработная плата составляла 30–40 долларов в месяц) [10, л. 92].

Как и киргизы, туркмены разделены на кланы, не испытывавшие друг к другу большой любви. В советские времена в Туркменистане чуть ли не ежегодно происходили массовые драки между студентами-туркменами, представлявшими разные племенные группы. Автор, в то время живший и работавший в Туркменистане, был свидетелем таких драк в Туркменском сельскохозяйственном институте (1988) и Туркменском политехническом институте (1987). С. А. Ниязов стал «первым текинцем Ахала», возглавившим республику с 1951 г. Но характер его отношений с кланами отличался от практики А. А. Акаева.

Своим возвышением он был обязан не клану, а своей работе в партийном аппарате за пределами республики. Поэтому особой обязанности клану он не испытывал. С. Ниязов, принявший титул «Туркменбаши» (Глава туркмен), оказался как бы над клановой принадлежностью. Всё в стране было подчинено правилу личной преданности президенту. Неожиданно для многих это правило сработало в пользу прекращения межплеменных столкновений. Ему удалось сделать то, что не удавалось никому до него, в том числе и в советские времена — консолидировать туркмен в единую нацию.

Дабы не допустить появления соперника, он часто тасовал состав госаппарата. По подсчётам автора статьи, при С. Ниязове сменилось 53 заместителя председателя Кабинета министров. Редкий министр сидел на своём посту более полугода.

За то, что Туркменбаши не допустил межплеменную резню, туркмены были готовы простить ему почти всё, в том числе золотые памятники и оскорбления в прямом эфире. Хотя сам С. Ниязов, по нашему мнению, к туркменскому народу относился без уважения. Достаточно посмотреть на уровень жизни, здравоохранения и социального обеспечения рядовых граждан страны.

Таким образом, сравнивая внутреннюю политику двух режимов, можно сделать некоторые выводы. Ни один из исследуемых режимов не был подлинно демократическим. Как в Киргизии, так и в Туркмении после гибели СССР установились формы правления разной степени авторитарности, провозглашавшие свои страны демо-

кратическими. Но если в Туркмении народовластие лишь провозглашалось, то в Киргизии была реальная, но достаточно шаткая попытка управляемой демократизации общества, которая вышла из-под контроля из-за череды ошибок высшего руководства страны. По нашему мнению, в странах, в которых отсутствуют демократические традиции, их неосторожное насаждение приводит к нарушению традиций национальных (региональных), что неизбежно ведёт к конфликту власти и общества. Если демократизация общества по европейскому образцу всё же начинается, необходимо идти до конца. Традиционный межнациональным противоречиям власть должна противопоставить либо справедливое решение проблемы, либо решение, наиболее отвечающее интересам правительства. Поскольку понятие о справедливом решении у конфликтующих сторон разное, правительству остаётся второй вариант. При этом возникающие в ходе реформ проблемы необходимо решать сразу же. Во всех случаях центральная власть должна опираться на силу, способную противостоять любым возникающим угрозам и способную заставить недовольных действовать в рамках изначально декларированной политики.

Приходится признать, что А.Акаев нарушил все эти правила, которые ему вряд ли были не известны. При этом Акаев продемонстрировал слабость своей власти, и только ещё большая слабость его политических противников позволила ему продержаться у власти 14 лет. Президента-демократа лишили власти самым недемократическим путем.

Примером обратного является режим Сапармурата Атаевича Ниязова. Установив почти тоталитарный, совсем уж недемократический режим, он не стал ломать традиции, применял силу, заставляя недовольных подчиниться, но при этом явил миру пример стабильности режима, поколебать который не смогла неожиданная смерть его основателя.

Список источников

1. Абдрахманов А. Туркменистан: изменения конструкции государственной власти и политики // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 3. URL: https://ca-c.org.ru/journal/2007/journal_rus/cac-03/12.shtml (дата обращения: 12.01.2023).
2. Аскар Акаев: Америка убила киргизскую демократию // Newsland. URL: <https://newsland.com/post/4060986-askar-akayev-amerika-ubila-kirgizskuiu-demokratiyu> (дата обращения: 12.01.2023).
3. Базарбаев К. Жумагулов Б. Политические партии Кыргызстана: теория и практика. Бишкек, 2012. 140 с.
4. Баткенские события в Кыргызстане. 1999 г. // Арт-форум Litmotiv.com. URL: <https://litmotiv.com/kg/forum/index.php?topic/690-batkenskie-sobytiia-v-kyrgyzstane-1999-god> (дата обращения: 13.02.2023).
5. Бондар М. А. Клановый фактор в политической жизни Туркменистана // Большая игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии. 2014. № 2 (35). С. 21–35.
6. Дмитриева Е. Л. Политическая элита Туркменистана в постсоветский период // Россия и мусульманский мир. 2019. № 2. С. 49–56.
7. Договор между Российской Федерацией и Туркменистаном по урегулированию вопросов двойного гражданства. 23 декабря 1993 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/8306469> (дата обращения: 13.02.2023).

8. Закурдаева К. Страна потомственных диссидентов. Национальные движения в республиках накануне распада СССР. Ч. 7: Туркменистан // *Настоящее время*. URL: <https://www.currenttime.tv/a/ussr-turkmenistan/31707540.html> (дата обращения: 13.02.2023).
9. Интервью Президента Туркменистана Сапармурата Ниязова Независимой газете (27 октября 1999 г.) // *Внешняя политика нейтрального Туркменистана*. Речи, выступления и интервью Президента Туркменистана. Ашхабад, 2001. 211 с.
10. Интервью Президента Туркменистана Сапармурата Ниязова газете *Central Asian News* (октябрь 1999 г.) // *Внешняя политика нейтрального Туркменистана*. Речи, выступления и интервью Президента Туркменистана. Ашхабад, 2001. 211 с.
11. Исакаева Г. Т. Конституционные референдумы в Кыргызстане // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2012. № 6 (91). С. 16–27.
12. Кадыров Ш. Х. «Нация» племен. Этнические истоки, трансформация и перспективы государственности в Туркменистане. М., 2003. 362 с.
13. Кадыров Ш. Х. Туркменистан: институт президентства в клановом постколониальном обществе // *Вестник Евразии*. 2001. № 2. С. 5–32.
14. Кадыров Ш. Х. Элитные кланы. Штрихи к портретам. М., 2009. 272 с.
15. Конституция Туркменистана. Ашхабад, 1992.
16. Конституция Туркменистана. Ашхабад, 2008.
17. Кулиев Ады. Туркменская элита — взгляд изнутри // *Стая*. URL: <http://www.ctaj.elcat.kg/tolsty/a/a063.htm> (дата обращения: 10.01.2023).
18. Кыдаралиев Б. М. Формирование и развитие политических партий в Кыргызстане // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2018. № 3. С. 107–110.
19. Мамараймов А. Аксыйская трагедия в Киргизии: Пеший мари как зеркало состоятельной власти // *Фергана*. Информационное агентство. URL: <https://www.fergananews.com/articles/5187> (дата обращения: 13.02.2023).
20. Ниязов сменил муфтия Туркменистана // *РИА*. URL: https://ria.ru/20030107/294892.html?chat_room_id=294892 (дата обращения: 13.02.2023).
21. Олкотт М. Б. Центральная Азия: перспективы смены власти // *Россия и мусульманский мир*. 2005. № 12. С. 66–89.
22. Олкотт М. Б. Второй шанс Центральной Азии. М., Вашингтон, 2005. 487 с.
23. Омаров Н. Кыргызская республика. Политика. Центральная Евразия — 2005 // *Аналитический ежегодник* — 2006. С. 232–238.
24. Панфилова В. Киргизия: Акаев усиливает борьбу с оппозицией // *Россия и мусульманский мир*. 2004. № 10 (148). С. 115–117.
25. Парламент Киргизии рассмотрит отставку Акаева // *Коммерсантъ*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/982533> (дата обращения: 13.02.2023).
26. Ситнянский Г. Ю. Киргизия: национальные проблемы, внутренние и внешние // *Центральная Азия и Кавказ*. 1998. № 15. URL: https://ca-c.org.ru/journal/1998/15-1998/st_08_sitnjansky.shtml (дата обращения: 10.01.2023).
27. Ситнянский Г. Ю. Отношения Севера и Юга Киргизии: история и современность. М., 2007. 21 с.
28. Ситнянский Г. Ю. Центральная Азия перед лицом «цветных революций» // *Россия и современный мир*. 2006. № 2 (51). С. 126–135.
29. Степанов Г. Аскар Акаев присвоил миллиард долларов? Американские спецслужбы начали охоту на родственников экс-президента // *Известия*. 2006. 1 ноября. С. 2.
30. Тодуа З. Кыргызстан: причины, уроки, возможные последствия падения режима Аскара Акаева // *Центральная Азия и Кавказ*. 2005. № 3 (39). С. 26–26.
31. Туркменбашу будет править до 2009 года // *Rus.delfi*. URL: <https://rus.delfi.ee/statja/10217244/turkmenbashi-budet-pravit-do-2009-goda> (дата обращения: 01.09.2022).
32. Чуприн К. В. Вооружённые силы Стран СНГ и Балтии: справочник / науч. ред. А. Е. Тарас. Минск, 2009. 832 с.
33. Gleason G. *The Central Asian States: Discovering Independence* // Boulder: Westview Press, 1997. 220 p.
34. Olivier Roy. *The new Central Asia. The Creation of Nations* New York, 2005, 222 p.
35. Rico Isaacs, Alessandro Frigerio. *Theorizing Central Asian Politics: The State, Ideology and Power*: Springer International Publishing, Palgrave Macmillan, 2019. 319 p.

Для цитирования:

Шамгунов Р.Г. Влияние выбора внутриполитического развития на внутреннюю безопасность в странах Центральной Азии в 90-е годы XX века (на примере Кыргызстана и Туркменистана) // Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 года. СПб., 2023. С. 314–323.

Мурзич Степан Дмитриевич | Murzich Stepan Dmitrievich¹

Олисов Владимир Витальевич | Olisov Vladimir Vitalievich²

Внешние и внутренние вызовы для Калининградской области времён поздней Перестройки и в первые постсоветские годы External and internal challenges for the Kaliningrad oblast during the Perestroika and the first years of Post-soviet transit

***Аннотация.** Реформы эпохи Перестройки и процесс смены власти имели особую специфику в каждом регионе. В этой связи особый интерес представляют особенности Калининградской области. Данный регион столкнулся с различными трудностями, повлиявшими на его дальнейшее развитие. Удалённость от основной части России и близость к европейским странам породили значительное количество экономических, политических и демографических проблем. Как российский «полуэкслав» прошёл через девяностые? В данной статье приводится комплексный анализ внутренних и внешних «вызовов», с которыми столкнулась Калининградская область в указанную эпоху.*

***Ключевые слова:** Калининградская область, Перестройка, вызовы, посткоммунистическая эпоха, полуэкслав.*

***Abstract.** The process of “perestroika” reforms and transition of power had unique specificity in each region. In this regard, some aspects of the Kaliningrad Region are of particular interest. During transit, this area faced various difficulties that affected its further development. Remoteness from the main part of Russia and proximity to European countries have generated a significant number of economic, political and demographic problems. How exactly did the Russian “exclave” get through the 90’s? This article provides an integrated analysis of the internal and external “challenges” that the Kaliningrad Region faced in this era.*

***Keywords:** Kaliningrad oblast, Perestroika, challenges, post-communist transit, exclave.*

Перестройка, эпоха перемен и масштабных изменений, является одним из важнейших явлений XX в., определивших судьбу Советского Союза и России в целом. Тем не менее, для полноценного осмысления произошедших событий необходимо не только рассматривать Перестройку в контексте влияния на российскую государственность в целом, но также уделять особое внимание различным процессам, происходившим на региональном уровне. В этой связи особый интерес для исследователей может представлять судьба

¹ СПбГУ, ф-т международных отношений, III курс бакалавриата. St. Petersburg State University, the 3rd year of Bachelor’s degree.

² СПбГУ, ф-т международных отношений, III курс бакалавриата. St. Petersburg State University, the 3rd year of Bachelor’s degree.

Калининградской области — поистине уникального региона России, который выделяется рядом исключительных характеристик.

Отошедший к СССР по итогам Второй мировой войны Калининград (в прошлом Кёнигсберг), равно как и прилегающая к нему территория, столкнулся со значительным политическим, экономическим, социальным и культурным обособлением, превратившим его в поистине уникальный субъект не только в рамках Советского Союза, но и всего Балтийского региона. Более того, с дезинтеграцией СССР исключительность региона только укрепилась благодаря его фактически превращению в полуэкслав — Калининградская область отделена от России территориями Польши и Литвы.

Отталкиваясь от вышеизложенных фактов, можно сделать логический вывод о наличии в Калининградской области ряда особых вопросов, в сущности являющихся вызовами для федерального и регионального правительств во времена Перестройки и в первые годы существования РФ. Исследование этих вопросов поможет сформулировать определённые фундаментальные проблемы, которые в той или иной степени задали вектор для развития региона или же для его стагнации, а также влияют на ситуацию в разных сферах общественной жизни Калининградской области. Для наибольшего структурного удобства в данной работе «вызовы» подразделяются на «внутренние» и «внешние».

Во времена Перестройки и в первые годы посткоммунистической эпохи политическая ситуация в Калининграде слабо отличалась от такового в других регионах России с точки зрения политической повестки. Население Калининградской области по своей этнической принадлежности было преимущественно русским, поэтому значительного запроса на политический суверенитет региона не наблюдалось. В целом политические проблемы проявлялись в «культурном шоке» и отсутствии общей национальной идеи в ходе смены власти [11].

Предположения о политической ориентации жителей Калининградской области формулируются на основании электоральной статистики. В частности, данные референдума марта 1991 г. свидетельствуют о большей заинтересованности жителей Калининградской области в сохранении Советского Союза в сравнении с другими регионами РСФСР (76,46% против 71,3% в среднем по стране) [7]. Данные по выборам Президента РСФСР 12 июня 1991 г. показывают, что (несмотря на победу в регионе) жители Калининградской области поддерживали Бориса Николаевича Ельцина в меньшей степени, чем по стране (39,09% в регионе и 57,30% в среднем по стране), и в большей степени, чем по стране в целом, доверились Николаю Ивановичу Рыжкову (23,77% в регионе и 16,85% в среднем по стране) [8]. Это свидетельствует о значительном недовольстве калининградцев общим вектором политики государства в эпоху распада СССР. Данная тенденция сохраняется к следующему электоральному циклу и подтверждается данными Всероссийского референдума 25 апреля 1993 г.:

если количество поддержавших Б. Н. Ельцина примерно соответствовало среднему значению по России (60,3% против 58,67%), то количество одобрявших общий курс правительства было в значительной мере ниже средних показателей по стране (37,7% против 53,05%) [6]. Таким образом, можно утверждать, что с политической точки зрения большинство калининградцев были в достаточной степени не удовлетворены проводимыми в государстве реформами.

Кроме того, для полноценного освещения политической ситуации в регионе стоит упомянуть идеологические позиции калининградских сепаратистов, сформулированные в первые годы посткоммунистической эпохи. Главной политической силой, представляющей повестку регионального сепаратизма, становится «Балтийская Республиканская Партия» (БРП), официально зарегистрированная в 1993 г. БРП издавала собственную газету, разработала проект «Конституции Балтийской Республики» (в сущности, похожую на конституцию Татарстана), а также вынесла на повестку дня вопрос о переименовании Калининграда. Партия добивалась значительной автономизации региона, вплоть до выделения в границах области отдельной и суверенной Балтийской Республики. Однако особого успеха, равно как и значительной общественной поддержки, БРП добиться не смогла [12].

В сущности, Перестройку можно охарактеризовать как попытку осуществить не только политическую, но и экономическую модернизацию. В этой связи процесс либерализации экономики именно Калининградской области притягивает к себе особое внимание. Эксперимент с созданием на территории области особой экономической зоны, инициированный Верховным Советом РСФСР в июле 1990 г., был непосредственно осуществлён с появлением Свободной экономической зоны (СЭЗ) «Янтарь» 3 июня 1991 г. В соответствии с распоряжением Председателя Верховного Совета РСФСР, в регионе вводился льготный налоговый и таможенный режим, упрощался порядок «экспортно-импортных операций», а также создавались условия, способствующие созданию и развитию предприятий (как советских, так и зарубежных) [5].

Тем не менее, практическая реализация «эксперимента» в значительной степени провалилась. Причиной тому является ситуация серьёзного политического и экономического кризиса, с которой столкнулась Россия в ходе дезинтеграции Советского Союза. По своей модели экономического устройства Калининградская область являлась субъектом-«интровертом» (т.е. субъектом, который полагается на дотации из федерального центра), поэтому вполне логично заключить, что его зависимость от стабильности и благосостояния Москвы была весьма велика. Кремль не располагал необходимыми для развития региона ресурсами и финансами, что нивелировало эффект от выгод, предоставляемых региону режимом СЭЗ, благодаря чему Калининградская область постепенно превращалась в «чёрную дыру» Европы [12].

За послесоветский период экономика региона пережила значительный «шок»: спад промышленного производства достиг 70%; сельское хозяйство столкнулось с 55% падением производства [9]. Ещё одним наглядным показателем экономической стагнации в Калининградской области служит падение торгового баланса: если в начале 90-х гг. XX в. экспорт в целом превалировал над импортом, то с 1995 г. ситуация радикально меняется, и импорт товаров в регион начинает сильно превосходить экспорт [3].

Во времена Перестройки (в особенности поздней) Калининград столкнулся с рядом демографических проблем, которые отразились на нём сильнее, чем на многих других субъектах РСФСР. В частности, за период с 1987 по 1991 г. в регионе отмечались резкое падение рождаемости и значительный рост смертности. Общий коэффициент рождаемости сократился с 16,2 до 11,8; общий коэффициент смертности — с 8,7 до 10. Тем не менее, в дальнейшем ситуация постепенно стабилизировалась, не в последнюю очередь благодаря масштабной миграции из других регионов России [4].

Кроме того, ситуация в Калининградской области в значительной степени осложнялась общей криминализацией и маргинализацией населения. Исследователи отмечают масштабный рост употребления наркотиков и алкоголя, распространения ВИЧ/СПИДА, проституции в регионе, что в целом соответствовало общим тенденциям по стране [11].

Для того чтобы определить внешнее влияние на решение «калнинградского вопроса» со стороны европейских государств, необходимо выделить несколько сторон, оказывавших влияние на его разрешение.

Во времена существования социалистического блока, Калининград был интегрирован в советскую экономику и являлся частью работающей системы логистики, связывавшей его со странами Восточной Европы, входившими в Организацию Варшавского договора. Механизмы дотаций из Москвы поддерживали регион на плаву и обеспечивали ему экономический рост. При крахе социалистической системы Калининградская область не могла не понести экономические потери. Одной из последних попыток нормализовать ситуацию было создание вышеупомянутой свободной экономической зоны «Янтарь» [5], существовавшей до 1996 г. Данная мера была одной из немногих, повлиявших на жизнь в регионе положительно.

В настоящем исследовании отметим три основных вектора международных отношений, которые определяли развитие региона после распада СССР — это Германия (для которой вопрос приобретения особого значения в связи с наличием в регионе немецкой диаспоры), Польская Республика и Балтийские государства — Эстония, Латвия и Литва. Прежде всего, их объединяло тяготение к интеграции со странами Западной Европы. Более того, с началом 90-х гг. активизировались различные ирредентистские движения на территории об-

ласти и за её пределами. Несмотря на «иностранное прошлое» региона, данные движения не находили широкой популярности.

Тем не менее, стремление стать участниками процесса европейской интеграции, роднящее перечисленных акторов, не мешало их конкуренции между собой за внутренние и внешние рынки Европы. Калининградская область с её специфическим, не до конца определённым статусом, не стала исключением.

Немецкий аспект «калининградского вопроса» в глазах многих был доминирующим из-за тесной связи региона с немецкой историей. В документах Потсдамской конференции 1945 г. речь шла о передаче региона под управление СССР «впредь до окончания решения территориальных вопросов при мирном урегулировании». Однако, на переговорах по объединению ФРГ и ГДР, германской стороной не выдвигалось требований касательно Калининградской области. Объединённая Германия впоследствии ставила целью [12] лишь поддержку более 5 тысяч немцев, проживавших в области. Выдвигались предложения по инвестициям, помощи в переезде российских немцев в область и поддержке немецкого языка. На официальном уровне ФРГ в рассматриваемый период никогда не выступала за аннексию Калининградской области, несмотря на наличие таких настроений в обществе.

Со стороны Польши [1] предпринимались [9] усилия наращивания экономического присутствия в регионе. Попытки выстраивания культурных связей ограничивались апелляцией к средневековому региону «княжеской Пруссии».

Следует отметить, что наибольшее внимание Калининграду уделяла Литва, поскольку из трёх прибалтийских государств только она имеет с областью непосредственную границу. Официально она признавала границы России, однако наличие литовских общественных организаций, целью которых являлась аннексия области, говорило о радикализме части населения. Одним из его выразителей был Витаутас Витаутович Ландсбергис, известный литовский националист. Однако во избежание обострения ситуации в Европе, реальных попыток аннексии не предпринималось. Данная идея представлялась также практически нереализуемой ввиду затруднительности в интеграции региона с миллионным населением в составе Литвы, население которой не превышало пяти миллионов. С такой проблемой неизбежно столкнулась бы любая держава, если бы предприняла попытку аннексии, поэтому подобные идеи не были популярными в кругах элит, принимающих решения.

Таким образом, можно сделать вывод, что страны выбрали путь мирного инвестирования в регион, в немалой степени за счёт чего уровень жизни в нём существенно вырос за 90-е гг. XX в. Тем не менее, изменения в ситуации на международной арене, связанные с украинским кризисом, внесли свои коррективы в процесс регионального развития: после начала Специальной военной операции тесно связанная экономически с регионом Литва начала расширять ограничения на

товарооборот, осуществляемый через Калининградскую область. Со стороны России попытки ввести запрет на наземный транзит некоторых товаров расцениваются как установление незаконной блокады. Всё это происходит на фоне общего усиления санкций со стороны ЕС, что позволяет сделать выводы о том, что сотрудничество становится всё более затруднительным [10].

Кроме того, весьма дестабилизирующий характер имеет позиция современной Литвы: в ноябре 2022 г. глава литовского МИД Габриэлюс Ландсбергис заявил, что транзит российских товаров через Литву противоречит интересам страны [2], что свидетельствует о явном пересмотре литовской позиции в отношении Калининграда после начала СВО на Украине в 2022 г.

После изложения результатов нашего погружения в тему исследования перейдём к итогам. По нашему мнению, проблемы, с которыми столкнулась Калининградская область во время Перестройки и первого десятилетия после распада СССР, были разрешены весьма выгодным для России путём. Результатом влияния внутренних и внешних факторов не стало отделение региона от России. Несмотря на экономическую нестабильность, посредством внутренних мер и сотрудничества с внешними партнёрами, логистические, экономические и социальные проблемы были тем или иным образом разрешены. Однако не будет лишним добавить, что ситуация в Калининградской области, как и в любом другом регионе, не являлась идеальной и имела не до конца решённые проблемы даже на момент конца девяностых. Так или иначе, все эти вопросы неразрывно связаны с ситуацией в России и всегда могут стать предметами для дальнейших исследований.

Список источников

1. Бородавкина Н. Ю. О тенденциях развития внешнеэкономической деятельности Калининградской области в 1992–2010 годах // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. 2012. № 3. С. 52–59.
2. Глава МИД: лоббей транзит российских товаров нарушает интересы Литвы // *Delfi agency*. URL: <https://www.delfi.lt/ru/news/politics/glava-mid-lyuboj-tranzit-rossijskih-tovarov-narushaet-interes-lytyv.d?id=91814945> (дата обращения: 05.02.2023).
3. Зверев Ю. М. Внешняя торговля Калининградской области: основные тенденции // *Вестник Российского государственного университета им. И. Канта*. 2009. № 3. С. 70–71.
4. Манкевич Д. В. Процессы демографического развития в истории Калининградской области: общероссийские тенденции и региональная специфика // *Балтийский регион*. 2022. Т. 14. № 3. С. 145–164.
5. О хозяйственно-правовом статусе свободной экономической зоны в Калининградской области: распоряжение Председателя Верховного Совета РСФСР от 3 июня 1991 года № 1356–1 // *Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР*. 1991. № 23.
6. Россия. Апрель. Референдум — 1993 // Интернет-портал «Электоральная география». URL: <https://www.electoralgeography.com/new/ru/countries/r/russia/russia-april-referendum-1993.html> (дата обращения: 15.09.2022).
7. Россия. Мартовский Референдум — 1991 // Интернет-портал «Электоральная география». URL: <https://www.electoralgeography.com/new/ru/countries/r/russia/russia-march-referendum-1991.html> (дата обращения: 15.09.2022).

8. Россия. Президентские выборы — 1991 // Интернет-портал «Электоральная география». URL: <https://www.electoralgeography.com/new/ru/countries/r/russia/russia-presidential-election-1991.html> (дата обращения: 15.09.2022).

9. Хлопецкий А. П., Федоров Г. М. Калининградская область: регион сотрудничества. Калининград, 2000. 730 с.

10. Lithuania widens curbs on Kaliningrad trade despite Russian warning // Reuters agency. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/lithuania-expands-restrictions-kaliningrad-trade-2022-07-11> (дата обращения: 05.02.2023).

11. Sukhankin S. A Story of One Unsuccessful “Island” Kaliningrad 1991–2010: from “Baltic Hong Kong” to the Center dependent entity // Universitat Autònoma de Barcelona, Tempo Devorado. 2014. Vol. 1. Iss. 1. P. 1–16.

12. Sukhankin S. Bridge to nowhere: Kaliningrad on geopolitical map between Russia and Europe // Universitat Autònoma de Barcelona, 2018.

Для цитирования:

Мурзич С. Д., Олисов В. В. Внешние и внутренние вызовы для Калининградской области времён поздней Перестройки и в первые постсоветские годы // Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 года. СПб., 2023. С. 324–330.

**Роль А. А. Собчака в урегулировании продовольственного кризиса в Ленинграде — Санкт-Петербурге
(июнь 1990 — май 1992 г.)**

**The role of A. Sobchak in the settlement of the food crisis
in Leningrad — St. Petersburg (June 1990 — May 1992)**

***Аннотация.** В статье рассматривается деятельность А. А. Собчака во время его пребывания на постах председателя Ленсовета и мэра Санкт-Петербурга, направленная на преодоление кризиса продовольствия в городе. Создана ретроспективная картина решения продовольственной проблемы органами власти города, проанализирована вовлечённость в данный процесс А. А. Собчака.*

***Ключевые слова:** Анатолий Собчак, Ленинград, продовольственный кризис, Ленсовет, мэр.*

***Abstract.** The article examines the activities of A. A. Sobchak during his tenure as chairman of the Leningrad City Council and Mayor of St. Petersburg, aimed at overcoming the food crisis in the city. The article also shows a retrospective picture of the solution of the food problem by the city authorities, analyzes the involvement of A. A. Sobchak.*

***Keywords:** Anatoliy Sobchak, Leningrad, food crisis, Leningrad City Council, mayor.*

В 2022 году со дня рождения Анатолия Александровича Собчака исполнилось 85 лет. А. А. Собчак — одна из фигур, одновременно важных как для поздней истории СССР, так и для современной истории России и Санкт-Петербурга. При этом некоторые аспекты его деятельности на высоких государственных постах до сих пор остаются нераскрытыми. Например, глубоко не изучена его роль в решении важнейшей проблемы перестроечного Ленинграда, который он возглавил, — продовольственного кризиса. Вместе с тем без рассмотрения вклада А. А. Собчака в разрешение этой проблемы невозможно полноценно оценить его работу на посту председателя Ленсовета и мэра Санкт-Петербурга.

Наиболее подробно решение продовольственной проблемы Ленинграда описано в воспоминаниях самого А. А. Собчака [9]. Также можно выделить воспоминания депутатов Ленсовета, таких как Александр Яковлевич Винников [3], Виктор Тихонович Сенин [7], Владислав Григорьевич Щербаков [18] и общую автобиографию, изданную депутатами Ленсовета XXI созыва [1]. Другими важными источ-

¹ СПбГУ, ин-т истории, 1 курс магистратуры.

St. Petersburg State University, Institute of History, the 1st year of Master's degree.

никами являются архивные материалы, такие, как стенограммы совещаний А. А. Собчака в должности председателя Ленсовета [14], его переписки с руководителями иностранных государств по гуманитарной помощи [15]. Ещё один важный источник по теме — материалы петербургских газет [4, 5, 10], которые в конце Перестройки уделяли повышенное внимание вопросам снабжения города продовольствием и личности А. А. Собчака. В историографии существуют работы, касающиеся личности А. А. Собчака в контексте истории Перестройки [2] и перестроечного Ленинграда [19], а также рассматривающие общие проблемы продовольственного снабжения Ленинграда [6, 11, 12, 13]. Указанную в названии статьи проблему частично рассматривали лишь Дарья Владимировна Шевченко [17] и Ольга Диомидовна Сафонова [8].

В марте 1990 г. одновременно с выборами в народные депутаты РСФСР прошли выборы в Ленсовет XXI созыва. Один из его депутатов, В. Г. Щербаков, вспоминал: «Новой власти, которой она на самом деле ещё не была, досталась страна с талонами на мясо, сахар, чай, водку, сигареты и даже мыло и карточками покупателя, которые позволяли приобретать товары только жителям данного региона» [18, с. 238]. К исполнению своих обязанностей на посту председателя Ленсовета А. А. Собчак приступил 6 июня 1990 г. [1, с. 10].

Новый Ленсовет не смог быстро наладить своё функционирование в условиях, когда промедление этих процедур было особенно болезненным. Исполком Совета был сформирован только к октябрю 1990 г. До конца июня состав исполкома оставался прежним, всё ещё коммунистическим, который и был во многом ответственным за продовольственный кризис [1, с. 11]. В июле — октябре 1990 г. при несформированном исполкоме вопросы снабжения города продуктами питания и другие важнейшие вопросы решали председатель и Президиум Ленсовета [1, с. 11], в обязанности которых входила, в первую очередь, координация работы Совета, а не управление городским хозяйством.

В начале работы второй сессии Ленсовета А. А. Собчак «охарактеризовал текущий момент как критический в жизни страны и города» [7, с. 297]. Он принял участие в формировании нового исполкома Ленсовета. А. А. Собчак убедил председателя исполкома Щелканова назначить Алексея Алексеевича Большакова на пост его заместителя и председателя плановой комиссии. А. А. Собчак считал его «опытным хозяйственником», который «лучше, чем кто бы то ни было в городе, знал состояние городского хозяйства и промышленности» [9, с. 140]. И вообще у Собчака был принцип набирать в свою команду самых эффективных, с его точки зрения, функционеров, не оглядываясь на их прошлое. Другие кадровые решения вызывали ещё большие вопросы. Кадровая политика А. А. Собчака вызывала споры среди депутатов, так как «на должность заместителя Главленплодоовощпрома рекомендован К. И. Кузнецов, осуждённый несколько лет назад за взятки в особо крупных размерах», а председатель Ленгоргагропрома

Сергей Юрьевич Покровский попал в скандал с закупкой крупных партий немецких сосисок по оптовым ценам, вдвое превышающим розничные цены этих сосисок в Германии [7, с. 297].

8 октября 1990 г. исполком был сформирован, но, по воспоминаниям депутатов, «логичной и законченной структуры исполкома не получилось» [1, с. 11]. Не получилось и слаженной работы между ним, председателем и Президиумом Ленсовета. На тот момент в городе не существовало чёткого разделения власти на законодательную и исполнительную. Депутат Винников писал: «В соответствии с советским законодательством Совет доминировал над исполкомом, что давало А.А. Собчаку вести себя с Щелкановым как начальник с подчинённым» [3, с. 212]. Собчак и его Президиум «постоянно подменял собой исполнительную власть в городе» [1, с. 11].

В ноябре 1990 г. запасы муки, крупы, мяса упали до рекордно низкой отметки. Их объёмы стали исчисляться уже единицами процентов от установленных нормативов и были практически исчерпаны [10]. На третьей сессии исполком так и не разработал необходимых документов о двухуровневой системе снабжения города. 16 ноября сессия приняла решение о введении на декабрь 1990 г. в городе единого талонного блока.

Введение талонной системы — критическая точка продовольственного кризиса в городе. Талонная система подорвала доверие избирателей, поскольку это была не только сверхнепопулярная мера, но и «существенное отступление от предвыборных обещаний» [3, с. 213].

В декабре 1990 — мае 1991 г. А.А. Собчак, осознав критичность положения, стал значительно слаженнее работать с органами власти города. По воспоминаниям А.Я. Винникова, в это время Совет, его председатель и исполком «при решении важных вопросов и в ходе взаимного противостояния всё время находили если не самые оптимальные, то во всяком случае удовлетворительные решения» и с каждым днём работали «всё успешнее и профессиональнее» [3, с. 229–230]. При содействии А.А. Собчака исполком в кратчайшие сроки наладил прямые связи с регионами и нашёл на предприятиях города товары, пригодные для бартерного обмена. В тех случаях, когда это было возможно, были предприняты меры для получения продовольствия из центральных фондов. Современники вспоминали: «...и, хотя цены не отпускали, а поднимали административным путём, голод в городе всё-таки не начался, и зиму 1990–1991 годов ленинградцы перезимовали не хуже, чем зиму 1989–1990 годов» [3, с. 230].

Именно зимой 1990 г. А.А. Собчак, используя свой авторитет на международной арене, обратился к миру с просьбой помочь Ленинграду. С этого момента он стал во главе кампании привлечения в город гуманитарной помощи. Также председатель Ленсовета сыграл ключевую роль в создании системы компетентного и быстрого распределения данной помощи среди граждан. Система опиралась, главным образом, на районных депутатов. В итоге за 1991 г. в север-

ную столицу поступило 56,1 тыс. тонн продовольственной гуманитарной помощи [8, с. 5]. При этом в Москву за тот же период поступило 136,7 тыс. тонн.

В начале 1991 г. талонная система была смягчена. С февраля яйца и соль стали реализовываться без талонов. В целях совершенствования работы талонной системы в феврале 1991 г. была образована депутатская комиссия по контролю за движением продовольствия [1, с. 13]. Тогда же была сформирована рабочая группа исполкома по реформе ценообразования и социальной защиты населения [14, л. 22].

В марте 1991 г. центральная власть решила повысить цены, установив на основные виды продовольственных товаров единые пределы повышения. В этих условиях Ленсовет принял решение создать Ленинградский городской фонд социальной защиты населения. Сессия Ленсовета поручила исполкому ежемесячно производить расчёт индекса стоимости минимальной потребительской корзины и выплачивать компенсации самым социально уязвимым слоям населения [5].

Однако несмотря на слаженную работу, многочисленные противоречия между А. А. Собчаком и депутатами сохранялись. Во многом по этой причине Собчак был одним из главных сторонников «сильной и не зависимой от меняющегося настроения, капризов и фракционной борьбы депутатского корпуса» [9, с. 143] исполнительной власти. В этом вопросе он смог победить оппозицию в Ленсовете. Решение о проведении выборов мэра было принято с разницей в два голоса [9, с. 148].

Высокий результат А. А. Собчака на мэрских выборах в 66,1% избирателей свидетельствовал, что ленинградцы по-прежнему доверяли ему, не связывали с ним усиление продовольственного кризиса, положительно оценивали его роль в решении этой проблемы. При этом экономическую политику Ленсовета в начале 1991 г. одобрял только 41% населения [4].

Со вступлением Анатолия Александровича в должность мэра города все основные хозяйственные вопросы, в том числе и по продовольственному снабжению, перешли к мэрии. Теперь на него были возложены достаточные полномочия и большая ответственность, а Ленсовет получал контроль над исполнительной властью, мэр был ей подотчётен.

Летом 1991 г. А. А. Собчак самостоятельно сформировал структуру местной администрации, не внося её на утверждение сессии Ленсовета и руководствуясь только постановлением Президиума Верховного Совета от 8 июля 1991 г. [17, с. 109]. В мэрии сформировался продкомитет, на должность его главы А. А. Собчак назначил бывшего председателя Ленгорагропрома С. Ю. Покровского.

Конфликт Петросовета и мэра, оказавшихся теперь в разных ветвях власти, продолжился во второй половине 1991 г. Петросовет регулярно отменял распоряжения мэра как незаконные [18, с. 110].

В январе 1992 г. сессия Петросвета решила создать временную комиссию «по комплексной проверке деятельности мэрии Санкт-Петербурга для анализа законности и эффективности экономической и хозяйственной деятельности мэрии, в частности, решений, принятых по вопросам продовольственного снабжения и социальной защиты населения» [18, с. 112]. В 1992 г. депутаты начали обращаться в прокуратуру для проверки деятельности мэрии. Прокуратура проверяла деятельность председателя Комитета мэрии по торговле Олега Николаевича Шишкина, главы Продовольственного комитета Сергея Юрьевича Покровского, председателя чрезвычайного штаба по продовольствию Ильи Михайловича Баскина, «однако должностных преступлений не выявила» [18, с. 115].

К концу 1991 г. практически все республики СССР почти полностью прекратили поступление продовольствия в Санкт-Петербург [9, с. 154]. Поставки продуктов питания по импорту, составлявшие примерно треть поступающей в город еды, из-за нехватки валюты также прекратились. «В первой декаде декабря 1991 года в город не поступило ни одного килограмма мяса» [9, с. 155]. Санкт-Петербург оказался перед угрозой реального голода. Происходило это, в первую очередь, по причине центробежных процессов в самом Союзе. Усилиями Собчака был разбронирован неприкосновенный государственный запас мяса, откуда было взято 30 млн. условных банок тушёнки, что обеспечило город данным видом продовольствия до поступления очередной партии гуманитарной помощи.

Собчак снова обратился к правительству США и руководству ведущих европейских стран с просьбой оказания России крупномасштабной продовольственной помощи. Он лично вёл переговоры с президентами Джорджем Бушем и Франсуа Миттераном, премьер-министром Джоном Мейджором и экс-премьером Маргарет Тэтчер, федеральным канцлером Гельмутом Колем, убеждая их «при направлении гуманитарной помощи Советскому Союзу или продаже продовольствия под выделенные кредиты предусмотреть квоту продовольствия, направляемого непосредственно на нужды Санкт-Петербурга» [15, л. 1]. В итоге в первую неделю января 1992 г. Санкт-Петербург получил 21,4 тыс. тонн продовольствия, что составило 80% поступившей в РСФСР продовольственной гуманитарной помощи [8, с. 105]. Для сравнения: Москва получила за тот же период 0,5 тыс. тонн продовольствия.

Перед органами власти Санкт-Петербурга встала задача обеспечения контроля за распределением поступающей в город гуманитарной помощи. Данная система в кратчайшие сроки была создана. Сам А. А. Собчак отмечал, что «по отзывам комиссии ЕЭС, которая в это время постоянно работала в городе, это была наиболее продуманная и эффективная система приёма и распределения продовольственной помощи среди всех городов России» [9, с. 156]. Активное участие в этой работе принимали депутаты Ленсовета.

С начала 1992 г. экономика страны и Санкт-Петербурга переходила к рынку. Либерализация цен при всей непопулярности позволила наполнить магазины продовольствием, вследствие чего кризис был преодолён. Главной целью мэрии в тот момент было смягчение последствий невероятно быстро растущей инфляции. А.А.Собчак предлагал сохранить низкие цены на основные продукты питания до момента отказа от талонной системы. Депутаты Ленсовета настаивали на адресной помощи категориям нуждающихся, как это уже было отработано в 1991 г. Как свидетельствовал Собчак, в этом вопросе между ним и Ленсоветом разгорелся «один из самых больших конфликтов» [9, с. 157] за годы совместной работы. В итоге был принят план А.А.Собчака, но при этом было решено выплатить пенсионерам и бюджетникам города денежные компенсации [1, с. 17]. «Зимой 1991 года и весной 1992 года Петербург имел самые низкие цены на хлеб в России, в два и более раза ниже, чем в Москве» [9, с. 158]. При этом проводилась данная политика за счёт огромных дотаций предприятиям, производящим данную продукцию [1, с. 17].

В итоге с 1 мая 1992 г. в Петербурге была отменена талонная система. Кризис можно считать преодолённым, однако это не помогло рейтингу мэра. В 1992 г. деятельность А.А.Собчака, по закрытым опросам, в целом устраивала лишь 15,2%, отчасти — 27,6%, не устраивала — 41,5% опрошенных петербуржцев [16, л. 72]. Рейтинг политика со времён выборов мэра серьёзно упал. Происходило это, во-первых, из-за того, что положение с продовольствием, как и материальное положение населения, всё равно оставалось тяжёлым, а, во-вторых, потому что стоящие во главе центральной и местной власти личности в тот момент были непопулярными как в городе, так и в стране: за вторую половину 1991 г. многие из них утратили часть доверия избирателей.

Таким образом, можно сделать вывод, что безотносительно оценок, А.А.Собчак сыграл важнейшую роль в преодолении продовольственного кризиса северной столицы в 1990–1992 гг. Степень вовлечённости А.А.Собчака в этот вопрос была очень большой на протяжении всего этого периода. Именно он со своим Президиумом до формирования исполкома Ленсовета брал на себя их основные обязанности в продовольственном и других вопросах. Именно он играл ключевую роль в формировании исполкома. После разграничения законодательной и исполнительной власти в городе роль Собчака ещё сильнее возросла. Большое количество решений по продовольственной проблеме он принимал, уже не оглядываясь на Совет.

Если же говорить об оценке роли А.А.Собчака в решении продовольственного кризиса, то она весьма неоднозначна. Главные положительные результаты его деятельности — поступление в город большого количества гуманитарной продовольственной помощи, что было решающим фактором в преодолении голодной зимы 1991–1992 гг., а также создание эффективной системы социальной защиты населения города в период повышения цен и инфляции. Главными

отрицательными результатами следует считать его спорную кадровую политику в ведомствах, отвечающих за продовольствие, во время председательства исполкомом Ленсовета и, в особенности, мэрией Санкт-Петербурга, а также отсутствие слаженной работы с депутатским корпусом Ленсовета ввиду конфликтности и склонности к всевластию. Во многом отсутствие таковой работы и привело город к введению талонной системы.

Список источников

1. Автобиография Петербургского Горсовета (Ленсовета XXI созыва), 3 апреля 1990–21 декабря 1993 г. СПб., 2005. 708 с.
2. Бардин А. Б. Начальный этап политической деятельности А.А. Собчака (январь 1989 — май 1990 гг.) // *Ветер Перестройки — 2021 / отв. ред. А. Д. Матлин СПб., 2022. С. 181–188.*
3. Винников А. Я. Цена свободы. СПб., 1998. 655 с.
4. Гавра Д. Как ни важны политические баталии, но проблемы хлеба насущного волнуют людей куда больше // *Ленинградская правда. 1991. 3 января. С. 2.*
5. Долгопятова Е. Надеемся на помощь, и сам не плошай // *Ленинградская правда. 1991. 28 февраля. С. 2.*
6. Карнаухов С. Похороны еды: заметки о продовольственной корзине 1990 года // *Новое литературное обозрение. 2007. № 84. С. 634–652.*
7. Сенин В. Т. Признание в соучастии. СПб., 2004. 449 с.
8. Сафонова О. Д. Характер изменений социального законодательства в Ленинграде (Санкт-Петербурге) с 1990 по 1993 год // *Вестник СПбГУ. Серия 6. 2012. № 1. С. 106–117.*
9. Собчак А. А. Из Ленинграда в Петербург: путешествие во времени и пространстве. СПб., 1999. 216 с.
10. Торговля умирает первой // *Ленинградская правда. 1991. 8 марта. С. 3.*
11. Халимочкин В. С. Деятельность Ленсовета XXI созыва по преодолению продовольственного кризиса в Ленинграде // *Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра / под ред. С. И. Бугашева, А. С. Минина. Т. 3. СПб., 2021. С. 703–709.*
12. Халимочкин В. С. Продовольственное обеспечение Ленинграда-Санкт-Петербурга в период перестройки // *Ноябрьские чтения — 2020 / отв. ред. Р. А. Шумяков СПб., 2021. С. 347–351.*
13. Халимочкин В. С. Роль продовольственного кризиса периода перестройки в распаде СССР (на примере ситуации в Ленинграде) // *Ветер Перестройки — 2021. СПб., 2022. С. 335–343.*
14. ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 63. Д. 231. Стенограммы рабочих совещаний председателя Ленсовета А. А. Собчака и документы к ним за 1991 г. 166 л.
15. ЦГА СПб. Ф. 8105. Оп. 2. Д. 58. Джону Мейджору — премьер-министру Великобритании о продовольственной помощи Санкт-Петербургу. 2 л.
16. ЦГА СПб. Ф. 8105. Оп. 2. Д. 71. Иностранных компаний по вопросу торгового и экономического сотрудничества. 85 л.
17. Шевченко Д. В. Ленсовет — Петросовет XXI созыва: образование и деятельность, 1990–1993 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2016. 199 с.
18. Щербаков В. Г. По дороге, идущей из детства. СПб., 2008. 141 с.
19. Matlin A. D. Galiukevich A. P. Anatoly Alexandrovich Sobchak in the context of the return of the historical name of St. Petersburg // *Теория права и межгосударственных отношений. 2021. Т. 1. № 2. С. 373–379.*

Для цитирования:

Халимочкин В. С. Роль А. А. Собчака в урегулировании продовольственного кризиса в Ленинграде-Санкт-Петербурге (июнь 1990 — май 1992 гг.) // *Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 года. СПб., 2023. С. 331–337.*

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
INTERNATIONAL RELATIONS

Заикина Ирина Алексеевна | Zaikina Irina Alekseevna¹
 Кушхов Борис Хабижевич | Kushkhov Boris Khabizhevich²

Процесс демократизации 1980–1990-х гг. в социалистических странах: сравнительный анализ политического транзита в ЧССР и МНР

The process of democratization of the 1980s-1990s in Socialist countries: a comparative analysis of political transit in the Czechoslovak Republic and the Mongolian People's Republic

Аннотация. Исследование посвящено рассмотрению демократических преобразований в странах «социалистического лагеря» в качестве системного процесса. Для доказательства системного характера был изучен демократизационный опыт двух стран, максимально отличающихся друг от друга в плане культурно-религиозной принадлежности, уровне политического и экономического развития Монгольской Народной Республики (МНР) и Чехословацкой Социалистической Республики (ЧССР). В исследовании проводится пошаговый сравнительный анализ двух моделей, заключающийся в сопоставлении основных этапов событий, действующих акторов, принципах и идеях демократических революционеров. Сопоставление двух сценариев показало их значительное сходство наряду с их отличием от аналогичных процессов в СССР. Делаются выводы о значительной роли «советских сигналов» в активизации процесса, о естественном характере «созревания» демократического мировоззрения у граждан двух стран, а также о недооценке системного характера преобразований, который распространился на совершенно разные страны социалистического содружества. Подобный системный характер заключается, помимо единой модели иерархии СССР — страна социалистического лагеря, в формировании общей для всех социалистических государств того времени проблеме межпоколенного транзита власти, во влиянии глобального кризиса экономического развития, а также в становлении к 1980-м годам максимально схожих ценностно-мировоззренческих систем в совершенно разных «странах социализма».

Ключевые слова: демократия, социализм, МНР, ЧССР, политика.

Abstract. The study is devoted to the consideration of democratic transformations in the countries of the "socialist camp" as a systemic process. To prove the systemic nature, the democratization experience of two countries was studied that differed from each other as much as possible in terms of cultural and religious affiliation, the level of political and economic development — the Mongolian People's Republic and

¹ МГИМО МИД России, ф-т международных отношений, II курс бакалавриата. Moscow State Institute of International Relations, School of International Relations, the 2nd year of Bachelor's degree.

² Институт Востоковедения РАН, лаборант-исследователь; МГИМО МИД России, ф-т международных отношений, II курс магистратуры. Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Laboratory Researcher; Moscow State Institute of International Relations, School of International Relations, the 2nd year of Master's degree.

Czechoslovakia. The study provides a step-by-step comparative analysis of the two models, which consists in comparing the main stages of events, the acting "actors", the principles and ideas of democratic revolutionaries. A comparison of the two scenarios showed their significant similarity along with their difference from similar processes in the USSR. Conclusions are drawn about the significant role of "Soviet signals" in activating the process, about the natural nature of the "maturation" of the democratic worldview among the citizens of the two countries, as well as about the underestimation of the systemic nature of the transformations, which extends to completely different countries of the socialist community. Such a systemic character consists, in addition to a single model of the hierarchy of the USSR-Socialist bloc country, in the formation of a common problem for all socialist states of that time, the problem of intergenerational transit of power; in the influence of the global crisis of economic development, and also in the formation by the 1980s of the most similar value and worldview systems in a completely different "countries of socialism".

Keywords: *democracy, socialism, Mongolian People's Republic, Czechoslovakia, politics.*

Целью исследования является изучение демократических преобразований в странах социалистического лагеря в качестве единого системного процесса посредством выделения двух его местных «имплементаций», наиболее различных друг от друга по части условий протекания (МНР и ЧССР), и их дальнейшего сопоставления, а также рассмотрения особенностей транзита власти, степени изменения политической элиты и механизмов, через которые Перестройка в СССР влияла на ситуацию в странах.

Данная проблема изучалась, как правило, путём сопоставления моделей транзита различных европейских постсоциалистических стран (работы А. Д. Некипелова, М. С. Дявгалло, Э. Г. Задорожнюк, Н. И. Бухарина) или же посредством сравнительного анализа европейского типа «бархатной революции» с советским сценарием реформ (работы Реджинальд Роуза, Вадима Андреевича Медведева). При этом сравнение опыта европейских стран с неевропейскими членами социалистического лагеря с опытом транзита в Монгольской Народной Республике, в частности, позволит, по мнению авторов, существенно обогатить изучение «демократического транзита» рубежа 1980–1990-х гг. Таким образом, новаторский подход к проблеме позволяет рассмотреть процесс постсоциалистической трансформации в качестве системы политических, социальных и экономических преобразований, имевших место в нескольких совершенно разных культурно-этнических пространствах.

Исследовательский контекст: краткая справка о событиях рубежа 1980–1990-х гг. в Чехословакии и Монголии

Процесс демократизации в Монголии заключался в политической трансформации Народной Республики, представлявшей собой один из самых верных спутников СССР [3, с. 41], в современное

Государство Монголия, воспринимаемое международным сообществом как демократическое и нейтральное государство [13, с. 316]. Вяло текущие преобразования в 1988–1990 гг. [13, р. 49] сменились возникновением и развитием гражданского движения «Демократический фронт», который ценой митингов и ультиматумов в адрес ЦК [2, с. 35] добивается проведения первых в её истории демократических выборов [7, с. 29]. В 1990–1992 гг. состоялись выборы в национальный парламент — «Великий Хурал» [7, с. 31], а также избрание народом демократического президента страны [2, с. 51]. Эти мероприятия сделали возможным принятие национальной Конституции 1992 г., зафиксировавшей демократическую политическую систему в стране [13, с. 324]. Несмотря на отказ страны от социализма, МНРП сумела одержать победу на первых конкурентных выборах и до сих пор остаётся крупнейшей партией в стране [2, с. 92].

Процесс демократизации в Чехословакии заключался в политической трансформации Социалистической Республики, связанной с СССР общим коммунистическим прошлым, в современные демократические государства Чехия и Словакия. В конце 1980-х гг. вяло текущие преобразования сменились развитием гражданских движений «Общество против насилия» в Словакии и «Гражданский форум» в Чехии, которые с помощью митингов, выдвижения ряда требований в адрес ЦК и организацией студенческих демонстраций добивались проведения демократических парламентских выборов [4, р. 243]. В 1990–1992 гг. наблюдался завершающий этап политической реформы: состоялись первые свободные выборы в парламент, были приняты законы об объединении в политические партии и движения, а также произошло избрание народом демократического президента. Благодаря этим мероприятиям стало возможным принятие национальной Конституции 1992 г., зафиксировавшей демократическую политическую систему в стране, а также развитие парламентского типа республик в Чехии и Словакии [5, р. 250]. Несмотря на отказ страны от коммунизма, Большинство членов правительства и парламента были так или иначе связаны с коммунистической партией. Коммунистическая партия Чехии до сих пор остаётся крупнейшей партией в стране.

Сопоставление

Оба процесса, несмотря на совершенно различный культурно-этнический, географический и экономический контекст, представляются весьма схожими в целом ряде ключевых характеристик. Выделяются следующие сходства:

- Практически идентичные механизмы осуществления демократизации: неформальные дискуссионные клубы, которые из движения непартийного типа, фрагментируются на партии. В Монголии подобным движением был Монгольский Демократический Союз, возникший из нескольких неформальных клубов: «Новое поколение» и «Клуб

- молодых экономистов» [2, с. 34]. В Чехословакии оппозиционные демократические движения были представлены деятелями Народного фронта, «Гражданского форума» и «Общественности против насилия», вышедшими из диссидентских движений «Хартия-77». Эти массовые объединения граждан выступали с требованиями на мирных митингах и получили фактическое признание у правящих кругов МНР и ЧССР, в дальнейшем разделившись на полноценные политические партии (Монгольская Партия Национального Прогресса и Монгольская Демократическая Партия в МНР [2, с. 35] и Движение за Демократическую Словакию (ДЗДС) и Гражданской Демократической партии в Чехии [9, с. 10].
- Общенациональный характер процессов: участие широких категорий населения. Ключевыми деятелями были не маргиналы, а молодые представители интеллектуальной элиты [2, с. 39].
  - Прагматизм в экономических преобразованиях: отсутствие «неолиберального угара», учёт действительной экономической ситуации. Так, в Монголии так называемая группировка «чистых рыночников» проиграла сторонникам «социальной экономики» [2, с. 69]. В ЧССР же революционная элита «идей и ценностей» сменилась прагматической элитой интересов.
  - Мирный характер транзита и наличие упреждающих уступок со стороны коммунистических партий (КПЧ и МНРП). Несмотря на то, что у КПЧ их было меньше, а также имел место насильственный разгон демонстрации, стоит отметить более демократические стартовые позиции ЧССР (в силу некоторых преобразований, начатых ещё в 1968 г.).
  - В обеих странах не произошла маргинализация коммунистических партий и их функционеров, а в Монголии МНРП даже выиграла первые свободные выборы.
  - В обеих странах была принята формула «одновременно политического и экономического реформирования», что значительно отличает их от СССР (политика вперёд экономики) и КНР (экономика вперёд политики) [2, с. 47].
  - К числу существенных различий можно относить реакцию на процессы, происходившие в национальных меньшинствах, в также роль религиозных институтов. В ЧССР они принимали прямое участие в процессе, в то время как в МНР чрезмерно ослабленные в 1930–1950-е гг. позиции ламства исключили возможность активного участия духовных деятелей в демократической революции. В ЧССР словаки активно участвовали в переходе и получили независимость, в то время как алтайские казахи в Монголии были достаточно пассивны и не стали выдвигать требования даже политической автономии.

Таким образом, приходится констатировать значительное сходство в общих механизмах процесса демократизации в Монголии и Чехословакии. Совпадение основных этапов событий, мотиваций и происхождения основных действующих лиц, равно как и их взаимодействия, состоялось в двух странах, расположенных в разных регионах мира, принципиально отличных друг от друга в историческом, культурном и этническом планах. Даже неравный государственный опыт двух стран существенно отличался: в отличие от Чехословакии, которая до провозглашения ЧССР имела примерно двадцатилетний опыт демократического и республиканского правления [1, с. 13–15], «Пост-Цинская» Монголия имела только опыт «теократической монархии» [11, с. 8–44]. Почему же на разных концах «коммунистического мира» происходили настолько схожие процессы? Напрашиваются объяснения подобного феномена:

1. Значительные цивилизационно-культурные преобразования в странах социалистического лагеря во второй половине XX в.

За годы существования социалистического лагеря различия между западными и восточными, индустриальными и аграрными обществами значительно сократились — у населения созрели почти идентичные представления о «правильном» и «неправильном». Тезис о простом «заимствовании западного опыта» отвергается в силу достаточно умеренных программ экономических преобразований в обеих странах, а также из-за неравного уровня доступа их граждан к «западному опыту». Кроме того, идеи демократизации возникли далеко не в маргинальной, а в наиболее образованной и передовой группе населения стран [2, с. 47], что может характеризовать их как результат эволюции по большей степени социалистической мысли.

2. Провал первого «межпоколенного» транзита власти в соцстранах

Речь идёт о несостоятельности механизмов передачи политической власти, существовавших в социалистических странах. В Монголии и ЧССР в 1980-е гг. происходил переход власти между двумя поколениями руководящих кадров. Первое удерживало её ещё с зари формирования социалистических проектов, ориентированных на СССР. Не существовало качественного механизма для постепенного обновления и «воспроизводства» политической элиты ни в ЧССР, ни в Монголии. В результате, когда первое поколение стало физически стареть, оно было вынуждено уступить позиции новым поколениям более молодых лидеров, выдвинутых уже из внутренней среды, а не при содействии «Москвы». Из-за значительного несоответствия в возрасте и отсутствии «персонального патронажа» СССР, новое поколение имело совершенно другие взгляды на государственное устройство, желая при этом продержаться у власти не меньше предыдущего поколения. Последнее обстоятельство привело к образованию ещё одного разрыва уже внутри нового поколения: между молодой номенклатурой и молодой прогрессивной интеллигенцией.

3. Строгая и симметричная иерархия «СССР — социалистические страны». Ключевая роль «Московского фактора» в поддержании политического авторитета правящих партий стран социалистического блока

Политические преобразования, намеченные советским руководством в 1985–1987 гг., были восприняты населением всех стран — членов социалистического лагеря в качестве сигнала к достижению большей самостоятельности. В результате авторитет коммунистических партий стран социалистического блока начал неизбежно таять: ранее он всё более и более прочно опирался на «московский фактор», значимость которого в сознании граждан подкреплялась событиями 1956 г. в Венгрии и 1968 г. — в Чехословакии. Факт значительного схождения и хронологической параллельности процессов демократизации в Монголии и ЧССР говорит о глубокой зависимости руководства двух стран от позиции Советского Союза. Наличие строгой иерархии в системе «СССР — страны социалистического лагеря» подкрепляется и тем, что процессы демократизации в совершенно разных социалистических странах похожи друг на друга значительно больше, чем на аналогичные преобразования в самом СССР. Стало быть, оба процесса были реакциями на изменения в почти идентичных для ЧССР и МНР моделях отношений с СССР.

Выводы

Таким образом, данное исследование продемонстрировало значительное схождение процессов демократизации в двух совершенно разных странах. Причина этого кроется в системном характере как социалистического сообщества, так и самого процесса демократических преобразований, осуществляемых в нём. Дальнейшее изучение «демократических революций» в странах социалистического блока должно учитывать этот международный и трансграничный контекст данных событий, их прямую включённость в масштабные экономические и политические процессы, при этом уделяя должное внимание эволюции общественно-политической мысли «социалистического периода». Эпоха социализма не должна рассматриваться как нечто выпадающее из процесса движения народов к демократии: её нужно понимать как установление компромисса между демократическим развитием и внешнеполитическими обстоятельствами, при котором было возможно дальнейшее развитие общественной мысли в данном направлении. Понимание процессов демократизации в социалистических странах нуждается в значительном расширении.

Список источников

1. Водерников М. В. Особенности политической трансформации в постсоциалистических Чехии и Словакии // *Вишеградская Европа: сборник. № 4. 2020. 14 с.*
2. Гольман М. И. *Современная Монголия в оценках западных авторов. М., 2009. 192 с.*
3. Дэлэрга Б. *Демократические преобразования в Монголии на рубеже XX и XXI вв.: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2005. 169 с.*

4. Задорожник Э. Г. Экономические программы и политическая активность социал-демократов в Чехословакии // *Политические партии и движения Восточной Европы: Проблемы адаптации*. 1993. С. 241–279.
5. Задорожник Э. Г. *Партии и движения в Чехии: Структурная эволюция и проблема приоритетов // Политический ландшафт стран Восточной Европы середины 90-х годов*. М., 1997. С. 239–260.
6. Митупов К. Б.-М., Батмунх О. Монгольская демократия: краткий исторический очерк // *Вестник БГУ. Гуманитарные исследования Внутренней Азии*. 2018. № 4. С. 27–34.
7. *Политические элиты в Центральной и Восточной Европе: Проблемы переходного периода*. М., 1998. 168 с.
8. Щербакова Ю. А. *Политический плюрализм и демократическое развитие Чехии и Словакии (конец 80-х — 90-е годы XX в.)*. М., 2004. 127 с.
9. Щербакова Ю. А. *Политические элиты в бывшей Чехословакии и Чешской Республике // Институт научной информации по общественным наукам РАН*. № 2. 2017. С. 149–168.
10. Яскина Г. С. *История Монголии. XX век*. М., 2007. 448 с.
11. Bayasakh J. *Democracy establishment in Mongolia and its legacy to modern Mongolians*. Монгол улс ба хори орны гадаад бодлого (эмхэтгэл) (Монголия и внешняя политика соседних стран: сборник статей. Улаанбаатар, МУШУА, 2015. с. 315–328.
12. Holzer J., Mareš M. *Challenges to Democracies in East Central Europe*. *Routledge Advances in European Politics*. 2016.
13. Pringle J. *Glasnost Coming Back to the Mongolians // International Herald Tribune*. № 4. 28.08.1989. P. 47–86.

Для цитирования:

Заикина И. А. Кушов Б. Х. *Процесс демократизации 1980–1990-х гг. в социалистических странах: сравнительный анализ политического транзита в ЧССР и МНР // Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 года*. СПб., 2023. С. 341–347.

Курбанов Назар Исламович | Kurbanov Nazar Islamovich¹

Экономическая помощь Японии странам Центральной Азии в 1991–1997 гг.

Japan's economic assistance to the Central Asian States in 1991–1997

Аннотация. Будучи первой азиатской страной в ОЭСР и членом Комитета по содействию развитию, Япония внесла весомый вклад в укрепление экономик стран Центральной Азии. Данная тема актуальна, во-первых, потому, что внешняя политика стран Центральной Азии в целом и их отношения с Японией в частности в период их зарождения недостаточно исследованы в отечественной науке, а во-вторых, экономическая составляющая диалога Японии с регионом сформировала позитивный имидж этой страны, которым она пользуется до сих пор. Цель исследования — проанализировать уровень интенсивности экономической помощи Японии странам Центральной Азии и оценить его значение в формировании экономик новых независимых государств. В работе использованы методы экономического, геополитического и сравнительного анализа, а также мониторинга СМИ.

Ключевые слова: экономика, Япония, Туркменистан, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, газ, нефть.

Abstract. As the first Asian country in the OECD and a member of the Development Assistance Committee, Japan has made a significant contribution to strengthening the Central Asian economies. This topic is relevant in several aspects: firstly, the Russian science insufficiently studied the relations of the Central Asian countries foreign policy in general and their relations with Japan in particular in the 1990s. Secondly, it is the economic component of Japan's dialogue with the region that has formed a positive image of Japan, which it still uses to promote its interests. Therefore, the purpose of the study is to analyze the level of intensity of Japan's economic assistance to the countries of Central Asia and assess its importance in the formation of the economies of these states. The author uses methods of economic, geopolitical and comparative analysis, as well as media monitoring.

Keywords: economy, Japan, Turkmenistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan, gas, oil.

Распад Советского Союза и появление новых независимых государств, включая страны Центральной Азии стал для многих стран весьма неожиданным явлением. Российская Федерация в тот период не была заинтересована в сохранении своего влияния в странах Центральной Азии, наоборот, активно его сворачивала, стараясь

¹ МГИМО МИД России, ф-т международных отношений, IV курс бакалавриата.
Moscow State Institute of International Relations, School of International Relations, the 4th year of Bachelor's degree.

как можно быстрее присоединиться к интеграционным структурам Запада. Так, в 1993 г. Россия отключила страны региона от рублёвой зоны, поставив зарождающиеся финансовые системы этих государств в крайне затруднительное положение [2, с. 41], а также всячески старалась дистанцироваться от местных «недемократических» режимов [5, с. 98]. Всё это создавало возможности для других стран, таких как Турция, Иран, КНР, США, Индия и Япония, ускоренно разрабатывать свою стратегию по отношению к новым независимым государствам региона.

В данном исследовании речь пойдёт о начальном периоде зарождения и развития отношений между странами Центральной Азии и Японии (1991–1997 гг.), так как именно тогда произошло не только «знакомство» между страной восходящего солнца и новыми суверенными государствами, но и были заложены установки и приоритеты, которые до сих пор направляют политику японского государства в Центральной Азии. Позже, в 1997 г., Япония провозгласила политику «Дипломатии Шёлкового пути» по отношению к государствам региона. Начальный период, до 1997 г., на наш взгляд, незаслуженно остался в тени исследований. Поэтому цель настоящего исследования — проанализировать уровень интенсивности экономической помощи Японии странам Центральной Азии и оценить его значение в формировании экономик новых независимых государств в 1991–1997 гг.

Регион Центральной Азии не был знаком японскому обществу: послевоенная Япония никак не проявляла к нему интерес во времена существования СССР, воспринимая его только в контексте большой советской России. Более того, как указывает современный востоковед Ольга Алексеевна Добринская, при установлении межгосударственных отношений многие решения принимались в спешке из-за отсутствия должной информации о новых странах, да и в целом роль личностного фактора (буквально особого интереса какого-либо японского государственного деятеля к какой-либо стране) играла слишком большую роль [2, с. 58–66]. В то же время угроза дестабилизации постсоветского пространства, стремительно ухудшающаяся экономическая и гуманитарная обстановка в странах Центральной Азии, наличие нестабильного политического режима в Афганистане побуждали Японию (как и все страны Запада) реагировать соответствующим образом и оказывать помощь новым государствам.

Несмотря на то, что Япония до сих пор не выработала чёткой стратегии в отношении государств региона, ещё в 1990-х гг. при установлении отношений она сформулировала ряд целей своей политики в Центральной Азии. Главным приоритетом представляется обеспечение доступа к топливно-энергетическим ресурсам. Мутагар Фатыхович Нургалиев и Тимур Тулегенович Шаймергенов ещё в конце 2000-х гг. указывали, что Япония, импортируя нефть из стран Ближнего Востока, весьма нестабильного с геополитической точки

зрения региона, старается не только диверсифицировать поставки, но и обрести надёжных и стабильных партнёров в Центральной Азии [6, с. 148]. Конечно, в 1990-х г. такой процесс только начался, и большинство стран региона тогда не экспортировали нефть и газ в Японию. Тем не менее, именно тогда был заложен фундамент будущих довольно продуктивных отношений в этой области. Например, уже в 1993 г. Японская национальная нефтяная корпорация объявила, что начнёт полномасштабное изучение проектов по коммерческому производству нефти и газа в Туркменистане, Узбекистане и Казахстане [3, с. 39].

Не менее важной целью является доступ к редкоземельным металлам. Л. Манги констатирует, что Центральная Азия богата такими металлами, как скандий, иттрий, лантан, европий и другие, которые используются для производства высокотехнологичной продукции [12, с. 5]. Кроме того, нельзя не отметить поставки золота, серебра и других металлов в Японию из стран региона. Так, в 1995 г. 66,1% экспорта Казахстана в Японию приходилось на ферросплавы (41,7%) и титан (24,4%), 89,8% экспорта Узбекистана — на золото, а 50,7% экспорта Кыргызстана — на редкоземельные металлы [13].

Ещё одним фактором являлось желание Токио получить новых союзников. В условиях, когда Россия не стремилась сохранить и упрочить своё влияние в Центральной Азии, а другие игроки только разрабатывали чёткую политику в отношении стран региона, Япония продвигала свою модель экономического развития. Как отмечает Б. Сингх, Япония после окончания «холодной войны» постепенно пересматривает своё место в мире и основные доктрины своей политики, стремясь играть более весомую роль, всецело вовлекая свои экономические рычаги, параллельно наращивая военный потенциал [14, с. 49–64]. Япония, имея территориальные претензии к России (четыре острова Курильской гряды), а также стремление заполучить место постоянного члена в Совете безопасности ООН, нуждается в союзниках, которых очень сложно получить, не направив их развитие по японской модели. Образование новых независимых государств как раз предоставило Японии возможность осуществить свои планы. Это не могло не отразиться на взаимоотношениях со странами Центральной Азии.

Кроме того, обеспечение экономической стабильности Центральной Азии также являлось целью для Токио. Япония приложила немало усилий, чтобы помочь новым государствам смягчить шок от масштабных потрясений 1990-х гг. Например, в 1995 г. Япония заключила договор с Кыргызстаном о безвозмездной реконструкции государственной детской больницы, а позже открыла Японский центр в этой стране для продвижения японских образовательных стандартов [4, с. 71–76]. Подобные проекты реализовывались Японией по всему региону.

Таким образом, Япония с самого начала преследовала целую группу целей, как чисто экономических, так и связанных с полити-

ческой сферой. Но главная особенность заключается в том, что если в политике США наблюдался уклон в сторону либеральных тенденций, а КНР, наоборот, реалистических [7, с. 78–80], то Япония старалась сочетать в своих действиях и либеральные, и чисто практические шаги, что впоследствии оказало позитивное влияние на восприятие этой страны в регионе.

Институты экономического сотрудничества

Говоря об институтах экономической помощи Японии странам Центральной Азии, можно выделить целую группу структур:

Во-первых, это двусторонние визиты на высшем и высоком уровнях. Так, в 1992 г. после ознакомительного визита делегации во главе с заместителем министра финансов Т.Тино в Узбекистан, Кыргызстан и Казахстан, был фактически дан старт двусторонним экономическим отношениям. Как указывает О.А.Добринская, Тино, впоследствии возглавив Азиатский банк развития, не только не забыл страны Центральной Азии, но и активно симпатизировал Узбекистану [2, с. 53–54].

Во-вторых, это деятельность Межправительственных комиссий и комитетов по торговле-экономическому, техническому и научному сотрудничеству, которые до сих пор обеспечивают функционирование отношений между государствами на практике. Конечно, необходимо отметить, что сотрудничество развивалось довольно медленными темпами: например, в рамках японо-кыргызской комиссии с 1994 по 1996 г. стороны в целом согласовали только один инвестиционный проект [4, с. 55]. Тем не менее, в богатых ресурсами Узбекистане и Казахстане сотрудничество проходило гораздо динамичнее.

В-третьих, это механизм официальной помощи в целях развития (ОПР), который стал активно применяться в Центральной Азии. Для Японии механизм ОПР к концу 1990-х гг. оформился в разветвленную и высокоорганизованную сеть, которая включает в себя деятельность нескольких министерств и ведомств (от Министерства иностранных дел до Министерства финансов), а также профильных организаций. Среди профильных организаций необходимо выделить: (Агентства международного сотрудничества — JICA, Японский фонд содействия зарубежным странам и Экспортно-импортный банк (затем последние две структуры в 1999 г. были объединены в Японский банк международного сотрудничества — JBIC) [8, с. 54–56]. Кроме того, Япония увеличила (ОПР) Турции, чтобы та перенаправляла эти средства в Центральную Азию с целью недопущения радикализации и излишней исламизации региона [2, с. 65–66].

Таким образом, Япония ещё с 1990-х г. имела весьма разветвленную организационную базу для продвижения своих интересов в регионе — через механизмы двухстороннего и многостороннего сотрудничества разного плана Япония «закрепилась» в Центральной Азии как экономически, так и политически, а также внесла свой вклад в поддержание региональной стабильности.

Экономическая деятельность Японии в Центральной Азии

На первый взгляд может показаться, что Центральная Азия занимала весьма скромное место в японской внешней политике. О. А. Добринская приводит цифры, что до 1997 г. доля Центральной Азии в общем объёме японской ОПР составляла порядка 0,5% и в 1997 г. составила 145 млн. долларов [1, с. 97]. Более того, если обратиться к показателям товарооборота, то можно увидеть следующую картину (таб.).

Таблица²

Объём товарооборота Японии со странами Центральной Азии (тыс. долларов США) в 1995 г. и в 1997 г.

Страны региона	1995			1997		
	Импорт	Экспорт	Всего	Импорт	Экспорт	Всего
Казахстан	15,915	40,339	56,254	30,869	194,352	225,221
Кыргызстан	5,729	811	6,540	2,443	1,200	3,643
Таджикистан	384	19,930	20,314	1,813	1,231	3,044
Туркменистан	8,207	6,944	15,151	3,802	3,018	6,820
Узбекистан	81,087	100,534	181,621	56,163	35,951	92,114

Как видно из таблицы, уровень товарооборота Японии неуклонно возрастал только с Казахстаном, что говорит о взаимном интересе двух стран развивать отношения. Однако остальные государства Центральной Азии демонстрируют падение торговых оборотов. На наш взгляд, такую ситуацию можно объяснить не пониженным интересом японской стороны к региону, а кризисными явлениями, которые происходили на постсоветском пространстве (экономический кризис в России, разрыв прежних экономических связей, дистанцирование Узбекистана от России, масштабные разногласия между Туркменистаном и Россией по поводу поставок газа и т.д.). Всё это лишало новые государства дополнительных возможностей для развития.

Более того, если сопоставить данные JICA по льготным кредитам, то в 1997 г. доля стран Центральной Азии по льготным кредитам уже составляла 2,4%, что на, наш взгляд, ставит расчёт О. А. Добринской под сомнение. Более того, как видно из той же таблицы, объём помощи, а самое главное, доля стран Центральной Азии неуклонно растёт: 0,5% в 1995 г., 1,2% в 1996 г. и 2,4% в 1997 г. Такое положение дел, в свою очередь показывает, что Япония наращивала свою помощь постепенно, по мере укрепления суверенитета, финансового, политического, социального, экономического положения стран региона, а значит, Центральная Азия занимала отнюдь не периферийное положение в японской внешней политике.

² Рассчитано по данным World Integrated Trade Solution (WITS). URL: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/JPN/Year/1995/TradeFlow/Exportq> (дата обращения: 08.11.2022).

Кроме того, как указывает О. А. Добринская, именно благодаря Японии страны Центральной Азии начали получать ОПР, так как они все были включены в список развивающихся стран в 1992 г., а также именно благодаря активному лоббированию Японии этим странам было разрешено состоять сразу в двух банках — ЕБРР (Европейский банк реконструкции и развития) и АБР (Азиатский банк развития) и брать оттуда кредиты на весьма выгодных условиях [1, с. 91].

Что же касается непосредственной реализации программ ОПР, то, как указано в Ежегодном отчёте JICA за 1995 г., приоритетными направлениями являлись:

1. Поддержка перехода к рыночной экономике.
2. Предотвращение последствий стихийных бедствий и снижение масштаба экологических проблем
3. Поддержка социальной и экономической инфраструктуры региона [10, с. 88].

О. А. Добринская немного развивает весьма размытые формулировки официальных японских документов:

1. Транспортная и энергетическая инфраструктура.
2. Обучение человеческих ресурсов.
3. Безопасность, в том числе её социально-экономическое измерение.
4. Культурное сотрудничество [1, с. 97].

В рамках развития транспортной и энергетической инфраструктуры региона, уже на начальном этапе развития отношений (в 1995 г.) Япония заключила с Кыргызстаном соглашение о реконструкции аэропорта «Манас» [4, с. 71], а также выделила Казахстану льготный кредит на восстановление и усовершенствование железнодорожной ветки Алма-Ата — Актогай — Дружба (ныне Достык), которая ведёт в Китай [9, с. 4–1].

В рамках политики по обучению человеческих ресурсов, как указывает О. А. Добринская, с 1993 по 2019 гг. в Японию из Центральной Азии было отправлено 9668 стажёров, а из Японии в страны региона — 2587 специалистов [1, с. 98]. Кроме того, JICA в период 1993–1995 гг. были организованы «специальные курсы для Центральной Азии» (Special Central Asia Courses), на которых 300 слушателей узнавали о механизмах работы рыночной экономики, о необходимости защиты окружающей среды с акцентом на Центральную Азию и т.д. [10, с. 88]. Любопытно, что в годовом отчёте JICA от 1997 г. можно увидеть, что число слушателей возросло до 415 человек, причём эти люди были командированы в Японию [11, с. 94]. Что касается укрепления безопасности, то с самого начала японская сторона подняла проблему обмеления Аральского моря [10, с. 88], объявила об открытии Японского Центра и о реконструкции детской больницы в Кыргызстане (упоминались чуть выше — *прим. авт.*) и т.д.

Вместе с этим был заложен фундамент культурного сотрудничества: например, в Узбекистане в 1989, 1991 и 1993 гг. работала экс-

педиционная группа университета Сока и НИИ Искусствознания им. Хамзы, а в 1996–2001 гг. была организована совместная археологическая экспедиция в Дальверзин-тепе при посредничестве Фонда возрождения и защиты культуры и Института исследований Шёлкового пути [2, с. 310–311]. К тому же появление на карте нового региона, обладающего колоссальным пластом истории, не могло не вызвать интерес в академических кругах, поэтому фактически с первых лет существования новых государств японские учёные и деятели искусств, равно как и их коллеги из стран региона, начали организовывать совместные мероприятия, конференции, симпозиумы и т.д.

Таким образом, Япония была готова развивать сотрудничество не только в чисто экономической области, но и в политической, а самое главное — в гуманитарной (развитие человеческих ресурсов, культурный диалог). Всё это позволяет сделать вывод о том, что Центральная Азия была для японской дипломатии не чем-то второстепенным, а наоборот — по мере укрепления государств региона и стала возможной «Дипломатия Шёлкового пути», провозглашённая Японией в 1997 г.

Заключение

Подводя итог, необходимо заметить следующее. Во-первых, несмотря на все вызовы и проблемы, связанные с установлением дипломатических, экономических и иных отношений между Японией и Центральной Азией (например, недостаток информации о регионе и т.д.) с самого начала Япония стала преследовать целую группу целей и задач, которые во многом остаются неизменными до сих пор; причём если у стран Запада доминировали скорее либеральные установки, а у Китая — скорее реалистические, то цели Японии включали обе эти концепции.

Во-вторых, с самого начала Япония установила со странами региона как двусторонние, так и многосторонние контакты, и институты, которые позволили центральноазиатским государствам получать официальную помощь в целях развития от Японии, как напрямую, так и косвенно (через международные организации и даже через третьи страны).

В-третьих, анализ распределения выделенных средств показывает, что Япония, постепенно увеличивая объём помощи, фокусировалась не только на чисто экономической, но и на политической сфере, а также на гуманитарной составляющей с особым акцентом на развитие человеческих ресурсов — всё это не только позволило «закрепиться» в регионе, но и серьёзно улучшить свой имидж в глазах народов Центральной Азии, чем Япония пользуется до сих пор.

Список литературы

1. Добринская О. А. Роль официальной помощи развитию в стратегии Японии в Центральной Азии // *Вестник МГИМО-Университета*. 2020. 13(3). DOI 10.24833/2071–8160–2020–3–72–86–111

2. Добринская О. А. *Стратегия Японии в Центральной Азии: политическое, экономическое и культурное измерение* / отв. ред. Д. В. Стрельцов; Ин-т востоковедения РАН. М., 2020.
3. Добринская О. А. *Энергетическая дипломатия Японии и Центральной Азии // Япония — 2011: ежегодник.* М., 2011.
4. *Киругизу. Кайсацу тодзё коку кокубэцу кейдзай кёрёку касиридзу* (Киргизия. Серия публикаций по экономическому сотрудничеству по развивающимся странам) // *Дзадан ходзин кокусай кёрёку суйсин кёкай* (Фонд Ассоциации содействия международному сотрудничеству). 1997. № 4.
5. Мещеряков К. Е. *Эволюция российско-туркменского межгосударственного сотрудничества в 1991–1999 гг.* // *Клио.* 2013. № 2 (74).
6. Нургалиев М., Шаймергенов Т. *Новый трек Японской дипломатии в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ.* 2007. № 6 (54).
7. Парамонов В., Строков А., Столповский О. *Внешняя политика Китая в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ.* 2010. № 4.
8. Сафаров Д. Т. *Политика японской официальной помощи развитию (ОПР) на современном этапе // Вестник Белгородского юридического института МВД России.* 2007. № 2.
9. *Хэйсэй 20 нен энсяккан дзигё. Мониторингу хококусё* (Индонезия, Марэсия, Удзубукистан, Казафустан) (Достижения благодаря межгосударственным займам за период 1989–2009: отчёт по итогам мониторинга (Индонезия, Малайзия, Узбекистан, Казахстан) // *JICA, ОРМАС,* 2010.
10. *Japan International Cooperation Agency. Annual Report 1995. The Asian Region II. The Central Asian Region.*
11. *Japan International Cooperation Agency. Annual Report 1997. The Central Asian Region.*
12. *Mangi L. The Political and Economic Strategy of Japan towards Central Asia. Social Research Center, American University of Central Asia, Kyrgyzstan,* 2011.
13. *OECD. The Observatory of Economic Complexity. Exports, Imports and Trade Partners // Kazakhstan country.* URL: <https://oec.world/en/profile/country/kaz?yearSelector1=exportGrowthYear6> (дата обращения: 06.11.2022).
14. *Singh B. The Development of Japanese Security Policy: A Long-Term Defensive Strategy // Asia Policy.* no. 19, 2015. P. 49–64.

Для цитирования:

Курбанов Н. И. *Экономическая помощь Японии странам Центральной Азии в 1991–1997 гг.* // *Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всерос/ науч/ конф. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 года.* СПб., 2023. С. 348–355.

Мищенко Нина Сергеевна | *Mishchenko Nina Sergeevna*¹**Санкции США в отношении СССР: эволюция целей
и результаты, 1985–1991 гг.²****US sanctions against the USSR: the evolution of goals and results,
1985–1991**

***Аннотация.** Санкционная политика США в отношении СССР носила непрерывный характер после 1947 г. По окончании Второй мировой войны США стали самой развитой в экономическом и финансовом отношении державой мира и могли использовать санкции как инструмент давления на страны социалистического блока с целью ослабления международного авторитета СССР и снижения влияния советской системы. Политика санкций напрямую увязывалась с внутрисполитической обстановкой в СССР. Трансформация инструментов финансово-экономического давления в 1985–1991 гг., когда в СССР началась «перестройка» и стала заметна уязвимость советского режима, является значимой научной проблемой, поскольку её решение позволяет пролить свет на роль внешних факторов в крушении СССР. В ходе исследования было выявлено, что стратегические цели США в отношении СССР оставались неизменными даже после существенных изменений политической ситуации внутри СССР. Хотя некоторые санкции были отменены, ограничения продолжали сохраняться, так как США исповедовали стратегию разрушения СССР как системы.*

***Ключевые слова:** экономические санкции, США, СССР, «холодная война», М. С. Горбачёв, Р. Рейган, политика «дифференциации», социалистический блок*

***Abstract.** The US sanctions policy towards the USSR was continuous after 1947. After the Second World War, the United States became the most economically and financially developed power in the world and could use sanctions as an instrument of pressure on the countries of the socialist bloc in order to weaken the international authority of the USSR and reduce the influence of the Soviet system. The policy of sanctions was directly linked to the internal political situation in the USSR. The transformation of instruments of financial and economic pressure in 1985–1991, when "perestroika" began in the USSR and the vulnerability of the Soviet regime became noticeable, is a significant scientific problem, since its solution allows us to shed light on the role of external factors in the collapse of the USSR. The study revealed that the strategic goals of the United States in relation to the USSR remained unchanged even after significant changes in the political situation within the USSR. Although some sanctions were lifted, restrictions continued to persist, as the United States professed a strategy of destroying the USSR as a system.*

***Keywords:** economic sanctions, USA, USSR, Cold War, Mikhail Gorbachev, Ronald Reagan, policy of «differentiation», socialist bloc.*

¹ Младший научный сотрудник ф-та истории и политических наук Вятского государственного ун-та. Junior Researcher at the Faculty of History and Political Sciences of the Vyatka State University,

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22–28–01876.

Экономические санкции — это действенный инструмент давления, применяемый экономически мощными государствами для воздействия на внутреннюю или внешнюю политику других государств с целью изменения их государственного устройства или ослабления международной роли.

Соединённые Штаты Америки вышли из Второй мировой войны экономически доминирующей державой, занимавшей лидирующие позиции, как по объёму валового внутреннего производства, так и по научно-технологическому потенциалу. Они нередко становились единственным поставщиком товаров, необходимых для послевоенного восстановления и определявших конкурентоспособность целых отраслей производства и национальных экономик в целом. Им же принадлежала лидирующая роль в мировой финансовой системе. Указанные обстоятельства способствовали использованию санкций для давления на СССР и его союзников в годы «холодной войны».

Начиная с 1947 г. санкционное давление носило непрерывный характер. На протяжении более пятидесяти лет цели, методы, интенсивность санкционной политики в отношении СССР неоднократно менялись [14]. Торговые, финансово-экономические и научно-технологические ограничения применялись также против других социалистических государств, в отношении которых они, как правило, носили дифференцированный характер и, помимо прямых экономических эффектов ориентировались на «размывание» социалистического блока.

Цель данного исследования — проследить направленность американской политики санкций во второй половине 1980-х гг., определить, какие факторы повлияли на её эволюцию, а также выявить её результаты. Для этого использовались американские документальные коллекции (документы СНБ, ЦРУ и Государственного департамента США) а также документы Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ). В отечественной и американской историографии есть работы, посвящённые периоду Перестройки в СССР, внешней политике США и «холодной войне» в целом, политике санкций [15, 10, 8, 9, 7, 1], однако теме эволюции санкционного курса США в отношении СССР и её результатам в интересующий нас период (перед распадом СССР), уделено относительно скромное внимание.

Санкционная политика в 1970-х гг. напрямую увязывалась с внутренней политикой СССР и менялась в соответствии с ней. Например, с наступлением разрядки в начале 1970-х гг. торговые ограничения в отношении Советского Союза и его союзников были несколько ослаблены, но они были вновь ужесточены после ввода ограниченного контингента советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. В 1983 г. Р. Рейган утвердил Директиву NSDD-75, которая обосновывала целесообразность использования экономического давления в целях изменения внешней политики СССР и ограничения его военных возможностей. Центральным для этого документа стал тезис о порочности

и исторической бесперспективности советской системы как таковой. Директива ориентировала на отказ от сосуществования с СССР, чётко нацеливала на изменение его государственного строя, дискредитацию социализма, расшатывание советской системы через использование её внутренних слабостей.

Но политика санкций затрагивала интересы широкого круга американских производителей и поставщиков и со временем начинала сказываться на электоральных результатах партий во время президентских и парламентских выборов. Американская торговля с Советским Союзом упала почти на 60% с 1979 г. по 1980 г.: с 4,45 млрд. долларов до 1,96 млрд. долларов [15]. Бескомпромиссно санкционный курс неоднократно становился источником разногласий на переговорах с союзниками. Поэтому Рейган в ноябре 1982 г., чувствуя, что пришло время остудить риторику «холодной войны», объявил, что все санкции против компаний из Западной Европы будут отменены. Он объяснил изменение американской позиции тем, что США и союзники достигли соглашения по вопросу экспорта в СССР, которое предусматривало повышение учётной ставки по экспортным кредитам, ужесточение ограничений на продажу высоких технологий и координацию усилий по пресечению «советского промышленного шпионажа». После отмены американских санкций в течение полугодия европейские компании подписали новые контракты с СССР в нефтегазовой сфере на сумму более 1,5 млрд. долларов [8]. Сам Рейган 1984 г. также заявил о намерении добиваться расширения торговли с СССР.

Эта американская установка совпала с внутривнутриполитическими изменениями в СССР. В марте 1985 г. лидером СССР стал Михаил Сергеевич Горбачёв, который поменял внутривнутриполитический климат СССР. Он инициировал реформы, направленные на демократизацию политического режима. Торговое сотрудничество с Западом расширилось. В мае 1985 г. совместная американско-советская коммерческая комиссия собралась в Москве после семилетнего перерыва. В декабре 1985 г. более 400 американских бизнесменов отправились в Москву для консультаций [17].

За время пребывания Горбачёва у власти были сняты ограничения США на экспорт высоких технологий; Советскому Союзу был предоставлен статус наиболее благоприятствуемой нации и доступ к кредитам США, а также были декларированы гарантии против будущих торговых санкций США [11]. Однако вопрос экспорта технологий в американских политических кругах вызывал разногласия. Министерство обороны, как правило, конфликтовало с Министерством торговли, которое часто вступало в союз с Государственным департаментом. Военные при этом акцентировали риски, связанные с трансфером технологий и продажей высокотехнологичной продукции, в то время как Министерство торговли было более чувствительно к интересам американских бизнесменов. Тем не менее, часть ограничений со-

хранялась. Хотя в 1987 г. произошло смягчение американских правил контроля за поставками в СССР, вызванное желанием улучшить экономические показатели в сфере торгового дефицита США и внешнего долга, с появлением признаков стабилизации ситуации всё вернулось в прежнее состояние. США, в первую очередь, пытались ограничить доступ СССР к новейшим достижениям научно-технического прогресса. Рейган одобрил предложение о создании в ЦРУ Специального комитета по делам передачи технологий. На основании данных этого Комитета Белый дом стал последовательно пресекать утечку новейших технологий с Запада на Восток, либо прибегая к прямому давлению на правительства союзных государств, либо действуя через международный Координационный комитет по экспортному контролю (КОКОМ), который принял более ста рекомендаций администрации Рейгана относительно экспорта в страны советского блока [4, с. 98].

Во время визита с 29 мая по 2 июня 1988 г. Рональда Рейгана в Москву оба лидера подтвердили готовность подписать договор о сокращении СНВ на 50% [7, с. 19]. Горбачёв затронул вопрос о дискриминационных мерах в области торговли в отношении СССР со стороны США. Генсек справедливо указывал, что для СССР США создали «режим наибольшего неблагоприятствования», «пошлины на советские товары на американском рынке колеблются от 20 до 220 процентов», «поправка Джексона-Вэника завалила пути к развитию торговли» [3, с. 213]. Рейган на это ответил в традиционном духе: «Это связано с правами человека» [3, с. 23]. То, что ограничения сохранялись, можно проследить на конкретном примере. В 1989 г. немецкая фирма "Siemens" заключила сделку на миллиард долларов по продаже персональных компьютеров в СССР, а американской фирме "Atari" Министерство торговли запретило даже подачу заявки на получение экспортных лицензий для аналогичной сделки [18].

В некоторых сферах давление на СССР только усилилось. Во время разговора с Горбачёвым 9 февраля 1990 г. (уже при президенте Джордже Буше) американский государственный секретарь Джеймс Бейкер заявил: «...прямо сейчас мы анализируем правила КОКОМ и намерены пересмотреть их таким образом, чтобы, образно говоря, стены были выше, но их было бы меньше». При этом он добавил, что американский истеблишмент доверяет Горбачёву, но консерваторы обеспокоены тем, что СССР продолжает оказывать помощь Кубе, и это осложняет советско-американское сотрудничество [12].

В директивах для переговоров Министра иностранных дел СССР с Президентом США Дж. Бушом и Государственным секретарем Дж. Бейкером 4–6 апреля 1990 г. был сделан упор на то, что курс США остается политизированным — Координационный комитет по экспортному контролю сохраняет высокие экспортные барьеры на поставку товаров в СССР, что противоречило и духу, и букве договорённостей, достигнутых во время встречи лидеров двух государств на Мальте [5] (декабрь 1989 г.). Но во время Советско-американского

саммита в Вашингтоне с 31 мая по 2 июня 1990 г., где было подписано 24 документа, в основном, касающихся вопросов ограничения вооружений, американская рестрикционная политика оставалась по сути прежней. М. С. Горбачёв обратился к Дж. Бушу с просьбой предоставить СССР кредит на «преодоление внутренних трудностей» в размере примерно 20 млрд. долларов. Американский президент выдвинул несколько условий для возможного предоставления средств Советскому Союзу: прекращением помощи Кубе, принятие более гибкой позиции в германском вопросе, а также советскими экономическими реформами.

Тогда же, обсуждая возможность подписания торгового договора, необходимого СССР, Дж. Буш выдвинул принципиальное негласное условие, на выполнение которого Горбачёв согласился пойти: установление диалога с Литвой и нормализация с ней экономических отношений [1, с. 25]. Буш пожаловался Горбачёву, что ему трудно выступать с позиций поддержки Перестройки, в то время как Москва оказывает давление на Литву, но пообещал проявлять терпение, хотя лидеры литовской оппозиции сравнивают его с Чемберленом, умиротворителем Гитлера, «за то, что он поддерживает вас» (Горбачёва), а не великие американские принципы демократии и свободы [13]. Официально же была названа другая причина: ратификация не состоится до тех пор, пока в СССР не будет принято законодательство об эмиграции [2, с. 245–258]. В конечном итоге, как отмечает Владимир Олегович Печатнов, обещанная во время этих переговоров американская помощь «оказалась гораздо более скромной, чем ожидалось, и куда более «эгоистичной» — в том смысле, как сильно она была ориентирована на извлечение прибыли в будущем» [6].

В своей политике США на всём протяжении поздней советской истории продолжали чётко разделять страны Восточной Европы и СССР. В начале 1990 г. государства — участники Координационного комитета по экспортному контролю договорились о существенном расширении списка товаров, предназначенных для Восточной Европы, но сохранили для СССР более высокие экспортные барьеры в расчёте на дальнейшие внутренние реформы и уступки на международной арене [18]. Окончательно КОКОМ принял решение о частичной отмене ограничений на поставку товаров в СССР и страны Восточной Европы в мае 1991 г. До конца этого года перестали существовать СССР, СЭВ и Варшавский Договор. По сути, до распада СССР неизменной оставалась политика «дифференциации»: в Восточную Европу поступали товары, которые не были разрешены в СССР. Стратегические цели в отношении СССР администрации Рейгана и Дж. Буша-старшего оставались неизменными даже по мере существенных изменений политической ситуации внутри СССР. Об этом говорит тот факт, что, несмотря на многочисленные просьбы советской стороны, не была отменена поправка Джексона-Вэника к Закону о торговле 1974 г. [16], [10, с. 7]. Используя разно-

образные санкционные режимы в отношении СССР, Соединённые Штаты широко использовали манипулятивные техники, среди которых всё более видное место занимали действия, направленные на поддержку оппозиционных настроений и «приручение» новых элит, формировавшихся в России и на территориях будущего постсоветского пространства.

Список источников

1. Барсенков А. С. «Новое мышление» во внешней политике СССР (1985–1991) // *Вестн. Моск. ун-та. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*. 2012. № 1. С. 39–70.
2. Буш Дж., Скоукрофт Б. *Мир стал другим*. М., 2004. 504 с.
3. Из беседы с Рональдом Рейганом Москва, 31 мая 1988 года // *Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. По записям бесед Горбачёва с зарубежными деятелями и другим материалам*. М., 2010. С. 212–215.
4. *Лидер на фоне эпохи. Традиции и новации современного политического лидерства в странах Запада* / Л. С. Окунева, В. О. Печатнов, Н. К. Капионова [и др.] / под ред. Л. С. Окуневой. М., 2022. 660 с.
5. *О директивах для переговоров Министра иностранных дел СССР с Президентом США Дж. Бушем и Государственным секретарем Дж. Бейкером (Вашингтон, 4–6 апреля 1990 г.)*. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 009. Д. 100. Л. 10.
6. Печатнов В. О. 2006. «Любовь-горечь» к Америке // *Международные процессы*. 2006. № 1. С. 30–39.
7. Польшов М. Ф. *Отношения с США во внешней политике М. С. Горбачёва в годы Перестройки. 1985–1991 гг.* // *Общество. Среда. Развитие*. 2016. № 2. С. 14–21.
8. Приходько О. В. *Санкционная политика США против России: исторический опыт и современность // США и Канада: экономика — политика — культура*. 2022. Вып. № 9. С. 5–22.
9. Сидоров А. А. *Особенности современного протекционизма США и ЕС в отношении России* // *Вестник МГИМО-Университета*. 2022 15 (4).
10. Юнзблюд В. Т., Ильин Д. В. 2020 *Поправка Джексона-Вэника и развитие советско-американских отношений в 1972–1975 гг.* // *Вестник МГИМО-Университета*. № 13 (2). С. 7–39.
11. Becker A. S. *US-Soviet Trade in the 1980s*. 1987. 26 p.
12. Document No. 119: *Record of Conversation between Mikhail Gorbachev and James Baker, February 9, 1990* Translation de Anna Melyakova. P. 675–684.
13. Document No. 15. *Record of Conversation, M. S. Gorbachev and G. Bush, Washington D. C., The White House [First One-on-One, excerpts]*. May 31, 1990 // *National security archive*. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/russia-programs/2020-06-02/washington-camp-david-summit-30-years-ago> (date of application: 20.09.2022).
14. *Embargoes and Sanctions — Cold war sanctions* // *American foreign relations*. URL: <https://www.americanforeignrelations.com/E-N/Embargoes-and-Sanctions-Cold-war-sanctions.html> (date of application: 20.09.2022).
15. Garthoff R. L. *Détente and Confrontation. American-Soviet Relations from Nixon to Reagan*. Washington, 1985. Harold E. Rogers. *Glasnot and Perestroika: An Evaluation of the Gorbachev Revolution and Its Opportunities for the West*, 16 *Denv. J. Int'l L. & Pol'y* 209 (1988). P. 209–246.
16. *Gorbachev to Press Arms Cut at Talks* // *The Washington Post*. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1989/11/30/gorbachev-to-press-arms-cut-at-talks/e355d7f0-02fa-443d-b3e4-f3c9f5dc9c23/> (date of application: 20.09.2022).
17. Harold E. Rogers. *Glasnot and Perestroika: An Evaluation of the Gorbachev Revolution and Its Opportunities for the West*, 16 *Denv. J. Int'l L. & Pol'y* 209 (1988) // *Denver Journal of International Law & Policy*. URL: <https://digitalcommons.du.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1941&context=djilp> (date of application: 20.09.2022).
18. Kuttneq R. *Export Controls. Industrial Policy in Reverse* ECONOMIC POLICY INSTITUTE 1730 Rhode Island Avenue, NW Suite 200 Washington // *Export Controls*. URL: https://files.epi.org/page/-old/studies/export_controls-1991.pdf (date of application: 20.09.2022).

Для цитирования:

Миценко Н. С. Санкции США в отношении СССР: эволюция целей и результаты, 1985–1991 гг. Вопрос признания Советского государства в политической дискуссии британского парламента // Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 года. СПб., 2023. С. 356–362.

Двусторонние отношения России и Греции в 1990-е годы: опыт взаимодействия со страной НАТО

Bilateral relations between Russia and Greece in the 1990s: experience of interaction with a NATO country

***Аннотация.** В данной статье анализируются различные аспекты двусторонних отношений России и Греции в 1990-е годы. Характеризуются взаимодействия в политической сфере, энергетике, военно-техническое сотрудничество. Отмечается ряд встреч, проходивших на высшем уровне. Рассматривается роль Греции в установлении отношений между Европейским Союзом и Россией. Анализируются направления культурно-гуманитарного взаимодействия, взаимный научный интерес к истории и культуре двух стран. В статье приведены оценки и подходы к рассматриваемой проблеме как российских, так и зарубежных исследователей, в том числе греческих.*

***Ключевые слова:** взаимодействия России и Греции, направления двусторонних отношений, энергетика, военно-техническое сотрудничество, Греко-российская торговая палата, культурно-гуманитарное взаимодействие, Афинский институт русского языка имени А. С. Пушкина.*

***Abstract.** This article analyzes various aspects of bilateral relations between Russia and Greece in the 1990s. Interactions in the political sphere, energy, military-technical cooperation is characterized. A number of meetings held at the highest level are noted. The role of Greece in establishing relations between the European Union and Russia is considered. The directions of cultural and humanitarian interaction, mutual scientific interest in the history and culture of the two countries are analyzed. The article presents assessments and approaches to the problem under consideration by both Russian and foreign researchers, including Greek scientists.*

***Keywords:** interactions between Russia and Greece, areas of bilateral relations, energy, military-technical cooperation, Greek-Russian Chamber of Commerce, cultural and humanitarian cooperation, Athens Institute of the Russian Language.*

Между Россией и Грецией на протяжении долгого исторического периода развивалось плодотворное сотрудничество в разных сферах, основанное на историческом и духовном прошлом. При этом с 1952 г. Греция является членом НАТО, в 1981 г. вступила в Европейский Союз. В 2022 г. в связи с началом Специальной военной операции по защите Донбасса двусторонние отношения резко ухудшились. По заявлениям как российской, так и греческой стороны, они разрушены практически во всех сферах [7, с. 19]. В подоб-

¹ МГИМО МИД России, ф-т международных отношений, II курс бакалавриата.

Moscow State Institute of International Relations, School of International Relations, the 2nd year of Bachelor's degree.

ных условиях изучение особенностей организации взаимодействий, опыта сотрудничества со странами ЕС и НАТО в разные исторические периоды представляется актуальным, может помочь оценить нынешнюю ситуацию и способствовать построению взаимодействий в будущем.

Вопрос двусторонних отношений России и Греции в 1990-е гг. изучен недостаточно глубоко. Многие исследователи рассматривают отдельные стороны взаимодействий, например, экономические или политические связи, но часть факторов остаётся за рамками изучения. Исследование К. В. Власовой посвящено экономической стороне взаимодействия между Россией и Грецией в период с начала 1990-х до 2010 г. [1]. В работах К. А. Козика и П. С. Соколовой российско-греческие отношения анализируются в контексте политических процессов: греко-турецких отношений [6] и основных направлений внешней политики Греции [13]. Греческие авторы рассматривают развитие двусторонних отношений России и Греции в 1990-х годах как основу для развития последующих взаимодействий [16]. И. Мазис в работе "Γεωπολιτική προσέγγιση για ένα νέο ελληνικό αμυντικό δόγμα" характеризует российско-греческие отношения как важное направление для внешней политики Греции, делая акцент на сотрудничестве в сфере энергетики и поставки вооружений и рассматривая фактор НАТО [17]. При этом многие из этих факторов имеют существенное значение для понимания специфики двусторонних отношений. Необходимо также отметить, что в указанный период выстраивание Россией отношений с Грецией и Греции с Россией не было определяющим для данных стран, что также сказывается на степени исследованности вопроса.

В советский период отношения с Грецией были достаточно проблематичными. После завершения Гражданской войны в Греции (1946–1949) и победы правых сил Коммунистическая партия Греции была запрещена в течение долгого времени, другие «левые» силы притеснялись. Помимо этого, проводилась антикоммунистическая пропаганда, что с тревогой воспринималось в СССР. В Советском Союзе в 1950–1970-х гг. Греция воспринималась как оплот НАТО на Балканах [15, с. 228–229].

В годы режима «чёрных полковников» (1967–1974) отношения между Грецией и СССР складывались сложно из-за явной антисоветской направленности греческого режима [15]. В последующие годы, с приходом к власти Костаса Караманлиса, двусторонние отношения улучшились. Следствием такого улучшения стало возвращение из СССР в 1975 г. греческих политэмигрантов, находившихся там со времен Гражданской войны, и первый со времен Октябрьской революции визит главы Греческого правительства К. Караманлиса в Москву, состоявшийся в 1979 г. [11, с. 156]. Встречи продолжились и в годы Перестройки: в 1985 г. состоялась встреча нового премьера Андреаса Папандреу с Председателем Совета министров СССР

Николаем Александровичем Тихоновым, в 1991 году Константиноса Мицотакиса с Михаилом Сергеевичем Горбачёвым [5, с. 49]. 27 декабря 1991 г. Греческая республика признала Российскую Федерацию правопреемницей СССР. Ведущими направлениями в двусторонних отношениях стали экономические взаимодействия и культурно-гуманитарное сотрудничество [18, с. 312].

Ещё с конца 1980-х гг. на первый план в сотрудничестве двух стран стала выходить энергетика. В 1987 г. было подписано Соглашение о поставках газа в Греческую республику. Поставки осуществлялись через трубопровод из Болгарии в Грецию, и в 1990-е гг. шло активное строительство магистрального трубопровода и газораспределительной системы внутри страны [11, с. 180]. В 1993 г. было принято Дополнение к межправительственному Соглашению о поставках природного газа в Греческую Республику от 7 октября 1987 г. [8], в 1994 г. был подписан Протокол об изменениях к этому Дополнению [9]. Документы касались конкретных вопросов организации логистической системы, создания комплекса тепловой электростанции при участии российских компаний, например, РАО «Газпром». В документах также отмечен длительный характер взаимодействия двух стран: строительство компрессорных станций было запланировано до 2010 г. [11, с. 179].

В 1990-е г. политическое сотрудничество двух стран вышло на новый уровень. Развивался активный диалог на высшем уровне. Летом 1993 г. состоялся первый официальный визит президента РФ Бориса Николаевича Ельцина в Греческую Республику, до этого велись переговоры по линиям министров иностранных дел и министров внешнеэкономических связей. В ходе визита Бориса Николаевича Ельцина был подписан первый в истории двусторонних отношений Договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Греческой Республикой, который является одним из основополагающих документов и сегодня. Помимо экономических связей обсуждались вопросы региональной и международной повестки дня. Прежде всего это была ситуация с Югославией. Обе стороны сошлись во мнении о необходимости мирного урегулирования [11, с. 157].

В 1994 г. Греция была председателем в Европейском Союзе. Благодаря этому России удалось продвинуться в решении вопросов сотрудничества с ЕС. Удалось выстроить равноправное партнёрство с Грецией, вследствие чего греческая сторона приложила усилия по экономической интеграции Москвы с ЕС. Как отмечают греческие авторы, Греция была в тот момент связующим звеном между ЕС и Россией, действовала в духе дружбы, а в ответ получала содействие России как постоянного члена Совета безопасности ООН [16, р. 6–7]. На греческом острове Корфу 24 июня 1994 г. было заключено двустороннее соглашение о партнёрстве и сотрудничестве между Европейским Союзом и Россией [12].

Следует отметить развитие военно-технического сотрудничества между Россией и Грецией, несмотря на то, что Греция была членом НАТО [4, с. 62]. В 1995 г. в Афинах министры обороны двух стран подписали соглашение о сотрудничестве в области вооружений и оборонной промышленности [1, с. 59]. Во второй половине 1990-х гг. Россия поставила Греции стрелковое вооружение для спецподразделений, комплексы ПВО ТОР-М1, противотанковые ракетные комплексы «Корнет» [1, с. 60]. В 1998 г. греческая часть Кипра приняла решение приобрести у России системы ЗРК С-300 ПМУ-1, но из-за давления Анкары эти комплексы не разместились на Кипре и в итоге были переданы Греции [1, с. 60].

Со второй половины 1990-х гг. большое значение в двусторонних отношениях приобретает фактор сдерживания Турции, которая в тот момент расширяла влияние на Ближнем Востоке и в постсоветском регионе. В 1995 г. отношения Греции и Турции обострились. Был также целый ряд инцидентов у незаселённого острова Имия, над которым поднимались как греческий, так и турецкий флаги. Россия отстаивала необходимость соблюдения норм международного права в Средиземноморье [5]. Россия и Греция стремились к тому, чтобы сохранить баланс сил на Балканах, выступали против албанского национализма [2, с. 105].

Как отмечают греческие авторы, например, А. Скотиниотис, Греция в конце XX в. стремилась продемонстрировать своё уникальное географическое положение. Находясь в юго-восточной части Европы, Греция занимала положение между Западом и Востоком, на историческом пересечении торговых путей [18, р. 312]. Важность положения Греции понимало и российское руководство, поскольку стремилось укрепить положение России в регионе. Греция также хотела укрепить свои позиции на фоне обострения ситуации с Турцией, для чего ей была важна поддержка России.

Значимым событием представляется визит Е. М. Примакова в Грецию в феврале 1998 г. Именно тогда он заявил, что «Греция является образцом того, как замечательно могут складываться у России отношения с членом НАТО» [14, с. 2]. В ходе этого визита он подтвердил поставки российских вооружений в Грецию, поблагодарил за помощь в выстраивании отношений с ЕС. Визит Примакова, с одной стороны, продемонстрировал значимость проведения совместных проектов, были подтверждены намеченные планы, а с другой — показал возрастающую роль России как одного из центров в рамках построения системы многополярного мира [10, с. 157].

Как российская, так и греческая историография сходятся во мнении, что особое значение для двусторонних отношений имеет фактор ЕС, как из-за участия в нём Греции, так и из-за его важности для стратегических интересов России. По мнению А. Скотиниотиса, развитие отношений между ЕС и Грецией, ЕС и Россией является решающим параметром греко-российских отношений. Участие Греции

в НАТО также имеет существенное значение, поскольку известно, что политика Греции в отношении России не может быть независимой от позиции Североатлантического альянса в отношении Москвы [18, с. 29]. В 90-е гг. XX в. российское руководство проводило прозападную политику, стремилось улучшить отношения с ЕС, и Греция, с которой отношения складывались в позитивном ключе, выступала посредником между ЕС и Россией, во многом в рамках смещения самой Греции к европеизму [13, с. 88].

В 1995 г. по инициативе предпринимателей из России и Греции была создана Греко-российская торговая палата, целью деятельности которой является укрепление инвестиционного и торгового сотрудничества между двумя странами, развитие культурных связей. Эта организация ведёт свою деятельность до сих пор. Её создание внесло вклад в развитие неправительственных связей между странами. Однако культурно-гуманитарное сотрудничество в 1990-х гг. во многом находилось на втором плане. Это обусловлено направленностью российских властей, прежде всего, на сотрудничество в политике, экономике и энергетике и отсутствием необходимого финансирования подобных проектов [18, с. 316]. Ведущую роль в гуманитарном сотрудничестве играли частные организации, отдельные предприниматели.

В 1992 г. по инициативе Правительства России и греческого предпринимателя Янниса Янникоса в Греции был создан Афинский институт русского языка имени Александра Сергеевича Пушкина. Он действует до сих пор, являясь одним из главных центров изучения русского языка в Греции, который выдаёт сертификаты об уровне знаний русского языка, являясь при этом независимым частным учреждением [3]. В 1995 г. был создан Фонд греко-российского сотрудничества, целями которого является поддержание дружбы между странами, развитие туризма, изучение истории двусторонних связей, проведение культурных мероприятий. С 1989 г. ведёт свою деятельность Московское общество греков, важным периодом развития для которого стали 1990-е гг.: были организованы курсы греческого языка, в 1990 г. прошёл I Всесоюзный фестиваль культуры и искусства греков СССР в Москве, что способствовало созданию положительного образа Греции. В 1990-х гг. стал увеличиваться турпоток из России в Грецию, что положительно сказывалось на двусторонних отношениях, открывало новые возможности для сотрудничества между компаниями двух стран [1, с. 58]. Активная деятельность этих организаций, проведение культурных мероприятий, организация курсов по изучению языков двух стран, работа с соотечественниками помогали формированию положительного образа России в Греции и Греции в России, что сказывалось на улучшении двусторонних отношений на основе уважения взаимных интересов, развития общих проектов, прежде всего в экономике.

Таким образом, в 1990-х гг. двусторонние отношения России и Греции поступательно развивались во многих сферах. Были прео-

долены разногласия, существовавшие между СССР и Грецией. Однако уже в этот период становилось понятно, что двусторонние взаимодействия во многом будут развиваться в контексте отношений России с ЕС и НАТО. Но в 1990-х гг. это не стало препятствием. Страны активно сотрудничали в экономике, энергетике, политике, культуре. Развивалось военно-технологическое взаимодействие, а интерес к российскому ВПК Греция будет проявлять до 2010-х гг.. В 2000-х гг. продолжатся поставки военной техники в Грецию, будут продолжены энергетические проекты, существенно возрастёт турпоток. Именно в начале 2000-х гг. усилилась роль культурно-гуманитарного сотрудничества, что было обусловлено предшествующим этапом развития двусторонних отношений. 90-е гг. XX в. во многом сформировали облик российско-греческих отношений в первые десятилетия XXI века, выступили неким образцом того, как Россия вывела свои отношения со странами НАТО и ЕС.

Список источников

1. Власова К. В. *Экономические отношения между Грецией и Россией* // *Мир и политика*. 2012. № 9. С. 57–64.
2. Илиопулу А. *Развитие греко-российских отношений в постсоветский период* // *Свободная мысль*. 2020. № 2. С. 104–114.
3. *История создания Афинского института Русского языка им А. С. Пушкина* // *Институт русского языка им А. С. Пушкина*. URL: <https://www.pushkin.gr/ru/institute> (дата обращения: 10.02.2023).
4. Калинин Н. И. *Сотрудничество России и НАТО: проблемы и перспективы* // *Мировая экономика и международные отношения*. 2010. № 11. С. 59–74.
5. Катругалос Г. *Отношения Греции и России в XXI веке* // *Международная жизнь*. 2020. № 12. С. 48–58.
6. Козик К. А. *Турецко-греческие отношения в 1990-е гг.* // *Теория и практика общественного развития*. 2012. № 1. С. 202–206.
7. *Посол РФ заявил, что двусторонние отношения России и Греции разрушены политикой Афин* // ТАСС. 26.07.2022 г. URL: <https://tass.ru/politika/15309809> (дата обращения: 10.02.2023).
8. *Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Дополнения к межправительственному Соглашению о поставках природного газа в Греческую Республику от 7 октября 1987 года»*. 25 декабря 1993 года. № 1340 // *Электронный фонд правовых и нормативно технических документов*. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9029866> (дата обращения: 18.02.2023).
9. *Постановление Правительства Российской Федерации от 16.11.1994 г. № 1249* // *Сайт Правительства Российской Федерации*. URL: <http://government.ru/docs/all/12923/> (дата обращения: 30.09.2022).
10. *Примаков Е. М. Мысли вслух*. М., 2011. 208 с.
11. *Современная Греция в мировой экономике и политике / отв. ред. Ю. Д. Квашинин*. М., 2013. 184 с.
12. *Соглашение о партнёрстве и сотрудничестве, учреждающее партнёрство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами, и их государствами-членами, с другой стороны*. 24 июня 1994 года // *Электронный фонд правовых и нормативно технических документов*. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900668> (дата обращения: 18.02.2023).
13. Соколова П. С. *Основные направления внешней политики Греции* // *Мировая экономика и международные отношения*. 2010. № 8. С. 84–94.
14. Сысоев Г. *Примаков в Греции* // *Коммерсант*. 1998. 17 февраля. № 26. С. 2 URL: <https://www.kommersant.ru/doc/192627> (дата обращения: 30.09.2022).
15. Удунян А. А. *Политическая история современной Греции. Конец XVIII в.—90-е гг. XX в.* М., 1998. 331с.

**ЭКОНОМИКА
ECONOMICS**

Деятельность латентных институтов по обеспечению строительной отрасли СССР в годы Перестройки

Activities of patent institutes to ensure the construction industry of the USSR during the years of Perestroika

***Аннотация.** Существенным фактором неэффективности позднесоветского строительного комплекса являлась формализованная система планирования обеспечения его ресурсами. Реальное снабжение строительства осуществляли латентные институты, деятельность которых исследована автором. Планово-распределительная формальная система, способная обеспечить реализацию отдельных крупных проектов, не справлялась с управлением всем народно-хозяйственным комплексом как единым предприятием. Латентная система в период перестройки смогла трансформироваться в реальный институт рыночной экономики.*

***Ключевые слова:** формализованная система обеспечения строительства; латентная система снабжения в СССР (от «толкачей» до чёрного рынка); нормирование обеспечения как база формализованной системы; пределы плановых механизмов в современном строительном производстве.*

***Abstract.** A significant factor in the inefficiency of the late Soviet construction complex was the formalized system of planning to provide it with resources. The real supply of construction was carried out by latent institutions, whose activities are investigated by the author. The formal planning and distribution system, capable of ensuring the implementation of individual large projects, could not cope with the management of the entire national economic complex as a single enterprise. During the period of perestroika, the latent system was able to transform into a real institution of a market economy.*

***Keywords:** formalized construction support system; latent supply system in the USSR (from “pushers” to the black market); rationing of provision as the basis of a formalized system; limits of planned mechanisms in modern construction production.*

Введение

Примерно в 1980 г., на финальной стадии изматывающей процедуры т.н. защиты фондов для строительного комплекса Эстонии, автор шутя предложил поставить напротив здания Госснаба СССР памятник снабженцам-толкачам, без труда которых реальное обеспечение строек немедленно бы остановилось².

¹ Д-р экон. наук, научный руководитель консалтинга «Кардис».

Doctor of Economic Sciences, scientific adviser of the consulting firm “Kardis”.

² Автор настоящего исследования в 1970–1990-х годах, работая заместителем министра строительства ЭССР, руководил организацией снабжения строек в республике.

Формализованная система планирования строительства и его ресурсного обеспечения, включавшая многочисленные аппараты управления и научно-исследовательские институты могла функционировать благодаря существованию латентной системы, где не было докторов и кандидатов наук и для которой не готовили кадры учебные заведения. Профессии толкача-снабженца в формальной системе не существовало. Однако в перестроечные годы именно эти специалисты обеспечили сохранение отрасли, когда — в точном соответствии с утверждением создателя теории институциональных изменений Д. Норта — наступило время разложения формальных правил и роста роли латентных (неформальных) отношений, ориентированных на отличающиеся от прежних ценности в построенном на идеологической основе обществе [8]. Исследование взаимодействия обоих этих институтов велось автором на протяжении 1970–1990-х гг. Результаты были опубликованы в монографии [3] и многочисленных статьях, ставших возможными в перестроечные годы, когда появились опиравшиеся на работы Р. К. Мертона [6] и Д. Норта [7] [8] исследования латентного института снабжения, действующего в симбиозе с формализованным институтом [1], а также латентного черного рынка, обеспечивающего потребности населения в строительных материалах и предметах домоустройства [6]. Исследования трансформации советских латентных институтов продолжаются [2] [12].

В этих работах отражаются процессы, о которых немецкие исследователи В. Меркель и А. Круассан говорили, что «в дефектных демократиях неформальные практики и правила игры дополняют и вытесняют формальные практики» (цитируется по К. Г. Фрумкин [13]). И как справедливо заметил А. А. Аузан: «Формальные и неформальные институты вообще-то могут жить в симбиозе, поддерживая друг друга, а могут находиться в состоянии войны» [1, с. 30]. Суть латентной системы обеспечения строительства заключалась, по мнению автора настоящей статьи, в организации потоков материальных ресурсов на строящиеся объекты в соответствии с вероятностным характером их потребления, в то время как формализованная система строилась на принципах детерминированного планового согласования производства и потребления этих ресурсов.

В настоящей работе показано, что в доперестроечных отношениях формального плано-распределительного института снабжения строительства и неформального института продвижения материалов от производителей к строительным площадкам одновременно проявлялся их симбиоз в части снабжения государственного строительного комплекса и острая взаимная нетерпимость в части снабжения индивидуального и кооперативного строительства.

Раздел 1. Взаимодействие формализованных и латентных институтов в позднесоветской хозяйственной практике

В СССР реализация государственных инвестиционных программ обеспечивалась строительным комплексом, управлявшимся общесоюзными министерствами строительства. В их структуру вхо-

дили республиканские строительные министерства, имевшие в непосредственном подчинении территориальные строительные тресты и предприятия строительной индустрии. Годовые программы их деятельности создавались на основе согласования инвестиционных запросов отраслевых союзно-республиканских министерств со строительными министерствами, которые детализировались на уровне республиканских соответствующих министерств и обретали вид конкретных заданий (планов) на уровне исполнителей: предприятий заказчиков и предприятий стройкомплекса.

По принятой в формальной системе методологии сбалансированность потребностей стройкомплекса в материальных ресурсах с их производством предприятиями промышленного комплекса достигалась на основе постоянно обновляемого Институтом экономики строительства «миллионника»: норм расхода материалов по укрупнённой номенклатуре на миллион стоимости строительно-монтажных работ по объектам всех отраслей экономики³. Ресурсы (в форме т.н. фондов) на основе «миллионника» распределялись по министерствам-заказчикам, которые «передавали» их протоколами союзно-республиканским Минстроям (на основе согласованных планов строительства объектов), а уже те «делили» ресурсы по республиканским министерствам строительства, где их распределяли по трестам. Строительный комплекс имел сложную структуру. Исследователь В. А. Спектор писал, что из общего объёма металлопроката, поставляемого для строительства, свыше 70% направлялось в промышленность строительных конструкций и деталей и лишь 27% — на строительные площадки [10, с. 27–28]. Похожие соотношения были и по другим ресурсам. «На <...> объектах преобладает потребление не сырьевых материалов <...>, а сборных конструкций, изделий, узлов заводского изготовления, номенклатура которых составляет десятки тысяч наименований» [10, с. 27]. По данным того же автора, в строительном комплексе существовало более 26 000 первичных подрядных организаций, а в промышленном ядре более 20 000 производственных единиц. Все эти конечные потребители получали ресурсы на основе распределяемых сверху вниз фондов.

Планирование обеспечения строительства осуществлялось с февраля по декабрь предпланируемого года. Чтобы производители материалов для строительства могли спланировать свою деятельность, конечные потребители в феврале-марте предпланируемого года должны были подать в систему Госснаба СССР заявки на следующий год по полной номенклатуре (т.е. по тысячам позиций) в условиях отсутствия годового плана по новым стройкам, неточных прогнозов об исполнении работ текущего года по переходящим объектам, отсутствии проектно-сметной документации по многим стройкам планируемого года и, самое главное, отсутствии точных данных о будущих фондах

³ Подробно об идеологии и технологии формирования этой нормативной базы говорится в книге В. А. Спектора «Интенсификация материально-технического обеспечения строительства» [10, с. 134–165].

(то есть объёмах, выделяемых им прав на получение ресурсов). А если учесть, что эти права (фонды), рассчитываемые по «миллионнику», в конечном счете распределялись с учетом прогнозируемых остатков ресурсов у потребителей на конец предпланируемого года и прогноза выполнения пообъектных планов, станет понятно, что в реальном режиме распределение шло на основе сложившейся базы потребления текущего года с некоторой корректировкой «вверх» и «вниз». Заявочная кампания велась не совсем «от балды», а на основе данных о среднегодовом потреблении нескольких предшествующих лет.

Эта модель планирования называлась «обеспечением строительства по планам, проектам и сметам строек».

Разрушительные для экономики последствия деятельности формализованных институтов снабжения отражались прежде всего в росте запасоёмкости, которая заметно опережала рост общественного продукта. При этом основная доля запасов накапливалась непосредственно у потребителей, где возможности включения их в производственный оборот были невысоки [15, с. 92]. Система основывалась на идее точного расчёта потребности в ресурсах всех строек на определённый плановый период с последующим суммированием потребности и согласованием с производством ресурсов на тот же период, учитывая вовлечение в оборот существующих запасов.

Нельзя сказать, что на высших уровнях управления экономикой не осознавалась сложность реализации задачи такой размерности. В 1977 г. Леонид Ильич Брежнев обращал внимание на факт: менее чем за месяц указанного года производился весь объём общественного продукта за 1936 г. И он же отмечал, что планирование и распределение этого продукта в системе материально-технического снабжения и торговли изменились за 40 лет крайне мало [11, с. 49]. Но из этого верного замечания не последовал вывод, что механизм управления тридцатых годов не в состоянии справиться с объёмами информации конца семидесятых.

Результаты сохранения методологии планирования времён первых пятилеток в условиях многократно усложнившейся экономики подтверждают правоту современного исследователя институциональных преобразований А. А. Иванова, о том, что неизменяемые институты «способны консервировать отсталость», а «продолжение жизни «ошибки первичного институционального выбора» может быть результатом случайности, которую сложно исправить, так как принятое решение приобретает характер традиции» [4, с. 34].

Раздел 2. Институты латентного снабжения строек

Неформальная система снабжения функционировала благодаря установлению дружеских отношений её работников с лицами, выполнявшими распределительные функции, а также с работниками служб сбыта предприятий-изготовителей ресурсов и постоянного ресурсного бартера между снабженческими структурами строительных организаций.

Решения на всех уровнях распределения ресурсов в условиях неопределенности, естественно, отличались субъективизмом. Они сильно зависели от признания прогнозов по переходящим остаткам материалов с учетом «мероприятий по их снижению». Невысокая достоверность этих прогнозов была понятна на всех уровнях управления. Но при дружеских отношениях между чиновниками республиканских структур с лицами, принимающими решения в союзных министерствах, а также в отделах Госснаба и Госплана СССР, степень признания прогнозов была выше, что позволяло получить размер фондов на 5, а иногда и на 10% выше среднего уровня.

Успешность «низового» бартерного обмена зависела от широты связей снабженцев. Например, в Ленинграде в «шашлычной на Садовой» собирались снабженцы Северо-Запада страны, занимавшиеся металлопрокатом и трубами, чтобы согласовать бартерные «фондовые» обмены.

Успех деятельности «толкача» определялся его умением оказываться в нужное время в нужном месте и уровнем дружеских связей со сбытовиками, транспортниками и даже служащими гостиниц. То есть умением налаживать отношения.

Латентная система сформировала особый тип личностей её работников — толерантных, артистичных, умеющих держать слово и просто искренне дружить.

Чёрный рынок ресурсов для развития жилищной сферы

В десятой пятилетке (1976–1980 гг.) 413,8 млн. кв. м из 527,3 (общий объём ввода жилья) было построено за счёт средств государства и жилищкооперативов. А за счёт личных средств населения и колхозов — 113,5 млн. кв. м. Таким образом, индивидуальное строительство составляло почти 28% от объёма бюджетного и жилищкооперативного финансирования. В 11-й пятилетке эта доля составляла 27%, а в 1985–1986 гг. — 27,5% [9]. Но в формальной системе обеспечения для этих целей планировались сущие мелочи, обрекающие индивидуальных застройщиков на постоянный дефицит ресурсов.

По проектам индивидуальных жилых домов, например, в Эстонии расход металла, труб, цемента, леса и т.п. на 1 кв. м жилой площади был выше, чем требовался при крупнопанельном строительстве жилья. Никаких фондов вообще не выделялось для дачного строительства, то время как для советского среднего класса стала социальной нормой «двудомность»: наличие квартиры в спальном районе и дачи. Ресурсы для индивидуального жилищного и дачного строительства можно было приобрести только с помощью чёрного рынка.

Ресурсы для повышения производительности труда в строительном производстве

Обеспечение ресурсами строительного комплекса по сложившейся в предыдущий период «базе» стало одной из причин технологического отставания строительной отрасли СССР от западных аналогов.

Для иллюстрации этого утверждения приведу несколько ярких примеров из практики деятельности Минстроя Эстонской ССР, выступая в данном случае в роли эксперта. Для внутренней отделки высотной гостиницы в Таллине, строившейся к Олимпиаде-80, пригласили финских строителей. Эстонские рабочие-отделочники специально приходили посмотреть на приспособления и отделочные материалы, обеспечивающие более высокую производительность по сравнению с ручным трудом советских рабочих. Например, для образования шва при облицовке стен керамической плиткой везде в СССР между рядами плитки вставляли спички. А финны применяли пластмассовые крестовины, которые ставились на уголок нижнего ряда плиток, обеспечивая идеально ровные горизонтальные и вертикальные швы. Удивляли сухие смеси. Зависть вызывали пневматические ручные присоски, с помощью которых устанавливались тяжёлые витринные стёкла.

В 1985 г. зампреда Совмина Эстонии, главный архитектор «Эстонпроекта» и автор настоящей статьи ездили в ГДР для знакомства с производством арочных панелей, образующих галереи первых этажей зданий у берлинской «Александрплац». Мы увидели на брандербургском домостроительном комбинате специальные формы таких панелей, изготовленные на заводе в Днепропетровске (обеспечивавшем формооснасткой домостроительные комбинаты всего соцлагеря). Оказалось, заказ на эти формы завод принял по личному указанию Брежнева, о чём того попросил Хонеккер, когда генсек ЦК КПСС находился с визитом в Берлине.

Много лет в «Планы новой техники» Минстроя Эстонии включался пункт об экономии лесоматериалов за счёт внедрения сборно-разборных трубчатых лесов (которые с 1960-х гг. использовали в Северной Европе). Но найти в СССР завод, согласный освоить выпуск крепёжных элементов таких лесов не удалось. Заводы работали «по базе», обеспечивая рост выпуска технически устаревающей оснастки.

Основные итоги исследования

Плановая система, начало которой было положено в 1922 г. проектом ГОЭЛРО, показала тогда своё преимущество перед рыночными механизмами в обеспечении высокого темпа реализации крупных инвестиционных программ. Данное преимущество подтвердилось и в годы ускоренной индустриализации. Планово-формализованное управление, как отметил профессор Эрфуртского университета К. Херрманн-Пиллат, «на деле оправдало себя прежде всего как институциональная форма военной экономики» [14, с. 63].

Но оказалось невозможно управлять развитым народнохозяйственным комплексом как одним проектом. В книге С. Ю. Барсуковой использован термин (заимствованный автором у Дж. Скотта) «избирательная эффективность» для характеристики формализованных процессов государственного управления модернизацией экономики и общественной жизни [2, с. 19]. И у неё же есть удачная характери-

стика деятельности советской планово-распределительной системы как «тандема формального и неформального исполнения классического «па», когда по факту оказался узаконен негласный порядок, порицаемый, но привычный» [2, с. 125].

Для формализованного управления снабжениемстроек потребовалась специальная нормативная база. Её сформировали на основе данных о фактической потребности в ресурсах уже построенных объектов. Такая база обеспечивала воспроизводство технических характеристик вчерашнего дня.

Список источников

1. Аузан А. А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М., 2016. 160 с.
2. Барсукова С. Ю. Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого. М., 2015. 215 с.
3. Вайнгорт В. Л. Снижение материальных затрат в строительстве. М., 1989. 175 с.
4. Иванов А. А. К вопросу о типологии институциональных преобразований // Свободная мысль. 2021. № 5 (1689). С. 33–38.
5. Лабудин А. В., Курпин А. А. Начальный, романтический период перестройки: констатация проблем, имеющих в развитии советского общества и формирование подходов, направленных на их разрешение // Экономика и управление народным хозяйством (СПб). 2020. № 11 (13). С. 1–22.
6. Мертон Р. К. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В. И. Добренькова. М., 1994. С. 379–448.
7. Норт Д. Институты, идеология и эффективность экономики // От плана к рынку: будущее посткоммунистических республик. М.: Catallaxy, 1993. С. 307–319.
8. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
9. Социальное развитие СССР. 1989: статистический сборник. М., 1991. 416 с.
10. Спектор В. А. Интенсификация материально-технического обеспечения строительства. М., 1984. 248 с.
11. Сьэрд Э. П., Сузи А. А. Прибыль как критерий эффективности строительного предприятия // Труды по экономическим наукам. Финансово-кредитные методы управления народным хозяйством. Ученые записки ТГУ. 1983. Вып. 642. С. 48–57.
12. Тимофеев Л. М. Чёрный рынок как политическая система. Вильнюс — Москва: ВМО, 1993. 272 с.
13. Фрумкин К. Г. О неформальной власти // Знамя. 2022. № 2. С. 143–150.
14. Херрманн-Пиллат К. Блокада модернизации. Утопические революции собственности в России, 1917–2017 // Мир перемен. 2019. № 1. С. 59–70.
15. Шорикова Л. Д. Управление запасами товарно-материальных ценностей на предприятии // Труды по экономическим наукам. Финансово-кредитные методы управления народным хозяйством. Ученые записки ТГУ. 1983. Вып. 642. С. 91–106.

Для цитирования:

Вайнгорт В. Л. Деятельность латентных институтов по обеспечению строительной отрасли СССР в годы Перестройки // Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. С. 373–379.

ВАЗ – предтеча Перестройки. Экономический эксперимент 1980-х гг. на АвтоВАЗе

VAZ is the forerunner of Perestroika. The economic experiment of the 1980s at AvtoVAZ

Аннотация. В статье рассмотрены основные аспекты экономического эксперимента, начатого на АвтоВАЗе в январе 1985 г. Идеолог эксперимента, заместитель генерального директора Волжского автомобильного завода (ВАЗа) по экономике и планированию Пётр Макарович Кацура осенью 1985 г. был приглашен Николаем Ивановичем Рыжковым на работу в Совмин СССР для того, чтобы распространить опыт АвтоВАЗа по повышению самостоятельности и самокупаемости на всю страну. Работа П. М. Кацуры в Совмине СССР делает эксперимент на АвтоВАЗе важным для понимания экономической политики Перестройки в целом. В статье с использованием текстов самого П. М. Кацуры реконструировано его понимание причин экономических проблем ВАЗа и предлагаемых решений.

Ключевые слова: АвтоВАЗ; хозрасчёт; самокупаемость; экономический эксперимент; Пётр Кацура; Перестройка.

Abstract. The article examines the main aspects of the economic experiment started at AVTOVAZ in January 1985. The ideologist of the experiment, Deputy General Director of the Volga Automobile Plant (VAZ) for Economics and Planning Peter Katsura in the fall of 1985 was invited by Nikolai Ivanovich Ryzhkov to work in the USSR Council of Ministers for in order to spread the experience of AvtoVAZ in increasing independence and self-sufficiency throughout the country. The work of P. M. Katsura in the USSR Council of Ministers makes the experiment at AvtoVAZ important for understanding the economic policy of Perestroika as a whole. In the article, using the texts of P. M. Katsura reconstructed his understanding of the causes of the economic problems of VAZ and the proposed solutions.

Keywords: AvtoVAZ; khozraschet; self-sufficiency; economic experiment; Peter Katsura; perestroika.

Быстрое изменение социально-экономической и политической ситуации в Перестройку почти не оставляло реформаторам времени на анализ складывавшейся ситуации. Программы реформ разрабатывались и дорабатывались уже в процессе осуществления этих

¹ Канд. экон. наук, Научный сотрудник лаборатории актуальной истории ин-та общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ИОН РАНХиГС).

Candidate of Economic Sciences, Researcher at the Laboratory of Actual History of the Institute of Social Sciences of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (ION RANEPА).

реформ, поэтому своего рода «домашние заготовки» авторов должны были влиять на результат не в меньшей степени, чем постоянно менявшиеся условия текущего момента.

Экономический эксперимент на ВАЗе рассматривается в настоящей статье как одна из таких «заготовок», которую автор эксперимента, Петр Макарович Кацура, по приглашению Николая Ивановича Рыжкова должен был отмасштабировать на всю страну. В октябре 1985 г. Н. И. Рыжков предложил П. М. Кацуре возглавить отдел по вопросам совершенствования управления народного хозяйства Совмина СССР и потребовал с 1 января 1986 г. распространить эксперимент на всю экономику [5, с. 89]. П. М. Кацура принял непосредственное участие в разработке закона «О государственном предприятии» 1987 г., положив в его основу принципы ВАЗовского эксперимента [3, с. 171]. Реконструкция того, как П. М. Кацура видел экономические проблемы и пути их решения, позволяет лучше понять причины, по которым этот важнейший для Перестройки закон не улучшил состояние экономики.

К моменту принятия закона «О государственном предприятии» летом 1987 г. в экономике уже 3 года шёл объявленный 14 июля 1983 г. постановлением ЦК КПСС и СМ СССР «широкомасштабный экономический эксперимент».

Необходимость реформ была озвучена новым генеральным секретарём ЦК КПСС Ю. В. Андроповым сразу после получения власти, на внеочередном пленуме ЦК КПСС 12 ноября 1982 г. Министр автомобильной промышленности СССР В. Н. Поляков резюмировал итоги пленума следующим образом: «Предложено вносить любые предложения по совершенствованию экономического механизма. Преследований не будет» [5, с. 66].

Подготовленные Минавтопромом предложения, по воспоминаниям начальника финансового управления министерства Эдуарда Михайловича Абызова, включали в себя:

1. Акционирование предприятий;
2. Создание коммерческого банка автомобильной промышленности;
3. Самофинансирование предприятий;
4. Утверждение трудовыми коллективами директоров предприятий.

Эти предложения уже дают представление о направлении экономической мысли в министерстве. Основной проблемой министерство считало нехватку капитальных вложений на реконструкцию производства. Большая часть зарабатываемой автомобильными заводами прибыли перечислялась в Минфин для централизованного перераспределения, и автозаводам нужно было потом на общих основаниях просить о выделении им средств на инвестиции. Министерство стремилось сохранить «свои» деньги за собой.

14 июля 1983 г. вышло постановление ЦК КПСС и СМ СССР, согласно которому с 1984 г. в ряде министерств был начат эконо-

мический эксперимент по расширению прав производственных объединений (предприятий) в планировании и хозяйственной деятельности и по усилению их ответственности за результаты работы. Эксперимент заключался в сокращении числа устанавливаемых плановых показателей, возрастании роли экономических нормативов, действие которых было основано на принципе материального стимулирования. Теперь размеры средств, получаемых предприятиями для оплаты труда и социального развития, технического перевооружения и совершенствования производства, зависели от результатов работы предприятий. При этом предприятия решали самостоятельно, как достичь высоких результатов.

Выручка (объём реализованной продукции) стала основным показателем работы предприятий при условии обязательного соблюдения ассортимента и качества, а также сроков поставки [7, с. 168–176].

По своей задумке эксперимент был схож с принципами «косыгинской реформы» [6, с. 658–685]. «Косыгинская реформа» ориентировала предприятия на рост рентабельности (чем выше рентабельность и прирост прибыли — тем больше был процент отчислений от прибыли в премиальные фонды), а эксперимент 1984 г. — на рост выручки.

Появление постановления, которое, пусть и в форме эксперимента, перекладывало вопросы технической реконструкции на уровень предприятий и давало им финансовые ресурсы и права для ее проведения, свидетельствовало, по нашему мнению, о признании невозможности эффективно решать эти вопросы через систему централизованного планирования.

Постановление не содержало никаких конкретных параметров (нормативов, лимитов, ставок) эксперимента, перекладывая бремя их разработки на отраслевые министерства. В свою очередь, это означало, что разные предприятия получали разные права и работали в разных условиях. Либо это делалось, чтобы потом сравнить результаты и опытным путем определить наилучший вариант, либо просто было следствием бюрократической запутанности системы управления. Поэтому в рамках эксперимента появился ВАЗовский вариант его реализации, Сумской вариант² и многие другие. Статья фокусируется именно на ВАЗовском варианте, что связано с ролью его автора при разработке закона «О государственном предприятии» в дальнейшем.

Проблема обновления производства стояла перед ВАЗом достаточно остро, при этом прибыли объединения было достаточно, чтобы решать её самостоятельно, если бы эти средства оставались в его распоряжении. Технический уровень производства и доходы предприятия были прямо связаны, так как примерно 40% продукции завод реализовывал за рубежом [3, с. 48], сталкиваясь с конкуренцией других автопроизводителей.

² Реализован на Сумском машиностроительном научно-производственном объединении им. М. В. Фрунзе.

А поскольку доходы от продаж за рубежом осуществлялись в валюте, часть которой, по сложившимся правилам, предприятие перечисляло в государственный бюджет, конкурентоспособность «Жигулей» на внешних рынках была вопросом государственной важности. В брошюре с описанием экономического эксперимента на АвтоВАЗе её авторы (П. М. Кацура, А. И. Ясинский и В. М. Смирнов) называли рост экспорта первостепенной задачей объединения [4, с. 3].

П. М. Кацура видел причину проблем завода в централизации средств предприятий в госбюджете с последующим перераспределением, а также долгой процедуре согласований. Со ссылкой на газету «Известия» он пояснял, что для выпуска любой новой модели автомобиля требовалось множество согласований, в ходе которых объем выделяемых для этого расходов сокращался, а производители были вынуждены упрощать модель, чтобы удешевить её. В результате новая модель появлялась на рынке с запозданием, а её качество было хуже, чем планировалось изначально [3, с. 134].

Отдельной проблемой стали масштабы завода. Для модернизации столь крупного производства (четверть всех производимых в Союзе автомобилей) требовалось каждую пятилетку выделять огромные средства. По мнению П. М. Кацуры, в полном объёме средства на модернизацию не были выделены ВАЗу правительством ни разу [3, с. 75].

Экономить на модернизации было возможно, поскольку внутренний спрос на автомобили не ослабевал, а предприятие продолжало приносить доходы в бюджет, пусть и начиная отставать от мирового автопрома. Нехватка централизованных капиталовложений стала причиной ухудшения большинства качественных показателей работы предприятия в 11 пятилетке по сравнению с 10-й [8, с. 193].

Таким образом, невозможность добиться от правительства нужных для модернизации средств в необходимые сроки была основной проблемой, на решение которой был направлен эксперимент на АвтоВАЗе. Основной задачей эксперимента было обеспечение возможности предприятию самостоятельно распоряжаться собственными средствами.

Кацура пишет, что конкретные условия эксперимента на ВАЗе разрабатывались и согласовывались не Минавтопромом, а руководством ВАЗа непосредственно с Советом министров СССР [3, с. 124]. В результате ВАЗ получил невиданные привилегии. Согласно постановлению Совмина СССР от 28 января 1985 г. № 97 «О дальнейшем развитии экономического эксперимента по расширению прав производственного объединения «АвтоВАЗ» ему разрешалось оставлять себе 47,5% прибыли против разрешенных ранее 15%.

Прибыль распределялась по трём фондам:

1. Фонд развития производства (ФРП);
2. Фонд материального поощрения;
3. Фонд социально-культурных мероприятий и жилищного строительства.

В ФРП аккумулировались все средства на модернизацию производства (амортизационные отчисления, выручку от продажи излишнего оборудования, отчисления от прибыли (15% прибыли к распределению). Плановое дробление средств по целевым статьям упразднилось, что делало ФРП более гибким: его можно было тратить на те нужды, которые руководство предприятия сочтёт приоритетными.

В рамках поставленной задачи по наращиванию экспорта предприятие должно было каждые 5 лет ставить на конвейер новую базовую модель автомобиля, а каждые 15 лет — новое семейство автомобилей с более высокими потребительскими свойствами [4, с. 3].

Количество централизованно устанавливаемых плановых показателей сокращалось до шести.

При этом плановое централизованное снабжение объединения необходимыми для реконструкции производства материалами и оборудованием сохранялось и гарантировалось. Фонд развития предприятия должен был «обеспечиваться выделением оборудования, лимитами подрядных работ и другими ресурсами в первоочередном по сравнению с централизованными капитальными вложениями порядке» [4, с. 8].

Также АвтоВАЗу разрешили направлять в ФРП 40% валютной выручки от продажи автомобилей в капиталистические страны, 50% валютной выручки от продажи запчастей в капиталистические страны и 10% валютной выручки от продажи в страны СЭВ [4, с. 9]. По расчетам это должно было обеспечить наполнение 36% ФРП свободно конвертируемой валютой. По нашим оценкам, отчисления в ФРП могли достичь 730 млн. в рублях и 260 млн. в инвалюте.

Такие средства позволили бы приобретать иностранное оборудование не только для себя, но и для своих смежников³, комплексно модернизируя всю производственную цепочку. ВАЗ мог передавать до ¼ своего валютного фонда предприятиям-смежникам для закупки импортного оборудования, а также передавать часть фонда стимулирования своим поставщикам и подрядчикам для поощрения за своевременные поставки.

Изменения коснулись и принципов начисления зарплат и премий. При экономии на фонде оплаты труда (например, за счет снижения численности занятых) эти средства оставались на предприятии и могли использоваться для премирования оставшихся работников. Рост фонда оплаты труда привязывался не к численности занятых, как на большинстве советских предприятий, а к росту производительности труда [4, с. 16]. На предприятии создавался специальный фонд премирования за экспортные поставки, куда поступало 5% от выручки от экспортных продаж автомобилей и 10% от выручки от экспортных продаж запчастей [4, с. 12].

³ Смежник — предприятие, связанное с другими в производстве продукции. Термин широко употреблялся в советской экономической литературе.

Таким образом, основное содержание эксперимента свелось к тому, чтобы радикально пересмотреть взаимоотношения объединения и государственного бюджета, оставляя в распоряжении АвтоВАЗа гораздо больше средств, чем прежде. ВАЗ со смежниками и поставщиками переставали зависеть от правительственных решений, касающихся выделения средств на капиталовложения. Но одновременно это означало, что государственный бюджет получает меньше доходов от АвтоВАЗа, а значит имеет меньше финансовых возможностей развивать другие отрасли экономики. При этом эксперимент не менял систему снабжения: ВАЗ и его поставщиков по-прежнему соединяли производственные связи и плановая дисциплина, а плановые органы обязывались материально обеспечивать стройки, начинаемые ВАЗом, за счет средств ФРП.

Позднее соратники Кацуры в правительстве отмечали, что ключевым составляющим эксперимента на ВАЗе являлись исключительные условия функционирования завода. Работавший с ним Э. А. Карапетян говорил: «Вылезал же АвтоВАЗ на том, что ему направлялись все необходимые ресурсы для проведения эксперимента...» [5, с. 89]. Работавший в Госкомитете по науке и технике В. А. Покровский был столь же критичен: «Эксперименты были крайне примитивными — мы тебе даём бюджетные деньги, а ты работай, как будто в рыночных условиях. И предприятия, конечно, прекрасно себя чувствовали в этих условиях» [5, с. 68].

Анализ закона «О государственном предприятии» 1987 г. выявляет в нём ту же двойственность: предприятия получали больше самостоятельности и меньше зависели от государственного бюджета, но при этом должны были оставаться в рамках плановой экономической системы.

Однако по мере распространения новой системы управления предприятиями прежняя система хозяйственных связей разрушалась. Закон вызвал лавинообразный рост нарушений ранее принятых взаимных обязательств по поставкам продукции. Каждое предприятие с того момента стремилось максимизировать прибыль за счёт своих поставщиков и покупателей, меняло ассортимент продукции, что в совокупности приводило к сокращению выпуска, т.к. производители не успевали реагировать на изменения производственных цепочек.

В июле 1985 г. в двух номерах «Известий» вышла пропагандистская статья с описанием ВАЗовского эксперимента [2], а всего через 5 лет, в марте 1990 г., те же «Известия» поместили материал «Хозрасчёт. Остановка в Тольятти», где писали, что: «Проблема смежников вообще обострилась до крайности <...> У начальника смежных производств объединения на столе длинные перечни: одни — дефицитов, угрожающих ВАЗу, другие — то, в чем нуждаются смежники. В каждом списке десятки, сотни наименований. Договорная дисциплина слабеет, поставки на сплошных нервах» [1].

Согласие Совета министров СССР на ВАЗовский эксперимент, по нашему мнению, в завуалированной форме означало признание невозможности эффективно решать вопросы модернизации производства через систему централизованного планирования уже в середине 1980-х гг. При этом, поскольку ВАЗ был источником валюты для союзного бюджета, поддержание конкурентоспособности его продукции на мировых рынках с точки зрения правительства оказалось важнее, чем сохранение принципов плановой экономики.

Таким образом, ВАЗовский эксперимент был обусловлен желанием руководством объединить минимизировать недостатки плановой системы с помощью предоставления ВАЗу прибыли и свободы действий при сохранении достоинств данной системы (гарантированных поставок). Такие условия, по нашему мнению, было можно обеспечить отдельным привилегированным предприятиям, но при увеличении числа «исключений из правил» сами правила переставали действовать, а прежняя экономическая модель разрушалась.

Н. И. Рыжков, взяв П. М. Кацуру на работу в аппарат Совмина СССР, потребовал от него распространить ВАЗовский эксперимент на всю экономику страны. По нашему мнению, это было принципиально невозможно в условиях сохранения планового типа экономики.

Список источников

1. Жигалов С., Лынев Р. Хозрасчет. Остановка в Тольятти // Известия. 1990. № 65. С. 3.
2. Кацура П. М. «ТРИ КИТА» АвтоВАЗа. Самостоятельность, самокупаемость, хозрасчет // Известия. 1985. № 209. С. 3.
3. Кацура П. М. АвтоВАЗ и его время. 2-е доп. изд. Тольятти, 2012. 204 с.
4. Кацура П. М., Ясинский А. И., Смирнов В. М. Экономический эксперимент в производственном объединении АвтоВАЗ. М.: НИИНавтопром, 1985. 36 с.
5. Кротов Н. И. Акела промахнулся, запускайте Берлагу. Попытка понять смысл экономических реформ 1980-х годов. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2019. 708 с.
6. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. документов за 50 лет / под общ. ред. К. У. Черненко, М. С. Смиртюкова. В 5 т.: Т. 1-. Т. 5: 1962–1965 годы. М.: Политиздат, 1968. 750 с.
7. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. документов за 50 лет / под общ. ред. К. У. Черненко, М. С. Смиртюкова. В 5 т.: Т. 1-. Т. 15. Ч. 1: 1983 г.—май 1984 г. 1985. 542 с.
8. АВТОВАЗ между прошлым и будущим. История Волжского автомобильного завода. 1966–2005 гг. / под ред. С. В. Журавлева. М.: Изд-во РАГС, 2006. 719 с.

Для цитирования:

Сафронов А. В. ВАЗ — предтеча Перестройки. Экономический эксперимент 1980-х гг. на АвтоВАЗе // Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. С.380–386.

Реализация радикальной экономической реформы Ельцина-Гайдара в программах Правительства Российской Федерации

Yeltsin's radical economic reform's execution in the programs of the Government of the Russian Federation

***Аннотация.** Статья посвящена изучению трёх Правительственных программ социально-экономического развития Российской Федерации в 1990-е гг. Актуальность темы обусловлена начавшимся временем историзации темы. Контекстный и сравнительный анализ показал, что все три правительственных документа следовали логике реализации радикальной экономической реформы Ельцина-Гайдара, озвученной Президентом России на V Съезде народных депутатов РСФСР.*

***Ключевые слова:** реформы Ельцина-Гайдара, Программы Правительства Российской Федерации, реформы 1990-х годов, постперестроечное время, Ельцин.*

***Abstract.** This article is devoted to the study of Yeltsin's radical economic reform in the programs of socio-economic development of the Government of the Russian Federation from 1992 to 1998. During the study period, three Government programs of socio-economic development were adopted. The first program was adopted in 1993, the second in 1995 and the last of the studied in 1997. The analysis showed that all three government documents at the strategic level followed the logic of the implementation of Yeltsin's radical economic reform, announced at the V Congress of People's Deputies of the RSFSR.*

***Keywords:** Yeltsin-Gaidar's reforms, Programs of the Government of the Russian Federation, Reforms of the 1990s, post-Perestroika time, Yeltsin.*

В первые десятилетия XXI в. вышло в свет несколько весьма объемных исторических работ по времени реформ 1990-х гг. XX в. [3], [7], [17], большое число экономических трудов по этому периоду (авторов А. Г. Аганбегяна [1], Е. Т. Гайдара [2], А. П. Заостровцева [6], Г. И. Ханина [14], Е. Г. Ясина [18], [19] и др.) и даже мемуары участников (например, Л. М. Григорьева [4]). Однако существует очевидная скудность исторических исследований по указанной теме, и это, в первую очередь, связано с тем, что большинство пишущих о 1990-х гг., будучи тридцать лет назад сами вовлеченными в произошедшее, «не способны рационально осмысливать свои наблюдения» [17, с. 14]. В ре-

¹ Директор научно-исследовательского центра прикладной истории, научный сотрудник Лаборатории Актуальной истории, ин-т Общественных Наук, РАНХиГС.

Director of the Centre for Public History, Research Fellow at the Laboratory of Contemporary History, Institute of Social Sciences, the Russian Presidential academy of National Economy and Public administration.

зультате их работы весьма эмоциональны и превращены в «разбор ошибок» реформаторов. Никто, например, не занимался изучением с исторической точки зрения конкретных документов — программ правительства, их взаимосвязанности и преемственности.

Программа радикальной экономической реформы была изложена Президентом РСФСР Борисом Николаевичем Ельциным на V Съезде народных депутатов РСФСР в октябре 1991 г. [5]. Съезд по итогам работы возложил всю ответственность за реформу на президента и его правительство, продекларировав им возможность действовать в соответствии с предложенным в президентской речи.

Положения речи базировались на конкретных и технологичных предложениях по действиям правительства, разработанных командой Егора Тимуровича Гайдара и изложенных в документах «Стратегия России в переходный период» (позже названный «Меморандумом Бурбулиса») и «Ближайшие экономические перспективы России» [16, с. 80, 101–103].

Выбор Президентом Б. Н. Ельциным команды Гайдара был вызван тем, что с точки зрения ближайшего президентского окружения иные представители отечественной экономической науки идеологически ассоциировались с советским административно-командным опытом хозяйствования².

Реформы основывались на четырёх ключевых целях: обеспечение экономического суверенитета России, либерализация, стабилизация и приватизация.

Во главу реформы было положено «предоставление экономической свободы» как внутри страны (снятие ограничений для предприятий всех форм собственности), так и вовне (экономическая независимость России в международной сфере, включая создание всех институтов суверенного государства: эмиссионного банка и национальной валюты, налоговой системы, таможни, снятие возможных барьеров во внешнеэкономической деятельности, включая создание системы гарантий иностранным инвестициям).

Стабилизация социально-экономической ситуации в стране подразумевала наравне с жёсткой бюджетно-кредитной политикой либерализацию цен. Задачу создания смешанной экономики с мощным частным сектором предлагалось решать через приватизацию и разрешения купли-продажи земли.

Появление в ходе приватизации и развития малого и среднего бизнеса социально-общественной прослойки эффективных собственников было нацелено также и на создание ядра гражданской консолидации, поддерживающего проведение реформ.

Документ предусматривал реализацию новой политики социальной защищённости для «наиболее уязвимых слоёв населения [*по-средством — И. Б.*] стимулирования развития предпринимательства, создающего новые рабочие места и достаточно высокую зарплату» [5].

² Дискуссии в сфере путей экономических реформ отражены в работе [15].

В 1992 г. правительство в своей работе опиралось не на программный документ, а на выступление Президента РСФСР Б.Н. Ельцина³. Одной из причин отсутствия официально принятой программы было то, что в условиях политических дискуссий, обостряющихся по мере продвижения реформ, утверждение стратегических планов в сфере экономической политики превращалось в «политический акт» [17, с. 414], на что у правительства не было ни времени, ни сил.

Планы реформ приобрели официальные очертания лишь в ноябре 1993 г. с появлением утверждённой правительственной программы социально-экономического развития страны. Она разрабатывалась в течении лета 1992 г. уже кабинетом Виктора Степановича Черномырдина с целью конкретизации правительственных задач реализации программы радикальных реформ, в ней перечислялись основные цели и пути развития страны на среднесрочный период, необходимые для полноценного перехода к рыночной экономике.

Принятию программы способствовало также прекращение после октября 1993 г. острой фазы политического противостояния исполнительной и представительной ветвей власти, что вывело правительственные программы из сферы лишь политических дискуссий в область прагматичной работы, где среднесрочные планы теперь имели технологичный и инструментальный характер.

Программа [11] исходила из того же, что и в президентской речи на V Съезде народных депутатов, понимания путей антикризисных решений: финансовой стабилизации и контроля инфляции, последовательной либерализации цен и хозяйственных связей, включая внешнеэкономическую деятельность, приватизации и реформы госпредприятий, изменения структурной политики от массовой поддержки производств к финансированию проектов, интеграции в мировую экономику.

Впервые в числе стратегических задач определялось достижение благосостояния населения «на уровне мировых цивилизаций» [11]. Это, в свою очередь, требовало обладания гражданами собственностью и обеспечения их прав и свобод, формирования рынка, предоставляющего возможности социального самообеспечения людей.

Приоритетом тактических задач было снижение социальной напряжённости, «бесшоковая» перестройка денежно-финансовой сферы, изменение целей структурной политики от массовой поддержки производств к финансированию проектов, направленных на создание социально-ориентированной рыночной экономики, а также поддержка предпринимательства и развитие рыночной инфраструктуры, перенос социальной тяжести реформ «на места» с передачей субъектам федерации ряда прав. Отдельный раздел программы был посвящён урегулированию экономических отношений с республиками бывшего СССР.

³ Стоит оговориться, что летом 1992 г. команда Е. Т. Гайдара разработала проект правительственной стратегии, которая, правда, не стала официальным документом.

Правительство планировало реализовывать реформу в три этапа (по 1996 г. включительно), постепенно достигая стабилизации.

Следующая Правительственная программа на 1995–1997 гг. была принята в апреле 1995 г. [10]. Руководство страны констатировало локализацию экономического кризиса, создавшую предпосылки для перехода к следующему этапу реформ и развития российской экономики. Одновременно признавалось, что произошло новое усиление политической напряжённости в обществе, вызванное следующим витком инфляции, которая на конец 1993 г. составляла 840% (в расчётах к предыдущему году) [12], и военными действиями в Чечне.

По мнению авторов программы, необходимо было провести интенсификацию инвестиционной политики посредством совершенствования законодательства и создания федеральных инвестиционных планов долгосрочного вложения в новые технологии, стратегически значимые отрасли промышленности, развитие регионов. Была поставлена задача — осуществить «строительство моста между инфляционным прошлым и инвестиционным будущим» [10], что, в первую очередь, требовало достижения финансовой стабилизации и снижения инфляции, ускорения институциональных преобразований.

В программе подводились итоги прошедших лет. С одной стороны, констатировались проблемы в экономике: спад производства (за 1991–1994 гг. ВВП снизилось на 39%, а продукция промышленности — на 44%), нахождение страны в глубоком инфляционном и инвестиционном кризисах. С другой стороны, обобщался полученный опыт, анализировались причины успехов и неудач первой правительственной программы, новые проблемы, возникшие в ходе трансформационного кризиса, обосновывались необходимые дальнейшие шаги [10]. Программа отражала задачу поиска компромисса между продолжением радикальных рыночных реформ и использованием методов государственного регулирования, что было связано с острыми политическими дискуссиями правительства с влиятельными лоббистскими парламентскими группировками [8, с. 152].

Важнейшая роль в привлечении ресурсов отводилась налоговой реформе с перемещением налогового бремени с предприятий на доходы и имущество физических лиц, а также привлечению средств на внутреннем рынке, в том числе за счет выпуска государственных ценных бумаг.

Улучшение ситуации в социальной сфере предполагалось достичь за счёт создания экономических и институциональных условий для привлечения инвестиций и их эффективного использования, «дающего быструю отдачу, позволяющую максимально увеличить доходы предприятий, населения и бюджета» [10].

Программа институциональных преобразований была выстроена не в форме эффектных крупномасштабных действий, а по

принципу «кропотливой повседневной работы, постепенно ведущей к формированию полноценных институтов рыночной экономики и накоплению позитивных результатов» [10].

Таким образом, реализация данной правительственной программы должна была завершить решение стратегических задач, сформулированных на V Съезде народных депутатов РСФСР.

В последней из изучаемых программ, утверждённой Председателем Правительства России В.С. Черномырдиным весной 1997 г. [9], содержались меры, которые продолжали решение задач предыдущих. Её принятие, как указывалось в тексте, определялось окончанием полномочий прежнего Правительства Российской Федерации и необходимостью некоторых текущих корректировок экономической и социальной политики, в том числе в связи с задачей реализации обязательств, взятых Б.Н. Ельциным во время предвыборной президентской кампании, которые, по мнению авторов, были «реально выполняемы» в четырехлетний период деятельности вновь избранного Президента.

Также в Программе подтверждалось отставание в реализации предыдущей правительственной программы. Добиться «энергичными и последовательными действиями» перелома в достижении целей и было определено «сутью новой программы Правительства» [9]. Программа констатировала фактическую завершенность радикальной экономической реформы, заключающуюся в проведении приватизации, либерализации и окончании периода стабилизации. Экономика развивалась в большей степени под воздействием рыночных регуляторов, это позволяло правительству утверждать, что осуществлённые шаги по реализации программ 1990-х гг. привели страну к окончанию трансформационного периода⁴.

Выводы

Таким образом, первые три среднесрочные программы развития страны, принятые Правительством России в 1993, 1995 и 1997 гг., фактически предполагали продолжение движения по стратегическому вектору, заданному Президентом Б.Н. Ельциным на Пятом Съезде народных депутатов РСФСР, и ориентировались на цели перехода к рынку и отказу от административно-командной системы.

Однако, по мере разрешения наиболее острых текущих проблем и начала адаптации общества и экономики к новым условиям фокус их тактических приоритетов постепенно эволюционировал от создания рынка к его дальнейшему развитию. Это означало, что правительство к концу 1990-х гг. считало трансформационный период в основном законченным.

⁴ Итоги реформ 1990-х гг. «в цифрах», например, динамика ВВП, реальные денежные доходов, заработной платы и пенсий по годам по отношению к 1990 г. приведены в отчете коллектива под руководством Е.Г. Ясина [13, с. 11], а итоги экономического развития страны в обобщенном виде — в работе Г.И. Ханина [14, с. 307–350].

Список источников

1. Аганбегян А. Г. *Новой России — 30 лет. Достижения и упущения*. М., 2021. 48 с.
2. Гайдар Е. Т. *Долгое время. Россия в мире. Очерки экономической истории*. М., 2005. 656 с.
3. Гайдар Е. Т., Чубайс А. Б. *Развилки новейшей истории России*. М., 2011. 168 с.
4. Григорьев Л. М. *Хронология реформ*. Препринт WP11/2006/01. М., 2006. 36 с.
5. Ельцин Б. Н. *Выступление на Пятом Съезде народных депутатов РСФСР 28 октября 1991 г.* // *Пятый (внеочередной) Съезд народных депутатов РСФСР. Стенографический отчет*. Т. 2. М.: Изд-во «Республика», 1992. С. 4–29.
6. Заостровцев А. П. *Егор Гайдар: экономический анализ краха государств* // *Экономика и общество / под общ. ред. А. П. Заостровцева*. СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2011. 52 с.
7. Мау В. А. *Экономика и власть: политическая история экономической реформ в России (1985–1994)*. М., 2017. 352 с.
8. Мау В. А. *Экономика и политика в первой половине 1995 г.* // *Собрание сочинений в 6 т.* Т. 4. М., 2010. 832 с.
9. *Постановление Правительства Российской Федерации № 360 от 31 марта 1997 года*.
10. *Постановление Правительства Российской Федерации № 439 от 28 апреля 1995 года*.
11. *Постановление Правительства Российской Федерации № 1152 от 6 ноября 1993 года*.
12. *Уровень инфляции* // *Статбюро*. URL: <https://уровень-инфляции.рф/таблицы-инфляции> (дата обращения: 06.09.2022).
13. *Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 годах / под. рук. Е. Г. Ясина*. М., 2011. 86 с.
14. Ханин Г. И. *Экономическая история России в новейшее время* // *Terra Economicus*. 2012. Т. 10. 408 с.
15. Шестаков Д. Е., Хаиткулов Р. Г., Самулкин А. С. *Эволюция концепции российских экономических реформ 1980–1990-х гг.* // *Серия «Экономические реформы конца XX в.: опыт и уроки новейшей истории»*. Препринт WP11/2007/01. М., 2007. 29 с.
16. *Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России (1991–1997): сб. научных трудов / гл. ред. Е. Т. Гайдар*. М., 1998. 1114 с.
17. Яник А. А. *История современной России: Истоки и уроки последней российской модернизации (1985–1999)*. М., 2012. 757 с.
18. Ясин Е. Г. *Новая эпоха — старые тревоги: Политическая экономика*. М., 2004. 320 с.
19. Ясин Е. Г. *Новая эпоха — старые тревоги: Экономическая политика*. М., 2004. 456 с.

Для цитирования:

Байдаков И. М. Реализация радикальной экономической реформы Ельцина-Гайдара в программах Правительства Российской Федерации // *Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции*. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. С.387–392.

«Мягкое вхождение в рынок»: к вопросу о проведении либеральных экономических реформ в Ульяновской области в 1991–1993 гг.

«Soft entry into the market»: on the issue of liberal economic reforms in the Ulyanovsk region in 1991–1993.

***Аннотация.** Статья сосредоточена на изучении экономической политики «мягкого вхождения в рынок», которая реализовывалась в Ульяновской области в начале 1990-х гг. На материалах архивных документов автор стремится выявить малоизученные аспекты проблемы и обращает внимание на перспективы их изучения. Полученные выводы позволяют говорить о том, что деятельность администрации Ульяновской области во главе с Юрием Фроловичем Горячевым была оправданной: социально-экономическое положение Ульяновской области было стабильным, а меры социальной поддержки позволили населению спокойно воспринимать проводимые либеральные экономические реформы.*

***Ключевые слова:** Юрий Горячев; либеральные экономические реформы; Ульяновская область; меры социальной поддержки населения; приватизация.*

***Abstract.** The article focuses on the study of the economic policy of “soft entry into the market”, which was implemented in the Ulyanovsk region in the early 1990s. Based on the materials of archival documents, the author seeks to identify poorly studied aspects of the problem and focus on the prospects for their study. The findings suggest that the activities of the administration of the Ulyanovsk region headed by Yuri Goryachev were justified: the socio-economic situation of the Ulyanovsk region was stable, and social support measures allowed the population to calmly perceive the liberal economic reforms being carried out.*

***Keywords:** Yuri Goryachev; liberal economic reforms; Ulyanovsk region; measures of social support for the population; privatization.*

К концу 1991 г. ситуация в стране ознаменовалась кардинальными переменами: была прекращена деятельность КПСС, после подписания Беловежских соглашений прекратил свое существование СССР, образовалось Содружество Независимых Государств. Ответственность за судьбу России и её дальнейшее экономическое реформирование взяли на себя президент России Борис Николаевич Ельцин и правительство во главе с Егором Тимуровичем Гайдаром. С 1 января 1992 гг. начали осуществляться либеральные экономиче-

---

¹ Соискатель кафедры российской истории исторического факультета Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королёва.
Candidate's degree applicant of the Department of Russian History, Faculty of History, Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev.

ские реформы, которые шли по трём основным направлениям: либерализация оптовых и розничных цен [1, л.24–27]; массовая приватизация государственной собственности; структурная перестройка промышленности и конверсия военного производства [9, с. 201–202].

Главы субъектов Российской Федерации были свободны в выборе стратегии реформирования экономики регионов. Цель данной статьи — рассмотреть особенности экономической политики «мягкого вхождения в рынок», избранной руководством Ульяновской области в начале 1990-х гг.

В качестве источников были задействованы документы архива Ельцин-центра [1;2], и Государственного архива Ульяновской области [3;4;5]. Среди источников личного происхождения выделим воспоминания главы администрации Ульяновской области Юрия Фроловича Горячева [13] и генерального директора Ульяновского завода Павла Павловича Лежанкина [11]. Историография рассматриваемого вопроса не обладает высокой степенью научной проработанности: отметим статью экономиста Б. С. Кичигина [10] и политолога А. Магомедова [12].

Указом президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина от 9 января 1992 г. главой администрации Ульяновской области был назначен Ю. Ф. Горячев [2, л.25]. До назначения на данный пост Ю. Ф. Горячев занимал должность председателя исполнительного комитета Ульяновского областного Совета народных депутатов, с апреля 1990 по июль 1991 гг. являлся первым секретарем Ульяновского обкома КПСС [8, с. 54]. Ю. Ф. Горячев имел репутацию честного руководителя, который не принял либеральные реформы и бросил вызов «шоковой терапии» Б. Н. Ельцина — Е. Т. Гайдара. На страницах федеральной прессы данная модель экономической политики получила название «ульяновского феномена», местные руководители называли избранный курс «мягким вхождением в рынок» [12, с. 96].

Администрацией Ульяновской области был сделан упор на коллективные формы собственности с активным использованием государственных форм регулирования [10, с. 112]. В первую очередь, был создан внебюджетный фонд стабилизации экономики за счет сумм, поступающих от местных налогов, от сборов за нарушение федеральных законов, за счёт штрафов по линии Госавтоинспекции, сборов с рекламы и т.д. [13, с. 93]. По воспоминаниям Юрия Алексеевича Рогова, в начале 1990-х гг. занимавшего пост начальника областного управления торговли, для поддержки местного сельскохозяйственного производства сельхозпроизводителям выделялись беспроцентные товарные кредиты на посевные и уборочные работы. Погасить кредит сельхозпроизводитель должен был внесением своей продукции в региональный фонд-мяса, молока, зерна и т.д. [7, с. 52–54].

Также в Ульяновской области на протяжении 1990-х гг. активно проводились ярмарки, которые устраивались, исходя из средств внебюджетного фонда стабилизации экономики: участникам ярма-

рок оплачивали проживание в гостиницах и заправку машин горючим. Предприятия ассоциации местной промышленности организовывали в дни ярмарок торговлю сельскохозяйственной продукцией, кулинарными и кондитерскими изделиями, полуфабрикатами, продовольственными и непродовольственными товарами [5, л.54–56]. Принятые меры позволили ввести гарантируемый минимум снабжения продуктами по стабильным ценам, а также сохранить талонную систему [15, с. 4].

Также администрация Ульяновской области взяла на себя функции координатора между торговлей и переработкой. За счёт бартерных операций обеспечивался необходимый объём товарных запасов круп, макарон, сахара [3, л.123]. Были определены объёмы реализации продтоваров по дотируемым ценам. У торговли появились оборотные средства за счёт поставки продукции по договорам, предусматривающим расчёты с производителем в сроки от пяти дней (за проданный хлеб) до двадцати пяти дней (за мясопродукты). Умелые руководители предприятий использовали гарантированную вырубку для закупки ходового товара, не прибегая к услугам банков. Благодаря товарным кредитам администрация Ульяновской области обеспечивала продовольственным магазинам получение до 70% реализуемых ими товаров [14, с. 28–29].

Большую роль в областной экономике играл Ульяновский автомобильный завод. Зачастую именно продукция завода позволяла администрации осуществлять бартерный обмен с различными предприятиями как на территории Ульяновской области, так и с другими субъектами Российской Федерации [3, л.222]. На протяжении 1990-х гг. именно УАЗ обеспечивал значительную долю и налоговых поступлений в бюджет области [11, с. 167].

Темпы приватизации в Ульяновской области были одними из самых низких среди субъектов Российской Федерации. В октябре 1993 г. в эфире российского телевидения председатель Государственного комитета РФ по управлению государственным имуществом Анатолий Борисович Чубайс сообщил, что президент России Б.Н.Ельцин провел разговор с главой администрации Ульяновской области Ю. Ф.Горячевым по поводу тяжелого хода приватизации [6, с. 222].

Областная администрация в начале 1990-х гг. принимала значительные меры по социальной поддержке населения. В январе 1992 г. глава администрации Ульяновской области поручил областным отделам цен, торгово-бытового комплекса, координации торговли и сферы услуг проработать вопрос о снижении цен на сметану, творог, булки и основные продовольственные товары. Заместители главы администрации должны были подготовить предложения по количественному составу жителей области с низкими доходами (инвалиды, пенсионеры, многодетные семьи, одинокие матери, безработные) и необходимый перечень продовольственных товаров для продажи данной категории граждан по талонам и по сниженным ценам [4, л.3].

В целях оказания оперативной социальной помощи пенсионерам, инвалидам и другим остро нуждающимся гражданам создавалось отделение срочной социальной помощи с организацией временного проживания, питания, медицинского обслуживания данных категорий населения [4, л.9]. В Ульяновске открывались пункты общественного питания для пенсионеров, одиноких престарелых и малообеспеченных граждан [4, л.11]. Областной отдел здравоохранения отпускал детям до двух лет из многодетных и малообеспеченных семей молочную продукцию, изготовленную на детских молочных кухнях бесплатно, а сухие молочные смеси и консервы для детского питания детям первого года жизни торгующие организации должны были отпускать по ценам, сложившемся до 02.01.1992 г. только по рецептам врачей [4, л.14]. В конце января 1992 г. был создан областной комитет социальной поддержки населения, его председателем назначили Виктора Михайловича Радаева [4, л.117]. В рассматриваемый период в полной мере продолжала реализовываться региональная социальная программа «Забота», которая предусматривала предоставление социальных гарантий и льгот инвалидам, пенсионерам, солдатским вдовам, детям-сиротам. Перечисленные категории граждан обеспечивались продуктами питания, топливом, товарами первой необходимости по доступным ценам [13, с. 96].

Таким образом, в 1991–1993 гг. Ульяновская область была регионом со стабильной социально-политической обстановкой: экономическая политика областной администрации была направлена прежде всего на социальную защищенность различных категорий населения. В результате реализации курса «мягкого вхождения в рынок» в начале 1990-х гг. обстановка в регионе была благоприятной. Это выражалось прежде всего в сравнительно низкой стоимости «потребительской корзины», более высоком уровне потребления жителями области наиболее ценных продуктов питания [16, с. 174]. Однако избранный курс был эффективен в начале 1990-х гг., но к середине 1990-х отказ от рыночных преобразований привел областную экономику к предкризисному состоянию: руководству региона не удавалось привлекать дотации из федерального центра и устанавливать внешнеэкономические связи, что не способствовало притоку инвестиций и развитию сферы предпринимательства.

Список источников

1. Архив Президентского центра Б. Н. Ельцина. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1.
2. Архив Президентского центра Б. Н. Ельцина Ф. 8. Оп. 1. Д. 2.
3. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 4298. Оп. 1. Д. 1.
4. ГАУО. Ф. 4298. Оп. 1. Д. 12.
5. ГАУО. Ф. 4298. Оп. 1. Д. 83.
6. Дёмочкин Г. А. Антология жизни: 1991–1996 гг. Ульяновск: Печатный двор, 2004. 472 с.
7. Забота у нас простая... / Фонд наследия Ю. Горячева «Горячев-фонд». Ульяновск, 2015. 168 с.
8. За ними стояла область... / Сост. Р. В. Ильязова. Ульяновск, 2019. 64 с.

9. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XX век (1918–1998). М., 2000. 232 с.

10. Кичигин Б. С. Ульяновская область: путь к рынку // Основные аспекты регионального политического процесса: Ульяновская область между выборами: сб. статей и научных материалов / под общ. ред. Н. В. Дергуновой. 2004. Вып. 2 (1). С. 108–118.

11. Лежанкин П. П. Состоявшаяся жизнь: Записки генер. директора. Ульяновск, 2002. 240 с.

12. Магомедов А. Ульяновская область: политический патронат взамен гражданского общества // Региональные выборы и проблемы гражданского общества в Поволжье (в рамках 3-го Конгресса по полит. регионологии, Большое Болдино, 21–23 сент. 2001 г.) 2002. С. 96–102.

13. Миндубаев Ж. Б. Присяга делу: Юрий Горячев на фоне «ретро». Ульяновск, 2010. 159 с.

14. Миндубаев Ж. Б. Регион крупным планом: Ульяновская область // Российская Федерация. 1996. № 9. С. 26–29.

15. Программа развития области кандидата на должность губернатора области Горячева Ю. Ф. Ульяновск, 2000. 15 с.

16. Ульяновская — Симбирская энциклопедия: в 2 т.: Т. 1: А — М / ред.-сост. Егоров В. Н.; ред. совет: Алексеева Н. В. (пред.) и др. Ульяновск, 2000. 397 с.

Для цитирования:

Абрашкин С. Н. «Мягкое вхождение в рынок»: к вопросу о проведении либеральных экономических реформ в Ульяновской области в 1991–1993 гг. // Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. С.393–397.

Новый этап мешочнического движения в России: 1990-е годы

New phase of bagmen's movement in Russia: 1990s

Аннотация. В статье уделяется внимание характеристикам «челночного» (то есть мешочнического) предпринимательства в России 1990-х гг. Новизна исследования видится в том, что эта стадия коммерческой деятельности рассматривается как этап эволюции отечественного мешочнического движения в целом в XX в. Обращено внимание на причины, порождавшие изменения данного движения. Доказано, что условия функционирования масштабного мешочничества в изучаемое время принципиально отличались от предыдущих периодов. Ключевое отличие автор обнаруживает в легализации в 1992 г. свободы торговли. Данный фактор в статье отнесен к основным предпосылкам для налаживания компромисса между властью и многими миллионами мешочников, мелких торговцев.

Ключевые слова: мешочники, челноки, рынки, свобода торговли, предприниматели.

Abstract. The paper is concerned with the characteristics of "shuttle traders" (i. e., bagmen) activities in Russia in the 1990s. It argues for the idea that this phase of commercial activity is the evolution of domestic bagmen's movement of the 20th century. It draws our attention to the reasons which led to its changes. The study establishes that the mechanisms of extensive bagmen's movement at that period differed from previous ones. The key difference is connected with the legalization of free trade in 1992. The author proposed that this factor became one of the basic preconditions of finding compromise between the authorities and many millions of bagmen and small traders.

Keywords: bagmen, shuttle traders, markets, freedom of trade, entrepreneurs

Двадцатый век выдвинул перед отечественным сообществом ряд трагических и масштабных вызовов. Отвечая на них, власть и народ зачастую не могли найти общего языка и вступали в конфликт друг с другом. Сказанное в полной мере относится к сфере обеспечения населения продуктами и предметами широкого потребления. Без непосредственного участия граждан в организации снабжения регионов (иначе говоря, без свободы торговли) страна обрекалась на постоянные нехватки всего самого необходимого. Тем не менее антикапиталистическая ориентация, ставшая в XX веке приоритетным для государства фактором, уводила в сторону от прагматики.

Предметом исследования в этой работе стало мешочничество 1990-х гг. (в форме т.н. «челноничества»), которое автор рассматривает

¹ Д-р ист. наук, профессор кафедры русской истории Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Doctor of History, Professor of the Department of Russian History, Herzen Russian State Pedagogical University.

как составную часть отечественного мешочничества XX в. Под мешочниками понимаются мелкие участники процессов купли-продажи. Они перемещали грузы, в том числе на собственных плечах; для этого использовались мешки или их заменители — чувалы, вместительные сумки. Мелким торговцам приходилось затрачивать мускульную энергию и в том случае, если они обращались к немногочисленным помощникам.

Самоснабжение (мешочничество) становилось предметом изучения отечественных авторов. Исследователи связывали его эволюцию в XX в. с основными тенденциями политического развития, обращали внимание на социальный облик участников движения, определяли периодизацию челночной торговли 1990-х гг. [7, с. 62–66; 9, с. 44–51; 5, с. 193–200]. Вместе с тем стоит присмотреться внимательней к формам и методам деятельности мешочников 1990-х гг. В этих целях, в частности, автор обратился к не использовавшимся в научной литературе по данной теме содержательным воспоминаниям кандидата биологических наук, журналиста Эльвиры Филипович — деятельной участницы мешочничества 1980-х — 1990-х гг.

Мелочный контроль за рыночными отношениями абсолютно противоречил вызовам времени, однако советское государство упорно проводило его в жизнь. В этих целях оно шло на большие траты материальных ресурсов и вместе с тем встречало недовольство населения. Так, в годы Гражданской войны в России борьба за прямой продуктообмен привела к конфликту власти с большей частью населения. По утверждению деятелей большевистского руководства, выявить мешочника-спекулянта можно было по такому показателю: если гражданин провозил из пункта А в пункт Б более 10 фунтов хлеба и 10 фунтов других продуктов, то он враг. В то же время государство, монополизировав несвойственные ему маркитантские функции, терпело поражение в распределительной сфере, что фактически стимулировало подъём мешочнического движения.

На протяжении большей части XX века процесс эволюции российского мешочничества включал пять этапов. Имеются в виду:

- 1) период «русской смуты» 1917–1921 гг., когда в основном снабжение граждан обеспечивал полуорганизованный и при этом нелегальный рынок;
- 2) время «социалистической реконструкции» в конце 1920-х — в 1930-е гг.;
- 3) Великая Отечественная война и первые послевоенные годы;
- 4) эпоха 1970-х-1980-х гг., символом которой стали «колбасные» электрички и поезда с миллионами мешочников, избравшихся официальной пропагандой в виде рвачей — носителей частнособственнической идеологии [1, с. 8, 12].
- 5) 1990-е гг. Этот особый период и рассмотрим в статье, отмечая общие и отличительные его черты в сравнении с предыдущими.

Граждане СССР воспользовались проводившимся с 1987 г. снятием ряда ограничений выезда из СССР и въезда в страну, а также от-

меной в Советском Союзе процедур уголовного преследования мелких неоднократных спекуляций. В этих условиях стимулом к подъёму мешочничества в «позднем» СССР (на рубеже 1980-х — 1990-х гг.) стали рыночные преобразования в Польше и Чехословакии [10, с. 50]. Там резко повысились цены на товары ширпотреба, в то же время в Советском Союзе цены ещё оставались свободными и относительно низкими. В итоге граждане СССР (учителя, инженеры, зоотехники и другие специалисты) отправлялись в названные страны с мешками и рюкзаками, набитыми мылом, зубной пастой, слесарными инструментами, кофемолками, утюгами, фотоаппаратами «Смена». Продажа всего этого давала десятикратную (до тысячи процентов) прибыль; на полученные доллары челноки закупали за рубежом и везли домой джинсы, детские костюмы и т.д.

Кандидат сельскохозяйственных наук Эльвира Григорьевна Филипович в своём дневнике рассказывала, как на знаменитом Карловом мосту в центре Праги продавала павловопосадские платки. О рынке в чешском селе Валу она писала так: «Три недлинных ряда крытых прилавков и целое поле, где торгуют прямо с передков машин. У авто чехи предлагают привезённое из Польши и Германии, наши (советские) челноки — за прилавками». Эта запись относится к 10 сентября 1990 г. Как видим, начало оформляться такое явление как «челночничество». Филипович и подобные ей «самоснабженцы» периодически занимались самостоятельной доставкой мелких партий товара с места закупки для реализации среди знакомых и друзей.

Однако к весне 1991 г. мешочничество «экспорт» оказалось в кризисе по причине насыщения советскими товарами рынков приграничных стран. 10 марта 1991 г. Э.Г. Филипович обратила внимание на рост конкуренции среди советских челноков и сделала запись в дневнике: «Базарный день в Валах. Раньше на русский товар кидались, а нынче таких, как я, ого-го» [9, с. 365, 379, 389].

Приведенные Э.Г. Филипович факты выразительны, но по своей сути они больше относятся к тому мешочническому этапу, который выпал на 1970-е — 1980-е гг. Тогда советские моряки дальнего плавания, спортсмены, артисты привозили в немалом количестве из-за рубежа импортные вещи для фарцовки (слово произошло от английского “for sale”).

Переход отечественного мешочничества к пятому этапу начался 29 января 1992 г. Тогда президент Борис Николаевич Ельцин подписал закон «О свободе торговли» — революционный документ, положивший конец монополии государства в сфере распределения товаров и услуг. В результате возникло массовое мешочничество, из участников которого даже стал образовываться целый новый класс предпринимателей [8, с. 5]. Для государства отказ от монополии в торговле был принципиальным решением: оно осуществило поворот от тотального регулирования к свободе торговли. В дальнейшем пойдут процессы регламентации и регулирования последней, но не отказа от нее.

Россиянам предоставлялось (с некоторыми оговорками) право продавать всё, что не запрещено законом, и в любых «удобных» местах. Как писал известный экономист В. Новиков, «на какое-то время страна превратилась в большой базар в самом прямом смысле слова» [6, с. 7].

Таким образом, государство публично даровало населению право торговать. Такая новация, в свою очередь, выступила стимулом появления и развития многочисленных направлений мелкого предпринимательства. Повторился в этом смысле давняя нэповская история, содержанием которой было дарование властью свободы торговли простому народу. Сформировавшиеся при коммунизме бюрократический аппарат и традиционалистски настроенные слои населения всячески осуждали эту акцию ельцинского правительства. Однако немалая часть народа её приветствовала, поскольку реальностью стало включение в «челночный» бизнес (т.е. в процессы купли-продажи и спекуляции) весьма значительной части населения, а именно — по новейшим данным — многих миллионов активных граждан [3, 10].

Поднялся «девяятий вал» самоснабжения. По масштабам и мощи он схож с «валом» времен военного коммунизма, однако не обнаруживалось ничего общего с «фронтовым» противостоянием мешочников с властью. По городам и сёлам стали открываться бесчисленные легальные мелкие рынки [4, с. 18]. На первых порах миллионы россиян распространяли изделия новых небольших отечественных фирм. Они выполняли функции мешочников и заняли своё особое место в экономике.

Социолог Е. Н. Ядова справедливо считает многочисленную группу челноков 1990-х гг. (то есть мешочников) «слоем протопредпринимателей». Она пишет: «В этой группе вырабатывались стратегии адаптации к рыночным условиям и формировались такие постсоветские ценности, как индивидуализм, предпринимательская инициатива, отношение к деньгам как к капиталу, восприятие карьеры как развития своего дела» [7, с. 62]. По мнению других исследователей, хозяйственная функция челноков проявилась в том, что они «создали в торговле рыночную ситуацию, позволили потребителям с низкими доходами найти нужные товары» [2, с. 44].

Мешочничество в очередной раз стало ответом на кризисный вызов. Организованные коммерческие структуры не были заинтересованы в торговых операциях с сотней-другой килограммов продукции. При этом мелкие вольные добытчики товаров данный недостаток устраняли, что позволяло гораздо полнее использовать рыночные фонды. Государство на первых порах в их дела не вмешивалось и сохраняло нейтралитет, однако со временем начало облагать новоявленных мешочников налогами [1, с. 619, 620]

С 1993–1994 гг. мешочники в основном занялись скупкой-продажей импортных товаров. Воспользовавшись свободой зарубежных поездок, около 10 млн. россиян стали регулярно посещать Польшу, Турцию, Сирию, Индию, Китай и привозить оттуда товары ширпотреба для перепродажи на тысячах российских рынков и ба-

заров. Именно это занятие теперь и стало именоваться «челночничеством» (под ним понимались только регулярные поездки за границу) [3, с. 10]. Таков был современный вариант мешочничества. В общей сложности численность «челноков» и тех, кто их обслуживал (водителей, продавцов, охранников и т.д.), достигла к 1996 г. 30 млн. чел., а это более трети трудоспособного населения России [11, с. 7]. Движение получило черты организованности: образовались десятки легальных фирм, которые занимались доставкой грузов из-за границы и его растаможкой. Они же открыли свои агентства во многих странах и организовывали туда шоп-туры.

По масштабам мешочничество 1990-х гг. сопоставимо с военно-коммунистическим его предшественником. Однако существовало принципиальное различие: при военном коммунизме мешочничество приобрело черты организованности, однако было нелегальным и поэтому превратилось в угрожавший государству «фронт».

В 1990-е гг. в целом общественное значение изучаемого движения следует оценить положительно. Люди были заняты делом, благодаря чему снижалась социальная напряженность. К тому же российское население получало необходимые ему товары, а государственный бюджет — небольшие налоговые поступления.

Список источников

1. Давыдов А. Ю. Третий фронт гражданской войны в России: мешочничество. СПб.: Евразия, 2019. 672 с.
2. Иванов В. В., Комлев Ю. Ю., Толчинский Л. Г. «Челночный» бизнес в Казани // Социологические исследования. 1998. № 11. С. 40–44.
3. Изучение особенностей и истории теневой экономики в России как профилактический способ борьбы с ней. Тула: Тульский полиграфист, 2009. 147 с.
4. Котин М. Чичваркин Е...геней. Если из 100 раз тебя посылают 99. М.: Коммерсант; СПб.: Питер, 2007. 317 с.
5. Лопата А. С. Социальные практики челноков в условиях трансформации российского общества 1990-х гг. // Ветер перестройки: сборник материалов первой Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 28–30 октября 2021 г. / А. Д. Матлин (отв. ред.). СПб.: Скифия-принт, 2022. С. 193–200.
6. Новиков В. Куда зашла свобода торговли // Ведомости. 2018. 29 января. С. 7.
7. Ядова Е. Н. Предпосылки смены профессиональной занятости первой волны челноков // Социологические исследования. 2008. № 4. С. 62–66.
8. Рябов А. В. Десятью второй год // Кентавр. 1993. № 1. С. 3–17.
9. Филипович Э. Г. От советской пионерки до челнока-пенсционерки. Книга 2. 1973–1994. М.: А. Богатых и Э. Ракитская, 2003. 582 с.
10. Щербакова И. В. Советская предыстория челночества: от мешочников до кооператоров // Социологические исследования. 2008. № 4. С. 44–51.
11. 41% россиян участвует в челночном бизнесе // Аргументы и факты. 1996. 7 августа. С. 7.

Для цитирования:

Давыдов А. Ю. Новый этап мешочнического движения в России: 1990-е годы // Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. С.398–402.

Задорожная Екатерина Алексеевна | Zadorozhnaya Ekaterina Alekseevna¹

Альтернативные проекты радикальной экономической реформы 1992 г. по материалам Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ)

Alternative projects of radical economic reform in 1992 based on the materials of the State Archives of the Russian Federation (GA RF)

***Аннотация.** 2 января 1992 г. вступил в силу Указ Президента России о либерализации цен, что обозначило начало первого этапа экономических преобразований в постсоветской России. В настоящей статье на основе изучения документов ГАРФ рассматриваются альтернативные «шоковой терапии» проекты экономических реформ, разработанные народными депутатами. Анализируется существующая историография по данному вопросу. В результате автор приходит к выводу, что, несмотря на отсутствие радикальности рассмотренных программ, сам факт их существования уже опровергает тезис, выдвинутый правительством Егора Тимуровича Гайдара о безальтернативности «шоковой терапии». Проводится сравнительная характеристика альтернативных программ, представленных на Съездах народных депутатов России в 1992 г.*

***Ключевые слова:** «шоковая терапия», альтернативные проекты реформ, Съезд народных депутатов.*

***Abstract.** The Decree of the President of Russia on price liberalization came into force, which marked the beginning of the first stage of economic transformation in post-Soviet Russia on January 2, 1992. This article discusses alternative «shock therapy» projects of economic reforms developed by people's deputies, based on the study of the documents of the GARF. The existing historiography on this issue is analyzed and it is noted that the existing works generally do not address this issue much. In conclusion, it is concluded that despite the lack of radicality of the programs considered, the very fact of their existence already refutes the thesis put forward by the Government of E. T. Gaidar about the lack of alternatives to "shock therapy. A comparative characteristic of alternative programs presented at the Congresses of People's Deputies of Russia in 1992 is carried out.*

***Keywords:** «shock therapy», alternative reform projects, Congress of People's Deputies.*

---

¹ Учитель истории и обществознания Государственного бюджетного образовательного учреждения «Севастопольский политехнический лицей». Teacher of History and Social theories of State Budgetary Educational Institution "Sevastopol Polytechnic Lyceum".

2 января 1992 г. вступил в силу Указ Президента России о либерализации цен, что послужило началом масштабной экономической реформы. Тяжелые последствия проведения «шоковой терапии» вызвали негативные реакции общества. Ответом на действия правительства стала разработка многочисленных альтернативных экономических программ на Съездах народных депутатов.

Избранный путь перехода к рынку и развития капиталистических отношений за прошедшие 30 лет изменили структуру российской экономики. В научном сообществе продолжают споры о степени проработанности реформ и возможных вариантах их проведения. Целью исследования является изучение существовавших альтернативных проектов перехода к рынку, которые обнаружены автором в архиве.

Источниковую базу исследования составили неопубликованные материалы — проекты альтернативных программ экономических реформ, располагающиеся в описях фонда № 10026 Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) [1–3]. Кроме того, использован статистический сборник, демонстрирующий первые итоги «шоковой терапии» [7].

Существующая историография в целом мало затрагивает данный вопрос. Одним из редких исключений является работа К. Г. Рехвиашвили [5], написанная по материалам периодической печати. В своей статье автор приходит к выводу о том, что продуманные и экономически обоснованные варианты экономического реформам Егора Тимуровича Гайдара всё-таки были, а критика преобразований «сводилась к предложениям о проведении «бесшоковой» реформы, однако альтернативы не были увидены или их не захотели увидеть» [5, с. 406].

Существуют исследования на смежные темы. Российский историк В. В. Согрин, описывая начальный период проведения «шоковой терапии», уделяет особое внимание попыткам народных депутатов скорректировать правительственный экономический курс [9]. Петербургская исследовательница Е. А. Тарасова в одной из своих работ, посвященной взаимоотношениям парламента и структур исполнительной власти, уделяет внимание разработке парламентских альтернативных экономических реформ [10].

Экономический анализ изучаемых событий представлен в работах отечественных и иностранных экономистов А. Ослунда [4], Н. М. Римашевской [6], Е. Ф. Сабуровой [8]. В работах данных исследователей мы видим описание объяснение неудач проводимой правительством радикальной реформы, которые и стали причинами начала разработок альтернативных проектов народными депутатами. Стоит также отметить труд экономиста Е. Г. Ясина. Несколько глав его работ посвящены описанию существовавших альтернативных экономических программ до декабря 1992 г. в виде программ Н. И. Рыжкова и «500 дней». Именно они стали базой для многих проектов, разработанных впоследствии народными депутатами [11].

Несмотря на обильность перечисленных работ, ни одна из них не ставит своей целью изучение оригинальных текстов альтернативных проектов экономических реформ, существовавших на начало 1992 г.

Одна из программ, представленная на VI Съезде народных депутатов России в апреле 1992 г., получила название «Выход из кризиса и регулируемый переход к «предельно-эффективной» модели экономики» (авторы — А. Ю. Железнова, А. Р. Белоусов, М. И. Гельвановский, М. В. Малютин) [2, л. 37–55]. В ней предлагалось создать единый комитет по экономике (по опыту экономических реформ в Японии) [2, л. 38, 46] для развития свободной конкуренции и снижения степени монополизации экономики страны, из-за которой произошел резкий скачок цен в условиях либерализации [2, л. 48].

Предполагалось, что государство должно устанавливать потолок цен на конечную продукцию, сохранять контроль над финансовой сферой и взимать налог на сверхплановую прибыль предприятия [2, л. 51–53].

Во внешней торговле предлагалось руководствоваться следующими принципами: жёсткий таможенный тариф (правительство до сентября 1992 г. вообще отказалось от каких-либо таможенных пошлин на импорт [6, с. 154]), сохранение импорта только награничное оборудование и технологии [2, л. 51].

Первая проблема, по мнению авторов программы, должна была решаться с помощью дополнительного субсидирования малого бизнеса и законодательных актов, запрещающие пресекать сбор налогов рэкетирами [2, л. 45]. Проблема приватизации, к сожалению, не нашла своего решения в проекте. Депутаты лишь призывали её немедленно заморозить до окончания кризиса [2, л. 51].

Стоит отметить, что при создании программы экономических реформ депутаты предлагали пути решения многих социально-экономических проблем, существовавших в обществе в тот период времени. Одним из таких было предложение, чтобы государство выделяло на каждого человека по 10 кв. м. жилья, а площадь больших размеров приобреталась бы уже самим населением за деньги [2, л. 54].

Таким образом, данная программа представляется нам полноценным планом перехода к рыночной экономике, который, по мнению депутатов, должен был совершаться при жёстком государственном регулировании, искусственно созданной конкуренции и практически полном отсутствии экономических рычагов воздействия. Несмотря на то, что программа затрагивала некоторые острые вопросы, например, о криминализации экономики, она не предлагала никакого решения проблемы приватизации.

Также на VI Съезде была представлена «Программа антикризисного урегулирования» (авторы — представители «Гражданского союза» совместно с некоторыми членами правительства). Она вызывает особый интерес, т.к. представляет собой обширный план антикризисных мер [1, л. 36–61].

Антикризисные меры, как полагали депутаты, должны были проводиться с помощью государства. В первую очередь, необходимо было обеспечить поддержку предпринимателям и остановить спад производства с помощью возвращения к практике госзаказов. Правительство должно было инвестировать в предприятия, выдавать кредиты на аренду, ввести обязательное страхование малых предприятий и даже покрывать часть расходов на их нужды [1, л. 46].

Авторы программы выдвинули идею создания договоренности между производителями определённой продукции и государством, с помощью которой будет выработана фиксированная цена. Если таковая достигнута не будет, то правительство, как полагали депутаты, будет вынуждено регулировать цены самостоятельно. Помимо этого, авторы отмечали, что государство в обязательном порядке должно будет установить фиксированные цены на природные ресурсы, а также на закупочные цены и оборудование, использовавшиеся в сельском хозяйстве (одна из немногих программ, где поднималась проблема развития сельского хозяйства) [1, л. 48].

Стабилизировать внешнюю экономику авторы планировали с помощью введения стопроцентного таможенного тарифа на импортные готовые товары при полном освобождении от пошлин сырья, привозимого из-за границы для изготовления отечественной продукции [1, л. 58].

Авторы программы призывали перестать ожидать крупные иностранные инвестиции, а обратить внимание на заключение различных договоров между государствами, которые бы позволили российским товарам как можно скорее выйти на международный рынок [1, л. 55].

В заключение программы уделялось внимание мерам по стабилизации финансовой системы, предполагавшим индексировать вклады граждан. Программа содержала некоторые антиинфляционные меры. Например, регулирование темпов роста заработной платы в увязке с уровнем пенсий и стипендий [1, л. 60].

Таким образом, проект экономических преобразований предлагал решения при помощи не только государственного регулирования, но и рыночных механизмов.

Кроме программ экономических преобразований на Съездах разрабатывались и некоторые законы, которые должны были скорректировать правительственный курс. В качестве примеров можно назвать проекты законов «О народном предприятии» [2, л. 64–68] (предполагал передачу предприятия в руки работников и коллективов) и «О мерах по защите имущественных прав, граждан-совладельцев, арендных предприятий» (предлагал преобразовать предприятия с коллективной собственностью в предприятия с долевой собственностью) [3, л. 27].

Таким образом, проанализировав лишь небольшую часть, представленных на Съездах народных депутатов альтернативных экономических программ, можно сделать вывод, что программы не отли-

чались особой радикальностью, однако сам факт их существования уже показывает, что «шоковая терапия» не была безальтернативной. С другой стороны, на данный момент нельзя сделать окончательный вывод о том, что данные проекты могли быть реализованы с меньшими издержками и в принципе были жизнеспособны. Это подчёркивает потенциал для дальнейшего исследования в этой области. В нынешнем же, проводя сравнительную характеристику между проектами, мы видим в них общие черты (см. приложение 1) — недовольство стихийностью курса Е. Т. Гайдара и стремление к рынку с помощью государственного регулирования.

Государственное регулирование играло важную роль во всех приведённых выше проектах. На наш взгляд, это можно объяснить тем, что для авторов изучаемых проектов в условиях кризиса было важно, чтобы управление экономикой сосредотачивалось в руках одного органа. С другой стороны, авторы программ были людьми, рождёнными в Советском Союзе, воспитанными в условиях плановой экономики и, возможно, не имевшими достаточного опыта и знаний о работе рыночных механизмов, чтобы применить их в своих программах.

Таким образом, предложенные альтернативные программы сочетают в себе элементы двух экономических систем: плановой и рыночной. С одной стороны, проекты преобразований предполагали свободную торговлю и конкуренцию, выход на внешний рынок, частную собственность. С другой, авторы программ предлагали возврат к успешной практике госзаказов, государственному регулированию цен на ряд товаров и ограничению импорта.

Список источников

1. ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 1205. «Программа выхода России из кризиса», разработанная депутатской фракцией "Гражданский Союз", и согласительная концепция Программы, разработанная депутатскими фракциями. 155 л.
2. ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 1208. Альтернативные программы радикальных экономических реформ, разработанные депутатскими фракциями, общественными организациями. 181 л.
3. ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 1208. Справки народных депутатов, ученых с анализом экономических реформ в России. Ксерокопии. 61 л.
4. Ослунд А. Строительство капитализма. Рыночная трансформация стран бывшего советского блока. М., 2011. 720 с.
5. Рехвиашвили К. Г. Экономические преобразования России в 1992 г.: «Шоковая терапия» и альтернативные проекты Съезда народных депутатов // Парламентаризм в России: Проблемы и перспективы: сб. статей / под ред. М. В. Ходякова. СПб., 2006. С. 401–408.
6. Римашевская Н. М. Человек и реформы: секреты выживания. М., 2003. 392 с.
7. Российская Федерация в 1992 году. Статистический ежегодник. М., 1993. 654 с.
8. Сабуров Е. Ф. Реформы в России: первый этап. М., 1997. 271 с.
9. Согрин В. В. Политическая история современной России. 1985–2001: от Горбачева до Путина. М., 2001. 272 с.
10. Тарасова Е. А. Парламентская альтернатива правительственной программе реформирования экономики в России в 1992–1993 гг. // Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. СПб, 2016. С. 142–151.
11. Ясин Е. Г. Российская экономика: истоки и панорама рыночных реформ. М., 2019. 448 с.

Приложение 1. Сравнительная характеристика альтернативных программ, представленных на Съездах народных депутатов России в 1992 г.

	«Выход из кризиса и регулируемый переход к “предельно-эффективной” модели экономики»	«Программа антикризисного урегулирования»
Экстренные антикризисные меры	<p>Конкретных мер по стабилизации экономической ситуации в стране программа не предполагала, но подразумевала создание единого органа — Комитета экономики, который в условиях кризиса должен был решать все внутренние и внешние экономические проблемы.</p>	<p>Введение госзаказа на последние месяцы 1992 г. Установление фиксированных закупочных цен и цен на товары, используемые в сельском хозяйстве. Постоянное регулирование цен на продукты питания и товары первой необходимости. Создание условий для торможения роста цен.</p>
Внутренняя торговля, конкуренция и антимонопольная политика	<p>Сохранение свободы торговли в сфере легкой промышленности, т.к. там конкуренция выше, чем среди предприятий тяжелой промышленности. Создание конкурентной среды среди предприятий тяжелой промышленности путем дробления крупных предприятий. Свобода торговли в тяжелой промышленности может быть только тогда, когда у каждого предприятия будет один или два конкурента. Запрет спекуляции.</p>	<p>Установление договорной с производителями цены на производимую ими продукцию. Если согласие не будет достигнуто, то государство должно самостоятельно установить стоимость товара. Постоянное инвестирование предприятий, предоставление им кредитов на выгодных условиях. Введение обязательного страхования для малого предпринимательства.</p>
Финансовая политика	<p>Не рассматривалась в программе.</p>	<p>Индексация сбережений населения. Регулирование темпов роста заработной платы в увязке с уровнем пенсий, пособий, стипендий. Снижение налогообложения.</p>

	«Выход из кризиса и регулируемый переход к “предельно-эффективной” модели экономики»	«Программа антикризисного урегулирования»
Внешняя торговля	<p>Монополия государства на экспорт нефти, леса, металла.</p> <p>Введение внешнеэкономической самостоятельности для собственности.</p> <p>Импорт только товаров первой необходимости, технологий и сырья, с помощью которых можно создавать импортозамещающие товары.</p> <p>Введение высокого таможенного тарифа.</p> <p>Создание Россией и СНГ Федеративного Экономического Союза (экономической федерации).</p>	<p>Введение 100%-ного таможенного тарифа при освобождении от таможенных пошлин ввозимого сырья, предназначенного для производства отечественной продукции.</p> <p>Создание возможностей для отраслей, производящих товары народного потребления, покупать валюту у государства по более низкому курсу, чем рыночный.</p> <p>Обеспечение российским производителям скорейшего выхода на международный рынок.</p> <p>Отказ от установления курса рубля на основе валютных аукционов.</p>
Отношение к приватизации	<p>Сохранение особо ценных и крупных предприятий в руках государства.</p> <p>Откладывание приватизации до окончания кризиса.</p>	<p>Не рассматривалось в программе.</p>
Роль государства в экономике	<p>Осуществление государственного контроля за ценами и установка конечной цены для реализуемой продукции при перепродаже: не более чем на 20% — для продуктов питания, и не более чем 50% — для остальных товаров.</p>	<p>Программа предполагала государственный контроль над экономикой как во время проведения антикризисных мер, так и после стабилизации экономической ситуации.</p>
Другое	<p>Предполагалась программа по улучшению жилищных условий населения. Государство должно выделить по 10 кв. м на человека. Площадь больше указанной приобретает за деньги.</p>	<p>_____</p>

Для цитирования:

Задорожная Е. А. Альтернативные проекты радикальной экономической реформы 1992 г. по материалам Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) // Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. С.403–409.

ОБЩЕСТВО
SOCIETY

Система органов ВЛКСМ и молодёжь СССР в годы Перестройки The system of the Komsomol institutions and the youth of the USSR in the years of Perestroika

***Аннотация.** В статье проанализирована динамика развития взаимоотношений советской молодёжи и ВЛКСМ в период Перестройки. На основе анализа неопубликованных архивных источников сектора писем и отдела агитации и пропаганды ЦК ВЛКСМ показано, что начатый М. С. Горбачёвым процесс масштабных перемен в СССР породил в молодёжной среде надежды на обновление характера её диалога с официальными структурами. Автор демонстрирует, что эти надежды широко озвучивались в многочисленных обращениях молодых людей в комитеты КПСС, ВЛКСМ, редакции советских журналов и газет. Многие письма комсомольцев с конкретными предложениями по обновлению комсомола адресовались лично инициатору Перестройки — М. С. Горбачёву. На основе документов отдела комсомольских органов ЦК ВЛКСМ автор исследует динамику численности и изменение состава комсомола в годы Перестройки. В статье показано, что нарастающие темпы падения авторитета комсомола и сокращения его численности во многом были обусловлены попыткой сохранить монопольное влияние на умы молодёжи и слабыми темпами изменений в работе комитетов ВЛКСМ.*

Ключевые слова: молодёжь; комсомол; ВЛКСМ; Перестройка.

***Abstract.** The article analyzes the dynamics of development of the relations between the Soviet youth and the Komsomol (the Leninist Young Communist League of the Soviet Union) during the period of Perestroika. Based on the analysis of unpublished archival materials of the department of letters and the department of agitation and propaganda of the Komsomol Central Committee, it is shown that the process of large-scale changes in the USSR, started by M. S. Gorbachev, gave rise to the hopes of the youth for a renewal of the nature of their dialogue with official structures. The author demonstrates that those hopes were widely voiced in the numerous appeals of young people to the committees of the CPSU, the Komsomol, editorial offices of Soviet magazines and newspapers. Many letters from Komsomol members with specific proposals for updating the Komsomol were addressed personally to M. S. Gorbachev as the initiator of Perestroika. Basing on the documents from the department of the bodies of the Komsomol Central Committee, the author examines the changes in the composition of the Komsomol during Perestroika. The article shows that the accelerating decline in the authority of the Komsomol and its reduction were largely due to an attempt to maintain a monopoly influence on the minds of young people and the slow pace of changes in the work of the Komsomol committees.*

¹ Канд. ист. наук, учёный секретарь ин-та истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан.

Candidate of Historical Sciences, Academic Secretary of Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences.

Keywords: *youth; the Komsomol; the Leninist Young Communist League of the Soviet Union (LYCLSU); Perestroika.*

Поколение советской молодёжи 80-х гг. XX в. стало свидетелем и участником грандиозных по своим масштабам перемен, начатых в ходе Перестройки. Одновременно с происходившими в стране преобразованиями каждый молодой человек менялся сам и проходил свой собственный путь взросления. Молодёжь оказалась в ситуации выбора со многими неизвестными. Ей предстояло преодолеть сложный путь от детства к взрослой жизни, и этот путь существенно отличался от жизненного пути, пройденного предшествующими поколениями в стабильной обстановке «эпохи застоя». В новых условиях молодым людям, с одной стороны, была предоставлена большая свобода выбора, с другой же — существовавшие социальные институты и нормы поведения больше не являлись гарантией успешной социализации.

Долгие годы в СССР одним из важнейших социальных институтов, обеспечивавших включение в общественно-политическую жизнь страны широких масс молодёжи, являлся ВЛКСМ. Становление советских граждан проходило через своеобразные «ступени взросления»: люди были октябрятами, пионерами, затем комсомольцами. Комсомол считался главным помощником КПСС в воспитании подрастающего поколения на идеях марксизма-ленинизма и в обеспечении постоянного притока в партию новых членов — активных строителей коммунизма. Комсомольская работа должна была оказывать большое влияние на воспитание личности молодого человека. Школу активной общественно-политической работы в комсомоле прошли очень многие юноши и девушки. Поэтому комсомол играл большую роль в жизни и деятельности советской молодёжи с точки зрения интеграции последней в официальные советские структуры. Вместе с тем, ко временам позднего социализма комсомол всё больше приобретал чисто бюрократические черты ещё одного формального института советской нормальности.

В историографии истории последних лет существования комсомольской организации и её взаимодействия с молодёжью присутствует ряд работ, авторы которых с разных позиций и ракурсов подходили к рассмотрению истории ВЛКСМ. Некоторые из них — Валерий Андреевич Луков [8], Владимир Константинович Криворученко, Владимир Алексеевич Родионов, Олег Владимирович Татаринев [7], Александр Степанович Степанов [26] — рассматривали взаимодействие советской молодёжи и комсомола в широком контексте развития молодёжного движения в большой хронологический период: от создания организации в 1918 г. до её самороспуска в 1991 г. Истории ВЛКСМ периода Перестройки посвящены работы Игоря Михайловича Ильинского [6], Виктора Викторовича Нехаева [12], Виктора Ивановича Мироненко [10], Мансура Михайловича Мухамеджанова [11]. Различные аспекты истории комсомола и его взаимодействия

с молодёжью позднего СССР, молодёжной социально-политической, культурной и иной активности, в т.ч. посредством неформальных молодёжных инициатив, а также особенностей молодёжной политики затронуты в работах Сергея Ивановича Плаксий [13], Хилари Пилкингтон [30], Арсена Аркадьевича Мелитоняна [9], Александра Владленовича Шубина [27], Алексея Сергеевича Бушуева [1] и других авторов. Вместе с тем, сегодня очевидна необходимость продолжения исследований в этом направлении. Новые источники становятся всё более доступны для исследования. Их привлечение позволяет дополнить картину общественной жизни молодёжи позднего СССР, сделать эту картину более выразительной. В этом ключе автор данной статьи на основе привлечения не только делопроизводственной документации комсомольских органов, отложившихся в фондах РГАСПИ и региональных архивов, но и источников личного происхождения — обращений комсомольской молодёжи, направленных в органы ВЛКСМ и ЦК КПСС, в редакции комсомольских печатных органов, — ставит целью исследовать характер взаимоотношений органов ВЛКСМ и советской молодёжи и его динамику в период Перестройки.

В указанные годы идейно-политическому воспитанию молодёжи уделялось большое внимание. В системе комсомольской политучёбы и экономического образования ежегодно было задействовано большое количество молодых людей. В 1985/86 уч. г. в ней обучалось 10,3 млн. чел., из них подавляющее большинство (89,7%) состояло в ВЛКСМ; если обратиться к статистике со стороны самой организации, то в системе обучались 42,8% комсомольцев страны [16, л. 111–113]. Специально подготовленные комсомольские и партийные работники читали лекции на различные актуальные, на взгляд высших партийных и комсомольских руководителей, темы. Слушателями изучались труды классиков марксизма-ленинизма, официальные партийные и комсомольские документы, вопросы истории партии и комсомола, текущей политики государства и развития отдельных отраслей экономики и др. Существовал устойчивый запрос со стороны молодёжи на получение информации общественно-политического характера. Исследование НИЦ ВКШ при ЦК ВЛКСМ выявило рост интереса ко внутри- (65%) и внешнеполитической жизни страны (62%) у советской молодёжи в начальный период Перестройки [28, с. 4].

Однако система политического воспитания молодёжи имела преимущественно просветительский, зачастую доктринёрский характер. Государство проповедовало исключительный патернализм в отношении к молодёжи, ей навязывалась центральная линия партии и правительства, сообщалось о решениях очередных съездов, пленумов, а не о насущных жизненных вопросах, волнующих молодое поколение. Вся сообщаемая информация носила крайне идеологизированный характер.

С началом курса на ускорение социально-экономического развития страны, а затем и перестройки политической системы советского

общества существовавшая долгие годы и, как казалось, отработанная до мелочей система политического просвещения и воспитания начала давать сбои. Это приобрело характер серьёзной проблемы к 1987 г., когда политическое руководство страны всерьёз заговорило о гласности.

Молодёжь всё более открыто начинает выказывать недовольство существующим порядком вещей. В этих условиях ни партия, ни комсомол зачастую не справляются с ситуацией. Начинается процесс падения авторитета комсомола в глазах молодёжи, затем это распространяется на партию и другие официальные структуры.

Масштабы проблемы приобрели угрожающий характер, поэтому даже в отчётах райкомов и горкомов КПСС отмечается, что «бездействует большинство школ комсомольской учёбы <...> комсомольцы остаются в стороне от идейного влияния» [2, л. 14]. Формы учёбы не отвечали возраставшим в условиях гласности общественным запросам, а массовый охват вступил в противоречие с дифференцированным подходом к интересам молодёжи. В результате заметно снизилась роль системы политического образования. В ней к 1989 г. было занято лишь 50% студентов. При этом её ценность (по оценке самих студентов) с 1987 по 1989 гг. упала с 6% до 3,5%, зато участилось обсуждение политических вопросов в процессе межличностного общения молодёжи: если в 1987 г. на это указывали от 30% до 40% респондентов в разных возрастных категориях, то в 1989 г. эта цифра составила уже уверенные 45% [29, с. 67–69]. Этот факт свидетельствует о действительном, а не формальном росте интереса молодых людей к политическим вопросам.

Многочисленные письма молодых комсомольцев, направленные ими лично инициатору Перестройки Михаилу Сергеевичу Горбачёву, а также в адрес КПСС, ЦК ВЛКСМ, в редакции советских журналов и газет, свидетельствуют о том, что молодёжь размышляла о накопившихся в комсомоле проблемах, не хотела оставаться безучастной и, воодушевляясь начатыми в стране преобразованиями, надеялась, что их отношения с комсомолом станут более доверительными и учитывающими взаимные интересы.

Так, в коллективном письме комсомольцев Ленинграда: врача и выпускника Ленинградского санитарно-гигиенического медицинского института Д. С. Гаврилова, электрика и комсорга цеха завода имени М. И. Калинина С. П. Рахимова, студента Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта А. И. Баурина и шофёра автопарка «Спецтранс» А. О. Чистова, — адресованном М. С. Горбачёву в июле 1985 г., было сказано: «Почему, встретив молодого хулигана на улице, мы почти всегда уверены, что он член ВЛКСМ? Не слишком ли простым и лёгким стал путь в ряды ВЛКСМ? Почему приём в комсомол стал планироваться? Разве честность, любовь к Родине, самоотверженность могут планироваться? Почему, читая в газетах о героях-комсомольцах, мы видим рядом с собой людей, пачкающих и позорящих звание комсомольца? Михаил Сергеевич, наверно пора

совместными усилиями преградить путь в комсомол людям, несовместимым с этой организацией» [14, л. 94].

Подобные вопросы в своём обращении в адрес редакции журнала ЦК ВЛКСМ «Комсомольская жизнь» высказывал в сентябре 1985 г. и студент Казанского университета И. Ильин. «Как Вы считаете, девальвировалось ли звание (марка, что ли?) комсомольца? Скажем, относительно тридцатых годов? Ну, пусть пятидесятых? Я считаю, что да. Звание комсомольца, мягко выражаясь, потускнело и несколько утратило былое...», — указывал автор письма [5, л. 34]. Особенностью многих подобных обращений этого периода было то, что молодёжь, всерьёз рассчитывая на полноценный диалог с властью, не только указывала на недостатки, имевшие место в комсомоле, но и предлагала свои варианты решения давно назревших проблем. Так, И. Ильин предлагал «1) резко ограничить приём в члены ВЛКСМ... 2) исключать из членов ВЛКСМ всех, кто не достоин этого звания; 3) ...установить условия приёма в члены ВЛКСМ... в 8–9 кл. <...> рановато (для многих) вступать в комсомол... 4) ...начать эффективную борьбу с бюрократизмом и волокитством; 5) ...кончать с показухой» [5, л. 35].

Редакцией журнала ЦК ВЛКСМ «Молодой коммунист» с марта по ноябрь 1986 г. было получено 440 писем [18, л. 9]. В редакционной почте значимое место занимают письма по различным направлениям деятельности комсомола. Неудовлетворённость вызывало состояние политической учёбы молодёжи: формализм, принудительная явка на занятия, царящая на них скука. В письмах дискутируется вопрос о возрасте вступления и времени пребывания в рядах ВЛКСМ, о необходимости демократизации управления в комсомоле, избавлении от устаревших, шаблонных методов работы, мелочной опеки, организованности комитетов комсомола и т.д. [18, л. 11].

В числе предложений, звучавших в письмах наиболее часто, — очистить ряды комсомола от тех, кому неинтересна работа этой организации. Такое можно обнаружить и в упоминавшемся выше коллективном письме от комсомольцев из Ленинграда, и в письме студента Казанского университета И. Ильина, а также в письме бывшего секретаря учительской комсомольской организации села Чирхи Марийской АССР С.В. Михайлова [15, л. 159]. Вопросы об изменении отношения КПСС к комсомолу как к пассивному проводнику воли партии ставятся в письме 25-летнего рабочего Г.И. Шегурова из Ленинграда в январе 1986 г. [15, л. 2–4].

Следуя за чаяниями комсомольцев и пытаясь улучшить работу комитетов комсомола по всей стране, высшие руководители только за 1985 г. отстранили от работы более 100 секретарей и 40 заведующих отделами горкомов и райкомов, а также более двух тысяч секретарей первичных комсомольских организаций как не справившихся или скомпрометировавших себя [17, л. 161].

Предложение отказаться от территориально-производственного принципа формирования первичек в пользу их устройства по ме-

сту жительство молодежи на базе «молодёжных центров», которые бы взаимодействовали с другими организациями, было высказано в письме И. А. Козулина в январе 1986 г. [15, л. 7–9].

Комсомольцы всё более открыто критиковали тех, кто не желал перестраиваться. Не сумевшая вовремя адаптироваться к новым веяниям Перестройки региональная пресса постепенно утрачивает доверие молодёжной аудитории. Так, в ходе областной комсомольской конференции в январе 1987 г. секретарь завода «Искож» (в Казани) И. Авандеев, обращаясь к секретарю Татарского областного комитета комсомола Д. К. Шаяхметову, указывал: «Нас не устраивает качество газеты “Комсомолец Татарии”. Редкий номер интересно читать» [1, с. 52].

Функционеры ЦК ВЛКСМ при ответе авторам подобных обращений хотя и соглашались, что определённые проблемы в комсомоле существуют, но чаще всего либо подчёркивали, что авторы не в полной мере знакомы с работой и достижениями комсомола, либо ссылались на невозможность столь резких перемен, либо, в лучшем случае, сообщали авторам, что их предложения будут учтены при подготовке XX съезда ВЛКСМ. Так, например, нежелание перестраивать работу комсомола на указанных И. А. Козулиным принципах было обосновано ЦК ВЛКСМ со ссылкой на то, что это «неизбежно повлечёт за собой нарушение принципов организационного строения ВЛКСМ» [15, л. 10].

Дальнейшее развитие курса Перестройки, его перегибы и «пробуксовывания», которые связывались лидерами страны и партии с т.н. механизмом торможения, и вызванное этим ухудшение условий жизни населения после 1985 г. привели к ослаблению интереса части молодёжи к политике, скептическому отношению к процессу Перестройки. Усиление этой тенденции происходит с углублением кризиса официальной идеологии и комсомола. Так, на высокий авторитет ВЛКСМ в 1989 г. ссылались только 4% студентов, тогда как на среднюю и низкую степень его указывали 17,7% и 55,6% соответственно [29, с. 97]. В результате начинается ежегодно всё более возрастающий отток молодёжи из рядов ВЛКСМ.

За шесть лет с 1985 по 1991 гг. численность ВЛКСМ сократилась на 45,1% (с 41,9 до 23 млн. чел.). Рассмотрим детально: если в начальный период Перестройки ежегодный отток не превышал 3% численного состава, то в 1987 г. он удвоился и составил уже 6,2%, повторное удвоение этого коэффициента (до 12,4%) произошло в 1989 г., наконец, за один 1990 г. комсомол покинул каждый четвёртый комсомолец (26,2% численного состава) [19, л. 1–1об.; 20, л. 1–1об.; 21, л. 1–1об.; 22, л. 8об.; 23, л. 1; 24, л. 1; 25, л. 4]. Постановка на комсомольский учёт с 1985 по 1990 гг. упала более чем вдвое — с 13,4 до 6,2 млн. чел., приём новых членов сократился более чем на треть — с 3,7 до 2,4 млн. чел. [19, л. 2об.; 25, л. 4об.]. Это привело к изменению возрастного состава молодёжной организации: доля 14-летних членов упала с 3,8% до 1%, доля 15–17-летних — с 23,3% до 19,1%, зато доли бо-

лее старших возрастных групп выросли — у 18–23-летних с 42,8% до 46,1%, а у 24–25-летних с 16,8% до 32,8% [19, л. 1–1об.; 25, л. 4].

Всё это свидетельствует о глубоком кризисе организации, а также о том, что существующие формы работы с молодёжью больше её не устраивали. По признанию молодых людей, комитеты комсомола больше не пользуются у них авторитетом, а на проводимых мероприятиях нет возможности сопоставить различные точки зрения, поспорить о жизненной позиции [1, с. 55].

Отход молодёжи от формальных структур не ограничился выходом из рядов комсомола. Эта тенденция проявилась и в сокращении доли молодёжи среди депутатов местных Советов, делегатов партийных конференций. А партийные органы затрубили тревогу по поводу сокращения приёма в Коммунистическую партию и снижения числа комсомольцев среди вновь прибывающих [4, л. 3]. Всё сильнее разочаровываясь в формализме и заорганизованности официальных структур, молодёжь искала выход своей энергии в альтернативных комсомолу и партии неформальных клубах и объединениях, которые активно в этот период формируются.

Таким образом, мы видим, что начало Перестройки подтолкнуло советскую молодёжь к развитию дискуссии о месте и роли комсомола в жизни общества, об имеющихся место в его работе недостатках. Она, воодушевлённая «ветром перемен», обрела надежду на возможность наладить диалог с властью и сделать свои взаимоотношения с комсомолом более доверительными и взаимными. Об этом свидетельствует рост числа писем комсомольцев, адресованных в комитеты КПСС, ВЛКСМ и лично инициатору Перестройки — М.С.Горбачёву. Вместе с тем, практика показала, что формализм и заорганизованность официальных структур, излишний консерватизм комитетов комсомола и отделов его ЦК, наряду с попытками сохранить монопольное влияние на умы молодёжи, не позволили быстро перестроить работу организации, адаптировать её к современным запросам и привели в конечном итоге к утрате доверия в глазах общества. Всё это отразилось на возраставших в годы Перестройки темпах сокращения численности комсомольской организации. Не увидев своевременно желаемого и честного диалога с комсомольскими лидерами, часть молодёжи сделала выбор в пользу разнообразных неформальных структур в качестве мест приложения энергии молодости. Появление и бурное развитие подобных объединений сигнализировало о начале формирования в обществе автономной политической силы, которая в итоге бросила вызов монополии КПСС на все виды организованной политической деятельности, вовлекая в свои ряды наиболее активных молодых людей.

Список источников

1. Бушуев А.С. Развитие политического сознания молодёжи Республики Татарстан в 1985–2004 гг.: историко-социологический аспект. Казань, 2009. 204 с.

2. ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 13. Д. 156.
3. ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 15. Д. 245.
4. ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 15. Д. 1554.
5. ГА РТ. Ф. П-4034. Оп. 47. Д. 21.
6. Ильинский И. М. Комсомол в перестройке. М., 1987. 64 с.
7. Криворученко В. К., Родионов В. А., Татаринов О. В. Молодёжное движение в России и Советском Союзе: уроки истории. М., 1997. 191 с.
8. Луков В. А. Молодёжное движение в социалистическом обществе: вопросы теории и практики. М., 1987. 222 с.
9. Мелитонян А. А. Развитие социально-культурных инициатив молодёжи в период перестройки советского общества (1985–1991 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. 218 с.
10. Мироненко В. И. Комсомол в период реформации советского общества. 1985–1991 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 204 с.
11. Мухамеджанов М. М. Комсомол: последние десять лет (1981–1991) // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 6. С. 16. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/6/Mukhamedzhanov_Komsomol/ (дата обращения: 09.08.2023).
12. Нехаев В. В. Становление государственных и общественных структур по делам молодёжи: опыт, проблемы, перспективы (конец 80-х — начало 90-х гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. 279 с.
13. Плаксий С. И. Молодёжные группы и объединения: причины возникновения и особенности деятельности. М., 1988. 40 с.
14. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 45. Д. 730.
15. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 45. Д. 749.
16. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 95. Д. 342.
17. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 95. Д. 361.
18. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 95. Д. 369.
19. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 110. Д. 483.
20. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 110. Д. 580а.
21. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 110. Д. 728.
22. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 165. Д. 20.
23. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 165. Д. 26.
24. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 165. Д. 130.
25. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 165. Д. 205.
26. Степанов А. С. Безумство храбрых. О молодёжи 1917–1991 гг. М., 2008. 576 с.
27. Шубин А. В. Преданная демократия. СССР и неформалы (1986–1989 гг.). М., 2006. 344 с.
28. Щегорцов А. А. Политическое сознание молодёжи: состояние, тенденции развития // Общественное сознание и молодёжь. М., 1989. С. 4–7.
29. Щегорцов А. А., Щегорцов В. А. Советская молодёжь: эволюция политических взглядов (социологические фрагменты). М., 1990. 144 с.
30. Pilkington H. Russia's youth and its culture. London; New York: Routledge, 1994. 358 p.

Для цитирования:

Бушув А. С. Система органов ВЛКСМ и молодёжь СССР в годы Перестройки // Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. С.413–420.

Иванов Александр Михайлович | Ivanov Aleksandr Mikhailovich¹

Создание, деятельность и реорганизация Ленинского коммунистического союза молодёжи РСФСР (ЛКСМ РСФСР) по материалам Смоленского региона

The creation, activity and reorganization of the Leninist Communist Youth Union of the RSFSR (LKSM RSFSR) based on the materials of the Smolensk region

***Аннотация.** В данной статье раскрывается история заключительного этапа существования Ленинского коммунистического союза молодёжи (ЛКСМ) РСФСР по материалам Смоленской области. Автор показывает проблемы ликвидации всесоюзной организации и варианты преобразований районных комсомольских организаций, которые в 1992 г. вошли в состав новой современной структуры — Российского союза молодёжи (РСМ).*

***Ключевые слова:** районные комитеты; комсомол; комсомольские организации; реорганизация; Советский Союз.*

***Abstract.** This article reveals the history of the final stage of existence of the Leninist Communist Youth Union (LKSM) of the RSFSR based on the materials of the Smolensk region. The author shows the problems of liquidation of the all-Union organization and the options for transformation of district Komsomol organizations, which in 1992 became part of a new modern structure — the Russian Union of Youth (RSM).*

***Keywords:** district committees; Komsomol; Komsomol organizations; reorganization; Soviet Union.*

Одним из основополагающих факторов эволюции российского общества является преемственность поколений. Содержательная сторона этого процесса определяется такими требованиями, которые возникают в определённый период исторического развития государства. Период конца 1980-х — начала 1990-х гг. стал для России переломным практически во всех сферах жизни, в т.ч. в молодёжном движении. Судьбы страны решались в столицах, и последствия этих решений доходили до регионов СССР. В этой связи актуальным кажется нам проследить по региональному контексту эволюцию Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодёжи (ВЛКСМ) в Российский союз молодёжи (РСМ) через Ленинский коммунистический союз молодёжи (ЛКСМ).

¹ Канд. ист. наук, доц. каф. юриспруденции Смоленского филиала РАНХиГС, доц. каф. государственно-правовых дисциплин Смоленского филиала Саратовской гос. юрид. академии. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Jurisprudence of the Smolensk branch of RANEPА, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Smolensk branch of Saratov State Law Academy.

В советской историографии детально и всесторонне исследовалась деятельность ВЛКСМ, причём такие исследования имели ярко выраженный идеологизированный, коммунистический характер [23; 34]. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. появляются работы, в которых делается попытка по-новому осветить деятельность комсомола в различные периоды советской истории, особенно же в первые годы Перестройки, выявить причины распада организации советской молодёжи [7; 11]. В начале 2000-х гг. выходит большое количество статей, монографий, книг, диссертаций, посвящённых отдельным аспектам Перестройки: если говорить о деятельности ВЛКСМ, то здесь уместно назвать диссертационные исследования Виктора Ивановича Мироненко [24], Мансура Михайловича Мухамеджанова [25], Виктора Викторовича Ткаченко [37; 38] и др.

Следует отметить, что каких-либо серьёзных научных исследований, посвящённых деятельности комсомола периода Перестройки в Смоленской области, нет. Имеются лишь отдельные публикации — работы Валентина Валерьевича Семёнова [30; 31; 32], Владимира Коренева [20; 21], Сергея Владимировича Королёва [22] и Анатолия Александровича Стерлягова [18; 33] по истории комсомола, а также о причинах кризиса комсомольского движения в 1985–1991 гг. на примере Смоленской областной комсомольской организации.

Вопрос о создании Ленинского коммунистического союза молодёжи РСФСР (ЛКСМ РСФСР) был поднят на VIII пленуме ЦК ВЛКСМ (28–29 июля 1989 г.), на котором, из-за опасений спровоцировать сепаратистские тенденции в Советском Союзе, было рекомендовано не торопиться с оформлением статуса самостоятельности, хотя центральный комитет комсомола поддержал возможность создания республиканской комсомольской организации.

Весной 1989 г. ЦК ЛКСМ Литвы взял курс на отделение от новой комсомольской организации. Все попытки ЦК ВЛКСМ договориться с литовским комсомолом и оставить его в составе ВЛКСМ не увенчались успехом. 2–3 июня 1989 г. XXII съезд ЛКСМ Литвы заявил о своей самостоятельности. Уже в ноябре 1989 г. из состава ВЛКСМ вышел комсомол Эстонии. Для союза молодёжи это означало начало распада, и 3–4 октября 1989 г. бюро ЦК ВЛКСМ принимает решение о создании российского комсомола.

Дебаты по вопросу о создании ЛКСМ РСФСР охватывали многие аспекты деятельности комсомольской организации. Затронули эти дебаты и Смоленскую область. 15 декабря 1989 г. состоялась XXVI Смоленская областная отчётно-выборная конференция комсомола, на которой с отчётным докладом выступил первый секретарь ВЛКСМ Александр Иванович Трудолюбов, заявивший: «...создание ЛКСМ России не должно стать лишь формальным актом организационного оформления комсомольской организации России в республиканскую организацию или созданием ещё одного аппарата. Ещё одного руководящего органа. Очевидно, что с созданием ЛКСМ укре-

пятся позиции комсомольской организации России на выборах народных депутатов РСФСР» [3, л. 8–9].

Создание ЛКСМ РСФСР отвечало объективному стремлению союзных республик к подлинному суверенитету, позволяло умножить вклад молодёжи в решение задач как в равной другим республике, являлось необходимым условием преобразования ВЛКСМ на принципах федерализма.

XXVI Смоленская областная отчётно-выборная конференция в своём постановлении решила поддержать предложение VIII пленума ЦК ВЛКСМ и ряда краевых, областных комитетов ВЛКСМ об образовании Ленинского коммунистического союза молодёжи РСФСР: в частности, было признано целесообразным образовать его в качестве самостоятельного коммунистического союза молодёжи, действующего в соответствии с уставом ВЛКСМ [14, с. 78].

В ноябре 1989 г. в Десногорске проходил фестиваль комсомольцев Смоленской области, посвящённый проблемам организации, и в нём приняли участие 92 человека. Комитет комсомола Смоленской АЭС и Рославльский горком ВЛКСМ хотели провести своеобразный эксперимент в контексте жизни молодёжи Смоленщины. Результатом двухдневной работы дискуссионных групп на фестивале стал банк идей по совершенствованию деятельности комсомола. Обсуждение строилось вокруг таких ключевых тем, как финансовая самостоятельность ВЛКСМ, правовой статус организации и решение организационных вопросов. Однако у фестиваля, по мнению заведующего учебной частью учебно-методического центра при обкоме ВЛКСМ Александра Огородникова, был существенный недостаток: «...в нём в основном участвовали освобождённые комсомольские работники, которые приехали отдохнуть, пообщаться с товарищами в кулуарах» [27, с. 2].

Для окончательного организационного оформления ЛКСМ РСФСР 15–18 февраля 1990 г. в Москве был созван съезд комсомольских организаций РСФСР. Окончательное решение по ЛКСМ РСФСР вынесли в конце мая 1990 г., на втором этапе съезда, когда делегаты приняли программу, выбрали руководящие органы. Руководителем ЦК стал первый секретарь Оренбургского обкома ВЛКСМ Владимир Васильевич Елагин [14, с. 80].

Углубление кризисных тенденций в комсомоле и необходимость в связи с этим принятия срочных и радикальных мер вынудили ЦК созвать внеочередной XXI съезд ВЛКСМ (11–18 апреля 1990 г.). За время, прошедшее после XX съезда, численность комсомола упала на пять миллионов человек и продолжала сокращаться. Помимо численного состава, снизился и авторитет организации в молодёжной среде. Социологические исследования, проведённые весной 1990 г. среди комсомольской молодёжи Советского Союза, показали, что если за доверие к партии высказалась примерно треть опрошенной молодёжи, то к ВЛКСМ — лишь каждый десятый [14, с. 79].

За несколько месяцев до этого на XXVI областной отчётно-выборной конференции комсомола первый секретарь Смоленского обкома ВЛКСМ А. И. Трудолюбов заметил: «О каком авторитете комсомола среди молодёжи можно говорить, если Глинковский, Тёмкинский, Велижский, Монастырщинский, Новодугинский, Угранский РК ВЛКСМ, комитеты комсомола Смоленского льнокомбината, трикотажной фабрики, управления строительством Смоленской АЭС в течение 1987–1989 гг. не вели приём в ВЛКСМ рабочей молодёжи или принимали 2–3 человека. Прикрывая свою бездеятельность указаниями пленума ЦК ВЛКСМ о недопустимости форсированного приёма в комсомол» [39, с. 1].

На конференции был, в частности, избран первый секретарь Заднепровского райкома комсомола, которым стал Сергей Владимирович Антуфьев. Но всего через два месяца, в феврале 1990 г., он подал заявление об уходе. Вот что говорил будущий губернатор Смоленской области об изменениях в молодёжной организации: «Перестройка в комсомоле, как и всюду, проходит болезненно и остро. На смену одним лидерам приходят другие, в жарких столкновениях рождается качественно новый комсомол. Молодёжь должна сама выбирать себе лидеров, делая это открыто и прямо» [29, с. 2].

В такой ситуации XXI съезд комсомола выбрал путь радикальных преобразований. Декларация съезда определила ВЛКСМ как федерацию коммунистических союзов, объединяющих молодёжь социалистической и коммунистической ориентации. Таким образом, официально утверждая свой федеративный принцип построения, ВЛКСМ тем самым отказывался от монополии в молодёжном движении. Отменялся также принцип партийного руководства комсомолом. Теперь самостоятельность ВЛКСМ означала необязательность решений партии для союза молодёжи, выработку им собственной позиции по всем проблемам, в т. ч. политическим.

Это прямо следовало из недовольства членов ВЛКСМ, вызванного, как отметил ещё на XXVI областной комсомольской конференции первый секретарь Смоленского обкома ВЛКСМ, рецидивами административного давления на комитеты комсомола со стороны партийных органов [3, л. 10]. Секретарь Смоленского обкома КПСС И. В. Григорьев тогда же согласился, что между партией и комсомолом необходим новый уровень отношений. По этому поводу в своей предвыборной программе действий Смоленская областная партийная организация писала: «Мы выступаем за укрепление комсомола как самостоятельной молодёжной организации, стоящей на единой политической платформе с КПСС» [3, л. 10, 45], что свидетельствовало (по крайней мере, внешне) о стремлении строить новые взаимоотношения между коммунистической партией и её молодёжной организацией. Постановление вышеупомянутой комсомольской конференции зафиксировало, что впредь документы, касающиеся работы с молодёжью, её проблем, партийного руководства комсомолом, должны приниматься при совместном обсуждении партийных и комсомольских структур.

Лозунг «Долой бюрократов из партии и комсомола» запечатлел ещё одну проблему в развитии ВЛКСМ в период Перестройки — бюрократизм. Рядовые комсомольцы всё чаще видели в своём союзе один огромный аппарат управления, который пытался каким-то образом содержать себя [14, с. 80]. Стремясь как-нибудь исправить ситуацию, делегаты XXVI Смоленской областной конференции ВЛКСМ предлагали сократить выделение средств на содержание аппарата. Дело в том, что структура комсомольской организации сложилась давно, а её численность за «перестроечные» годы значительно сократилась, поскольку, как видно из таблицы 1, количество человек, снимавшихся с учёта в Смоленской областной организации ВЛКСМ, серьёзно превышало число тех, кто становился на учёт. В частности, в 1985–1988 гг. это превышение практически удваивалось ежегодно, если смотреть в процентном соотношении, а в 1989–1991 гг. показатели наглядно демонстрируют стремительный распад комсомола и подкрепляют вышеизложенное.

Табл. 1. Движение комсомольцев в Смоленской областной комсомольской организации (чел.) [14, с. 80]

	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991
Принято на учёт	41 719	41 274	37 565	39 661	24 123	486	230
Снято с учёта	44 193	46 221	47 147	48 561	43 278	36 058	20 032
Разница в процентах	5,93%	11,99%	25,51%	22,44%	79,41%	7 319%	8 610%

На деятельность Смоленской комсомольской организации отрицательно влияла частая сменяемость комсомольских работников. Кадровая политика практически отсутствовала, подбор кадров производился зачастую произвольно или по личным связям. Нередки были случаи, когда секретарей комсомольских организаций в срочном порядке назначали на другую должность, а их место оставалось вакантным в течение нескольких месяцев. За 1989 г. только в Смоленской области сменилось 29 из 58 первых и вторых секретарей райкомов и горкомов ВЛКСМ, что не могло положительно отразиться на их деятельности и авторитете среди молодёжи [3, л. 55].

Так, в Смоленской области за 1989 г. на одного освобождённо-го комсомольского работника, включая секретарей первичных организаций, приходилось: в Тёмкинском районе — 78 комсомольцев, в Глинковском — 82, в Дорогобужском — 208, в Сафоновском — 251, в Починковском — 260, в Рославльском — 290. Сокращение аппарата

предполагалось распространить не только на комсомольцев, но и на всех остальных работников [14, с. 81].

В одном из первых пунктов постановления, принятого на декабрьской областной отчётно-выборной комсомольской конференции, предписывалось комитетам комсомола «осуществлять приём в члены Союза строго добровольно и индивидуально, в особенности это касается учащейся молодёжи» [3, л. 4]. Обратимся к статистике, чтобы понять, как эти решения повлияли на численность организации к концу Перестройки.

Начнём с общесоюзного контекста. За период с 1 января по 1 октября 1990 г. численность комсомольской организации сократилась более чем на 16 тыс. человек. Количество принятых за шесть месяцев 1990 г., по сравнению с аналогичным периодом 1989 г., уменьшилось на 1736 чел.; за девять месяцев 1990 г. из ВЛКСМ вышло 1289 человек. Выбыло без снятия с учёта более 6,5 тыс. комсомольцев [8, с. 1–2]. К началу 1991 г. в комсомоле Советского Союза состояло 23 651 510 советских юношей и девушек (39,5% молодёжи комсомольского возраста). В Смоленске же на 1 января 1991 г. комсомольская организация составляла 138 729 чел. [4, л. 1], а к 1 июля 1991 г. численность уменьшилась до 68 693 чел., т.е. наполовину [9, с. 3]. За полтора года, считая с 1 января 1990 г., свободный выход из рядов комсомола составил 4071 чел. Принято же в ЛКСМ в течение 1991 г. было 809 чел., в основном это учащиеся ПТУ и школ [9, с. 3]. Данные цифры хоть и свидетельствуют о пока ещё не массовом выходе молодёжи из состава комсомола, но показывают неохотное стремление подрастающего поколения пополнить ряды некогда многочисленной организации.

На начало 1990 г. при Смоленской комсомольской организации работали четыре хозрасчётных формирования: коммерческий центр «Ювента»; центр экологического воспитания; областной штаб Всесоюзной ударной комсомольской стройки «Социально-экономическая перестройка села»; комсомольско-молодёжное объединение содействия АПК и два совместных предприятия «Лидер-Юхт» и «Русь». Хозрасчётной деятельностью также занимался областной штаб студенческих отрядов и трудовых объединений. Стремления руководителей комсомола, как союзного, так и областного, были направлены на то, чтобы «цивилизованно» ликвидировать молодёжную организацию и осуществить раздел её собственности [14, с. 82].

В течение 1990 г., перед ликвидацией организации, продолжался активный процесс коммерциализации комсомольской организации путём дальнейшего акционирования предприятий и учреждений, находившихся в ведении Управления делами ЦК ВЛКСМ. В акционерные общества были преобразованы издательско-полиграфическое объединение «Молодая гвардия», Бюро международного молодёжного туризма «Спутник», комплекс гостиниц «Орлёнок», внешнеэкономическое объединение «ЮНЭКС» и др. Доходы этих предприятий в совокупности давали 92% бюджета союзного комсомола.

Распишем собственность ВЛКСМ на 1991 г. Материального имущества было на сумму в 559 млн. руб., страховой запас составлял 390 млн. руб., счетов ЦК в сумме насчитывалось на 42 млн. руб., в III квартале указанного года ожидался доход в размере 18 млн. руб., а бюджет Внешэкономбанка составлял 19 млн. руб. Эти средства подлежали разделу между 23 юридическими лицами — правопреемниками комсомола [14, с. 84]. В собственности же Смоленского обкома ВЛКСМ на март 1990 г. находились Дом молодёжи (свыше 3 тыс. кв. метров в Смоленске), при нём — видеоцентр, рок-клуб, отдел творческих коллективов, видеосалон «Зеркало», молодёжное-культурный центр, студия звукозаписи, прокат видеокассет, кабинет психологической диагностики и коррекции, кабинет массажа, центр информатики, центр моды, объединение воинов-интернационалистов, игровые компьютерные классы и семь работавших по договорам видеоточек [6, л. 21]. Таким образом, можно говорить о сосредоточении в руках комсомольской организации значительных материальных средств.

Несмотря на то, что за предыдущие кризисные годы комсомольский бюджет несколько обеднел, а часть недвижимости ВЛКСМ перешла в трудовые коллективы, комсомол по-прежнему располагал значительной собственностью. Стоимость основных фондов коммунистического союза молодёжи СССР составляла, по ценам 1990 г., 700 млн. руб. [14, с. 83]. Финансово-хозяйственная деятельность Смоленского обкома сводилась к приёму отчислений хозрасчётных организаций и подразделений [9, с. 3]. Сколько было на его счетах в сентябре 1991 г., автору точно установить не удалось, но, если судить по запланированному бюджету на 1990 г., денежная сумма составляла 1617,5 тыс. руб. [12, с. 2]. На январь 1992 г. Смоленская областная комсомольская организация располагала около 1,5 млн. руб., а по состоянию на декабрь 1992 г. уже был долг в размере 110 тыс. руб., плюс штраф от налоговой инспекции на 70 тыс. за нарушения [36, с. 125–126]. Стремление провести раздел имущества стало одной из основополагающих причин развала комсомола.

На августовские события 1991 г. в Москве комсомол отреагировал следующим образом: ещё 20 августа он заявил о полном размежевании с линией руководства КПСС и о поддержке Бориса Николаевича Ельцина, а 23 августа состоялось заседание бюро ЦК ЛКСМ, которое поддержало позицию руководства ЦК комсомола в дни путча. Первый секретарь ЦК ЛКСМ Владимир Михайлович Зюкин проинформировал бюро о своём выходе из состава ЦК КПСС и призвал «необходимым созвать в ближайшее время съезд ВЛКСМ, который должен решить вопрос внесения изменений в Устав и программные цели, определит название организации, которое соответствует политической линии» [10, с. 1].

В Смоленском обкоме ВЛКСМ сложилось неоднозначное отношение к событиям августа 1991 г. Первый секретарь Смоленской областной организации РСМ с ноября 1992 г. по июнь 1995 г. Николай Владимирович Казанцев позднее вспоминал: «Путч застал всех врас-

плох. Нужно сказать об областных партийных лидерах: 1-й секретарь обкома партии ушёл в отпуск, его не было; 2-й секретарь слёг в больницу; 3-й секретарь — где-то в районах... Практически руководства областной партийной организации на месте не было. Не было и председателя облисполкома. За всю ситуацию в области отвечал Анатолий Николаевич Новиков, зампредисполкома, который курировал социальные вопросы (и он поддержал ГКЧП). У руководителей комсомола сыграл стереотип: не принимать никаких решений без обсуждения с обкомом партии. И обком партии молчал» [36, с. 123].

Первый секретарь Смоленского обкома ЛКСМ РСФСР с 1990 по 1992 г. и народный депутат Верховного совета СССР от комсомола А. И. Трудолюбов тоже рассказывал: «19 августа был обычным рабочим днём. Идя на работу, узнал, что образован ГКЧП и его обращения регулярно транслируются по радио и телевидению. В кабинете включил радио, послушал обращения. В принципе, всё правильно. Фактически ни слова лжи. Однако в обращении чувствовалась какая-то недоговорённость. Да “внезапная” болезнь Горбачёва наводила на невесёлые мысли. Пришли секретари, заведующие отделами партии. Обменялись мнениями. Решений никаких не принималось. Просто продолжали работать. Вскоре “посыпались” звонки из районов. Выяснилось, что на местах всё спокойно. Попытался связаться с обкомом КПСС. Секретарь ответила, что идёт заседание бюро. Ну а меня, как члена бюро, пригласить, по-видимому, просто забыли. Впрочем, как я узнал позднее, там тоже решений не принималось» [36, с. 93].

21 августа 1991 г. состоялась внеочередная сессия областного совета народных депутатов, на которой путч не получил поддержки. Таким образом, в руководящей верхушке Смоленской области сложилась двойственная ситуация: исполнительная власть «за», законодательная — «против». После августовских событий в Смоленской области была создана временная комиссия областного совета народных депутатов под руководством М. И. Семёнова, перед которой была поставлена задача проанализировать деятельность советских и государственных органов, политических, общественных организаций и должностных лиц на территории области в период осуществления государственного переворота и подготовить материалы рассмотрения на восьмой сессии совета. Комиссия составила список организаций и структур, которые могли оказать существенное влияние на жизнедеятельность области в период переворота. В список вошёл и областной комитет ВЛКСМ. Комиссия рассматривала документы, поступавшие в названные организации в период переворота: приказы, решения, постановления, принятые для внутреннего пользования или направленные кому-либо, — анализировала проведённые совещания и принятые на них решения, встречалась и беседовала с работниками [15, с. 352].

По итогам работы комиссии были проанализированы действия всех органов власти в период путча и принято, в частности, решение:

признать деятельность президиума госсовета в период путча удовлетворительной. Но всё это на ход работы смоленского обкома ЛКСМ не повлияло. Как вспоминает Н. В. Казанцев, «мы не высказали свою точку зрения, хотя нас просили — несколько раз к Трудолобову (*первому секретарю Смоленского обкома ЛКСМ РСФСР — прим. авт.*) приходила Калиновская И. В. (*зав. отделом пропаганды и культуры газеты «Смена» — прим. авт.*): “Давайте мы опубликуем ваше мнение на страницах областной комсомольской газеты „Смена“”. Буквально через две недели события в области стали развиваться стремительно. Был наложен арест на всё имущество партийной областной организации. Самое страшное, что наше помещение и наше имущество, комсомольское, всё находилось в этих же зданиях. Некоторые наши первые секретари каким-то образом пробирались в арестованные здания, изымали печати и знамёна комсомольской организации. Срабатывало чувство ответственности: организация цела, если спасено знамя! Вообще, здесь был серьёзный перегиб. С партийным имуществом всё было неоднозначно: национализировать. Но многие подумали: если партийное, то и комсомольское. На самом деле, комсомольское имущество не попадало под это решение. Мы специально выясняли, стали делать запросы, нам написали разъяснение (в том числе — администрация президента), что комсомольское имущество под эту статью не попадает. Но в районах палку перегибали! И вот в этой неразберихе некоторые первые секретари проявляли ответственность. Например, Озолин (Руднянский район) и печать забрал, и знамя, и машину из гаража вывел, Рая Гребнева (Ельня) знамя и печать вынесла» [36, с. 124]. Позднее всё имущество комсомола перешло частично к правопреемникам в виде РСМ, частично к различным организациям: так, например, Дом молодёжи в 1991 г. принадлежал комсомольской организации полностью, в 1992 г. — на 50%, а в 1993 г. перешёл в ведение профсоюзов [36, с. 126].

Комсомол разваливался так же стремительно, как и Советский Союз. 21 сентября 1991 г. состоялся VI пленум Смоленского обкома ЛКСМ РСФСР, участники которого обсудили ситуацию и поиск путей реформирования областной организации. Пленум объявил переходный период с 21 сентября до проведения областной конференции, утвердил решение членов бюро о сложении полномочий и передаче их совету секретарей. Члены обкома выбрали делегатов на XXII съезд ВЛКСМ и первую конференцию ЛКСМ РСФСР. Ими стали Александр Коломиец, первый секретарь Велижского райкома комсомола, Алла Алексеева, секретарь комитета комсомола ПО «Искра», Раиса Гребнева, первый секретарь Ельнинского райкома, и Александр Абдрашитов, секретарь комитета комсомола управления строительства Десногорской АЭС [19, с. 2].

Во время проведения областного пленума развернулась дискуссия на тему: «Какой быть областной комсомольской организации?» «Любой союз существует, чтобы решать молодёжные проблемы неза-

висимо от идеологии, — так заявлял Сергей Новиков, директор областного Дома молодёжи. — Нужна организация по защите социальных прав молодёжи с центральным органом в Советах». С ним в полемику вступил Игорь Михайлов, первый секретарь Вяземского горкома комсомола: «Защита социальных прав молодёжи должна быть заботой государства, а не организации. Организация должна быть новой или с глобальными изменениями» [19, с. 2]. «Новый молодёжный союз должен объединить разные точки зрения на общественный процесс на основе защиты социальных прав молодёжи, — попытался подвести итог полемике Александр Бобров, второй секретарь Смоленского обкома комсомола. — На мой взгляд, это должна быть не организация, ограниченная рамками Устава, какой-то платформы, а движение. Сложность его создания состоит в том, что сегодня у молодёжи нет лидера. У нас в аппарате настоящих комсомольских работников единицы. Большинство работают из-за денег, а не за идею» [19, с. 2].

Не дожидаясь указаний из Смоленска, Рославльский райком комсомола улучшил структуру и форму работы, также изменил подходы к своей деятельности Ярцевский комитет комсомола. По наблюдению первого секретаря Ярцевского райкома Юрия Панкова, «комсомолу осталось умирать восемь месяцев, т.к. финансирования на 1991 г. не будет, либо пойдёт на крайние меры и оставит в рядах молодёжной организации только “живых” членов организации». По мнению некоторых выступавших, «сельского комсомола через два месяца не будет вообще, ведь средств в содержание аппарата брать неоткуда» [13, с. 2].

27 сентября 1991 г. в Москве открылся XXII чрезвычайный съезд ВЛКСМ, и на нём завершилась история комсомольской организации. Основной темой для обсуждения на съезде стал вопрос о ликвидации комсомола и разделе его собственности, что и совершилось после продолжительных дебатов.

Последнюю попытку сохранить комсомол хотя бы на территории РСФСР предприняли в октябре 1991 г., созвав первую конференцию ЛКСМ РСФСР. Она же стала и последней, т.к. на конференции решили реорганизовывать ЛКСМ РСФСР и создавать на её базе новую, неполитическую, негосударственную, некоммерческую общественную молодёжную организацию — Российский союз молодёжи (РСМ). В основу объединения молодёжи были положены общечеловеческие ценности. Сфера деятельности организации, как нами уже отмечено, исключала политику. Главная её цель состояла в том, чтобы создать условия для свободного всестороннего развития молодёжи, защиты её интересов и прав. Наряду с субъектами федерации в РСМ могли войти объединения и организации на правах ассоциированных членов федерации или наблюдателей. Перерегистрация членов союза проводилась до 1 мая 1992 г. [16, с. 2]. Российский союз молодёжи отказывался от коммунистической идеологии [16, с. 2].

В ноябре-декабре 1991 г. областная комсомольская организация претерпевала изменения. Из всех структур этой организа-

ции оставался лишь обком ЛКСМ РСФСР, до ближайшей конференции, а в районах области происходила реорганизация. Так, 28 ноября 1991 г. состоялся пленум Сафоновского горкома комсомола, на который были приглашены и делегаты от первичных организаций. Этот пленум принял решение переименовать Сафоновскую организацию ЛКСМ РСФСР в городскую организацию Российского союза молодёжи и считать завершёнными полномочия горкома ЛКСМ РСФСР, а также разобрать в первичках до 1 февраля 1992 г. вопрос о самоопределении комсомольцев. Был создан временный координационный совет со следующими полномочиями: пропаганда идей РСМ, разработка программной деятельности, регистрация членов, формирование рабочего аппарата [1, л. 4–5].

30 ноября 1991 г. прошёл пленум Велижского райкома комсомола с вопросом о реорганизации районного комсомола на повестке дня. Делегаты сочли завершённой деятельность районной организации, а правопреемником её назначили районную организацию РСМ, в состав которой вошли филиал смоленской организации «Долг» и Ассоциация старшеклассников. На пленуме был создан комитет по формированию организации РСМ [28, с. 1].

В тот же день в Сычёвском районе комсомольцы решили «считать существование комсомольской организации нецелесообразным» [2, л. 73], а 7 декабря 1991 г. на расширенном пленуме Сычёвского райкома ЛКСМ РСФСР было принято решение о ликвидации районного отделения комсомола. На учёте к декабрю 1991 г. состояло 815 человек, с ноября 1989 г. по декабрь 1991 г. вступило в ряды комсомола 60 человек, а на 465 человек (на четверть) численность организации сократилась. Основная причина — разочарование в идеалах комсомола и потеря доверия к нему и к партии [2, л. 76]. Галина Колтунова, помощник первого секретаря обкома ЛКСМ РСФСР, говорила по этому поводу: «Сейчас во всех районах области прошли конференции или пленумы по реорганизации районных и городских комсомольских организаций. Сейчас идёт период самоопределения, когда каждый комсомолец решает для себя вопрос о принадлежности к РСМ. После его завершения будет создана областная учредительная конференция» [35, с. 2].

В ходе региональных конференций и пленумов пять комсомольских организаций Смоленской области (Глинковская, Монастырщинская, Сычёвская, Тёмкинская и Вяземская) заявили о самоликвидации. Остальные приняли решение о переименовании районных организаций ЛКСМ РСФСР в районные организации Российского союза молодёжи и выразили намерение войти в состав областной организации РСМ. В ходе длительного обсуждения поступило множество предложений создать региональное отделение РСМ, т.к. нельзя было выпускать молодёжь из сферы своего влияния [14, с. 85]. Процесс дальнейшего преобразования районных комсомольских организаций в Смоленской области отображен в таблице 2.

Табл. 2. Варианты преобразований районных и городских комсомольских организаций в Смоленской области [2, с. 2–3]

№	наименование	во что был преобразован
1.	Велижский райком	Комитет по формированию районных организаций РСМ
2.	Демидовский райком	Координационный совет
3.	Духовщинский райком	Совет представителей молодёжных объединений
4.	Ершичский райком	Временный координационный совет Ершичской организации РСМ
5.	Краснинский райком	Районный комитет РСМ Краснинского района
6.	Кардымовский райком	Президиум
7.	Новодугинский райком	до 1 мая 1992 г. сохранялся выборный орган комсомольской организации.
8.	Починковский райком	Координационный совет
9.	Руднянский райком	до 1 марта 1992 г. продолжалась деятельность РК ЛКСМ
10.	Смоленский райком	Координационный совет
11.	Угранский райком	Угранский районный комитет РСМ
12.	Хиславичский райком	Координационный совет
13.	Щумячский райком	Временный координационный совет
14.	Смоленский горком	Городской совет Смоленской организации РСМ
15.	Десногорский горком	Совет Десногорской молодёжной организации (ДГМО РСМ)
16.	Гагаринский горком	Временный молодёжный центр
17.	Сафоновский горком	Временный координационный совет Сафоновской организации РСМ
18.	Ярцевский горком	Координационный совет

В итоге, как мы видим, к концу 1991 г. большинство районных и городских комсомольских организаций Смоленской области ЛКСМ РСФСР были преобразованы в районные организации РСМ.

Специфика деятельности Смоленского обкома комсомола заключалась в том, что он вслед за страной повторил все ошибки, приведшие его к распаду как единого молодёжного движения, а затем преобразовался в отдельные самостоятельные городские и районные организации Российского союза молодёжи.

В целом кризис комсомола второй половины 1980-х — начала 1991 гг. был неотъемлемой частью общего кризиса советского государства, охватившего в это время практически все сферы общественной жизнедеятельности. Комсомол оказался не в состоянии удержать молодёжь в сфере своего влияния, а обострение экономического кризиса, падение авторитета КПСС, усиление сепаратистских настроений в союзных республиках и желание поделить материальное наследие ВЛКСМ между субъектами федерации привели к его самороспуску как в республиках, так и в Смоленской области [14, с. 86].

Список источников

1. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 89. Оп. 43. Д. 14. *Постановления районных организаций о реорганизации РКСМ.*
2. ГАНИСО. Ф. 89. Оп. 43. Д. 14. *Постановления районных организаций о реорганизации РКСМ.*
3. ГАНИСО. Ф. 89. Оп. 41. Д. 1. *Протокол XXVI отчётно-выборной конференции.*
4. ГАНИСО. Ф. 89. Оп. 34. Д. 58. *Годовые статистические отчёты о составе областной комсомольской организации.*
5. ГАНИСО. Ф. 89. Оп. 41. Д. 34. *Годовой статистический отчёт обкома о составе областной комсомольской организации. Т. 1.*
6. ГАНИСО. Ф. 89. Оп. 42. Д. 30. *Материалы проверок.*
7. Алексеев А. А., Криворученко В. К. *Последствия культа личности Сталина в жизни комсомола и молодёжи. М.: Политиздат, 1988. 216 с.*
8. *Без права на монополию // Смена: печатный орган Смоленской организации ВЛКСМ. 1990. 27 октября. С. 1–2.*
9. *В условиях переходного периода // Смена. 1991. 28 сентября. С. 3.*
10. *В бюро ЦК ЛКСМ // Смена. 1991. 31 августа. С. 1.*
11. Галаган А. А. *Некоторые страницы истории: О «белых пятнах» и «чёрных дырах» истории Ленинского комсомола. Саратов, 1989. 94 с.*
12. *За чей счёт существует обком // Смена. 1990. 9 июня. С. 2.*
13. Иванов А. *Нерасстанусь с комсомолом. Заметки с III пленума областного ВЛКСМ // Смена. 1990. 26 мая. С. 2.*
14. Иванов А. М. *Общественно-политические процессы на территории Смоленской области в период Перестройки (1985–1991 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2015. 233 с.*
15. Иванов А. М. *Августовский путч 1991 г. и его проявления на Смоленщине // Народ и власть: взаимодействие в истории и современность. Нижний Новгород, 2017. С. 345–354.*
16. Исаева Т. *Задров штаны, бежим из комсомола? Заметки с I конференции ЛКСМ РСФСР // Смена. 1991. 26 октября. С. 2.*
17. *И снова опоздали... // Смена. 1991. 21 сентября. С. 2.*
18. *История смоленского комсомола (к 100-летию Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодёжи). Смоленск, 2018. 136 с.*
19. *Комсомол или новый союз. Заметки с пленума // Смена. 1991. 28 сентября. С. 2.*

20. Корнев В. Поколение с трудной судьбой // Смоленск: областной ежемесячный журнал. 2008. № 8. С. 2–5.
21. Корнев В. Беззаветное служение. К 90-летию со дня рождения И. Е. Клименко // Смоленск. 2011. № 2. С. 5–6.
22. Королёв С. В. Молодёжные движения и организации в Российской Федерации и их деятельность в Смоленской области: 1991–2009 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2013. 212 с.
23. Ленинский комсомол. Очерки по истории ВЛКСМ. М., 1963. 815 с.
24. Мироненко В. И. Комсомол в период реформации советского общества (1985–1991): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 18 с.
25. Мухамеджанов М. М. От перестройки к самороспуску: комсомол в 1985–1991 гг. К 90-летию создания ВЛКСМ. М., 2008. 86 с.
26. На перекрёстке мнений // Смена. 1989. 24 июня. С. 2.
27. О чём спорим, ребята? // Смена. 1989. 18 ноября. С. 2.
28. Пленум райкома ВЛКСМ // Велижская новь: печатный орган Велижского горкома КПСС. 1991. 1 декабря. С. 1.
29. Секретарь ушёл в отставку // Смена. 1990. 10 февраля. С. 2.
30. Семёнов В. В. Причины кризиса ВЛКСМ: региональный аспект. На примере материалов Смоленской области // Образование, культура, просветительство в современном мире. Смоленск, 2007. С. 98–101.
31. Семёнов В. В. Трансформация отечественного молодёжного движения на рубеже 1980-х — 1990-х годов. Кризис и распад ВЛКСМ // Власть — общество — личность в истории России. 2008. С. 263–268.
32. Семёнов В. В. Моё комсомольское поколение // Смоленск. 2010. № 11. С. 24–26.
33. Смоленский комсомол в истории страны. 100-летию комсомола посвящается / авт.-сост. А. А. Стерлягов. Смоленск, 2018. 220 с.
34. Славный путь ленинского комсомола. В 2-х тт. М., 1974. Т. 1. 575 с.; Т. 2. 782 с.
35. Суркова О. «А комсомола нет...» // Смена. 1991. 21 декабря. С. 2.
36. Так это было: смол. комсомол [19]70–[19]80 гг. в воспоминаниях современников: сборник. Смоленск: Русич, 2004. 164 с.
37. Ткаченко В. В. Комсомол в период перестройки // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 3. С. 97–100.
38. Ткаченко В. В. Комсомольская печать в период перестройки // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 4. Ч. II. С. 177–179.
39. Шилкин А. Комсомол и перестройка. Заметки с XXVI областной отчётно-выборной комсомольской конференции // Рабочий путь: печатный орган Смоленского обкома КПСС. 1989. 21 декабря. С. 1.

Для цитирования:

Иванов А. М. Создание, деятельность и реорганизация Ленинского коммунистического союза молодёжи РСФСР (ЛКСМ РСФСР) по материалам Смоленского региона // Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. С. 421–434.

Переименование районных газет Кировской области как отражение процесса декоммунизации

The renaming of regional newspapers of the Kirov region as a reflection of the process of decommunization

***Аннотация.** В данной статье рассмотрен процесс декоммунизации в рамках переименования районных газет Кировской области в 1991 г. Периодические издания имели заголовки с идеологической окраской и атрибутами советской власти. Цель переименования заключалась в создании новых, стилистически нейтральных названий. Выделены основные этапы изменения заголовков периодических изданий, определены причины переименования районных газет, выявлены факторы, по которым ряд печатных изданий оставил прежние названия. Новизна статьи обусловлена введением в научный оборот неизвестных архивных материалов. При написании работы также использованы материалы из районных периодических изданий Кировской области.*

***Ключевые слова:** декоммунизация; переименование; районные газеты; Кировская область; Перестройка.*

***Abstract.** This article discusses the process of decommunization within the framework of renaming the regional newspapers of the Kirov region in 1991. Before that process started, the headlines of the periodicals had ideological overtones and included attributes of Soviet power. The purpose of the renaming was to create new, stylistically neutral names. The key stages of the process are highlighted; the reasons for renaming regional newspapers were determined; the factors by which several printed publications kept their former names are highlighted. The novelty of the article is due to the introduction of some previously unknown archival materials into scientific circulation. When writing the work, materials from regional periodicals of the Kirov region were also used.*

***Keywords:** decommunization; renaming; regional newspapers; Kirov region; Perestroika.*

В течение второй половины 1980-х гг. многие сферы жизни советского общества претерпели изменения. Одно из них — переименование топонимов и иных названий, имеющих отношение к коммунистической идеологии. Начавшаяся десоветизация, находившаяся на стыке культуры и политики, отражалась в изменении названий улиц и районов [1; 6]. Одновременно с этим происходил более глобальный процесс — переименование и возвращение исторических названий городам СССР [5, с. 149–150]. Важную роль в этих процессах

¹ Вятский государственный ун-т, ин-т гуманитарных и социальных наук, II курс аспирантуры. Vyatka State University, Institute of Humanities and Social Sciences, 2nd year postgraduate student.

играли не только митинги и агитационные плакаты, но и газеты. Так, авторы исследования о возвращении городу Ленинграду исторического названия «Санкт-Петербург» приходят к выводу, что дискуссия об имени города, развернувшаяся на полосах газеты «Ленинградская правда» — одного из самых влиятельных изданий города, — парадоксальным образом могла повлиять на настроения участников референдума о названии Северной столицы². Несмотря на ортодоксально-коммунистический характер материалов газеты, подобные заметки могли главным образом содействовать позиции именно сторонников изменения названия, т.к. проводимая газетой «агрессивная форма ведения информационной кампании, направленной в первую очередь на собственный электорат» могла отпугнуть неопределившихся избирателей, которые должны были решить судьбу опроса [7, с. 32].

Можно констатировать уникальность газет эпохи Перестройки, как источника по изучению процессов декоммунизации в позднем СССР и постсоветской России, которые на данный момент в полной мере ещё не изучены. Отметим, что в год распада СССР произошёл качественно новый этап переименований, затронувший, в том числе, городские и районные газеты — периодические издания, распространявшиеся на территории определённого административного образования³. Данный процесс проходил по всему Советскому Союзу [9; 10; 14]. Не стала исключением и Кировская область. В данной работе мы ставим целью рассмотреть процесс декоммунизации в рамках переименования районных газет Кировской области в 1991 г. Проследить это важно, поскольку фиксация внимания общественности на вопросах об изменении названий связана с необходимостью создания уникального бренда, т.к., по наблюдению Ольги Сергеевны Крюковой, большинство топонимов конструирует региональную идентичность [4, с. 757]. Актуальность статьи также обусловлена введением в научный оборот неизвестных ранее архивных материалов Центрального государственного архива Кировской области. Помимо этого, источниковую базу статьи составили материалы районных периодических изданий Кировской области.

Обратимся к статистике. На заседании постоянной комиссии Кировского областного совета народных депутатов по вопросам гласности, средствам массовой информации, изучению общественного мнения, письмам и обращениям граждан в марте 1991 г. было объявлено, что на территории Кировской области зарегистрировано 40 районных газет [16]. Рассмотрим этапы и специфику их переименований.

Первый этап переименований районных периодических изданий в Кировской области произошёл в начале 1991 г. Номер выпу-

² Отметим, что обсуждение в прессе изменений советских топонимов не обязательно приводило к результатам. Так, поляризация мнений по вопросу переименования Калининграда на страницах местных газет не привела к конкретным действиям властей, поэтому город по-прежнему так называется [12].

³ К примеру, вышеназванная «Ленинградская правда» в сентябре 1991 г. стала выходить под названием «Санкт-Петербургские ведомости» [7, с. 46].

скавшейся в Тужинском районе газеты «Родной край» от 3 января содержал заметку, обращённую к читателям. В ней речь шла о том, что издание больше не будет выходить с названием «Колхозный путь». Кроме того, редакция подчёркивала: «Дорогой читатель, мы отдаём себе отчёт, что одна лишь смена названия не делает газету более содержательной, но, сменив заголовок, она стала как бы ближе к каждому из вас, роднее» [13]. Первые в 1991 г. номера периодических изданий «За коммунизм» и «Красная заря» также вышли с новыми названиями — «Котельничский вестник» и «Санчурский вестник» соответственно. Данные переименования обуславливались смягчением требований к редакционной политике СМИ. По мнению исследователя Натальи Анатольевны Мироновой, в начале 1990-х гг. названия районных газет перестали иметь идеологический характер, поскольку отныне их главная задача состояла в объективной передаче информации, фактов, событий, происходящих в обществе [8, с. 328]. Это в полной мере можно отнести к специфике первой волны переименований Кировских газет.

Следующий этап переименований районных газет Кировской области произошёл после путча ГКЧП в августе 1991 г. Указ президента РСФСР «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР» предусматривал, в том числе, и прекращение работы периодических изданий, являвшихся органами районных комитетов КП РСФСР [15]. Данный нормативный правовой акт не препятствовал перерегистрации районных газет, соучредителями которых являлись организации Компартии России. В сентябре 1991 г. начальнику областного управления издательств, полиграфии и книжной торговли Владимир Васильевич Втюрин сообщал, что в срок с 28 по 30 августа издания с таким соучредителем были перерегистрированы [17]. Кроме того, было произведено переименование ряда газет.

Поражение ГКЧП означало, среди прочего, и изменение отношения к коммунистической идеологии в обществе. Редакции районных газет также высказали свою позицию. В августе и сентябре 1991 г. произошло переименование изданий, которые в заголовке содержали пропагандистский окрас: «Заря коммунизма» была переименована в «Юрьянские вести», «Красное знамя» — в «Холуницкие зори», издание Яранского района «Знамя коммунизма» — в «Отечество».

Историк Алексей Владимирович Юрчак отмечает, что на закате Перестройки кризис советской идеологии привёл к потере образом Владимира Ленина своей легитимности, «былых непререкаемых позиций» [18]. Аналогичный процесс наблюдался и в переименовании районных изданий Кировской области. Газета Арбажского района «Путь Ленина» после перерегистрации стала носить название «Арбажские вести», «Знамя Ильича» (Пижанский район) была переименована в «Сельские вести», а «Ленинский призыв» (Свечинский район) со 2 ноября 1991 г. стала издаваться под названием «Свеча».

Газета Советского района «Ленинское знамя» проводила конкурс среди читателей на новое название. Авторы писем не только

предлагали свои варианты, но и сомневались в необходимости переименования: «Если изменится название, так не будет же легче наша жизнь, не появится изобилие продуктов в магазинах. Как она тяжела, наша жизнь, так и будет тяжёлой» [2]. Однако с сентября 1991 г. газета стала называться «Вести трёхречья».

Всего с января по декабрь 1991 г. было переименовано 16 районных газет. Издания, продолжившие выходить под старыми названиями, чаще всего имели изначально идеологически нейтральные названия. Тем не менее, были и исключения. Газета Лебяжского района «Знамя Октября» после перерегистрации вышла со старым заголовком. В номере от 29 августа 1991 г. отмечалось следующее: «Исполком принял решение об изменении названия с нового 1992 года как не вполне соответствующего политико-экономическим тенденциям, происходящим в мировом сообществе» [3].

Важно отметить, что, в связи с сохранением названий города Кирова и Кировской области, издания, связанные с именем Сергея Мироновича Кирова, переименованы не были: «Кировец» (Кирово-Чепецкий район), «Кировская искра» (Уржумский район). Аналогично поступила газета «Халтуринская правда», изменившая своё название лишь в 1993 г., уже после того, как районный центр был переименован из Халтурина в Орлов.

Дважды за один год изменила своё название газета Слободского района «Ленинский путь». В конце августа 1991 г. она была переименована в «Слободские вести», однако читателей уведомили, что название коллектив редакции подобрал как «временный вариант» [11]. Уже к концу года по итогам конкурса она стала называться «Слободские куранты».

На основе вышеизложенного мы приходим к следующим выводам. Процесс декоммунизации в СССР был эпизодическим явлением. Переименование топонимов по всей стране зависело от местных властей и не носило всеобъемлющего характера. Схожие преобразования затронули также периодические издания.

Переименование районных газет Кировской области проходило в два этапа. В начале 1991 г. была первая волна изменения названий. Её обусловило смягчение требований к редакционной политике средств массовой информации. Провал Августовского путча усилил антикоммунистические настроения, что повлекло за собой вторую волну изменения названий печатных изданий. Данный процесс продолжался с августа по декабрь 1991 г., когда районные газеты стали выходить под заголовками, не связанными с советским режимом.

Новые названия имели краеведческую направленность и были привязаны к месту выхода периодического издания. Заголовки районных газет создавались коллективами печатных изданий или участниками конкурса на лучшее название. В первых после перерегистрации номерах было обращение к читателям об изменении названия либо уведомление о проведении конкурса на новое название, однако некоторые издания об изменениях не информировали.

Список источников

1. Гунаев Е. А. Административно-территориальные преобразования и переименование населённых пунктов в Калмыкии в 1990–1991 гг. // *Монголоведение*. 2020. № 3. С. 398–413.
2. Давайте сотрудничать! // *Вести трёхречья*. 1991. 17 сентября. С. 1.
3. К читателю // *Знамя Октября (Лебяжье)*. 1991. 29 августа. С. 1.
4. Крюкова О. С. Роль топонимики в конструировании региональной идентичности // *Россия: тенденции и перспективы развития*. 2020. № 2. С. 756–757.
5. Лелина Е. И., Матлин А. Д. От Ленинграда к Санкт-Петербургу: к вопросу о возвращении названия городу в 1991 г. // *Проблемы исторического регионоведения*. Т. 4. СПб., 2017. С. 149–167.
6. Манёров М. Р. Десоветизация в топонимике улиц города Махачкалы // *Дневник науки*. 2021. № 8. С. 103–114.
7. Матлин А. Д., Пученков А. С. Сохраним Ленинград? К вопросу о возвращении исторического названия городу (по материалам газеты «Ленинградская правда») // *Russian Colonial Studies*. 2019. № 4. С. 32–55.
8. Миронова Н. А. Влияние идеологии на переименование районных газет Удмуртии // *XLVII итоговая студенческая научная конференция УдГУ*. 2019. № 1. С. 326–329.
9. Миронова Н. А. История переименования районных газет Удмуртии // *Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья*. 2018. № 1. С. 72–75.
10. Пылаев П. Д. «Правда перестает быть горькой». Трансформация общества в годы Перестройки на примере Нижнего Новгорода // *Ветер Перестройки*. 2021: сборник материалов первой Всероссийской научной конференции. СПб., 2022. С. 302–309.
11. Регистрация газеты // *Слободские вести*. 1991. 31 августа. С. 1.
12. Саенко А. В. Дискуссия о переименовании Калининграда: опыт контент-анализа региональной прессы // *Естественнонаучные методы в цифровой гуманитарной среде*. 2018. № 1. С. 57–60.
13. Слово к читателям // *Родной край (Тужа)*. 1991. 3 января. С. 1.
14. Татарова В. А. Влияние политических событий 1991 г. в Украине на переименование одесских газет // *Интеллигенция и власть*. 2013. № 29. С. 79–85.
15. Указ президента РСФСР от 23 августа 1991 г. № 79 «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР» // *Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного совета РСФСР*. 1991. № 35. Ст. 1149.
16. ЦГАКО. Ф. Р-2169. Оп. 43. Д. 5234. Л. 16.
17. ЦГАКО. Ф. Р-2169. Оп. 43. Д. 5235. Л. 70.
18. Юрчак А. В. Если бы Ленин был жив, он бы знал, что делать: голая жизнь вождя // *Новое литературное обозрение*. 2007. № 1. С. 189–204.

Для цитирования:

Лобанов Д.И. Переименование районных газет Кировской области как отражение процесса декоммунизации // *Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции*. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. С. 435–439

ОЧЕРКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ 1990-Х

**ESSAYS ON THE POLITICAL HISTORY
OF THE 1990s**

Подписание Федеративного договора 31 марта 1992 г.: формирование асимметричного федеративного устройства России

Signing of the Treaty of Federation on March 31, 1992: formation of the asymmetric federal structure of Russia

***Аннотация:** В настоящей статье рассматривается история формирования асимметричного федеративного устройства России на примере положений подписанного 31 марта 1992 г. Федеративного договора. Изучается текст данного Договора, а также процесс его подписания. Привлекаются документы ГАРФ, материалы периодической печати. Анализируется существующая историография по данному вопросу. Отмечается игнорирование анализа положений Федеративного договора при изучении формирования асимметричного федеративного устройства России. В заключении автором делается вывод о формировании асимметричной федерации в результате подписания рассматриваемого Договора.*

***Ключевые слова:** Федеративный договор; регионы России; федеративные отношения; федеративное устройство; асимметричная федерация.*

***Abstract.** This article examines the history of the formation of the asymmetric federal structure of Russia on the example of the provisions of the Federal Treaty signed on March 31, 1992. The text of this Agreement is being studied, as well as the process of its signing. Documents of the GARF, materials of the periodical press are involved. The existing historiography on this issue is analyzed. It is noted that the analysis of the provisions of the Federal Treaty is ignored in order to study the formation of an asymmetric federal structure of Russia. In conclusion, the author makes a conclusion about the formation of an asymmetric federation as a result of signing the Treaty.*

***Key words:** Treaty of Federation; regions of Russia; federal relations; federal structure; asymmetrical federalism.*

Начало 1990-х гг. ознаменовалось распадом Советского Союза, в результате чего пятнадцать союзных республик, включая Российскую Федерацию, стали независимыми государствами. Однако в первые годы существования независимой России из-за действий, в первую очередь, российских республик сохранялась угроза её аналогичного распада. Российское руководство, тем не менее, смогло разработать Федеративный договор и добиться его подписания российскими регионами, что позволило перевести проблему сепаратизма в конституционное русло. Анализ конкретных положений заключённого

¹ Магистр истории, учитель истории и обществознания ГБОУ школы № 517 Выборгского района Санкт-Петербурга.

Master of History, Teacher of History and Social theories of St. Petersburg secondary school № 517.

Федеративного договора, закрепивших неравное положение российских регионов в новой федерации, является целью настоящей статьи.

Источниковую базу настоящего исследования составили материалы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), в частности, фонда № 10026 «Съезд народных депутатов Российской Федерации, Верховный Совет Российской Федерации и их органы». В его описях хранятся оригиналы подписанного Федеративного договора и приложений к нему [2; 3], анализ которых проведён в настоящем исследовании. Помимо этого, использован выпуск «Независимой газеты» от 1 апреля 1992 г. [1], в котором содержится информация о деталях самой процедуры подписания рассматриваемого Договора.

Существующая историография по данному вопросу отличается одновременно и своей обширностью, и игнорированием, собственно, сути Федеративного договора. Так, проблема асимметричности Российской Федерации поднималась многими исследователями [5; 7; 9], которые, например, анализировали её как отдельный феномен [8] или даже предлагали пути её преодоления [14]. Сам же Федеративный договор рассматривался по-разному: как этап разработки новой Конституции [12; 13], как элемент российского федерализма и объект историко-правового анализа заключения данного Договора [6; 10], как часть процесса разграничения полномочий между федеральным центром и российскими регионами на протяжении 1990-х гг. [16]. Общим недостатком существующих работ по данному вопросу является отсутствие подробного анализа положений Федеративного договора, которые закладывали основу асимметричности федеративного устройства России. Отдельно в этом отношении стоят статья А. В. Гольшевой [4], рассматривающей историю участия Калмыкии в процессе подписания Федеративного договора, и наше собственное исследование [11; 15].

Заключению Федеративного договора предшествовали его долгая разработка, а также процесс парафирования его текста субъектами РФ [15]. Как известно, к этому моменту Россию захлестнули дезинтеграционные процессы — «парад суверенитетов» российских регионов. В ходе него российские республики стремились расширить свои полномочия, а остальные регионы — повысить свой статус до, соответственно, республиканского. В итоге, к марту 1992 г. свой суверенитет провозгласили все российские республики, 4 из 5 автономных областей (кроме Еврейской) стали республиками [13, с. 433], а Чечня и Татарстан вовсе встали на путь независимости. При чём если чеченский лидер Джохар Мусаевич Дудаев настаивал на самостоятельном и суверенном пути своей республики, то власти Татарстана шли по пути «ассоциированности» с Россией — не признавая ни полного нахождения в составе РФ, ни своего выхода из неё [13, с. 437]. «Парад суверенитетов» российских регионов к этому моменту и вовсе дошёл до крайностей, когда свою самостоятельность стали провозглашать отдельные части субъектов РФ [11]. Именно в такой ситуации разрабатывался Федеративный договор.

Наконец, 31 марта 1992 г. в Кремле состоялась торжественная церемония подписания Договора, в которой приняли участие делегация федеральных органов власти России и делегации органов законодательной и исполнительной власти 87 из 89 российских регионов. При этом Чеченская Республика отсутствовала на церемонии, а Татарстан был представлен Председателем Верховного Совета республики Фаридом Хайрулловичем Мухаметшиным [1].

Анализируя положения заключённого Федеративного договора, мы можем отметить следующее (См. Приложение 1). Так, согласно пункту 1 Статьи III, российские республики, в отличие от других субъектов РФ, обладали «всей полнотой государственной (законодательной, исполнительной, судебной) власти на своей территории», а территория и статус республики не могли быть «изменены без её согласия» [2, л. 3]. В следующем пункте отмечалось, что координация международных и внешнеэкономических связей субъектов РФ осуществлялась федеральными и республиканскими органами совместно, а в отношении остальных субъектов — исключительно федеральными органами власти [2, лл. 3, 31, 96].

Пункт 3 Статьи III закреплял положение, согласно которому природные ресурсы являлись «достоянием (собственностью) народов, проживающих на территории соответствующих республик». Вопросы пользования, владения и распоряжения этими ресурсами решались согласно федеральному законодательству и законодательству республик (у остальных субъектов — согласно правовым актам данных субъектов). Статус федеральных природных ресурсов определялся в отношении автономных округов и области по взаимной договорённости федеральных и региональных органов государственной власти и с учётом особенности регионов, а в отношении остальных субъектов — по взаимной договорённости федеральных и региональных органов государственной власти [2, лл. 3, 31, 96].

Пункт 4 Статьи III описывал процесс введения режима ЧП на территории регионов России. В республиках его могли вводить только с согласия республиканских органов власти, которые также наделены были правом самостоятельно вводить его в экстренных ситуациях. Остальные субъекты РФ в случае введения федеральными органами власти режима ЧП на их территории просто информировались об этом [2, лл. 3, 31, 96].

Согласно Статье VIII, республики были наделены правом согласовывать, в отличие от остальных субъектов РФ, вносимые изменения и дополнения в создаваемый II раздел («Федеративное устройство») Конституции. Помимо этого, республики могли выбирать: подписывать Договор или регулировать отношения с РФ в соответствии с федеральным и региональным законодательствами [2, л. 7].

Впрочем, согласно второму пункту Статьи III, каждый субъект Российской Федерации являлся самостоятельным участником международных и внешнеэкономических связей, соглашений с другими

субъектами РФ [2, лл. 3, 31, 96]. А, согласно Статье VIII, подписанные Соглашения вносились на рассмотрение Съезда народных депутатов для включения их как составных частей единого Федеративного договора в текст Конституции в виде отдельного раздела [2, лл. 7, 35, 101].

Тем самым, мы можем отметить, что рассматриваемыми положениями заключённого Федеративного договора все субъекты Российской Федерации делились на три типа: республики; автономные область и округа; края, области и города Москва и Санкт-Петербург. Однако субъекты каждого из этих типов решили путём заключения серии дополнительных протоколов к Договору расширить свои полномочия — каждый в своих интересах.

Уже непосредственно на церемонии подписания Федеративного договора российские края и области настояли на заключении Протокола к нему, стремясь к выравниванию статуса всех регионов России [3, л. 76]. Они требовали расширения сферы совместного ведения с Центром в вопросах разграничения налоговой и бюджетной систем, государственной собственности и изменения границ краёв и областей. Кроме того, отмечалось, что «Чрезвычайное положение вводится федеральными органами государственной власти Российской Федерации на территории края, области по согласованию с органами государственной власти края, области». Также, края и области добились внесения следующего пункта: «до принятия соответствующих законов Российской Федерации по вопросам, отнесённым Федеративным договором к совместному ведению согласно его статье II, органы государственной власти краёв, областей вправе осуществлять по этим вопросам собственное правовое регулирование» [3, лл. 77–78]. Кроме того, края и области добились, подобно республикам, права согласовывать изменения в будущий раздел Конституции РФ. А в статье VII Протокола они просили Верховный Совет РФ рассмотреть вопрос о предоставлении права принятия собственных законов на своей территории [3, лл. 78–79].

В конце Протокола отмечалось, что он являлся «неотъемлемой частью Федеративного договора для краёв, областей, подписавших данный Протокол». Однако представители Калужской области подписали его с оговоркой: «за исключением пункта 1 статьи 7», который рекомендовал ВС РФ «рассмотреть вопрос об отнесении к совместному ведению федеральных органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти краёв, областей демографической политики и регулирования миграционных процессов, а также об отнесении к ведению органов государственной власти краёв, областей установления и взимания платы за пользование природными ресурсами». Санкт-Петербург и Ленинградская область подписали всё, «кроме статей 2, 4, 5» [3, лл. 79–81], которые предписывали согласование ввода режима ЧП с властями краёв и областей, а также возможность собственного правового регулирования отнесённых Договором к совместному ведению вопросов. Почему же

они отвергли возможность расширения своих полномочий? Мы можем предположить, что руководства указанных субъектов решили избежать возможности быть обвинённым в поддержке продолжения процесса суверенизации регионов России.

На подписании отдельного дополнительного протокола настаивали и представители Калмыкии, стремившиеся закрепить в Договоре положения о поддержке репрессированных народов, в том числе, калмыцкого. Так, пункт «в» Статьи 1.1 Договора дополнялся фразой об «осуществлении политической, экономической, территориальной, социальной реабилитации репрессированных народов и возмещении им материальной компенсации». Пункт 3 этой же статьи расширялся положением об оказании «экономической помощи участникам договора и возрождении национальной культуры, литературы и языка репрессированных народов» [3, лл. 82–83]. Однако, в целом, как отмечает А.В.Гольшева, несмотря на критические замечания депутатов ВС Калмыкии по поводу текста Договора, руководство республики было настроено на его заключение, поэтому существенных поправок в его текст не было в итоге внесено [4, сс. 102–103].

Стоит заметить, что Башкортостан и Татарстан требовали отдельных двусторонних договоров с Россией. Впрочем, на церемонию подписания Федеративного договора руководители Башкортостана всё же приехали (как и представитель Татарстана), но привезли с собой приложение к Договору, подчёркивавшее особый статус республики. Договор был подписан ими (Татарстан же в итоге отказался подписывать его) только с включённым в него приложением. От России это приложение подписал один лишь Президент Борис Николаевич Ельцин, а от Башкортостана — Председатель Верховноо Совета Муртаза Губайдуллович Рахимов и Председатель Совета Министров Марат Парисович Миргазямов [3, лл. 85–86]. Согласно этому приложению, Башкортостан подтверждал статус самостоятельного субъекта «обновлённой Российской Федерации» и самостоятельного участника международных экономических связей. Кроме того, создавались самостоятельные башкирские законодательная и судебная системы, адвокатура, прокуратура и нотариат. Помимо этого, Башкортостан объявил все природные ресурсы на его территории собственностью своего многонационального народа, а также наделялся правом самостоятельно определять принципы налогообложения и сборов в бюджет [3, лл. 85–86].

Таким образом, рассмотрев положения заключённого Федеративного договора, мы можем отметить следующее. К началу 1992 г. из-за развернувшихся дезинтеграционных процессов («парад суверенитетов» российских регионов) существовала опасность распада России «по образцу» Советского Союза. Заключение 31 марта 1992 г. этого Договора, во многом, стабилизировало ситуацию, переведя все вопросы о самостоятельности российских регионов в правовое русло. Однако ценой этого стало формирование асимметричного федера-

тивного устройства России, где наибольшими полномочиями обладали российские республики, которые стали официально именоваться «государствами». Республики стали обладать государственной властью на своей территории, которую, в отличие от остальных субъектов РФ, нельзя было изменять без согласия республик. Они были провозглашены полноправными участниками международных экономических связей, а также могли фактически отказываться от введения федеральным Центром режима ЧП на своей территории. В конце концов, российские республики могли вовсе не подписывать данный договор, а выстраивать отношения с Россией иными договорами и соглашениями, что прямо прописывалось в Федеративном договоре.

Данные положения Договора, несомненно, вызывали негативную реакцию руководства остальных субъектов Российской Федерации, не обладавших такими полномочиями. Поэтому тогда же, 31 марта, во время подписания Договора, ими с федеральным Центром был заключён Протокол к Договору, относительно выравнивавший положения российских субъектов. Однако перекоз в сторону российских республик продолжал сохраняться, поскольку основные рассмотренные нами положения Договора не были изменены, а широкие полномочия республик не были «дарованы» остальным регионам России. Именно из-за этого в российских областях позже стали появляться феномены по типу «Уральской республики», идеологи которой стремились таким образом в первую очередь приравнять статус собственного субъекта федерации к российским республикам. На практике реализовать это получилось лишь в декабре 1993 г., когда после разгона Съезда народных депутатов и Верховного Совета России была принята новая Конституция, в которой «на бумаге» провозглашалось равноправие субъектов Российской Федерации. Позволила это и стабилизировавшаяся в целом политическая ситуация вокруг федеративных отношений, объективно не позволявшая на момент марта 1992 г. признать равные права всех российских регионов.

Список источников

1. Батыршин Р. Федеративный договор подписан // *Независимая газета*. 1992. 1 апреля. С. 1.
2. ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1700. Федеративный Договор (подлинный экземпляр, подписанный полномочными представителями РФ и субъектов РФ 31 марта 1992 года). 113 л.
3. ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1701. Федеративный Договор (тексты договора, согласованные и парафированные полномочными представителями РФ и субъектов РФ; протоколы согласования; список участников подписания Договора). 105 л.
4. Гольшиева А. В. Историко-правовые аспекты участия республики Калмыкии в подписании Федеративного договора 1992 г. и принятии Конституции РФ (по материалам республиканской периодической печати) // *Вестник Московского университета МВД России*. 2011. № 2. С. 102–103.
5. Дуров А. И., Мочалов А. Н. Асимметрия в федеративном устройстве России и принцип равноправия субъектов РФ // *Вестник Уральского института экономики, управления и права*. 2009. № 7. С. 20–30.
6. Железнов Б. Л., Губейдуллин Р. Х. Федеративный договор 1992 года и современный российский федерализм // *Вестник экономики, права и социологии*. 2011. № 4. С. 174–177.

7. Иванов А. М. Асимметрия в федеративном устройстве России // *Философия права*. 2009. № 6. С. 101–106.
8. Иванов А. М. Асимметрия как феномен федеративного устройства России // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2011. № 5. С. 114–117.
9. Малый А. Ф., Чеглакова О. Л. К вопросу об асимметричности территориального устройства России // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2018. № 1. С. 32–41.
10. Нарутто С. В. Единство и многообразие российского федерализма // *Актуальные проблемы российского права*. 2017. № 9. С. 56–67.
11. Тарасова Е. А., Шашонков П. А. Политические республики России в начале 1990-х гг.: третий этап «парада суверенитетов» // *Russian Colonial Studies*. 2020. № 1. С. 112–141.
12. Тарасова Е. А. Проблема федеративного устройства в проектах новой Конституции России в начале 1990-х годов // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2014. № 1. С. 48–60.
13. Тарасова Е. А. Трансформация федеративных отношений в РСФСР-РФ в 1990–1993 гг. // *Труды исторического факультета СПбГУ*. 2010. № 1. С. 431–455.
14. Чертков А. Н. Асимметрия субъектов Российской Федерации и ее преодоление // *Субъекты Российской Федерации: законодательство, организация власти и управления*. 2000. № 6. С. 9–22.
15. Шашонков П. А. Процесс парафирования российскими регионами Соглашения о разграничении полномочий между Российской Федерацией и её субъектами в марте 1992 года (по материалам периодической печати) // *Современные аспекты экономики*. 2019. № 2. С. 21–27.
16. Chuman Mizuki. *The Rise and Fall of Power-Sharing Treaties Between Center and Regions in Post-Soviet Russia* // *Demokratizatsiya*. 2011. V. 2. N. 19. P. 133–150.

Приложение 1. Сравнительный анализ положений Федеративного договора

Предмет сравнения	Республики	Края, области, Москва и Санкт-Петербург	Автономные округа и область
Представительство в федеральных органах власти (Статья I, п. 3)	Гарантируется (специальным протоколом определяется, что 50% мест в высшем законодательном органе Федерации должны быть отведены представителям республик) ²	Гарантируется	Гарантируется (специальным протоколом определяется, что 50% мест в высшем законодательном органе Федерации должны быть отведены представителям автономных областей)
Полнота государственной власти (Статья III, п. 1)	Обладают	Нет	
Изменение территории субъекта и его статуса (Статья III, п. 1)	Не могут быть изменены без согласия органов власти Республики	Не упоминается в данной статье	
Являются самостоятельными участниками международных и внешнеэкономических связей, соглашений с другими субъектами РФ? (Статья III, п. 2)	Да, если это не противоречит Конституции РФ		
Координация международных и внешнеэкономических связей субъекта осуществляется... (Статья III, п. 2)	Федеральными органами власти совместно с органами власти субъекта	Исключительно федеральными органами власти	
Природные ресурсы являются достоянием (собственностью) народов, проживающих на территории соответствующих субъектов (Статья III, п. 3)	Да	Не упоминается в данной статье	
Вопросы владения, пользования и распоряжения природными ресурсами регулируются... (Статья III, п. 3)	Основами законодательства Российской Федерации и законодательством субъекта	Основами законодательства Российской Федерации и правовыми актами субъекта ³	

² Здесь и далее сравнительная информация приведена из текста подлинного экземпляра Федеративного договора и приложений к нему [2].

³ В статье 7 протокола к Федеративному договору края и области рекомендовали Верховному Совету России повторно рассмотреть вопрос о возможности предоставления им права взимать плату за пользование их природными ресурсами [2, л. 35].

Предмет сравнения	Республики	Края, области, Москва и Санкт-Петербург	Автономные округа и область
Статус федеральных природных ресурсов определяется (Статья III, п. 3)	По взаимной договоренности федеральных и региональных органов государственной власти		По взаимной договоренности федеральных и региональных органов государственной власти и с учётом необходимости сохранения и поддержания исторически сложившихся традиционных форм хозяйствования и использования природных ресурсов
Введение федеральным Центром чрезвычайного положения в субъекте (Статья III, п. 4)	С согласия органов власти, а также может ввести самостоятельно	С уведомлением региональных органов власти ⁴	
Федеральным Центром может передаваться часть полномочий региональным органам власти (Статья IV, п. 1)	Да	Да, если это не противоречит Конституции и законам РФ	Да, в соответствии с Конституцией и законами РФ
Дальнейшая судьба настоящего Соглашения с субъектом (Статья VIII; Статьи IX)	Вносится на рассмотрение Съезда народных депутатов для включения его в качестве раздела в Конституции РФ		
Изменения и дополнения в создаваемый раздел Конституции (Статья VIII)	Вносятся с согласия Республик	Не упоминается в данной статье ⁵	
Есть ли у субъекта право выбора: подписывать договор или регулировать отношения с РФ в соответствии с федеральным и региональным законодательством? (Статья VIII)	Да	Нет	

⁴ Специальным протоколом к Договору края и области добились права согласовывать введение режима ЧП на своей территории [2, л. 35].

⁵ Специальным протоколом к Договору края и области добились права согласовывать правки и изменения разделов Конституции РФ о федеративном устройстве России [2, л. 35].

Для цитирования:

Шаионов П. А. Подписание Федеративного договора 31 марта 1992 г.: формирование асимметричного федеративного устройства России // Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. С. 443–452.

Становление Администрации Президента РФ как одного из ключевых регуляторов внутренней политики в постсоветской России (на основе материалов личного архивного фонда С. А. Филатова)

The Formation of the Presidential Executive Office as a Key Regulator of Internal Politics in Post-Soviet Russia (based on the documents of the S. A. Fulatov's personal archive fond)

***Аннотация.** В данной статье поднимается проблема становления Администрации Президента (АП) Российской Федерации в 1994–1995 гг. как основного регулятора внутренней политики в постсоветской России. Прослеживается противоречие между стратегией и тактикой Администрации в ходе конструирования новой политической системы на примере взаимодействия АП с разными политическими акторами: органами государственной власти центра и регионов, структурами местного самоуправления, политическими партиями, средствами массовой информации.*

***Ключевые слова:** Администрация Президента РФ; Кремль; Старая площадь; Президент России; внутренняя политика.*

***Abstract.** The article deals with the problem of the formation of the Presidential Executive Office in 1994–1995 as a key regulator of internal politics in post-Soviet Russia. The controversy between strategy and tactics of the Executive Office in the construction of a new political system are examined on the examples of Office's relation with other political actors: the federal and regional state bodies, local authorities, political parties, mass media.*

***Key words:** Presidential Executive Office; Kremlin; Staraya Square; President of Russia; internal politics.*

*Посвящается Сергею Александровичу Филатову
10 июля 1936 — 25 августа 2023*

В литературе получил весьма широкое распространение тезис о том, что политическая система, сформировавшаяся в России в результате принятия федеральной Конституции 1993 г., изначально характеризовалась большим перевесом властных полномочий в сторону института Президента России [55, сс. 482–483]. Ряд авторов, продолжая эту мысль, подчеркивали, что наличие обширных полномочий в руках президента автоматически усиливало позиции его аппара-

---

¹ НИУ ВШЭ, ф-т гуманитарных наук, II курс магистратуры.
The National Research University Higher School of Economics, Faculty of Humanities, 2nd year Master's degree.

та — Администрации Президента РФ [52, сс. 47–48]. В целом следует констатировать отсутствие глубоких исторических исследований института Администрации Президента России [53, с. 81], что, как представляется, связано с нехваткой источников: прежде всего, материалов делопроизводства АП, хранящихся в Архиве Президента России и не доступных на сегодняшний день исследователям. В исторических и политологических исследованиях по 1990-м гг. лишь упоминается об особой роли президентской Администрации в политической системе страны без раскрытия конкретных властных механизмов [55, с. 502; 57, сс. 187, 197; 58, с. 294]. Работы правоведов, в свою очередь, сводятся к рассмотрению формальной структуры и функционала АП [1; 49; 50; 51; 52; 53]. Таким образом, почти не затронутыми остаются проблемы формальных и неформальных практик администрирования и работы институтов власти — предмета интереса новой политической истории [54].

Основной корпус источников данного исследования стал архивный фонд Сергея Александровича Филатова — второго руководителя АП, находившегося на этой должности с января 1993 г. по январь 1996 г. Хронологически исследование ограничено периодом с декабря 1993 г. по январь 1996 г. Конец этого отрезка связан с отставкой С. А. Филатова с поста главы АП. Начало периода совпадает со временем начала становления новой политической системы России после принятия Конституции РФ 12 декабря 1993 г.

Изучая материалы фонда С. А. Филатова, можно уловить критическое противоречие в деятельности Администрации Президента уже на начальном этапе формирования новой системы власти. По мнению автора, стратегия АП во внутренней политике заключалась в реализации положений новой Конституции России, которая при всех её особенностях, в целом, установила политическую систему либеральной демократии (разделение властей, многопартийность, политический плюрализм, свобода слова и т.д.). Однако на пути к этой общей цели АП столкнулась с проблемой консолидации нового демократического режима. Консолидация политического режима предполагает, что все или абсолютное большинство политических акторов признают легитимность действующего режима, существующих «правил игры» [60]. В середине 1990-х гг. молодой демократический режим в России являлся неконсолидированным, поскольку в стране существовали мощные политические силы, пользовавшиеся немалой общественной поддержкой и выступавшие за пересмотр установленных Кремлём новых «правил игры» по Конституции 1993 г. (так, коммунисты считали, что незаконно распущенный Верховный Совет России формально «сосуществует» с новым парламентом [5, л. 18]). В итоге тактика Администрации Президента была направлена фактически на «ручную» консолидацию нового политического режима, что означало вытеснение представителей «непримиримой оппозиции» с политической арены [59, с. 409].

Проследить этот процесс можно на разных направлениях работы президентского аппарата. Например, рассмотрим взаимодействие Администрации с новым парламентом России. Запуск работы парламента изначально находился, во многом, в руках АП, поскольку С.А. Филатов возглавлял Организационный комитет по подготовке первых заседаний Государственной Думы [4, лл. 1–10, 13–16, 30–37]. Оргкомитет должен был определить не только повестку первых заседаний парламента, но и подготовить регламент работы и положения об аппаратах, комитетах и комиссиях его палат, определить принципы их фракционно-партийного структурирования. Администрация занималась в том числе финансовым и материальным обеспечением работы нового законодательного органа [56, с. 38].

После запуска работы парламента Администрация не ограничивалась лишь мониторингом расстановки сил в нём [3, лл. 1–11; 5, лл. 13–18; 9, лл. 1–15; 19, лл. 1–7; 35, лл. 1–19; 44, лл. 1–5] — она стремилась активно влиять на работу законодателей с целью принятия нужных Кремлю законов. Для этого проводились встречи с представителями парламентских фракций [21, лл. 1–2; 25, лл. 1–4; 45, лл. 1–4]. Более того, предлагалось закрепить за каждым депутатом прокремлёвской фракции «Выбор России» пять–десять независимых депутатов Думы, чтобы «перетянуть» их на свою сторону [5, л. 15]. Ещё более интересной представляется кампания по «повышению квалификации» депутатов федерального парламента. Её организовало Управление информационного обеспечения АП: оно подготовило и распространило среди парламентариев аналитические материалы в поддержку либеральных экономических реформ [20, лл. 2–10]. Начальник управления Пётр Сергеевич Филиппов писал: «Повышение квалификации депутатов Федерального собрания является важнейшим условием принятия им рыночных законов, бюджета, поддержки политики правительства» [20, л. 2].

И всё же основной формой влияния президента и его Администрации на парламента были выборы. Например, обширная подготовительная работа проводилась перед выборами декабря 1995 г. Её цель фактически заключалась в создании управляемой двухпартийной системы. Один блок — правоцентристский — должен был стать условной «партией власти» во главе с премьер-министром Виктором Степановичем Черномырдиным (впоследствии он получил название «Наш дом — Россия»), другой — левоцентристский — во главе со спикером Думы Иваном Петровичем Рыбкиным, должен был играть роль «конструктивной оппозиции» [47, лл. 14–21]. В одной из записок сотруднику АП предлагалось взять на себя роль «режиссёрской команды». «Режиссёрская команда может заключать джентльменское соглашение с руководителями телеканалов и редакторами ряда газет об ограниченном допуске политических блоков на их сценические площадки», — говорится в том же документе [47, л. 17]. Обсуждался также вопрос формирования оптимальной избирательной системы. Так,

ввиду сложности объединения демократических сил в единый блок (или несколько блоков) предлагалось увеличить число думских мест, на которые выборы проходили бы по одномандатным округам, а не по партийным спискам [48, лл. 12–13]. В итоге мы имеем дело с тактикой формирования системы управляемой конкуренции.

Непросто было организовано и взаимодействие Кремля с Правительством. Несмотря на то, что социально-экономические вопросы находились в ведении Белого дома, Кремль стремился оказывать прямое воздействие и на экономический курс. В структуре Администрации Президента существовали аналитические подразделения, занимавшиеся анализом экономической ситуации в стране и выработкой предложений [11, лл. 1–3; 17, лл. 1–2; 37, лл. 1–6]. Среди структур АП, вторгавшихся в экономические компетенции Правительства, можно назвать Финансово-бюджетное управление, которое анализировало состояние федерального бюджета и выработывало предложения по улучшению финансового положения государства [34, лл. 1–3]. Журналисты того времени АП нередко именовали «вторым правительством» [19, лл. 3–4].

Помимо этого, в недрах Администрации готовились предложения по изменению структуры исполнительной власти [11, лл. 4–5; 17, лл. 3–5]. Глава АП направлял президенту проекты по глубокой структурной реорганизации Правительства и критиковал альтернативный проект, подготовленный в Белом доме [14, лл. 7–8]. Группа экспертов президента России и вовсе предлагала взять курс на усиление АП и иных президентских структур в противовес Правительству [12, лл. 1–3].

Администрация Президента курировала ещё одно важнейшее направление работы, связанное с функционированием исполнительной вертикали — подготовку кадров для государственной службы. Главной опорой АП в системе подготовки кадров стала Российская академия государственной службы (РАГС) при Президенте РФ. «Академия должна стать рабочим центром Администрации Президента, Совета по кадровой политике, органов управления государственной службой» [40, л. 2], — заявил С. А. Филатов, выступая на Учёном совете РАГС. Помимо прочего, Академии полагалось курировать работу региональных кадровых центров, занимавшихся подготовкой чиновников в органы власти субъектов Федерации.

Важно отметить, что АП занималась и подбором судебных кадров, поскольку одним из конституционных полномочий президента РФ является назначение судей федеральных судов. Среди критериев отбора судей в Конституционный Суд Российской Федерации, в частности, был и критерий политической ангажированности (предлагалось, в частности, не выдвигать в судьи известных общественных деятелей, искать нейтральные кандидатуры) [22, л. 1]. Таким образом, Кремль стремился «переформатировать» не только власть законодательную и исполнительную, но и, в известной степени, судебную.

Активную работу Администрация Президента вела с регионами и органами местного самоуправления (МСУ). Управление по работе с территориями постоянно уведомляло главу АП о политической ситуации в регионах, например, о результатах выборов в законодательные собрания, созданные вместо бывших советов [24, лл. 1–4]. В отношении регионов, в которых сложилась кризисная обстановка, данные Администрации могло предоставлять федеральное МВД (это, например, касалось осетино-ингушского конфликта и Чечни) [7, лл. 1–3; 23, лл. 1–10; 29, лл. 1–12; 46, лл. 1–2].

И всё же одним мониторингом Администрация не ограничивалась. Так, АП не только следила за ходом выборов в регионах, но и стремилась оказывать влияние на их итоги. «Мы исходим из того, что процесс формирования представительных органов власти и органов местного самоуправления в субъектах Федерации должен быть управляемым. Его нельзя пустить на самотек. Ибо от того, как пойдёт этот процесс, во многом зависит судьба России в целом» [13, л. 6], — сказал С. А. Филатов на совещании с полномочными представителями президента в регионах в январе 1994 г. Когда стало ясно, что выборы на местах могут принести победу оппозиции, Администрация постаралась перенести их на лето и осень 1994 г. [2]. Упомянутое Управление предлагало создать рабочую группу для координации деятельности Старой площади (место дислокации АП) с региональными администрациями в проведении избирательных кампаний [15, лл. 4–7]. Для кандидатов на посты председателей законодательных собраний предлагалось проводить семинары в Москве с целью выявления тех из них, кто поддерживает реформаторский курс федеральных властей. Планировались совещания с главами малых городов, окружных, краевых и областных центров по вопросу принципов организации МСУ. Государственно-правовому управлению вместе с Управлением по работе с территориями полагалось проанализировать региональные нормативные акты о выборах и организации МСУ на предмет их соответствия федеральной Конституции. В конце концов, предполагались командировки ответственных сотрудников Администрации Президента в регионы с напряжённой социально-политической ситуацией (Коми, Тыву, Хакасию, области Центрально-Чернозёмного района, Ставрополье, Краснодарский край и Смоленскую область). В Москве периодически собирались совещания полномочных представителей президента в регионах, на которых обсуждались насущные проблемы, такие, как принятие региональных конституций и уставов и организация МСУ [43, лл. 55–80]. Был выработан «модельный» устав региона, который всерьёз рекомендовался на Старой площади представителям субъектов Российской Федерации. Иначе говоря, шёл активный процесс выстраивания «нижних этажей» власти под контролем центра.

Стоит сказать, что Администрация внимательно отслеживала ситуацию в публичном пространстве (вне органов власти). МВД ре-

гулярно предоставляло АП сводки о криминогенной и общественно-политической обстановке в стране [16, лл. 1–3; 36, лл. 1–6; 38, лл. 1–9; 42, лл. 1–4]. Старая площадь, кроме того, пристально следила за деятельностью оппозиции (за раскладом сил внутри оппозиционных партий, их попытками консолидации) [26, лл. 1–7; 31, лл. 1–30]. С другой стороны, Администрация стремилась перехватить инициативу у оппозиции и контролировать публичную повестку. Ключевым шагом в этом направлении стало подписание Договора об общественном согласии 28 апреля 1994 г. [28, лл. 50–111; 30, лл. 1–53; 33, лл. 1–86]. С целью реализации положений Договора, основным смысл которого заключался в отказе от насилия как средства разрешения конфликтов, была создана Согласительная комиссия, председателем которой стал С. А. Филатов, а её ответственным секретарем — начальник Отдела по взаимодействию с партиями и общественными объединениями АП Валерий Александрович Щегорцов [41, л. 6]. На её заседаниях предпринимались попытки решить разные вопросы, требовавшие многостороннего согласования. Заключение Договора — яркий пример политики «ручной» консолидации.

Одним из важных направлений в работе Администрации являлось взаимодействие со СМИ. Центр оперативной информации АП, в основном, занимался мониторингом СМИ, регулярно подготавливая информационные справки [6, лл. 1–26; 10, лл. 1–42]. Управление информационного обеспечения занималось разработкой стратегии Кремля в информационном пространстве. Сами за себя говорят названия материалов, которые ложились на стол С. А. Филатову от руководителей этих структур: «О необходимости скорректировать работу средств массовой информации с учётом менталитета российского населения», «Предложения по корректировке действий и пропагандистских приёмов реформаторов» [8, лл. 1–3; 18, лл. 1–7]. Управление готовило концепцию пропаганды реформаторского курса федеральных властей, Договора об общественном согласии и других инициатив Кремля [32, лл. 5–7; 39, лл. 1–12].

Перечисленные факты подтверждают, что Администрация Президента РФ уже в середине 1990-х гг. стала превращаться в структуру, выступающую ключевым регулятором внутренней политики в России. Это стало следствием политики «ручной» консолидации, проводившейся на Старой площади. Подобная политика в реальности вела страну не к созданию консолидированной либеральной демократии, а способствовала формированию институциональных предпосылок для развития в последующий период авторитарного президентского режима. В данных условиях АП постепенно превращалась в ключевой регулятор внутренней политики и в одну из основных несущих конструкций президентской власти в России.

1. Блинов А. Б. *Администрация Президента Российской Федерации* // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2011. № 5. С. 57–66.

2. *Выборы в местные органы власти могут быть перенесены на осень* // Известия. 1994. 18 февраля.

3. ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 1. Д. 1337. 11 л.

4. ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 1. Д. 1347. 48 л.

5. ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 2. Д. 3. 23 л.

6. ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 2. Д. 4. 26 л.

7. ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 2. Д. 13. 6 л.

8. ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 2. Д. 14. 3 л.

9. ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 2. Д. 17. 15 л.

10. ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 2. Д. 22. 42 л.

11. ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 2. Д. 27. 7 л.

12. ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 2. Д. 28. 3 л.

13. ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 2. Д. 34. 17 л.

14. ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 2. Д. 36. 15 л.

15. ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 2. Д. 46. 7 л.

16. ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 2. Д. 48. 6 л.

17. ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 2. Д. 52. 11 л.

18. ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 2. Д. 60. 17 л.

19. ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 2. Д. 77. 8 л.

20. ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 2. Д. 77. 16 л.

21. ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 2. Д. 111. 2 л.

22. ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 2. Д. 119. 3 л.

23. ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 2. Д. 121. 10 л.

24. ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 2. Д. 126. 4 л.

25. ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 2. Д. 127. 4 л.

26. ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 2. Д. 130. 7 л.

27. ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 2. Д. 133. 10 л.

28. ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 2. Д. 134. III л.

29. ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 2. Д. 137. 12 л.

30. ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 2. Д. 154. 53 л.

31. ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 2. Д. 162. 30 л.

32. ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 2. Д. 169. 7 л.

33. ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 2. Д. 176. 86 л.

34. ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 2. Д. 187. 3 л.

35. ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 2. Д. 191. 19 л.

36. ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 2. Д. 200. 6 л.

37. ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 2. Д. 210. 6 л.

38. ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 2. Д. 211. 9 л.

39. ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 2. Д. 212. 12 л.

40. ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 2. Д. 221. 19 л.

41. ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 2. Д. 222. 46 л.

42. ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 2. Д. 234. 4 л.

43. ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 2. Д. 235. 85 л.

44. ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 2. Д. 239. 5 л.

45. ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 2. Д. 321. 4 л.

46. ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 2. Д. 322. 4 л.

47. ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 2. Д. 492. 21 л.

48. ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 2. Д. 509. 71 л.

49. Гроссман, Д. Е. *Администрация Президента Российской Федерации: история формирования и сравнительный анализ структур. 1991–2004 гг.* // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2016. № 2 (33). С. 81–89.

50. Зуйков А. В. *Администрация Президента России в 1996–2000 годах: расцвет на закате* // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4 (89). С. 140–159.

51. Зуёков А. В. *Испытание демократией: Администрация российского Президента в 1993–1996 годах* // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 2 (87). С. 151–168.
52. Зуёков А. В. *О прошлом для будущего: становление Администрации Президента России (к 20-летию президентского аппарата)* // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 6 (85). С. 33–53.
53. Копаев Е. Н. *К постановке вопроса о роли Администрации Президента РФ в политическом процессе современной России* // Власть. 2013. № 2. С. 79–81.
54. Кром М. М. *Новая политическая история: темы, подходы, проблемы* // Новая политическая история: сб. научных работ. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге; Алетейя, 2004. С. 7–17.
55. Пихоя Р. Г. Москва. Кремль. Власть. *Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985–2005*. М.: Русь-Олимп: Астрель: АСТ, 2007. 554 с.
56. Римский В. А. *Архитектура бюрократических институтов в России в период президентства Бориса Ельцина* // Страна после коммунизма: государственное управление в новой России. Т. 1. М.: Институт права и публичной политики, 2004. С. 17–52.
57. Согрин В. В. *Политическая история современной России. 1985–2001: от Горбачева до Путина*. М.: Весь Мир, 2001. 272 с.
58. Шевцова Л. Ф. *Режим Бориса Ельцина*. М.: РОССПЭН, 1999. 535 с.
59. *Эпоха Ельцина: очерки политической истории* / [под ред. Ю. М. Батурина и др.]. М.: Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2011. 815 с.
60. Linz J. J., Stepan A. C. *Toward Consolidated Democracies* // Journal of Democracy. 1996. № 2 (7). С. 14–33.

Для цитирования:

Кондрюков И. И. *Становление Администрации Президента РФ как одного из ключевых регуляторов внутренней политики в постсоветской России (на основе материалов личного архивного фонда С. А. Филатова)* // Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. С. 453–460.

Особенности освещения кризиса принадлежности Черноморского флота в российской многотиражной прессе 1992 г.

Features of coverage of the crisis of ownership of the Black Sea Fleet in the Russian large-circulation press in 1992

Аннотация. На материалах российских периодических изданий проведено исследование освещения федеральными отечественными печатными СМИ кризиса принадлежности Черноморского флота в 1992 г. между Российской Федерацией и Украиной. Автором были выделены характерные черты российской аналитической публицистики начала 1990-х годов в контексте распада СССР и проблем взаимоотношений постсоветских России и Украины.

Ключевые слова: пресса; Черноморский флот; Крым; распад СССР.

Abstract. Based on the materials of Russian periodicals, a study was conducted on the coverage by federal domestic print media of the crisis of ownership of the Black Sea Fleet in 1992 between the Russian Federation and Ukraine. The author highlighted the characteristic features of Russian analytical journalism of the early 1990s in the context of the collapse of the USSR and the problems of relations between post-Soviet Russia and Ukraine.

Keywords: press; Black Sea Fleet; Crimea; collapse of the USSR.

Включение Крыма в состав России в марте 2014 г. и начало Специальной военной операции на Украине в феврале 2022 г. актуализировали вопрос о первопричинах кризиса в отношениях между двумя государствами. После подписания лидерами России, Украины и Белоруссии 8 декабря 1991 г. Беловежских соглашений, по которым государства-подписанты в статье № 5 гарантировали взаимную территориальную целостность, Крым и Севастополь — база Черноморского флота — стали регионами независимой Украины. На этапе становления государственности России и Украины между странами практически сразу возник кризис, связанный с разделом военного потенциала распавшегося СССР. Уже 8 января 1992 г. мэр Санкт-Петербурга Анатолий Александрович Собчак в интервью российским журналистам по этому поводу отмечал следующее: «Что же касается судьбы Черноморского флота, то, ну, я не хотел бы сейчас говорить о территориальных претензиях, там, скажем, о судьбе Крыма, но ведь известны достаточно большое количество преце-

¹ Научный сотрудник музея первого президента России Б. Н. Ельцина, Ин-т истории и археологии УрО РАН, II курс аспирантуры.

Researcher of the Museum of the first President of Russia B. N. Yeltsin, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2nd year postgraduate student.

дентов, когда военно-морские базы одного государства находятся на территории другого государства, даже если предположить такую нелепость, что Крым — это территория Украины. Так вот, с этой точки зрения я считаю, что вполне возможно соглашение между Россией и Украиной, но, насколько мне известно, Севастополь никогда не был базой Украинского военно-морского флота. Это всегда была база российского флота. И это ситуация, которая не может измениться под влиянием каких-то сиюминутных обстоятельств. То, что складывалось веками — в один день, даже если это решили представители коммунистической номенклатуры вкупе с националистами — это в один день изменить невозможно <...>. Это вопрос для международного сообщества. Действия Украины в отношении, скажем так, Советской армии и флота — это действия, которые представляют колоссальную угрозу для всего человечества в целом <...>. Я противник решать какие-либо территориальные конфликты силой — здесь должны быть переговоры. Но здесь нельзя и упускать время. Нельзя допускать, чтобы Украина уже создала такую армию, которую, если она создаст, она обязательно пустит в ход. Я в этом ни минуты не сомневаюсь. Я считаю, что сегодня мы закладываем мину не только под наше будущее, но и будущее всего человечества» [38].

На наш взгляд, для изучения политического контекста данных событий такой исторический источник, как материалы многотиражной российской прессы того времени, требует анализа и научно-исторической интерпретации. В представленной статье предпринято изучение ключевых материалов на тему принадлежности Черноморского флота многотиражных российских изданий, под которыми мы идентифицируем газеты «Известия», «Независимая газета», «Российская газета» и «Московские новости».

Публикации из многотиражной прессы использовались авторами научных статей, посвященных кризису принадлежности Черноморского флота. Академические исторические исследования российско-украинских отношений авторства А. П. Фёдоровых [36] и О. А. Пивеня [35] появились уже в 2000-е гг. После 2014 г., в связи с воссоединением Крыма с Россией и последующей актуализацией темы российско-украинских отношений и истории раздела Черноморского флота в 90-е гг. XX в., появляется ряд исследований договоров между двумя государствами. Работа В. А. Дмитриева [29] стала первой после воссоединения Крыма с Россией и задавала тренд на поиск исторических предпосылок возникновения кризиса отношений России и Украины в новейшей истории. В последующих работах С. И. Паустов [33], С. И. Чернявский [37], И. В. Островский [32], П. И. Пашковский [34], С. Е. Киевец [30] смогли осветить проблему принадлежности Черноморского флота в широком международном контексте на фоне распада СССР. Анализ публикаций о кризисе принадлежности Черноморского флота в материалах американской газеты «Нью-Йорк таймс» был предпринят А. П. Машенко [31]. Однако, ра-

боты, которая была бы посвящена материалам всероссийской прессы на тему проблемы принадлежности Черноморского флота, на данный момент не написано.

Ещё в годы Перестройки пресса стала играть ключевую роль в информационном пространстве и задавать общественно-политическую повестку на фоне политики гласности. Через три недели после подписания Беловежских соглашений, 27 декабря 1991 г. Президент России Борис Николаевич Ельцин подписал закон «О средствах массовой информации» [6], который, с одной стороны, юридически освободил российские СМИ от государственной цензуры, но, с другой — перевёл их на самофинансирование. Таким образом, редакции печатных СМИ оказались в ситуации, когда при ограниченном количестве средств и полной независимости от государства им стало необходимо распространять информацию для читателя в наиболее интересной форме, освещая животрепещущие и резонансные темы. Острые проблемы межгосударственных отношений между бывшими союзными республиками в 1992 г. были наиболее актуальны для населения бывшего СССР, а кризис принадлежности Черноморского флота стал одним из важнейших политических сюжетов. Гипотетическая возможность военного конфликта из-за разногласий России и Украины после распада СССР обсуждалась многими видными публицистами того времени (как было принято подчёркивать в прессе, существовала угроза развития межгосударственных отношений «по югославскому сценарию» [5]). Для сегодняшнего исследователя темы российско-украинских отношений в 90-е гг. XX в. данный вид исторического источника позволяет проанализировать интерпретацию событий прессой, а также особенности публичного дискурса изучаемого хронологического периода.

После распада СССР Советские вооружённые силы вошли в состав Вооружённых сил СНГ, однако, как и ряд постсоветских республик, Украина стала формировать свою собственную армию после принятия закона Верховной Радой «О Вооружённых силах Украины» 6 декабря 1991 г. [1]. В Крыму украинские власти начали активную работу по принятию присяги солдатами и офицерами Черноморского флота, привлекая для выполнения этой задачи специальную депутатскую комиссию Верховной Рады [28]. После этого последовали действия российской законодательной власти: 23 января 1992 г. Верховный Совет России принял обращение к Верховной Раде Украины по вопросу о «конструктивном диалоге о судьбе Черноморского флота» и сделал запрос в Парламентский комитет по международным делам по рассмотрению конституционности решения о передаче Крымской области в 1954 г. из состава РСФСР в состав УССР.

Реакция на решения Верховного Совета России со стороны корреспондентов «Известий» и «Независимой газеты» была скептической. Иван Елистратов из «Известий» поставил перед читателями вопрос о том, по какой причине группа российских депутатов «позволила себе фактически вмешаться в дела независимых государств»

[5]. Сергей Пархоменко в том же ключе раскритиковал данное решение Верховного Совета, при этом отметив, что позиция президента, и России, и правительства по вопросу принадлежности Крыма и Черноморского флота не находится в повестке дня: «Трудно заподозрить председателя парламента, что, проявляя такую решительность, последовательность и настойчивость, он заботится, прежде всего, о создании благоприятных политических условий для деятельности правительства...» [14]. В условиях нарастающего кризиса и в целях демонстрации позиции по принадлежности Черноморского флота, президент России Б. Н. Ельцин 28 января 1992 г. провёл встречу в Новороссийске на крейсере «Москва» с адмиралом Игорем Владимировичем Касатоновым, который являлся ярким сторонником сохранения флота под юрисдикцией Объединённых Вооружённых Сил СНГ [18]. Всеволод Дмитриев из «Независимой газеты» отреагировал на это событие в ироничной форме, преуменьшая значимость проблемы урегулирования вопроса о Черноморском флоте по сравнению с предстоящим выступлением президента России в ООН: «Трудно понять, чем была вызвана необходимость готовиться к зарубежному турне именно на одном из боевых кораблей» [3].

Проблема принадлежности Черноморского флота вышла в феврале 1992 г. на уровень переговоров глав государств. Итоги многочисленных переговорных процессов были под особым вниманием прессы. В это время пресса старалась не занимать какую-либо сторону в освещении переговоров между президентом Украины Леонидом Марковичем Кравчуком и Б. Н. Ельциным и в рамках новостного формата просто оповещала читателя об их итогах. 14 февраля 1992 г. в Минске главами государств СНГ обсуждался вопрос о существовании Объединённых Вооружённых Сил. Председательствующий на встрече Президент Украины Л. М. Кравчук заявил о невозможности обсуждения проблемы Черноморского флота без учёта интересов его страны и обвинил власти России в продаже военных кораблей (покупатель военных кораблей упомянут не был), а Главнокомандующего Вооружёнными Силами СНГ Евгения Ивановича Шапошникова [18] — в отсутствии согласования с руководителями государств Содружества отдаваемых приказов военным частям [10]. Тогда же на встрече руководство Украины отказалось от участия в формировании Объединённых Вооружённых Сил СНГ. Таким образом, борьба за принадлежность Черноморского флота стала влиять на разрешение других важных проблем между Москвой и Киевом. На пресс-конференции 12 марта Л. М. Кравчук объявил о заморозке передачи оружия массового поражения в Россию для её последующего уничтожения и назвал силы сторонников идеи выхода Крыма из состава Украины «враждебными народам Крыма» [23]. На следующей встрече глав СНГ в Киеве 21 марта главам России и Украины также не удалось найти точки соприкосновения по решению вопроса [4].

В начале апреля 1992 г. наступил пик кризиса по вопросу принадлежности Черноморского флота, о чём свидетельствует большое количество материалов по этой теме в прессе. Во многом это было связано с тем, что неудавшаяся попытка руководителей России и Украины найти компромиссное решение по флоту спровоцировала внутренние конфликты среди офицерского корпуса. Обозревая сюжеты противоборства пророссийских и проукраинских сил внутри самого Черноморского флота, корреспондент «Московских новостей» Алексей Пересвет отметил, что «решение о передаче флота заставит их (морских офицеров) затопить корабли у входа в Севастопольскую бухту...» [15]. Бурная хронология событий этого месяца, связанная с кризисом принадлежности Черноморского флота, находилась на первых полосах газет. Второго апреля глава ВМФ СНГ адмирал флота Владимир Николаевич Чернавин сделал обращение к морякам, в котором обвинил Министерство обороны Украины в «лукавстве и заигрывании, раздаче различных посулов и несостоятельных обещаний» и потребовал «неукоснительно выполнять всеми военнослужащими распоряжения и указания только Главного командования ОВС СНГ и командования ВМФ в целях сохранения Черноморского флота» [27]. Уже третьего апреля вице-президент России Александр Владимирович Руцкой встретился в Крыму с военными моряками с целью «сделать ещё одну попытку для того, чтобы цивилизованным путём развязать черноморский узел» [21]. В том числе вице-президентом было однозначно заявлено, что Черноморский флот должен входить в состав ОВС СНГ и принадлежать России. Четвёртого апреля, пока А. В. Руцкой находился в Крыму, Б. Н. Ельцин сделал заявление о том, что Черноморский флот будет переведён под юрисдикцию России в случае одностороннего изменения статуса со стороны другого государства [24]. Несмотря на резкую эскалацию кризиса, журналисты скептически относились к возможному началу вооружённого конфликта между Россией и Украиной. Владимир Надеин из «Известий» дал краткосрочный прогноз, что «из этой искры не обязательно возгорится пламя серьёзного конфликта» [12], указывая на то, что заявления российских политических деятелей конъюнктурны и не приведут к практическим действиям по силовому установлению контроля над Черноморским флотом, а что касается Б. Н. Ельцина, то, как анализировал автор, тот такими заявлениями стремился перетянуть на свою сторону консервативно-националистическую оппозицию в Верховном Совете.

Однако руководство Украины прибегло к ответным действиям в юридической плоскости. В ответ на заявление Президента России, пятого апреля Президент Украины Л. М. Кравчук подписал Указ о подчинении Украине всех войск и флота, которые располагаются на территории страны, и о формировании военно-морских сил, по которому все корабли Черноморского флота переходили в собственность Украины [26]. В тот же день Президиум Верховной Рады принял за-

явление, в котором обвинил руководство России и командование ВМФ Объединённых сил СНГ в дестабилизации обстановки вокруг Черноморского флота. Согласившийся стать командующим украинских военно-морских сил Борис Борисович Кожин, который был командиром крымской военно-морской базы, немедленно был уволен шестого апреля И. В. Касатоновым [21]. В тот же день Б. Н. Ельцин подписал ответный указ о переходе Черноморского флота под юрисдикцию России, о котором ранее предупреждал украинскую сторону. Президиум Верховного Совета Крыма, который находился в центре конфликта, восьмого апреля принял воззвание и главам государств СНГ: он настоятельно предложил Л. М. Кравчуку и Б. Н. Ельцину встретиться в ближайшее время в Крыму и совместно найти оптимальное решение спорных проблем. Несмотря на обострение кризиса, руководство России и Украины не было готово идти дальше политических заявлений и безоговорочного исполнения собственных документов, отстаивая претензии на владение Черноморским флотом. Публицист «Известий» В. Надеин указал, что такие действия отражают стремления посткоммунистической оппозиции двух государств приобрести политические дивиденды на «вопросах национального престижа» [13]. Восьмого апреля министр иностранных дел России Андрей Владимирович Козырев с украинским коллегой Анатолием Максимовичем Зленко договорились о начале переговоров [19], а девятого апреля в Верховной Раде Украины Л. М. Кравчук заявил, что «мы не имеем права вести ситуацию до неприязни двух народов» [20]. Публицистка констатировала, что Б. Н. Ельцин указом о переводе Черноморского флота в юрисдикцию Вооружённых сил СНГ решил заполучить лояльность от парламентской оппозиции IV Съезда народных депутатов, который проходил с 6 по 21 апреля, и в котором оппозиционное большинство было недовольно ходом экономической реформы: «искры посыпались от жёсткого столкновения Б. Н. Ельцина с его внутривнутриполитическими противниками. К самому Черноморскому флоту это имеет лишь косвенное отношение» [12].

Десятого апреля была достигнута договорённость между делегациями Украины и ВМФ ОВС СНГ, в которой была зафиксирована готовность решать проблему принадлежности Черноморского флота путём переговоров полномочных государственных делегаций (Л. М. Кравчук и Б. Н. Ельцин ввели соответствующие моратории на свои указы о включении Черноморского флота в состав Вооружённых Сил Украины и СНГ) [22]. В свою очередь, Б. Б. Кожин и И. В. Касатонов заявили о недопущении боевых столкновений флотов двух государств [25]. Первая встреча делегаций состоялась 29 апреля в Одессе [5], где глава украинской делегации Василий Васильевич Дурдинец заверил, что «на столь высоком государственном уровне мы найдём разрешение этого непростого вопроса» [4]. Накануне встречи консультант министра обороны Украины по проблемам флота А. Каталов заявил журналистам, что суть главного разногласия между Украиной и Россией

состоит в отсутствии единого подхода к разрешению проблемы: «Трудность состоит в том, что Украина заявляет, что Черноморский флот является частью ВМС бывшего СССР и из этого нужно исходить при делёжке, а Россия утверждает, что Черноморский флот уже является флотом СНГ и из него надо выделить какую-то часть в состав военно-морских сил Украины» [17]. Позиции сторон по многим вопросам были противоположными, и обозреватели констатировали, что «проблема созрела, но не созрели для её обсуждения сами стороны» [11]. Однако, как подчеркнула обозревательница «Московских новостей» Ольга Бычкова, для Украины и России переговорный формат взаимоотношений по вопросу принадлежности Черноморского флота был наиболее приемлем: «Гораздо выгоднее (руководству Украины) поддерживать Ельцина как участника переговоров, нежели иметь с ним дело как с верховным главнокомандующим <...>. Интерес России — выйти из нынешней заварухи с наименьшими потерями (от экономических до людских) — созвучен интересу Украины не дать ей снова стать империей» [2].

Первые переговоры не привели к заключению соглашения между сторонами, и журналисты считали, что вопрос о принадлежности Черноморского флота будет решаться долгое время. Так, публицист «Известий» Леонид Капелюшный писал следующее о ходе переговоров: «...дружественность обстановки на переговорах подчёркивалась, (но) мне кажется, что потребуется дипломатический подвиг обеих сторон, чтобы дружба победила» [7]. Однако встреча на высшем уровне между Л. М. Кравчуком и Б. Н. Ельциным, которая прошла 24 июня в Дагомысе, неожиданно поставила точку на проблеме разделения Черноморского флота между Россией и Украиной. Поскольку оба государства к тому моменту решили создать собственные вооружённые силы, президенты согласились пойти на создание ВМС России и ВМС Украины на базе Черноморского флота: было принято решение совместно его использовать и финансировать. Военнослужащие, призванные на службу в объединённые силы СНГ, принимали присягу тому из двух государств, гражданами которого они являются [8].

Пресса констатировала, что острая фаза кризиса принадлежности Черноморского флота в 1992 г. привела государства к заключению шаткого мирного компромисса из-за социально-экономических проблем в России и Украине, а также из-за взаимной боязни последствий военного столкновения стран по примеру югославского сценария. Так описал причины возникновения компромисса в Дагомысе публицист «Известий» В. Кононенко: «Причину сближения позиций, судя по всему, нужно искать в плоскости социально-экономических проблем, с которыми сталкиваются обе стороны, особенно Украина, экономика которой более уязвима в силу ограниченности ресурсов. Поиграв бицепсами, и в Киеве, и в Москве поняли, что конфронтация может привести к небывалым последствиям. Тем более, что уже во круг льётся кровь. Потому лидеры пошли на разумный компромисс»

[9]. Похожие выводы о договорённостях в Дагомысе сделал публицист «Независимой газеты» Виталий Портников, отдельно прогнозируя возможность несоблюдения договорённостей между Россией и Украиной в долгосрочной перспективе: «пока что конфликт не нужен обеим сторонам, но что будет, если он понадобится одной из них?» [16].

Изучение материалов прессы приводит исследователя к следующим выводам об особенностях освещения кризиса принадлежности Черноморского флота. Журналисты описывали события подчёркнуто нейтрально, не пытаясь встать на сторону руководства России или Украины. Наиболее распространённая точка зрения о первопричинах разгоревшегося черноморского кризиса сводится к желанию радикалов на Украине и в России сделать политический капитал на волне популистских заявлений (так, журналист газеты «Известия» В.Надеин в одном из материалов констатировал следующее: «Националистические эмоции официального Киева ничуть не слабее имперских чувств московских “наших”» [12]). Эта нейтральность в повествовании также была связана с тем, что освещение проблемы принадлежности Черноморского флота велось без давления со стороны российского руководства: в материалах прессы подробно освещалась позиция руководства Украины, и читателю предоставлялась возможность сделать самостоятельный вывод.

Опубликованные статьи наполнены анализом происходящих событий: практически во всех работах, помимо новостных заметок, велось их осмысление на широком международном контексте. Авторы материалов подчёркивали свои либерально-пацифистские взгляды, негативно оценивая возможность эскалации кризиса отношений между Россией и Украиной из-за принадлежности Черноморского флота (соответственно, те силы, которые подталкивали к конфронтации — российские реваншисты и украинские националисты — подвергались острой критике в материалах прессы).

Автор отмечает, что материалы прессы того времени обладали высоким уровнем анализа проблемы, а также точными краткосрочными и долгосрочными прогнозами: современный исследователь может увидеть это в ретроспективе. По мнению автора, редакционная политика выбранных печатных изданий в теме освещения кризиса принадлежности Черноморского флота связана с тремя главными факторами:

- 1) коммерческая заинтересованность редакций газет представить читателю качественный журналистский продукт;
- 2) непредсказуемость политических событий в быстро меняющейся ситуации на постсоветском пространстве в начале 90-х гг. XX в.;
- 3) отсутствие ясных перспектив решения кризиса по вопросу принадлежности Черноморского флота со стороны руководства России в 1992 г.

Список источников

Источники

1. Бандура Ю. Украина: билет на Запад // *Московские новости*. 1991. 8 декабря. С. 3.
  2. Бычкова О. Как президент президенту // *Московские новости*. 1992. 5 июля. С. 5.
  3. Дмитриев В. Неожиданные перемещения Президента России // *Независимая газета*. 1992. 29 января. С. 1.
  4. Елистратов И. В Киеве договорились по ряду военных вопросов. Следующая встреча в Ташкенте // *Известия*. 1992. 21 марта. С. 1.
  5. Елистратов И. Парламент России призывает украинских коллег вернуться к вопросу о Крыме и флоте // *Известия*. 1992. 24 января. С. 1.
  6. Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 «О средствах массовой информации» // СПС КонсультантПлюс.
  7. Капелюшный Л. В ожидании переговоров между Украиной и Россией // *Известия*. 1992. 29 апреля. С. 1.
  8. Капелюшный Л. В первом раунде переговоров «победила дружба»... // *Известия*. 1992. 4 мая. С. 2.
  9. Кононенко В. Дагомысе Россия с Украиной нашли компромисс // *Известия*. 1992. 24 июня. С. 2.
  10. Кононенко В., Матуковский Н., Шиманский М. Разногласия по армейским проблемам могут победить «Непобедимую и легендарную» // *Известия*. 1992. 15 февраля. С. 1.
  11. Надеин В. Дагомыс даёт новые шансы содружеству // *Известия*. 1992. 25 июня. С. 1.
  12. Надеин В. Президент Ельцин заявляет о возможном переходе Черноморского флота под юрисдикцию России // *Известия*. 1992. 4 апреля. С. 1.
  13. Надеин В. Черноморский флот под двумя юрисдикциями, но пока под одним флагом // *Известия*. 1992. 8 апреля. С. 1.
  14. Пархоменко С. «Чёрный передел» бывшего Союза? Пока в Российском парламенте обсуждается принадлежность Крыма, Латвия заявила о правах на часть Псковской области // *Независимая газета*. 1992. 24 января. С. 1.
  15. Пересвет А. Нам бы, нам бы всем на дно?.. // *Московские новости*. // 1992. 5 апреля. С. 18.
  16. Портников В. Российско-украинское примирение состоялось // *Независимая газета*. 1992. 25 июня. С. 1.
  17. Скачко В. Яров и Дурдинец приехали в Одессу решать судьбу Черноморского флота // *Независимая газета*. 1992. 30 апреля. С. 1.
  18. Фельгенгауэр П. Главное командование сил СНГ — фактический правопреемник бывшего СССР в оборонных вопросах // *Независимая газета*. 1992. 1 февраля. С. 1.
  19. Фельгенгауэр П. Г. Дмитрий Волгоносов: мы будем действовать исходя из интересов России // 1992. 9 апреля. С. 1.
  20. Филлипов В. Севастополь готовится к переговорам о судьбе Черноморского флота // *Известия*. 1992. 13 апреля. С. 2.
  21. Филлипов В. Севастопольская кампания в разгаре // *Известия*. 1992. 8 апреля. С. 1.
  22. Филлипов В. Судьба Черноморского флота будет решена мирным путём // *Известия*. 1992. 10 апреля. С. 1.
  23. Цикора С. Президент приостановил вывоз тактического ядерного оружия с Украины // *Известия*. 1992. 13 марта. С. 1.
  24. Цикора С. Киевское эхо московского заявления // *Известия*. 1992. 4 апреля. С. 1.
  25. Цикора С. Россия. Украина. Флот. Крым... // *Известия*. 1992. 9 апреля. С. 1.
  26. Цикора С. Украина подчиняет себе все войска и флот, дислоцированные на её территории // *Известия*. 1992. 7 апреля. С. 1.
  27. Цикора С. Украина: не ладят генералы с политиками // *Известия*. 2 апреля. С. 2.
  28. Цикора С. Украине присягнуло 300 тысяч // *Известия*. 1992. 23 января 1996 г. С. 2.
- Литература*
29. Дмитриев В. А. Крым. Севастополь. Флот // *Пространство и время*. 2014. № 2 (16). С. 189–197.
  30. Киевец С. Е. Политическое значение Крыма для Украины в 1991–2014 гг. // *Вестник Пермского университета. Серия «Политология»*. 2021. № 3. С. 77–87.
  31. Мащенко А. П. Освещение «Крымских проблем» в газете «Нью-Йорк таймс» // *Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации»*. 2011. Т. 24 (63). № 2. Часть 2. С. 311–317.

32. Островская И. В. Русские и пророссийские общественные объединения, общественно-политические движения Севастополя и Крыма (1991–1997 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 4. С. 94–99.

33. Паутов С. И. Проблемы и решения. Советское наследство во внешней политике Украины в 1991–1994 гг. // Архонт. 2017. № 3. С. 22–26.

34. Пашковский П. И. Проблема черноморского флота в российско-украинских отношениях (1991–2014 гг.): ретроспективный анализ. // Научные ведомости Белгород. гос. ун-та. Серия «История. Политология». 2019. Т. 46. № 2. С. 384–392.

35. Пивень О. А. Черноморский флот России в Крыму: итоги и перспективы развития // Военная мысль. 2008. № 7. С. 2–10.

36. Федоровых А. П. Проблема Черноморского флота и Севастополя: история и перспективы исследования // Вестник СамГУ. 2008. № 60. С. 362–370.

37. Чернявский С. И. Россия — Украина: ретроспектива постсоветских отношений // *Juvenis scientia*. 2017. № 3. С. 13–21. Электронные ресурсы

38. Без ретуши (РТР, 1992) — Анатолий Собчак. 1 января 1992 г. // YouTube. URL: <https://youtu.be/JkmP4mZnDIA> (дата обращения: 05.05.2023).

Для цитирования:

Бардин А. Б. Особенности освещения кризиса принадлежности Черноморского флота в российской многотиражной прессе 1992 года // Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г. СПб., 2023. С. 461–470.

Матлин Александр Дмитриевич | Matlin Alexander Dmitrievich¹

Избирательная кампания Александра Дугина — Сергея Курёхина на выборах 1995 г. в Государственную Думу: гезамткунстверк внутри русской политики на фоне нарастающего недоверия к выборным процедурам в Санкт-Петербурге

The election campaign of Alexander Dugin — Sergei Kuryokhin in the 1995 elections to the State Duma: Gesamtkunstwerk within Russian politics against the backdrop of growing distrust in election procedures in St. Petersburg

***Аннотация.** В статье рассматривается избирательная кампания Александра Гельевича Дугина на выборах 1995 г. в Государственную Думу России. Весомый вклад в кампанию кандидата в депутаты внёс знаменитый российский музыкант-авангардист, акционист и композитор Сергей Анатольевич Курёхин. Данная избирательная кампания рассматривается в контексте нарастающего недоверия к выборным процедурам в России, который имел место к середине 90-х гг. XX в. Одним из следствий данного недоверия стал феномен возникновения несерьёзных партий, движений, политических кампаний, зачастую стремившихся скрыть под игровой личиной вполне серьёзный контент. Трагическая серьёзность того, о чём говорили Дугин и Курёхин, переплеталась с ироничной подачей этой информации. Интегральные художественные формы, которые использовались во время этой политической кампании, позволяют рассматривать её в контексте культурологического понятия гезамткунстверк.*

***Ключевые слова:** Дугин; Курёхин; Санкт-Петербург; выборы 1995 г.; политическая клоунада; хеппенинг; гезамткунстверк.*

***Abstract.** The article examines the election campaign of Alexander Gelyevich Dugin in the 1995 elections to the State Duma of Russia. The famous Russian avant-garde musician, actionist and composer Sergei Anatolyevich Kuryokhin made a significant contribution to the candidate's campaign. This election campaign is considered in the context of growing distrust in electoral procedures in Russia, which took place by the mid-1990s. One of the consequences of this distrust was the phenomenon of the emergence of frivolous parties, movements, and political campaigns, which often sought to hide quite serious content under the guise of a game. The tragic seriousness of what Dugin and Kuryokhin were talking about was intertwined with the ironic presentation of this information. The integral artistic forms that were used during this political campaign allow us to consider it in the context of the cultural concept of Gesamtkunstwerk.*

***Keywords:** Dugin; Kuryokhin; Saint Petersburg; 1995 elections; political clowning; happening; gesamtkunstwerk.*

¹ Магистр истории, преподаватель кафедры истории и философии гуманитарного факультета СПб ГУАП.

Master of History, Lecturer at the Department of History and Philosophy, Faculty of Humanities, SUAI.

После распада Советского Союза, правопреемником которого стала Российская Федерация, перед нашей страной со всей очевидностью встал вопрос о создании институтов и процедур, свойственных суверенным державам. В их числе — организация и проведение выборов кампаний в органы государственной власти. Особое место в истории постсоветских выборов в России занимают первые избирательные кампании в Государственную Думу: в 1993 и 1995 гг. соответственно. Они входили в число важнейших событий тех лет, ведь именно тогда произошло становление отечественной избирательной системы. Благодаря этому история выборов в России в первые постсоветские годы представляет особый интерес. Временная дистанция, отделяющая нас от переломных событий тех лет, создаёт условия для историзации темы и её объективного осмысления в рамках научного поля, что также предопределяет актуальность обращения к данным сюжетам. К тому же, без обращения к опыту 90-х гг. XX в. невозможно понимание современного российского общества.

Целью статьи является описание одного из сюжетов, произошедших во время выборов 1995 г. в одномандатном избирательном округе № 210 Санкт-Петербурга. Происходившие там события нельзя обойти стороной как минимум по двум причинам. Городской сенсацией выборов 1995 г. в Санкт-Петербурге стала победа в этом округе представителя «ЯБЛОКА», депутата Думы Анатолия Григорьевича Голова [6]. Сенсация, правда, заключалась не столько в победе А. Г. Голова, сколько в поражении в округе бывшего вице-мэра Вячеслава Николаевича Щербакова². Но нас интересует иной сюжет избирательной гонки в округе № 210: именно там в депутаты Госдумы баллотировался один из лидеров Национал-большевистской партии (НБП)³, только набравший тогда популярность андеграундный и богемный философ Александр Гельевич Дугин.

Дугин уверенно проиграл выборы 17 декабря 1995 г., набрав 0,85% голосов избирателей [44, р. 194]. Тем не менее, его избирательная кампания, непосредственным образом связанная с именем известного российского музыканта-авангардиста, акциониста и композитора Сергея Анатольевича Курёхина, стала по своему культурно-эстетическому значению в российской политике, вероятнее всего, самой важной в 1995 г.

Историография рассматриваемой темы выглядит недостаточной. С одной стороны, выборы депутатов Государственной Думы в 1995 г. на данный момент представлены рядом работ, заслуживающих внимание. Существует кандидатская диссертация Ю. М. Ужегова о политических партиях и общественных организациях, участвовавших в выборах российских депутатов в 1995 г. [41], есть ряд материалов, где рассма-

² В. Н. Щербаков — бывший вице-мэр Санкт-Петербурга, который после 1991 г. из-за разногласий со своим начальником был отстранён от важных городских проектов, а в 1994 г. незаконно уволен со службы. Позже В. Н. Щербаков доказал в суде незаконность увольнения и был восстановлен в должности, но тут же уволился по собственному желанию. В 1995 г. кандидатура Щербакова многими воспринималась как основная альтернатива Собчаку на грядущих выборах мэра города [10].

³ Национал-большевистская партия (НБП) — российская общественно-политическая организация националистического характера, прекратившая своё существование. Запрещена в России 7 августа 2007 г. решением Московского городского суда.

тривается процесс принятия закона о выборах во вторую Думу [7, 8], а также общеполитический контекст данного голосования [23, 30, 32]. Ряд работ освещают различную проблематику выборов 1995 г. в некоторых российских регионах [13, 31].

С другой стороны, до сих пор отсутствует обстоятельный материал о том, как проходили данные выборы в Санкт-Петербурге⁴. Город на Неве, несмотря на падение избирательной активности населения в постсоветские годы, оставался одним из центров политической жизни России и возглавлялся авторитетным российским политиком Анатолием Александровичем Собчаком — фигурой в те годы всё ещё федерального уровня, — политиком, который расценивался многими как один из возможных преемников Бориса Николаевича Ельцина на посту президента России.

Сюжет же избирательной кампании Дугина — Курёхина на выборах 1995 г., несмотря на относительную популярность данной истории в отечественной поп-культуре [15, с. 283–321; 40], до сих пор практически научно не описан и в полной мере обозревается лишь в представленной работе. Даже самая цитируемая на e-Library статья о постсоветском национал-большевистском движении [14] обходит стороной сюжет, связанный с попытками нацболов попасть в Госдуму в 1995 г.⁵ Данная тема также не стала предметом исследований многочисленной литературы, посвящённой творческим путям Александра Дугина и Сергея Курёхина [4, 5, 18, 22, 27, 34, 36].

Ценные сведения об изучаемой выборной кампании содержатся в воспоминаниях о Сергее Курёхине, которые оставили журналисты Александр Михайлович Кан и Александр Исаакович Кушнир, а также сам философ А. Г. Дугин. Особый интерес для исследования представляет автобиография историка, журналиста и в прошлом левого активиста Дмитрия Дмитриевича Жвани, который фактически исполнял работу начальника предвыборного штаба Дугина на тех выборах [15, с. 305]. Эти мемуары вместе с материалами газеты «Лимонка»⁶ и сохранившиеся на видеохостингах записи передач российского телевидения составили основу источниковой базы исследования.

Избирательная кампания Дугина — Курёхина любопытна ещё и по той причине, что интересным образом иллюстрирует электоральный контекст эпохи и передаёт настроения российского общества к 1995 г. Если обратиться к вопросу важнейших выборов и референдумов на

⁴ Исключение составляет лишь работа К. Э. Аксёнова об электоральных особенностях Санкт-Петербурга, где даны справочные данные по изучаемой избирательной кампании [1, с. 167–174].

⁵ Помимо А. Г. Дугина в Думу от НБП в 1995 г. пытался попасть и сам лидер партии — Эдуард Вениаминович Лимонов (Савенко). Он баллотировался по одномандатному округу № 194 в Москве. Был выдвинут группой избирателей. Проиграл выборы, заняв 13-е место с результатом 1,91% голосов [3].

⁶ «Лимонка» — центральный печатный орган Национал-большевистской партии. Основана 28 ноября 1994 г. Официально запрещена с 20 сентября 2002 г. Не публикуется ни в каком виде с июля 2010 г. Официально запрещена в России, несколько её материалов признаны экстремистскими. Автор выражает благодарность Санкт-Петербургскому коллекционеру Михаилу Пашаеву за возможность ознакомиться с полным архивом газеты для написания данной статьи.

территории Ленинграда-Петербурга с 1989 по 1994 гг. можно заметить тенденцию и закономерность, касательно целей голосований и их долгосрочных результатов.

Таблица. Общациональные голосования в СССР и России с 1989 по 1993 гг., а также региональные выборы 1994 г. и усреднённая явка по стране и городу⁷

Голосование / Явка	Цель	Результат
Выборы народных депутатов СССР в 1989 г. Явка в СССР: 89,8% Явка в Ленинграде (в первом туре): 75,8%	Создание новой политической реальности Советского Союза. Стабилизация политической системы на 5 лет через функционирование обновлённых высших органов государственной власти: Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР.	Съезд народных депутатов СССР и Верховный Совет СССР не проработали 5 лет и прекратили своё существование в 1991 г. вместе с распадом Советского Союза.
Выборы народных депутатов РСФСР в 1990 г. Явка в СССР: 77% Явка в Ленинграде (в первом туре): 63,72%	Создание новой политической реальности Советской России. Стабилизация политической системы на 5 лет через функционирование обновлённых высших органов государственной власти: Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР	Съезд народных депутатов РСФСР и Верховный Совет РСФСР не проработали 5 лет и прекратили своё существование в 1993 г. после трагических событий конституционного кризиса осени 1993 г.
Референдум 17 марта 1991 г. о «Сохранении СССР как обновлённой федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантированы права и свободы человека любой национальности» Явка в СССР: 80,03% Явка в Ленинграде: 64,89%	Сохранение единого союзного государства на большей части территории Советского Союза в границах 1991 г.	Положительные результаты референдума не помешали элитам советских республик после путча ГКЧП прервать попытки заключения нового союзного договора. В декабре 1991 г. СССР прекратил своё существование

⁷ На основе работы К. Э. Аксёнова об электоральных особенностях Санкт-Петербурга [1].

Голосование / Явка	Цель	Результат
<p>Всероссийский референдум 17 марта 1991 г. о введении поста президента РСФСР Явка в РСФСР: 75,09% Явка в Ленинграде: 65,05%</p>	<p>Введение новой высшей государственной должности в России</p>	<p>Должность президента РСФСР была введена. На 12 июня 1991 г. были назначены первые выборы президента РСФСР, на которых с большей долей вероятности должен был победить председатель Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцин</p>
<p>Выборы президента РСФСР Явка в РСФСР: 74,66% Явка в Ленинграде: 65,11%</p>	<p>Придание легитимности победителю выборов на новой высшей государственной должности в России</p>	<p>Ожидаемая победа Б. Н. Ельцина на выборах. Б. Н. Ельцин доработал свой пятилетний президентский срок и в 1996 г. переизбирался на новый</p>
<p>Всероссийский референдум 25 апреля 1993 г. о доверии президенту и Верховному Совету России Явка в России: 64,08% Явка в Санкт-Петербурге: 62,14%</p>	<p>Поиск выхода из политического кризиса, возникшего между исполнительной и законодательной властью в постсоветской России</p>	<p>Внеочередные выборы так и не состоялись, а Верховный Совет РФ был распущен в соответствии с Указом президента Б. Н. Ельцина № 1400 от 21 сентября 1993 г., что привело к развитию кровопролитных столкновений между сторонниками Верховного Совета и сотрудниками правоохранительных органов, а также последующему штурму Дома Советов России 4 октября 1993 г. с применением бронетехники</p>
<p>Всенародное голосование по проекту Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 г. Явка в России: 54,37% Явка в Санкт-Петербурге: 52,43%</p>	<p>Принятие проекта пропрезидентской Конституции России</p>	<p>Был принят проект пропрезидентской Конституции России, выгодный действующему главе государства — Б. Н. Ельцину.</p>

Голосование / Явка	Цель	Результат
<p>Выборы в Совет Федерации и Государственную Думу I созыва 12 декабря 1993 г. Явка в России: 54,37% Явка в Санкт-Петербурге: 52,43%</p>	<p>Избрание нового высшего законодательного органа в России на 2 года для поддержки проправительственного курса реформ и поддержки политики президента</p>	<p>Государственная Дума проработала положенные 2 года, однако ни у одной партии не было конституционного большинства. Политическая Дума отличалась неустойчивостью, состав фракций в Думе постоянно менялся. Была предпринята попытка импичмента президента</p>
<p>Выборы в Законодательное Собрание Санкт-Петербурга 20 (21) марта 1994 г.</p> <p>Явка в первом туре (в первый день) 18% Явка в первом туре (в дополнительный день +7,6%) Явка во втором туре (3 апреля) 18,76% Явка на повторных выборах (30 октября) в первом туре 28% Явка на повторных выборах (20 ноября) во втором туре 19,3%</p>	<p>Легитимация лояльной городской администрации законодательной власти в регионе после разгона Петросовета в 1993 г.</p>	<p>Фактически выборы не состоялись. При пороге явки в 25% в первом туре голосования активность избирателей была столь низкой, что выборы пришлось продлить ещё на сутки. Несмотря на это, во второй тур удалось вывести кандидатов в депутаты лишь по 24 округам из 50, т.е. по меньшему числу, чем кворум, необходимый для функционирования законодательного органа</p>

Обратимся к таблице, иллюстрирующей активность избирателей в Ленинграде-Петербурге. Согласно ей, стык 80-х и 90-х гг. XX в. можно расценивать как период, когда народ России действительно поверил в демократию. Это непосредственным образом отразилось на электоральном поведении. После всплеска избирательной активности 1989 г., который можно объяснить как значимостью первых альтернативных выборов в СССР, так и в принципе инертностью советской электоральной традиции предыдущих периодов, предполагавшей активность избирателей на участках для голосования, в 1990–1991 гг. явка стабилизируется в районе 64–65%. Это время наивысшей политической активности ленинградских избирателей. Именно тогда формируется общность людей, на регулярной основе осознанно посещающих выборы, чувствующих значимость собственного участия в вопросах

урегулирования политического будущего своей страны. Избиратели впервые за долгие годы реально участвуют в формировании высших органов власти, которым на пять лет передают право от имени народа решать важнейшие вопросы государства. При этом избиратели сами на референдумах решают вопрос о будущем Советского Союза, о введении поста президента РСФСР и позже, на свободных и конкурентных выборах, избирают его.

В 1993 г., на первом референдуме в истории независимой России явка немного проседает и почти на 10% падает через несколько месяцев, во время голосования за новую Конституцию РФ и по выборам депутатов Федерального собрания. В 1994 г. во время выборов в Законодательное собрание Санкт-Петербурга явка оказалась ниже необходимого порога для избрания большинства депутатов. Процедуру выборов удалось завершить после повторного голосования только через 8 месяцев.

С одной стороны, неправильным будет механически ставить в один ряд выборы и референдумы разных уровней: федеральные и региональные, выборы президента и голосование за Конституцию. Всё это были разные по значимости выборы, и активность на них предполагалась совершенно разного рода. Однако можно заметить общность показателей явки в тот или иной «политический сезон» и очевидную отрицательную тенденцию волеизъявления граждан к 1994 г. Как же её объяснить?

Можно предположить, что ответ кроется в следующей закономерности: в долгосрочной перспективе результаты выборов перестали быть фундаментом политического процесса, а главным выгодополучателем электоральных процедур стал один человек. Как мы видим, несмотря на то, что советские граждане проголосовали за сохранение Советского Союза, он распался по самому невыгодному для России сценарию; результаты референдума 25 апреля 1993 г. не привели к урегулированию политического кризиса между президентом и парламентом, а сам кризис завершился силовым разгоном всей системы Советов, сформированной советскими гражданами за три года до этого. С другой стороны, именно благодаря ряду народных волеизъявлений Б. Н. Ельцин получил практически неограниченную государственную власть, которую не сумел направить ни на стабилизацию политической ситуации в стране без применения силы, ни на ощутимое улучшение благосостояния населения.

Развивая эту гипотезу, можно отметить, что народ в самом общем и глубинном понимании этого слова на фоне данных процессов стал остро ощущать, что решения, коллективно принимаемые этим самым народом во время выборных процедур в России, несмотря на декларируемые ценности либеральной демократии, на самом деле не являются окончательными. Народ прочувствовал, что основные решения все ещё принимаются за закрытыми дверями высоких государственных кабинетов, а политический процесс в России уважает в первую

очередь право сильного, а не установленные законом правила. Народ мог счесть себя в очередной раз «обманутым» и начать окончательно идентифицировать политику, как «грязную игру».

Данное народное «разочарование» в политических процедурах стало проявляться, с одной стороны, в абсентеизме, что особенно характерно для населения Санкт-Петербурга в 1994 г., а с другой — отражаться в граничащем с «политической клоунадой» акционизме ряда отечественных политических деятелей и готовности общества воспринять его, — акционизме, который в иных условиях вряд ли мог проявиться так ярко.

Тут можно вспомнить и эпатажную агитацию ЛДПР во главе с их лидером Владимиром Вольфовичем Жириновским и поведение депутата Вячеслава Антоновича Марычева, приходившего на заседания первой Думы в экстравагантных нарядах (от малинового пиджака до униформы секты «Аум Синрикё»), и популярность вышедшей в эфир в 1994 г. развлекательной сатирической телевизионной передачи «Куклы», в гротескных формах высмеивающей острые темы актуальной российской политики.

Появление НБВ в целом и проведение выборной кампании Дугина — Курёхина в частности также можно отнести к иллюстрации данного народного «разочарования», но иллюстрацией немного иного уровня. Феномен кампании Дугина — Курёхина, на наш взгляд, ближе к тому, что доктор исторических наук Д. А. Левчик называет «политическим хеппенингом» и «смеховой партией». Согласно Д. А. Левчику, в основе данных феноменов российской политики первой половины 90-х гг. XX в. лежит идея реальной политической борьбы, которая в данную минуту и в данном месте не может быть реализована как противостояние серьёзных политических сил, поскольку, как утверждает историк, низовым партиям в России не дали шанса развиваться, создавая многопартийность «сверху». Иными словами, при невозможности говорить о серьёзных вехах от имени собственных серьёзных политических сил, одним из способов осуществить это становится несерьёзная форма подачи информации [9, 26].

Политический альянс крайне правого⁸ национал-большевика Дугина с одним из символов российской прогрессивной либеральной интеллигенции — Курёхиным — поначалу казался многим всего лишь эпатажной выходкой, в которой до конца было неясно, кто кого и для чего дурачит. Когда Курёхин 27 мая 1995 г. появился на пресс-конференции с лидерами НБП в помещениях ленинского уголка бывшего Ленинградского рок-клуба и делал многозначительные политические заявления, некоторые его друзья ждали, что мероприятие завершится, когда Курёхин не выдержит и начнёт смеяться в микрофон,

⁸ Под «правым», наследуя политический сленг времён Перестройки, здесь и далее нами понимается человек консервативных взглядов, в первую очередь ориентированный сугубо на национальные интересы государства в политике и социализм в экономике. Этот синтез классических идей классических «левых» и «правых» идеологий идей будет возведен в абсолют в рамках деятельности НБП. Подробнее: [14].

как когда-то сделал это в конце знаменитой мистификации «Ленин — гриб» [21, с. 317–318]. Однако этого не произошло.

Для Сергея Курёхина политическая деятельность на закате его жизни⁹, несмотря на ироничные и гротескные формы, была трагически серьёзной. В резкой перемене взглядов Курёхина отразилась трагедия всего российского общества. И в особенности трагедия той его прогрессивной части, которая слишком очаровалась освободительным духом Перестройки, несшим веру в благополучное мирное будущее. Тем духом, что вскоре развеялся, столкнувшись с присутствием всё тех же людей во власти, расстрелянным российским парламентом, войной в Чечне и нежеланием западных демократий строить с Россией «единый европейский дом»¹⁰.

Литературовед А. О. Большев характеризует публичные выступления Курёхина той поры как «вызов российскому либерализму» [4, с. 50]. В беседах с друзьями Курёхин так отзывался о российской публичной политике: «Деградация достигла своего апогея. Клиническая деградация и воровство, возведённые в государственный ранг. И жизнь показывает, что идеи демократии в России — абсолютно бесполезные, бессмысленные и нереальные вещи» [25, с. 200]. По словам Курёхина, к середине 90-х «гуманизм и прочие либеральные идеи потерпели полный крах, точно так же, как полный крах для России потерпела десятилетиями господствовавшая в нашем либеральном сознании идея о родстве и сближении с Западом» [21, с. 319].

От слов Курёхин начал переходить к делу. Художник (в общем смысле этого слова) жаждал создавать вокруг себя новую реальность, а музыка более не удовлетворяла данные потребности. Политика, как заявил он на той самой пресс-конференции НБП 27 мая 1995 г., становилась для него «единственной формой актуального искусства», и именно этому он собирался теперь посвятить свою жизнь [25, с. 201]. Факт, что всё это не было очередной мастерски выполненной мистификацией гения постмодернистской эклектичности, подтверждается рядом свидетельств. К примеру, музыкант Алексей Викторович Рыбин вспоминал, что к 1995 г. Сергей Курёхин из-за личных конфликтов с А. А. Собчаком сильно политизировался и «очень нелицеприятно отзывался об этом периоде (либеральных реформ — Прим. автора) и о тех людях, с которыми ему тогда приходилось иметь дело» [24]. Более подробно те же самые оценки идеологических метаморфоз Курёхина мы находим и в опубликованных воспоминаниях А. М. Кана [21, с. 317–337] и А. И. Кушнира [25, с. 192–212].

Для Дугина, в отличие от Курёхина, участие в депутатской гонке было наиболее логичным продолжением его взглядов той поры.

⁹ Годы жизни Сергея Курёхина: 16 июня 1954 г., Мурманск — 9 июля 1996 г., Санкт-Петербург.

¹⁰ В некотором смысле Сергей Курёхин совершил тот же «переворот», что и другой знаменитый деятель российского искусства — Егор Летов. Лидер группы «Гражданская оборона», в прошлом непримиримый противник всего советского, как и Курёхин активно не принял процессы, которые произошли в 1991 г., и также стоял у истоков создания НБП. Музыкант Сергей Летов, брат Егора Летова, в воспоминаниях напрямую говорит, что Курёхин очень напоминал ему брата [33].

При этом победа в округе изначально не была самоцелью. Эдуард Лимонов в Москве и Александр Дугин в Санкт-Петербурге участвовали в этих выборах, чтобы в первую очередь громко заявить о национал-большевизме и раскрутиться в СМИ, таково было «решение партии» [15, с. 304]. Впрочем, как вспоминает Д. Д. Жвания, ближе к концу избирательной гонки Дугин всё же почувствовал азарт победы и даже пытался договориться с кандидатом от КПРФ, чтобы тот снялся с выборов в его пользу, но безуспешно [15, с. 317]. Проиграв выборы, как утверждает А. И. Кушнер, Дугин был сильно деморализован и в сердцах заявил, что «с удовольствием сравнял бы Питер с землей» [25, с. 209]. Многим позже, в разговоре с А. М. Каном, Дугин характеризовал свою политическую кампанию в первую очередь как игру, но игру в политику, ставки в которой были всё же очень высоки [21, с. 325].

Как бы то ни было, в начале 1995 г. Курёхин сначала познакомился, а потом сильно сблизился с Дугиным. Вскоре после этого они выпускают «Манифест “Новых магов”». Его главный тезис: «Налицо кризис искусства и кризис политики. В обоих областях упадок. Надо искать импульс вовне». Главный вывод воззвания: «Этой новой областью является МАГИЯ. Ситуацию может спасти только прямая и тотальная замена искусства и политики МАГИЕЙ»¹¹. На ироничный (на первый взгляд) документ, по-новому можно взглянуть в контексте всего, что произойдёт в последующие месяцы. Основа политической кампании закладывалась именно тогда.

Вскоре союз Дугина и Курёхина приобрёл более серьёзные черты. Именно Курёхин реально организовал работу для Санкт-Петербургского отделения НБП, сняв необходимое помещение у Таврического дворца, по адресу: Потёмкинская улица, д. 3 [25, с. 206; 29]. Предложив стать начальником штаба Дугина, он окончательно инициировал его предвыборную кампанию [12, с. 141]. Руководство штабом со стороны Курёхина, однако, носило больше медийно-эстетический характер. Реальной координацией действий сторонников НБП в Санкт-Петербурге на время избирательной кампании занялся, по его собственному признанию, Д. Д. Жвания — молодой историк и лидер левой группы троцкистского толка «Рабочая борьба», ставший доверенным лицом Дугина на тех выборах [15, с. 305].

В то время Дугин был намного лучше известен в Москве, нежели в Санкт-Петербурге. В столице Дугин выпускал журнал «Элементы», относительную популярность имели его книги и переводы, он был постоянным автором газет «Завтра» (бывший «День») и «Лимонка». Однако НБП направила Дугина именно в Санкт-Петербург. Сам философ объяснял это решение общими фразами о том, что Северная столица была городом намного более «интеллектуальным и интеллигентным», чем Москва, при этом, в отличие от большинства российских регионов, «ориентированным на нечто глобальное». Таким образом, выдвижение Дугина в Санкт-Петербурге граничило с политической

¹¹ С полным текстом Манифеста можно ознакомиться в книге А. Г. Дугина «Поп-культура и знаки времени» [12, с. 374–378].

авантюрой. Философ мог добиться известности в городе лишь за счёт личности Курёхина, на что очень рассчитывал и чего не скрывал [19].

Союз Курёхина и Дугина, по задумке последнего, сознательно нарушал все базовые клише, открывал новый путь невозможного ранее альянса — авангардизма и традиционализма [12, с. 141]. Вероятно, это было прорывом с философской точки зрения, однако не добавляло прагматичности в вопросах избирательной гонки. У штаба Дугина отсутствовал опыт реальной политической борьбы, а поддержка Курёхина носила больше «эстетический» характер. В то же время у Дугина и Курёхина получилось организовать необычную избирательную кампанию.

Отметим, что округ № 210 был выбран неслучайно. Он находился на севере города, и в него, помимо спальных районов, входил Кронштадт и военный посёлок Сертолово, что, было вполне символично и принципиально для сторонников НБП. Было известно, что жители этих районов наиболее последовательно голосуют за представителей лево-консервативных взглядов [28, с. 264]. Более того, на прошлых выборах в Думу в этом округе одержал победу Александр Глебович Невзоров, уже переметнувшийся к тому времени на консервативные позиции [20]. Если бы Дугина поддержали моряки Кронштадта и офицеры Сертолово, это, по его словам, было бы лучшим доказательством того, что национал-большевизм отвечает интересам защитников Родины [15, с. 304]. «Я рассчитываю исключительно на <...> молодёжь, моряков Кронштадта, радикалов, обездоленных, ограбленных, короче, всех тех, кому смертельно осточертели “бывшие” и “настоящие”, доведшие народ до полного скотобразия», — так описывал свой электорат Дугин в интервью Лимонке [19].

В начале сентября в подвале дома 3 на Потемкинской улице прошло первое заседание предвыборного штаба. Дугин и Курёхин пригласили на него группу скинхедов во главе с неким Владимиром Григорьевым. Между скинхедами и троцкистами из «Рабочей борьбы» произошёл конфликт по поводу общего руководства всеми ячейками. В итоге договорились, что троцкисты, скинхеды и национал-большевики будут действовать автономно друг от друга. Раз в неделю командиры ячеек должны были собираться вместе и подводить промежуточные итоги политической кампании [15, с. 305–306].

Вскоре по предложению Д. Д. Жвании состоялась первая акция у американского консульства. 13 сентября дугинцы агитировали против бомбардировок авиацией НАТО боснийской Сербии [19]. Смысл акции заключался в том, чтобы устроив пикет, попасть в сводки новостей и дать Дугину своеобразную трибуну. Совместная колонна НБП и «Рабочей борьбы» должна была встретиться с отрядом скинхедов у консульства и начать пикет. Дежурившие неподалеку милиционеры, как и следовало ожидать, начали силовой разгон пикета, как только левые и нацболы развернули свою символику. Однако активисты успели несколько раз прокричать антиамериканские лозунги и попасть на камеры телевидения. Когда акция была закончена, якобы просто про-

гуливавший рядом Дугин дал репортёрам интервью на актуальную тему. Акция возымела успех, однако по её завершении скинхеды отказались работать на Дугина, видимо, опасаясь внимания со стороны правоохранительных органов [15, с. 307–310; 25, с. 205].

С середины сентября 1995 г. начался сбор подписей для регистрации кандидатов, который официально заканчивался 22 октября. По воспоминаниям участников кампании, это стало самым тяжёлым этапом предвыборной гонки. Чтобы получить подпись, сборщики часто представляли Дугина просто как журналиста, выступающего за государство, где будут мирно сосуществовать народы Евразии [15, с. 309–310].

Тем не менее, необходимые пять тысяч подписей были собраны. Как пишет в своих воспоминаниях всё тот же Д. Д. Жвания, какое-то число протоколов «пришлось купить у РНЕ»¹² [15, с. 311]. Параллельно с этим разворачивалась сама предвыборная агитация, ставка в которой делалась на контркультурные акции.

Масштабно кампания началась 23 сентября 1995 г. с концерта «Поп-механика № 418: Курёхин для Дугина. Памяти А. Кроули» в ДК имени Ленсовета. Концерт, как следовало из афиши, и как об этом говорил сам Курёхин, являлся ни чем иным, как пропагандистской акцией в поддержку кандидатуры Дугина на выборах в Государственную Думу. Ходил слух [42], что ФСБ якобы давила на директора концертной площадки и пыталась сорвать концерт. Курёхин сравнил это давление с поведением городских властей в конце 80-х гг. XX в.

Число 418 было взято неслучайно. Это краеугольный камень телемы — эзотерического учения Алистера Кроули. Его мистическими, тяготеющими к сатанизму идеями, в то время очень увлекался Александр Дугин. Он же увлёк ими Курёхина. Число 418 означает слово «АБРАКАДАБРА». Оно является ключом к мистическим ритуалам телемы, связанным с переходом из одного состояния в другое. Вступив в НБП, Курёхин специально получил партбилет под номером 418 [33].

Шоу представляло собой постмодернистскую фантазмагорию из множества религиозных образов, сопровождаемых выступлениями артистов и политиков. В кульминационные моменты концерта Александр Дугин под аккомпанемент Сергея Бугаева (Африки), игравшего на тибетских ритуальных инструментах, читал фрагменты «Книги 813, или Арариты»¹³ Кроули на русском и французском языках; Курёхин просил публику почтить память того же Кроули минутой молчания и исполнял песню «На кургане»¹⁴; лидер НБП Эдуард Лимонов появился на сцене под торжественную музыкальную тему восхода солнца из «Заратустры» Рихарда Штрауса и внезапно стал рассказывать об ангелах. «Часть ангелов, их принято называть благими, райскими — поведал он, — выбрала

¹² Общероссийское общественное патриотическое движение «Русское национальное единство», «Баркашовцы», «Гвардия Баркашова» — российская неофашистская военизированная организация, основанная 16 октября 1990 г. группой бывших активистов НПФ «Память» во главе с Александром Баркашовым.

¹³ «Книга 813, или Арарита под номером 570» — произведении Кроули, в котором упоминается число 418, как магический символ.

¹⁴ Музыка Андрея Павловича Петрова, слова Юлии Владимировны Друниной.

генезис самоуничтожения перед лицом непроявленной изначальной апофатической трансцендентности Бога. Они по своей свободной воле объявили о своей онтологической вторичности в сравнении с Творцом. Эти остались в раю. Их имена: Метатрон, Михаил, Гавриил, Рафаил, Уриил и сонмы с ними. Другая часть предпочла заявить о своей онтологической самодостаточности, о сущностном единстве своего ангельского естества с природой высшего принципа. Иными словами, эти проклятые ангелы заявили о своей божественности. Их имена: Декатрион, Люцифер, Сатана, Аза, Азazel и ещё девяносто девятью четыре других. И среди них — вся Национал-большевистская партия, которую я возглавляю» [2, 37, 42].

В продолжение данной фантазмагии Курёхин и Лимонов робко, сбиваясь с текста и заглядывая в бумажку, пели песню «Нам нужна одна победа» из фильма «Белорусский вокзал». К концу песни некро-реалисты Евгений Юфит, Игорь Безруков и Юрий Циркуль водружали друг друга на кресты. К ногам и рукам «распятых» были прикреплены горящие факелы с разлетающимися от них, как от бенгальских огней, искрами, а сами кресты раскручивались вокруг своей оси. Сойдя с крестов, некрореалисты показали трюк с превращением человека в козла и стриптиз военно-морского офицера [21, с. 334; 42].

На фоне всего этого в огромном колесе вместо белки бегал одетый в куклусклановский костюм палач; музыканты выступали в тевтонских шлемах, якобы использовавшихся при съемках фильма «Александр Невский»; кукольный театр разыграл эпизоды из сексуальной магии Ордена Золотой Зари, где Кроули начинал свою «сатанинскую практику». Сам Курёхин во время всей этой «чёрной мессы» практически постоянно сам был на сцене, то в образе индуистского бога, исполняющего песню «Есть только миг», то в костюме Ихтиандра и синем кожаном пиджаке. Не обошлось и без декламаций «Манифеста “Новых магов”» [21, с. 335].

В отчёте о проведённом концерте газета «Лимонка» резюмировала, что «либеральным гадёньшам был нанесён сокрушительный удар» и что «это только начало» [42].

Концерт «Поп-механики» вызвал значительный резонанс в петербургской культурной среде. Многие знакомые Курёхина после концерта перестали общаться с ним, всерьёз решив, что музыкант встал не только на путь левой реакции, но и приобщился к сатанинскому учению. Масла в огонь добавлял сам Курёхин, по словам А. И. Кушнира, признававшийся за кулисами шоу, что «Сатанизм — это суперувлекательно. Алистер Кроули — это величайший человек эпохи» [25, с. 207]. Вместе с тем, значительная часть городской художественной богемы проявила интерес к национал-большевизму, и, в частности, к идеям Дугина, который после данного концерта получил в городе некоторую известность.

После концерта Курёхин на месяц уехал в Японию, а когда вернулся, дал Д. Д. Жванин, устроившемуся журналистом в газету «Смена», интервью на тему собственной политической позиции. Публикация интервью была частью предвыборной кампании Дугина. Материал вызвал большой резонанс в обществе.

В интервью Курёхин призывал не удивляться его идейным метаморфозам и утверждал, что национал-большевизм — «это абсолютно новая идеология, религия, культура; в рамках национал-большевизма лишаются всякого смысла такие понятия, как правые — левые, верх — низ, уничтожается всякий дуализм» [16]. Как и Дугин, он отвергал отождествление национал-большевизма с нацизмом, а вот фашизм и увлечение им со стороны множества культурных деятелей прошлого и настоящего призывал хотя бы понять. «Национал-большевизм — это свежий ветер», — заявлял Курёхин, и это, как отмечает Д. Д. Жвания, была чёткая аллюзия на гимн итальянских фашистов «Фашизм — это вешние воды, фашизм — это будущее нашей свободы» [15, с. 312]. Объясняя свою позицию, Курёхин отметил, что главное для него — ощущение свежести, ощущение нового стиля, ведь стиль — это сущность. И чтобы стиль всегда оставался новым, согласно Курёхину, надо свои идеи подвергать постоянной ревизии. Принципы провозглашаемой им консервативной революции, как сказал Курёхин, отвечают этому требованию [16].

Опубликованный вариант интервью Курёхину не понравился. Текст был сильно отредактирован редакторами «Смены»: были выкинуты ключевые слова и фразы. От этого интервью потеряло изначальный смысл. Не понравился Курёхину и редакторский заголовок: «Свежий ветер в голове Курёхина» [15, с. 312]. Полный текст интервью спустя несколько лет Д. Д. Жвания выложил на собственных информационных ресурсах [17].

В октябре 1995 г. с концертом в Санкт-Петербург приехал Егор Летов. Выступление состоялось в клубе «Космонавт». Гастроли специально подгадали таким образом, чтобы Летов мог со сцены поддержать Дугина. Но произошла неожиданность. На вопрос журналистов о политических целях концерта Летов заявил, что не одобряет участие Дугина и Лимонова в выборах, потому что это «компромисс с системой, идти на который нельзя», и что с НБП у него сложные отношения. В итоге в прессе появились заметки, что Летов разочаровался в НБП, поссорился с Лимоновым и Дугиным. Это обескуражило команду Дугина [15, с. 314–316].

Тогда же штаб Дугина выпустил множество листовок, в которых собрались обращения к разным категориям избирателей: «К военнослужащим», «К молодёжи», «К пенсионерам», «К интеллигенции», «К женщинам», «К рабочим». При этом в агитационных материалах Дугин противоречил сам себе. К примеру, в листовке «К рабочим» Дугин представлял себя как «убеждённого социалиста, радикального сторонника коллективной собственности на средства производства, борца за освобождение труда». Дугин сообщал рабочим, что ценит их труд, что они — соль земли. Однозначно относя себя к сторонникам труда, Дугин добавлял: «Я буду вашим голосом в Думе, делегатом рабочих в том Новом Вавилоне, в который превратилась наша столица и её антинародная власть» [11]. Одновременно с этим Дугин доказывал женщинам, что все их проблемы связаны с вырождением мужчин, ведь настоящий мужчина — это не «подвыпивший Толян в промасленной

блузе» и не «интеллигентшишка с байдаркой», а настоящий герой, невосребованный современным обществом потребления. Рабочие, читая о «подвыпившем Толяне», могли обидеться, а интеллигенты не понимали, почему путешествия на байдарке — это признак вырождения. Военным Дугин сообщал, что он из семьи офицера, интеллигентам — что он знает семь языков, молодёжи — что он вырос на роке и дружит с Летовым и Курёхиным. В итоге, как отмечает Д. Д. Жвания, «ему не поверил никто» [15, с. 318].

Серьёзной стратегии предвыборной кампании у Курёхина с Дугиным не было. Они со своими союзниками двигались в политике своеобразным путём проб и ошибок, но одно оставалось неизменным: эксцентричность и глубокая символичность каждого жеста. Всю осень Дугин и Курёхин проводили встречи с избирателями, выступали на телевидении, устраивали мероприятия в городских вузах на различные темы. Порой это были академические лекции о геополитике, но иногда агитация за кандидата Дугина носила вид циркового представления или откровенного фарса.

К участию в кампании присоединились представители ячеек «Русского национал-синдикалистского наступления». Содействие национал-синдикалистов началось и закончилось тем, что они расклеили большое количество агитационных материалов с фотографией Дугина на надгробных памятниках Северного кладбища. Листовки они клеили так, чтобы портрет Дугина приходился ровно на месте фотографии покойного. По некоторым свидетельствам, данные листовки сторонники Дугина также расклеивали на пивных ларьках и платных туалетах. Как отмечает Д. Д. Жвания: «Если бы это были чёрные пиарщики, это было бы объяснимо. К сожалению, они были всего лишь идиоты» [15, с. 310; 25, с. 209].

За день до выборов Дугин и Курёхин в масках Ибиса и Анубиса, взятых, вероятно, из реквизита к концерту, посвящённому памяти Кроули, выступили в трансляции программы «Вавилон Дмитрия Запольского», выходявшей на «11-м канале» по будням в 21:35 [19]. «Политологи» из Древнего Египта помогали петербургским избирателям разобраться в многочисленных предвыборных блоках и объединениях, участвовавших в той избирательной гонке. Они, оперируя «простыми словами», разделяли всех, в зависимости от политической позиции избирателя, на две категории: плохо и хорошо [35].

Выбор масок глубоко символичен. Согласно мифологии, Ибис — это символ Тота, а согласно древнеегипетской мифологии, Тот и Анубис вместе с богиней Исидой по частям собрали растерзанное богом разрушения и смерти Сетом тело Осириса — бога возрождения и загробного мира. От воскресшего Осириса Исида смогла зачать Гора — бога неба и солнца. Тут прослеживалась аналогия с расстрелянным по приказу Б. Н. Ельцина российским парламентом и лидерами НБП, которые, по мысли Дугина и Курёхина, помогают народу России явить миру образ светлого будущего.

Отметим, что вряд ли большинство избирателей хорошо разбирались в древнеегипетской мифологии и могли осознать весь смысл происходящего. Но Дугин с Курёхиным именно это и старались донести до избирателя: показать скрытую, по их мнению, победу тёмных сил хаоса над светом и необходимость борьбы с данным злом через вынесение «тайны» на явь. Общий лозунг кампании был соответствующим — «Тайное станет явным». Фраза, больше подходящая для названия псевдо-документальной телепередачи, печаталась на листовках [38] и появлялась в предвыборном видеоролике, снятом художником Сергеем Алексеевичем Шутовым, где под тему зимы из курёхинской «Воробьиной оратории» (более известной как музыка из фильма «Господин оформитель») перед зрителем мелькали фамилии главных героев кампании вместе с данным лозунгом вперемешку с множеством религиозных символов [43].

Сам Дугин в телепередаче «Вавилон» смысл лозунга объяснял следующим образом: «“Тайное станет явным”. Что я имею в виду? Я имею в виду, что мы живём в обществе тотальной лжи на самом-то деле. нас обманывают на каждом шагу. Нам говорят, что у нас нет врагов в мире, хотя на самом-то деле Соединённые Штаты Америки в своей военной доктрине утверждают, что потенциальным противником США остаётся Россия на самом-то деле. Нам говорят, что мы строим непонятно какое общество, хотя строим мы, на самом-то деле, чистый капитализм, со всеми его прелестями и чудовищными сторонами на самом-то деле. И если бы эти люди говорили, что — “Мы хотим уничтожить великое государство” — открыто, если бы они говорили, что “Мы хотим построить дичайший капитализм” на месте бывшей, может быть, не очень совершенной, но всё-таки системы социальной защиты, я думаю, что народ бы просто отвернулся бы с ужасом и отвращением от реформаторов. На самом-то деле, именно благодаря обману, именно благодаря подлости тех людей, которые участвуют в развале нашего великого государства, и удаётся им совершить чудовищные и во многом необратимые процессы. Это тайное должно стать явным» [39].

В той же телепередаче Дугин доносил до широкой аудитории основы своей предвыборной программы. В экономике — социализм, в политике — сильное государство, а в культуре, и на этом был сделан акцент из-за принципиальных разногласий Дугина с иной национал-патриотической оппозицией — предельная свобода. Дугин заявлял: «Национальная идея и социализм в экономике не должны предполагать тоталитаризма. Должна быть свобода в области идей». Курёхин же в данной передаче большую часть своего выступления был предельно серьёзным, рассуждая о проблемах становления отечественных демократических процедур. В конце своей речи Курёхин сказал: «То, что называется у нас демократией, это в принципе не демократия, а какое-то совершенно новое образование, которое в принципе к реальной демократии не имеет никакого отношения». Заявив, что «народ попран» и не участвует в определении судьбы своего государства,

Курёхин все же сорвался на шутку, пообещав лично «поубивать всех», если те не придут на выборы [39].

17 декабря 1995 г. состоялись выборы, на которых Дугин занял предпоследнее место в своём округе. Выиграть выборы ему не помогало даже то, что в последние дни перед голосованием, округ № 210 был обклеен листовками следующего содержания: «Один день, 16 декабря, всего один день — не напивайтесь, не обкуривайтесь, не наедайтесь грибов, сохраняйте голову и рассудок, иначе вы не дойдёте до урны» [25, с. 209]. Тем не менее, основная задача избирательной кампании была достигнута: НБП получило заветное освещение в СМИ.

Амплитуда скачков между серьёзностью и несерьёзностью в избирательной гонке Дугина была её отличительной фишкой. Но, несмотря на всю эксцентричность кампании, мы вряд ли можем назвать её всего лишь «политический клоунадой» в стиле депутата В. А. Марычева, заявившего на заседаниях Думы о создании фракции сексуальных меньшинств.

На наш взгляд, Дугин с Курёхиным не просто дурачились, их кампания носила глубокий философский подтекст, отражающий кризис политических смыслов середины 90-х гг. XX в. в России. Трагическая серьёзность сочеталась с лёгкой иронией и создавался своеобразный *Gesamtkunstwerk*¹⁵ — преобразование действительности с помощью произведения искусства, сочетающего в себе все виды искусства, где политика была лишь одним из элементов этого тотального произведения. «Давайте просто вспомним любезного Дугина на последнем концерте “Поп-механики” в 1995 году, когда он со сцены читал Алистера Кроули на фоне мускулистых мужчин с завязанными глазами, “распятых” на вращающихся пылающих крестах. Такое ли уж преувеличение назвать его последним великим произведением искусства последнего авангарда?» — писал позже Джонатан Брукс Платт, профессор славистики Питтсбургского университета [34, с. 254].

Вся эта политическая кампания в конечном итоге стала последней крупной художественной акцией Сергея Курёхина. 9 июля 1996 г. он умер.

Список источников

1. Аксёнов К. Э. Тайны избирательного бюллетеня. Электоральные бури и штормы Северной столицы, 1989–2004. СПб., 2008. 336 с.
2. Ангел 418. Памяти Алистера Кроули (фрагменты). Курёхин, Дугин, Лимонов. Осень 1995. // Youtube. URL: <https://youtu.be/X26mgR3wQx0> (дата обращения: 22.02.2023).
3. Биография Эдуарда Лимонова // ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/8008257> (дата обращения: 15.05.2023).
4. Большев А. О. Постмодернистский империализм петербургских фундаменталистов (к вопросу о роли электики в современной русской культуре) // Вестник Ленинград. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 1, № 2. С. 47–56.
5. Борута Е. В. Русская философия музыки и опыт феноменологического восприятия: синестезия и психоделия // *Studia Culturae*. 2022. № 4 (54). С. 115–127.

¹⁵ *Gesamtkunstwerk* — термин, введённый Рихардом Вагнером, под которым он обозначал синтез всех искусств в едином произведении. Слово не имеет аналогов в русском языке.

6. Вишневский Б. Л. «Яблочный пирог» // *Невское зеркало*. 1996. № 1. С. 5.
7. Волгин Е. И. Закон о выборах депутатов Государственной Думы 1995 г. как предмет парламентской дискуссии // *Вестник Москов. ун-та. Серия 21 «Управление (государство и общество)»*. 2019. № 3. С. 102–122.
8. Волгин Е. И. Новый этап электоральной реформы в РФ в середине 1990-х гг. и феномен «многопартийных» выборов во II Думу // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2019. № 75. С. 168–193.
9. Всё началось с Дня какашки // *Lenta.ru*. URL: <https://lenta.ru/articles/2018/06/28/crazypolitics> (дата обращения: 12.05.2023).
10. Драбкина Т. Санкт-Петербург в октябре 1995 года // ИГПИ. URL: http://igpi.ru/monitoring/1047645476/oct_95/1058353802.html (дата обращения: 22.04.2023)].
11. Дрейлинг А. Национально-патриотические организации и правые радикалы в октябре 1995 года // ИГПИ. URL: http://igpi.ru/monitoring/1047645476/oct_95/patriot.html (дата обращения: 21.03.2023).
12. Дугин А. Г. Поп-культура и знаки времени. СПб., 2005. 495 с.
13. Евдокимов А. В. Персональный состав нижегородских депутатов по результатам выборов 1995 года в Государственную Думу Российской Федерации // *Таврические чтения-2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: Международная научная конференция. Том II*. СПб., 2017. С. 197–206.
14. Жаковска М. Феномен национал-большевистского движения: идеологический, социальный и культурный аспекты // *История и современность*. 2010. № 1 (11). С. 202–222.
15. Жванция Д. Путь хунвейбина: хроники последней русской революции. СПб., 2006. 418 с.
16. Жванция Д. Свежий ветер в голове Сергея Курёхина // *Смена*. 1995. 1 декабря. С. 4.
17. Жванция Д. Сергей Курёхин: национал-большевизм — это свежий ветер и подвижничество // *Sensusnovus*. URL: <http://www.sensusnovus.ru/interview/2012/07/09/13959.html> (дата обращения: 21.03.2023).
18. Зубков А. А., Лисик Т. В. Постирония как современное явление в отечественном интернет-пространстве // *Общество. Наука. Инновации (НИК-2020): сборник статей XX Всероссийской научно-практической конференции: в 2 т. Киров, 17 февраля — 26 2020 года. Том 1. Киров, 2020. С. 247–253.*
19. Из колебаний революции. Лимонка. № 22. Сентябрь 1995 г. С. 2.
20. Как голосовали в Санкт-Петербурге // *Санкт-Петербургские ведомости*. 1993. 16 декабря. С. 1.
21. Кан А. Курёхин. Шкипер о Капитане. М., 2020. 352 с.
22. Кононенко Н. Г. О феномене киномузыки Сергея Курёхина: от механики к аффекту // *Наука телевидения*. 2021. Т. 17, № 4. С. 143–172.
23. Корсунок Ю. Г. Выборы в Государственную Думу Российской Федерации 1995 // *Общенациональный интерактивный энциклопедический портал «Знания»*. 2022. № 12. URL: <https://bigenc.ru/c/yubory-v-gosudarstvennuiu-dumu-rossiiskoi-federatsii-1995-2a0bde> (дата обращения: 02.02.2023).
24. Кушир А. «Он доиграется» // *Colta.ru*. URL: <http://archives.colta.ru/docs/27021> (дата обращения: 05.05.2023).
25. Кушир А. И. Сергей Курёхин. Безумная механика русского рока. М., 2013. 224 с.
26. Левчик Д. «Смеховые» партии // *Новый взгляд*. URL: <http://www.newlookmedia.ru/?p=16199> (дата обращения: 12.05.2023).
27. Липовецкий М. Псевдоморфоза: реакционный постмодернизм как проблема // *Новое литературное обозрение*. 2018. № 3 (151). С. 223–245.
28. Матлин А. Д. «Внеплановая» избирательная кампания в Ленинграде в марте 1991 г. как отражение кризиса советской государственности // *Ветер Перестройки — 2021: сборник материалов Первой Всерос. научн. конф СПб., 2022. С. 258–267.*
29. Молния. Лимонка. № 26. Ноябрь 1995 г. С. 4.
30. Нисневич Ю. А. Выборы депутатов Государственной Думы Второго созыва (1995–1999): успех антиреформаторской оппозиции, неудача «партии власти» и поражение демократов (к 30-летию Российской Федерации) // *Проблемы постсоветского пространства*. 2021. Т. 8, № 3. С. 379–396.
31. Новиков М. С. Национально-патриотические организации в политическом пространстве региона накануне и в период выборов депутатов Государственной думы. На материалах Омской, Новосибирской и Томской областей. 1995 год // *Омский научный вестник*. 2015. № 3 (139). С. 31–34.
32. Пахомова Е. А. Причины поражения либералов на выборах в Государственную Думу в 1995 году // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2013. № 12–2. С. 425–429.

33. Переломова Ю. Сергей Летов: «Курёхин мне очень напоминал брата» // *Восточно-Сибирская правда*. URL: <https://www.vsp.ru/2015/02/24/sergej-letov-kuryohin-mne-ochen-parominal-brata> (дата обращения: 04.05.2023).

34. Платт Д. Б. *Тайное станет явным, но только без критики: пер. с англ. Н. Ставрогиной* // *Новое литературное обозрение*. 2018. № 3 (151). С. 246–254.

35. Политологи Ибис и Анубис (Дугин и Курёхин). *Выборы-995* // Youtube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cdiLQLEeLU8> (дата обращения: 12.01.2023).

36. Семенова А. И., Чхетиани Н. С. «Хеленинг» и эстетическо-событийные форматы концертной деятельности // *Актуальные научные исследования в современном мире*. 2021. № 12–4 (80). С. 60–63.

37. Сергей Курёхин — Поп-механика № 418 // Youtube. URL: <https://youtu.be/X26mgR3wQx0?si=QTIOiAR5cf5zg98a> (дата обращения: 22.02.2021).

38. *Тайное становится явным. Голосуйте за Александра Дугина*. ГПИБ Коллекция листовок. Фонд НП, шифр: НП4–24, инв. №: 001066500.

39. *Тайное станет явным. Дугин и Курёхин. 1995 год. Телеэфир перед выборами депутатов в Думу* // Youtube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=iqGjyMGhdqU> (дата обращения: 25.05.2023).

40. *Тайное станет явным* // 1993 медиа. URL: <https://t.me/poriv1993/114> (дата обращения: 22.12.2023).

41. Ужегов Ю. М. *Политические партии и общественные организации России на выборах 1995 года в Государственную Думу: специальность 07.00.02 Отечественная история: дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 246 с.*

42. Фронтон А. *Колдовство № 418 прошло удачно. Лимонка. № 24. Октябрь 1995 г.* С. 3.

43. *Эксперименты с многоклеточными* // Онлайн каталог документов о российском современном искусстве RAAH. URL: <https://russianartarchive.net/ru/catalogue/document/L33183> (дата обращения: 01.05.2023).

44. Shenfield S. D. *Russian Fascism: Traditions, Tendencies, Movements*. N.Y.; M. E. Sharpe, 2001.

Для цитирования:

Матлин А. Д. Избирательная кампания Дугина — Курёхина на выборах 1995 года в Государственную Думу: гезамткунстверк внутри русской политики на фоне нарастающего недоверия к выборным процедурам в Санкт-Петербурге // *Ветер Перестройки — 2022: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г.* СПб., 2023. С. 471–489.

ПРИЛОЖЕНИЯ
SUPPLEMENTARY MATERIALS

Илл. 1. Мансур Закиров (1968–2004 гг.), «Арбуз»: написано в перв. пол. 1990-х гг.
Из коллекции Алексея Бахтина

Илл. 2. Мансур Закиров (1968–2004 г.г.), «Madonna»: написано в 1993 г. Из коллекции Алексея Бахтина

Илл. 3. Рудольф Тюрин (1939–2008 гг.), «Да здравствует трезвость! Долой наркомания!»:
написано в 1985 г. Из коллекции Андрея и Надежды Агишевых

Илл. 4. Алетина Пыжова (1936–2021 гг.), «Первый президент СССР М. С. Горбачёв с женой»:
написано в 2001 г. Из коллекции Андрея и Надежды Агишевых

Илл. 5. Сопоставление кадров из «Умирать легко» (1999) и «Носферату, симфония ужаса» (1922)

Илл. 6. Открытие выставки. Фото: Роман Пименов: «Петербургский дневник». URL: <https://spbdtvnik.ru/news/2021-06-09/vozvrashchenie-sanktpeterburga-kak-eto-bylo-30-let-nazad> (дата обращения: 05.05.2023)

Илл. 7. Триколор, поднятый над Мариинским дворцом 22 августа 1991 года. URL: https://vk.com/wall-17484567_4255 (дата обращения: 05.05.2023)

Илл. 8. Общий вид выставки. URL: https://vk.com/wall-17484567_4246 (дата обращения: 05.05.2023)

Илл. 9. Самодельный триколор, с которым защитники Дома Советов были на баррикадах. Участникам протеста не всегда удавалось в магазинах найти ткань нужных цветов. Поэтому знамена нередко окрашивали в домашних условиях. В этом случае синяя полоса была выкрашена чернилами - их следы до сих пор заметны на флаге. URL: https://vk.com/wall-17484567_4339 (дата обращения: 05.05.2023)

Илл. 10. Самодельный российский трехцветный флаг. Был поднят на митинге на стадионе «Локомотив» 7 октября 1988 г. URL: https://vk.com/wall-17484567_4349 (дата обращения: 05.05.2023)

Илл. 11. . Герб Санкт-Петербурга подготовленный художественной группой «Митьки» к митингу «За Петербург» 10 сентября 1990 г. URL: https://vk.com/wall-17484567_4246 (дата обращения: 05.05.2023)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ШКОЛА СОЦИАЛЬНЫХ НАУК И ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
НИУ ВШЭ — САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ЛАБОРАТОРИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ
ФГН НИУ ВШЭ

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ ГУМАНИТАРНО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ
ЦЕНТР «СТРАТЕГИЯ»

СНО ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Уважаемые коллеги!

Прошедший 2021 год открыл научному сообществу череду юбилеев множества значимых событий новейшего времени, изменивших российскую и мировую историю. В первую очередь речь об уходе с мировой арены Советского Союза. Начатые Михаилом Сергеевичем Горбачёвым преобразования советского общества предопределили общественно-политическую среду на долгие годы вперед, побудили к активности огромное количество людей. Так, «ветер перемен» Перестройки значительно повлиял на «политическую погоду» уже в новой России 1990-х годов.

В нынешнем 2022 году нельзя не вспомнить об экономических преобразованиях России конца XX века: исполняется 35 лет старту радикальной экономической реформы 1987 года и 30 лет с момента проведения экономических реформ Егора Тимуровича Гайдара, более известных, как «шоковая терапия». Кроме того, этот год ознаменован 30-летием начала первого «постсоветского» вооружённого конфликта – в Молдавии – и подписанием Федеративного договора Российской Федерации, основные положения которого определили развитие российской государственности вплоть до сегодняшнего дня.

Находясь на нынешнем временном рубеже, отделяющем нас от переломных событий тех лет, очень важно поговорить об их огромном влиянии не только на историю и судьбу России, но и на современную жизнь.

В связи с этим приглашаем Вас принять участие во **II Всероссийской научной конференции «Ветер Перестройки (1985-1999)»**, которая состоится 9-11 ноября 2022 г. в Санкт-Петербурге. В конференции планируется участие преподавателей вузов, сотрудников академических и архивных учреждений, аспирантов, магистрантов, студентов бакалавриата и специалитета.

В рамках конференции её участникам предлагается обсудить следующие проблемы:

- источниковедение и историография истории Перестройки и новой России (1985-1999)
- экономические аспекты Перестройки
- общественно-политические аспекты Перестройки
- «конструирование Перестройки»: генезис причин и последствий крушения СССР
- регионы Советского Союза и России в «эпоху перемен»
- международные отношения СССР (1985-1991 гг.) и его бывших республик (1991-1999 гг.)
- радикальные экономические преобразования в бывших союзных республиках
- политическое развитие бывших союзных республик в 1991-1999 гг.
- межнациональные конфликты в позднесоветский период
- «тридцатилетие постсоветских войн»: вооруженные конфликты на пространстве бывшего СССР от Молдавии до Украины
- «эпоха перемен» в культурном измерении
- искусство последней четверти XX века
- повседневность Перестройки и 90-х
- историческая память о Перестройке и 90-х

Перечисленные проблемы являются ориентирами для участников в выборе темы выступления. Секции будут определены после окончания приема заявок на конференцию.

IV Всероссийская научная конференция «Ветер перестройки» была приурочена к 30-летию с момента распада СССР, став единственным масштабным мероприятием, посвященным данному сюжету, в академической и студенческой среде. При этом мероприятие носило ярко выраженный междисциплинарный и образовательный контекст: истории, философии, политологии, социологии, искусствоведы, сотрудники культурных и образовательных учреждений разных поколений встретились на одной площадке и делились опытом друг с другом.

В 2022 г. мы сталкиваемся с другой знаменательной датой — 100-летием со дня образования Советского Союза. Эти две памятные вехи – серьезный повод для разностороннего осмысления и изучения социокультурного феномена под названием «Советский Союз». Спустя три десятилетия после распада первого в мире социалистического государства, в основе которого лежал проект по построению справедливого общества, именно в Российской Федерации, как правопреемнице СССР, особенно важно проанализировать этот период нашей истории и дать ему объективные оценки.

В 2022 году в работу конференции добавятся три направления:

1. Образование СССР в зеркале истории:

Предлагается рассмотреть создание советского проекта в контексте глобальной истории XX в., обсудить вопросы развития государственности, общества, идеологии, культуры, структур повседневности и т.д.

2. 100 лет создания СССР – 30 лет распада:

Одной из ключевых проблем в изучении отечественной истории последней четверти XX века является вопрос о том, был ли неизбежен крах Советского Союза. Насколько объективным был этот процесс? Какие проблемы та форма распада государства, которая произошла, принесла сегодняшнему дню? Были ли изначально заложены «бомбы» в фундамент советского государства? Предлагается осмыслить события 1991 года через призму нерешенных проблем 1922 года.

3. СССР как историко-культурный феномен. Опыт музейной репрезентации:

Планируется обсудить актуальные вопросы музейной деятельности, сконцентрированной вокруг репрезентации советской истории. Помимо традиционных проблем комплектования, сохранения, научного изучения и популяризации музейных коллекций в современных реалиях музеи вынуждены искать новые формы деятельности, на повестке дня вопрос, как и чем привлечь посетителей.

Таким образом, при сохранении общей концепции мероприятия, в 2022 году в работу конференции предлагается добавить секции, отражающие взаимосвязь создания и распада Союза.

Предполагается проведение конференции в очном и онлайн-формате. Регламент выступления на секциях — 10-15 минут, обсуждение доклада — 5-10 минут. Заявки на участие в конференции в электронном варианте просим присылать **до 1 октября 2022 г.** (включительно) на электронный адрес Оргкомитета — veterperestroiki@mail.ru

В заявке (приложение 1) просим указать Ф.И.О (полностью), вуз (учреждение / организация работы или учебы), почтовый адрес, телефон, e-mail. Учащихся (включая аспирантов) просим указать также научного руководителя и курс. Вместе с заявкой **желательно** прислать текст статьи, **обязательно** присылать тезисы статьи. В тезисах просим указывать краткое содержание статьи, а также список источников и литературы. Объём тезисов — до 5 тыс. знаков с пробелами.

Оргкомитет оставляет за собой право отклонять заявки по причинам несоответствия правилам оформления, низкого научного уровня, получения заявки позднее 1 октября 2022 г., иным причинам.

Программный комитет:

Общий электронный адрес Программного комитета — veterperestroiki@mail.ru

Матлин Александр Дмитриевич — магистр истории, заместитель руководителя отдела дополнительного образования детей Гимназии № 155 Санкт-Петербурга, +79112948801, alexander-matlin@mail.ru

Пученков Александр Сергеевич — Доктор исторических наук, Профессор кафедры Новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского Государственного Университета, a.puchenkov@spbu.ru

Польнов Матвей Федорович — Доктор исторических наук, Профессор кафедры Новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского Государственного Университета, m.polynov@spbu.ru

Александр Юрьевич Сунгуров — Доктор политических наук, Профессор департамента политологии и международных отношений НИУ ВШЭ - СПб, Президент Межрегионального Гуманитарно-политологического центра «СТРАТЕГИЯ», asungurov@hse.ru

Кочубинский Даниил Александрович — кандидат исторических наук, старший преподаватель факультета свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета, d.kotsyubinsky@spbu.ru

Голдовский Алексей Александрович — аспирант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, заведующий научно-просветительным отделом Государственного Музея Политической Истории России, +79218909721, qi96@mail.ru

Шаионов Павел Александрович — магистр истории, стажёр-исследователь лаборатории региональной истории России ФГН НИУ ВШЭ, +79118273703, shashpavel@yandex.ru

Харина Дарья Алексеевна — глава Научного комитета Студенческого Совета Института Истории Санкт-Петербургского государственного университета, +79097162444, harinaderv@yandex.ru

Арефичев Павел Геннадьевич — глава Студенческого научного общества Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, +79816016117, sem120702@gmail.com

Брусов Владислав Станиславович — студент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, ответственный за рабочую почту конференции, +79006345004, brusov2048@mail.ru

Халимочкин Владимир Сергеевич — бакалавр истории, выпускник Санкт-Петербургского государственного университета, +79051020738, st069388@student.spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет
Научный комитет Студенческого Совета Института истории СПбГУ
Студенческое научное общество Института истории СПбГУ
Высшая Школа Экономики
Санкт-Петербургская школа социальных наук и востоковедения НИУ ВШЭ СПб
Лаборатория региональной истории России ФГН НИУ ВШЭ
Государственный музей политической истории России
Межрегиональный гуманитарно-политологический центр «Стратегия»

Программа

**II Всероссийской научной конференции «Ветер Перестройки»
с международным участием**

(регламент работы: пленарный доклад – до 25 мин., доклады на секциях – 15-20 мин., выступления в прениях – 3-5 мин.)

9-11 ноября 2022 года

9 ноября, среда

Факультет Психологии СПбГУ (набережная Макарова, д. 6)

11:30-12:00 - Регистрация очных участников (Холл Факультета Психологии), подключение онлайн участников к конференции (логин и пароль для участия высылается за день до конференции)

12:00-12:30 - Пленарное заседание, открытие конференции. **Аудитория 215**

12:30-14:00 - Открывающее выступление:

Матвей Фёдорович Полюнов, доктор исторических наук, профессор кафедры Новейшей истории России Института истории СПбГУ — «Перестройка: новый и последний этап истории СССР»

14:00-14:15 - Перерыв, кофе-брейк (столовая Факультета Психологии)

14:15-16:00 - Работа секций

Секция: «СССР в зеркале истории»

Часть 1: «К 100-летию создания Советского Союза». Аудитория 215

Модератор: Полюнов Матвей Фёдорович (СПбГУ), доктор исторических наук, профессор

1. Иванов Глеб Никитич (Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации): «Андреа Каффи как свидетель и исследователь становления советского государства»

2. Белова Ирина Владимировна (Факультет государственного и муниципального управления Северо-западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург): «Жизнь советского человека через призму нерешенных культурных, социальных, экономических и политических проблем 1930-х гг.»
3. Быкова Елизавета Александровна, Сигова Анастасия Арсентьевна (Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации): «Вопрос признания СССР в британской политической дискуссии»
4. Тулупов Никита Сергеевич (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова): «Система партийного и государственного контроля как инструмент реформирования ведомственного механизма управления советской экономикой в эпоху Перестройки»
5. Бартев Сергей Витальевич (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова): «Генезис, эволюция и основные точки бифуркации развития советской политической идеологии; от пламени революции до катарсиса эпохи Перестройки»

16:00-17:15 - Большой перерыв / Обед для очных участников открытия конференции (столовая Факультета Психологии) / Свободное время

17.15-19.15 - Работа секций

Институт истории СПбГУ, Институт Философии СПбГУ (Менделеевская линия, д. 5)

Секция: «СССР как историко-культурный феномен: опыт музейной репрезентации»

Часть 1. Аудитория 24

Модератор: Евгений Николаевич Метёлкин (Санкт-Петербургский государственный университет, кандидат исторических наук, доцент); Алексей Александрович Годловский (Государственный музей политической истории России), заведующий научно-просветительным отделом музея, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета

1. Лопата Александра Сергеевна (Президентский центр Б. Н. Ельцина, Екатеринбург): «Принципы устройства экспозиции Музея Бориса Ельцина и представленный в ней образ Перестройки»
2. Голицына Наталья Леонидовна (Государственный художественный музей ХМАО - Югры, Ханты-Мансийск): «Власть, человек и общество в изобразительном искусстве периода Перестройки и распада Советского Союза: по материалам фондов Государственного художественного музея Югры»
3. Жидченко Александр Владимирович (Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва): «Реконструкция образа Перестройки в провинциальных музейных экспозициях»
4. Букарева Любовь Олеговна, Икрям Асия, Юр Арсений Сергеевич (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого): «Репрезентация историко-культурного феномена эпохи 1990-х гг. в России на примере деятельности Санкт-Петербургских музеев»
5. Лопата Александра Сергеевна (Президентский центр Б. Н. Ельцина, Екатеринбург): «Разработка тем и форматов для экскурсионной программы Музея Бориса Ельцина»

Секция: «Культура и искусство эпохи перемен»

Часть 1: «Взгляд с экрана. Vо1. 1». Аудитория 25

Модератор: Елена Сергеевна Кащенко (СПбГУ), кандидат искусствоведения, доцент

1. Трухан Алиса Вадимовна (Санкт-Петербургский государственный институт культуры): «Трансформация стиля нуар в отечественном кинематографе последней четверти XX века»
2. Александра Александровна Сидорова (СПбГУ): «Проблема преступлений индивидуализированной воли в отечественном художественном кино периода 1990-х на примере фильмов “Дюба-дюб” и “Умирать легко” режиссера А.Ф. Хвана»
3. Бахтов Сергей Александрович (СПбГУ): «Творчество Евгения Юфита: от социально-политического отклика к постгуманистической критике»
4. Багддян Елена Артуровна (Санкт-Петербургский государственный институт культуры): «Трансформация образа женщины в кинематографе России эпохи Перестройки на примере фильмов “Маленькая Вера” режиссера Василия Пичула и “Авария — дочь мента” режиссера Михаила Туманишвили»
5. Мязина Анна Васильевна (СПбГУ): «Феномен “полочного кино”: выпуск в прокат запрещённых ранее художественных фильмов в период 1986-1989 гг.»
6. Жданов Арсений Александрович, Тихонов Никита Дмитриевич (Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации): «Особенности развития кинематографа в советских республиках и постсоветских государствах в последней четверти XX века на примере Грузии»

Секция: «Регионы СССР и постсоветского пространства в эпоху перемен»

Часть 1: «Региональная история России. Vol1. I». Аудитория 132

Модератор: Пученков Александр Сергеевич, доктор исторических наук, профессор СПбГУ; Шашонков Павел Александрович, магистр истории НИУ ВШЭ

1. Русских Михаил Сергеевич (старший преподаватель РГПУ им. А.И. Герцена): «Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве как следствие перестроичных изменений».
2. Зурабов Роберт Бениаминович, Семёнов Севастьян Антонович (Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации): «“И началось как бы Второе Крещение Руси...”: особенности празднования тысячелетия Крещения Руси в Москве в 1988 году».
3. Пчелинцев Антон Игоревич (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова): «“Ассоциациями я называю места смерти”: дискуссии о восстановлении государственности советских немцев в 1990 - 1991 гг.»
4. Олисов Владимир Витальевич, Мурзич Степан Дмитриевич (СПбГУ): «Внешние и внутренние вызовы для Калининградской области времён Перестройки и в первые постсоветские годы»
5. Кан Валерия Сергеевна (Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань): «Реорганизация деятельности Советов народных депутатов Тувинской автономной области в годы Перестройки»
6. Ломоносова Дарья Сергеевна (Российский государственный гуманитарный университет, Москва): «Влияние периода Перестройки на историко-культурное развитие регионов Нижнего Поволжья (на материалах Астраханской области)»
7. Наталья Александровна Мишанкина (Томский государственный университет): «Перестройка в рассказах журналистов региональных СМИ: оценка и переоценка (на материалах интервью с журналистами города Томска)»

Секция: «Проблемы источниковедения и историографии переломного времени»

Часть 1. Аудитория 94

Модератор: Соколов Роман Александрович, доктор исторических наук, профессор РГПУ им. А.И. Герцена; Тарелко Владислав Михайлович, научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

1. Соколов Роман Александрович (доктор исторических наук, профессор РГПУ им. А.И. Герцена): «Крах и создание идеала: споры об Александре Невском на рубеже эпох»
2. Лагунов Алексей Кириллович (Российский государственный гуманитарный университет, Москва): «Распад СССР в воспоминаниях современников»
3. Антоновская Анастасия Алексеевна, Антоновский Сергей Петрович (Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации): «“Дорогие россияне...”: реалии социально-политической истории России 1990-х гг. в зеркале новогодних обращений Б. Н. Ельцина»
4. Жиликова Наталия Вениаминовна (Национальный исследовательский Томский государственный университет): «Перестройка в зеркале СМИ (на материалах молодежной газеты Томска “Молодой ленинец”»)
5. Дмитриев Даниил Александрович (Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации): «Отражение политики Горбачёва в известном немецком еженедельнике «der Spiegel» в 1985-1991 гг.»
6. Данилов Вадим Валерьевич (Российский государственный гуманитарный университет, Москва): «Трансформации советской архитектурной периодики в эпоху Перестройки 1985-1991 гг.»
7. Семашка Павел Эдвардович (Томский государственный университет): «Августовский путь 1991 г.: основные тенденции в историографии проблемы»

Факультет Психологии СПбГУ (набережная Макарова, д. 6)

Секция: Экономика Перестройки

Часть 1. Аудитория 215

Модератор: Ходяков Михаил Викторович, доктор исторических наук, профессор СПбГУ; Халимочкин Владимир Сергеевич (СПбГУ)

1. Сафонов Алексей Васильевич (Лаборатория актуальной истории РАНХиГС, Москва): «ВАЗ - предтеча Перестройки. Экономический эксперимент 1980-х гг. на АвтоВАЗе»
2. Вайнгорт Владимир Леонтьевич (Консалтинг «Кардис», Таллин, Эстония): «Деятельность латентных институтов по обеспечению строительной отрасли СССР в годы Перестройки»
3. Воронцов Николай Степанович (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток): «Проекты строительства малых и плавучих АЭС на Дальнем Востоке в годы Перестройки в контексте общественных и политических Дискуссий (вторая половина 1980 - начало 1990-х гг.)»
4. Байдаков Иван Михайлович (Лаборатория актуальной истории РАНХиГС, Москва): «Реализация радикальной экономической реформы Ельцина в программах Правительства Российской Федерации»
5. Журова Александра Игоревна (Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации): «Время экономической трансформации: сравнительный анализ шоковой терапии в Польше и России»
6. Халимочкин Владимир Сергеевич (СПбГУ): «Роль А. А. Собчака в урегулировании продовольственного кризиса в Ленинграде—Санкт-Петербурге (1990-1992 гг.)»

19:15-19.30 - Перерыв, кофе-брейк

19.30-21.00 - Работа секций

Факультет Психологии СПбГУ (набережная Макарова, д. 6)

Секция: Экономика Перестройки

Часть 2. Аудитория 215

Модератор: Пянкевич Владимир Леонидович, доктор исторических наук, профессор СПбГУ; Халимочкин Владимир Сергеевич (СПбГУ)

1. Кудряшов Денис Вячеславович (Московский педагогический государственный университет): «Турбулентность советской экономики на закате СССР»
2. Задорожная Екатерина Алексеевна (Независимый исследователь, Севастополь): «Альтернативные проекты радикальной экономической реформы 1992 г.»
3. Бурлаков Даниил Игоревич (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону): «Приватизация в России в начале 1990-х на примере Ростова-на-Дону»
4. Абрашкин Сергей Николаевич (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева): «“Мягкое вхождение в рынок”: к вопросу о проведении либеральных экономических реформ в Ульяновской области в 1991-1993 гг.»
5. Силантьев Алексей Олегович (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова): «Влияние распада СССР и экономических процессов в Новой России на развитие практики корпоративной социальной ответственности бизнеса: исторический анализ»
6. Момзиков Михаил Павлович (Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет, Комсомольск-на-Амуре): «Влияние Перестройки на промышленный потенциал Комсомольска-на-Амуре»

Институт истории СПбГУ, Институт Философии СПбГУ (Менделеевская линия, д. 5)

Секция: «СССР в зеркале истории»

Часть 2: «100 лет создания Советского Союза - 30 лет распада». Аудитория 25

Модератор: Польнов Матвей Федорович, доктор исторических наук, профессор СПбГУ; Матлин Александр Дмитриевич (Гимназия №155), магистр истории СПбГУ

1. Невзоров Максим Вадимович (кандидат политических наук, доцент РГПУ им А.И. Герцена): «Республиканские основания современной российской политики»
2. Пашков Дмитрий Евгеньевич (Новосибирский национальный исследовательский государственный университет): «Распад СССР: Историко-философский анализ марксистской концепции М. В. Попова»
3. Матафонова Юлия Анатольевна (Забайкальский государственный университет, Чита): «Иллюзия советского федерализма: критическое осмысление основ советской федеративной государственности»
4. Жамалутдинов Айнуэр Ринатович (Московский Педагогический Государственный Университет): «Кризис идеологии как фактор разрушения СССР»

5. Пахомова Елизавета Александровна, Фоменков Артем Александрович (Волжский государственный университет водного транспорта, Нижний Новгород; Нижегородский институт управления РАНХиГС): «Борьба за сохранение СССР в начале 1990-х годов»

Секция: «Культура и искусство эпохи перемен»

Часть 2: «Культурные изменения переходной эпохи. Vol. 1». Аудитория 24

Модератор: Галиев Радмир Фадисович (СПбГУ)

1. Демкина Анна Владимировна (Российский государственный гуманитарный университет, Москва): «“Иного не дано” (1988): образы будущего и страх прошлого в публицистике Перестройки»
2. Павлова Ольга Борисовна (Московский союз художников, Творческий союз художников России): «Изменения презентуемого образа СССР на международных периодических выставочных арт-проектах XX–XXI веков, включая кардинальные преобразования последней четверти XX века»
3. Камынин Евгений Вячеславович (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону): «Общественное восприятие романа Ивана Антоновича Ефремова “Туманность Андромеды” в СССР в период Перестройки (1985-1991 гг.)»
4. Урожаева Татьяна Петровна (Иркутский государственный университет): «Гимназическое образование в Иркутской области в 1990-е гг.: от возрождения к развитию»
5. Лобанов Денис Игоревич (Вятский государственный университет, Киров): «Переименование районных газет Кировской области как отражение процесса декоммунизации»
6. Усовецкая Анастасия Артемовна (НИУ ВШЭ, Москва): «Влияние культуры андеграунда на антиправительственные настроения в период Перестройки»

Секция: «Регионы СССР и постсоветского пространства в эпоху перемен»

Часть 2: «Региональная история России. Vol. 2». Аудитория 132

Модератор: Овсянников Дмитрий Владиславович, кандидат исторических наук, доцент СПбГУ; Шашонков Павел Александрович, магистр истории НИУ ВШЭ

1. Иванов Александр Михайлович (Смоленский филиал РАНХиГС, Смоленск): «Создание, деятельность и реорганизация Ленинского Коммунистического Союза Молодежи РСФСР (ЛКСМ РСФСР) по материалам Смоленского региона»
2. Халин Алексей Алексеевич (Нижегородский институт управления РАНХиГС): «Трансформация региональных органов власти на примере Нижегородской области: от ПУТЧа до 1993 года»
3. Волкова Валерия Сергеевна, (Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Абакан): «К вопросу об истории преобразования статуса Хакасии: от области к республике»
4. Елена Николаевна Чернолуцкая (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток): «Курилы 1990-х гг. как зеркало “эпохи перемен” на крайней российской периферии»

5. Михалишин Артём Валентинович (Сургутский государственный университет): «Кризис мобилизации труда в эпоху «перестройки»: практики народного контроля на материалах ПО «Сургутнефтегаз» за 1985-1990 гг.»
6. Киселева Анна Владимировна (Нижегородский институт управления РАНХиГС): «Проекты трансформации правового пространства СССР в период Перестройки: 1985-1991 гг. (по материалам Горьковской области)»

Секция: «Проблемы источниковедения и историографии переломного времени»

Часть 2. Аудитория 94

Модератор: Ходяков Михаил Викторович, доктор исторических наук, профессор СПбГУ; Тарелко Владислав Михайлович, научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

1. Никифоров Юрий Сергеевич (Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского): «“Рецепты” сталиниста: ностальгирующий взгляд ретрограда на развитие СССР в письме к М. С. Горбачеву 1985 г.»
2. Конников Григорий Самуилович (Санкт-Петербургский Институт истории Российской академии наук): «Эволюция взглядов и идейных установок А. И. Солженицына в позднесоветский период (1970-1980-ые гг.)»
3. Цветкова Ангелина Филипповна (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова): «Новации в освещении образа невозвращенцев - деятелей театра в советской печати в эпоху Перестройки»
4. Янина Полина Николаевна (Высшая Школа Экономики, Москва): «Автоматическая классификация выступавших депутатов Первого Съезда Народных депутатов СССР по фракциям на основе стенограмм выступлений»
5. Зенкевич Эдуард Альфонсович, Комарова Анна Александровна (Независимые исследователи): «Отражение переходного периода от СССР к РФ в заводской социологии на примере материалов Социологической лаборатории Московского автомобильного завода им. И. А. Лихачёва»

10 ноября, четверг

НИУ ВШЭ - Санкт-Петербург (Канал Грибоедова, д. 123)

09:30-10:00 - Регистрация очных участников (Холл 1 этажа), подключение онлайн участников к конференции (логин и пароль для участия высылается за день до конференции)

10:00-10:10 - Открытие второго дня конференции. Аудитория 210

10:10-11:30 - Работа конференции

Аудитория 201: Выступление в рамках секции «Политические аспекты Перестройки»

Координатор: Пученков Александр Сергеевич, доктор исторических наук, профессор СПбГУ.

Александр Юрьевич Сунгуров, доктор политических наук, профессор департамента политологии и международных отношений НИУ ВШЭ - СПб — «Период двоевластий. Начало Новой

России: 1991- 1993 гг. Посвящается памяти Государственного Секретаря РФ Г.Э. Бурбулиса (1945-2022 гг.)

Секция: «Культура и искусство эпохи перемен»

Часть 3: «Взгляд с экрана. №1. 2». Аудитория 202

Модератор: Пученков Александр Сергеевич, доктор исторических наук, профессор СПбГУ; Дарина Александровна Поликарпова (СПбГУ, НИУ ВШЭ), кандидат философских наук

1. Базунов Евгений Петрович, Карпусь Владимир Александрович (Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации): «Особенность развития мультипликации в советских республиках и постсоветских государствах в последней четверти XX века на примере Армении»
2. Кудрявцев Глеб Иванович (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова): «Отражение событий и явлений Перестройки в советской мультипликации в 1985 - 1991 гг.»
3. Гредникова Леона Михайловна (Алтайский государственный университет): «Программа “Взгляд” как рупор перестройки сознания»
4. Морозова Полина Александровна (Европейский университет в Санкт-Петербурге): «Региональное телевидение в эпоху позднего социализма: на примере города Перми»

Секция: «Международные отношения»

Часть 1. Аудитория 213

Модератор: Брусов Владислав Станиславович (СПбГУ)

1. Панин Лев Константинович (Некоммерческое Партнёрство «Российский совет по международным делам»): «Перестройка и распад СССР в публичной сфере США: дискурс-анализ прессы и президентской риторики»
2. Мищенко Нина Сергеевна (Вятский государственный университет, Киров): «Санкции США в отношении СССР: эволюция целей и результаты, 1985-1991 гг.»
3. Винокуров Данил Валентинович (Дальневосточный федеральный университет, Владивосток): «Исследование переговорного процесса между СССР и странами Запада в период Перестройки»
4. Курбанов Назар Исламович (Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации): «Экономическая помощь Японии странам Центральной Азии в 1992-1997 гг.»

11:30-11:40 - Перерыв, кофе-брейк

11:40-13:30 - Работа конференции

Аудитория 201: Выступление в рамках секции «Политические аспекты Перестройки»

Координатор: Полюнов Матвей Федорович, доктор исторических наук, профессор СПбГУ.

Борис Лазаревич Вишневский, российский государственный деятель, политолог, журналист, публицист — «Перестройка: личный опыт»

Секция: «Культура и искусство эпохи перемен»

Часть 4: «Искусство переломной эпохи». Аудитория 202

Модератор: Польшов Матвей Федорович, доктор исторических наук, профессор СПбГУ; Владимир Ольгердович Рекшан, историк, директор музея «Реалии русского рока»

1. Травина Екатерина Федоровна (СПбГУ): «Творческие стратегии идентификации неофициального художника в позднесоветское время»
2. Суворова Анна Александровна (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена): «Образ Перестройки в наивном и аутсайдерском искусстве России»
3. Галиев Радмир Фадисович, Трофимов Никита Михайлович (СПбГУ): «Поэты ленинградского андеграунда в эпоху Перестройки: от Бронзового века до рок-музыки и авторской песни»
4. Степанченко Данил Андреевич (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова): «Дискуре свободы в отечественной рок-музыке эпохи Перестройки»
5. Гриднева Анна Олеговна, Рыжова Ольга Олеговна (Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации): «“Эх, лихие 90-е, разудалые года”: отображение эпохи 90-х годов в русском шансоне»

Секция: «Прикладная история и публичное измерение прошлого». Аудитория 213

Часть 1: «Историческая память». Аудитория 213

Модератор: Ростовцев Евгений Анатольевич, доктор исторических наук, профессор СПбГУ.

1. Захаров Александр Михайлович (РГПУ им А.И. Герцена, кандидат исторических наук, доцент): «Историография истории Гражданской войны в России: вторая половина 1980-х – 1990-е гг. Новые подходы».
2. Попов Дмитрий Игоревич (НИУ ВШЭ, Москва): «Историческая память о М. С. Горбачёве в современной Польше»
3. Кузнецова Светлана Вячеславовна, Прохорова Елизавета Владимировна (ННГУ им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород; Государственный институт кино и телевидения Санкт-Петербурга): «“Люди 90-х годов” в массовой культуре 2020-х гг. (на примере телесериала “Мир! Дружба! Жвачка!”; 2020-2021)»
4. Солдатенко Игорь Сергеевич (Государственный университет управления, Москва): «Тридцатилетие конфликта на Днестре: взгляд из Приднестровья»
5. Кравченко Анна Александровна (СПбГУ): «Общественный миф и политические манипуляции в СМИ в вопросе о национальной идентичности стран Балтии»

13:30-13:40 - Перерыв, кофе-брейк

13:40-15:10 - Работа секций

Секция: «Политические аспекты Перестройки»

Часть 1. Аудитория 201

Модераторы: Кузин Дмитрий Владимирович, кандидат педагогических наук, доцент РГПУ им. А.И. Герцена; Александр Юрьевич Сунгуров (НИУ ВШЭ - СПб), доктор политических наук, профессор; Матлин Александр Дмитриевич (Гимназия № 155 СПб), магистр истории

1. Кузин Дмитрий Владимирович (кандидат педагогических наук, доцент РГПУ им. А.И. Генцена): «Методика преподавания истории в эпоху перемен»
2. Павленко Алла Игоревна (Московский городской педагогический университет): «Советское общество в условиях “либерализации” экономики (1985-1991 гг.)»
3. Старостин Денис Валерьевич (Ульяновский государственный университет): «Российский Союз Молодежи как главный правопреемник ВЛКСМ в России в 1990-е годы на примере деятельности Ульяновской областной организации»
4. Бушуев Алексей Сергеевич (Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань): «Советская молодежь и Ленинский комсомол в годы Перестройки: новые надежды и старые проблемы»
5. Тарелко Владислав Михайлович (Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи; СПбГУ): «“Кризис доверия” к традиционной журналистике: отношение советского общества к периодической печати к концу Перестройки»
6. Потёмкин Владимир Константинович (ООО «ИСТ-К»): «Личный опыт участия в правозащитных, журналистских и профсоюзных организациях в 1988-1999 гг.»
7. Брусов Владислав Станиславович (СПбГУ): «XXVIII съезд КПСС: к вопросу об облике компартии на изломе её существования»
8. Осина Ольга Владимировна (Российский государственный архив новейшей истории): «Из резолюции XIX Всесоюзной конференции КПСС “О Демократизации советского общества и реформе политической системы”»
9. Ренат Амируллович Ялышев (Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова): «Новый союзный Договор как инструмент распада СССР»

Секция: «Регионы СССР и постсоветского пространства в эпоху перемен»

Часть 3: «Национальные республики в переходный период». Аудитория 202

Модератор: Овсянников Дмитрий Владиславович, кандидат исторических наук, доцент СПбГУ; Шашонков Павел Александрович, магистр истории НИУ ВШЭ

1. Потапов Александр Константинович (Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского): «Трансформация Советской федерации в годы Перестройки (на примере Эстонской ССР)»
2. Михайлова Юлия Леонидовна (Институт всеобщей истории РАН): «От мирных договоров с РСФСР до пакта Молотова-Риббентропа: формирование новой исторической памяти в Прибалтийских республиках на изломе эпох (1988-1990)»
3. Лифтнев Эльвин Низаминович (Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации): «Внутриполитические кризисы Азербайджана и пути их решения при Г. Алиеве в 1993-1995 гг.»
4. Шамгунов Руслан Габдрашитович (СПбГУ): «Влияние выбора внутриполитического развития на внутриполитическую безопасность в странах Центральной Азии в 90-е годы XX века»

Секция: «Прикладная история и публичное измерение прошлого». Аудитория 213

Часть 2: «Повседневность перманентного кризиса». Аудитория 213

Модератор: Ростовцев Евгений Анатольевич, доктор исторических наук, профессор СПбГУ; Гардымова Дарья Кирилловна (ГМПИР), заместитель заведующего научно-просветительным отделом музея

1. Андрианов Михаил Михайлович (Российский государственный социальный университет, Москва): «“Несуществующий” вирус. Болезнь капиталистического общества. Аспекты проникновения ВИЧ и СПИД в СССР»
2. Сладков Владислав Дмитриевич (НИУ ВШЭ, Москва): «Личные дневники как источник по истории повседневности современной России»
3. Елисеев Андрей Игоревич (Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации): «Археология постсоветской квартиры: стратегии трансформации»
4. Свяженна Екатерина Денисовна (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого): «Женский вопрос в эпоху Перестройки: на материалах ТАССР»
5. Васильев Павел Андреевич, Коновалова Александра Андреевна (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург): «Менструальная повседневность 1990-х гг. и память о ней»

15:10-16:00 - Большой перерыв / Обед / Свободное время

16:00-17:30 - Работа конференции

Аудитория 201: Выступление в рамках секции «Вооруженные конфликты на постсоветском пространстве»

Координатор: Богомазов Николай Иванович, кандидат исторических наук, доцент СПбГУ

Евгений Александрович Норин, российский журналист, публицист, военный историк — «Смута в Грузии в 90-е годы»

Секция: «Международные отношения»

Часть 2. Аудитория 202

Модератор: Богомазов Николай Иванович, кандидат исторических наук, доцент СПбГУ; Шашонков Павел Александрович, магистр истории НИУ ВШЭ

1. Доманова Елизавета Константиновна (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого): «Зарождение отношений между Южной Кореей и СССР в эпоху Перестройки»
2. Макаров Марк Андреевич (Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации): «Советско-венгерские отношения в 1985–1991 гг. Смена внешнеполитической ориентации ВНР»
3. Зиновьев Егор Сергеевич (Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации): «Двусторонние отношения России и Греции в 1990-е годы: опыт взаимодействия со страной НАТО»

4. Заикина Ирина Алексеевна, Кушхов Борис Хабижевич (Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации): «Процесс демократизации 1980-1990х годов в социалистических странах: сравнительный анализ политического транзита в ЧССР и МНР»

Секция: «Прикладная история и публичное измерение прошлого». Аудитория 213

Часть 3: «Горбачёвведение». Аудитория 213

Модератор: Пученков Александр Сергеевич, доктор исторических наук, профессор СПбГУ; Голдовский Алексей Александрович (ГМПИР), заведующий научно-просветительным отделом музея

1. Усачев Данила Иванович (СПбГУ): «Историческое значение М. С. Горбачева в дискурсе правящих постсоветских стран и остального мира»
2. Нургазина Дана Жакуповна (Университет КИМЭП, Алматы, Казахстан): «Политика СССР под руководством М.С. Горбачева по объединению Германии в 1989-1990 гг.»
3. Швецова Варвара Алексеевна (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова): «М. С. Горбачев и Святой Престол: фактор личности в контексте советско-ватиканских отношений»
4. Акулич Глеб Александрович (Независимый исследователь): «От сырьевой базы до самодостаточного комплекса: дискурсивная презентация Дальнего Востока в выступлениях М. С. Горбачёва»
5. Калинин Никита Дмитриевич (СПбГУ): «Авторитет М.С. Горбачёва: сущность текущего»

17:30-17:40 - Перерыв, кофе-брейк

17:40-19:30 - Работа секций

Секция: «Политические аспекты Перестройки»

Часть 2. Аудитория 202

Модератор: Пученков Александр Сергеевич, доктор исторических наук, профессор СПбГУ; Матлин Александр Дмитриевич (Гимназия № 155 СПб), магистр истории

1. Девочкина Арина Сергеевна (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова): «Молодежное лидерство в ретроспективе Перестройки: формирование лидерского потенциала молодежи»
2. Третьякова Мартина Олеговна (Северо-западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург): «Изменение политических и социальных ценностей в результате российской реформации»
3. Цибульский Даниил Валентинович (Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Абакан): «Влияние внутриполитических решений руководства СССР во второй половине 1980-х - начале 1990-х гг. на отечественную промышленность и её дальнейшее развитие (на примере автомобильной промышленности)»

4. Прокин Дмитрий Андреевич (Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Архангельск): «Августовский путч как правый военный переворот: особенности восприятия современниками»

Секция: «Вооруженные конфликты на постсоветском пространстве»

Аудитория 201

Модератор: Польшов Матвей Федорович, доктор исторических наук, профессор СПбГУ; Евгений Александрович Норин, российский журналист, публицист, военный историк

1. Кузнецов Елисей Сергеевич, Романов Дмитрий Сергеевич (Воронежский Государственный Университет): «Национальный шовинизм в Молдавии до и в ходе распада Советского Союза»
2. Габриелян Максим Олегович, Кондрин Максим Дмитриевич (СПбГУ): «Роль национальной политики РСФСР в процессе распада СССР»
3. Пылаев Павел Дмитриевич (Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации): «Влияние административно-территориального деления СССР на вспышку конфликтов в перестройку и 90-е годы на постсоветском пространстве»
4. Кравченко Наталья Николаевна (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону): «“Русский вопрос” на Северном Кавказе в 1990-е годы»
5. Ищенко Артем Евгеньевич (Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации): «Генезис Чеченского конфликта: основные причины и действующие лица»
6. Гридин Анатолий Николаевич, Журба Виталий Владимирович (Донбасская юридическая академия): «Историко-правовой анализ вооруженного конфликта на Донбассе»

Секция: «Культура и искусство эпохи перемен»

Часть 5: «Культура переломной эпохи». Аудитория 213

Модератор: Алексей Викторович Смирнов (СПбГУ), доктор философских наук, профессор

1. Давыдов Александр Юрьевич (РГПУ им. А.И. Герцена, доктор исторических наук, профессор): «Новый этап мещинического движения в России: 1990-е годы».
2. Орляновский Виталий Юрьевич (ассистент кафедры методики обучения истории и общественнознаанию Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена): К вопросу о возвращении исторических названий улиц Ленинграда-Санкт-Петербурга.
3. Солодков Трифон Михайлович (Северо-западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург): «Тенденции трансформации социокультурной среды постсоветской России: история, реалии и альтернативы»
4. Лесива Александра Сергеевна (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург): «Паранаучное в позднесоветских научных дискурсах»
5. Виктория Мусвик (Независимый исследователь, Москва): «“В восьмидесятые настолько все бурлило, что хотелось снимать, снимать и идти дальше. А потом все закончилось”: нестоличные фотоклубы и память о Перестройке»
6. Кан Валерия Сергеевна (Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань): «Основные черты деятельности Главлита Татарской АССР в советский период»

7. Бегларян Грант Артурович (Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации): «В тонких пальцах папироса»: Пушкин в дискуссиях о прошлом и будущем России в 1980-е/1990-е годы»

8. Пигарев Артём Алексеевич, Трифонова Ольга Сергеевна (Независимые исследователи, Санкт-Петербург): «Освоение городского пространства Петербурга в конце 1980-х - 1990-е гг. Различные субкультуры и движения в городской жизни»

11 ноября, пятница

Государственный музей политической истории России

(ул. Куйбышева, д. 2)

10:00-10:30 - Регистрация очных участников (Холл 1 этажа), п подключение онлайн участников к конференции (логин и пароль для участия высылается за день до конференции)

10:30-11:00 - Открытие второго дня конференции. Белый зал

11:00-12:30 - Работа конференции

Секция: «СССР как историко-культурный феномен: опыт музейной репрезентации»

Часть 2. Белый зал

Модератор: Алексей Александрович Голдовский (Государственный музей политической истории России), заведующий научно-просветительным отделом музея

1. Сухорукова Анна Сергеевна (кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена): «Романтическая перестройка» Ленинграда: музейные кварталы.
2. Кудзеевич Леонид Владимирович (ГМПИР): «Период перестройки в музее политической истории: опыт репрезентации в выставках и эзупозициях»
3. Бардин Артём Борисович (Президентский центр Б. Н. Ельцина, Екатеринбург): «Использование современных музейных технологий для создания исторического нарратива в музее Б. Н. Ельцина»
4. Алексей Александрович Голдовский (ГМПИР): «Выставка “Флаг России над Санкт-Петербургом” как пример репрезентации общественно-политического контекста региональной истории
5. Китаева Таира Сергеевна (Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации): «Отображение советской реальности в современном музейном пространстве: СССР в постмузее»

12:30-14:30 - Работа секций

Секция: «Политические аспекты Перестройки»

Часть 3. Белый зал

Модератор: Пученков Александр Сергеевич, доктор исторических наук, профессор СПбГУ; Даниил Александрович Коцюбинский (СПбГУ), кандидат исторических наук

1. Шашонков Павел Александрович (Независимый исследователь, Санкт-Петербург): «Подписание Федеративного договора 31 марта 1992 г.: формирование ассиметричного федеративного устройства России»
2. Кондрюков Илья Игоревич (НИУ ВШЭ, Москва): «Становление Администрации Президента РФ как ключевого регулятора внутриполитической жизни постсоветской России»
3. Бардин Артём Борисович (Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург): «Кризис принадлежности Черноморского Флота в российской прессе 1992 года»
4. Федирко Оксана Петровна (Институт истории и археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Владивосток): «Трансгрессия религии в условия перестройки и постперестроечный период (на примере дальнего востока)»
5. Козырев Юрий Дмитриевич (Российский государственный гуманитарный университет, Москва): «Процесс формирования программы действий КП РСФСР как результат борьбы внутрипартийных платформ»
6. Матлин Александр Дмитриевич (Независимый исследователь): «Избирательная кампания Дугина-Курехина на Думских выборах 1995 года: между политикой и акционизмом»

14:30-14:40 - Перерыв, кофе-брейк

14:40-15:30 - Экскурсия по музею

Посещение выставок «Флаг России над Санкт-Петербургом (к 30-летию возвращения исторического названия городу)» и «Эксперимент, изменивший мир» с заходом на основную экспозицию

15:30-16:30 - Выступление в рамках секций «Культура и искусство эпохи перемен». Белый зал

Координатор: Пученков Александр Сергеевич, доктор исторических наук, профессор СПбГУ

Кунцевич Ростислав Станиславович (Государственный музей политической истории России): «Русский рок: от запрета до легализации»

Богачев Алексей Михайлович (научный сотрудник Центра профилактики экстремизма в сфере образования и молодежной среде Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена): «Русский рок» как явление отечественной культуры

16.30- 17.30 - Трансфер в Институт истории СПбГУ / Обед / Свободное время

17.30- 18.00 - Презентация исследовательского проекта по позднесоветской и постсоветской истории. Аудитория 24

18:00-19:30 - Закрывающее выступление. Аудитория 25

Александр Сергеевич Пученков, доктор исторических наук, профессор кафедры Новейшей истории России Института истории СПбГУ — «М. С. Горбачев в 1989 - 1991 гг.: генсек и Президент СССР»

19.30- 20:00 - Презентация сборника материалов Первой научной конференции «Ветер Перестройки». Аудитория 108

ISBN 978-5-98620-683-7

ВЕТЕР ПЕРЕСТРОЙКИ — 2022

*Сборник материалов второй Всероссийской научной конференции.
Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г.*

ISBN 978-5-98620-683-7

Издательство «Скифия-принт»
197198. С.-Петербург, ул. Б. Пушкарская, д. 10, лит. 3. пом. 32-Н
тел. (812) 982-83-94
e-mail: skifia-print@mail.ru
www.skifia-print.ru

Подписано в печать 15.09.2023. Заказ №15052.
Формат 60x90¹/₁₆. Гарнитура PT Serif. Усл. печ. л. 32,5.
Тираж 106 экз.

Отпечатано в типографии «Скифия-принт».
Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 10